

ТРИЦАТЬЧЕТВЕРТОЕ, И ПОСЛѢДНЕЕ,

ПРИСУЖДЕНІЕ

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

25 Іюня 1865 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1866.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

**А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Эггерса и Кони., въ С. П. Б.**

**Шмидорова, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Энодьянца и Кони., въ Тифлисѣ.**

Цена 50 коп.

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE ACADEMY
OCT 17 1928

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, 30 Іюня 1866 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лн., № 12.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Общій отчетъ о тридцати четвертомъ и послѣднемъ присужденіи Демидовскихъ наградъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Академіи 25 іюня 1865 года.....	1
Общій обзоръ Демидовскихъ наградъ за все время ихъ существованія, съ 1831 по 1864 годъ.....	21
Разборъ сочиненія <i>Ө. И. Смигта</i> : «Исторія Польскаго возстанія и войны 1830 и 1833 гг.», составленный Академикомъ <i>А. А. Куникомъ</i>	59
Разборъ рукописнаго сочиненія Р. Э. Ленца: «Исслѣдованія Восточной Персіи и Гератскаго владѣнія, относительно математической и физической географіи», составленный Академикомъ <i>А. Н. Савичемъ</i>	66
Разборъ Сборника Русскихъ сказокъ <i>А. Н. Аванасьева</i> , составленный <i>О. Ө. Миллеромъ</i>	72
Разборъ словаря Бѣлорусскаго нарѣчія <i>Г. Носовича</i> , составленный Академикомъ <i>И. И. Срезневскимъ</i>	107
Разборъ сочиненія <i>Г. Чистовича</i> : « <i>Өеопанъ Прокоповичъ</i> », составленный Академикомъ <i>П. П. Пекарскимъ</i>	117
Разборъ сочиненія: «Подробный отчетъ о результатахъ изслѣдованій математическаго отдѣла Сибирской экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, сост. главнымъ астрономомъ экспедиціи <i>Лудвигомъ Шварцемъ</i> ». Составилъ Старшій Астрономъ <i>Николаевской Главной Обсерваторіи Деллетъ</i>	146
Отзывъ о сочиненіи <i>Г. Тарновскаго</i> : «Распознаваніе венерическихъ болѣзней у женщинъ и дѣтей». Доктора <i>Ө. И. Вейсса</i>	183
Отзывъ Академика <i>А. К. Науки</i> и д-ра <i>Р. Фойта</i> о сочиненіи <i>Н. М. Благовѣщенскаго</i> : «Гораціи и его время».....	187
Разборъ рукописнаго сочиненія Магистра <i>Фр. Шмидта</i> , подъ заглавіемъ: « <i>Reisen im Amur-Lande und auf der Insel Sachalin, botanischer Theil</i> », составленный Академикомъ <i>К. И. Максимовичемъ</i>	196
Отзывъ <i>А. Ив. Ходисева</i> о сочиненіи г. <i>Энгельгардта</i> : «Новый способъ приготовленія костянаго удобрения».....	223
Разборъ сочиненія <i>П. Полеваго</i> , подъ заглавіемъ: «Опытъ общесравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятникахъ народной поэзіи германской и славянской», составленный Академикомъ <i>Ө. И. Булаевымъ</i>	229
Разборъ 1-го выпуска сочиненія, <i>Г. Цабеля</i> : «Растительная гистологія», составленный Академикомъ <i>Ф. И. Рупрехтомъ</i>	251
Разборъ сочиненія <i>Г. Андреевскаго</i> : «О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ», составленный <i>Н. В. Калачовымъ</i>	265

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

О ТРИДАТЬ ЧЕТВЕРТОМЪ И ПОСЛѢДНЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

читанный въ публичномъ засѣданіи Академіи 25 іюня 1865 года.

Представляя вашему, мм. гг., вниманію отчетъ о XXXIV присужденіи Демидовскихъ наградъ, Академія прежде всего должна заявить, что это присужденіе, къ искреннему сожалѣнію, есть послѣднее, и что въ настоящемъ году кончилось существованіе того благотворнаго учрежденія, которымъ покойный камергеръ Пав. Ник. Демидовъ оказалъ незабвенную услугу научной дѣятельности въ Россіи и приобрѣлъ себѣ право на общую признательность. Извѣстно, что на эти преміи учредитель ихъ положилъ жертвовать, по жизни своей, начиная съ 1831 года, ежегодно 17-го апрѣля (въ день рожденія Его Императорскаго Величества Государя Императора, въ то время Наслѣдника престола) по 20,000 рубл. ассигн. (5,714 р. 28 к. сер.), и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ежегодный взносъ такой же суммы на означенный предметъ былъ продолжаемъ и его наслѣдниками въ теченіе 25-ти лѣтъ послѣ его смерти. Такъ какъ П. Н. Демидовъ скончался 24 марта 1840 года, то послѣдній, двадцать-пятый, взносъ сказанной суммы былъ произведенъ наслѣдниками его 17-го апрѣля 1864 года, и сумма сія нынѣ присуждена Академіей, въ видѣ премій, за лучшія изъ сочиненій, которыя были доставлены ей до 1 ноября 1864 года.

На вышеозначенное соисканіе было представлено самими авторами, къ установленному сроку, 30 сочиненій; къ нимъ присоединилось еще три, отложенныхъ по разнымъ причинамъ отъ предшествовавшаго конкурса.

Въ составившемся такимъ образомъ общемъ итогѣ 33-хъ сочиненій было:

по исторіи и археологіи	6.
» технологіи	6.
» языкознанію и исторіи литературы .	4.
» медицинѣ	3.
» ботаникѣ	3.
» математическимъ наукамъ	2.
» юриспруденціи	2.
» статистикѣ и географіи	2.
» политической экономіи	1.
» военному искусству	1.
» морскому искусству	1.
» сельскому хозяйству	1.
» архитектурѣ	1.

33.

Въ этомъ итогѣ находилось 10 рукописныхъ и 23 печатныхъ сочиненія.

Изъ общаго числа состязавшихся сочиненій, 16 были разсмотрѣны самими Академиками, и 16-ть же посторонними учеными, по приглашенію Академіи. Одно сочиненіе устранено отъ соисканія, какъ несоотвѣтствующее условіямъ, поставленнымъ для допущенія сочиненій на конкурсъ Коммиссію, которой, по распоряженію академической конференціи и на основаніи Положенія о Демидовскихъ наградахъ, было поручено присужденіе премій, составляли, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, гг. академики: Б. С. Якоби, Ю. О. Фрицше, И. И. Срезневскій, Ф. И. Рупрехтъ, Я. К. Гротъ, П. Л. Чебышевъ, Ф. И. Видеманъ, А. А. Куникъ, А. А. Шифнеръ, Н. И. Кокшаровъ, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, А. Н. Савичъ, Л. И. Шренкъ, П. П. Пекарскій, В. П. Безобразовъ и К. И. Максимовичъ. По внимательномъ разсмотрѣніи состязавшихся сочиненій и по сравнительномъ об-

сужденіи ихъ важности, достоинствъ и слабыхъ сторонъ, Коммиссія присудила 2-мъ изъ нихъ полныя Демидовскія преміи, 4-мъ половинныя преміи и 8-ми почетный отзывъ.

По принятому Академіею правилу, мы представимъ здѣсь краткое обзорѣніе тѣхъ сочиненій, которыя удостоены премій.

I.

Одно изъ сочиненій, увѣнчанныхъ полною преміею, принадлежитъ автору, который съ давнихъ поръ пользуется заслуженною Европейскою извѣстностію, и котораго недавняя кончина составила для военной исторіи невознаградимую утрату.

Исторія Польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ. Ф. И. Смита, Спб. 1863 — 1864. 3 части.

Это сочиненіе было впервые издано на нѣмецкомъ языкѣ; двѣ первыя его части напечатаны въ Берлинѣ въ 1839 году, и потомъ вторымъ изданіемъ въ 1848 г., вмѣстѣ съ третьею, послѣднею частью. На русскомъ языкѣ и въ Россіи, по независѣвшимъ отъ автора причинамъ, оно не могло явиться до сего времени, и лишь нынѣ было представлено авторомъ въ русскомъ переводѣ на соисканіе Демидовскихъ наградъ.

Разсмотрѣніе его было возложено на академика А. А. Куника, который въ представленномъ имъ донесеніи замѣтилъ, что это сочиненіе, въ теченіе 25-ти лѣтъ со времени своего появленія въ свѣтъ, уже заслужило своими высокими достоинствами такую извѣстность у военныхъ лицъ и у историковъ, въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, что онъ считаетъ излишнимъ говорить подробно о его содержаніи; поэтому онъ ограничился лишь указаніемъ на то, какимъ образомъ составлялся означенный трудъ, и въ какомъ онъ находится отношеніи къ другимъ сочиненіямъ о походѣ 1831 года.

Число сочиненій и брошюръ о Польскомъ возстаніи вообще или объ отдѣльныхъ его періодахъ довольно значительно въ польской, нѣмецкой и французской литературахъ; но лишь немногіе писатели имѣли необходимыя для того познанія, и почти никто изъ нихъ не могъ изобразить событія въ полномъ, истинномъ ихъ свѣтѣ уже и потому одному, что не были никому достаточно извѣстны Русскіе источники. Польскіе же писатели не могли быть правдивыми историками означенныхъ событій еще и потому, что

имъ не доставало безпристрастія и отрѣшенія отъ національныхъ увлеченій. Никому обстоятельства не были столько благоприятны для изученія и оцѣнки причинъ, хода и судьбы Польской революціи, какъ покойному Смитъ. Съ 1813 по 1835 годъ, за исключеніемъ немногихъ лѣтъ, онъ находился въ Варшавѣ и Вильно, и во время своихъ путешествій по Царству, обозрѣвалъ край взоромъ знатока военнаго дѣла. Въ главной квартирѣ фельдмаршала графа Дибича, онъ еще въ 1831 г. былъ посвященъ во многое, что оставалось неизвѣстнымъ даже для генераловъ. Здѣсь онъ и началъ собирать матеріалы для своего будущаго труда. По окончаніи войны, Смитъ пробылъ въ Варшавѣ около полугода, для того, чтобы собрать болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о разныхъ событіяхъ прямо изъ устъ не только русскихъ генераловъ, но и предводителей возстанія. Князь Паскевичъ позволилъ ему пользоваться бумагами генеральнаго штаба въ Варшавѣ, а князь Долгорукой открылъ ему въ Вильно доступъ къ тамошнему архиву. Кромѣ того Смитъ пользовался польскими повременными изданіями 1831 года, между прочимъ и тѣми, которыя печатались эмигрантами за границею. Нѣкоторые изъ нашихъ генераловъ сообщали ему письменныя замѣчанія, даже дневники свои, или просматривали изготовленную имъ рукопись. Всѣми этими пособіями авторъ пользовался при первомъ изданіи двухъ первыхъ томовъ сочиненія; при составленіи же третьяго тома, появившагося, какъ уже сказано выше, въ 1848 году, авторъ располагалъ еще болѣе обильными и достовѣрными матеріалами. По ходатайству графа А. Ѳ. Адлерберга, генерал-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго и адмирала Ѳ. П. Литке, ему былъ открытъ архивъ генеральнаго штаба, гдѣ оказалось до 120 томовъ матеріаловъ для исторіи Польской войны. Сверхъ того онъ принялъ во вниманіе изданныя тѣмъ временемъ новыя сочиненія польскихъ писателей, конечно, весьма различнаго достоинства.

Такимъ образомъ Смитъ обладалъ средствами не только для вѣрнаго объясненія почти всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ, но и для живаго и нагляднаго изображенія всей исторіи Польскаго возстанія и послѣдовавшей за нимъ войны. Къ сожалѣнію, ему не удалось подвергнуть первые два тома новой обработкѣ. Когда въ 1848 г. потребовалось второе ихъ изданіе, онъ былъ принужденъ ограничиться исправленіемъ нѣкоторыхъ мелкихъ погрѣшностей и распространеніемъ главы о возстаніи въ Литвѣ и Подоліи. При томъ надо замѣтить, что онъ получилъ немного поздно возможность поль-

зоваться перепискою графа Дибича съ Императоромъ Николаемъ, а равно и извѣстнымъ сочиненіемъ, написаннымъ по распоряженію князя Паскевича противъ графа Толя, и поправками польскаго генерала Пронджиньскаго. Если бы авторъ могъ еще разъ самъ исправить главный трудъ своей жизни, онъ, вѣроятно, сдѣлалъ бы нѣкоторыя измѣненія въ описаніи военныхъ дѣйствій съ Польской стороны и нѣсколько полнѣе изложилъ бы ихъ по польскимъ источникамъ, чѣмъ было ему возможно гдѣ 15 или 20 тому назадъ, по недостатку разныхъ свѣдѣній. Приверженцы Польши укоряли Смита въ пристрастіи; но не должно забывать, что авторъ былъ слишкомъ близокъ къ событіямъ, и что сами Поляки, еще во время войны и послѣ нея, страшно искажали и даже прямо извращали истину; это возмущало Смита, который, какъ волонтеръ 1812 года, естественно смотрѣлъ на Русскихъ солдатъ совершенно иначе, чѣмъ Польскіе республиканцы на «москалей». Смитъ, въ одномъ изъ своихъ предисловій, сознается, что историкъ—человѣкъ, но что онъ долженъ искать только правды. И дѣйствительно, во второмъ изданіи, онъ въ разныхъ мѣстахъ отдаетъ должную справедливость Полякамъ, и конечно, при новомъ изданіи, исправилъ бы относительно ихъ все то, что могло быть не совсѣмъ вѣрнымъ.

Вообще при обсужденіи сочиненія Смита не слѣдуетъ обращать большаго вниманія на отдѣльные недостатки этого труда, но должно имѣть въ виду его общее значеніе. Въ этомъ отношеніи трудъ Смита принадлежитъ къ отличнѣйшимъ явленіямъ исторической литературы послѣдняго тридцатилѣтія. Автору удалось не только доказать на дѣлѣ, сколько военному историку необходимы познанія въ военномъ искусствѣ и въ военной исторіи вообще, но и создать художественное военно-историческое произведеніе, которое, особенно въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, отличается необыкновенно оживленнымъ изложеніемъ. Въ этомъ отношеніи очевидно вліяніе, оказанное на автора историками классической древности. Авторъ кое-гдѣ вдается въ разборъ вопросовъ, принадлежащихъ не столько общей исторіи войны 1831 г., сколько военнымъ монографіямъ; но онъ былъ вынужденъ къ тому сочиненіями Польскихъ писателей, которые часто распространяли превратныя свѣдѣнія о событіяхъ 1831 года. Смитъ во многихъ мѣстахъ сильно негодуетъ на такой образъ дѣйствій; но съ другой стороны онъ и не упускаетъ случаевъ указывать, если нѣкоторые польскіе писатели воздерживались отъ увлеченія и пристрастія.

Мѣстами авторъ вступаетъ въ полемику, и она имѣетъ значеніе потому, что исходитъ отъ человѣка, который, какъ очевидно описываемыхъ происшествій, служить вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ источникомъ для исторіи достопамятной борьбы 1831 г.

Уже по одному этому книга Смита никогда не устарѣетъ, хотя впоследствии и образуются, можетъ быть, нѣкоторые новые взгляды въ отношеніи военныхъ событій и характеристики многихъ личностей, участвовавшихъ въ войнѣ.

II.

Другая полная премія присуждена г. астроному Шварцу за слѣдующіе два труда его:

Подробный отчетъ о результатахъ изслѣдованій математическаго отдѣла Сибирской экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Спб. 1864, — II

Карта рѣчныхъ областей Амура, южной части Лены и Енисея и острова Сахалина, на 7 листахъ.

Желая основать свой приговоръ объ этихъ трудахъ на мнѣніи такого спеціалиста, который во всемъ, что касается геодезіи, принадлежитъ у насъ къ числу главныхъ авторитетовъ, Академія обратилась къ старшему астроному Николаевской Главной Астрономической обсерваторіи Вас. Карл. Деллену съ просьбою сообщить ей отзывъ его о произведеніяхъ г. Шварца. Въ представленной вслѣдствіе того рецензіи г. Делленъ подробно разсматриваетъ достоинства и слабыя стороны сочиненія г. Шварца, и приходитъ къ тому заключенію, что этотъ трудъ, какъ по важности своего содержанія, такъ и по превосходному выполненію, заслуживаетъ полного одобренія.

Сибирская экспедиція, въ которой г. Шварцъ состоялъ главнымъ астрономомъ и о которой онъ нынѣ отдаетъ отчетъ ученому міру, была, какъ извѣстно, предпринята Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, преимущественно на счетъ средствъ, пожертвованныхъ для того коммерціи совѣтникомъ Голубковымъ и графомъ Гуттенъ-Чапскимъ. Математическая часть этой экспедиціи была поручена г. Шварцу, какъ такому ученому, который уже доказалъ свое искусство въ изслѣдованіяхъ, успѣшно исполненныхъ имъ съ 1849 по 1853 годъ въ томъ же самомъ пустынномъ краѣ, среди наитруднѣйшихъ обстоятельствъ.

При снаряженіи экспедиціи первоначально имѣлось въ виду ограничить кругъ дѣйствій ея математическаго отдѣла небольшимъ пространствомъ между Иркутскомъ и рѣкою Леною на западѣ, Витимомъ на востокъ и новою Русско-Китайскою границею на югѣ. Но въ послѣдствіи этотъ планъ былъ расширенъ включеніемъ въ него всего пространства отъ р. Енисея до западнаго берега острова Сахалина и отъ Китайской границы до 39-го градуса сѣверной широты, словомъ — на огромное пространство до 1200 верстъ въ ширину и болѣе 8000 верстъ въ длину.

Очевидно, столь громадный планъ не могъ быть совершенъ въ какіе нибудь четыре года однимъ человекомъ. Г. Шварцъ нашелъ себѣ отличныхъ помощниковъ въ трехъ молодыхъ офицерахъ мѣшанаго корпуса, ученикахъ г. Швейцера: гг. Рожковъ, Усольцевъ и Смирягинъ, столь трагически окончившемъ жизнь въ самомъ началѣ своего поприща. Въ послѣдствіи къ этимъ помощникамъ присоединились еще двое: гг. Орловъ и Крыжнинъ. Изъ Иркутска, какъ изъ центра своихъ операций и сборнаго мѣста въ зимнее время, наблюдатели предпринимали экскурсіи въ различныхъ направленіяхъ, преимущественно вдоль теченія большихъ рѣкъ, или слѣдуя столь важнымъ въ географическомъ отношеніи водораздѣламъ большихъ рѣчныхъ системъ. Неумолимо производя свои работы, болшею частію среди непроходимыхъ лѣсовъ и тайгъ, г. Шварцъ и его сотрудники успѣли въ вышеупомянутый непродолжительный срокъ не только пройти 15000 верстъ течныхъ маршрутовъ, но и съ достовѣрностію опредѣлить долготу и широту 109-ти пунктовъ, не включая сюда значительнаго числа точекъ, опредѣленныхъ съ меньшею строгостію, и еще большаго числа такихъ, гдѣ была наблюдаема лишь та или другая изъ координатъ. Подобнаго рода результаты, уже сами по себѣ достойные всякаго вниманія, получаютъ еще большее значеніе, если принять въ соображеніе, что даже и части этихъ опредѣленій было бы достаточно для достиженія возложенной на экспедицію задачи. Но самое стремленіе выходить изъ предѣловъ своей задачи въ интересахъ науки и все болѣе и болѣе углубляться въ изслѣдованіе составляетъ отличительный характеръ труда, предпринятаго съ истинною любовью, и, независимо всякой другой повѣрки, служить доказательствомъ внутренняго его достоинства.

Переходя затѣмъ къ самому отчету о результатахъ экспедиціи, рецензентъ говоритъ, что авторъ раздѣлилъ свое сочиненіе на три главы почти одинаковаго объема, изъ коихъ первыя двѣ посвяще-

ны собственно работамъ математическаго отдѣла экспедиціи, а третья относится къ составленію карты Восточной Сибири. Первой главѣ предпослано введеніе, въ которомъ говорится о снаряженіи экспедиціи, о ея первоначальной цѣли, о личномъ составѣ и о предоставленныхъ ей научныхъ пособіяхъ. Къ сожалѣнію, здѣсь не достаесть изложенія всего хода экспедиціи, описаніе котораго, даже и въ самомъ сжатомъ видѣ, было бы весьма занимательно для читателя. Впрочемъ это обстоятельство согласуется съ общимъ характеромъ книги, которая назначена не столько для чтенія, сколько для изученія. Въ расположеніи содержанія первой главы соблюденъ слѣдующій порядокъ: сначала вкратцѣ излагается планъ работъ, предположенныхъ для исполненія въ теченіе гѣта, а затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о томъ, что было дѣйствительно исполнено. Въ видѣ особаго приложенія къ этой главѣ, авторъ помѣстилъ перечень собранныхъ имъ въ Минусинскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи образчиковъ горнокаменныхъ породъ, въ числѣ 161, съ указаніемъ ихъ мѣстонахожденія. Эта коллекція послужила Дерптскому профессору Гревингку матеріаломъ для составленія геогностическаго очерка и петрографической карты означенной мѣстности.

Во второй главѣ представлены астрономическіе результаты экспедиціи. Въ отношенія ихъ г. Шварцъ исполнилъ болѣе, чѣмъ сколько отъ него требовалось. Географическое Общество поручило ему произвести географическія опредѣленія мѣстъ лишь съ нѣкоторою степенью точности; но онъ, не довольствуясь этимъ, вездѣ приводитъ сколь возможно точные результаты всѣхъ сдѣланныхъ экспедиціею наблюдений. Въ введеніи къ этой главѣ представленъ историческій обзоръ всего, что прежде было сдѣлано по этой части какъ вообще въ Россіи, такъ и въ особенности въ Сибири. Впрочемъ этотъ обзоръ не можетъ похвастаться совершенно полнымъ, потому что въ немъ упущенъ изъ виду бывшій долгое время самымъ обильнымъ и надежнымъ источникомъ по этой части, перечень географическихъ опредѣленій въ Россіи, помѣщенный въ «*Руководствѣ для вычисленія тригонометрической съемки генерал-майора Шуберта*». При всемъ томъ вторая глава, по отзыву рецензента, составляетъ, такъ сказать, главную часть всего сочиненія и заключаетъ въ себѣ огромное количество драгоценныхъ результатовъ, добытыхъ съ значительнымъ трудомъ: достойно оцѣнить ихъ можетъ лишь тотъ, кто самъ знаетъ по опыту всю трудность изысканій этого рода.

Въ третьей главѣ соединены данныя, собранныя экспедиціею для составленія карты рѣчныхъ областей Амура, южной части Лены и Енисея и острова Сахалина. И эта глава содержитъ въ себѣ гораздо болѣе, чѣмъ можно было бы ожидать по ея заглавію; именно въ ней представленъ не одинъ только сводъ матеріаловъ, т. е. указаній пройденныхъ маршрутовъ, необходимыхъ для черченія карты, но и подробный критическій обзоръ всего того, что вообще когда либо было сдѣлано для картографіи помянутыхъ странъ. Такимъ образомъ эта глава представляетъ собою какъ бы отдѣльный трудъ, свидѣтельствующій, подобно двумъ предъидущимъ главамъ, о той основательности и добросовѣстности, съ которыми авторъ исполнилъ свою задачу.

Наконецъ, что касается до карты, то должно замѣтить, что она вся черчена рукою самого г. Шварца. При составленіи ея онъ пользовался съ надлежащею критикою всѣмъ собраннымъ имъ съ такою настойчивостію матеріаломъ. Чтобы испытать степень точности этой карты, рецензентъ для большаго числа пунктовъ слѣдаль приведенныя въ концѣ 3-й главы положенія съ показаніями карты, и нигдѣ не нашелъ между ними такого разногласія, которое можно было бы принять за дѣйствительную ошибку. Подобную же точность нашелъ онъ также, прослѣдивъ на картѣ почти всѣ указанныя въ книгѣ маршруты, и только относительно названій нѣкоторыхъ мѣстъ онъ замѣтилъ нѣкоторое несогласіе.

III.

Сочиненія, удостоенныя половинныхъ Демидовскихъ премій, суть слѣдующія:

Геофанъ Прокоповичъ и его время. Сочиненіе Ил. Ал. Чистовича, профессора С.-Петербургской Духовной Академіи (рукопись).

Геофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій, сподвижникъ Петра Великаго въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи, игралъ столь важную роль въ исторіи прошлаго столѣтія, что трудъ г. Чистовича, посвященный розысканіямъ о знаменитомъ іерархѣ, долженъ возбудить живѣйшее любопытство.

Разсмотрѣніе этого сочиненія Академія поручала П. П. Пекарскому. Представленная имъ рецензія послужила для комиссіи основаніемъ ея приговора; поэтому приводимъ изъ этой рецензіи главныя заключенія.

Г. Чистовичъ начинаетъ свой трудъ описаніемъ первой молодости, ученья и странствій Теофана, причеиъ онъ пользовался позднѣйшими жизнеописаніями архіепископа, извѣстіями современниковъ и собственными письмами Прокоповича. Особенно подробно изложены событія, сопровождавшія посвященіе Теофана въ санъ епископа Псковскаго, и изображено противодѣйствіе тому со стороны Кіевскихъ ученыхъ. Изложивъ затѣмъ содержаніе трудовъ Теофана до изданія духовнаго регламента и полемику, возбужденную его букваремъ «*Первое ученіе отрокомъ*», авторъ переходитъ къ Стефану Яворскому, который вмѣсто патріарха управлялъ съ освященнымъ соборомъ всѣми духовными дѣлами. Изданіе духовнаго регламента и учрежденіе Синода подали г. Чистовичу поводъ къ сообщенію разныхъ мало извѣстныхъ подробностей о лицахъ, назначенныхъ въ это новое присутственное мѣсто; затѣмъ онъ излагаетъ содержаніе протеста Стефана Яворскаго противъ отѣны патріаршества и рассматриваетъ сочиненія Прокоповича, написанныя имъ до кончины Петра Великаго. Слѣдуя хронологическому порядку событій, авторъ подробно говоритъ объ участіи, которое принималъ Новгородскій архіепископъ въ доносѣ на первенствующаго члена Синода Θεодосія Яновскаго, вваившаго съ восшествіемъ на престолъ Екатерины I въ немилость; сообщаетъ весьма любопытныя новыя свѣдѣнія о дѣлѣ Маркела Родышевскаго, донесшаго на неправославныя мнѣнія Прокоповича, и по связи съ этимъ протестомъ переходитъ къ другому подобному доносу, сдѣланному Носовымъ и касавшемуся экономическихъ распоряженій Теофана по Псковской и Новгородской епархіямъ. Послѣ событій, сопровождавшихъ царствованіе Петра II, при которомъ Теофанъ подвергся опалѣ, и воцареніе Анны Иоанновны, послѣ котораго онъ опять твердо сталъ на ноги, авторъ снова возвращается къ процессу Родышевскаго и сообщаетъ новыя подробности о розыскахъ, происходившихъ по поводу подложнаго посланія палы къ Теофану, гдѣ иронически приносится ему благодарность за уничтоженіе патріаршества. Четвертая часть всего изслѣдованія г. Чистовича занята извѣстіями объ этихъ розыскахъ; она составлена на основаніи неизвѣстныхъ до сихъ поръ документовъ, хранящихся въ Архивахъ Государственномъ и Св. Синода. По принятому авторомъ методу, сюда вошли не только біографіи болѣе или менѣе примѣчательныхъ личностей, привлеченныхъ къ розыскамъ, но и нерѣдко ихъ переписка. Въ собранныхъ такимъ образомъ данныхъ заключается много любопытнаго для характеристики опи-

сываемаго времени. Кончина Теофана, въ 1736 г., отвлекаетъ автора отъ розысковъ, и онъ сообщаетъ церемональ погребенія Новгородскаго архіепископа и его завѣщаніе. Затѣмъ слѣдуетъ перечень и разборъ разныхъ произведеній Теофана и помѣщены нѣкоторыя изъ его стихотвореній, извѣстныхъ до нынѣ лишь по заглавіямъ или по выпискамъ. Въ заключеніе сообщены свѣдѣнія о послѣдующей судьбѣ всѣхъ лицъ, которыхъ мытарства въ тайной канцеляріи описаны въ предъидущихъ главахъ.

Изъ этого краткаго обзора видно, какъ богатъ и разнообразенъ содержаніемъ трудъ г. Чистовича. Въ немъ собраны свѣдѣнія почти о всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ духовныхъ лицахъ первой половины XVIII вѣка, и о многихъ такихъ, о которыхъ мы мало знали до сихъ поръ; наконецъ представлены въ первый разъ въ достаточной полнотѣ любопытныя данныя для объясненія борьбы, обнаружившейся въ извѣстныхъ слояхъ русскаго общества, вслѣдствіе преобразованій Петра Великаго. Сочиненіе г. Чистовича отличается разнообразіемъ и обиліемъ историческихъ извѣстій, и въ этомъ заключается главное его достоинство, какъ сборника болѣе или менѣе любопытныхъ матеріаловъ для исторіи данной эпохи. Между тѣмъ заглавіе сочиненія и содержаніе нѣкоторыхъ главъ показываютъ, что авторъ предложилъ себѣ хотя и менѣе обширную, но за то болѣе трудную задачу, а именно имѣлъ въ виду составить историческое изслѣдованіе о Теофанѣ Прокоповичѣ. Съ этой точки зрѣнія трудъ автора, по мнѣнію рецензента, можетъ возбудить разныя замѣчанія. Въ широкой рамкѣ, избранной изслѣдователемъ, за деталями обстановки иногда ступшеваются черты, обрисовывающія главнаго дѣятеля. По мнѣнію рецензента, авторъ, вдаваясь въ подробности о жизни Теофана Прокоповича, недостаточно очертилъ его характеръ и направленіе, въ связи съ эпохою, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Въ изложеніи событій иногда замѣтенъ недостатокъ критическаго на нихъ взгляда; вмѣсто того, чтобы искать черты, могущія служить для уясненія избранной эпохи, г. Чистовичъ сообщаетъ разныя подробности о прикосновенныхъ лицахъ и событіяхъ, и увлекается вышшею обстановкою ихъ, въ ущербъ главному предмету своего труда. Отъ такихъ пріемовъ главная нить разсказа теряется въ частыхъ отступленіяхъ и подъ конецъ изслѣдованіе до того усложняется, что самъ авторъ приходитъ къ убѣжденію, что Теофанъ измѣнилъ своему прежнему направленію, съ чѣмъ, по мнѣнію рецензента, никакъ нельзя согласиться. Отъ этой же при-

чины произошло и то, что значительная часть рассматриваемаго труда занята извлеченіями изъ старинныхъ розысковъ, правда весьма любопытными по своей новостн, но болѣе обрисовывающими время Теофана, нежели его личность.

Обращаясь къ источникамъ, которыми пользовался г. Чистовичъ, рецензентъ находитъ, что они не всѣ подвергнуты авторомъ надлежащей критикѣ; а принимая въ соображеніе, что при изданіи этого сочиненія могутъ быть еще сдѣланы въ немъ нѣкоторыя улучшенія, рецензентъ указываетъ, что именно, по его мнѣнію, могло бы быть исправлено и дополнено, при чемъ подробно излагаетъ причины, по которымъ такія поправки и дополненія считаются полезными или необходимыми.

Въ заключеніе г. Пекарскій указываетъ на одинъ отдѣлъ источниковъ, который не былъ извѣстенъ автору, но который весьма важенъ для характеристики Теофана и его эпохи; мы разумѣемъ бумаги, находящіяся въ архивѣ Академіи Наукъ, и въ которыхъ встрѣчается много любопытныхъ свѣдѣній о сношеніяхъ Прокоповича съ разными лицами.

Не смотря на недостатокъ критической оцѣнки источниковъ и событій, не смотря на необходимость нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій, трудъ г. Чистовича и въ настоящемъ своемъ видѣ заслуживаетъ полнаго одобренія и изданіе его въ свѣтъ было бы съ радостію встрѣчено всѣми занимающимися не только исторіею Русской церкви, но и вообще исторіею Россіи въ прошедшемъ столѣтіи. При оцѣнкѣ этого сочиненія нельзя было не принять въ соображеніе, что только въ недавнее время открылась возможность къ разработкѣ вопросовъ по новой русской исторіи, и поэтому нисколько не удивительно, что большая часть самыхъ важныхъ памятниковъ не издана и не изслѣдована критически. Ученый, посвящающій себя изслѣдованіямъ по этой части исторіи, долженъ въ одно и то же время быть и собирателемъ матеріаловъ и изслѣдователемъ ихъ. Трудность такого положенія, еще болѣе увеличивающаяся самымъ объемомъ необработанной массы разнородныхъ свѣдѣній, есть главная причина почему въ настоящую пору еще невозможны по новой русской исторіи такія изслѣдованія, которыя вполне удовлетворяли бы требованіямъ науки.

IV.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчій. И. Носовича (рукопись).

Академикъ Срезневскій, принявшій на себя разсмотрѣніе этой рукописи; въ своей рецензій указываеъ на ту важность, какую бѣлорусское нарѣчіе имѣеъ въ ряду мѣстныхъ видоизмѣненій русскаго языка, какъ по остаткамъ древности, въ немъ сохранившимся, такъ и по обширности пространства, на которомъ оно употребительно. При такой важности этого нарѣчія, несомнѣнное значеніе для науки имѣютъ: во-первыхъ — сборники образцовъ и памятниковъ его, и во-вторыхъ — возможно полныя собранія его словъ. Что касается образцовъ и памятниковъ бѣлорусскаго языка, то ихъ издано уже довольно много. Но нельзя того же сказать относительно сборниковъ словъ; изслѣдователи должны были до сихъ поръ довольствоваться лишь весьма неполными списками, составленными случайно и безъ надлежащей критики. Поэтому словарь г. Носовича послужитъ весьма важнымъ пособіемъ для занимающихся сравнительнымъ изученіемъ славянскихъ нарѣчій.

Составленію этого словаря авторъ посвятилъ болѣе десяти лѣтъ. Будучи самъ родомъ изъ Бѣлоруссіи, г. Носовичъ изучалъ мѣстное нарѣчіе и въ живой рѣчи народа и въ письменныхъ памятникахъ. Съ цѣлію увеличить запасъ матеріаловъ для своего труда, онъ многократно предпринималъ поѣздки по разнымъ частямъ Бѣлорусскаго края; въ отношеніи же словъ, составляющихъ достояніе письменнаго или лучше сказать дѣловаго языка, г. Носовичъ нашелъ обильный источникъ указаній въ другомъ своемъ весьма важномъ трудѣ, исполненномъ имъ по приглашенію Академіи, а именно въ «*Алфавитномъ указателѣ старинныхъ бѣлорусскихъ словъ встречающихся въ Актахъ Западной Россіи*».

Богатство собранныхъ такимъ образомъ матеріаловъ позволило г. Носовичу дать своему словарю надлежащую полноту и окончательность. Въ его рукопись вошло болѣе 30 000 словъ, при чемъ рядомъ со словами общеупотребительными, помѣщены и такія, которыя извѣстны лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Особенно замѣчательны этотъ словарь пообиліемъ словъ, которыя въ бѣлорусскомъ языкѣ относятся къ числу первообразныхъ и первичныхъ производныхъ. При словахъ бѣлорусскаго нарѣчія помѣщены или переводы на русскій языкъ, или же объясненія, причемъ, въ случаѣ нужды, указаны разные отгѣнки значенія словъ. Къ объясне-

ніямъ почти вездѣ присовокуплены примѣры употребленія этихъ словъ въ изустной рѣчи, въ пословицахъ, пѣсняхъ, поговоркахъ и проч.

Отдавая всю справедливость этому обширному труду, который могъ быть плодомъ только многолѣтнихъ занятій, рецензентъ указываетъ на нѣкоторые его недостатки, которыхъ исправленіе могло бы быть сдѣлано прежде изданія его въ свѣтъ. Эти поправки, по большей части, могли бы состоять въ приведеніи къ единообразію правописанія, въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ рукописи словами изъ другихъ сборниковъ, и пр. Во всякомъ случаѣ появленіе словаря г. Носовича въ печати будетъ принято лингвистами съ признательностію и послужитъ между прочимъ къ разъясненію предположеній, что въ бѣлорусскомъ нарѣчій сохранилось много такого, что по своей древности важно для исторіи русскаго языка.

V.

Изслѣдованіе Восточной Персіи и Гератскаго владѣнія относительно математической и физической географіи. Сочиненіе Роберта Ленца, профессора физики въ С.-Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ (рукопись).

Авторъ означеннаго сочиненія состоялъ въ числѣ членовъ экспедиціи, снаряженной Русскимъ Географическимъ Обществомъ для ученыхъ изслѣдованій въ Восточной Персіи и въ Хорасанѣ. На него были возложены работы по опредѣленію географическаго положенія мѣстъ и различныя наблюденія по части математической и физической географіи. Изложеніе результатовъ, полученныхъ по этой части помянутою экспедиціею, составляетъ предметъ сочиненія, рассмотрѣніе коего было возложено Академіею на А. Н. Савича.

Для производства наблюденій г. Ленцъ располагалъ: небольшимъ универсальнымъ инструментомъ работы Вецера, отражательнымъ призмo-зеркальнымъ кругомъ Пистора, тремя хронометрами, снарядами для изслѣдованія земнаго магнетизма, термометромъ, барометромъ и проч. Не смотря на недостатки нѣкоторыхъ изъ этихъ инструментовъ, г. Ленцъ, по отзыву Академика Савича, получилъ многія важныя и любопытныя данныя. Предосторожности, съ которыми инструменты перевозились и употреблялись при наблюденіяхъ; приемы, которымъ г. Ленцъ при этомъ слѣдо-

вагъ; различнаго рода повѣрки, къ которымъ онъ прибѣгалъ, заслуживаютъ по мнѣнію рецензента, полнаго одобренія и увеличиваютъ благонадежность полученныхъ имъ результатовъ.

Чтобы испытать степень точности отражательнаго круга Пистора, наблюдатель въ нѣсколькихъ мѣстахъ опредѣлялъ географическую широту, какъ по измѣреніямъ высотъ Полярной звѣзды, такъ и по наблюденіямъ около меридіанальныхъ высотъ звѣздъ, кульминирующихъ къ югу отъ зенита. Въ обоихъ случаяхъ получались выводы, близкіе между собою. Равнымъ образомъ повѣрка хронометровъ, вычисленная по измѣренію высотъ свѣтилъ на востокѣ отъ меридіана, различалась отъ повѣрки, наблюдаемой по измѣренію такихъ же высотъ на западѣ, не болѣе того, сколько требуетъ ходъ хронометра и допускаютъ случайныя ошибки наблюденій. Удоставившись такимъ образомъ въ хорошихъ свойствахъ отражательнаго круга, г. Ленцъ преимущественно пользовался этимъ удобнымъ инструментомъ и часто опредѣлялъ широту мѣста по одиѣмъ высотамъ Полярной звѣзды.

Наибольшее затрудненіе представляло изысканіе географическихъ долготъ, потому что одинъ изъ хронометровъ оказался неудовлетворительнымъ, а два остальные посредственными. По этой причинѣ г. Ленцъ старался сколь возможно чаще измѣрять лунныя разстоянія. Углы наблюденія онъ бралъ помощію хорошо вывѣреннаго круга Пистора, и лунныя разстоянія, показанныя въ Nautical Almanac на 1858 и 1859 годы, исправлялъ при помощи Гриничскихъ наблюденій и лунныхъ таблицъ Ганзена. Такимъ образомъ онъ получилъ наблюденія, которыя, надо полагать, не заключаютъ въ себѣ значительныхъ постоянныхъ ошибокъ. Съ подобною же цѣлью онъ наблюдалъ двѣ кульминаціи луны помощію универсальнаго инструмента.

Отзываясь съ похвалою о тѣхъ предосторожностяхъ, которыя принималъ г. Ленцъ для устраненія вліянія несовершенства инструментовъ, и одобряя употребленные имъ способы наблюденій, рецензентъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что при изданіи книги въ свѣтъ автору полезно было бы подвергнуть пересмотру статью о предметахъ, для расположенія ея въ удобнѣйшемъ порядкѣ, для устраненія вкравшихся въ рукопись ошибокъ и въ особенности для болѣе вѣроятнаго, окончательнаго вывода долготъ, при чемъ надлежало бы принять въ соображеніе матеріалы, собранныя самимъ авторомъ и другими искусными наблюдателями, и обратить вниманіе на степень точности различныхъ частныхъ опредѣленій.

Число мѣстъ, которыхъ географическое положеніе изслѣдовано г. Ленцемъ, простирается до 94. Для нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстъ еще прежде были произведены опредѣленія генераломъ Леммомъ и другими; тѣмъ не менѣе широта и долгота большей части изъ нихъ были до сихъ поръ худо извѣстны; степень же точности опредѣленій, сдѣланныхъ г. Ленцомъ, вполне достаточна для картографическихъ цѣлей.

Весьма любопытны наблюденія, которыя авторъ произвелъ въ Персіи и Гератѣ надъ дѣйствіемъ земнаго магнетизма. Склоненія магнитной стрѣлки найдены имъ съ точностію до $1\frac{1}{2}$ минуты, помощію инструмента, устроеннаго по мысли покойнаго Академика Э. Х. Ленца; напряженія магнетизма выведены съ приближеніемъ до втораго десятичнаго знака; наклоненія магнитной стрѣлки, къ сожалѣнію, получились менѣе удовлетворительными, чему причиною были дурныя свойства инклинатора, которымъ располагалъ наблюдатель. Не смотря на многія испытанія, которыя онъ дѣлалъ надъ двумя магнитными стрѣлками, онъ не ручается, чтобы въ найденныхъ имъ величинахъ не заключалось еще нѣкоторой постоянной погрѣбности.

Всѣ три элемента земнаго магнетизма изслѣдованы г. Ленцомъ въ 17 различныхъ пунктахъ; въ 11 другихъ пунктахъ опредѣлены одни наклоненія магнитной стрѣлки, или ея наклоненіе и склоненіе, или же наконецъ ея наклоненіе и напряженіе силы земнаго магнетизма. Для большей наглядности, авторъ изобразилъ на картѣ дѣйствія магнетизма въ посѣщенныхъ имъ странахъ; такимъ образомъ составилась карта изоклиническихъ, изогоническихъ и изодинамическихъ линій, которая показываетъ, что въ этихъ мѣстахъ распрѣдѣленіе магнитныхъ координатъ вообще правильно.

Общее заключеніе г. Савича состоитъ въ томъ, что многочисленныя и разнообразныя наблюденія, произведенныя г. Ленцемъ, доставляютъ весьма важный матеріалъ для знакомства съ столь мало извѣстными странами, какъ Персія и Гератскія владѣнія, и что обработка этого матеріала сдѣлана имъ съ большимъ стараніемъ и обогащаетъ географію новыми свѣдѣніями.

VI.

Народныя русскія сказки. А. Афанасьева. 8 выпусковъ. М 1860—1863 г.

Это сочиненіе было, по приглашенію Академіи, рассмотрѣно Орес. Фед. Миллеромъ. Въ представленномъ имъ подробномъ разборѣ, рецензентъ прежде всего опредѣляетъ значеніе сказки въ ряду произведеній народной поэзіи, объясняетъ различіе ея отъ былинны и пѣсни, и указываетъ на важность и трудность приложенія къ изслѣдованію русскихъ народныхъ сказокъ столь необходимаго при такихъ изслѣдованіяхъ сравнительнаго метода. Уяснивъ такимъ образомъ, чего при современномъ состояніи науки должно требовать отъ собирателей сказокъ, рецензентъ разсматриваетъ въ какой мѣрѣ удовлетворены эти требованія г. Афанасьевымъ.

Уже прежніе труды автора, тотъ рядъ статей по отечественной мѣологии, въ которомъ уже издавна сталъ замѣтенъ все болѣе и болѣе усвоенный имъ сравнительный методъ, давали право надѣяться, что г. Афанасьевъ не слегка будетъ относиться къ своей задачѣ. Изъ предисловія къ его сборнику видно, что онъ не только понималъ неизбѣжность, при занятіяхъ собраннымъ имъ матеріаломъ, сравнительнаго метода, но и самъ пытался имъ воспользоваться. И дѣйствительно, онъ не ограничился однимъ дѣломъ собирателя, но расширилъ свою задачу: къ изданію сказокъ приложилъ и сопоставленіе ихъ со сказками другихъ народовъ. Это представляется шагомъ впередъ тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что ни о чемъ подобномъ даже не мечтали у насъ издатели сказокъ, предшествовавшіе г. Афанасьеву. Онъ первый изъ всѣхъ выступаетъ со своимъ обильнѣйшимъ матеріаломъ и обширными примѣчаніями, въ совокупности своей равняющимся большому и самостоятельному изслѣдованію, и если частію матеріала онъ обязанъ другимъ лицамъ, особенно же Вл. И. Далю, то объясненія и примѣчанія принадлежатъ исключительно ему самому. Сравнивая, относительно обширности этихъ примѣчаній, его сборникъ съ новѣйшими нашими сборниками по другимъ отраслямъ народной словесности, нельзя не убѣдиться, что и въ этомъ отношеніи г. Афанасьевъ далеко опередилъ другихъ изслѣдователей.

Отличаясь обиліемъ вошедшаго въ него матеріала и многочисленностью примѣчаній, собраніе нашего издателя получаетъ еще большую цѣну, если обратить вниманіе на качество его труда. Су-

ществуетъ мнѣніе, будто г. Аѳанасьевъ не былъ довольно разборчивъ при составленіи своей книги, и помѣстилъ въ ней варианты сказокъ, неимѣющихъ особеннаго достоинства. Съ этимъ, по мнѣнію рецензента, нельзя согласиться, если вспомнить, что у издателя на первомъ планѣ стояла не педагогическая цѣль, а польза науки, для которой нерѣдко драгоцѣнны и маловажные варианты, если въ нихъ можетъ найдтись та или другая черта, годная для исторіи народа.

Что касается достоинства сравнительныхъ примѣчаній, то должно сказать, что въ настоящее время въ этомъ отношеніи нельзя еще требовать совершенной полноты. Конечно, и при теперешнемъ состояніи предмета, г. Аѳанасьевъ могъ бы нѣсколько расширить кругъ своихъ сравненій; но онъ у него и безъ того далеко не узокъ. Издатель постоянно ссылается какъ на всѣ лучшіе вышедшіе по сіе время сборники славянскихъ народныхъ сказокъ, такъ и на многіе сборники народной поэзіи другихъ народовъ. Сказки: нѣмецкія, норвежскія, валашскія, венгерскія, киргизскія, бурятскія, финскія, арабскія, сказки Минусинскихъ татаръ и изъ Буковины, доставили ему богатый матеріалъ для сравненій.

Относительно способа сравненій, должно замѣтить, что онъ бываетъ двоякій: одна объясняютъ сходство сказокъ у различныхъ индо-европейскихъ народовъ преимущественно до историческимъ ихъ сродствомъ; другіе, напротивъ, болѣе склоняются къ тому, чтобы объяснять черты сходства — заимствованіями. Великіе знатоки народной словесности, братья Гриммы, оказывали предпочтеніе первой изъ указанныхъ точекъ зрѣнія. Г. Аѳанасьевъ въ своихъ сравненіяхъ слѣдуетъ мнѣнію этихъ ученыхъ, хотя въ его книгѣ нашли себѣ мѣсто и такія сказки, въ которыхъ сохранились несомнѣнные слѣды заимствованія однимъ народомъ у другаго. Указывая на сходство сказокъ, авторъ старался также раскрыть заключающійся въ нихъ общій всему индо-европейскому племени первоначальный ихъ мифическій смыслъ, и къ объясненію нашихъ сказокъ весьма удачно примѣнилъ главные результаты, добытые Куномъ, Шварцемъ, Маннгардтомъ и Максомъ Миллеромъ. Конечно, еще не все мифическое въ нашихъ сказкахъ разъяснено г. Аѳанасьевымъ вполне удовлетворительно; но, при настоящемъ состояніи исторіи нашей словесности, и ожидать этого было бы преждевременно; издатель въ этомъ отношеніи сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Зато другая, бытовая и историческая сторона въ его примѣчаніяхъ уступаетъ предъидущей.

Въ разсматриваемомъ сборникѣ можно найти также сопоставленіе сказокъ съ другими отраслями народной поэзіи; но они слабые и малочисленныѣ, чѣмъ сопоставленія собственно сказочнаго матеріала, заимствованнаго у различныхъ народовъ; особенно же рѣдки у него сравнительныя ссылки на пословицы. Кромѣ этого обстоятельства, трудъ г. Аванасьева грѣшитъ другимъ болѣе важнымъ недостаткомъ, а именно совершеннымъ отсутствіемъ системы въ размѣщеніи сказокъ; это и помѣшало издателю въ выясненіи особенно сподручной ему мнѣической стороны. Читателю, для сличеній, приходится безпрестанно перебѣгать изъ одного выпуска въ другой, отъ начала къ концу, и оттуда опять къ началу одного и того же выпуска. При такой разбросанности матеріала, издатель долженъ былъ бы по крайней мѣрѣ присоединить къ своей книгѣ алфавитный указатель. Если бы сборникъ г. Аванасьева былъ расположенъ по болѣе отчетливому плану, то могъ бы служить полезнымъ пособіемъ для преподавателей при изложеніи исторіи народной словесности.

При всемъ томъ, нужно сказать, что заслуга издателя, несомнѣнна: онъ подарилъ нашу литературу полнѣйшимъ и обработаннѣйшимъ изъ всѣхъ обнародованныхъ у насъ до сего времени сборниковъ народныхъ сказокъ.

Кромѣ вышеприведенныхъ шести сочиненій, увѣнчанныхъ Демидовскими наградами, Академія признала достойными почетнаго отзыва слѣдующія восемь:

- 1) Фр. Шмидта, *Reisen im Amur-Lande. Botanischer Theil* (рукопись).
- 2) Г. Цабеля, *Растительная гистологія*, выпускъ I. Спб. 1864.
- 3) Профессора Н. М. Благовѣщенскаго, *Гораций и его время*. Спб. 1864 г.
- 4) Профессора И. Е. Андреевскаго, *О памятникахъ, воеводамъ и губернаторамъ*. Спб. 1864 г.
- 5) П. Н. Полеваго, *Опытъ сравнительнаго обзорняія древнихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской*. Спб. 1864 г.
- 6) А. Н. Энгельгардта, *О дѣйствиіи пѣжикъ щелочей на кости. Новый способъ приготовленія костянаго удобренія* (рукопись).
- 7) Г. Тарновскаго, *Распознаваніе венерическихъ болѣзней у женщинъ и дѣтей*. Т. I, съ атласомъ. Спб. 1863 г. и
- 8) Л. И. Похилевича, *Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Киевской губерніи*. Киевъ. 1864 г.

*

Академія долгомъ считаетъ изъяснить свою совершенную признательность тѣмъ гг. постороннимъ ученымъ, которые оказали ей содѣйствіе при разборѣ нѣкоторыхъ изъ конкурсныхъ сочиненій. Въ засвидѣтельство своей благодарности она назначила установленныя для сего Демидовскія золотыя медали: *большія*: члену-корреспонденту Николаю Васильев. Калачову, старшему астроному Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи Васи. Карл. Деллену, члену-корреспонденту доктору Федор. Ива. Вейссе и доценту С.-Петербургскаго университета Александр. Павлов. Чебышеву-Дмитріеву; и *меньшія*: профессору Медико-Хирургической Академіи доктору Эдуар. Андр. Юнге и Оресту Федор. Миллеру.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ
ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ

ЗА ВСЕ ВРЕМЯ ИХЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ

съ 1831 по 1864 годъ.

THE
HISTORY OF THE
CITY OF
NEW YORK
FROM
1609 TO
1898

ТАВЛИЦА I

О ЧИСЛѢ СОЧИНЕНІЙ, СОСТЯЗАВШИХСЯ НА ДЕМИДОВСКІЯ НАГРАДЫ.

Годы.	Прислано отъ авторовъ.	Принято безъ просьбы авторонъ.	Итого.	Въ томъ числѣ.				Разсмотрѣно.		Возвращено до приговора.
				Печатныхъ.	Рукописныхъ.	На Русск. языкѣ.	На иностр. языкахъ.	Въ Академіи.	Въ Академіи.	
1831	13	4	17	15	2	14	3	12	3	2
1832	14	3	17	13	4	15	2	12	4	1
1833	16	—	16	13	3	13	3	11	5	—
1834	11	2	13	12	1	13	—	8	5	—
1835	23	4	27	21	6	24	3	16	9	2
1836	26	3	29	28	1	26	3	14	13	2
1837	20	4	24	24	—	18	6	20	4	—
1838	24	1	25	24	1	21	4	14	11	—
1839	27	2	29	23	6	28	1	21	7	1
1840	30	—	30	27	3	27	3	23	7	—
1841	33	3	36	35	1	35	1	13	18	5
1842	27	—	27	22	4	22	4	18	8	1
1843	20	6	26	22	3	18	7	16	9	1
1844	19	4	23	13	9	17	5	15	7	1
1845	26	1	27	19	8	22	5	16	11	—
1846	33	1	34	28	6	29	5	24	8	2
1847	32	4	36	21	12	29	4	23	10	3
1848	25	3	28	24	2	21	5	20	6	2
1849	22	5	27	16	5	17	4	14	7	6
1850	20	—	20	16	4	17	3	20	—	—
1851	23	2	25	23	2	22	3	16	9	—
1852	14	3	17	14	3	13	4	15	3	—
1853	24	3	27	25	2	24	3	19	8	—
1854	27	—	27	21	6	22	5	23	4	—
1855	27	1	28	26	2	26	2	18	10	—
1856	31	1	32	29	3	27	5	17	12	3
1857	22	2	24	22	2	20	4	16	8	—
1858	30	1	31	25	6	27	4	17	12	2
1859	31	2	33	25	8	28	5	24	7	2
1860	25	1	26	24	2	24	2	12	14	—
1861	27	1	28	23	5	21	7	15	10	3
1862	32	—	32	27	5	31	1	21	11	—
1863	33	—	33	30	3	31	2	25	7	1
1864	29	—	29	20	9	27	2	16	13	—
	836	67	903	750	139	769	120	583	280	40

ТАВЛИЦА П

О ЧИСЛѢ ПРИСУЖДЕННЫХЪ НАГРАДЪ И КОЛИЧЕСТВѢ РОЗДАННЫХЪ НА ТО ДЕНЕГЪ, РАВНО О ЧИСЛѢ ВЫДАННЫХЪ ПОСТРОННИМЪ РЕЦЕНЗЕНТАМЪ ЗОЛОТЫХЪ МЕДАЛЕЙ.

Годы.	Полныхъ наградъ.		Второстепенныхъ чаградъ.		На изданіе рукописей.		Итого на	Постороннимъ рецензентамъ медалей	
	Число нагр.	На сумму.	Число нагр.	На сумму.	Число.	На сумму.		въ 12 черв.	въ 8 черв.
1831	2	2,856	2	1,428	1	1,428	5,712	—	—
1832	2	2,856	6	4,284	1	1,428	8,568	—	—
1833	—	—	7	4,998	—	—	4,998	3	2
1834	3	4,284	2	1,428	—	—	5,712	3	1
1835	3	4,284	8	5,712	—	—	9,996	2	—
1836	3	4,284	8	5,712	—	—	9,996	2	6
1837	1	1,428	10	7,140	—	—	8,568	—	—
1838	2	2,856	6	4,284	—	—	7,140	1	4
1839	3	4,284	7	4,998	1	285	9,567	—	1
1840	1	1,428	6	4,284	2	1,287	7,999	4	—
1841	1	1,428	7	4,998	1	429	6,855	3	—
1842	—	—	9	6,426	2	1,428	7,854	1	2
1843	2	2,856	4	2,856	1	285	5,997	—	—
1844	1	1,428	8	5,712	1	571	7,711	2	1
1845	3	4,284	3	2,142	2	1,428	7,854	2	1
1846	3	4,284	2	1,428	1	1,000	6,712	1	2
1847	—	—	8	5,712	1	1,428	7,140	2	2
1848	—	—	9	6,426	1	1,000	7,426	1	1
1849	1	1,428	8	5,712	2	1,000	8,140	2	2
1850	2	2,856	8	5,712	—	—	8,568	3	—
1851	2	2,856	4	2,856	1	1,000	6,712	1	—
1852	1	1,428	6	4,284	1	800	6,512	—	1
1853	3	4,284	5	3,570	—	—	7,854	1	—
1854	1	1,428	7	4,998	2	1,428	7,854	2	2
1855	—	—	9	6,426	3	800	7,226	2	2
1856	2	2,856	6	4,284	—	—	7,140	2	2
1857	1	1,428	7	4,998	—	—	6,426	2	2
1858	1	1,428	8	5,712	—	—	7,140	2	2
1859	2	2,856	7	4,998	1	350	8,204	2	1
1860	2	2,856	5	3,570	2	1,428	7,854	2	2
1861	2	2,856	6	4,284	—	—	7,140	2	1
1862	1	1,428	8	5,712	—	—	7,140	2	2
1863	—	—	10	7,140	—	—	7,140	2	2
1864	2	2,856	4	2,856	—	—	5,712	4	2
	53	75,684	220	157,080	27	18,803	251,567	58	46

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ,

ПОЛУЧИВШИХЪ ДЕМПОВСКІЯ НАГРАДЫ ИЛИ УДОСТОВЕРЕННЫХЪ ПОЧЕТНАГО ОТЗЫВА, СЪ 1831 ПО 1864 ГОДЪ.

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.	
Богословіе.	1853	<p style="text-align: center;">ПОЛНАЯ ПРЕМІЯ.</p> <p>Макарій. Православно-догматическое Богословіе. V томовъ.</p>		
	1836	<p style="text-align: center;">ПОЛОВИННЫЯ ПРЕМІИ.</p> <p>Эристовъ. Словарь исторической о Святыхъ, прославленныхъ въ Русской Церкви.</p>		
	1858	<p>Арх. Савва. Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) ризницы и бібліотеки.</p>		
	1837	<p style="text-align: center;">ПОЧЕТНЫЙ ОТЗЫВЪ.</p> <p>Досифей. Описание Соловецкаго монастыря.</p>		
	1838	<p>Г-жа Зонтагъ. Священная исторія для дѣтей, выбранная изъ Ветхаго и Новаго Завѣга.</p>		
	1840	<p>Дебольскій. Дни Богослуженія Православной Церкви.</p>		
	1856	<p>Ловягинъ. Богослужебные каноны на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ и варианты греческаго текста къ изданію Богослужебныхъ каноновъ (рукопись).</p>		
	Философія.	1834	<p style="text-align: center;">ПОЛНАЯ ПРЕМІЯ.</p> <p>Сидонскій. Введеніе въ науку философіи.</p>	
		1834	<p style="text-align: center;">ПОЛОВИННЫЯ ПРЕМІИ.</p> <p>Галичъ. Картина челоѣка.</p>	
		1856	<p>Карповъ. Систематическое изложене Логики.</p>	
1841		<p style="text-align: center;">ПОЧЕТНЫЙ ОТЗЫВЪ.</p> <p>Зедеггольмъ. Исторія древней философіи.</p>		

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдаю.
Математи- ка.	1835	<p style="text-align: center;">ПОЛНАЯ ПРЕМІЯ.</p> Брашманъ. Курсъ Аналитической Геометріи (рукопись).	
	1832	<p style="text-align: center;">ПОЛОВИННЫЯ ПРЕМІИ.</p> Севастьяновъ. Приложение Начертательной Геометріи къ воздушной перспективѣ.	
	1835	Петрушевскій. Эвклидовыхъ началъ 3 книги.	
	1837	Брашманъ. Статика твердыхъ и жидкихъ тѣлъ.	
	1837	Сомовъ. Теорія опредѣленныхъ алгебраическихъ уравненій высшихъ степеней.	
	1837	Бурачевъ и С. Зеленый. Лекціи алгебраическаго анализа.	
	1838	Ястржембовскій. Курсъ практической механики.	
	1842	Татариновъ. Начальныя основанія Геометріи.	
	1843	Зерновъ. Дифференціальное вычисленіе съ приложеніемъ къ Геометріи.	
	1844	Слонимскій. Арифметическая машина.	
	1844	А. Зеленый. Краткое руководство къ Начертательной Геометріи.	
	1845	Брунъ. Руководство къ Политической Арифметикѣ.	
	1847	Сомовъ. Аналитическая Теорія волнообразнаго движенія зенра.	
	1847	Давидовъ. Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость (рукопись).	150 р. с.
	1848	Чебышевъ. Теорія сравненій.	
	1849	Давидовъ. Теорія капиллярныхъ явленій (рукоп.).	
	1849	Вожериновъ. Теорія паровыхъ машинъ.	
1850	Сомовъ. Основанія теоріи эллиптическихъ функций.		
1860	Миндингъ. Объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій (рукоп.).		

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Математи- ка.	1862	Алексѣевъ. Начала Интегральнаго исчисления. почетный отзывъ.	
	1838	Янигъ. О началахъ равновѣсія и движенія.	
	1838	Врунь. Собраніе задачъ и предложеній, относящихся къ линиямъ второй степени.	
	1852	Рахманиновъ. Теорія вертикаль- ныхъ колесъ.	
	1860	Соколовъ. Динамика. 2 части.	
	1862	Казнаковъ. Вращающіеся штормы; изъ сочиненій Рида, Пиддингтона и др. (рукопись съ картами).	
	1863	Бугаевъ. Сходимость безконечныхъ рядовъ по ихъ внѣшнему виду.	
	Метроло- гія.		ПОЛНАЯ ПРЕМІЯ.
1831		Паузеръ. Metrologie Russlands (M. S.)	1428p. *)
		ПОЛОВИННАЯ ПРЕМІЯ.	
Астрономія и Геодезія.	1846	Петрушевскій. Общая метрологія (рукопись).	
		ПОЛНАЯ ПРЕМІЯ.	
	1836	Аргеландеръ. DLX stellarum fixarum positiones mediae ineunte anno 1830.	1000p. c.
	1845	Савичъ. Приложение практической Астрономіи къ географическому оп- редѣленію мѣстъ.	
	1864	Шварцъ. Подробный отчетъ о ре- зультатахъ изслѣдованій Математи- ческаго отдѣла Сибирской экспеди- ціи Императорскаго Русскаго Ге- ографическаго Общества.	
		ПОЛОВИННАЯ ПРЕМІЯ.	
1831	Перевощиковъ. Руководство къ Ас- трономіи.		
1837	Болотовъ. Руководство къ Геодезіи.		
1841	Зеленый. Астрономическія средства кораблевожденія.		

*) Возвращено въ Демидовскій капиталъ за немзданіемъ.

*

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.	
Астрономія и Геодезія.	1842	Перевощиковъ. Основанія Астрономіи.	150 р. с.	
	1853	Зарубинъ. Вновь изобрѣтенные инструменты, относящіяся до межеванія, съ приложеніемъ руководства къ практическому ихъ употребленію (рукопись).		
	1853	Ковальскій. Теорія движенія Нептуна.		
	1855	Зарубинъ. Планиметръ-Самокатъ, съ рукописнымъ описаніемъ инструмента.		
	1858	Савичъ. Приложение теоріи вѣроятностей къ вычисленію наблюденій геодезическихъ измѣреній.		
	1863	Смысловъ. Репсольдовъ кругъ и хронометры.		
	1863	Швейцеръ. Изслѣдованіе мѣстной аттракціи, существующей около Москвы.		
				почетный отзывъ.
	1842	Волотовъ. Руководство къ производству хозяйственной съемки, межеванія и невелированія.		
	1848	Ермаковъ. Ручной планиметръ.		
1862	Св. Яковкинъ. Пасхалія арифметическая и ручная.			
Военныя и морскія науки.	полныя преміи.			
	1838	Баронъ Медемъ. Руководство къ тактикѣ.		
	1849	Горемыкинъ. Руководство къ изученію тактики.		
	1851	Баронъ Зедделеръ. Военно-Энциклопедическій лексиконъ.		
	1862	Бутакъ. Основанія теоріи паровыхъ эволюцій.		
	половинныя преміи.			
	1833	Половцовъ. Полевая фортификація.		
1836	Баронъ Медемъ. Обзорніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ стратегіи.			

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Военныя и морскія на- уки.	1836	Вобинскій. Краткая иппологія и курсъ верховой ѣзды.	
	1839	Теляковскій. Фортификація, съ атласомъ.	
	1842	Языковъ. Опытъ теоріи стратегіи.	
	1844	Баронъ Зедделеръ. Обзоръ исторіи военнаго искусства.	
	1846	Скаловскій. Руководство для служащихъ на военныхъ морскихъ пароходахъ. Ч. III.	
	1856	М. Посъетъ. О вооруженіи военныхъ судовъ; съ атласомъ.	
	1862	Герсевановъ. Лекціи о морскихъ со- оруженіяхъ.	
		почетный отзывъ.	
	1842	М. Ильинъ. Практическая морская Артиллерія	
	1845	Скаловскій. Руководство для служащихъ на военныхъ морскихъ пароходахъ. Ч. I. и II.	
	1847	Вогдановичъ. Записки стратегіи.	
	1853	Шульцъ. Словарь морскихъ словъ и рѣченій паруснаго и пароходнаго флота.	
	1861	Кузнецовъ. Руководство къ съемкѣ береговъ и промѣру, составленное для воспитанниковъ Морскаго Кадетскаго Корпуса.	
	Химія и Физика.		
1845		Блаусъ. Химическое изслѣдованіе остатковъ платиновой руды и металла рутенія.	
1861		Менделѣевъ. Органическая Химія.	
		половинныя преміи.	
1847		Нервандеръ. Observations faites à l'observatoire magnétique et météorologique de Helsingfors (M. S.).	1428 p. c.
1854	Савельевъ. О гальванической проводимости жидкостей.		
1854	Ивановъ. Начальныя основанія Аналитической Химіи.		

На у к и.	Годы.	ЗА Г Л А В И Е К Н И Г Ъ .	На изданіе выдано.
Химія и Фязика.	1864	<p style="text-align: center;">почетный отзывъ.</p> <p>Энгельгардтъ. О дѣйствіи ѣдкихъ щелочей на кости. Новый способъ приготовления костянаго удобрения (рукопись).</p>	
Геогнозія и Минерало- гія.	1856	<p style="text-align: center;">полная премія.</p> <p>Пандеръ. Monographie der fossilen Fische des silurischen Systems der Russisch-Baltischen Gouvernements.</p> <p style="text-align: center;">половинная премія.</p> <p>1832 Соколовъ. Руководство къ Минералогіи.</p> <p>1837 Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ. Ориктографія Московской губерніи.</p> <p>1839 Соколовъ. Курсъ Геогнозіи.</p> <p>1841 Гельмерсенъ. Генеральная карта горныхъ формаций Европейской Россіи, съ пояснительными примѣчаніями.</p> <p>1843 Узатиусъ. Курсъ горнаго искусства, съ атласомъ.</p> <p>1850 Гревингъ. Beitrag zur Kenntniss der orographischen und geognostischen Beschaffenheit der Nordwestküste Amerika's.</p> <p>1852 С. Куторга. Геогностическая карта С.-Петербургской губерніи.</p> <p>1853 Кожшаровъ. Матеріалы для минералогіи Россіи.</p> <p>1857 Шмидтъ. Untersuchungen über die silurische Formation von Ehtland, Nord-Livland und Oesel.</p> <p>1858 Меглицкій и Антиповъ. Геогностическое описаніе южной части Уральскаго хребта, изслѣдованной въ теченіе 1854 и 1855 г.</p> <p>1860 Нордманъ. Paleontologie Süd-Russlands.</p> <p>1861 Роговичъ. Объ ископаемыхъ рыбахъ Кіевскаго учебнаго округа.</p>	

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Геогнозія и Минерало- гія.	1842	почетный отзывъ. Соколовъ. Руководство къ Геогнозіи; съ атласомъ.	
	1863	Тютчевъ. Введеніе къ изученію кри- сталлографіи.	
Біологиче- скія науки.	1840	ПОЛНЫЯ ПРЕМІИ. Постельсъ и Рупрехтъ. Описаніе морскихъ растений, собранныхъ въ сѣверномъ Тихомъ океанѣ, у бере- говъ Россійскихъ владѣній, въ путе- шествіе вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію Государя Императора Николая I, въ военномъ шляпѣ «Сенявинъ» въ 1826, 1827, 1828 и 1829 годахъ, подъ командою флота- Капитана Ф. Литке.	
	1856	Турчаниновъ. Flora Baicalensi-Da- hurica, seu descriptio plantarum in regionibus cis-et transbaicalensibus atque in Dahuria sponte nascentium.	
	1858	Максимовичъ. Primitiae Florae Amu- rensensis.	
	1833	ПОЛОВИННЫЯ ПРЕМІИ. Эйхвальдъ. Plantae Caspico-Cauca- sicae.	
	1835	Геблеръ. Uebersicht des Katunischen Gebirges (M. S.)	
	1836	Фальдерманнъ. Fauna entomologica transcaucasica. T. I.	
	1838	Его же. Fauna entomologica transcau- casica. T. II. et III.	
	1844	Рупрехтъ. Symbolae ad historiam et geographiam plantarum Rossiarum (M. S.).	
	1844	Эверсманнъ. Fauna lepidopterologica Volgo-Uralensis.	
	1848	Менетрѣ. Catalogue des Insectes re- cueillis par feu M. Lehmann.	
	1849	Клаусъ. О растительности приволж- скихъ странъ.	
1852	Бесслеръ. Животныя губерній Киев- скаго учебнаго округа.		

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.	
Биологиче- скія науки.	1854	Мерелинъ. Palaeodendrologicon Ros- sicum.		
	1855	Сѣверцовъ. Периодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ въ Воронежской губерніи.		
	1856	Ценковский. О низшихъ водорос- сляхъ и инфузоріяхъ.		
	1860	Гиргенсонъ. Naturgeschichte der Laub- und Lebermoose Liv-, Ehst- und Kurlands.		
	1861	Радде. Untersuchungen über die Säu- gethierfauna Ostsibiriens (рукоп.).		
	1862	Сѣченовъ. О животномъ электри- чествѣ.		
	1863	Вагнеръ. Самопроизвольное разно- женіе гусеницъ у насѣкомыхъ.		
	1863	Ворцова. Матеріалы для ботаниче- ской географіи Арало-Каспійскаго края (рукопись).		
		почетный отзывъ.		
	1843	Эртель. Dictionnaire complet de zoo- logie et de botanique en langue fran- çaise, russe et latine.		
	1844	Бредовъ. Антропозіологія.		
	1852	Видеманъ и Веберъ. Beschreibung der phanerogamischen Gewächse Ehst-, Liv- und Curlands.		
	1856	Жоллевицъ. Краткій очеркъ Анато- міи и Физиологіи человѣка и дру- гихъ животныхъ.		
	1859	Анненковъ. Ботаническій словарь.		
	1859	Рачинскій. О движеньяхъ высшихъ растений.		
	1861	Флоръ. Die Rhynchoten Livlands.		
	1864	Цабель. Растительная Гистологія.		
	Медицина.		полныя премія.	
		1843	Пироговъ. Полный курсъ прикладной Анатоміи человѣческаго тѣла.	714 р. с.
1850		Его же. Патологическая Анатомія азиатской холеры; съ атласомъ.		
1859		Его же. Anatome topographica secti- onibus per corpus humanum conge-		

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Медицина.		<p>latum triplici directione ductis illustrata, съ атласомъ.</p> <p>половинныя преміи.</p> <p>1832 Громовъ. Изложеніе судебной медицины.</p> <p>1835 Всеволодовъ. Зоо-хирургія.</p> <p>1838 Грумъ. Монографія о радикальномъ леченіи пахомошочныхъ грыжъ.</p> <p>1838 Чаруковский. Военно-походная медицина.</p> <p>1840 Пироговъ. Anatomia chirurgica.</p> <p>1840 Филомаѣитскій. Физиологія, изданная для руководства его слушателей. Двѣ части.</p> <p>1841 Саломонъ. Руководство къ оперативной хирургіи.</p> <p>1848 П. Заблоцкій. Ученіе о болѣзняхъ яичка, сѣменнаго канатика ишонки; съ атласомъ.</p> <p>1855 Крусель. Внутреннія средства противъ рака и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней.</p> <p>1857 Заблоцкій. Руководство къ изученію и леченію сифилитическихъ болѣзней.</p> <p>1859 Воскресенскій. Монографія врачебныхъ пиявокъ.</p> <p>1862 Гешпенеръ. Повивальное искусство.</p> <p>почетный отзывъ.</p> <p>1840 Кижинъ. Зоотомія или руководство къ познанію строенія тѣла домашнихъ животныхъ.</p> <p>1841 Всеволодовъ. Опытъ ученія о повальныхъ болѣзняхъ между домашними животными.</p> <p>1841 Грумъ. Руководство для прививанія предохранительной оспы.</p> <p>1841 Гефтъ. Руководство къ повивальному искусству.</p> <p>1845 Лей, Тарасовъ и Стрѣльцовскій. Энциклопедическій медицинскій лексиконъ.</p>	250 р. с.

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.	
Медицина.	1848	Пушкаревъ. О душевныхъ болѣзняхъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи.		
	1852	Горяниновъ. Фармакодинамика или ученіе о дѣйствіи и употребленіи врачебныхъ средствъ.		
	1862	Берглиндъ. Врачебная гимнастика по системѣ Шведскаго гимназіарха Линге.		
	1863	Вреденъ. Катаральное воспаленіе средняго уха и операція искусственнаго прободенія барабана.		
	1863	Шебякинъ. Электричество въ области физиологіи и терапіи.		
	1864	Тарновскій. Распознаваніе венерическихъ болѣзней у женщинъ и дѣтей. 1 Т., съ атласомъ.		
	Промышленность.	полныя преміи.		
1839		Якоби. Гальваноластика.		
1853		Юхимъ. Новоизобрѣтенный типографскій прифтъ съ мѣднымъ очкомъ.		
половинныя преміи.				
1833		Баронъ Воде. Руководство къ виноградному садоводству.		
1837		Дихтъ. Усовершенствованіе русской печи.		
1838		Усовъ. Курсъ земледѣлія.		
1841		Бергштрессеръ. Руководство къ разведенію, улучшенію, кормленію и откормкѣ домашнихъ животныхъ.		
1851		Ильенковъ. Курсъ химической технологии.		
1851		Мевіусъ. Чугунно-литейное производство; съ 27-ю полнотипажамы чугуновыхъ издѣлій.		
1862	Андреевъ. Курсъ химической технологии соч. <i>Ильенкова.</i>			
1863	Васильевъ. Матеріалы для проекта сточныхъ трубъ и мостовыхъ въ городахъ и преимущественно въ С.-Петербургѣ.			

Наука.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Промышленность.		почетный отзывъ.	
	1832	Кешпенъ. О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи.	
	1841	Аносовъ. О булатахъ; въ двухъ книгахъ.	
	1841	Диго. Руководство для устройства усовершенствованныхъ веревчатыхъ приводовъ (Système funiculaire).	
	1843	Брауншвейгъ. Der Flachsbau in Russland.	
	1854	Виттъ. Руководство къ сахарному производству.	
	1858	Рожевъ. О гидравлическомъ горнозаводскомъ хозяйствѣ.	
	1860	Чернопятовъ. Руководство къ орошенію разныхъ земельныхъ угодій.	
	1862	Пузановъ. О земледѣліи и скотоводствѣ въ Россіи.	
Теорія и Исторія Словесности.		ПОЛНЫЯ ПРЕМІИ.	
	1843	Востокъ. Остромирово Евангеліе 1056—57 года, съ приложеніемъ Греческаго текста Евангелія и съ грамматическими объясненіями.	
1860	Цезарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ (рукопись).		
		ПОЛОВИННЫЯ ПРЕМІИ.	
1832	Глаголевъ. Начертаніе теоріи словесности (рукопись).		
1836	Шевыревъ. Исторія поэзіи.		
1839	Стровъ. Описаніе памятниковъ Славяно-Русской литературы.		
1844	Дубенскій. Слово о полку Игоревѣ, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ.		
1847	Вилярскій. Судьбы Церковно-Славянскаго языка.		
1855	Водянский. О происхожденіи Славянскихъ письменъ.		
1857	Пышинъ. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ.		

*

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.	
Теорія и Исторія Словесно- сти.	1862	Арх Амфилохій . I. Изслѣдованіе о пандектѣ Антіоха XI в., II. Словарь старославянскаго церковнаго языка по пандекту Антіоха, III. Мѣста Св. Писанія изъ пандекта Антіоха (рукопись).		
	1863	Рыбниковъ . Сборникъ русскихъ пѣсенъ.		
	1864	Чистовичъ . Теофанъ Прокоповичъ. (рукопись).		
		почетный отзывъ.		
	1840	Гречъ . Чтенія о русскомъ языкѣ.		
	1847	Чистяковъ . Курсъ теоріи словесности.		
	1855	Везсоновъ . Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Венелина, Катранова и другихъ Болгаръ.		
	1861	Жаратаевъ . Хронологическая роспись славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами.		
	1863	Везсоновъ . Колѣвки переходящія; 5 вып.		
	1864	Полевой . Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской.		
	Классиче- ская Фило- логія и Ар- хеологія.		половинныя преміи.	
		1839	Ивашковскій . Λεξικον Ελληνο-Ρωσ-σικου.	
		1842	Евлампиосъ . Амарантосъ или розы возрожденной Эллады (рукопись).	285 p. c.
		1844	Ильенковъ . Краткая синонимика, изложенная по Дедерлейну.	
1845		Ивашковскій . Полный Россійско-Латинскій словарь.		
1847		Коссовичъ . Греческо-Русскій словарь.		
1850		Леонтьевъ . О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи.		
		почетный отзывъ.		
1840		Зедергольмъ . Xenophontis Anabasis.		
1840		Ашиевъ . Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками.		

На у к н.	Годы.	ЗА ГЛА В І Е К Н И Г Ъ .	На изданіе выдано.
Классиче- ская Фило- логія и Ар- хеологія.	1851	Беккеръ. Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисеена, въ отно- шенія къ древнимъ его колоніямъ. ПОЛНЫЯ ПРЕМІИ.	
Восточные языки.	1838	О. Іоаннѣ. Китайская грамматика.	
	1839	Чубиновъ. Грузино - Русско - Фран- цузскій словарь	
	1845	Ковалевскій. Монголо-Русско-Фран- цузскій словарь.	
	1846	Чубиновъ. Русско-Грузинскій сло- варь.	
		ПОЛОВИННЫЯ ПРЕМІИ.	
	1837	Ковалевскій. Монгольская христо- матія.	
	1840	Казембеѣ. Грамматика Турецко-Та- тарскаго языка.	
	1848	Поповъ. Грамматика Калмыцкаго языка.	
	1850	Вобровниновъ. Грамматика Мон- гольско-Калмыцкаго языка.	
	1850	Вероевъ. Начальныя основанія Гай- канскаго языка, или практическая метода для удобнѣйшаго изученія его.	
	1854	Казембеѣ. Учебныя пособия для временнаго курса Турецкаго языка.	
	1863	Баронъ Усларъ. Абхазскій и Чечен- скій языкъ.	
		ПОЧЕТНЫЙ ОТЗЫВЪ.	
	1845	Гейтлинъ. Principia Grammatices Neo- Persicae cum metrorum doctrina et dialogis Persicis.	
	1851	Казембеѣ. Дербендъ-Намэ, или Ис- торія Дербенда.	
	1853	Верезинъ. Recherches sur les diale- ctes Persans.	
		ПОЛНЫЯ ПРЕМІИ.	
Этимологи- ка и Лекси- кографія.	1832	Восточковъ. Русская грамматика.	
	1832	Рейфъ. Dictionnaire russe - français (M. S.).	1428 p. c.

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	Но изданіе выдано.
Лингвистика и Лексикографія.	1834	Соголовъ. Церковно-Славяно-Россійскій словарь.	
	1843	Павскій. Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка.	
	1857	Гошпевицъ. Японско-Русскій словарь. половинный преміи.	
	1835	Венъяминовъ. Грамматическія правила Алеутско-Лисьевскаго языка (рукопись).	
	1841	Шимкевицъ. Корнесловъ Русскаго языка (рукопись).	428 p. c.
	1843	Кастрэнъ. Elementa Grammatices Surljanicae (M. S.).	285 p. c.
	1845	Видеманъ. Versuch einer Grammatik der Tscheremissischen Sprache (M. S.).	428 p. c.
	1849	Заввантовъ. Грамматика Зырянскаго языка и Зырянско-Русскій и Русско-Зырянскій словарі.	
	1849	Видеманъ. Grammatik der Wotjakischen Sprache (M. S.).	500 p. c.
	1858	Роговъ. Опытъ грамматики Пермскаго языка (M. S.).	
	1859	Крейцвальдъ. Kalewipoeg, eine Estnische Sage.	
	1860	Виленштейнъ. Die lettische Sprache. (рукопись).	428 p. c.
	1861	Альевичъ. Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik, nebst Text und Wörterverzeichnis.	
	1864	Носовичъ. Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія (рукопись).	
	1864	Аванасьевъ. Народныя русскія сказки. почетный отзывъ.	
	1840	Гингуловъ. Валахо-Молдавская грамматика.	
	1844	Эртель. Нѣмецко - Русскій словарь (рукопись).	
	1848	Перевлѣтскій. Начертаніе Русскаго синтаксиса.	
	1850	Рейфъ. Четыре новые параллельные словаря языковъ: Русскаго, Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго.	

На у к и.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Лингвисти- ка, Лекси- графія.	1851	Нейсъ. Esthnische Volkslieder.	
	1853	Аренсъ. Grammatik der Esthnischen Sprache RevalchenDialektes, и Sprachfehler der Esthnischen Bibel.	
	1854	Вергъ. Пѣсни разныхъ народовъ.	
	1855	Павловскій. Нѣмецко-Русскій словарь. 2 части.	
Географія и Статис- тика.		ПОЛНАЯ ПРЕМІЯ.	
	1853	Неволинъ. О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ.	
		ПОЛОВИННАЯ ПРЕМІЯ.	
	1833	Левшинъ. Описаніе Киргизъ - Казачьихъ ордъ и степей.	
	1833	Григорьевъ. Описаніе Нахичеванской провинціи.	
	1835	Степановъ. Енисейская губернія.	
	1837	Крузенштернъ. Précis du système, des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie.	
	1839	Ободовскій. Теорія статистики.	
	1840	Шопенъ. Описаніе Армянской области (рукопись).	428 p. c.
	1842	О. Іакинъ. Статистическое описаніе Китайской имперіи, съ прил. геогр. картъ.	
	1847	Горловъ. Обзоръніе экономической статистики Россіи (рукопись).	
	1848	Свальевскій. Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края.	
	1849	Милютинъ. Первые опыты военной статистики.	
	1852	Ратлефъ. Skizze der orographischen und hydrographischen Verhältnisse von Liv-, Esth- und Curland. Ein geographischer Versuch.	
	1855	Соловьевъ. Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи.	
1855	П. Небольсинъ. Очерки торговли Россіи съ Среднею Азією.		
1858	Аксаковъ. Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ.		
1859	Вѣдьяевъ. Крестьяне на Руси.	350 p. c.	

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдаю.
Географія и Статистика.	1859	В. Ламанскій. О славянахъ въ Малой Азій, Африкѣ и Испаніи.	
	1864	Ленцъ. Изслѣдованіе Восточной Персіи и Хератскаго владѣнія относительно физической и математической географіи (рукопись).	
		почетный отзывъ.	
	1837	Чертвовъ. Воспоминанія о Сициліи.	
	1838	Вергштроссеръ. Опытъ описанія Олонецкой губерніи.	
	1840	Венъяминовъ. Записки объ островахъ Уналашскаго отдѣла.	
	1842	Ольдевопъ. Geographie des Russischen Reiches.	
	1842	Брунъ. Руководство къ сравнительной статистикѣ европейскихъ государствъ.	
	1843	Павловскій. Географія Россійской Имперіи, въ 2 частяхъ.	
	1843	Завелъскій. Статистика Царства Польскаго.	
	1845	Г. Небольсинъ. Коммерческая статистика.	
	1847	О. Іакинъ. Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи.	
	1850	Шторхъ. Der Bauernstand in Russland.	
	1854	Кузнецовъ. Учебный курсъ географіи Россійской Имперіи.	
	1854	Вороновъ. Историческо-статистическое обзорѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго Учебнаго Округа съ 1829 по 1853 годъ.	
	1861	Гибнеръ. Biostatik der Stadt Dorpat und ihrer Landgemeinde in den Jahren 1834—1859.	
	1861	Ваталинъ. Пятигорскій край и Кавказскія минеральныя воды.	
	1862	Вейзе. Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon der Provinzen Livland, Ehstland und Kurland.	
	1863	Керберъ. Biostatik für die lutherischen und griechischen Gemeinden der	

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Географія и Статистика.	1863	Kirchspiele Ringen, Randen, Nüggen und Kawelecht vom Jahre 1834—1853 (рукопись).	
	1864	Мельгуновъ. Забѣчанія о южномъ берегу Каспійскаго моря.	
	1864	Похилевичъ. Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи.	
Гидрографія.		ПОЛНЫЯ ПРЕМІА.	
	1836	Брузенштернъ. Дополненіе къ изданному въ 1826 и 1827 годахъ объясненіямъ, послужившимъ для составленія атласа южнаго моря.	
	1850	Рейнке. Гидрографическое описаніе сѣвернаго берега Россіи.	
		ПОЛОВИННЫЯ ПРЕМІА.	
	1840	Штуценбергъ. Historisch-statistisch-technische Beschreibung aller im Russischen Reiche gegrabenen schiff- und flossbaren Kanäle.	857 p. c.
	1842	Его же. Hydrographie des Russischen Reichs oder topographisch-statistische Beschreibung seiner schiff- und flossbaren Flüsse und See'n, nebst einigen Nachrichten über die umgebenden Meere, deren Häfen und Anfahrten und über einige Gewässer Mittel-Asiens.	1142 p. c.
Этнографія.	1853	Тесльковъ. Атласъ сѣверо-западныхъ береговъ Америки отъ Берингова пролива до мыса Корриентесъ и острововъ Алеутскихъ.	
	1863	Шмидтъ. Die Wasser-Versorgung Dorpat's, eine hydrologische Untersuchung.	
		ПОЛОВИННЫЯ ПРЕМІА.	
	1835	Свѣгиревъ. Русскіе въ своихъ пословицахъ.	
1839	Его же. Русскіе простонародные праздники и севѣрные обряды.		
1851	Русвурмъ. Die Schweden an den Küsten Esthlands und auf Runä. Eine	1000 p. c.	

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Государственное хозяйство.		historisch-ethnographische Untersuchung.	
	1831	полная премія. Гагемейстеръ. О финансахъ древней Россіи (рукопись).	
	1841	половинная премія. Горловъ. Теорія финансовъ.	
	1844	почетный отзывъ. Михайловъ. Политическая экономія (рукопись).	
Исторія.	1844	М. Заблоцкій. О цѣнностяхъ въ древней Руси.	
		полная премія.	
	1834	О. Явинфъ. Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ.	
	1835	Михайловскій-Данилевскій. Записки о походѣ 1813 г.	
	1836	Ушаковъ. Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ.	
	1839	Погодинъ. Несторъ, историко-критическое разсужденіе о началѣ Русскихъ лѣтописей.	
	1846	Гр. Толстой. Исторія финансовыхъ учреждений въ Россіи (рукопись).	
	1852	Милютинъ. Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе Императора Павла I, въ 1799 году. Составлена по Высочайшему повелѣнію Императора Николая I. 5 томовъ.	
	1861	Бар. М. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго.	
	1863	Вогдановичъ. Исторія войны 1812 г.	
	1864	Смитъ. Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 г. Перев. <i>Копицкаю.</i>	
		половинная премія.	
	1831	Устряловъ. Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ.	
	1833	Его же. Сказанія Князя Курбскаго. Михайловскій-Данилевскій. Описаніе похода во Францію въ 1814.	

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Исторія.	1836	Семеновъ. Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи.	1000 р с. отъ 600 до 800 р.
	1838	Шульгинъ. Изображеніе характера и содержанія Новой Исторіи.	
	1841	Смарагдовъ. Руководство къ познанію Древней и Средней Исторіи.	
	1842	Доренцъ. Руководство къ Всеобщей Исторіи.	
	1842	Висковатовъ. Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, съ рисунками.	
	1842	Крузе. Necrolivonica, т. е. древности Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, до введенія христіанской вѣры въ при-Балтійскихъ губерніяхъ.	
	1848	О. Іакинфъ. Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азій въ древнія времена (рукопись).	
	1848	Жавонскій. Хронологическія таблицы.	
	1849	М. Буторга. Исторія Аэнійской республики.	
	1851	Будрявцевъ. Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ.	
	1851	Ивановъ. Описаніе Государственнаго Архива Старыхъ Дѣлъ.	
	1852	Веселаго. Очеркъ исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса.	
	1852	Гипшинъ. Нева и Ньюнскансъ, или введеніе въ исторію С.-Петербурга (рукопись).	
	1852	Поссельтъ. Tagebuch des Generals Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661 und seines Aufenthaltes in Russland vom Jahre 1661 bis 1669; zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch Dr M. C. Posselt. 3 тома.	
	1853	Муральтъ. Essai de chronographie Byzantine de 395 à 1057.	
1854	Головацкій. Хронологическая машина для Юліанскаго времячисленія,		

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Исторія.		гражданскаго и церковнаго, православнога исповѣданія.	
	1854	Вунге. Liv-, Esth- und Curländisches, Urkundenbuch, т. е. собраніе Ливляндскихъ, Эстляндскихъ и Курляндскихъ грамотъ, съ хронологическимъ перечнемъ событій.	
	1855	Ундольскій. Временникъ Георгія Амартола въ отношеніи къ Несторовой лѣтописи.	400 р. с.
	1856	Сokolovъ. Лѣтопись крушеній и пожаровъ судовъ Русскаго флота, отъ начала его по 1854 г.	
	1856	Смирновъ. Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи.	
	1857	Поповъ. Исторія возмущенія Стеньки Разина.	
	1857	Чистовичъ. Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи.	
	1857	Майковъ. Исторія Сербскаго языка, по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа.	
	1858	Вревернъ. Der Liber Censur Daniae und die Anfänge der Geschichte Harrien und Wirlands.	
	1858	Буторга. Персидскія войны.	
	1861	Воннелъ. Russisch-livländische Chronographie. 1 Theil. (рукопись).	
	1861	Тихменевъ. Историческое обозрѣніе образованія Россійско-Американской компаніи и дѣйствій ея до настоящаго времени. Часть I.	
	1861	Горностаевъ. Исторія искусства и костюмовъ у народовъ древняго міра (рукопись).	
	1862	Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ.	
1862	Поповъ. Татищевъ и его время, эпизодъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи первой половины прошедшаго столѣтія.		
1863	Вогдановичъ. Исторія войны 1813 г. за независимость Германіи.		

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Исторія.	1863	Тихменевъ. Историческое обозрѣніе образованія Россійско-Американской Компаніи. Часть II. почетный отзывъ.	
	1837	Тереженко. Обозрѣніе жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи.	
	1840	Смарагдовъ. Руководство къ познанію Древней Исторіи.	
	1844	Его же. Руководство къ познанію Новой Исторіи.	
	1846	Свальевскій. Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго.	
	1846	Преосв. Макарій. Исторія христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго Князя Владиміра.	
	1846	Петровъ. Два пасхальныхъ указателя.	
	1855	Ешевскій. Аполлинарій Сидовій. Эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка.	
	1856	Гецъ. Albert Suerbeer, Erzbischoff von Preussen, Livland und Ehtland.	
	1856	Осокинъ. О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи.	
	1858	Рихтеръ. Geschichte der dem Russischen Kaiserthume einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben. 2 части.	
	1858	Лешковъ. Русскій народъ и государство.	
	1860	Арх. Макарій. Описаніе церковныхъ древностей Новгорода и его окрестностей.	
	1860	Пошеа. Черноморскіе казаки.	
	1861	Костомаровъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.	
	1861	Хвольсонъ. О нѣкоторыхъ средне-вѣковыхъ обвиненіяхъ противъ Евреевъ.	
	1861	Селезневъ. Историческій очеркъ Им-	

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Исторія.	1864	ператорскаго бывшаго Царскосельскаго нынѣ Александровскаго лицея. Благовѣщенскій. Гораций и его время.	
	1864	Андреевскій. О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ.	
Нумизматика.	1837	<small>ПОЛНАЯ ПРЕМІЯ.</small> Шодуаръ. Обзорѣніе Русскихъ денегъ.	
	1834	<small>ПОЛОВИННЫЯ ПРЕМІИ.</small> Чертковъ. Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ.	
	1847	Савельевъ. Мухамеданская нумизматика въ отношеніи къ Русской исторіи.	
	1858	Его же. Монеты Джучидовъ, Джагаитовъ, Джелаиридовъ и другія, обращающіяся въ Золотой Ордѣ въ эпоху Тохтамышя.	
	1859	Кн. Сибирскій. Catalogue des médailles du Bosphore Cimmérien, précédé d'études sur l'histoire et les antiquités de ce pays.	
	1845	<small>ПОЧЕТНЫЙ ОТЗЫВЪ.</small> Кн. Варатаевъ. Нумизматическіе факты Грузинскаго царства.	
Геральдика.	1855	<small>ПОЛОВИННАЯ ПРЕМІЯ.</small> Лакіеръ. Русская геральдика. 2 ч.	
Правовѣденіе.	1851	<small>ПОЛНЫЯ ПРЕМІИ.</small> Неволинъ. Исторія Россійскихъ гражданскихъ законовъ. 3 тома.	
	1858	Дмитріевъ. Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго суда, отъ Судебника до учрежденія о губерніяхъ.	
	1832	<small>ПОЛОВИННЫЯ ПРЕМІИ.</small> Р. Гельмерсенъ. Abhandlungen aus dem Gebiet des Livländischen Adelsrechtes.	

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Правовѣ- деніе.	1832	Строевъ. Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія (рукопись).	
	1835	Р. Гельмерсенъ. Geschichte des Livländischen Adelsrechtes.	
	1839	Рейцъ. Verfassung und Rechtszustand der dalmatischen Küstenstädte und Inseln im Mittelalter, aus deren Municipalstatuten entwickelt. Ein Beitrag zur Geschichte Slavischer Rechte. (M. S.).	
	1840	Неволинъ. Энциклопедія законовѣдѣнія, 2 части.	
	1844	Вольфельдтъ. Mittheilungen aus dem Strafrecht und dem Strafprocess in Livland, Esthland und Curland.	
	1850	Торнау. Изложеніе началъ Мусульманскаго законовѣдѣнія.	
	1855	Жириевъ. Теорія уликъ.	
	1856	Чичеринъ. Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ.	
		почетный отзывъ.	
	1838	Бунге. Das Liv- und Esthländische Privatrecht.	
	1840	Баршевъ. О мѣрѣ наказаній.	
	1844	Рихтеръ. Лифляндское уголовное судопроизводство (рукопись).	
	1845	Рихтеръ. Der Livländische Strafprocess.	
	1847	Линовскій. Изслѣдованіе началъ уголовного права.	
	1851	Пахманъ. О судебныхъ доказательствахъ по древнему Русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи.	
	1854	Вольфельдтъ. Mittheilungen aus dem Strafrecht und dem Strafprocess in Livland, Esthland und Kurland.	
	1855	Каченовскій. О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ, въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ.	
	1859	Серафимъ. Das Kurländische Notherbenrecht.	

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Правовѣ- деніе.	1860	Энгельманъ. О приобрѣтеніи права собственности на землю по Русскому праву.	
	1862	Чебышевъ-Дмитріевъ. О преступномъ дѣйствіи по Русскому до-Петровскому праву.	
Путеше- ствія.		ПОЛНЫЯ ПРЕМІИ.	
	1835	Литке. Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное въ военномъ плуиѣ «Сенявинъ». Съ атласомъ.	
	1841	Врангелъ. Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю.	
	1844	Аделунгъ. Kritisch-literärische Uebersicht aller Reisen der Ausländer in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind.	571 p. c.
	1846	Гр. Кейзерлингъ и Крузенштернъ. Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschoraland, im Jahre 1843.	
	1846	Демидовъ. Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837. 4 vols.	
		ПОЛОВИННЫЯ ПРЕМІИ.	
	1837	Гебель. Reise in die Steppen des südlichen Russlands.	
	1847	Вазнеръ. Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe im Jahre 1842 (M. S.).	
	1848	Загоскинъ. Пѣшеходная опись части Русскихъ владѣній въ Америкѣ.	
1848	Гофманъ. Reise nach den Goldwäschen Ostsibiriens.		
1849	Шренкъ. Reise nach dem Nordosten, des Europäischen Russlands.		
1853	Ковальскій. Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-хой. Томъ I-й.		
1856	Гофманъ. Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-хой.		

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Путешествія.	1859	Гильфердингъ. Поѣздка по Герцеговинѣ, Босніи и Старой Сербіи.	
		почетный отзывъ.	
	1853	Влангали. Геогностическія поѣздки въ восточную часть Киргизской степи.	
Архитектура и Искусства.	1864	Шмидтъ. Reisen im Amurlande. Botanischer Theil (рукопись).	571 р. с.
		ПОЛНАЯ ПРЕМІА.	
	1854	Журавскій. Результатъ изслѣдованій системы Гау, примѣненной къ мостамъ С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги.	
		половинныя преміи.	
	1850	Мартыновъ. Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Текстъ Н. М. Снегирева.	
	1857	Баронъ Дельвицъ. Руководство къ устройству водопроводовъ.	
		почетный отзывъ.	
	1842	Свѣзевъ. Учебное руководство къ Архитектурѣ.	
	1844	Гиппиусъ. Очерки теоріи рисованія, какъ общаго учебнаго предмета.	
	1856	Андреевъ. Живопись и живописцы славнѣйшихъ европейскихъ школъ.	
Педагогика.	1862	Николаевъ. Руководство къ строительству сельскихъ зданій.	
		половинныя преміи.	
	1833	Ястребцовъ. О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ.	
	1835	Флѣри. Глухо-нѣмые.	
	1836	Ярцова. Полезное чтеніе для дѣтей.	

Науки.	Годы.	ЗАГЛАВІЕ КНИГЪ.	На изданіе выдано.
Педаго- гика.	1837	Ишимова. Исторія Россіи въ раз- сказахъ для дѣтей.	
	1860	Борманъ. Курсъ обученія глухо-нѣ- мыхъ изустному слову (рукопись).	
		почетный отзывъ.	
	1840	Ишимова. Исторія Россіи въ раз- сказахъ для дѣтей.	

П О П Р А В Е И.

Въ вышеприведенномъ спискѣ сочиненій вкралось нѣсколько опечатокъ въ означеніи годовъ, въ которые то или другое сочиненіе удостоено пре-
міи или почетнаго отзыва. Эти опечатки суть слѣдующія :

<i>При сочиненіяхъ:</i>	<i>на стран.</i>	<i>показано:</i>	<i>должно быть:</i>
М. Посьета. О вооруженіи военныхъ судовъ	29	1856.	1850.
Мевіуса. Чугунно-литейное производство	34	1851.	1859.
Ашка. Воспорское царство	36	1840.	1848.
М. Заблоцкаго. О цѣнно- стяхъ въ древней Руси. .	42	1844.	1854.
Вогдановича. Исторія вой- ны 1812 г.	»	1863.	1860.
Михайловскаго-Данилев- скаго. Описаніе похода во Францію въ 1814 г. . .	»	не показано.	1836.
Петрова. Два пасхальныхъ указателя	45.	1846.	1848.
Дмитріева. Исторія судеб- ныхъ инстанцій	46.	1858.	1859.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

АВТОРОВЪ СОЧИНЕНІЙ, УВЪЗНАЧЕННЫХЪ ПРЕМІЯМИ И УДОСТОВЕРЕННЫХЪ ПОЧЕТНАГО
ОТЗЫВА, РАВНО И РЕЦЕНЗЕНТОВЪ, ПОЛУЧИВШИХЪ ОТЪ АКАДЕМІИ МЕДАЛИ.

Примѣчаніе: Звѣздочка при имени означаетъ полную премію.

Имя, напечатанное толстымъ шрифтомъ, означаетъ, что
выдана еще сумма на вознагражденіе издержекъ пе-
чатанія.

П. О.— почетный отзывъ.

М.— большая, м.— малая медаль за составленныя рецензіи.

А.

Адслунгъ* 1844.
Аксаковъ 1858.
Алексѣевъ 1862.
Альквистъ 1861.
Амфилохій 1862.
Андреевскій 1864 П. О.
Андреевъ 1856 П. О.
Андреевъ 1862.
Аносовъ 1841.
Анненковъ 1859. П. О.
Антиповъ 2. См. Меглицкій.
Аргеландеръ* 1836.
Аренсъ 1853 П. О.
Ашикъ 1848 П. О.
Аюнасъевъ 1864.

В.

Базинеръ 1847.
Баратаевъ, кн., 1845 П. О.
Баршевъ 1840 П. О.
Барщовъ 1863.
Баталинъ 1861 П. О.
Безсоновъ 1855 П. О. 1863 П. О.
Бейзе 1862 П. О.

Беккеръ 1851 П. О.
Берглиндъ 1862 П. О.
Бергштрессеръ 1838 П. О., 1841.
Бергъ 1854 П. О.
Бередниковъ 1834 м.
Березинъ 1853 П. О.
Беркгольдъ 1862. М.
Бернарди 1844 М.
Бероевъ 1850.
Бессеръ 1847 м.
Билештейнъ 1860.
Билярскій 1847.
Благовѣщенскій 1864 П. О.
Блумъ 1842 м., 1849 м.
Бобинскій 1836.
Бобровниковъ 1850.
Богдановичъ 1847 П. О.*1860.
1863.
Боде, Баронъ, 1833.
Бодянскій 1855.
Божеряновъ 1849.
Болотовъ 1837, 1842 П. О.
Боннель 1861.
Борманъ 1860.
Борщовъ 1863.

*

Брашманъ* 1835, 1837, 1855 м.
Брауншвейгъ 1843 П. О.
Бреверъ 1858.
Бредовъ 1844 П. О.
Брунъ 1838 П. О., 1842 П. О., 1845.
Бугаевъ 1863 П. О.
Бунге 1835 М., 1838 П. О. 1854,
1858 м.
Бунге, О. А. 1859 М.
Бурачекъ и Зеленый 1837.
Бутаковъ* 1862.
Бѣляевъ 1856 М. 1859.

В.

Вагнеръ 1863.
Вальтеръ 1849 М.
Варвинскій 1845 М.
Васильевъ 1863.
Веберъ и Видеманъ 1852 П. О.
Вейссе 1864 М.
Веньяминовъ 1835, 1840 П. О.
Веселаго 1852.
Веселовскій 1850 М.
Видеманъ 1845, 1849. 1852 П. О.
Висковатовъ 1842.
Витте 1854 П. О.
Влангали 1853 П. О.
Вольфельдтъ 1844, 1854 П. О.
Ворововъ 1854 П. О.
Воскресенскій 1859.
Востоковъ* 1832, 1833 М., 1834
М., *1843.
Врангель, Баронъ, Е. В., 1838 м.
Врангель, Баронъ Ф. П., 1836 м.,
1840 М., *1841, 1853 М.
Вреденъ 1863 П. О.
Всеволодовъ 1835, 1841 П. О.

Г.

Гагемейстеръ* 1831.
Галичъ 1834.
Гебель 1837.
Геблеръ 1835.
Гельмерсенъ, Р., 1832, 1835.
Гельмерсенъ, Г. П., 1841.
Геппнеръ 1862.
Герсевановъ 1862.
Гефтъ 1841 П. О.
Гецъ 1856. П. О.

Гейтлинъ 1845 П. О.
Гибнеръ 1861. П. О.
Гильфердингъ. 1859.
Гинкуловъ 1840 П. О.
Гиннингъ 1852.
Гиппиусъ 1844 П. О.
Гиргенсонъ 1860.
Глаголевъ 1832.
Глазенапъ 1846 М., 1850 М.
Глѣбовъ 1857 М.
Головацкій 1854.
Горемыкинъ* 1849.
Горловъ 1841, 1847, 1849 М.
Горностаевъ 1861.
Горяниновъ 1852 П. О.
Готвальдъ 1845 м.
Гофманъ 1841 М., 1848, 1856.
Гошкевичъ* 1857.
Гревингкъ 1850.
Грейгъ 1836 М.
Гречъ 1833 м., 1840 П. О.
Григоровичъ 1857 М.
Григорьевъ 1833, 1855 М.
Громовъ 1832.
Гримъ 1861 м.
Грумъ 1838, 1841 П. О.

Д.

Давидовъ 1847, 1849.
Данилевскій - Михайловскій *
1835, 1837.
Дебольскій 1840 П. О.
Делленъ 1855 м.
Дельвигъ, Баронъ, 1857.
Демидовъ* 1846 1).
Дестремъ 1854. М.
Диго 1841 П. О.
Дихтъ 1837.
Дмитріевъ* 1859.
Доснееъ 1837 П. О.
Дубенскій 1844.
Дубовицкій 1848 М.

Е.

Евлянинось 1842.
Ермаковъ 1848 П. О.

1) Премія не взята авторомъ, и при-
соединена обратно къ Демидовскому
капиталу.

Ессенъ 1835 М.
Ешевскій 1855 П. О.

Ж.

Жиряевъ 1855.
Жолкевичъ 1856 П. О.
Журавскій* 1854.

З.

Забѣлинъ 1862.
Заблоцкій, П. П., 1847 м., 1848,
1857.
Заблоцкій, М. П., 1854 П. О.
Завелгійскій 1843 П. О.
Загоскинъ 1848.
Зарубинъ 1853, 1855.
Здекауеръ 1860. М.
Зедделеръ, Баронъ, 1838 М., 1844
м., 1845 П. О., 1847 М., *1851.
Зедергольмъ 1840 П. О., 1841 П. О.
Зейдлицъ 1836 м.
Зеленый 1837, 1841, 1844, 1862, М.
Зерновъ 1843.
Зонтагъ 1838, П. О.

И.

Ивановъ, П. И., 1851.
Ивановъ, Н. А., 1854.
Ивашковскій 1839, 1845.
Ильенковъ, П. А., 1851, 1854 м.
Ильенковъ, Я. С., 1844.
Ильинъ 1842 П. О.
Иноземцевъ М.
Ишимова, 1837, 1840 П. О.

І.

Іакимовъ* 1834, *1838, 1842,
1847 П. О., 1848.
Іохимъ*1853.

К.

Казембекъ 1840, 1851 П. О. 1854.
Калачевъ 1856 М. 1859 М.
Каратаевъ 1861 П. О.
Карповъ 1856.
Кастрошъ 1843, 1849 м.
Каченовскій 1855 П. О.
Квитницкій. См. Смитъ.
Кейзерлингъ и Крузенштернъ*
1846.
Кеппенъ 1832 П. О., 1834 М.

Кербедзъ 1837 м.
Керберъ 1863. П. О.
Кесслеръ 1852.
Киприановъ 1861. М.
Кякинъ 1840 П. О.
Клаусъ* 1845, 1849.
Кнорре 1845 М.
Ковалевскій 1837, *1845.
Ковальскій, 1853.
Козловъ 1863 м.
Кознаковъ 1862. П. О.
Кокпаровъ 1853.
Корфъ, Баронъ, М. А., *1861.
Коссовичъ 1847.
Костомаровъ 1861. П. О. 1860 м.
Кохъ 1858. М.
Кочетовъ 1838 М.
Крейцвальдъ 1859.
Крузе 1842.
Крузенштернъ* 1836, 1837,
*1846.

Крусель 1855.

Кудряцевъ 1851.
Кузнецовъ 1854 П. О., 1861 П. О.
Кунцинъ 1856 м.
Куторга, Ст. С., 1852.
Куторга, М. С., 1849, 1858.

Л.

Лакіеръ 1855.
Ламанскій В. И. 1859.
Ласковскій 1854 М.
Левшинъ 1833.
Ленць 1864.
Леонтьевъ 1850.
Лей, Тарасовъ и Стрѣлковскій
1845. П. О.
Лешковъ 1858 П. О.
Линовскій 1847 П. О.
Литке*1835.
Лихтенштедтъ 1835 М., 1836 м.
Ловягинъ 1856. П. О.
Лоренцъ 1838 м., 1840 М., 1842
м., 1844 м.

М.

Майковъ 1857.
Макарій 1846 П. О., *1853.
Макарій, Архим., 1860 П. О.

Максимовичъ *1858.
Мартыновъ 1850.
Мевіусъ 1859.
Меглицкій и Антиповъ 2. 1858.
Медемъ, Баронъ, 1836, *1838,
1851 М.
Мейковъ 1862 м.
Мельгуновъ 1863 П. О.
Менделѣевъ * 1861.
Менетріе 1848.
Морклинъ 1854.
Миллеръ 1864 м.
Милютинъ 1849, *1852.
Миндингъ 1860.
Михайловскій - Данилевскій
*1835, 1836.
Михайловъ 1844 П. О.
Муральтъ 1848 м., 1853.

Н.

Напьерскій 1842 М.
Небольсинъ, Г. П., 1845 П. О.
Небольсинъ, П. И., 1855.
Неволинъ 1840, 1846 м., 1847 М.,
*1851, *1853.
Нейманъ 1833 М.
Нейсъ 1851 П. О.
Нервандоръ 1847.
Николаевъ 1862. П. О.
Новицкій 1841 М.
Нордманъ 1860.
Нордштремъ 1859 м.
Носовичъ 1864.

О.

Ободовскій 1836 м., 1839.
Ольдекопъ 1842 П. О.
Олышевъ 1856 м.
Осокинъ 1856. П. О.

П.

Павловскій 1843 П. О., 1855 П. О.
Павскій * 1843.
Пандеръ * 1856.
Паукоръ * 1831.
Пахманъ 1851 П. О.
Пекарскій * 1860.

Перевлѣскій 1848 П. О.
Перовоцковъ 1831, 1842 П. О.
Петровъ 1848 П. О.
Петрушевскій 1835, 1846.
Пироговъ 1836 м., 1840, *1843,
*1850, *1859.
Погодинъ *1839.
Полевой 1864. П. О.
Половцевъ 1833.
Попка 1860 П. О.
Поповъ 1848.
Поповъ, А. 1857.
Поповъ, Н. 1862.
Порошинъ 1846 м.
Поссельтъ 1852.
Постельсъ и Рупрехтъ *1840.
Посъетъ 1850.
Похилевичъ 1864 П. О.
Пузановъ 1862. П. О.
Пушкаревъ 1848 П. О.
Пыпинъ 1857.

Р.

Раде 1861.
Ратлефъ 1852.
Рахманиновъ 1852 П. О.
Рачинскій 1859 П. О.
Рейнеке *1850.
Рейнъ 1839.
Рейфъ * 1832, 1850 П. О.
Рихтеръ 1844, 1845 П. О. 1858
П. О.
Роговъ 1858.
Роговичъ 1861.
Рожковъ 1858 П. О.
Рони, Леонъ де, 1857 м.
Рупрехтъ 1840, 1844.
Руссвуртъ 1851.
Рыбниковъ 1863.

С.

Савва, Архим. 1858.
Саввантовъ 1849.
Савельевъ 1847, 1854, 1858.
Савичъ 1842 м., *1845, 1858.
Саломонъ 1841.
Самсонъ фонъ Гиммельштертъ
1833 М., 1844 М., 1850 М.

Свѣзевъ 1842 П. О.
Севастьяновъ 1832.
Селезневъ 1861. П. О.
Семеновъ 1836.
Серафимъ 1859. П. О.
Сибирскій, Князь, 1859.
Сидонскій *1834, 1855 М.
Скаловскій 1845 П. О., 1846.
Скальковскій 1846 П. О. 1848.
Слонимскій 1844.
Смарагдовъ. 1840 П. О, 1841,
1844 П. О.
Смирновъ 1856.
Смитъ *1864, 1864 М.
Смиттъ 1840 М.
Смысловъ 1863.
Снегиревъ 1835, 1839.
Соколовъ, Д. И., 1832, 1839, 1842
П. О.
Соколовъ, П. И., *1834.
Соколовъ 1856.
Соколовъ 1860 П. О.
Соловьевъ 1855.
Сомовъ 1837, 1847, 1850.
Стасовъ 1860 М.
Степановъ 1835.
Строевъ, В. М., 1832.
Строевъ, С. М., 1839.
Стрѣлковскій, Лей и Тарасовъ,
1845 П. О.
Сѣверцовъ 1855.
Сѣченовъ 1862.

т.

Тарасовъ, Лей и Стрѣлковскій
1845. П. О.
Тарновскій 1864 П. О.
Татариновъ 1842.
Тибѣнниковъ 1853.
Теляковскій 1839.
Терещенко 1837 П. О.
Тихменевъ 1861, 1863.
Тихонравовъ 1863 М.
Толстой, Гр., *1846.
Толь 1836 М.
Торнау 1850.
Турчаниновъ * 1856.
Тютчевъ 1863 П. О.

у.

Узатись 1843.
Удольскій 1855.
Усларъ 1863.
Усовъ 1838.
Устряловъ 1831, 1833.
Ушаковъ *1836.

ф.

Фальдерманъ 1836, 1838.
Филомаѳитскій 1840.
Фишеръ А. А., 1834 М.
Фишеръ, Г. И., 1837.
Флери 1835.
Флоръ 1861. П. О.

х.

Хавскій 1848.
Хвольсонъ 1861 П. О.

ц.

Цабель 1864. П. О.
Целлинскій 1862 м.
Ценковскій 1856.
Циглеръ 1854 м.

ч.

Чаруковскій 1828.
Чебышевъ 1848, 1852 м.
Чебышевъ-Дмитріевъ 1862. П.
О. 1864 М.
Чернопяттовъ 1860 П. О.
Чертковъ 1834, 1837 П. О.
Чистовичъ 1857. 1864.
Чистяковъ 1847 П. О.
Чичеринъ 1856.
Чубиновъ *1839, *1846.

ш.

Шварцъ *1864.
Швейцеръ 1863.
Шебякинъ 1863 П. О.
Шевыревъ 1836.
Шимковичъ 1841.
Ширренъ 1858. М.
Шмальцъ 1838 м.
Шмидтъ 1857, 1864. П. О.

Шмидтъ 1863.
Шодуаръ * 1837.
Шопенъ 1840.
Шренкъ 1849.
Штейнманъ 1860. м.
Штекгардтъ 1839 м.
Шторхъ 1850 П. О.
Штукенбергъ 1840, 1842.
Шульгинъ 1838.
Шульцъ 1853 П. О.

э.

Эверсманъ 1844.
Эйхвальдъ 1833.
Энгельгардтъ 1864 П. О.
Энгельманъ 1860 П. О.

Эрдманъ 1836 м.
Эристовъ 1836.
Эртель 1843, 1844 П. О.

ю.

Юнге 1864 м.

я.

Языковъ 1842.
Якоби *1839.
Яковкинъ 1862 П. О.
Янишь 1838 П. О.
Ярцовъ 1836.
Ястребцовъ 1833.
Ястржембовскій 1838.

РАЗБОРЫ СОЧИНЕНІЙ,
ПОЛУЧИВШИХЪ
ДЕМИДОВСКІЯ НАГРАДЫ
НА XXXIV СОВСѢЗАНІИ.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

Ө. И. СМІТА :

«ИСТОРІЯ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ И ВОЙНЫ 1830 И 1831 ГГ.»

СОСТАВЛЕННЫЙ АКАДЕМИКОМЪ А. А. КУНИКОМЪ.

Въ новѣйшее время все болѣе и болѣе образуется убѣжденіе, что для точнаго и обстоятельнаго изображенія военныхъ событій недостаточно въ писателѣ одного историко-критическаго таланта и счастливаго дара повѣствованія, но необходимо для него также и основательное научное знаніе военнаго искусства. Къ числу историковъ настоящаго времени, занимающихъ въ общей европейской литературѣ въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ, принадлежитъ скончавшійся 11 марта, на 78 году своей жизни, Членъ-Корреспондентъ нашей Академіи, Федоръ Ивановичъ Смитъ. Еще въ ранней молодости онъ имѣлъ случай, чрезъ своего дядю, генералъ-маіора Меркеля, ознакомиться съ подвигами Суворова, и повѣствованія достойнаго ветерана возбудили въ немъ намѣреніе со-временемъ сдѣлаться біографомъ великаго полководца. И дѣйствительно, Ө. И. Смитъ скорѣе отрекся отъ начатаго имъ въ университетѣ изученія богословія, съ тѣмъ, чтобы совершенно посвятить себя историко-политическимъ наукамъ. Въ достопамятномъ 1812 году общее одушевленіе овладѣло и Смитомъ, который, во вниманіе къ его познаніямъ, былъ принятъ корнетомъ въ полкъ волонтеровъ Яхонтова, извѣстный подъ названіемъ «Мертвыя головы». Но въ октябрѣ того же года, находясь въ Ригѣ, Смитъ заболѣлъ тифомъ, вслѣдствіе чего окончательно лишился уже и прежде измѣнявшаго ему слуха и сдѣлался неспособнымъ къ военной службѣ. Лѣтомъ 1813 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ російскаго почтъ-инспектора въ Варшавѣ; въ 1815 г., по вступленіи съ арміей въ Парижъ, опре-

дѣленъ директоромъ военной канцеляріи русскаго коменданта въ этомъ городѣ, графа Ностица, и лишь лѣтомъ 1819 года, съ послѣднимъ отрядомъ графа Воронцова, возвратился въ отечество. Затѣмъ онъ служилъ нѣкоторое время по интендантской части. Въ 1826 году былъ посланъ по дѣламъ службы въ Могилевъ, въ главную квартиру 1-й арміи. Здѣсь Смитъ впервые узналъ будущаго графа Толя, которому прочелъ отрывокъ изъ своего сочиненія о Суворовѣ, а именно описаніе штурма Измаила, напечатанное въ 1830 году. Подъ исходъ этого года Толъ взялъ его съ собою въ главную квартиру фельдмаршала Дибича. Тутъ Смитъ имѣлъ случай пріобрѣсти еще большее практическое знакомство съ военнымъ дѣломъ, чѣмъ въ 1812—1815 годахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовлялся къ тому, чтобы впоследствии стать историкомъ польской кампаніи. Первые два тома его сочиненія объ этой войнѣ изданы въ Берлинѣ въ 1839 году, и спустя нѣсколько лѣтъ уже оказалась надобность во второмъ изданіи этой книги, которое и напечатано въ 1848 году, вмѣстѣ съ 3-мъ и послѣднимъ томомъ.

Этотъ трудъ и нѣкоторыя другія сочиненія Смита о русской военной исторіи, которыя будутъ указаны ниже, обратили на него вниманіе правительства. Въ 1859 году онъ былъ назначенъ историографомъ Генеральнаго Штаба, а вскорѣ затѣмъ ему дано разрѣшеніе исполнѣ издать также на русскомъ языкѣ свою исторію польской войны, съ планами и картами, — разрѣшеніе, въ которомъ прежде ему было отказано.

Это сочиненіе, въ теченіе 25 лѣтъ, уже заслужило своими высокими достоинствами такую извѣстность у военныхъ лицъ и историковъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, что излишне было бы подробно распространяться о его содержаніи. Лишь для удовлетворенія требованій Положенія о наградахъ Демидова долгомъ поставлю указать здѣсь на то, какимъ образомъ составилъ этотъ трудъ, и какъ онъ относится къ другимъ сочиненіямъ о походѣ 1831 года. Число книгъ и брошюръ о польской революціи вообще или объ отдѣльныхъ ея періодахъ довольно значительно въ польской, нѣмецкой и французской литературахъ. Но лишь немногіе изъ авторовъ обладали необходимыми всесторонними научными свѣдѣніями, и почти никто изъ нихъ не могъ сказать объ этомъ предметѣ полной правды, уже по тому одному, что имъ были недостаточно извѣстны русскіе источники. Другіе писатели, поляки и полонофилы, даже и не намѣревались говорить правду, положивъ себѣ цѣлью только клеветать на Россію, или возвышать своими

хвастовствомъ и голословнымъ краснорѣчіемъ національную славу Польши. Никому обстоятельства не были столь благоприятны для изученія и оцѣнки причинъ, хода и конца польской революціи, какъ Смитъ. Съ 1813 по 1835 годъ, за исключеніемъ немногихъ лѣтъ, онъ находился въ Варшавѣ и Вильнѣ, и во время своихъ путешествій во внутренность страны обозрѣвалъ области прежней Польши взоромъ знатока военнаго дѣла. Въ главной квартирѣ онъ еще во время кампаніи 1831 года былъ посвященъ во многое, что оставалось не извѣстнымъ даже большей части генераловъ. Уже здѣсь онъ собиралъ матеріалы и свѣдѣнія для своего труда, и посылалъ, въ видѣ корреспонденцій, въ аугсбургскую и прусскую газеты. По окончаніи войны онъ еще пробылъ въ Варшавѣ съ полгода, для того, чтобы получить болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о разныхъ событіяхъ прямо изъ устъ не только русскихъ, но и польскихъ генераловъ и офицеровъ. Фельдмаршалъ князь Паскевичъ дозволилъ ему пользоваться бумагами Генеральнаго Штаба въ Варшавѣ и кн. Долгорукій открылъ ему въ Вильнѣ доступъ къ тамошнему архиву. Кромѣ того, Смитъ пользовался также польскими временными изданіями 1831 года, между прочимъ и тѣми, которыя печатались эмигрантами за-границею. Нѣкоторые русскіе генералы сообщали ему письменныя статьи, даже дневники, а другіе приняли на себя трудъ просмотрѣть и снабдить ее своими замѣчаніями. Все это относится къ первому изданію первыхъ двухъ томовъ. Что же касается до 3-го тома, вышедшаго изъ печати лишь въ 1848 году то должно замѣтить, что авторъ уже съ самаго начала могъ располагать для разработки его гораздо обильнѣйшими и прочнѣйшими матеріалами. По ходатайству графа В. Ѳ. Адлерберга, генерал-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго и адмирала Ѳ. П. Литке, ему были открыты архивы Главнаго Штаба въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ нашелъ 120 томовъ матеріаловъ для всего похода. Сверхъ того, онъ принялъ во вниманіе вышедшія тѣмъ временемъ въ свѣтъ новыя сочиненія польскихъ выходцевъ, которыя, конечно, были весьма неодинаковаго достоинства.

Такимъ образомъ Смитъ, какъ рѣдко кто другой изъ историковъ, пишущихъ о *современныхъ* событіяхъ, обладалъ средствами не только для вѣрнаго разъясненія почти всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ, но и для живаго и нагляднаго изображенія всей исторіи польскаго возстанія и послѣдовавшей за нимъ войны, въ естественномъ ихъ ходѣ. Но, къ сожалѣнію, ему не удалось подвергнуть первые два тома новой обработкѣ. Когда въ 1848 году потребовалось но-

вое ихъ изданіе, онъ долженъ былъ ограничиться исправленіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ погрѣшностей и развитіемъ главы о возстаніи въ Литвѣ и Подоліи. Къ тому же, онъ лишь позднѣе получилъ доступъ къ тайной перепискѣ фельдмаршала Дибича съ Императоромъ Николаемъ, а равно и къ извѣстному сочиненію, написанному по распоряженію князя Паскевича противъ Толя, и къ поправкамъ польскаго генералъ-квартирмейстера Прондзинскаго. Сколь важна была въ этомъ случаѣ тайная корреспонденція, можно судить изъ того, что Смитъ публично заявилъ, что въ своемъ сочиненіи онъ иногда былъ несправедливъ противъ фельдм. Дибича. Чтобы загладить свою невольную погрѣшность, онъ въ 1858 г. рѣшился издать въ нѣмецкомъ переводѣ эту корреспонденцію, вмѣстѣ съ другими весьма интересными записками, писанными на русскомъ и французскомъ языкахъ, подъ заглавіемъ: *Feldherrn-Stimmen aus und über den polnischen Krieg, vom J. 1831.* («Голоса военачальниковъ о польской кампаніи»). Этотъ сборникъ, заключающій въ себѣ, кромѣ переписки Дибича, еще статьи польскихъ генераловъ Хжановскаго (*Chrzanowski*) и Прондзинскаго (*Prądzyński*), князя Паскевича, генераловъ Нейдгардта и Толя, генералъ-интенданта Погодина, въ непродолжительномъ времени будетъ изданъ и на русскомъ языкѣ. Желательно, чтобы издатель присоединилъ къ этому сборнику переводъ предисловія Смита къ тремъ томамъ нѣмецкаго изданія исторіи польскаго возстанія, а равно и помѣщеннаго въ концѣ 3-го тома обзора источниковъ, потому что, безъ этого, точка зрѣнія Смита легко можетъ быть понята въ превратномъ видѣ, какъ то не рѣдко случалось со стороны Поляковъ.

Нельзя не сожалѣть, что автору не удалось еще разъ самому исправить главный трудъ его жизни. Вѣроятно, онъ отчасти измѣнилъ бы тогда описаніе военныхъ дѣйствій съ польской стороны и нѣсколько полнѣе изложилъ бы ихъ по польскимъ источникамъ, чѣмъ то было ему возможно лѣтъ 15 или 20 тому назадъ, по недостатку разныхъ свѣдѣній. Приверженцы Польши укоряли Смита въ пристрастіи. Но мы не должны забывать, что авторъ былъ слишкомъ близокъ къ событіямъ, и что сами Поляки еще во время войны и послѣ нея страшно искажали и даже прямо извращали истину. Это возмущало Смита, который, какъ волонтеръ 1812 года, естественно смотрѣлъ на русскихъ солдатъ совершенно иначе, чѣмъ польскіе республиканцы на «москалей». Смитъ, въ одномъ изъ своихъ предисловія сознается, что историкъ — человекъ, но что

онъ долженъ искать только правды. И дѣйствительно, во второмъ изданіи, онъ, въ разныхъ мѣстахъ, оказываетъ Полякамъ болѣе справедливости, и, конечно, при новомъ изданіи исправить бы относительно ихъ кое-что. Предполагать это заставляетъ насъ примѣчательный его приговоръ о Мѣрославскомъ и объ его исторіи польскаго возстанія, написанный 1 января 1848 года ¹⁾. Нигдѣ Смитъ не обнаруживалъ личнаго своего образа воззрѣнія опредѣлительнѣе, чѣмъ въ 1-й главѣ своего сочиненія (стр. 1—76 русскаго изданія) подъ заглавіемъ: «*Польша въ теченіе пятнадцатилѣтія владычества Россіи*». Не мудрено, что каждый польскій патріотъ сколько бы онъ ни былъ умѣренъ, по прочтеніи этой главы, увидитъ въ Смитѣ только поборника Россіи. Но въ оправданіе автора надобно сказать, что эта глава была имъ написана еще въ 1832 году, т. е. въ такое время, когда едва ли было возможно спокойнымъ взглядомъ обозрѣвать періодъ съ 1815 по 1830 годъ и, когда въ Россіи еще никто не отваживался говорить полную правду о дѣйствіяхъ великаго князя Константина Павловича и о мѣрахъ Новосильцова. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ эта глава въ высокой степени не только занимательна, но и поучительна ²⁾.

Вообще при обсужденіи сочиненія Смита не слѣдуетъ обращать большаго вниманія на отдѣльные недостатки, но должно имѣть въ виду совокупность труда. Въ этомъ отношеніи этотъ трудъ принадлежитъ къ отличнѣйшимъ явленіямъ исторической литературы послѣдняго тридцатилѣтія. Автору удалось не только на дѣлѣ доказать, сколько вѣрность описанія войны зависитъ отъ познанія историка въ военномъ искусствѣ и въ военной исторіи вообще, но также составить художественное военно-историческое произведеніе, которое, особенно въ отдѣльныхъ своихъ главахъ, отличается пластическимъ изображеніемъ. Въ этомъ отношеніи очевидно вліяніе, которое имѣло на автора знакомство съ историками классической древности. Конечно, онъ въ иныхъ мѣстахъ вдается въ разсмотрѣніе вопросовъ, свойственныхъ не столько общей исто-

¹⁾ На стр. XI предисловія къ III тому нѣмецкаго изданія, и тамъ же стр. 607 и 623.

²⁾ Я обращаю здѣсь вниманіе на одну статью профессора Цибульскаго въ *Literarhistorisches Taschenbuch von Prutz* 4. Jahrg. 1846, гдѣ сдѣлана попытка къ объясненію связи между происхожденіемъ польской революціи 1831 года и развитіемъ польской литературы (*Die letzte Revolution Polens und die ihr vorangehende politisch-literarische Bewegung*).

рин войны 1831 года, сколько военнымъ монографіямъ, но онъ принужденъ къ тому сочиненіями поляковъ, которые слишкомъ часто или умышенно, распространяли въ печати совершенно превратныя свѣдѣнія о событіяхъ 1831 года. Смитъ во многихъ мѣстахъ сильно негодуеть противъ такого образа дѣйствій, но съ другой стороны не пускаеть случаевъ поставить на видъ, что нѣкоторые польскіе писатели или вовсе, или по крайней мѣрѣ отчасти воздерживались отъ духа увлеченія и пристрастія. Сюда онъ причисляетъ особенно Хжановскаго, который участвовалъ въ русской кампаніи 1829 г., Прондзинскаго, Бжозовскаго (Brzozowski) и Мужинювскаго (Murzynowski).

Мѣстами г. Смитъ вдаетъ въ полемику, но она имѣеть особенное значеніе тѣмъ, что исходитъ отъ автора, который какъ очевидецъ описываемыхъ происшествій, служитъ также живымъ источникомъ для исторіи достопамятной борьбы 1831 года. Уже вслѣдствіе этого одного, книга его никогда не устарѣеть, хотя впослѣдствіи и составятся нѣкоторые новые взгляды, въ отношеніи какъ военныхъ событій, такъ и характеристики многихъ участвовавшихъ въ войнѣ личностей. Но это, вѣроятно, будетъ менѣе относиться къ русской арміи, потому что русскіе источники, по крайней мѣрѣ главные изъ нихъ, такъ сказать, исчерпаны авторомъ³⁾. Вѣроятно, еще явятся разныя записки польскихъ военачальниковъ и клубистовъ, съ замѣтками на сочиненіе Смита. Но въ отношеніи ихъ критика должна быть весьма осторожна, потому что тотъ или другой авторъ можетъ быть постарается выставить въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ осужденные Смитомъ козни и промахи.

Послѣ всего сказаннаго нельзя не признать сочиненія г. Смита вполне достойнымъ Демидовской преміи. Еще въ 1833 году онъ представлялъ первый томъ своего сочиненія о Суворовѣ на соисканіе награды. Но, какъ Смитъ самъ отзывается въ своей автобіографической запискѣ, напечатанной въ 1864 году, «онъ не получилъ ея, и историческая премія была выдана за сочиненіе, о которомъ не было болѣе слышно». Нынѣ Академіи представляется

³⁾ Въ прошедшемъ году вышли за границей нѣкоторыя посмертныя сочиненія извѣстнаго партизана, Орлова-Денисова, и между прочимъ, «Записка о кампаніи 1831 года». Я обратилъ на нее вниманіе Смита и просилъ его сообщить мнѣ его мнѣніе о сужденіи ея автора о Дибичѣ, какъ о полководцѣ. По тому, какъ я поставилъ этотъ вопросъ, и по тому, какъ моя просьба была принята Смитомъ, считаю себя въ правѣ при случаѣ сообщить отвѣтъ его буквально.

случай принести памяти усопшаго автора подобающую дань признательности за многочисленные труды въ области русской военной исторіи 4).

-
- 4) 1) Der Sturm von Ismail. Wilna 1830.
 - 2) Suworow's Leben und Heerzüge. Im Zusammenhange mit der Geschichte seiner Zeit dargestellt. 1er Theil. Wilna. 1833.
 - 3) Geschichte des polnischen Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830 und 1831. Nach authentischen Quellen dargestellt. I. und II. Theil. Mit Schlachtplänen und Tabellen.
(2te verbesserte Auflage. Berlin 1848.)
Dritter Theil (Feldzug des Feldmarschalls Paskewitsch in Polen im J. 1831). Mit 9 Schlachtplänen und 16 Tabellen. Berlin 1848.
 - 4) Aus Karl von Nostitz Leben und Briefwechsel. Dresden 1848.
 - 5) Die Schlacht bei Inkermann. Berlin 1858.
 - 6) Suworow und Polens Untergang. Nach archivalischen Quellen dargestellt. Theil I. II. Mit Plänen. Leipzig. 1858.
 - 7) Denkwürdigkeiten eines Livländers (Woldemar von Löwenstern) aus den Jahren 1790—1815. Th. 1. 2. Leipzig 1858.
 - 8) Feldherren-Stimmen aus und über den polnischen Krieg vom Jahre 1831. Leipzig 1858.
 - 9) Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne. D'après les documents authentiques. Paris et Berlin 1861.
 - 10) Zur näheren Aufklärung über den Krieg von 1812. Nach archivalischen Quellen. Leipzig. 1861.
 - 11) Wie ward der letzte orientalische Krieg herbeigeführt? Leipzig 1863.
 - 12) Bericht über das Werk des Generals Bogdanowitschs «Исторія войны 1813 года. II.» 1864. (Bulletin de l'Acad. des Sc. Tome VII, 519—557).
 - 13) Der Feldzug des Darius gegen die Scythen im J. 513. (Bull. d'Acad. des Sc. Tome VIII, 316—339).
 - 14) Schlüssel zur polnischen Frage, oder warum konnte und kann Polen als selbständiger Staat nicht bestehen? Pet. 1865.
-

РАЗБОРЪ РУКОПИСНАГО СОЧИНЕНІЯ

Р. ЛЕНЦА:

«ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВОСТОЧНОЙ ПЕРСІИ И ГЕРАТСКАГО ВЛАДѢНІЯ, ОТНОСИТЕЛЬНО МАТЕМАТИЧЕСКОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ»,

СОСТАВЛЕННЫЙ АКАДЕМИКОМЪ А. Н. САВИЧЕМЪ.

На всѣхъ языкахъ есть описанія путешествій, назначаемыя для легкаго и пріятнаго чтенія; этого рода книги не нуждаются для появленія въ свѣтъ въ пособіяхъ отъ правительственныхъ мѣстъ и ученыхъ обществъ; лучшая для нихъ награда состоитъ въ распродажѣ книги и въ томъ, что авторъ приобретаетъ общую извѣстность. Напротивъ, когда путешествіе предпринималось съ спеціальными научными цѣлями и его описаніе содержитъ только матеріалы и результаты изслѣдованій по какой-либо отрасли естествовѣдѣнія, тогда пособіе и поощреніе не только умѣстны, но и большею частію необходимы для изданія въ свѣтъ и обработки всего того, что было собрано для пользы науки. Къ подобнаго рода трудамъ относится разсмотрѣнная нами рукопись.

Авторъ былъ однимъ изъ членовъ экспедиціи, которую снарядило въ 1857 году Императорское Русское Географическое Общество для научныхъ изслѣдованій въ восточной Персіи и Херосанѣ. Много занимательнаго сдѣлалось уже извѣстнымъ изъ того, что напечатано начальникомъ экспедиціи, Н. В. Ханьковымъ. Нынѣ представляетъ ученой публикѣ плоды своихъ работъ г-нъ Р. Ленцъ, которому поручены были опредѣленія географическаго положенія мѣстъ и разныя наблюденія по части Математической и Физической Географіи. Это порученіе онъ исполнилъ съ успѣ-

хоть. Нѣкоторыя изъ посѣщенныхъ ими мѣстъ были прежде хорошо опредѣлены по широтѣ и долготѣ отличнымъ наблюдателемъ, генераломъ Леммомъ; сравненіе этихъ опредѣленій съ выводами г. Ленца можетъ дать понятіе о степени точности его выводовъ.

Для производства наблюдений г. Ленцу были даны: малый универсальный инструментъ работы Вецера, отражательный призмозеркальный кругъ Пистора, три хронометра, снаряды для изслѣдованія земнаго магнетизма, термометры, барометры, и т. п. Г. Ленцъ говоритъ о предосторожностяхъ, съ которыми инструменты перевозились и употреблялись при наблюденіяхъ, а также о повѣркахъ этихъ инструментовъ; приемы, которымъ онъ при этомъ слѣдовалъ, вполне заслуживаютъ одобренія. Недостатки въ устройствѣ и установкѣ инструментовъ всегда оказываютъ болѣе вредное вліяніе на результаты наблюдений, нежели случайныя погрѣшности, дѣлаемые самимъ наблюдателемъ; поэтому заботливость г. Ленца о повѣркахъ инструментовъ способствовала къ увеличенію благонадежности найденныхъ имъ результатовъ.

Чтобъ испытать степень точности отражательнаго призмозеркальнаго круга работы Пистора, г. Ленцъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ опредѣлялъ географическую широту какъ по измѣреніямъ высотъ полярной звѣзды, такъ и по наблюденіямъ около меридіанальныхъ высотъ звѣздъ, кульминирующихъ къ югу отъ зенита. Въ обоихъ случаяхъ получались выводы, близкіе между собою. Равнымъ образомъ, повѣрка состоянія хронометровъ, вычисленная по измѣренію высотъ свѣтила на востокѣ отъ меридіана, различалась отъ повѣрки, найденной по измѣренію такихъ же высотъ на западѣ, не болѣе того, сколько требуетъ ходъ хронометра и допускаютъ случайныя ошибки наблюдений. Убѣдившись такимъ образомъ въ хорошихъ свойствахъ отражательнаго круга, г. Ленцъ преимущественно пользовался этимъ удобнымъ инструментомъ и часто опредѣлялъ широту мѣста по однимъ высотамъ Полярной звѣзды.

Среднія погрѣшности найденныхъ авторомъ географическихъ широтъ составляютъ вообще около $10''$, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ даже менѣе. За исключеніемъ одного пункта, широты тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ наблюдалъ также г. Леммъ, отличаются отъ широтъ, опредѣленныхъ г. Ленцемъ, значительно болѣе, иногда въ одну, иногда въ противную сторону; вѣроятно, это зависитъ отъ разности пунктовъ, къ которымъ наблюдатели относили въ каждомъ мѣстѣ опредѣленія широты. Въ повѣркахъ часовъ среднія погрѣшности не превосходятъ одной секунды вре-

мени и выходятъ еще менѣе въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ сдѣланы наблюденія равныхъ и соответствующихъ высотъ солнца прежде и послѣ полудня.

Наибольшія затрудненія представили изысканія географическихъ долготъ; одинъ изъ трехъ хронометровъ оказался совершенно неудовлетворительнымъ, а два остальные были посредственные. По этой причинѣ г. Ленцъ старался сколько возможно чаще измѣрять лунныя разстоянія для вывода географическихъ долготъ; углы наблюдались помощію хорошо вывѣреннаго отражательнаго круга Пистора и лунныя разстоянія, показанныя въ Nautical-Almanac на 1858 и 1859 годы, были исправлены помощію наблюдений въ Гриничской Обсерваторіи и по сравненію съ лунными таблицами Гаизена. По этому можно полагать, что долготы, выведенныя изъ этихъ наблюдений, не заключаютъ значительныхъ постоянныхъ ошибокъ.

Съ подобною же цѣлю г. Ленцъ наблюдалъ двѣ кульминаціи луны помощію универсальнаго инструмента.

Изъ всѣхъ упомянутыхъ наблюдений выведены съ разною степенью точности долготы отъ Гринича 9-ти пунктовъ. Одинъ рядъ наблюдений состоялъ изъ измѣреній 10 близкихъ между собою лунныхъ разстояній, которыя раздѣлялись на двѣ группы, и изъ каждой группы вычислялась отдѣльно долгота мѣста. Судя по разхожденію результатовъ, можно принять, что среднія ошибки въ долготѣ, выведенной изъ одного ряда 10 измѣреній, составляютъ около ± 12 секундъ времени. Наилучше найдена долгота Мешхеда и потомъ Герата; выведенная г. Ленцемъ долгота Мешхеда отличается отъ долготы, изслѣдованной г. Леммомъ, только на 6" времени. Присоединяя къ долготамъ, которыя даетъ г. Ленцъ, опредѣленія долготъ тѣхъ же мѣстъ по наблюдениямъ г. Лемма, получатся достаточныя основанія для вычисленія долготъ тѣхъ пунктовъ, между которыми г. Ленцъ сдѣлалъ хронометрическія соединенія.

Всѣми этими средствами тѣмъ болѣе нужно было воспользоваться, что автору рѣдко удавалось возвращаться по истеченіи небольшого числа дней въ тѣ пункты, на которыхъ онъ наблюдалъ прежде. Большею частію для вычисленія разностей долготъ употреблены суточные ходы хронометровъ, слѣдующіе изъ наблюдений, которыя сдѣланы на одномъ мѣстѣ прежде, а на другомъ послѣ переѣзда изъ перваго пункта во второй, такъ что неизвѣстнымъ остается ходъ хронометра во время самаго путешествія. Невыгода этого

способа уменьшилась предосторожностями, которыя принималъ г. Ленцъ для устраненія всего того, что могло бы способствовать къ измѣненіямъ въ состояніи и суточномъ ходѣ хронометровъ. Впрочемъ довольно чувствительныя пережбны въ ходѣ происходили даже тогда, когда хронометры сохранялись покойно на мѣстѣ. Это служить доказательствомъ невысокаго достоинства хронометровъ и объясняетъ намъ несогласія въ выводахъ разности долготъ по одному и другому хронометру — несогласія, простирающіяся иногда до 15 секундъ времени и болѣе.

Обращая вниманіе на эти обстоятельства, мы полагаемъ, что опредѣленія долготъ по луннымъ разстояніямъ заслуживаютъ болѣе довѣрія, нежели сколько имъ оказываетъ авторъ. Можно имъ съ надлежащею осторожностію воспользоваться для исправленія въ нѣкоторой степени разностей долготъ, выведенныхъ помощію хронометрическихъ соединеній. При изданіи книги въ свѣтъ, было бы вообще полезно подвергнуть пересмотру статью о долготахъ, для расположенія ея въ удобнѣйшемъ порядкѣ, для устраненія вкрапшихся описокъ и въ особенности для болѣе вѣроятнаго, окончательнаго вывода долготъ. Для этого нужно принять во вниманіе всѣ матерьялы, собранные самимъ авторомъ и другими хорошими наблюдателями, обращая по возможности вниманіе на степень точности разныхъ частныхъ опредѣленій.

Мы предложимъ здѣсь слѣдующій приемъ вычисленія для исправленія относительныхъ долготъ по наблюденіямъ г. Ленца.

Пусть означаютъ A, B, C, \dots, M, N точки, въ которыхъ сдѣланы наблюденія, и пусть по измѣренію лунныхъ разстояній найдены долготы L и L' первой точки A и послѣдней N ; положимъ потомъ, что разности между долготами точекъ A и B, B и C, \dots, M и N выведены помощію перевозки хронометровъ изъ A въ B , изъ B въ C, \dots и наконецъ изъ M въ N ; помощію такихъ хронометрическихъ соединеній непосредственно получится разность Δ между долготами начальной точки A и конечной точки N . Если бы всѣ опредѣленія были вѣрны, то разность $L - L'$ выходила бы равна Δ . Пусть $\pm x$ изображаетъ среднюю ошибку въ долготѣ L , $\pm x'$ среднюю ошибку въ долготѣ L' , $\pm y', \pm y'', \dots, \pm y^{(n)}$ среднія ошибки въ найденныхъ разностяхъ между долготами точекъ A и B, B и C, \dots, M и N . Тогда, вычисливъ величину h по формулѣ:

$$h = \frac{L - L' - \Delta}{xx + x'x' + y'y' + y''y'' + \dots + y^{(n)}y^{(n)}}$$

получимъ для долготъ точекъ *A* и *N* поправки — hxx , + $hx'x'$. Для разностей между долготами точекъ *A* и *B*, *B* и *C*, *M* и *N* произойдутъ поправки + $hy'y'$ + $hy''y''$, + $hy^{(n)}y^{(n)}$.

Для наблюдений г. Ленца въ Персіи можно принять слѣдующія числа для выраженія среднихъ ошибокъ.

Долгота Герата къ востоку отъ Гринича = $4^{\text{м}} 8' 25'' 8 = L$; она выведена изъ 3 рядовъ лунныхъ разстояній; средняя ея ошибка = $\pm 7'' 5 = x$.

Долгота Мушхеда по 4-мъ рядамъ лунныхъ разстояній = $3^{\text{м}} 58' 29'' 6$ съ среднею ошибкою $\pm 4'' = x'$.

Разность долготъ по хронометрическому соединенію = $0^{\text{м}} 9' 8'' 1 = \Delta$.

Случайное среднее измѣненіе въ суточномъ ходѣ каждаго изъ двухъ употребленныхъ хронометровъ можно принимать въ сутки около $\pm 2''$; для средняго числа изъ выводовъ по обимъ хронометрамъ произойдетъ отъ того ежесуточная ошибка

$$a = \frac{\pm 2''}{\sqrt{2}} = \pm 1'' 4.$$

Посему въ перенесеніи времени помощію двухъ хронометровъ можно по истеченіи t сутокъ принять ошибку $a\sqrt{t}$ или здѣсь $1'' 4 \cdot \sqrt{t}$. Если изобразимъ черезъ t' , t'' , ..., $t^{(n)}$ числа сутокъ, протекающихъ между наблюденіями на точкахъ *A* и *B*, *B* и *C*, ... *M* и *N*, то выйдетъ :

$$y'y' = \alpha^2 t', y''y'' = \alpha^2 t'', \dots, y^{(n)}y^{(n)} = \alpha^2 t^{(n)},$$

Въ нашемъ случаѣ $y'y' = 2t'$, $y''y'' = 2t''$, ..., $y^{(n)}y^{(n)} = 2t^{(n)}$. Такимъ образомъ получится все нужное для вычисленія. Если напр. принять $t' + t'' + \dots + t^{(n)} = 30$ суткамъ, то будетъ $L - L' - \Delta = +48'' 1$;

$$h = \frac{48,1}{56,25 + 16 + 60} = 0,3625.$$

Поправка въ долготѣ *L* есть — $hxx = -h.56,25 = -20'' 4$;

Поправка въ долготѣ *L'* есть + $hx'x' = +h.16 = +5'' 8$.

Остальныя $21'' 8$ идутъ на поправку хронометрическихъ разностей долготъ промежуточныхъ пунктовъ между Гератомъ и Мешхедомъ.

Число различныхъ мѣстъ, которыхъ географическое положеніе изслѣдовалъ г. Ленцъ, простирается до 94-хъ; широты и долготы этихъ мѣстъ были прежде большею частію худо извѣстны; степень точности этихъ опредѣленій достаточна для картографическихъ цѣлей. Весьма занимательны наблюденія, которыя авторъ произвелъ въ Персіи и Гератѣ надъ дѣйствіями земнаго магнетизма. Склоне-

вія магнитной стрѣлки найдены съ точностію до $1\frac{1}{2}$ минуты по-
мощію инструмента, который устроенъ по предложенію Акаде-
мика Э. Х. Ленца; напряженія земнаго магнетизма выведены съ
приближеніемъ до втораго десятичнаго знака. Къ сожалѣнію, дур-
ныя свойства инклинатора, который служилъ для измѣренія на-
клоненія магнитной стрѣлки, были причиною, что наклоненія даны
менѣе удовлетворительно, нежели оба другіе элементы земнаго маг-
нетизма. Не смотря на многія испытанія, которыя авторъ сдѣ-
лалъ надъ двумя магнитными стрѣлками, онъ полагаетъ, что въ
найденныхъ имъ наклоненіяхъ заключается еще нѣкоторая по-
стоянная погрѣшность.

Г. Ленцъ изслѣдовалъ всѣ три магнитныя элемента въ 17-ти
различныхъ мѣстахъ; въ 11-ти другихъ пунктахъ найдены либо
одни наклоненія, либо склоненія и наклоненія магнитной стрѣлки,
либо ея наклоненія и напряженія силы земнаго магнетизма.

Для большей наглядности авторъ изобразилъ на картѣ дѣй-
ствія магнетизма земли въ посѣщенныхъ имъ странахъ; такимъ
образомъ составились на картѣ изоклиническія, изогоническія и
изодинамическія кривыя линіи, которыя вообще показываютъ пра-
вильное распредѣленіе магнитныхъ координатъ въ этихъ странахъ.

Предыдущій разборъ приводитъ вообще къ заключенію, что
многочисленныя и разнообразныя наблюденія г. Р. Ленца состав-
ляютъ матерьялъ весьма важный для описанія малоизвѣстныхъ
странъ, каковы юговосточная Персія и Гератскія владѣнія. Обра-
ботка этого матерьяла сдѣлана съ большимъ стараніемъ и обога-
щаетъ географію новыми свѣдѣніями. Поэтому желательно, чтобъ
трудъ автора былъ изданъ въ свѣтъ; по нашему мнѣнію этотъ
трудъ вполне заслуживаетъ награды, присужденіемъ половинной
или поощрительной Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ СБОРНИКА

РУССКИХЪ СКАЗОКЪ А. Н. АѦАНАСЬЕВА,

СОСТАВЛЕННЫЙ О. Ѧ. МИЛЛЕРОМЪ.

Чѣмъ важнѣе и труднѣе задача, тѣмъ болѣе заслуги въ рѣшеніи ея — хотя бы только до извѣстной степени удовлетворительно. Потому-то, для опредѣленія заслуги г. АѦанасьева, необходимо прежде всего рѣшить: въ какой мѣрѣ важно значеніе сказки въ общемъ составѣ народной поэзіи, и какъ велики тѣ трудности, которыя надобно было преодолѣть, принимаясь съ ученою цѣлью за изданіе сказокъ.

I.

Вопросъ о значеніи сказки принадлежитъ къ числу вопросовъ всего менѣе у насъ выясненныхъ. Его, какъ и многіе другіе, брались рѣшать люди изъ двухъ противоположныхъ лагерей — т. е. западники и т. н. славянофилы. Первые названы у меня прежде, потому что въ историческомъ ходѣ развитія нашей науки послѣдніе появились позже. Съ другой же стороны, хотя самъ по себѣ такой фактъ болѣе поздняго появленія еще не можетъ дать права на преимущество — развитіе не всегда идетъ ровно, и шагъ позднѣйшій далеко не всегда бываетъ также и шагомъ впередъ — но, что касается школы славянофиловъ, то я, ни мало не обинуюсь, считаю появленіе ея чрезвычайно рѣшительнымъ шагомъ впередъ въ общемъ ходѣ развитія нашей науки. Потому-то, по бѣльшей части вопросовъ, касающихся нашей старины и народности, я прежде всего готовъ обращаться именно къ нимъ. Взглядъ на славянофиловъ, какъ на талантливыхъ дилеттантовъ въ наукѣ, не болѣе — кажется мнѣ далеко не вѣрнымъ, по крайней мѣрѣ относительно двухъ главнѣйшихъ (уже умершихъ) представителей этого направ-

ленія. Глубинѣ свѣдѣній А. С. Хомякова отдавалъ полную справедливость даже такой ученый противникъ его, какъ Грановскій (многіе, правда, и послѣдняго считаютъ не болѣе какъ дилеттантомъ, ставя его въ этомъ отношеніи едва ли не на одну доску съ Бѣлинскимъ, котораго важныхъ заслугъ не можетъ не признать ни одинъ *живой* человѣкъ, но котораго, конечно, *никто* не назоветъ ученымъ). Что касается К. Аксакова, то и за *нимъ* можно было усмотрѣть развѣ раскиданную многосторонность, но никакъ уже не поверхностность свѣдѣній. Вотъ именно онъ-то изъ славянофиловъ и обратилъ, между прочимъ, вниманіе и на основное значеніе нашей сказки. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, именно по этому вопросу и нельзя искать вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія у славянофиловъ. Основная задача и величайшая заслуга представителей этого направленія заключалась въ выясненіи основныхъ *особенностей* нашего народнаго быта и нашей исторіи сравнительно съ бытомъ и историческими судьбами запада (именно въ этомъ отношеніи школа ихъ и является у насъ огромнѣйшимъ шагомъ впередъ,—такимъ шагомъ, который наконецъ могъ и насъ—запоздалыхъ, какъ школьники, послѣ другихъ поступившіе въ классъ и потому пробавляющіеся задами — поставить въ уровень съ основнымъ направленіемъ, принятымъ не со вчерашняго дня Европейскою наукою, — съ направленіемъ, уклонившимся отъ подведенія всего многообразія жизни подъ нѣсколько общихъ готовыхъ формулъ, и стремящимся напротивъ того добросовѣстно вездѣ подмѣчать, и постепенно, съ величайшею осторожностью, выяснить именно это многообразіе). При характеристической склонности славянофиловъ къ задачамъ исторически-бытовымъ, сподручнымъ для нихъ отдѣломъ народной словесности является скорѣе *былина*, занимающая уже позднѣйшую ступень въ развитіи народнаго творчества,—ту ступень, на которой собственно и выясняются, въ поэтическомъ отраженіи, бытовые и историческія особенности народа. И дѣйствительно, основныя замѣчанія о былинахъ, главнымъ образомъ о ихъ бытовой и исторической сторонѣ, представителей славянофильской школы, по моему мнѣнію, несравненно глубже и вѣрнѣе всего того, что было даже послѣ нихъ сказано по этому предмету и такимъ знатокомъ относящагося сюда *материала*, какъ г. Буслаевъ. Этому послѣднему, при всѣхъ его обширныхъ свѣдѣніяхъ, яменно недостаетъ того умѣнія распознавать *особенности* Русской жизни, которою до сихъ поръ отличались у насъ собственно только славянофилы. Что же касается той стороны былинъ, которою онѣ соприкасаются со сказ-

ками, стороны мнѣческой, несомнѣнно существовавшей и до известной степени еще замѣтной въ основѣ былины, но болѣе удержавшейся въ сказкахъ, удержавшейся, какъ наследіе той отдаленной, до-исторической старины, которая принадлежала съ-обща всѣмъ Индо-Европейскимъ народамъ,—то относительно этихъ слѣдовъ *общей* имъ всѣмъ старины, славяно-фины, которыхъ все вниманіе устремлено на народныя (т. е. *частныя*, относительно цѣлаго) наши особенности, не могутъ быть знатоками. Въ сказкѣ же пменно *эти* слѣды и составляютъ главное; потому-то о ней и тѣмъ болѣе не могъ вполнѣ удовлетворительно судить К. Аксаковъ. Если въ статьѣ своей о былинахъ онъ какъ бы проглядѣлъ всю мнѣческую ихъ основу (за что положительно вознаграждали подмѣченныя имъ, какъ выхѣмъ другимъ, бытовья и историческія черты былины — а онѣ вѣдь всего важнѣе въ этомъ родѣ народной поэзіи), то въ сказкахъ проглядѣть мнѣ значило проглядѣть главнѣйшее. Все, что замѣтилъ К. Аксаковъ о сказкѣ, вѣрно только относительно ея позднѣйшаго вида, а въ изученіи сказокъ всего важнѣе ея первоначальная, общая всѣмъ народамъ мнѣческая основа. Именно эту *свою* основу сказка древнѣе былины, а потому и должна быть прежде ея изучена; напротивъ, если смотрѣть только на ея позднѣйшую, переработанную форму, то она и моложе былины и менѣе ея представляетъ достоинствъ.

Исходною точкою К. Аксакову послужилъ взглядъ самого народа на сказку, выраженный словами: «сказка — складка, а пѣсня — былъ». Ссылаться подобнымъ образомъ на различіе, проведенное между двумя отраслями своей словесности самимъ народомъ — вполнѣ основательно, если имѣть въ виду то *позднѣйшее время*, когда это различіе было народомъ проведено. Но К. Аксаковъ былъ не правъ, выводя изъ народнаго опредѣленія сказки и пѣсни, что «сказка и пѣсня различны изначала». Смотрѣть на произведенія своей словесности съ точки зрѣнія *генетической* — выше того кругозора, къ какому способенъ народъ. Такъ, напримѣръ, народъ воображалъ, на ступени познаго развитія своей мифологіи, что такое жизненное учрежденіе, какъ бракъ, служитъ только отраженіемъ на землѣ тѣхъ брачныхъ отношеній между богами, которыя онъ замѣчалъ на небѣ; тогда какъ на самомъ дѣлѣ, чтобы замѣтять подобныя отношенія *тамъ*, ему надо было сперва перенести ихъ туда изъ собственнаго своего міра. И вообще на позднѣйшей ступени мнѣческаго развитія народъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что все въ его жизни и бытѣ сложилось подъ вліяніемъ почитает-

мыхъ имъ боговъ, тогда какъ, если посмотрѣть и на это съ точки зрѣнія *исторической*, то напротивъ боги окажутся созданными имъ самимъ по образу и подобию своей жизни и своего быта. Точно также, по взгляду народа на сказку и пѣсню въ томъ видѣ, въ какомъ представились ему та и другая нъ *позднѣйшее время*, онѣ «изначала различны»; если же и тутъ взглянуть *исторически* — а такъ именно и обязана глядѣть наука — то окажется, что изначала и сказка должна была быть пѣсней, ибо все въ народной словесности, какъ уже убѣдительно доказано сравнительнымъ изученіемъ ея, было изначала *пѣснь*. Слѣды пѣсеннаго строя въ сказкахъ до сихъ поръ еще проглядываютъ мѣстами. Сохранялись даже цѣлыя отрывки сказокъ съ чисто пѣсеннымъ строемъ. Существуютъ наконецъ — наприимѣръ у Сербовъ — цѣлыя пѣсни, чуждыя всякихъ *былевицъ* примѣненій, носящія чисто миѣической, прямоподходящій къ содержанию сказокъ характеръ. (Подобнаго рода *сказки-пѣсни* записаны въ небольшомъ числѣ и у насъ: наприимѣръ «О Ванькѣ Удовкиномъ сынѣ и парѣ Волшанѣ Волшанскомъ» въ сборникѣ пѣсень г. Рыбникова (т. I, стр. 443 — 452).

Какъ внѣшняя форма большинства теперешнихъ сказокъ, форма прозаическая, такъ и теперешняя *внутренняя* форма очень многихъ изъ нихъ, ихъ теперешній *будничій* тонъ, — только слѣдствія позднѣйшей порчи. Только относительно *теперешняго* тона сказокъ можно признать вѣрными слова К. Аксакова, что тутъ «уже съ самыхъ первыхъ словъ дается знать, что это вымыселъ». Напротивъ, въ ту отдаленную пору, когда первоначально слагались сказки, онѣ точно такъ же не могли представляться народу вымысломъ, какъ вымысломъ не могла ему представляться та почва миѣическая, на которой и выросла сказка. Не изначальной вымышленностью сказки, а тѣмъ же миѣическимъ происхожденіемъ ея объясняется и замѣченный въ ней К. Аксаковымъ недостатокъ опредѣленности мѣста и времени. Если, сравнительно съ нею, въ былинѣ, напротивъ, замѣтна такая опредѣленность, то это именно потому, что былина первоначально — общую всѣмъ произведеніямъ народной поэзіи миѣическую основу уже приурочиваетъ къ историческимъ мѣстностямъ и событіямъ, тогда какъ сказка такого приурочиванья не знаетъ. Въ ней не можетъ быть и приблизительно точной хронологіи и географіи, потому что и въ позднѣйшихъ своихъ измѣненіяхъ она еще носитъ на себѣ живой отпечатокъ той области, изъ которой произошла она, области мѣва.

Если оно такъ, если вся сущность сказки — мѣвъ, ежели, сверхъ

того, по позднѣйшимъ результатамъ сравнительной мифологіи, сторона мифическая представляетъ всего болѣе сходствъ у различныхъ Индо-Европейскихъ народовъ, то всего вѣрнѣе, повидимому, могъ бы взглянуть на сказку тотъ изъ нашихъ изслѣдователей, который, при своихъ обширныхъ свѣдѣніяхъ, и пользуется ими именно для того, чтобы указывать въ нашей народной словесности на тѣ черты, въ которыхъ мы сходимся съ другими Индо-Европейскими народами. Основной недостатокъ, свойственный этому почтенному изслѣдователю — я разумѣю г. Буслаева — наравнѣ со всей той школой, которой такъ упорно держатся онъ, школой т. н. западниковъ — неумѣніе распознавать отличительныя черты нашей Русской народности — всего менѣе можетъ быть ощущимъ при оцѣнкѣ сказокъ. Именно въ этомъ отдѣлѣ народной словесности своеобразнаго, принадлежащаго собственно *такому то* народу, мало; самое важное въ сказкѣ именно то, что оказывается общимъ у всѣхъ одноплеменныхъ (и даже не только одноплеменныхъ) народовъ. Есть, это правда, цѣлый отдѣлъ сказокъ, или точнѣе, цѣлая особая категорія въ существующихъ сборникахъ сказокъ (вообще заключающихъ въ себѣ матеріалъ довольно разнохарактерный), цѣлая категорія, въ которой, по особенной рѣзкости позднѣйшихъ видоизмѣненій, а отчасти и по позднѣйшему происхожденію, оказывается довольно много п. народныхъ особенностей; къ этой категоріи, нѣтъ сомнѣній, лучше всего подходитъ, справившись и посоветовавшись съ основными взглядами славянофилъ (объ ней будетъ подробнѣе сказано ниже). Къ древнѣйшимъ же, т. е. лучше сохранившимся чертамъ мифической старины и въ этомъ отношеніи самымъ драгоценнымъ сказкамъ, казалось бы легче всего подступить съ обширными сравнительными свѣдѣніями г. Буслаева, не парализуемыми на этотъ разъ — по свойству предмета — кореннымъ недостаткомъ его воззрѣнія. А между тѣмъ и во взглядѣ на сказку — предметъ, повидимому, совершенно ему сподручный — г. Буслаевъ не уберется отъ кидящейся въ глаза — не то, чтобы *невѣрности*, а скорѣе, *неточности* взгляда. «Сказка, говоритъ почтенный профессоръ, пошла отъ *былины*, т. е. она не что иное, какъ разрозненный и подновленный эпизодъ народнаго эпоса. Потому въ народной поэзіи иногда тотъ же сюжетъ передается въ двойной формѣ: въ древнѣйшей формѣ былины, или пѣсни, и въ позднѣйшей, въ сказкѣ». (Ист. Оч. Р. Нар. Слов. и Иск. т. I, стр. 310). Слова эти, понятыя *буквально*, могутъ быть вѣрны только относительно тѣхъ немногихъ сказокъ, которыя дѣйствительно суть не

что иное, какъ разложившіяся, утратившія пѣсенный строй, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самомъ своемъ содержаніи испортившіяся былины (каковы напримѣръ т. н. сказки, т. е. прозаическіе, по большей части распространенные до искаженія рассказы, объ Ильѣ Муромцѣ, Алешѣ Поповичѣ, Васильѣ Буслаевѣ, и т. п.). Чтобы оказаться вѣрными въ примѣненіи и вообще къ сказкѣ, слова г. Буслаева нуждаются въ толкованіи. Въ нихъ заключается такое же смѣшеніе *былины* и *пѣсни*, къ какому совершенно съ другой стороны пришелъ, въ этомъ случаѣ напрасно понадѣявшись на авторитетъ самого народа, и К. Аксаковъ. Говоря, что сказка пошла отъ былины, г. Буслаевъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что сказка пошла отъ *пѣсни*, подобно тому какъ и все въ народной словесности пошло отъ послѣдней. Слово пѣсня несравненно шире; оно относится къ слову *былина*, какъ родъ относится къ виду. Былина, какъ привыкли ее называть въ отличіе отъ другихъ видовъ пѣсни, есть уже одинъ изъ позднѣйшихъ моментовъ въ развитіи пѣсни вообще — это пѣсня, получившая былевое, историческое приуроченіе. Сказка несомнѣнно пошла отъ пѣсни, но отъ пѣсни, еще чуждой подобнаго приуроченія, отъ пѣсни — не *былевой*, а *миоической*, которая, конечно, не могла представляться первобытному народу *вымысломъ*, но не представлялась также и *былью* (въ смыслѣ *дѣйствительно бывшаго между людьми, въ земномъ мірѣ*).

Вѣрнѣе другихъ, какъ мнѣ кажется, смотритъ у насъ на сказку г. Котляревскій, этотъ замѣчательный изслѣдователь старины, который, зная такъ много, къ величайшему сожалѣнію, пишетъ такъ мало. Въ одномъ изъ своихъ годовыхъ обзорныхъ трудовъ по старинѣ и народности, онъ въ немногихъ словахъ, но чрезвычайно точно, опредѣлилъ существеннѣйшія различія между сказкою и былинкою. Оговорившись, что *нѣкоторыя* изъ нашихъ сказокъ не что иное, какъ передѣланныя былины, онъ за тѣмъ объясняетъ *исподствующій* характеръ сказки слѣдующимъ образомъ: «...сказка совершенно чужда историческихъ воспоминаній: въ ней выступаютъ жизнь частная, домашняя, съ ея завѣтными понятіями и обычаями, или же воспоминанія до-историческія, объясненіе которыхъ невозможно безъ сравнительныхъ сближеній. Въ сказкѣ болѣе міеологіи, можетъ быть именно потому, что менѣе исторіи, менѣе мѣста вліяніямъ времени и обстоятельствъ.» (Старина и народность за 1861 г., стр. 50-я отдѣльнаго оттиска.)

Въ сказкѣ — такъ развиваю я далѣе эту мысль, болѣе міеологіи потому, что въ ней почти вовсе нѣтъ той стихіи, которая все

болѣе и болѣе вытѣсняла миеологию изъ былины—исторіи. Въ сказкѣ миеологія удержалась болѣе, чѣмъ въ былинѣ, первоначально же она служила основой и той, и другой. И былина, и сказка пошли отъ одного общаго корня—древнѣйшей миеологической пѣсни—только каждая пошла отъ нея своимъ особымъ путемъ. Остаткомъ того рода пѣсни, отъ которой должны были первоначально пойти и былина, и сказка, до сихъ поръ еще служатъ тѣ, напримѣръ (впрочемъ уже упомянутыя мною), Сербскія пѣсни, которыя, при характерѣ чисто-эпическомъ, чужды всякихъ историческихъ отношеній. повѣствуютъ о явленіяхъ чисто-миѣическихъ: женитьбѣ мѣсяца, сватовствѣ за солнцеву сестру, и т. п. Съ теченіемъ времени этого рода первоначальная миѣическая пѣсня должна была однимъ путемъ перерабатываться въ былинку, другимъ путемъ—въ сказку. Первымъ путемъ она вышла на почву исторіи: ея миѣическія личности и событія приурочивались къ историческимъ жѣстностямъ и явленіямъ, получали все болѣе и болѣе историческую обстановку, наконецъ даже ставились въ соотношенія, иногда же и совсѣмъ совпадали съ личностями историческими. Переработавшись такимъ образомъ, пѣсня получила для народа, подвинувшася между тѣмъ впередъ, чему доказательствомъ служить самая возможность подобной переработки—пѣсня получила для него новаго рода важность—важность повѣствованія о *дѣйствительно-бывшемъ* между людьми, важность *были, былины*, которая, на тогдашней ступени развитія, стала служить какъ бы тѣмъ, чѣмъ служить теперь исторія. Эту особенно драгоцѣнную *быль* надобно было хранить какъ зѣницу ока—и ежели, при отсутствіи письменности, нельзя было ее сохранить съ тою точностію, съ какою свидѣтельства историческія сохраняются въ книгахъ—все-таки должна была развиваться заботливость о сохраненіи въ точности этихъ завѣтныхъ пѣсенъ. Вотъ такой-то заботливости, по всей вѣроятности, былина и обязана тѣмъ, что въ ней удержался большею частію и самый пѣсенный строй, до извѣстной степени охранявшій отъ искаженій и самое ея содержаніе. Дѣйствительно, чуть начинаетъ разлагаться въ былинѣ ея пѣсенный строй (такія разлагающіяся былины принято у насъ называть *побывальщинами*)—вмѣстѣ съ нимъ утрачивается непремѣнно и самая стройность ея содержанія (что и замѣтно во всѣхъ записанныхъ до сихъ поръ побывальщинахъ). Съ окончательною утратою пѣсеннаго строя совершается дальнѣйшій переходъ побывальщины въ прозаическій разсказъ того рода, которому обыкновенно даютъ у насъ мѣсто въ собраніяхъ сказокъ, но который, по на-

стоящему, слѣдовало бы скорѣе помѣщать, въ видѣ дополненія, въ собраніяхъ былинь. Такія дополненія могли бы имѣть въ нихъ цѣну, потому, что и въ подобнаго рода испортившихся былинахъ все-таки была возможность почему-либо уцѣлѣть той или другой драгоцѣнной чертѣ старины.

Самый фактъ разложенія и порчи былинь, при важности, какую онѣ получили, долженъ былъ побуждать къ изысканію особенныхъ средствъ для болѣе точнаго ихъ сбереженія. Вслѣдствіе этого, по всей вѣроятности, былина и стала какъ-бы переходить въ завѣдываніе только *не мноими*; изъ народа стали до извѣстной степени выдѣляться особые и не совсѣмъ многочисленные ея *хранители*....

«Не каждый, говоритъ г. Котляревскій, умѣетъ передать былину, требующую счастливой памяти, извѣстнаго развитія поэтического, даже музыкальнаго.... Не такъ сказка: она доступна каждому, безъ различія возраста и пола, и сказывается тоже почти каждымъ, кого природа не обидѣла фантазіей, а жизнь дѣйствительная — досугомъ....» (Старина и народность за 1861 г., стр. 47-я). Дѣло въ томъ, что сказка выработалась изъ своей первоначальной основы не тѣмъ путемъ, который бы могъ ей придать особую и новую важность.... До своего теперешняго значенія сказки, какъ *складка*, она постепенно была доводима послѣдовательнымъ затемненіемъ въ сознаніи народа ея первоначальнаго мнѣческаго значенія..... Все болѣе и болѣе теряя ту важность, которую она должна была имѣть *изначала*, какъ выраженіе религіознаго вѣрованія, она только доставляла, своимъ дѣйствіемъ на воображеніе, беззавѣтное наслажденіе всѣмъ и каждому.... Съ утратою первоначальнаго сознанія важности основнаго мнѣ не могло уже быть и заботливости о томъ, чтобы бережно обращаться со способомъ его выраженія.... Пѣсенный строй такимъ образомъ безпрепятственно долженъ былъ разлагаться въ прозу.... Безпрепятственно измѣнялась, въ извѣстномъ отношеніи, и самая форма внутренняя: когда-то священное содержаніе нерѣдко втѣснялось въ самыя обыкновенныя рамки житейской и будничной жизни.... И между тѣмъ—въ *одномъ* отношеніи—*основа* этого содержанія среди всѣхъ измѣненій, встрѣчавшихся на этомъ пути, могла сохраниться въ болѣе неприкосновенности, чѣмъ на пути, которымъ выработалась былина — гдѣ на встрѣчу мнѣ попадалась *исторія*, всего болѣе опасная для него.... Не сохранивъ первоначальной пѣсенной формы, не сохранивъ своей несомнѣнной первоначальной серьезности тона, мнѣческая основа однакоже сохранилась несравненно

полнѣ въ той будничной обстановкѣ частнаго быта, которая давалась ей въ сказкѣ и которая съ меньшею тяжестью налегала на нее, чѣмъ историческая обстановка налегала на первоначальную основу былины.

Вотъ, кажется, тѣ существенныя, характеристическія отличія сказки отъ былины, выяснить которыя было необходимо для того, чтобы по достоинству оцѣнить самое собраніе и изученіе сказокъ. Если сказка исключительно и не болѣе, какъ поблѣднѣвшая, разложившаяся, шуточнымъ тономъ опошленная былина, то въ занятіяхъ ея нѣтъ ни особенной важности, ни заслуги. Такія занятія могли бы въ такомъ случаѣ имѣть только значеніе, вспомогательное при изученіи былины. (Только такое значеніе и имѣютъ попадающіяся въ нашихъ сборникахъ сказокъ повѣствованія объ Ильѣ Муромцѣ, Алешѣ Поповичѣ и т. п.). Если же сказка выработалась своимъ особымъ путемъ изъ той общей основы, отъ которой пошла и былина, и ежели, вслѣдствіе особенностей такого пути, въ ней непркосновеннѣе, чѣмъ въ былинѣ, сбереглась эта отдаленнѣйшая основа, то и собраніе, и изученіе сказокъ становится дѣломъ первѣйшей важности — по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто важнымъ дѣломъ считаетъ и вообще сравнительное изученіе миеологіи. Именно по отношенію къ этой наукѣ — а важность ея признана даровитѣйшими умами нашего вѣка — сказка, понятая въ своемъ настоящемъ значеніи, становится драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ. Изученіе же этого матеріала тѣмъ болѣе трудно, что при немъ нѣтъ ни малѣйшей возможности обойтись безъ сравнительнаго метода; кругъ же сравненій почти неостановочно приходится расширять — вслѣдствіе того общаго сходства, какое замѣчается между сказками всѣхъ Индо-Европейскихъ народовъ.

Былину, эту дальнѣйшую ступень въ развитіи народной поэзіи, ступень, на которой каждымъ народомъ вырабатывается уже много своеобразнаго, скорѣе можно отважить изучать безъ сопоставленія съ былинами у другихъ народовъ. Конечно, съ другой стороны и тутъ, самое своеобразіе можетъ выказаться вполне только въ томъ случаѣ, когда дѣлаются такія сопоставленія. Если славянофилы и писали у насъ о былинѣ безъ помощи сравнительнаго метода, то въ томъ, чѣмъ главнымъ образомъ освѣщали они былинку, въ исторіи — они, и у насъ именно никто другой, какъ они, постоянно употребляли сопоставленія съ исторіей Запада. Сопоставленія съ тою цѣлю, съ какою дѣлали ихъ славянофилы, съ цѣлю указать на *народное своеобразіе*, конечно, особенно важны; особенно важнымъ,

такимъ образомъ, становится употребленіе подобныхъ сопоставленій и при изученіи былинны, этого *своеобразно* у всѣхъ народовъ отдѣла народной поэзіи. Но, при особенной важности этого отдѣла, изученіе его (конечно, не полное) становится сравнительно легкимъ, даже при употребленіи сопоставленій — именно потому, что ихъ можно заимствовать изъ области сравнительно болѣе разработанной — изъ исторіи. Напротивъ, при изученіи сказки, которая важна именно какъ такая отрасль народнаго эпоса, которая лучше сохранила отпечатокъ эпохи доисторической, вспомогательныя сопоставленія, заимствованныя изъ исторіи, рѣшительно невозможны. Тутъ имѣютъ смыслъ только сопоставленія самостоятельныя, вытекающія почти исключительно изъ такъ мало еще разработанной области народной поэзіи. Сравнительное изученіе сказокъ такимъ образомъ особенно трудно, но за то оно въ высшей степени важно и для самаго изученія былинъ. И это послѣднее, чтобы стать совершенно удовлетворительнымъ, нуждается въ полномъ и непосредственномъ къ нему примѣненіи того же сравнительнаго метода. Для того, чтобы съ окончательною вѣрностью опредѣлить, много ли выработалось у народа своеобразнаго въ былинномъ эпосѣ, прежде всего должно быть опредѣлено, что въ его эпосѣ вообще принадлежитъ ему одинаково съ другими народами. Изученіе собственно *народной* стороны въ эпосѣ до тѣхъ поръ не будетъ стоять на почвѣ совершенно твердой, пока не будетъ предварительно опредѣлена общая Индо-Европейская основа въ народныхъ преданіяхъ. Такое же опредѣленіе можетъ быть только плодомъ совокупнаго изученія былинъ и сказокъ, — тѣхъ и другихъ сравнительно.

Такимъ образомъ изученіе сказокъ становится важнымъ не только само по себѣ, какъ драгоцѣнное откровеніе доисторической старины; такое изученіе общей стихіи *доисторической* оказывается также необходимымъ для вѣрнаго опредѣленія, въ чемъ же именно заключаются своеобразныя *историческія* стихіи въ жизни того или другаго народа.

II.

Опредѣливъ такимъ образомъ всю многостороннюю важность задачи, за рѣшеніе которой взялся г. Аѳанасьевъ, а также и трудность ея, посмотримъ теперь, какими глазами смотрѣлъ на эту задачу онъ самъ? Понималъ ли онъ все ея современное, новѣйшее наукою выясненное значеніе?

Уже прежніе труды г. Афанасьева, тотъ рядъ статей по отечественной мифологіи, въ которыхъ уже издавна сталъ замѣтенъ все болѣе и болѣе усвоиваемый имъ сравнительный методъ, давали полное право надѣяться, что онъ не слегка будетъ относиться къ своей задачѣ.

Въ предисловіи же къ своему сборнику г. Афанасьевъ высказывается слѣдующимъ образомъ: «цѣль настоящаго изданія объяснить сходство сказокъ и легендъ у различныхъ народовъ, указать на ученое и поэтическое ихъ значеніе, и представить образцы Русскихъ народныхъ сказокъ.» (Стр. VI.)

Изъ этихъ словъ прямо видно, что г. Афанасьевъ не только понималъ неизбѣжность при занятіяхъ собраннымъ имъ матеріаломъ сравнительнаго метода, но и самъ попытался приложить его къ своему собранію. Онъ не ограничился однимъ дѣломъ собратея, но расширилъ свою задачу, къ изданію сказокъ приложилъ и сравнительныя изслѣдованія. Это представится шагомъ тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что ни о чемъ подобномъ даже не мечтали у насъ издатели сказокъ, предшествовавшіе г. Афанасьеву. Изъ всѣхъ ихъ, по вѣрному замѣчанію самого г. Афанасьева, заслуживаютъ вниманіе только Бронницынъ, издавшій въ 1838 году одинъ выпускъ сказокъ, да извѣстный Сахаровъ, предпринявшій изданіе ихъ въ 1841 году и также не пошедшій далѣе 1-го выпуска. У перваго помѣщено всего пять сказокъ, хорошо записанныхъ, это правда; къ нимъ присоединено коротенькое предисловіе, важное только указаніемъ на то, что сказки эти «записаны со словъ хожалаго сказочника, крестьянина изъ подмосковной». Что касается изданія Сахарова, то изъ шести помѣщенныхъ у него сказокъ первыя три не болѣе какъ передѣлавшіяся, разложившіяся въ прозу былины (на ихъ распространенность, какъ черту, несвойственную первобытной сказкѣ, указалъ г. Безсоновъ, не совсѣмъ правый, можетъ быть, только въ томъ, что заподозриваетъ самого Сахарова въ литературныхъ распространеніяхъ и разукрашиваніяхъ. См. замѣтку къ V вып. Сб. Пѣс. Кирѣевскаго). Въ обширномъ введеніи Сахарова очень хорошо выставлена вся поддѣльность большей части того, что печаталось у насъ въ XVIII в. и даже въ началѣ XIX подъ именемъ народныхъ сказокъ. Въ желаніи быть добросовѣстнымъ, издать только дѣйствительно народныя сказки — главная заслуга Сахарова. Въ примѣчаніяхъ приводятся у него нѣкоторыя варианты. Онъ умѣлъ уже отличать сказки оригинальныя отъ сказокъ, заимствованныхъ книжнымъ путемъ. Но понятія о томъ сходствѣ

сказокъ у различныхъ народовъ, которое существуетъ помимо вслѣдствіе заимствованій, равно и понятія о мнѣнческомъ значеніи сказокъ Сахаровъ рѣшительно не имѣлъ. «Русскія сказки, говоритъ онъ, выѣщаютъ въ себѣ основаніе народныхъ былинъ, повѣсти, любимыя нашими отцами и дѣдами. Въ нихъ нѣтъ ни исторіи, ни *мировъ допотопныхъ*».... (стр. IX) (курсивъ въ послѣднихъ словахъ принадлежитъ мнѣ). Къ пониманію мнѣнскаго значенія сказки только до нѣкоторой степени приближался Макаровъ въ своей «Догадкѣ объ исторіи русскихъ сказокъ», какъ видно изъ цитатъ, приводимыхъ у Сахарова, который именно этой стороны и не оцѣнилъ въ Макаровѣ. Да и самъ Макаровъ, кажется, сверѣе чувалъ, угадывалъ, чѣмъ ясно, вслѣдствіе точнаго знанія, понималъ. И вотъ послѣ такихъ-то предшественниковъ выступаетъ г. Аванасьевъ со своимъ богатѣйшимъ матеріаломъ и обширными примѣчаніями, въ совокупности своей равносильными большому и самостоятельному изслѣдованію. Если частію своего матеріала онъ обязанъ другимъ лицамъ, особенно В. И. Далю, богатое собраніе котораго заняло въ изд. г. Аванасьева выпуски 4-й, 6-й и 8-й, то примѣчанія, особенно обильныя въ 8-мъ (самомъ объемистомъ) выпускѣ, гдѣ они занимаютъ около двухъ третей книги, принадлежатъ уже исключительно самому г. Аванасьеву.

Если сравнить, относительно обширности примѣчаній, сборникъ г. Аванасьева съ новѣйшими нашими сборниками по другимъ отраслямъ народной словесности, то и такіе, какъ сборники Кирѣевскаго и Рыбникова, должны будутъ уступить Аванасьевскому. Примѣчанія, сдѣланныя къ тому и другому Московскимъ Обществомъ Любителей Русской Словесности, очень коротки и немногочисленны. Замѣтка самого г. Рыбникова въ III т. его превосходнаго сборника заключаетъ въ себѣ много любопытнѣйшихъ свѣдѣній о сказителяхъ былинъ, но и только; ничего похожего на сравнительныя изслѣдованія — кромѣ, развѣ, самыхъ послѣднихъ страницъ — тутъ рѣшительно нѣтъ. Что касается пространныхъ замѣтокъ г. Безсонова, то.... извѣстное дѣло, что многіе изъ покупателей жаловались на зависѣвшую отъ объема этихъ замѣтокъ возвышенную цѣнность изданія. Въ примѣчаніяхъ г. Аванасьева, не смотря на ихъ обширность, ни одинъ смыслящій покупатель, думаю я, не будетъ видѣть балласта. Впрочемъ, говоря это, я нѣсколько забѣгаю впередъ—отъ указанія на широту задачи г. Аванасьева перехожу уже къ оцѣнкѣ самаго выполненія имъ своей задачи. Возвращаюсь къ сопоставленію его Сборника, по широтѣ

*

замысла, съ другими. Остается сборникъ духовныхъ стиховъ того же г. Безсонова. Тутъ обѣщано сверхъ того и изслѣдованіе, но оно пока еще только обѣщано; а желательно было бы поскорѣе его получить — особенно въ томъ случаѣ, ежели остающійся у г. Безсонова матеріалъ не лучше того, который вошелъ въ послѣдніе выпуски.... Но я опять неволью перехожу къ одѣвкѣ....

Впрочемъ теперь уже и можно къ ней перейти — т. е. къ одѣвкѣ выполненія своей задачи г. Аѳанасьевымъ. Во первыхъ — каково достоинство изданнаго имъ матеріала; во вторыхъ — каковы, уже не по *количеству* только, но и по *качеству*, его примѣчанія?

Относительно матеріала, помѣщеннаго г. Аѳанасьевымъ, существуетъ мнѣніе, будто бы онъ не былъ довольно разборчивъ, помѣщая иногда варианты не особеннаго достоинства. Мнѣ кажется, что за это никакъ нельзя винить г. Аѳанасьева. Чтобы вооружиться въ этомъ дѣлѣ такъ называемою *разборчивостію*, пришлось бы застаться также и большою смѣлостію. Съ высокими тактомъ братьевъ Гриммовъ можно было, конечно, рѣшиться выбирать изъ вариантовъ лучшее и сливать понѣскольку вариантовъ въ одну сказку, относя затѣмъ всѣ замѣчательныя разнорѣчія къ примѣчаніямъ. Но не надобно также забывать, что братья Гриммы имѣли въ виду и цѣль педагогическую; можетъ быть, собственно въ видахъ ея и пригоденъ тотъ способъ помѣщать *сводныя* сказки, который былъ ими употребляемъ. Нашъ почтенный отечественный издатель также имѣлъ въ виду, что сказки его могутъ быть употребляемы и съ педагогическою цѣлью. Но на первомъ планѣ стоялъ для него интересъ науки, а для этого послѣдняго, кажется и мнѣ, не слѣдуетъ брезгать даже такими вариантами, которые, *повидимому*, просто *испорчены* сравнительно съ другими. И среди такой, иногда только *кажущейся*, порчи можетъ сохраниться какая нибудь черта, которой смыслъ и достоинство могутъ раскрыться со временемъ — при накопленіи новыхъ, по одиночкѣ, можетъ быть, способныхъ казаться столько же незначительными, вариантовъ. Окончательно вѣрное опредѣленіе относительнаго достоинства того или другаго варианта сдѣлается возможнымъ только тогда, когда еще болѣе наростетъ отовсюду собираемый матеріалъ. Въ настоящее же время *разборчивость* могла бы очень часто граничить съ *произволомъ личнаго вкуса*. Въ настоящее время нужно, мнѣ кажется, записывать *все*, что сказывается въ народѣ, до какой бы степени

опошленнымъ и искаженнымъ оно ни казалось. Все дѣло въ томъ, чтобы записывать *точно, отчетливо*. Что касается этого послѣдняго требованія, то г. Аванасьевъ, это правда, самъ замѣчаетъ о переданномъ ему, для изданія, собраніи Владиміра Ивановича Дала, что нѣкоторыя сказки въ немъ «записаны весьма слабо, не отчетливо» или «вовсе не представляютъ ничего занимательнаго» (вып. IV, стр. 5). Но онъ при этомъ не говоритъ, помѣщены ли имъ и тѣ сказки, въ которыхъ замѣтилъ онъ эти недостатки, или же онъ пропустилъ ихъ (а у него, между тѣмъ, сказано, что взявшись за изданіе Далевскихъ сказокъ, онъ теперь выполняетъ это только отчасти). Что касается сказокъ, непредставляющихъ ничего занимательнаго, то, по моему, это можетъ иной разъ только казаться такъ съ перваго взгляда. По моему, надобно помѣщать и незанимательное, повидимому, и даже опошленное. Самая крайняя степень опошленности, если бы даже и съ теченіемъ времени въ ней не оказалось хотя бы и полунамека на какую либо своеобразную черту старины, даже и такая, окончательно оказавшаяся опошленность, можетъ представлять для науки свой интересъ, характеризуя извѣстное направленіе и извѣстнаго рода оттѣнки въ народной мысли. Совсѣмъ другое дѣло какія нибудь книжныя передѣлки, или же произведенія, изначала принадлежація книжникамъ, носяція уже вовсе не народный, а заимствованный изъ-чужа характеръ; такихъ произведеній, особенно, если они чрезвычайно сходны одно съ другимъ, конечно не слѣдуетъ накоплять ва нѣсколько выпусковъ, какъ оно произошло у г. Безсонова, начиная съ 4-го выпуска его Калѣкъ Перехожихъ (первые три были несомнѣнно народны и потому превосходны; матеріалъ опять лучшаго свойства попадаетъ въ 6-мъ выпускѣ). Что касается пересказовъ, существующихъ въ *устахъ* народа, то изъ нихъ можно брезгать развѣ такими, которые очевидно не полны и не представляютъ ни малѣйшей особенности, сравнительно съ соотвѣтствующими имъ полнѣйшими. Между тѣмъ, относительно большей части матеріала, помѣщеннаго у г. Аванасьева, можно не обинуясь сказать, что онъ отличается именно *полнотою*. Въ этомъ отношеніи только рѣдко могутъ выдерживать сравненіе съ Аванасьевскими — сказки, вошедшія въ составъ другаго новаго сборника, — я разумѣю сборникъ г. Худякова. (Указывая на сравнительную неполноту едва-ли не большей части вариантовъ, заключающихся въ послѣднемъ, я вовсе не отрицаю существованія въ нихъ многихъ весьма драгоценныхъ особенностей, что и доказывается ссылками на эти вари-

анты самого г. Афанасьева). Повторяю, чѣмъ болѣе будетъ записано всякаго рода вариантовъ, тѣмъ болѣе будетъ польза отъ этого для науки: ей предстоитъ въ будущемъ, при помощи строгой критики, опредѣлить, что въ этихъ вариантахъ лучше — т. е. древнѣе, первоначальнѣе. Черты, оказавшіяся одинаковыми во множествѣ пересказовъ, записанныхъ въ самыхъ различныхъ краяхъ, окажутся, разумѣется, дѣйствительно подлинными чертами. Еще болѣе цѣны должно будетъ получить то, что окажется одинаковымъ не только во множествѣ у насъ записанныхъ пересказовъ, но и въ сказкахъ другихъ Славянъ и, наконецъ, остальныхъ Индо-Европейскихъ народовъ.

Это уже прямо приводитъ меня къ сравнительнымъ примѣчаніямъ г. Афанасьева. Нѣтъ сомнѣній, что совершенно удовлетворительной полноты въ этомъ отношеніи въ настоящее время еще быть не можетъ. Конечно, и при теперешнемъ состояніи предмета, г. Афанасьевъ могъ бы нѣсколько расширить свой кругъ сравненій, но онъ у него и такъ далеко не узокъ. Что касается собственно Славянскихъ сказокъ, то г. Афанасьевъ ссылается на сборники Караджича, Эрбена, Валявца, Венцига, Сѣменскаго, на литературныя обработки Словацкихъ сказокъ Божены Нѣмцовой, на сказки, помѣщенные въ сборникѣ Лужицкихъ пѣсень Смоляра, на «Повѣсти и преданія народовъ Слав. племени» и «Славянскіе народные рассказы», Боричевскаго. Можно пожалѣть о томъ, что ему остались незнакомыми «Slovenské Povesti» Добшинскаго и Шкультеты (6 выпусковъ 1858 — 61 г.). Затѣмъ г. Афанасьевъ пользовался не однимъ сборникомъ Нѣмецкихъ сказокъ — братьевъ Гриммовъ, Вольфа, Гальтриха; также имѣлъ въ виду сборникъ Норвежскихъ сказокъ Асбьёрнсена, Литовскихъ Шлейхера, Валашскихъ Шотта, Венгерскихъ Штира (последнія уже выводили его за предѣлы Индо-Европейскаго племени; сверхъ того изъ сказокъ иноплеменныхъ, онъ обратилъ вниманіе на сказки Минусинскихъ Татаръ (Этногр. Сб.), Киргизскія (Отеч. Зап. 1830 г.), Чувашскія (изд. Михайлова), Бурятскія (Вѣстн. Ест. Наукъ), Финскія (въ Пантеонѣ и въ «Матеріалахъ для изученія нар. слов.» Худякова), также на «Калевалу». Наконецъ г. Афанасьевъ пользовался сказками, помѣщенными въ извѣстномъ ученomъ журналѣ «Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde» (сказки изъ Буковины); справлялся съ такими сборниками, какъ «Тысяча и одна ночь», «Gesta Romanorum», «Pentamerone» Дона Базиле.

Очень жаль, разумѣется, что нашему издателю остался неиз-

извѣстнаго сборника Кельтскихъ сказокъ, составленный въ Шотландіи и изданный въ 1860 г. Campbell'емъ (подробныя замечанія изъ него можно найти въ журналѣ Бенфея «Orient et Occident», журналъ, который извѣстенъ г. Аванасьеву, какъ видно изъ ссылки, сдѣланной имъ въ примѣчаніяхъ къ одному изъ первыхъ выпусковъ послѣдняго изданія). Не мѣшало бы также ему обратить вниманіе и на главнѣйшіе изъ столь многочисленныхъ въ Германіи сборниковъ такъ называемыхъ *Sagen* — матеріала, по мнѣнскому характеру довольно близкаго къ сказкамъ. Можно бы также по-чаще справляться и со сборниками восточными, особливо съ «Пантша-Тантроу». Равнымъ образомъ по-больше вниманія заслуживали бы и средневѣковыя литературныя обработки животнаго эпоса. Да и мало-ли на что еще можно бы было обратить вниманіе; но и того, на что оно было обращено, такъ много, что нельзя не поблагодарить и за это отъ всей души.

Что касается самаго способа сравненій, то онъ, какъ извѣстно, бываетъ двоякій: одни объясняютъ себѣ сходство сказокъ у различныхъ Индо-Европейскихъ народовъ преимущественно до-историческимъ ихъ сродствомъ, сохраненіемъ общаго племеннаго наслѣдія каждымъ изъ этихъ народовъ независимо отъ остальныхъ; напротивъ другіе изслѣдователи болѣе склоняются къ тому, чтобы объяснять черты сходства — заимствованіемъ. Великіе знатоки народной словесности, братья Гриммы, умѣли оказывать предпочтеніе первой изъ указанныхъ точекъ зрѣнія. Извѣстно, съ какимъ мастерствомъ, ставъ именно на нее, незабвенный Яковъ Гриммъ доказалъ несомнѣнную, исконную народность Германскаго звѣринаго эпоса, его полную самостоятельность и независимость отъ восточныхъ сборниковъ или Эзопа (не смотря на поразительныя черты сходства). Всѣ, хотя и новѣйшія, попытки *Paulin Paris'a* опровергнуть въ этомъ отношеніи Гримма, оказались рѣшительно неудачными. какъ мастерски доказано почтеннымъ Нидерландскимъ ученымъ *Jonckbloet'*-омъ въ его «*Etude sur le roman du repart*», Groningue 1863». Между тѣмъ, что касается сказочныхъ сходствъ вообще, то стремленіе объяснять такія сходства заимствованіями — нашло представителя вовсе не дюжиннаго въ лицѣ Бенфея, и нѣкоторыхъ изъ сотрудниковъ его по журналу «Orient und Occident». Они полагаютъ, что большая часть тѣхъ сказокъ, которыя составляютъ теперь общее достояніе Индо-Европейскихъ народовъ, сначала перешли изъ Индіи вмѣстѣ съ буддизмомъ — къ Монголамъ, потомъ Монголами занесены къ Славянамъ, а отъ нихъ уже перешли на

Западъ. (См. предисловіе Бенфея къ его «Пантша-Таттрѣ» и статью Либрехта въ 1-й кн. 1-го года «Orient et Occident. — «Beiträge zum Zusammenhang Indischer und Europäischer Märchen und Sagen»). Какъ будто бы подѣ влияніемъ этого взгляда и многоуважаемый академикъ Шифнеръ, въ своемъ предисловіи къ изданному недавно Монгольскому сборнику «Шидди-Куръ», высказалъ мнѣніе, что въ сказкахъ, здѣсь заключающихся, мы «знакомимся не только съ образцами Монгольской и Калмыцкой поэзіи, но и съ источниками самой древне-Русской поэзіи». (Этногр. Сб. кн. VI). Я пишу курсивомъ — *источниками* — желая обратить особенное вниманіе на всю — по меньшей мѣрѣ *неточность* этого выраженія. На слѣдующей страницѣ своего предисловія, г. Шифнеръ употребляетъ слово *основы*, и при этомъ нѣсколько уточняетъ свой взглядъ; при помощи Шиддикура, говоритъ онъ тутъ, «мы получаемъ возможность изучить основы нашей народной поэзіи и восходить постепенно до первообразныхъ ея типовъ въ Санскритской литературѣ, при чемъ Монгольскія или Калмыцкія редакціи служатъ однимъ изъ посредствующихъ звеньевъ». (Стр. 4-я) Казалось бы, уже одно короткое знакомство съ такимъ чисто-народнымъ произведеніемъ, какъ «Калевала» не могло позволить многоуважаемому академику придавать столь высокую цѣну сборнику, подобному Шиддикуръ. Сказки, въ немъ заключающіяся, до такой степени уступаютъ въ безыскусственной первобытной свѣжести какъ нашимъ народнымъ сказкамъ, такъ и нашей народной поэзіи вообще, что производятъ отъ нихъ эту послѣднюю, какъ отъ звена, посредствующаго между нею и первообразными типами, — это почти тоже, что производить, вмѣстѣ съ предшественниками, а, отчасти, и новѣйшими противниками Якова Гримма, во многихъ отношеніяхъ еще столь свѣжей Германскій звѣриный эпосъ, отъ сравнительно сухаго и не чуждаго разсудочности Эзопа. Чтобы стать вообще на точку зрѣнія Бенфея, надобно быть лишены того умѣнія распознавать чисто-поэтическое и народное, которое такъ часто притупляется отъ избытка учености, и которое только братья Гриммы умѣли вполне сохранить среди величайшаго избытка ея *). Я считаю одною изъ

*) Разсужденіе мое уже было окончено, когда мнѣ указали на помѣщенный въ 287 № «Спб. Вѣдомостей» 1864 г. отчетъ объ академическомъ засѣданіи 10 Ноября. Въ немъ г. Шифнеръ, оцѣнивая сборникъ г. Радлова, высказываетъ взглядъ, уже вовсе не согласный съ Бенфеемъ. Вопреки этому ученому, почтенный академикъ признаетъ тутъ *Западное* происхожденіе многихъ Монгольскихъ сказокъ. Такъ какъ, вслѣдствіе, вѣроятно, той сжатой

главнѣйшихъ заслугъ г. Афанасьева, что онъ остается, въ своихъ сравненіяхъ, вѣренъ точкѣ зрѣнія Гриммовъ, и не старается утверждать, будто бы всѣ тѣ слѣды первобытной чистѣйшей поэзіи, которые одинаково сохранились у всѣхъ Индо-Европейскихъ народовъ, не что иное какъ слѣдствіе цѣлаго ряда заимствованій, въ главѣ которыхъ находились такія опаснѣйшія, для чистоты народныхъ произведеній, тѣснины, какъ искажающее вліяніе буддизма. Есть сказки, которыя, безспорно, только переходили отъ одного народа къ другому, первоначально же попадали въ народъ путемъ заимствованія изъ книгъ; это сказки уже меньшаго поэтическаго достоинства, рѣзко отдѣляющіяся отъ тѣхъ, которыя каждымъ народомъ самостоятельно сохранены отъ древнѣйшихъ временъ. Такія сказки, къ чести г. Афанасьева, занимаютъ весьма незначительное мѣсто въ его собраніи; и, еще болѣе къ чести его, только къ нимъ онъ примѣняетъ вышесказанный способъ объясненія сходствъ — заимствованіями.

Нашъ почтенный издатель не ограничился одними указаніями на сходства — онъ старался также разяснить заключающіяся въ нихъ общій всему Индо-Европейскому племени, первоначальный мифическій смыслъ. Отважившись на такую попытку, г. Афанасьевъ пошелъ въ своихъ примѣчаніяхъ далѣе братьевъ Гриммовъ; при этомъ опорой ему служили всѣ, *совершенныя* уже послѣ изданія въ свѣтъ ихъ знаменитаго Сборника, но совершенныя по ими же предложеннымъ слѣдамъ, сравнительно мифологическія изысканія. Г. Афанасьевъ во многихъ отношеніяхъ весьма удачно примѣнилъ къ объясненію нашихъ сказокъ главнѣйшіе результаты, добытые Куномъ, Шварцемъ, Маннгардтомъ и Максомъ Мюллеромъ. Конечно, еще не все мифическое въ нашихъ сказкахъ разяснено имъ вполне удовлетворительно; но вѣдь и ожидать этого было бы преждевременно. Многое остается еще не совсѣмъ точнымъ, сбивчивымъ; мѣстами, можетъ быть, стремленіе объяснять сказки съ мифической стороны, увлекаетъ нашего изслѣдователя до того, что онъ видитъ мифъ и тамъ, гдѣ едва-ли его можно искать *при теперешнемъ* видѣ сказки. Можетъ быть также, г. Афанасьевъ становится нѣсколько одностороннимъ, постоянно усматривая въ одномъ изъ

формы, какая требуется въ отчетѣ, новое мнѣніе г. Шифнера выражено въ общихъ чертахъ и представляется, съ другой стороны, какъ бы не лишеннымъ противорѣчій съ его прежнимъ мнѣніемъ, то нельзя не пожелать, въ интересахъ науки, чтобы почтенный академикъ высказался относительно этого вопроса опредѣлительнѣе и подробнѣе.

главнѣйшихъ лицъ сказокъ — Иванъ Царевичъ, собственно Богагромова и молніеносца, тогда какъ въ томъ же образѣ едва ли не слѣдуетъ видѣть и другихъ проявленій свѣтоноснаго начала. Но основная мысль всѣхъ мифическихъ объясненій г. Аѳанасьева, мысль о борьбѣ свѣта съ тьмой, тепла съ холодомъ, лѣта съ зимой, мысль все богѣе и богѣе развиваемая сравнительной мифологіей, проводится у него чрезвычайно послѣдовательно и убѣдительно. Странно только, что г. Аѳанасьеву не бросилась въ глаза одна изъ крупныхъ особенностей всѣхъ почти сказокъ, окончательно подтверждающая вѣрность этой идеи борьбы: я разумѣю ту почти постоянно счастливую развязку, которая не могла не закрѣпиться за сказками послѣ того, какъ въ народномъ сознаніи окончательно выяснился постоянно повторяющійся, какъ бы побѣдный, возвратъ свѣта послѣ тьмы, тепла послѣ холода, лѣта послѣ зимы.

Какъ бы ни были еще недостаточны мифическія объясненія г. Аѳанасьева, все-таки они, особенно помѣщенные въ примѣчанія къ послѣднимъ выпускамъ (превосходствъ именно этихъ послѣднихъ доказываетъ, что г. Аѳанасьевъ постоянно идетъ впередъ, постоянно слѣдитъ за наукой); эти объясненія, говорю я, прямо выставляютъ его человѣкомъ, стоящимъ въ уровень съ современной наукою. Считаю совершенно излишнимъ указывать на бездну, отдѣляющую примѣчанія г. Аѳанасьева отъ тѣхъ мифическихъ гаданій, которыми отяготилъ г. Безсоновъ прекрасные сборники Кирѣевскаго и Рыбникова. Тутъ не можетъ быть параллели уже потому, что г. Безсоновъ, какъ бы умышленно игнорируя все сдѣланное новѣйшими сравнительными мифологами, упорно хочетъ держаться однихъ сближеній съ классическимъ міромъ и оказывающейся уже не совѣмъ-то прочною почвы Шеллинга.

Совѣмъ другое дѣло бытовая и историческая сторона въ примѣчаніяхъ г. Безсонова. Одолженный ею Славянофиламъ, онъ въ этомъ отношеніи въ свою очередь превосходитъ г. Аѳанасьева. И послѣднему были бы нужны объясненія — если не историческія, то бытовія: въ сказкахъ есть и свои бытовія черты.

III.

Ни одна отрасль народной словесности не отличается такою разносторонностью содержанія, какъ сказка. Это оттого, что она имѣетъ точки соприкосновенія со всѣми другими отраслями того

ше могучаго корня. Въ историческомъ ходѣ развитія поэтической мысли народа сказка занимаетъ срединное мѣсто между *обрядною* и *быльскою* поэзію.

Уже давно доказано, что первоначальная поэзія, какъ и первоначальное искусство вообще, коренится въ обрядѣ. Не имѣя еще самостоятельнаго значенія, она или воздастъ хвалу божествамъ въ дни великихъ религиозныхъ празднествъ, или же озаряетъ такія событія въ быту самого человѣка, каковы, напр., бракъ, похороны; или даже стремится непосредственно помочь человѣку въ нуждѣ, призывая на него вліяніе свѣтоносной силы — въ *заговорахъ*. Уже нѣсколько независимѣе отъ практическихъ примѣненій становится поэзія народа, устремляясь только сосредоточить его вниманіе на какой-либо замысловатой сторонѣ мѣта — въ *загадкахъ*. Но и онѣ, т. е. разгадываніе ихъ, имѣло, повидимому, какъ доказываютъ многія, но еще не вполне разъясненныя свидѣтельства самой народной поэзіи, какое-то особое, утилитарное же значеніе въ жизни народа. Много должно было пройти времени, прежде чѣмъ поэтическая мысль народа, не измѣняя еще по преимуществу — мнѣческому настроенію, освободилась окончательно отъ всякихъ практическихъ цѣлей и нашла выраженіе въ такой мнѣческой пѣсни, которая пѣлась уже свободно, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ — пѣлась, просто потому, что поется, — оставалась же мнѣческою потому, что только такое содержаніе и приходилось еще по силамъ народа. Вотъ такъ-то долженъ былъ возникнуть тотъ независимый отъ обряда *мнѣческій эпосъ*, изъ котораго извѣстнымъ уже намъ путемъ выработалась въ позднѣйшее время и сказка. Какъ выросшая первоначально на мнѣѣ, она имѣетъ точки соприкосновенія, а потому и должна быть сравниваема со всѣмъ, въ чемъ заключается мнѣѣ: и со всѣми видами обрядовыхъ пѣсень, и съ заговорами, и съ загадками.

Но изъ мнѣческаго эпоса, какъ въ свою очередь было показано выше, выработалась не одна сказка; изъ него же выдѣлилась особымъ путемъ былина. Какъ одинъ изъ двухъ главныхъ видовъ чистаго, свободнаго отъ всякихъ утилитарныхъ примѣненій эпоса, сказка можетъ и должна быть сравниваема съ другимъ главнымъ видомъ этого эпоса, съ пошедшею съ нею отъ одного корня былинною. И объ этомъ было уже упомянуто выше. Но мнѣческая пѣсль нерѣдко перерабатывалась еще, и это уже подъ вліяніемъ христіанства, въ *духовный стихъ*; и онѣ потому-то имѣетъ свои точки соприкосновенія съ пошедшею отъ той же мнѣческой пѣсни

сказкою. Наконецъ эта послѣдняя, подъ тѣмъ же вліяніемъ христіанства, сама переработывалась въ *легенду*—вотъ и съ этимъ, хотя и позднѣйшимъ видомъ эпоса, сказки въ свою очередь соприкасаются и должны быть сравниваемы.

Наконецъ, такъ какъ сказка, по мѣрѣ того какъ она удалялась отъ основнаго міа, принимала въ себя *черты бытовья*, именно черты *изъ частнаго быта* народа (подобно тому, какъ былина усвоивала себѣ тѣже бытовья черты, но въ болѣе широкихъ *историческихъ* ихъ размѣрахъ), то этимъ своимъ бытовымъ значеніемъ, во многихъ сказкахъ выдвинувшимся на первый планъ, сказка начинала соприкасаться съ пословицею, съ этою особою отраслью народной словесности, особенно мѣтко отражающею основы народнаго быта и вытекающаго изъ него міросозерданья.

Нашъ почтенный издатель дѣлалъ неоднократно сопоставленія сказокъ съ другими отраслями народной словесности. Съ этою цѣлію и дѣлаетъ онъ ссылки не только на большую часть напечатанныхъ у насъ до него, въ отдѣльныхъ ли книжкахъ, въ повременныхъ ли изданіяхъ, подлинныхъ сказокъ, или даже удачныхъ имъ подражаній, но и на лучшія изданія по другимъ отраслямъ, какъ-то: «Древ. Росс. стихотворенія» (Кирши Данилова) «Сказанія» Сахарова, «Праздники» Снегирева, «Быть Р. Народа» Терещенка, Сборники Кирѣевского и Рыбникова, Сборники духовныхъ стиховъ Варенцова и Безсонова, на свой собственный сборникъ Легендъ, на «Отреченныя книги» Тиховраова, «Памятники Старинной Р. Литературы» Костомарова, на Сборники Малороссійскихъ пѣсень Максимовича и Метлинскаго, Галицкія и Малорусскія загадки Сементовскаго (также на Великорусскія Худякова); на Малорусскій литературный сборникъ Мордовцева, сборникъ Закревскаго «Старосвѣтскій бандуриста», Сборникъ Шейковскаго «Быть Подоланъ», на различный этнографическій матеріалъ, помѣщенный въ Запискахъ и Извѣстіяхъ Академіи Наукъ, въ Пермскомъ и Этнографическомъ Сборникѣ, въ «Уральцахъ» г. Желѣзнава, наконецъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ: Кіевскихъ, Черниговскихъ, Вольнскихъ, Владимірскихъ, Тульскихъ, Саратовскихъ, Воронежскихъ, въ «Трудахъ Курскаго Статистическаго Комитета», въ статистическихъ описаніяхъ разныхъ губерній и множествѣ повременныхъ изданій. Что же касается ино-Славянскихъ сборниковъ по различнымъ отраслямъ, то г. Аванасьевъ пользовался Сербскими пѣснями Караджича, Болгарскими Безсонова и Верковича (послѣднія вышли въ Бѣлградѣ въ 1860 г.) «Памятниками народнаго быта Болгаръ»,

Каравелова, Луизицкими народными пѣснями Смоляра, Шафариковымъ і т. «Выбора изъ Чешской Литературы» и «Пѣснями различныхъ народовъ» Берга (гдѣ, какъ извѣстно, особенно много Славянскихъ).

Справедливость заставляетъ сказать, что сопоставленія сказокъ съ другими произведеніями народа у г. Аѳанасьева малочисленнѣе и слабѣе, чѣмъ сопоставленія собственно сказочнаго матеріала, заимствованнаго у различныхъ народовъ. Особенно рѣдки у г. Аѳанасьева сравнительныя ссылки на Пословицы. Г. Аѳанасьевъ, сколько мнѣ помнится, указываетъ только на превосходный сборникъ пословицъ В. И. Даля, да и то очень рѣдко. Это, разумѣется, зависѣло оттого, что *бытовая сторона*, которую, главнымъ образомъ, и соприкасаются пословицы со сказками, и въ самыхъ-то сказкахъ какъ-то менѣе обратила на себя вниманіе г. Аѳанасьева. Главное, на чемъ онъ останавливался и что ему особенно удалось—это разъясненіе собственно миѳической стороны.

IV.

Сильно помѣшало г. Аѳанасьеву, — даже въ выясненіи особенно сподручной ему миѳической стороны — совершенное отсутствіе у него системы въ размѣщеніи сказокъ. Признаюсь откровенно, когда мнѣ, въ моемъ университетскомъ курсѣ, пришлось систематически одолѣвать матеріалъ г. Аѳанасьева, я не разъ на него посердился, въ безпрестанномъ перебѣганіи изъ одного выпуска въ другой, или же отъ начала къ концу, и оттуда опять къ началу одного и того же выпуска, невообразимо много теряя времени. Самые выводы г. Аѳанасьева (въ примѣчаніяхъ) мало мнѣ помогали, потому что и они, по своей раскиданности, не могли быть сразу усвоены во всей своей полнотѣ.

Въ новомъ изданіи, г. Аѳанасьеву, сжалившись надъ тѣми, которымъ придется, какъ мнѣ, странствовать до изнеможенія по его сборнику, не мѣшало бы, по крайней мѣрѣ, помѣстить алфавитный указатель, если ужь ему рѣшительно не захочется размѣстить свой матеріалъ по отдѣламъ, въ каждомъ же изъ отдѣловъ— по господствующимъ мотивамъ. Правда, что поступивъ такимъ образомъ, г. Аѳанасьевъ едва ли бы не оказался единственнымъ въ своемъ родѣ издателемъ сказокъ: я, по крайней мѣрѣ, не знаю такого сборника, въ которомъ бы сказки размѣщены были въ строгой системѣ; даже знаменитый сборникъ Гриммовъ не можетъ похвалиться этимъ. Пусть не подумаютъ однако же, что это гово-

рится мною въ извиненіе г. Аванасьеву—что другіе повинны въ томъ же, это вовсе не извиненіе для него, — я же именно за отсутствіе системы вовсе и не намѣренъ быть снисходительнымъ къ г. Аванасьеву.... Думаю только, что и эта вина не затмѣиваетъ его заслугъ, и даже именно для того, чтобы эти заслуги выказались еще ярче, я попытаюсь нагнѣтить въ общихъ чертахъ тѣ отдѣлы, на которые могъ бы распаться его сборникъ; сдѣлавъ это, я думаю обнаружить, что именно тѣ отдѣлы, которые особенно важны, особенно богаты у г. Аванасьева.

Въ главѣ всего, разумѣется, долженъ быть помѣщенъ тотъ отдѣлъ, къ которому относятся сказки, по преимуществу, сохраняющія характеръ мифическій. Но этотъ отдѣлъ такъ широкъ, что непременно требуетъ дальнѣйшихъ подраздѣленій. Въ началѣ должны быть помѣщены сказки, въ которыхъ мифы еще часто физическіе (древнѣйшія), дагѣ — такія, въ которыхъ выражается уже болѣе отвлеченное понятіе о Божествѣ (позднѣйшія).

Сказки, заключающія въ себѣ мифы физическіе, постоянно выражая одну и ту же борьбу свѣта и тьмы, выражаютъ ее нѣсколькими различными рядами походовъ, но именно только *мѣскими*. Многія изъ нихъ чрезвычайно сходны между собою, и представляютъ не болѣе какъ разнообразныя варіаціи одного и того же основнаго содержанія. Всѣ такія варіаціи одного и того же и должны быть собраны въ одно мѣсто, и тогда оказалось бы нѣсколько (и весьма немного, — по моимъ соображеніямъ около девяти) основныхъ сюжетовъ *). Съ дальнѣйшими успѣхами сравнительныхъ изысканій, т. е. съ разширеніемъ круга ихъ до того, что будетъ сравниваемъ у различныхъ народовъ не только сказочный, но и былинный эпосъ, — по моему мнѣнію, должно будетъ оказаться, что въ основѣ того и другаго повсемѣстно лежитъ еще меньшее,

*) Они, какъ сдается мнѣ, слѣдующіе: 1) добываніе *блжно сѣта*, отнятаго змѣемъ, или же *воды*, задержанной также враждебнымъ началомъ; 2) добываніе различныхъ диковинокъ для царя, а съ ними иногда и невѣсты — царю, или самому себѣ; 3) спасеніе дѣвы отъ змѣя, или молодца изъ плѣна у морскаго царя; 4) возвращеніе отъ змѣя, или кощя, матери, жены, сестры или дочери; возвращеніе женою мужа изъ плѣна; 5) спасеніе усыпленной, окаменѣлой, или превращенной дѣвы, и наоборотъ спасеніе превращеннаго царевича; 6) погубленіе сестрами брата или оклеветываніе изъ зависти замужней сестры; братъ — жертва зависти братьевъ; 7) оклеветываніе передъ мужемъ любимой его сестры и дагѣ оклеветываніе ея, по выходѣ замужъ, передъ ея мужемъ; 8) преслѣдованіе падчерицы мачихою-вѣдьмою; преслѣдованіе пасыма, или младшаго сына; 9) подмѣнъ у мужа жены дочерью вѣдьмы.

даже самое небольшое число таких первоначальных сюжетов, из которых только съ течениемъ времени, посредствомъ различныхъ распространений, перестановокъ, комбинацій и измѣненій всякаго рода, выработалось все теперешнее разнообразіе эпическаго достоянія народовъ. И тутъ такимъ образомъ оказался бы дѣйствующимъ тотъ законъ, по которому всѣ существующія теперь несчетныя формы живыхъ явленій пошли отъ самаго небольшого числа простѣйшихъ первичныхъ формъ — законъ, такъ блистательно примѣненный Дарвиномъ къ явлениямъ міра физическаго. Но уже и при томъ кругѣ сравненій, какимъ ограничился г. Аванасьевъ, можно бы было навести каждаго внимательнаго читателя на усмотрѣніе того же закона и въ ходѣ развитія народныхъ преданій: стоило только внести въ свой трудъ ту долю системы, о которой я говорю.

Распредѣляя сказки чисто мифическаго содержанія по основнымъ сюжетамъ, можно было бы едва ли не въ каждомъ сюжетѣ отмѣтить ту замѣчательную двоякость, что одно и то же почти разсказывается въ одномъ рядѣ относящихся сюда сказокъ про дѣвицу, въ другомъ — про молодца *). Такая двоякость вполне объясняется тою древнѣйшею неуставленностью пола божествъ, о которой не разъ говорилъ г. Аванасьевъ въ прекрасныхъ своихъ статьяхъ по сравнительной мифологіи. Ему было бы вовсе не трудно прослѣдить за проявленіемъ этой замѣчательной черты и въ своихъ сказкахъ, и изъ этой черты, между прочимъ, вывести доказательства древности сказокъ, опять-таки, если бы онъ позаботился о системѣ, при отсутствіи которой многое въ изданномъ имъ матеріалѣ осталось незамѣченнымъ имъ самимъ. Позаботься онъ о системѣ, и, при своихъ прекрасныхъ мифологическихъ свѣдѣніяхъ, онъ бы могъ воспользоваться несравненно лучше, чѣмъ воспользовался на самомъ дѣлѣ, тѣми богатствами, которыми отличается у него преимущественно первый, самый важный по своей мифической старинѣ, отдѣлъ. Изъ общаго числа сказокъ въ сборникѣ г. Аванасьева—343—(я не считаю вариантовъ одной и той же сказки); къ этому отдѣлу относится у него гораздо болѣе трети и немногимъ менѣе половины.

*) Если, въ какомъ либо изъ сюжетовъ, такой двоякости не оказывается по собраннымъ до сихъ поръ сказкамъ, то она всетаки оказывается при помощи сопоставленій съ мифическими чертами, уцѣлѣвшими въ нашихъ былинахъ, или даже, не смотря на позднѣйшую переработку, въ былевомъ эпосѣ востока, Греціи, среднихъ вѣковъ.

Между сказками, до сихъ поръ еще сохраняющими мнѣическія отпечатокъ, есть и такія, въ которыхъ, съ другой стороны, выдѣется впередъ выработанное въ позднѣйшее время, уже психологическое ихъ значеніе. Таковы, мнѣ кажется, нѣкоторыя изъ сказокъ о трехъ братьяхъ, младшій изъ коихъ дурень, — именно тѣ, въ которыхъ этотъ, такъ называемый дурень, оказывается на самомъ дѣлѣ или своеобразно хитрымъ, или же наоборотъ прямымъ, безусловно правдивымъ, любящему и безгранично сострадательному душою. Многочисленныя сказки о трехъ братьяхъ, выработавшіяся изъ одной общей мнѣической основы, распались на нѣсколько отраслей по господствующимъ характеристическимъ отгѣнкамъ; ихъ и слѣдовало бы распредѣлить по этимъ отгѣнкамъ въ концѣ древне-мнѣического отдѣла, такъ какъ по своимъ позже выработавшимся чертамъ, онѣ относятся уже къ переходной ступени отъ чисто-мнѣического содержанія къ нравоописательному.

На позднѣйшей ступени развитія мнѣологии слагаются понятія о божествѣ, какъ силѣ, принимающей участіе не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ мірѣ. Къ этой то ступени развитія относятся классическія парки, скандинавскія норны, славянскія роженицы и суженицы, первоначально бывшія также божествами чисто физическими и только постепенно получавшія нравственное значеніе. Еще позже на этой ступени выработалось наконецъ въ сознаніи народа и отвлеченное начало судьбы. Вотъ на этой-то ступени должны были сложиться тѣ сказки, въ которыхъ является она дѣйствующею у различныхъ Славянъ подъ различными отвлеченными именами (доли и недоли, срачи и несречи, усуда, горя, кручины и т. п.), или же безъ опредѣленнаго имени, только таинственнымъ образомъ сказываясь въ самомъ ходѣ сказки. Проникнутый этого рода воззрѣніемъ сказочный матеріалъ могъ бы быть совмѣщенъ во второй отдѣлѣ, *нравственно-мнѣическій*, такъ сказать. Далѣе и ему бы пришлось испытать своего рода подраздѣленія. Сначала могли бы быть въ немъ помѣщены тѣ сказки, въ которыхъ судьба является злобною, какъ бы завидующею счастью чловѣка (какою была она въ преданіяхъ міра классическаго; въ сборникѣ г. Аванасьева собственно сюда относящихся сказокъ я не замѣтилъ; преданія этого рода сохранились у насъ только въ книжныхъ позднѣйшихъ переработкахъ — такова легенда о кровосмѣсителѣ — подходящая къ Греческой Эдиповдѣ — у Сербовъ же въ чисто народной и еще пѣсенной формѣ — «Находъ Симеунъ»). Далѣе могли бы быть помѣщены сказки, въ которыхъ судьба пред-

ставляется уже только своенравною, вдругъ, ни съ того, ни съ сего начинающею кому либо покровительствовать; сюда могли бы быть отнесены, между прочими, и тѣ изъ сказокъ о дурнѣ, которыя какъ бы соотвѣтствуютъ извѣстной пословицѣ «дуракамъ счастье» (такихъ у г. Аванасьева нѣскольکو), также сказка «о вѣщемъ снѣ», который, предсказывая неизвѣстное, всегда, непремѣнно сбывается. Третью ступень тутъ должны бы были занять сказанія, въ которыхъ судьба проникается уже нравственнымъ началомъ — преслѣдуетъ и избличаетъ преступленіе; сюда бы пришлось отнести сказки о «поощемъ деревѣ» и т. п., въ которыхъ жизненная сила безвинно убитаго переходитъ въ физическіе предметы, и эти послѣдніе, получивъ даръ слова, рассказываютъ о преступленіи. Особую ступень должны бы были занять сказки съ еще большею нравственною глубиною развивающія идею судьбы, — сказки о кривдѣ и правдѣ, въ которыхъ остающійся вѣрнымъ послѣдней, послѣ долгихъ невзгодъ, оказывается торжествующимъ.

Наконецъ, опять особую категорію составили бы сказки объ особенномъ видѣ кривды — о богатствѣ незаслуженномъ и противопоставляемой ему незаслуженной и правдивой бѣдности, которая въ концѣ концовъ оказывается въ сказкахъ этого рода взысканною судьбою.

Если бы всѣ эти различныя сказанія о судьбѣ, съ различными оттѣнками выражающія одну и ту же идею, сгруппировать такимъ образомъ, то ярко бы выступила впередъ та строго логически вырабатывающаяся у народа глубина нравственнаго міросозерцанія, которая, при беспорядочномъ размѣщеніи сказокъ, не имѣя возможности открываться сразу во всей своей полнотѣ, въ несравненно меньшей степени поражаетъ. А такъ какъ сказки этого рода при предлагаемомъ мною порядкѣ, помѣщались бы въ недалекомъ сосѣдствѣ съ позднѣйшею, правоописательною категоріею сказокъ о дурнѣ, то съ совокупною силою кидалось бы въ глаза и то, что оказывается общимъ въ этой категоріи сказокъ о дурнѣ и въ послѣднихъ трехъ категоріяхъ сказокъ о судьбѣ — ихъ поразительная близость съ ученіемъ христіанскимъ. Съ другой стороны глубина высказываемой въ нихъ идеи выказалась бы еще болѣе, если бы г. Аванасьевъ позаботился ихъ сравнить съ пословицами о кривдѣ и правдѣ, объ убожествѣ и богатствѣ, о глупости, только кажущейся такою, а оказывающеюся неглупостью. Что касается близости этихъ пословицъ и сказокъ къ христіанству, то распространенность выражаемаго ими мотива не только у Индо-Европейскихъ, но и у иноплемennыхъ

народовъ, распространенность, вполне доказанная, что касается сказокъ, въ примѣчаніяхъ г. Афанасьева, то она могла бы оградить отъ ошибочнаго попопзновенія приписывать всѣ эти сказки непремѣнно вліянію христіанскому. Изъ такой, доказанной имъ повсемѣстной распространенности, г. Афанасьевъ и самъ, при существованіи системы въ его трудѣ, безъ сомнѣнія сдѣлалъ бы такой выводъ, что у всѣхъ народовъ было, независимо другъ отъ друга, выработано много такого, въ чемъ они всѣ сошлись, что было глубоко, и просто при всей своей глубинѣ, что должно было наковецъ сдѣлать имъ всѣмъ чрезвычайно доступными, совершенно родственными и сочувственными основныя стороны христіанства. А отсюда уже только шагъ къ заключенію, что ежели, при всемъ этомъ, христіанство нерѣдко принималось такъ туго, то на это должны были быть причины совершенно особыя, а затѣмъ открывался бы цѣлый рядъ самыхъ любопытныхъ заключеній о томъ, какія же могли это быть причины?

Вотъ какого рода вопросы можетъ возбуждать сборникъ г. Афанасьева, ежели заняться имъ хотя сколько нибудь систематически. Конечно, есть люди, которые, пожалуй, благословятъ трудъ г. Афанасьева именно за бессистемность, потому что она можетъ до нѣкоторой степени затруднять дѣло выводовъ, а выводы для этого рода людей, какіе бы они ни были, ненавистнѣе и убійственнѣе всего. Но вѣдь къ числу ихъ никакъ не можетъ принадлежать г. Афанасьевъ. Теплота и живое начало во многихъ его примѣчаніяхъ рѣшительно обличаютъ въ немъ не просто *ученаго*, но и *человѣка*. Съ особенною любовію обработаны у него примѣчанія къ сказкамъ о правдѣ и кривдѣ, о богатомъ и бѣдномъ и т. п. Самые пересказы сказокъ этого рода, имъ помѣщенные, отличаются замѣчательной полнотой. Численность ихъ не такъ велика, какъ и вообще численность сказокъ, относящихся ко второму мифическому отдѣлу (мною предлагаемому): ихъ будетъ до двадцати, не болѣе.

Несравненно многочисленнѣе тѣ, которыя пришлось бы отнести къ третьему отдѣлу — я разумѣю сказки о животныхъ. Ихъ будетъ болѣе сорока, и многіе изъ этихъ обломковъ народнаго животнаго эпоса чрезвычайно замѣчательны *). Къ сожалѣнію, примѣчанія къ нимъ менѣе удовлетворительны, чѣмъ другія въ изданіи г. Афанасьева. Онъ какъ-то мало обратилъ вниманія на средневѣковой звѣриный эпосъ и на мнѣнія о немъ Якова Гримма. А между

*) Они менѣе раскиданы у г. Афанасьева, чѣмъ сказки другихъ категорій.

тѣмъ матеріалъ, у него помѣщенный, блистательно подтверждаетъ предположеніе, высказанное Гриммомъ въ концѣ его вступленія къ «Reinhart Fuchs», что и у Славянъ, вѣроятно, продолжаютъ еще существовать кое-гдѣ остатки животнаго эпоса (предположеніе, къ которому Гриммъ былъ приведенъ доставленными ему Эстонскими сказками о животныхъ и которое подсказала ему его добросовѣстность, не смотря на то, что въ началѣ своего вступленія онъ, увлекшись своею любимую мыслию объ исконномъ *германизмѣ* животнаго эпоса, прямо оспаривалъ существованіе его, въ числѣ многихъ другихъ народовъ, и у Славянъ). Сказки о животныхъ, помѣщенные г. Аванасьевымъ, уже не кое-какіе остатки, а матеріалъ богатый и своеобразный.

Въ нихъ тѣ или другія животныя еще не являются съ тѣмъ строго установившимся, неизмѣннымъ характеромъ, съ какимъ мы ихъ видимъ въ средневѣковомъ эпосѣ. Лиса и волкъ не выдвинулись еще совершенно на первый планъ, какъ прототипы хитрости и прозорливости, соединенной съ крайнею степенью тупоумія. Кромѣ лисы хитрыми являются въ нашихъ сказкахъ и другія животныя, даже такія *недалекія*, какъ баранъ и козелъ, сами изобрѣтающіе въ нашихъ сказкахъ извѣстную выходку съ волчьею головою, выходку, которая въ средневѣковомъ эпосѣ уже присовѣтывается имъ лисою. Что касается этой послѣдней, то въ нашихъ сказкахъ, во первыхъ, въ хитрости ей не уступить иной разъ и котъ, во вторыхъ же нерѣдко она и перехитряется другими животными, даже окончательно гибнетъ отъ неумѣнія выпутаться изъ бѣды. Подобнаго рода черты были замѣчены уже Яковомъ Гриммомъ и въ нѣкоторыхъ эпизодахъ французскаго «Roman du renard», но онъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ поспѣшно думалъ ихъ объяснить позднѣйшею порчею. Существованіе того же самаго въ такихъ чисто народныхъ произведеніяхъ, какъ наши сказки, едва ли не должно скорѣе склонять къ мнѣнію, что *перехитримость* лисы черта болѣе древняя, указывающая еще на неустановленность ея типа. Оно же, мнѣ кажется, правдоподобнѣе и съ точки зрѣнія психологической. Болѣе раннему періоду развитія свойственно рѣшительно не отдѣлять животныхъ отъ человѣка, приписывать первымъ, т. е. каждому роду ихъ, человѣческую способность становиться и добрымъ, и злымъ, отличаться разностороннѣйшими отгѣнками въ характерахъ, сильно измѣняться со временемъ и съ обстоятельствами. Только на позднѣйшей ступени развитія человѣкъ могъ замѣтить в ту, отдѣляющую отъ него живот-

*

ныхъ, существенную ихъ особенность, что недѣлимая, относящаяся къ одному какому нибудь ихъ роду, неудержимо идутъ по одному направленію, отличаются всегда и вездѣ однѣми и тѣми же закрѣпившимися въ нихъ наклонностями. Вотъ на этой-то ступени, мнѣ кажется, должна была быть окончательно подмѣчена, какъ нѣчто никогда не измѣняющее лисѣ, преимущественно ей свойственная наклонность къ хитрости, и вотъ тогда-то и стала лиса ея прототипомъ, подобно тому какъ волкъ сталъ противоположнымъ ей прототипомъ тупой и бессмысленной жадности. Кромѣ указанныхъ мною основанийъ считать наши сказки остатками древнѣйшаго вида животнаго эпоса, на древній же ихъ характеръ указываетъ и то, что въ нихъ еще рѣшительно не замѣтны тѣ *государственныя начала*, которыя уже рѣшительно внесены въ міръ животныхъ средневѣковымъ эпосомъ, внесены, какъ отраженіе средневѣковой дѣйствительности *). Служа такимъ отраженіемъ, животный эпосъ среднихъ вѣковъ становится уже до извѣстной степени сатирою на средневѣковое общественное устройство. Въ нашихъ же сказкахъ о животныхъ если и есть нѣкоторый сатиризмъ, то онъ только таятся въ нихъ,— вотъ почему. Дальнѣйшее развитіе типа лисы, а оно уже замѣчено въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сказокъ, едва ли не происходило вслѣдствіе того, что хитрость, благодаря успѣху въ понятіяхъ нравственныхъ, стала казаться уже менѣе уважительною въ человѣкѣ, а потому и относительно-древній типъ хитреца подъ личиною дурня сталъ уступать высшему типу дурня правдиваго и сострадательнаго; хитрость же вмѣстѣ съ тѣмъ была какъ бы *сдана* поэзіею народа изъ міра человѣческаго въ міръ животныхъ. Не даромъ же, совершенно противоположно глубокой идеѣ сказокъ о непремѣнномъ торжествѣ правды, сказки о животныхъ стали какъ бы свидѣтельствовать о выгодѣ кривды. Такое противорѣчіе, оказавшееся въ народной поэзій, можетъ сгладиться только въ томъ случаѣ, если вадѣтъ въ животномъ эпосѣ какъ бы сатирической намекъ народа на то, что всѣ преимущества кривды—преимущества міра животныхъ.

Все, только что мною сказанное, конечно, не болѣе какъ предположенія, которыя могутъ быть подтверждены или опровергнуты

*) Въ нашихъ сказкахъ еще не играетъ роли и «царь животныхъ». О существованіи этого званія между ними упоминается только вскользь въ тѣхъ повѣствованіяхъ о борьбѣ птицъ и звѣрей, которыя помѣщаются иногда въ началѣ сказокъ о морскомъ царѣ.

только при большемъ количествѣ относящагося сюда матеріала. Но несомнѣнно, что и то количество его, какое представлено г. Аѳанасьевымъ, можетъ быть не безъ результата сопоставляемо съ тѣми чертами, которыя были подмѣчены въ животномъ эпосѣ Гриммомъ; но именно этого, къ сожалѣнію, и не сдѣлалъ г. Аѳанасьевъ. Онъ даже на этотъ разъ, не смотря на свою преимущественную склонность къ вопросамъ миѳическимъ, не обратилъ вниманія на вопросъ, поставленный Гриммомъ—о томъ, не имѣлъ ли животный эпосъ первоначально миѳическаго значенія? Между тѣмъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ могли бы уже бросить, если не сказки, помѣщенные г. Аѳанасьевымъ, то не лишеныя сходства съ нѣкоторыми изъ нихъ тѣ изъ Моравскихъ и Чешскихъ колядокъ, въ которыхъ являются дѣйствующими животными*). Г. Аѳанасьеву слѣдовало бы указать на нихъ въ примѣчаніяхъ, ибо онѣ особенно важны, какъ такія повѣствованія о животныхъ, которыя попадаютъ въ *обрядовыя*, т. е. по самому существу своему *миѳическія пѣсньи*.

Уже выше сказано, что сказки изъ круга животныхъ я бы думалъ отнести въ отдѣлъ третій, непосредственно слѣдующій за двумя первыми, по преимуществу миѳическими. Имѣютъ ли сказки изъ круга животныхъ въ свою очередь корень въ миѳѣ, или же не имѣютъ,—во всякомъ случаѣ *коренятся* онѣ въ той способности все въ природѣ уподоблять человѣку, которая свойственна самой отдаленной, по господствующему своему характеру, миѳической старичѣ. Въ дальнѣйшемъ же своемъ развитіи, какъ мы видѣли, сказки этого рода достигаютъ значенія какъ бы оборотной стороны гѣхъ уже высшихъ возрѣвій, которыя выразились въ сказкахъ о правдѣ и кривдѣ и отакъ называемомъ *дурнѣ*—сострадательномъ и правдивомъ—въ сказкахъ, которыя мною отнесены ко второму т. е. предшествующему отдѣлу.

Позже сказокъ отдѣла втораго и третьяго, думаю я, должны были появиться, а потому и относятся мною въ дальнѣйшій, четвертый отдѣлъ, тѣ сказки, о которыхъ въ самомъ дѣлѣ можно сказать словами г. Буслаева, что онѣ «пошли отъ былины». Ихъ у г. Аѳанасьева никакъ не болѣе десяти, (я отношу къ нимъ и прекрасную сказку о Никитѣ Кожемякѣ, совершенно подходящую къ былинамъ). Особымъ характеромъ отличаются двѣ-три сказки (о *Омѣ Бередниковѣ*, и т. п.), въ которыхъ замѣтно какъ бы

*) Sušil, Moravske nar. písné, 742 etc. Erben, prostonar. České písné, 99 etc.

пародированіе самихъ народовъ его любимыхъ богатырей. — Онѣ очень любопытны, свидѣтельствуя о томъ, что даже такой литературный родъ, какъ пародія, имѣетъ свои корни въ народной поэзіи. — Въ примѣчаніяхъ къ тѣмъ сказкамъ, которыя пошли отъ былины, нужна уже бытовая и историческая стихія, она же менѣе сподручна г. Аванасьеву, чѣмъ стихія мифическая. Потому-то и въ примѣчаніяхъ къ этимъ сказкамъ самое лучшее то, что относится къ общей у сказокъ съ былинами мифической сторонѣ — напримѣръ мифическое объясненіе Соловья разбойника. Въ примѣчаніяхъ къ сказкамъ объ Ильѣ Муромцѣ, это правда, прекрасно объяснены и многія уже вовсе не мифическія черты — напримѣръ все то, чѣмъ образъ Ильи одолженъ вліянію христіанства. Г. Аванасьевъ совершенно правъ, замѣчая это вліяніе на Ильѣ, но оно вѣдь перешло въ сказки изъ былинъ уже позднѣйшаго времени, между тѣмъ какъ и въ болѣе древнихъ былинахъ Илья выказываетъ уже такія сочувственныя черты, которыя, помимо всякихъ постороннихъ вліяній, вытекали изъ самыхъ коренныхъ свойствъ Славянства. Г. Аванасьевъ не замѣчаетъ въ типѣ Ильи главнымъ образомъ послужившую почвою для него идею служенія личности — земству. А между тѣмъ онъ вѣдь не принадлежитъ къ числу тѣхъ упорнѣйшихъ *западниковъ*, которые, въ своихъ объясненіяхъ нашей древней жизни, постоянно видятъ ее на ступени будтобы застывшаго у насъ навсегда *родоваго быта*; по крайней мѣрѣ въ статьѣ своей «Дѣдушка домовая» онъ старается привести и такія данныя, которыя прямо доказываютъ, что у Славянъ съ теченіемъ времени стали обнаруживаться связи общественныя. Мнѣ кажется, что съ точки зрѣнія *общественнаго начала* можно было бы посмотреть и на многія изъ тѣхъ сказокъ, которыя съ теченіемъ времени, какъ показано выше, получили значеніе правоописательное, в которыя были отнесены мною къ концу перваго и ко второму отдѣлу. Тѣ сказки о дурнѣ, напримѣръ, въ которыхъ является онъ правдивою, любящею, ко всѣмъ сострадательною душою, едва ли бы могли сложиться подъ вліяніемъ собственно такъ называемаго *родоваго быта*. Основныя черты этого послѣдняго: безгласность всѣхъ младшихъ предъ деспотическою властію старшаго въ родѣ, и та замкнутость отдѣльныхъ родовъ, при которой они не только не признавали между собою человѣческой связи, но и враждебно относились одинъ къ другому — все это коренилось въ одномъ эгоизмѣ, при которомъ не было мѣста тому идеалу безкорыстной *любви*, какой видимъ мы въ упомянутыхъ сказкахъ. Для того, чтобы подобныя

сказки могли сложиться, долженъ былъ быть совершенъ переходъ отъ рабски-согласныхъ или рабски-враждебныхъ родовыхъ отношеній, къ тѣмъ свободнымъ связямъ, изъ которыхъ рождается община и безъ которыхъ немислимо безкорыстное чувство любви вообще къ человѣку. Изъ появленія же сказокъ этого рода у всѣхъ народовъ можно бы, кажется, сдѣлать заключеніе и о томъ, что вездѣ, уже въ отдаленнѣйшія времена, началъ совершаться спасительный переходъ отъ оковъ родового быта къ свободнымъ чело-вѣческимъ отношеніямъ.

И на сказку, для полнаго уясненія всѣхъ ея многообразныхъ сторонъ, необходимо смотрѣть не съ одной мпѣической, но и съ бытовой точки зрѣнія. Необходимо отмѣчать и по ней тѣ измѣненія въ бытѣ, какія происходили еще въ пору отдаленнѣйшаго сродства между народами единоплеменными, въ ту пору, которая едва ли совершенно вѣрно называется до-историческою, ибо гдѣ уже есть измѣненія, тамъ нельзя уже видѣть окончательнаго отсутствія исторіи. Изученіемъ повсемѣстно-сходныхъ сказокъ съ бытовой стороны ихъ можно было бы подвергнуть сомнѣнію—какъ совершенную вѣрность термина *до-историческій*, такъ и вѣрность господствующихъ понятій объ обозначаемой имъ эпохѣ. Тогда бы скорѣе пришлось ее называть эпохою *племеннаго единства, неутраченнаго сродства*; а вѣрное ея пониманіе бросило бы новый свѣтъ и на обособившіяся въ эпоху распавшагося единства народныя различія и особенности. Изъ сличенія у различныхъ народовъ сказокъ, изучаемыхъ и съ бытовой стороны, съ былинами, могло бы, мнѣ кажется, обнаружиться, что уже въ эпоху всеобщаго племеннаго сродства начинали повсемѣстно смягчаться отношенія между людьми, а вмѣстѣ съ тѣмъ начиналъ расширяться ихъ кругъ, начиналъ уже совершаться естественный переходъ отъ родового устройства къ общественному; послѣ же обособленія отдѣльныхъ народовъ, у большей части изъ нихъ вышло такъ, что развитіе зарождавшейся уже повсемѣстно общины было задержано перевѣсомъ новой исторической формы изначальнаго эгоизма—принципа аристократическаго. Такую задержку пришлось потерпѣть общинному началу у народовъ Запада, развившихъ изъ своей древней привилегіи первородства (маіората или сеньората), а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ *права завоеванія*, легшаго въ основу западныхъ государствъ, тотъ рядъ аристократическихъ учреждений, который такъ сильно даетъ себя чувствовать и въ былинномъ эпосѣ Запада. Напротивъ, при сличеніи съ этимъ послѣднимъ нашего былиннаго эпоса, такъ и

кидается въ глаза каждому непредубѣжденному человѣку отсутствіе въ немъ аристократическаго и господство земскаго уравнивающего начала; господство, находящее объясненіе въ томъ, что, при отсутствіи въ основахъ быта Славянъ привилегіи первородства, а равно и отсутствіи собственно завоевательнаго начала по крайней мѣрѣ въ нашей Русской исторіи, у насъ могла сохраниться и далѣе развиться та общинность, первоначальное зарожденіе которой можно и у всѣхъ намъ соплеменныхъ народовъ замѣтить по вышеупомянутымъ, наравнѣ съ нами принадлежащимъ и имъ, живописательнымъ сказкамъ.

Такіе выводы изъ народной словесности могли бы до извѣстной степени разъяснить то съ перваго взгляда поражающее явленіе, что самыя новѣйшіе, дальше другихъ уходящіе, а потому и величаемые фантазеры, представители Западно-Европейской мысли, стремятся во многихъ отношеніяхъ къ тому же самому идеалу, который такъ широко развитъ въ нашемъ былинномъ эпосѣ и которому соответствуетъ очень многое и въ Славянскомъ народномъ бытѣ.

Изъ всего этого, возвращаясь къ г. Аванасьеву, я сдѣлаю то заключеніе, что болѣе вниманія слѣдовало бы ему обратить на бытовую сторону сказокъ. Думаю, что онъ бы и обратилъ на нее вниманіе, если бы былъ нѣсколько ближе знакомъ со школою Славянофиловъ, знакомство съ которою оказывается, какъ видно, далеко не излишнимъ при изученіи не только былинъ, но и сказокъ; я разумѣю знакомство со *здоровою* стороною славянофильства....

Полагаю впрочемъ, что самыя обстоятельства приведутъ г. Аванасьева къ сближенію съ этою стороною. Ему, какъ извѣстно, съ отъѣздомъ г. Безсонова въ западныя губерніи, поручено продолжать издаваніе въ свѣтъ сборника пѣсень Кирѣевскаго. Имя дѣло преимущественно съ былевымъ матеріаломъ, онъ, при несомнѣнной своей добросовѣстности, не замедлитъ признать въ нашей народной жизни такія стороны, которыя и до сихъ поръ все-же усматривались скорѣе имъ, чѣмъ другими представителями такъ называемаго *западническаго* направленія. Во всякомъ случаѣ нельзя не порадоваться отъ души, что такое важное дѣло, какъ продолженіе изданія сборника пѣсень Кирѣевскаго, поручено г. Аванасьеву; онъ, навѣрное, не станетъ односторонничать и упрямятвовать, какъ другіе — на примѣръ г. Буслаевъ, который и въ своей послѣдней статьѣ о Сидѣ, проводя параллель между нимъ и Ильею Муромцемъ, остается все тѣмъ же — слѣпымъ относительно

нашихъ народныхъ особенностей, все тѣмъ же незамѣннымъ, какъ будто бы новившимся.

Но мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ—только нѣсколько словъ—объ остальныхъ, уже не слишкомъ многочисленныхъ сказкахъ въ сборникѣ г. Аванасьева. Къ особому, пятому отдѣлу, пришлось бы, по моему, отнести тѣ, которыя сложились уже въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ книжнымъ—своимъ ли отечественнымъ, или чужестраннымъ. Къ первымъ относится, на примѣръ, сказка о Царѣ Мамаѣ, сложившаяся, по замѣчанію г. Аванасьева, подъ вліяніемъ нашей извѣстной литературной «Задонщины». Ко вторымъ можно отнести сказку объ Александрѣ Македонскомъ, о Шемякинѣ судѣ (и она, какъ мнѣ кажется, сложилась хотя на половину подъ книжнымъ вліяніемъ), наконецъ сказки о злой женѣ или о женѣ спорщицѣ, сложившіяся уже очевидно подъ вліяніемъ того несочувственнаго къ женщинѣ взгляда, который почти повсемѣстно замѣтенъ въ книжныхъ произведеніяхъ среднихъ вѣковъ и виѣстѣ со многимъ другимъ перешелъ изъ Византіи и къ намъ, не смотря на совершенное его несогласіе съ древне-славянскимъ взглядомъ.

Внимательное разсмотрѣніе всѣхъ книжныхъ вліяній на умъ и воображеніе нашего народа, во многихъ отношеніяхъ привело бы къ сознанію той порчи и того вреда, которые нерѣдко вытекали у насъ изъ подобныхъ вліяній. Книжнымъ путемъ проливались къ намъ, виѣстѣ со многимъ хорошимъ, и тѣ мутныя чужія струи, которыя нарушали свободный строй нашихъ древне-славянскихъ задатковъ. Народная мысль нерѣдко вооружалась противъ такихъ напиравшихъ изъ-чужа вліяній,—и отсюда то вытекли многія изъ тѣхъ чисто народныхъ позднѣйшихъ произведеній, которыя попадаютъ въ сборникѣ г. Аванасьева, и которыя слѣдовало бы, по моему, отнести въ шестой и послѣдній отдѣлъ. Это сказки уже чисто правоописательныя, характера частію протестующаго, и протестующаго частію въ формѣ сатиры. Сюда относятся также и облеченная въ формы животнаго эпоса сказка о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ. Изъ сказокъ этого отдѣла, въ которыхъ заключается затаенный протестъ противъ особенно несвойственнаго Русской народности начала сословнаго, назову помѣщенныя у г. Аванасьева сказки о Царѣ Иванѣ Васильевичѣ и горшенѣ. Къ этому же отдѣлу, наконецъ, я отношу и большую часть такъ называемыхъ *народныхъ анекдотовъ*.—Этого въ своемъ родѣ интереснаго матеріала у г. Аванасьева очень не мало; всѣхъ же сказокъ, мо-

гущихъ быть отнесенными къ этому поздѣйшему правоописательному отдѣлу (за вычетомъ анекдотовъ) наберется, я думаю, болѣе тридцати *).

Въ предполагаемомъ мною дѣленіи сборника г. Аванасьева, я имѣлъ въ виду, какъ не трудно замѣтить, расположеніе сказокъ по ступенямъ историческаго развитія этой отрасли народной словесности. Думаю, что такимъ образомъ слѣдовало бы распредѣлять и сборники по другимъ отраслямъ. Это служило бы также мѣриломъ относительной полноты сборника, ибо тѣ, которые не богаты, отличаются большими пробѣлами, не могли бы быть съ успѣхомъ распредѣлены по этой системѣ. Историческая система распредѣленія до извѣстной степени была примѣнена г. Безсоновымъ къ сборнику пѣсень Кирѣвскаго, который, по своему богатству, вполне допускаетъ такое распредѣленіе. Г. Аванасьеву придется слѣдовать той же системѣ при порученномъ ему продолженіи этого изданія. Чтò же касается его собственнаго сборника, то мнѣ кажется, что то дѣленіе, которое намѣчено мною въ самыхъ общихъ чертахъ, не смотря на его неотчетливость, по крайней мѣрѣ доказываетъ примѣнимость къ изданію г. Аванасьева исторической системы дѣленія.

Я полагаю, что съ болѣею отчетливостью исторически распредѣленный самимъ г. Аванасьевымъ, его сборникъ могъ бы служить не только сырымъ матеріаломъ, но и прекраснымъ пособіемъ для преподавателя при историческомъ изложеніи данныхъ народной словесности. А предметъ этотъ, какъ мнѣ кажется, долженъ наконецъ приобрести право гражданства наряду съ другими, самыми существенными предметами.

Указывая на такое значеніе сборника г. Аванасьева, я думаю этимъ самымъ отозваться о немъ съ особенною похвалою въ заключеніе моего, какъ кажется, и вообще сочувственнаго ему разбора.

Считаю почти излишнимъ заключать изъ всего этого, что я нахожу сборникъ г. Аванасьева вполне заслуживающимъ полной преміи.

*) Между ними есть и такія, въ которыхъ еще отчасти проглядываетъ первоначальная мѣрическая основа, но въ тоже время выдаются уже на первый планъ правоописательныя черты поздѣйшаго историческаго времени. Замѣчу при этомъ, что число сказокъ того или другаго отдѣла могло быть приводимо мною только приблизительно, такъ какъ есть сказки, стоящія какъ бы на границахъ двухъ или трехъ отдѣловъ; такія иной разъ я могъ считать дважды и трижды, иной же разъ вовсе ихъ опустить изъ счета.

РАЗБОРЪ СЛОВАРЯ БѢЛУРУССКАГО НАРѢЧІЯ

Г. НОСОВИЧА,

составленный Акад. И. И. Срезневскимъ.

БѢлорусское нарѣчіе, ближайше сродное съ южнымъ Велико-русскимъ по выговору гласныхъ, особенно тѣхъ, на которыхъ нѣтъ ударенія, между прочимъ и по измѣненію *о* въ *а*, и *к* въ *г*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по значительной части словъ, тѣмъ не менѣе и рѣзко отличается отъ него между прочимъ сохраненіемъ нѣкоторыхъ древнихъ свойствъ строя (какъ на пр. измѣненіемъ гортанныхъ въ свистящія передъ *ъ* (въ шапцѣ, бабцѣ, на стрѣсѣ, въ вусѣ, въ лузѣ, въ блазѣ) и употребленіемъ нѣкоторыхъ служебныхъ словъ, какъ напр. *якъ, якій* (вмѣсто *какъ, какой*), *нехай* (вмѣсто *пусть*), *нема* (вмѣсто *нѣтъ*). Оно принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ мѣстныхъ видоизмѣненій Русскаго народнаго языка. Оно важно по своимъ особенностямъ, по остаткамъ древности въ составѣ; оно важно и по обширности пространства, на которомъ господствуетъ, какъ языкъ народный. Отъ Нѣмана и Наревы, оно простирается къ верховьямъ Волги, отъ западной Двины къ Припечи и Ипути; господствуя въ губерніяхъ: Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской и части Виленской, оно идетъ и на востокъ въ губерніи: Псковскую, Тверскую, Смоленскую, Черниговскую. Исслѣдователи историческіе не могутъ не обратить на него вниманія столько же, какъ и филологи, и, конечно, найдутъ въ немъ не мало драгоцѣнныхъ указаній для своихъ соображеній.

Имѣя это въ виду, надобно желать, чтобы его изученіе сдѣлалось возможнымъ посредствомъ обнаруженія матеріаловъ для этого необходимыхъ. Таковы: 1. Сборники памятниковъ и образцовъ нарѣчія, 2. Словарь сколько возможно болѣе полный.

Что касается до сборниковъ памятниковъ и образцовъ Бѣлорусскаго нарѣчія, то нѣсколько ихъ уже издано. Два довольно значительные сборника пословицъ и поговорокъ гг. Носовича и Шпилевскаго изданны въ Памятникахъ и образцахъ народнаго языка и словесности при Извѣстіяхъ 2-го Отдѣленія Академіи (стр. 33 — 80 и 173 — 172). Нѣсколько сказокъ, изъ числа доставленныхъ въ Этнографическое Отдѣленіе Русскаго Географическаго Общества, вошло въ сборникъ Народныхъ Русскихъ сказокъ г. Аванасьева. Бѣлорусскія пѣсни въ довольно-значительномъ количествѣ напечатаны въ книжкѣ А. Рыпинскаго «Białogus (Pałyż 1840), въ сборникахъ Я. Чечота (Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno. 1848) и Р. Зенкевича (Piosnki gminne ludu Pińskiego. Kowno. 1851), въ Этнографическомъ сборникѣ при статьяхъ гг. Юркевича, Киркора, Анимелле, Разумикина и пр. Духовные стихи вошли изъ моего собранія въ Сборникъ Русскихъ духовныхъ стиховъ г. Варенцова и кромѣ того напечатаны въ книгѣ г. Безсонова Калеки переходіе. Рукописные сборники памятниковъ и образцовъ Бѣлорусскаго нарѣчія въ большомъ количествѣ хранятся въ Архивѣ Русскаго Географическаго Общества и безъ сомнѣнія будутъ ранѣе или позже изданы. Въ числѣ этихъ матеріаловъ нельзя не замѣтить обширныхъ сборниковъ г. Носовича. Современная требовательность въ отношеніи къ сохраненію мѣстныхъ отгѣнковъ народнаго выговора будетъ, конечно, уважена и при изданіи этихъ сборниковъ, какъ не была иногда забываема и прежде.

Даже и при помощи того, что изъ памятниковъ и образцовъ Бѣлорусскаго нарѣчія уже напечатано, можно составить ясное понятіе не только о фонетикѣ этого нарѣчія, но и о грамматическомъ его строѣ и даже до нѣкоторой степени о мѣстныхъ его видовизмѣненіяхъ.

Вовсе не таково положеніе изслѣдователей въ отношеніи къ изученію состава Бѣлорусскаго нарѣчія. Всѣ доселѣ изданные матеріалы этого рода не выходятъ изъ ряду небольшихъ сборниковъ словъ, записанныхъ случайно. Таковъ сборникъ при вышеозначенной книжкѣ Я. Чечота, таковы же и списки словъ при нѣкоторыхъ изъ статей Этнографическаго сборника, и сборникъ словъ изъ пословицъ и поговорокъ въ Матеріалахъ для сравнительнаго и пояснительнаго словаря (I: 103 — 107), и тѣ сборники, которые вошли въ составъ Опыта областнаго словаря Великорусскаго нарѣчія и т. п. Неизданные матеріалы, на сколько они мнѣ извѣстны,

не отличаются отъ изданныхъ никакими особенно важными достоинствами. Очень невеликъ Бѣлорусскій словарь г. Шпилевскаго, бывшій на разсмотрѣннн 2-го Отдѣленія Академіи: въ немъ записано, сколько помнится, менѣе 2,000 словъ. Не болѣе значительны и матеріалы для Бѣлорусскаго словаря, сообщенные 2-му Отдѣленію Академіи г. Микуцкимъ. Сборники словъ, доставленные въ Русское Географическое Общество важнѣе всего болѣе потому, что представляютъ слова, употребительныя въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Бѣлорусскаго края.

Любопытны, конечно, и эти матеріалы; но для изслѣдователя они слишкомъ недостаточны. Ему нуженъ словарь сколько возможно болѣе полный, словарь, въ которомъ было бы дано мѣсто не только словамъ занимательнымъ по странности и необщезвѣстнымъ, но и всѣмъ вообще, не только простонароднымъ, но употребляемымъ и въ городахъ, и обще-Русскимъ, и занятымъ изъ другихъ языковъ, и общимъ для всего народа, и употребляемымъ отдѣльными частями народа, какъ на пр. хлѣбопашцами, пастухами, ремесленниками, купцами, и т. п.,—словарь, въ которомъ бы притомъ отмѣчены были отгѣнки смысла словъ и условія ихъ употребленія въ живой рѣчи. Такого словаря нѣтъ, правда, ни по одному изъ мѣстныхъ видоизмѣненій Русскаго языка; но правда и то, что такіе словари необходимы, что только такіе могутъ имѣть научное значеніе. Къ сожалѣнію, при настоящемъ положеніи общественной образованности у насъ, нельзя ожидать, чтобы за составленіе такого словаря взялось какое нибудь частное лицо, безъ особеннаго увлеченія.

Тѣмъ поразительнѣе рѣшимость г. Носовича взяться за такой словарь по Бѣлорусскому нарѣчію и стойкость, съ какою довелъ онъ свою работу до конца.

По дѣламъ 2-го Отдѣленія Академіи извѣстно, что г. Носовичъ занялся своимъ словаремъ за десять лѣтъ передъ этимъ, если не ранѣе. Будучи самъ Бѣлоруссомъ и изучая свое нарѣчіе при собираніи памятниковъ и образцовъ этого нарѣчія, онъ могъ взяться за дѣло составленія словаря съ большою надеждою на успѣхъ. По дѣламъ 2-го Отдѣленія Академіи извѣстно также, что г. Носовичъ для увеличенія запасовъ, годныхъ для его словаря, предпринималъ поѣздки по разнымъ частямъ Бѣлорусскаго края, а къ приѣмамъ составленія словаря долженъ былъ постепенно привыкнуть при обработкѣ Указателя словъ къ Актамъ Западной Россіи, который и оконченъ имъ съ необыкновенною тщательностью.

Представляя свое мнѣніе о Словарѣ Бѣлорусскаго нарѣчія, со-

ставленномъ г. Носовичемъ, долгомъ считаю обратить вниманіе гг. сочленовъ и на этотъ Указатель, какъ на пособіе, необходимое при изученіи Западно-Русскихъ актовъ.

Что касается до Словаря Бѣлорусскаго нарѣчія, то я позволю себѣ выразить увѣренность, что этотъ трудъ г. Носовича достоинъ особеннаго вниманія Комиссіи, какъ въ своемъ родѣ необыкновенный.

Самая величина его заставляетъ глядѣть на него съ уваженіемъ: онъ занимаетъ 774 лстка (1548 страницъ) густаго мелкаго письма, т. е. около 750 страницъ печати въ 4-ю д., въ два столбца.

Величинѣ соотвѣтствуетъ богатство содержанія. Въ него вошло болѣе 30,000 словъ. Дано мѣсто всякому слову, употребляемому въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи; рядомъ со словами общеупотребительными дано мѣсто и тѣмъ словамъ, которыя извѣстны только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а равно и тѣмъ, которыя употребляются только въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ народа, между прочимъ и техническимъ. Особенно драгоцененъ словарь г. Носовича, по множеству словъ, которыя надобно въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи считать въ числѣ первообразныхъ и первичныхъ производныхъ, каковы напр.: *авранъ*—раст. *gratiola*, *алесь*—топь, *арудъ*—хлѣбный закрокъ, *бавить*—забавлять, *багуль*—багульнякъ, *базиранина*—всякая всячина, *бай*—говорунъ, *баки-баньки*—глаза, *баритсьн*—медпть и пр.

Такое громадное собраніе словъ, хотя бы было выбрано только изъ печатныхъ памятниковъ языка, сдѣланное разомъ, достойно было бы особеннаго уваженія. Тѣмъ болѣе достойно уваженія такое собраніе словъ языка устнаго народнаго, какъ предполагающее трудъ несравненно болѣе сложный и тяжелый. Вотъ почему такъ и рѣдки такіе словари во всей Европейской литературѣ.

Въ словарѣ г. Носовича всѣ слова Бѣлорусскія изъяснены переводомъ на Русскій письменный языкъ или же описаніями. Въ нужныхъ случаяхъ отмѣчены отгѣнки значенія словъ. На сколько могу судить, это сдѣлано г. Носовичемъ по большей части съ надлежащею осмотрительностію. Въ достоинствѣ этой доли труда г. Носовича я удостовѣрился сравненіемъ его съ матеріалами, находящимися у меня подъ рукою.

Чтобы показать образецъ и богатства словаря г. Носовича сравнительно съ другими сборниками, и относительную вѣрность и подробность опредѣленія словъ, представляю выписку словъ на букву *ж*, ближайшихъ къ первообразнымъ.

У Носовича:

ЖАВА, лягушка. —
болѣзнь.

ЖАДАЦЪ, страстно хотѣть.

ЖАБЪ, рыболовный снарядъ, въ
которомъ въ серединѣ отвер-
стіе сужается на подобіе во-
ронки.

ЖАЛОВА, трауръ.

ЖАЛИЦЦА, жаловаться.
страдать чѣмъ.

ЖАЛОВАЦЪ, гл. ср. жалѣть, гл. д.
скорбѣть о чемъ, раскаиваться,
скупиться.

ЖАЛЬ, досада, чувство обиды,
сожалѣніе.

ЖАРѢНУЦЪ, ударить ч. н. гиб-
кнмъ.

ЖАРИНА, мелкослойное сосно-
вое дерево.

ЖАРТОВАЦЪ, играть, шалить,
мучить.

ЖАСТЫРЪ, растеніе, престопа-
родно употребляемое отъ боли
зубовъ или въ отварѣ отъ боли
живота.

ЖВАНЪ, **ЖВАНОВЪ**, кувшинъ
глиняный или мѣдный съ до-
вольно широкимъ горломъ на
подобіе горлача, съ ручкою.

ЖВАВЫЙ, проворный съ смѣт-
ливостью.

ЖВИРЪ, дресва.

ЖВЯКАЦЪ, медленно жевать.

ЖГАЧКА, жога.

ЖДАНКИ, все приготовленное къ
ожиданію гостя.

ЖЕВРАБЪ, нищій, ходящій съ
просительною книгою для цер-
кви.

ЖЕБРОВАЦЪ, просить милосты-
ны особенно съ просит. пись-
момъ.

ЖЕВРЫ, жабы.

ЖЕВЖИГЪ, маленькая рыбка,
вертящаяся на дыѣ рѣки, —
малычикъ толстенькій, нѣжный.

У Мѣкуцкаго, Шпилевскаго
и др.

Жаба. М. III.
ЖАВИНА = ожавина. М. — См.
Жевяны.

ЖАЛКІЙКА. М. — См. Жулейка.
Жалоба. М. III.
Жалицья М.

Жаловаць — жалѣть. М.

Жартоваць — шутить. М. шутить,
насмѣхаться. III.

Жвавый — живой, проворный,
бойкій. М.
Жвиръ — хряцъ, чура.

Жебракъ — нищій. М.

Жеброваць, просить милосты-
ню. М.

ЖИВИНЫ, ежевиковыя ягоды.
ЖЕВЛАГЪ, желвакъ.
ЖЕГНАЦЪ, благословлять.
ЖЕГНАЦЪЦА, прощаться.
ЖДАЦЪ, ожидать.
ЖЕЛУДЗИ, трѣфы.
ЖЕЛУДКОВКА, водоч. настойка на прѣныхъ кореньяхъ.
ЖЕЛЪЗНИКЪ, заступъ.
ЖЕНИХАЦЪЦА, присватывать-ся ухаживаньемъ.
ЖЕНОВАЦЪ, быть замужемъ, хозяйничать (о женѣ).
ЖЕНЮХЪ (Грод.) женихъ.
ЖЕРЕВЕ, я, жеребенокъ.
ЖЕРЕНЦЫ, два мал. жерн. камня для домашняго ручнаго молива.
ЖЕРЛО, прожора.
ЖЕРТВА, распавшійся въ мелкія части хрупкій камень, дресва.
ЖЕРЦЪ, **ЖЕРУ**, жрать.
ЖИВИЦЪ, мелкая живая рыбка насаживаемая на уду для ловли большой рыбы.
— хрящеватая часть въ кожѣ, оставшаяся невыдѣланною.
— кровь, показывающаяся отъ ударовъ.
ЖИВИЦЪ, живить.
кормить.
сообщать живость.
имѣть цѣлительную силу.
ЖИВИЦЪЦА, кормиться.
пользоваться.
ЖИВОТЬ, жизнь.
ЖИВОТЫ, пожитки.
домашній скотъ.
внутренности.
ЖИГА, черезъ чуръ проворный, скорый, виѣшивающійся въ чужія дѣла, поджигающій другихъ къ распрѣ.
ЖИГАЛО, желѣзный пруть, употребляемый кузнецами для прижиганія дыры въ деревѣ.

См. Жавина. М.

Ж. — = Ш.

Женоваць — находится заму-жемъ. М.

Жеребѣ, бяци — жеребенокъ. М.

Жерства — дресва. М.

ЖИВИНА, животное, животина, скотина. М.

ЖИВИЦЪСЯ, кормиться, питаться, содержать себя. М.

— курильница.

— нагайка.

ЖИГУЛЬ, проворный, любящий
вездѣ подсмотрѣть.

ЖИГЪ, мигъ.

прыжокъ.

ЖИДАЦЪ, ожидать.

ЖИДЕТЪ, гибкій, тонкій, без-
сильный.

ЖИЖА, дѣт. огонь.

ЖИЖКА, всякая жидкость, —
кровь.
огонь.

ЖИЛЕЦЪ, житель.

ЖИЛИЦЪ, заставлятъ, принуж-
дать, насильно требовать.

ЖИЛЫ, силы.

весь составъ человѣка.
пмущество.

ЖИРОВАЦЪ, кормить до сыта,
откармливать. — **ЖИРОВАЦЪ-**
ЦА, раскошествовать въ пищѣ.

ЖИТО, рожь.

ЖИЦЕЦЪ, трава, растущая во
ржи и имѣющая нѣкоторое
сходство съ рожью по колосу,
но съ очень мелкимъ зерномъ.

ЖИЧИЦЪ, желать.

ЖЛОКАЦЪ, съ жадностью пить.

ЖЛОБТАЦЪ, локать, хлебать.

ЖЛУДЪ, трѣфы.

ЖЛУЕТАЦЪ, пьянствовать.

ЖЛУЕЦИЦЪ, бучить.

ЖЛУЕТО, кадъ безъ дна для
бученья бѣлья.

пьяница и обжора.

ЖМАКИ, выжимки.

ЖМѢНЬ, горсть.

ЖМУРА, жмурающій глаза.

котъ и кошка.

ЖМУРЪ, часть чего нибудь сжа-
таго, волокнистаго.

ЖНИВО = **ЖНИВО**, жатва.

ЖОВНА, птица желна.

ЖОВНАРЪ, солдатъ.

ЖОВЦЪ, желчь.

ЖИГЛИВЫЙ, жгучій. М.

ЖИДАЦЪ = жадаць, сильно же-
- лать. М.

Жижа, огонь. М.

ЖИРОВАЦЪ, кормиться, ѣсть. М.

Жито, рожь. М.

ЖИЧЕА, красная шерстян. тесь-
ма. М.

Жлоктаць — пить, локать. М.

ЖЛУЕТИЦЪ, **ЖЛУЕЦАТЬ** — о
бѣльѣ: бучить, парить, при-
готовлять къ мытью. М.

Жлукто, букъ. М.

ЖЛЪПТАЦЪ = хлпптаць. М.

ЖМВНЯ, горсть. М. Ш.

Жниво, жатва. М.

ЖОДНЫЙ = **ЖАДНЫЙ**, каждый.

ЖОМЕРЫ, шелуха отъ семень,
изъ которыхъ выжато молоко.

ЖОМЧУГЪ, жемчугъ.

ЖОНКА, жена. женщина.

ЖОРНЫ, жернова.

ЖОРОВЪ, журавль.

ЖОСТИКЪ, твердый, — шерохова-
тый, скорый, — предприим-
чивый.

ЖРАТВА, прожора.

ЖУДА, печаль, скорбь,

ЖУЙКА, жвачка.

ЖУЛЕЙКА, дерев. свирѣль. **ЖУ-**
ЛЕНЦЪ — играть на свирѣли.

ЖУПАНЪ, кафтанъ изъ цвѣтна-
го сукна.

ЖУРАВИНЫ, клюква.

ЖУРИЦА, скорбѣть.

Жосткій — прыткій, скорый, рѣз-
вый на бѣгу.

Жулейка — свирѣль. М.

Жулицъ, разговаривать. М Ш;
балагурить. Ш.

Журавина — клюква. М. Ш.

Журавъ, журавль. М.—Жоравъ.

Журица, скорбѣть, печа-
литься. М.

Къ объясненіямъ словъ приложены почти постоянно примѣры ихъ употребленія изъ живой рѣчи, изъ пословицъ и поговорокъ, изъ пѣсенъ, сказокъ, прибаутокъ, впрочемъ въ размѣрѣ необходимости, почти всегда умѣстно: матеріалъ драгоцѣнный, въ значительной части новый.

Все приведенное на Бѣлорусскомъ нарѣчїи, при соблюденїи однообразнаго, вообще хорошо выработаннаго правописанїя, обозначено ударенїями и другими знаками.

По всему видно, что г. Носовичъ, владѣя самъ нарѣчїемъ Бѣлорусскимъ, какъ своимъ роднымъ, и долгое время прежде собирая памятники и образцы этого нарѣчїя, усердно занимался словаремъ тѣ десять лѣтъ, которыя провелъ надъ нимъ. Такой трудъ могъ быть только плодомъ долгихъ усилій.

Только при помощи такого словаря, каковъ словарь Носовича, можно начать подробныя разслѣдованія о составѣ Бѣлорускаго нарѣчїя, и между прочимъ искать оправдательныхъ доказательствъ предположенію, что въ этомъ нарѣчїи сохранилось очень много древняго, важнаго для исторїи Русскаго языка.

Нельзя поэтому не желать, чтобы словарь г. Носовича былъ изданъ; съ увѣренностью можно сказать, что онъ принятъ будетъ вездѣ съ уваженіемъ и признательностью.

Не думаю впрочемъ, что онъ долженъ быть изданъ совершенно неизмѣнно въ томъ видѣ, въ какомъ находится въ рукописи. По моему разумѣнію, желательны были бы въ немъ слѣдующія пере-
мѣны:

1. Нужно нѣсколько упорядочить правописаніе, между прочимъ въ отношеніи къ употребленію *ѣ* и *ю*, оставя первое для всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда коренное *е* переходитъ въ *о* съ сохраненіемъ мягкости предъидущей согласной, употребить *ю* вездѣ, гдѣ передъ кореннымъ *о* прибавляется придыханіе *ј*, какъ на пр. въ *юнкъ*, *юмунъ* (луноглазъ), *юкани*; для обозначенія перехода *ъ* въ *о* можно бы писать *ъ* съ двумя точками сверху. Я не счелъ бы необходимымъ ставить и *ѣ* вмѣсто мягкаго *т*, и *дз* вмѣсто мягкаго *д*, что особенно рѣзко выдается въ неопредѣлен. наклоненіи, и въ 3 лицѣ ед. ч. наст. времени, гдѣ и *с* въ мѣстоименіи *ся*, по вліянію предъидущаго *т*, принимаетъ на себя отгѣнокъ звука *ѣ* не только у Бѣлоруссовъ, но и въ нашемъ общемъ выговорѣ (*смиѣца* = сниться, свѣтѣся; когда-то продавцы наши печатали *продайоѣца* вмѣсто *продаетѣся*). Мнѣ бы казалось болѣе выгоднымъ отмѣчать особеннымъ знакомъ мягкія *т* и *д* в то *с*, которое по слявію съ предъидущимъ *т* (*тс* = *ц*), становится похожимъ на *ѣ*.

2. Не мѣшало бы дополнить словарь словами, въ него невошедшими, а занесенными въ частные списки словъ, изданные и не изданные. Дополненій будетъ очень немного, на сколько могу судить по сличеніямъ, мною сдѣланнымъ; но нѣкоторыя необходимы.

3. Имена въ косвенныхъ падежахъ, употребляемые въ видѣ нарѣчій (какъ напр.: *бокомъ*, *съ боку*), слѣдовало бы поставить при соответствующемъ именительномъ падежѣ: *на встыдѣ* при *встыдѣ*, *на знанку* при *знанка*, *ладомъ* при *ладѣ*, *мазуромъ* при *мазурѣ*, *макомъ* при *макѣ*, *съ постпху* при *постпхѣ*, *съ роду* при *родѣ*, и т. д. Точно также имена, употребляемые и во множ. числѣ, слѣдовало бы поставить при ед. числѣ: *байки* при *байка*, *ладки* при *ладка*. Черезъ это уменьшился бы объемъ словаря, безъ нарушенія его полноты.

4. Отдѣльно на своихъ мѣстахъ надобно было бы поставить глаголы въ настоящемъ времени изъяв. накл., не сохраняющіе въ неопредѣленномъ наклоненіи кореннаго созвучія, какъ на пр. *боду боси*, *иду нуси*, *жру жери*, *мру мерци*. Не излишне было бы на отдѣльныхъ мѣстахъ поставить и тѣ формы глаголовъ, въ которыхъ, по требованію Бѣлорусскаго выговора, измѣняется коренная гласная на другую, на пр. *а* на *о*: *дариць* — *іонъ дѣриць*, *тайць* — *іонъ тоиць*.

5. Этимологическія припоминанія надобно было бы умножить,

т. е. прибавить ихъ къ тѣмъ словамъ, при которыхъ нѣтъ, разумѣется, насколько это возможно, не входя въ изслѣдованія, какъ на пр. при словахъ, очевидно взятыхъ съ польскаго: *маѣнтюкъ, маѣнтюсиць, пречъ, хлопъ, хлопечъ, хандога, хандожницъ, цюта* и т. п.

6. Вмѣстѣ съ тѣмъ опустить всѣ тѣ этимологическія припоминанія, которыя поддерживаются только догадкою и легко могутъ заключать въ себѣ ошибку, каковы на пр.: припоминанія изъ литовскаго языка (*lagatī* при *лагодзиць* и т. п.), тѣмъ болѣе что ихъ и очень не много. Любопытно и важно, конечно, опредѣлить, на сколько литовскій языкъ имѣлъ вліяніе на Бѣлорусское нарѣчіе; но этого нельзя сдѣлать безъ особенныхъ изслѣдованій, которыхъ г. Носовичъ и въ виду не имѣлъ, и едва ли могъ имѣть. Припоминанія латинскихъ словъ при Бѣлорусскихъ, въ словарѣ г. Носовича также, кажется, неумѣстны и потому, что они случайны, и потому, что латинскія слова входили въ Бѣлорусское нарѣчіе не прямо, а черезъ польскій языкъ.

7. Желательно было бы въ замѣнъ этого внести въ словарь обозначенія, какія именно изъ словъ употребляются въ Великорусскомъ нарѣчіи южномъ, какія и въ сѣверномъ Великорусскомъ, и какія въ Малорусскомъ.

Всѣ эти усиленные мои пожеланія, свидѣтельствуя, что въ каждомъ важномъ трудѣ можно найти то, что желательно было бы видѣть въ иномъ видѣ, не могутъ, впрочемъ, какъ мнѣ кажется, умалить достоинства труда г. Носовича. Глубоко уважаю его, какъ предпріятіе у насъ въ этомъ родѣ необыкновенное, достойное признательности даже по настойчивости, безъ которой и не могъ бы онъ быть довершенъ, и думаю, что Академія Наукъ воздастъ должное, если выразитъ г. Носовичу свою признательность присужденіемъ ему Демидовской награды.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

Г. ЧИСТОВИЧА:

„ТЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ“.

составленный Академикомъ Пекарскимъ.

Теофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, испыталъ въ русской исторической литературѣ участь, которая постигла многихъ изъ нашихъ замѣчательныхъ дѣятелей прошедшаго столѣтія. Прежде нельзя было произнести этого имени безъ восторженныхъ похвалъ; при упоминаніи о немъ допускалось одно лишь безусловное одобреніе. Продолжались такіе отзывы довольно долгое время, такъ какъ только недавно вошелъ въ обычай совершенно противоположный пріемъ при оцѣнкѣ лицъ, дѣйствовавшихъ на историческомъ поприщѣ. Какъ прежде высказывались однѣ безусловныя похвалы, такъ нынѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ, раздаются одни лишь порицанія, и одни только событія, бросающія тѣнь на того или другаго дѣятеля, останавливаютъ на себѣ вниманіе—имъ однимъ любятъ вѣрить на-слово, безъ повѣрки. Разумѣется, здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, что именно прежнія неумѣренныя хвалы породили нынѣшнее пристрастіе къ порицаніямъ, о которыхъ нельзя было и помыслить нашимъ дѣдамъ и отцамъ.

Теофанъ Прокоповичъ въ настоящее время былъ, говоря высокимъ слогомъ, низведенъ съ пьедестала, воздвигнутаго для него ближайшими его потомками, и въ немъ стали видѣть не болѣе, какъ мстительнаго интригана и ловкаго исполнителя воли сильныхъ. Въ пыточныхъ распросахъ по поводу «слова и дѣла»—этомъ дорогомъ матеріалѣ для тѣхъ, кто любитъ щеголять гуманностью—не разъ встрѣчаются слѣды участія Прокоповича, в этого было доста-

точно, чтобы окончательно затоптать въ грязь и его дарованія, и его заслуги.

Легко догадаться, что прежнія похвалы и теперешнія порицанія еще далеки отъ исторической правды. Послѣдняя не вырабатывается изъ громкихъ фразъ одобренія или изъ ѣдкихъ выходовъ противъ прошедшаго, не рѣдко съ цѣлью укорить настоящее. Ее можно добыть только спокойнымъ, добросовѣстнымъ изученіемъ всѣхъ событій въ совокупности, безъ увлеченія тѣми или другими взглядами. Вотъ почему названный въ заглавіи этого разбора обширный трудъ г. Чистовича, посвященный разысканіямъ о знаменитомъ архіепископѣ, безъ сомнѣнія, возбудитъ живѣйшее любопытство тѣхъ, кто серьезно занимается новою русскою исторіею и желаетъ ей не временныхъ успѣховъ, но прочной, ученой основы, именно недостающей ей въ настоящее время.

То правда, что извѣстные стихи Кантемира, поставленные эпиграфомъ для сочиненія

Великаго Петра дѣль славныхъ проповѣдникъ

и. т. д.,

а также и вступленіе возбуждаютъ сомнѣніе въ читателѣ, не увлекся ли авторъ извѣстнымъ въ нѣкоторыхъ ученыхъ пристрастіемъ къ предмету своихъ изслѣдованій, и не намѣренъ ли онъ писать, вмѣсто правдиваго жизнеописанія, панегирикъ. Однако это сомнѣніе послѣ первой главы исчезаетъ, и скоро становится яснымъ, что и помянутые стихи, и нѣкоторыя, не совсѣмъ понятныя фразы (напр. въ родѣ такой: «полный жизни (?) Теофанъ отзывался на всякій призывъ жизни (?) во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ»), попали въ изслѣдованіе скорѣе какъ невольная дань приемамъ добраго стараго времени, а не какъ выраженіе направленія и конечной цѣли автора.

Первые годы молодости, ученія и странствій Теофана разсказаны авторомъ по позднѣйшимъ жизнеописаніямъ его, при чемъ не упущены изъ виду и тѣ извѣстія, которыя оставили объ этихъ обстоятельствахъ враги Прокоповича, изъ его современниковъ, а также приведены цѣликомъ нѣкоторыя изъ его писемъ, хотя и напечатанныхъ на латинскомъ языкѣ еще въ прошломъ столѣтіи, но тѣмъ не менѣе малоизвѣстныхъ въ русскихъ изслѣдованіяхъ. Особенно подробно изложены событія, имѣвшія мѣсто при посвященіи Теофана въ санъ псковскаго епископа, и разъяснены обстоятельно причины противодѣйствія тому со стороны кievскихъ

ученыхъ: Гедеона Вишневаго, Теофилакта Лопатинскаго и Стефана Яворскаго. Послѣ изложенія содержанія трудовъ Теофана до изданія духовнаго регламента и полемики, возбужденной его извѣстнымъ букваремъ «Первое ученіе отрокомъ», авторъ переходитъ къ Стефану Яворскому, который, вмѣсто патріарха, управлялъ съ освященнымъ соборомъ всѣми духовными дѣлами.

Изданіе духовнаго регламента и учрежденіе Синода подали поводъ г. Чистовичу къ разнымъ подробностямъ о лицахъ, назначенныхъ въ это новое правительственное мѣсто, и вслѣдствіе того здѣсь помѣщены обширныя выписки изъ писемъ и разныхъ бумагъ касательно Θεодосія Яновскаго, архіепископа новгородскаго, его отношеній къ царю и современнымъ духовнымъ, также объ Аванасіи Кондоиди и другихъ членахъ Синода. Затѣмъ излагается содержаніе протестовъ Стефана Яворскаго противъ отиѣны патріаршества и сочиненій Теофана до кончины Петра Великаго. Здѣсь заслуживаетъ особеннаго вниманія помѣщенный г. Чистовичемъ трактатъ о монастыряхъ, составленный Петромъ Великимъ и дополненный по его указаніямъ Прокоповичемъ.

Съ возшествіемъ на престолъ Екатерины I, первенствующій членъ Синода Θεодосій Яновскій впалъ въ немилость, и г. Чистовичъ счелъ нужнымъ войти въ подробности всего дѣла не только о немъ, но и о доносителяхъ и прочихъ прикосновенныхъ лицахъ. Изъ обширныхъ выписокъ между прочимъ видно, что Теофанъ былъ доносителемъ на Θεодосія и сочинялъ манифестъ о винахъ его.

Довосы на неправославныя мнѣнія Прокоповича, поданныя архимандритомъ Маркеломъ Родышевскимъ, и дѣйствія по этому поводу Теофана извѣстны по отрывкамъ въ Читеніяхъ общества исторіи и древностей (за 1862 г. кн. I), гдѣ они напечатаны подъ неточнымъ заглавіемъ «Дѣло о Теофанѣ Прокоповичѣ». Г. Чистовичъ сообщилъ болѣе вышитоку изъ современныхъ дѣлъ; изъ нихъ оказывается, что Маркель Родышевскій былъ собственно говоря подставнымъ лицомъ отъ нѣкоторыхъ высшихъ духовныхъ — приверженцовъ старинныхъ распорядковъ и желателей, по личнымъ расчетамъ, возстановленія патріаршества.

Слѣдуя неуклонно въ изложеніи хода событій хронологическому порядку, г. Чистовичъ прерываетъ рассказъ о процесѣ Родышевскаго и переходитъ къ подробностямъ о другомъ доносѣ на Теофана отъ Носова, впрочемъ немнѣющимъ ничего общаго съ предыдущимъ, такъ какъ здѣсь все дѣло заключается въ мел-

кихъ обвиненіяхъ въ похищеніи церковнаго имущества. Послѣ описанія событій, имѣвшихъ мѣсто при возшествіи на престолъ Императрицы Анны и сообщенія любопытныхъ стиховъ, сочиненныхъ Теофаномъ на восстановление самодержавной формы правленія, слѣдуетъ снова повѣствованіе о Родышевскомъ. Послѣдній успѣлъ сойтись съ двумя врагами Прокоповича: Аврамовымъ, бывшимъ директоромъ петербургской типографіи, и архимандритомъ Варлаамомъ, духовникомъ императрицы. Это обстоятельство подало поводъ автору сдѣлать извѣстнымъ весьма характеристичное прошеніе перваго. Что же касается до Варлаамовыхъ писемъ, также приведенныхъ вполнѣ г. Чистовичемъ, то они довольно безцвѣтны; зато помѣщенная послѣ нихъ выдержка изъ сатиры Кантемира мастерски описываетъ Варлаама, если только у г. Чистовича есть доказательства, что сатирикъ имѣлъ въ виду именно этого архимандрита.

Родышевскій и Носовъ снова подали доносы на Теофана, оставшіеся впрочемъ безъ послѣдствій. Вскорѣ послѣ коронованія Анны въ личномъ составѣ Синода произошли перемѣны, и слѣдствіемъ того были паденіе желателя достигнуть патріаршаго престола — Георгія Дашкова и строгое наказаніе Льва Юрлова, архіерея воронежскаго. Эта глава изслѣдованія составлена изъ статьи г. Чистовича въ журналѣ «Православное обозрѣніе» за 1863 г., озаглавленной «Георгій Дашковъ».

Далѣе слѣдуютъ выписки изъ старинныхъ дѣлъ о доносахъ Родышевскаго и его единомышленниковъ. Въ этихъ выпискахъ попадаетъ не мало любопытныхъ чертъ для исторіи столкновеній Россіи до петровской съ новою, только начавшеюся съ Петра Великаго. Особеннаго вниманія здѣсь заслуживаютъ объясненія Родышевскаго по поводу вопросовъ о монашествѣ, о преобразованіи духовенства и, наконецъ, о многихъ печатныхъ книгахъ петровскихъ временъ. Послѣ того помѣщены подробности о розьискахъ второстепенныхъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу о Родышевскомъ, и о разныхъ епископахъ, сосланныхъ въ заточеніе въ 1730 году.

По поводу разсказа о католическомъ патерѣ Рибейрѣ, писавшемъ въ защиту «Камня вѣры» Яворскаго, въ разбираемомъ трудѣ можно найти разныя біографическія свѣдѣнія о лицахъ, которыя были въ сношеніяхъ съ этимъ патеромъ, и русское произведеніе противъ послѣдняго сочиненія, извѣстное подъ заглавіемъ «Молотокъ

на камень вѣры», вмѣстѣ съ возраженіями на послѣдній, писанными Арсеніемъ Мацѣвичемъ.

Въ половинѣ 1732 г. до правительства дошли извѣстія о подметномъ письмѣ и пасквилѣ. Первое заключало въ себѣ написанное будто бы отъ имени римскаго папы посланіе къ Теофану, гдѣ иронически приносится ему благодарность за уничтоженіе патриаршества и т. п. Пасквиль, кромѣ нападокъ на нововведенія по части духовной, порицалъ и большую часть современныхъ распоряжковъ, выставяялъ крайнее разореніе народа отъ всевозможныхъ поборовъ и т. д. Эти двѣ бумаги породили пространные розыски, съ цѣлью добратся до сочинителей ихъ. Поэтому возникло множество дѣлъ какъ о тѣхъ, которые уже прежде были замѣчены въ нерасположеніи къ нововведеніямъ, такъ и о многихъ другихъ, почему либо заподозрѣнныхъ въ составленіи помянутыхъ выше бумагъ. Четвертая часть всего изслѣдованія г. Чистовича занята соединенными вмѣстѣ статьями его, изданными: въ 1861 г., подъ заглавіемъ «Рѣшиловское дѣло. Теофанъ Прокоповичъ и Теофилактъ Лопатинскій», въ 1862 г. «Новые матеріалы для Рѣшиловскаго дѣла», «Еще матеріалы для исторіи первой половины XVIII столѣтія» (дополненіе къ предъидущему) и «Зварыкинъ», эпизодъ изъ исторіи Теофана Прокоповича (въ журналѣ Духъ Христіанина). По принятому авторомъ методу, сюда вошли не только біографіи болѣе или менѣ примѣчательныхъ личностей, привлеченныхъ къ розыскамъ, но не рѣдко переписка ихъ. Въ собранной такимъ образомъ массѣ свѣдѣній можно найти не мало любопытныхъ чертъ для описываемаго времени. Особенно выукло являются въ этой части труда г. Чистовича тверской архіепископъ Теофилактъ Лопатинскій, приближенные его монахи, Іосифъ Рѣшиловъ и Іосифъ Маевскій, мечтавшіе о патриаршествѣ: первый — въ надеждѣ получить тогда епископство, а второй — настоятельство въ киево-печерской лаврѣ; Георгій Зварыкинъ, показывавшій подробно о томъ, какъ онъ былъ въ сношеніяхъ съ нечистымъ духомъ, носившимъ, по его свидѣтельству, нѣмецкую фамилію Вейца; монахъ Іоссія, съ клятвами подтверждавшій это; наконецъ юродивый Тимофѣй Архиповичъ, котораго изображенія съ вѣнцомъ вокругъ головы сохранялись у почитателей его...

Смерть Теофана, случившаяся въ 1736 г., отвлекла автора отъ розысковъ, и онъ сообщилъ церемоніаль погребенія новгородскаго архіепископа и завѣщаніе его, впрочемъ сдѣланное на словахъ за нѣсколько минутъ до кончины и не заключающее въ себѣ ничего,

кроме распоряжений объ имущества. Затѣмъ слѣдуетъ перечень разныхъ произведеній Теофана и помѣщены нѣкоторыя изъ его стихотвореній, извѣстныхъ донынѣ или по заглавіямъ, или по выпискамъ. Въ заключеніе изслѣдователь снова обращается къ продолженію разсказа о розыскахъ послѣ Теофана и кончаетъ свой трудъ извѣстіями о послѣдующей судьбѣ всѣхъ лицъ, которыхъ мытарства въ тайной канцеляріи сообщены въ предъидущихъ главахъ сочиненія.

Изъ этого обзора можно уже видѣть, какъ богатъ и разнообразенъ содержаніемъ разбираемый трудъ. Въ немъ собраны свѣдѣнія почти о всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ дѣятеляхъ изъ русскихъ духовныхъ первой половины XVIII столѣтія и о многихъ такихъ, о которыхъ мало или вовсе ничего не знали; наконецъ представлены въ первый разъ въ достаточной полнотѣ любопытныя данныя для объясненія исторической борьбы, возникшей въ извѣстныхъ слояхъ русскаго общества вслѣдствіе петровскаго преобразованія. Разнообразіе и обиліе историческихъ извѣстій составляетъ неотъемлемую заслугу труда г. Чистовича, если смотрѣть на него, какъ на сборникъ болѣе или менѣе обработанныхъ матеріаловъ для церковной нашей исторіи данной эпохи. Между тѣмъ заглавіе его и нѣкоторыя главы показываютъ, что авторъ имѣлъ, правда, менѣе обширную, но зато болѣе трудную задачу, именно онъ думалъ составить историческое изслѣдованіе о Теофанѣ Прокופовичѣ. Съ этой стороны разбираемое сочиненіе не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ критики.

I.

Г. Чистовичъ относится съ похвалами къ проповѣдническимъ дарованіямъ новгородскаго архіепископа; выписываетъ мѣста изъ его произведеній въ обличительномъ тонѣ; замѣчаетъ, что онъ писалъ въ угоду и по внушеніямъ Петра Великаго и что послѣ его смерти впалъ почти въ немилость; потомъ вдругъ и, повидямому безъ всякой причины, возвысился при Императрицѣ Аннѣ. Затѣмъ, замѣчая сильное участіе Теофана въ различныхъ розыскахъ, авторъ сожалеетъ о такой дѣятельности іерарха, но не даетъ разъясненія ей, ограничиваясь старательнымъ отысканіемъ всѣхъ слѣдовъ этого участія, какъ будто цѣль всего изслѣдованія есть высказываніе тамъ-сямъ теплыхъ словъ за страдальцевъ, терпѣвшихъ въ застѣнкахъ. Конечно, сочувствіе къ страданіямъ даже нашихъ предковъ заслуживаетъ полнаго одобренія, но если изслѣ-

дователь только этимъ и ограничивается, то легко впадаетъ въ односторонность.

При знакомствѣ съ матеріалами, которые могутъ служить для уясненія характера Теофана, легко убѣдиться, что онъ съ молодыхъ лѣтъ является послѣдователемъ и распространителемъ новыхъ началъ и потому самому прирожденнымъ врагомъ старины. Какъ человѣкъ, одаренный необыкновенною силою воли, онъ всегда дѣйствовалъ съ неумолимою послѣдовательностью. Доказательствомъ тому служатъ его связи съ тайною канцеляріею ради торжества своихъ идей и уничтоженія своихъ враговъ.

У насъ до сихъ поръ еще крѣпко убѣжденіе, что все происшедшее въ Россіи начала XVIII столѣтія всецѣло принадлежитъ одному лицу, Петру Великому. Только при дальнѣйшей разработкѣ частныхъ, пока остающихся еще въ тѣни, будетъ открываться противное. Уже одно знакомство съ дѣятельностью Теофана можетъ служить тому подтвержденіемъ. Въ біографіи Теофана *) есть черта характера его, необратившая на себя вниманія г. Чистовича, но тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, довольно крупная: «*praelectiones Philosophiae Aristotelicae de casibus conscientiae aliquoties audivit, ast non adeo probavit: maluit potius lectioni Sanctorum Patrum tam Graecae, quam Latinae Ecclesiae et auctorum classicorum, quos omnes genuinos non castratos habuit, mentem pascere*». Это неодобреніе схоластики и предпочтеніе неизувѣченныхъ красотъ Отцевъ церкви и классиковъ въ молодомъ кіевлянинѣ, въ Римѣ конца XVII вѣка, уже показываетъ, почему его письма и сочиненія въ зрѣломъ возрастѣ наполнены выходками противъ его ученыхъ современниковъ. Гораздо ранѣе времени, когда обстоятельства приблизили его къ Петру Великому, т. е. до вызова въ Петербургъ, Теофанъ уже успѣлъ заявить себя проповѣдникомъ новыхъ идей — именно на кафедрѣ философіи и богословія въ кіевской духовной академіи. Г. Чистовичъ обстоятельно распространяется о томъ, когда Теофанъ увидѣлъ царя, какое произносилъ по этому поводу слово и т. п., но въ тоже время не обратилъ вниманія на болѣе важный матеріалъ для характеристики іерарха — это лекціи, читанныя имъ въ Кіевѣ и въ которыхъ, конечно, нельзя никоимъ образомъ заподозрить какое либо угодничество Петру, нельзя по той простой причинѣ, что послѣдній не имѣлъ ни времени, ни достаточной подготовки для оцѣнки трудовъ профессора. Въ одномъ

*) Scherer's Nordische Nebenstunden, I, 258.

мѣстѣ разбираемаго изслѣдованія сказано, что Прокоповичъ «проложилъ новую тропу русскому Богословію» и что его «уроки идутъ свѣтлой полосой въ продолженіе всего XVIII вѣка въ нашихъ вышнихъ училищахъ — кievской и московской академіяхъ». Далѣе въ изслѣдованіи о томъ же предметѣ попадаетъ отзывъ, что въ богословскихъ лекціяхъ Теофана «замѣтны многія выписки изъ Гергарда и другихъ богослововъ, коими, при поспѣшности въ приготовленіи лекцій, онъ пользовался. Оттого какъ первоначально вошли въ нихъ многія неточности и даже погрѣшности, такъ (потомъ) перепли и въ печатныя изданія нѣкоторыхъ трактатовъ».... Какимъ же образомъ при всѣхъ выпискахъ чужихъ мнѣній, при многихъ неточностяхъ и даже погрѣшностяхъ лекціи эти были и «новою тропою», и «свѣтлою полосою» въ исторіи русскаго просвѣщенія всего XVIII вѣка? Отвѣта на это нѣтъ у г. Чистовича, и характеристика этихъ лекцій лучше обозначена въ вышепомянутой латинской біографіи Теофана *): «Magister sive doctor Philosophiae et praefectus Scholarum, Bibliothecae et Gymnasii in Academia Kioviensi sub Odorskio aliisque Professoribus renuntiatus, methodo nova, clara et facili literas, quibus omnis aetas ad humanitatem et bonam mentem excitari solet. Philosophiam, artem cultius declamandi disputandique denique et Theologiam publice docuit». Такой отзывъ заставляетъ жалѣть, что изслѣдователь не сообщилъ сущности богословскихъ и философскихъ лекцій Прокоповича и не указалъ ихъ отношенія къ тому, что преподавалось по части философіи и богословія въ Кіевѣ до него. Несомнѣнно, что г. Чистовичъ, какъ профессоръ духовной академіи, и, слѣдовательно, болѣе чѣмъ кто либо компетентный судья въ этомъ дѣлѣ, во первыхъ — оказалъ бы услугу исторіи названныхъ наукъ въ Россіи, а во вторыхъ — разъяснилъ бы направленіе Прокоповича до его переселенія въ Петербургъ. Тогда легко было бы повѣрить, справедливо ли мнѣніе, что Теофанъ былъ только даровитымъ исполнителемъ воли Петра.

По мнѣнію г. Чистовича «вторая половина жизни Теофана (т. е. послѣ кончины Петра Великаго) не походитъ на первую: все въ немъ приняло другое направленіе». Съ этимъ никакъ не возможно согласиться, когда внимательно вникнешь въ содержаніе матеріаловъ, помѣщенныхъ въ самомъ изслѣдованіи. Напротивъ, въ нихъ поражаетъ постоянство и даже упорство, съ которыми

*) Scherer's Nebenstunden, I, 255.

Феофанъ преслѣдуетъ осуществленіе тѣхъ идей, которыя высказывалъ онъ и въ дружескихъ письмахъ къ пріятелямъ въ бытность свою въ Кіевѣ, и въ сочиненіяхъ, печатанныхъ потомъ въ Петербургѣ. Измѣнился только способъ осуществленія ихъ и, спѣшимъ оговориться, не къ лучшему: вмѣсто привлекательной лекціи, вмѣсто кстати произнесенной проповѣди или мастерски написаннаго трактата, являются въ помощь пропагандѣ новаго порядка уголовный процессъ и неразлучный съ нимъ въ тѣ времена застѣнокъ. Кто виноватъ? Конечно не дѣло исторіи произносить обвинительные или оправдательные приговоры лицамъ и событіямъ; ея главная и единственная задача — истина. Во имя этой-то истины не надобно забывать, что какъ бы велики ни были недостатки Феофана, какъ человѣка, все-таки проводимыя имъ идеи были для своего времени шагомъ впередъ и составляютъ эпоху въ исторіи развитія русской мысли. Несомнѣнно, что Феофану, какъ представителю и поборнику новыхъ идей, выпала, послѣ кончины Петра Великаго, главная доля участія въ переворотѣ, который переживало государство, а при такомъ положеніи — исторія въ томъ свѣдѣтельница — дѣло вѣкогда не обходится безъ жертвъ и потрясеній.

Но, почему изслѣдователю показалось, что Феофанъ перемѣнилъ свое направленіе? Отвѣчать на этотъ вопросъ легко послѣ прочтенія тѣхъ главъ его труда, которыя заняты изложеніемъ старинныхъ уголовныхъ дѣлъ.

Дѣла эти долгое время были недоступны для науки, о существованіи ихъ почти не подозрѣвала читающая публика. Съ появленіемъ VI тома Исторіи Петра Великаго г. Устрялова, таинственность, ихъ окружавшая, стала исчезать, и чаще и чаще начали появляться рассказы, прямо взятые изъ полусгнившихъ дѣлъ Преображенскаго приказа и тайной разбѣжныхъ дѣлъ канцеляріи. При недостаткѣ у насъ записокъ, они дѣйствительно представляютъ превосходный матеріалъ для историка, съ тою только разницею, что въ запискахъ мы привыкли видѣть автора, съ охотою припоминающаго свое прошлое, откровенно бесѣдующаго съ читателемъ, а въ названныхъ дѣлахъ являются повѣствователями разные страдальцы, оставившіе, въ назиданіе потомкамъ, свои воспоминанія изъ застѣнка, предъ страшною дыбою, въ присутствіи сонна неумолимыхъ судей. Суровость нравовъ эпохи, когда существовало подобное судилище, невольно поражаетъ современныхъ намъ изслѣдователей, и они, увлеченные при томъ новостью пред-

мета, не столько обращают вниманіе на историческое значеніе заключающихся въ дѣлѣ матеріаловъ, сколько стараются выставить на первый планъ обстановку, которую придаѣтъ старинный уголовный процессъ тому или другому историческому событію. Отъ такой разработки произошло то, что всѣ описанія, извлеченныя изъ дѣлѣ Преображенскаго приказа и тайной канцеляріи, кажутся чрезвычайно похожими одно на другое, потому что дѣйствительно производство уголовныхъ дѣлѣ въ старину было одинаково, и вся разница состоитъ въ томъ, что въ одномъ было болѣе ~~привлечено~~ обвиненныхъ, въ другомъ жестоко пытали и т. п. Отсюда никакъ не слѣдуетъ выводить заключенія, чтобы матеріалы, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, не годились для исторіи; но за нихъ взялись не такъ, какъ требуетъ наука. Каждое старинное уголовное дѣло можетъ быть пригоднымъ, во-первыхъ — для исторіи уголовного судопроизводства, и тогда, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ излагать весь ходъ процесса со всѣми мельчайшими подробностями даже канцелярскихъ формальностей; во-вторыхъ — для исторіи своего времени. Въ послѣднемъ случаѣ, прежде всего, слѣдуетъ подвергать критической оцѣнкѣ сущность дѣла, содержитъ ли оно въ себѣ черты, могущія служить для уясненія избранной эпохи или лица, и потому, если онѣ дѣйствительно тамъ найдутся, ими одними пользоваться, поставивъ на задній планъ или даже вовсе оставивъ въ сторонѣ тѣ обстоятельства, благодаря которымъ сохранились эти черты въ данномъ уголовномъ дѣлѣ.

Г. Чистовичъ, подобно другимъ современнымъ изслѣдователямъ, поступилъ иначе, вдался въ подробности хода всѣхъ, попадавшихся ему подъ руку, дѣлѣ и вообще увлекся внѣшнею обстановкою ихъ въ явный ущербъ главному предмету своего труда. Отъ такихъ пріемовъ главная нить разсказа совершенно теряется въ непрерывныхъ отступленіяхъ и подъ конецъ изслѣдованіе до того запутывается, что самъ авторъ приходитъ къ убѣжденію, что Теофанъ измѣнилъ своему прежнему направленію, такъ какъ онъ дѣлался то истцомъ, то судьей въ тайной канцеляріи.

Выше было замѣчено, что наши старинныя уголовныя дѣла могутъ съ успѣхомъ замѣнять записки современниковъ, въ которыхъ у насъ чувствуется большой недостатокъ. Но какъ записки, по самому характеру и назначенію своему, не могутъ служить исключительно и единственнымъ матеріаломъ для какого бы то ни было историческаго изслѣдованія, такъ точно и уголовныя дѣла, одни, безъ сопоставленія ихъ съ другими источниками, не въ со-

стояли дать цѣльнаго понятія о данной эпохи. Всѣмъ занимающимся новою русскою исторіею извѣстны напр. записки Болотова, чрезвычайно полезныя по множеству подробностей; но если бы кто нибудь только на основаніи ихъ издумалъ написать изслѣдованіе о семилѣтней войнѣ, а о ней Болотовъ, какъ очевидно, говоритъ очень много, то такое изслѣдованіе въ историческомъ отношеніи вышло бы и неполнымъ, и одностороннимъ. Обращаясь къ разбираемому труду, находимъ, что большая половина его занята одними извлеченіями изъ старинныхъ розысковъ, безъ сопоставленія ихъ съ другими современными извѣстіями, отчего смыслъ нѣкоторыхъ событій остался необъясненнымъ, а иные выводы не выдерживаютъ критики.

Въ подтвержденіе сейчасъ сказанному привожу слѣдующій примѣръ:

Изъ одного показанія Аврамова, бывшаго директора петербургской типографіи, видно, что онъ въ 1729—30 годахъ сильно былъ занятъ перепискою французскихъ богослововъ съ русскими епископами касательно соединенія Церквей и что даже поручалъ написать новый о томъ трактатъ Маркелу Родышевскому. Г. Чистовичъ не нашелъ въ уголовныхъ дѣлахъ ключа къ разгадкѣ, почему Аврамова интересовало дѣло, повидимому оконченное еще при Петрѣ Великомъ, и приписалъ это слабоумію Аврамова, котораго за это съ насмѣшкою называетъ «умною головою», а его намѣреніе «гениальною мыслию», «а того не пришло на мысль, прибавляетъ иронически г. Чистовичъ, что дѣло съ французскими богословами давнымъ давно кончилось и отвѣтъ Стефана Яворскаго вошелъ уже въ разрядъ историческихъ памятниковъ, проще говоря, сданъ въ архивъ!» Эти слова ясно показываютъ, что авторъ не имѣлъ въ виду другихъ современныхъ извѣстій, изъ которыхъ положительно видно, что въ Москвѣ именно въ 1729 году вопросъ о соединеніи Церквей былъ поднятъ въ той средѣ, въ которой вращался Аврамовъ.

Въ 1753 году, въ Парижѣ была издана «Histoire et analyse du Livre de l'action de Dieu», въ III томѣ которой на стр. 275—528 есть «Relation des démarches faites par les docteurs de Sorbonne pour la réunion de l'Eglise de Russie». Прежде всего слѣдуетъ оговориться, что извѣстіе это составлено докторомъ Сорбонны, Бурсье, на основаніи личныхъ его воспоминаній, потомъ нѣкоторыхъ подлинныхъ документовъ, и наконецъ замѣтокъ и разсказовъ католическаго священника Жюбе, бывшаго въ Россіи. Кромѣ современ-

ныхъ документовъ, все остальное писалось гораздо послѣ описываемыхъ событій, притомъ иностранцемъ, незнакомымъ ни съ тогдашнимъ положеніемъ Россіи, ни съ ея исторіею, а потому не удивительно, что въ повѣствованіи не мало разныхъ промаховъ: имена и событія перепутаны, хронологія невѣрная и т. д. Не смотря однако на то, въ разсказѣ Бурсье, по сличеніи его съ извѣстіями, сохранившимися въ старинныхъ уголовныхъ дѣлахъ, открываются подробности, чрезвычайно дополняющія то, что осталось недосказаннымъ въ русскихъ розыскахъ, а также разясняющія, почему Аврамовъ толковалъ о соединеніи Церквей.

Извѣстно, что сорбонскіе богословы, въ 1717 г., предлагали Петру Великому о соединеніи Церквей и, съ согласія его, писали о томъ посланіе къ русскимъ епископамъ. Отъ имени послѣднихъ былъ составленъ отвѣтъ въ двухъ редакціяхъ: одна, въ болѣе рѣзкомъ духѣ, написана Теофаномъ Прокоповичемъ, другая — Стефаномъ Яворскимъ. Первая была отправлена къ французскому правительству для передачи сорбонскимъ богословамъ, но по неизвѣстнымъ для нихъ причинамъ, получена была ими поздно и притомъ въ незасвидѣтельствованной копіи. Гораздо послѣ того въ Сорбоннѣ достали копію съ другой редакціи отвѣта, почему и явилось сомнѣніе въ подлинности первой. Въ это же самое время одно обстоятельство снова возродило въ сорбонскихъ богословахъ надежду на успѣхъ прежняго замысла: княгиня Ирина Долгорукова, въ бытность свою за границею, перешла въ католичество и просила отправить съ нею въ Россію какогонибудь духовнаго для поддержанія ея въ новой вѣрѣ. Сорбонскіе богословы тотчасъ придумали послать съ нею Жюбе, священника изъ Аньера (sigé d'Annières), съ тѣмъ, чтобы онъ хлопоталъ и о соединеніи Церквей. Здѣсь излишне распространяться о томъ, какъ Жюбе будто бы тщился увѣдать волю небесъ касательно своей поѣздки, а потому замѣтимъ только, что 28 февраля 1727 г. утрехтскій епископъ писалъ къ Жюбе: «смѣю просить васъ... сопровождать княгиню Долгорукову въ ея отечество, чтобы служить ей руководителемъ въ духовной жизни, также обратить къ Богу ея семейство *), наконецъ слѣдовать во всемъ откровенію, которое Богу угодно будетъ низпослать вамъ въ Московіи для соединенія этой великой Церкви съ латинскою. Знаю, что рѣшимость огромна, но мнѣ из-

*) Histoire et analyse du livre de l'action de Dieu, III, 325: «de gagner à Dieu sa famille», т. е. окатоличить всю семью Долгоруковыхъ.

вѣстна вѣра, дарованная вамъ отъ Бога и которую вы воодушевлены, и что подобно Аврааму, когда скажетъ Господь: «Vade in terram quam monstravero tibi, вы будете готовы повиноваться — *exiit nesciens quo iret*». Сорбонна, съ своей стороны, дала формальное полномочіе Жюбе (24 іюня 1728 г.), кончавшееся такъ: «мы не сожнѣваемся, милостивый государь, что вы *употребите всѣ средства* для возбужденія въ почтеннѣйшихъ епископахъ русской Церкви желанія обратить вниманіе на важность этого дѣла».

Жюбе прибылъ въ Москву 20 декабря 1728 г., въ самый разгаръ власти и силы при дворѣ Петра II родственниковъ его новой духовной дочери. Любопытны нѣкоторыя черты для характеристики Жюбе, оставленныя Бурсье. Изъ нихъ видно, что это былъ человѣкъ ловкій на всѣ руки: онъ старательно выставлялъ на показъ свою безупречную жизнь, свою воздержность, наконецъ знанія, для того, чтобы сильнѣе былъ контрастъ съ тѣмъ, что русскіе привыкли видѣть у себя передъ глазами. «Этотъ достойный пасторъ, по словамъ Бурсье, соединялъ съ вкрадчивымъ обращеніемъ манеры, способныя для привлеченія умовъ (*ce digne pasteur joignoit des façons insinuantes et les manières les plus propres à gagner les esprits*)... Каждый искалъ сообщества и бесѣды съ столь любезнымъ иностранцемъ и считалъ за честь быть знакомымъ съ нимъ»....

Въ началѣ, обстоятельства видимо благоприятствовали Жюбе; въ Москвѣ нашелъ онъ себѣ сильнаго покровителя въ испанскомъ посланникѣ, Дюкѣ де-Лирія. До какой степени послѣдній былъ пропитанъ католическою нетерпимостью, лучше всего видно изъ того, что когда его однажды пригласили къ нашему священнодѣйствию въ кремлевскій соборъ, то онъ сомнѣвался, можетъ-ли присутствовать при богослуженіи схизматиковъ и требовалъ разрѣшенія сначала отъ своего духовника, а потомъ и изъ Рима. Испанскій посланникъ, какъ только узналъ о замыслахъ Жюбе, взялся ихъ поддерживать разными происками, а для огражденія его безопасности выдалъ Жюбе (1 марта 1729 г.) письменный видѣ, что онъ его воеводскій духовникъ. «Чтобы имѣть болѣе возможности вести удобнѣе великое дѣло, замѣчаетъ Бурсье *), и составить проекты, которые могли бы быть приняты, Жюбе убѣдилъ брата княгини Долгоруковой, князя Голицына, уступить посланнику свой прекрасный загородный домъ. Здѣсь, въ величайшей тайнѣ,

*) L. c., 339, 340.

дш. отч.

составлена была записка, доказывавшая духовныя и мірскія выгоды отъ соединенія церквей»... Вообще Жюбе успѣлъ на столько подвинуть дѣло, что уже началъ совѣщаться съ Теофилактомъ Лопатинскимъ, Варлаамомъ Ванатовичемъ и Евфиміемъ Колетти *). Послѣдній, по словамъ Жюбе, былъ особенно склоненъ къ его предложенію, потому что былъ врагомъ Теофана Прокоповича, котораго не терпѣли и вышеназванныя лица. Изъ словъ самого Жюбе видно, что они, впрочемъ, не очень поддавались на его предложенія, и что всѣхъ ихъ страшила власть и притязанія римскаго двора. Несомнѣнно только то, что Жюбе былъ въ сношеніяхъ именно съ тѣми, о которыхъ начались розъяски при воцареніи Анны. Это обстоятельство, а также личное нерасположеніе императрицы къ Долгоруковымъ, роль Жюбе при княгинѣ Иринѣ Долгоруковой, о которой стало извѣстно при дворѣ, что она перешла въ католичество, наконецъ приказаніе Жюбе выѣхать изъ Россіи именно въ 1731 году, потому что онъ былъ признанъ опаснымъ человѣкомъ, все это невозможно упускать изъ вида при описаніи розъясковъ 1730 — 31 годовъ, изъ которыхъ

*) Бурсье прибавляетъ, что Жюбе также былъ въ частыхъ сношеніяхъ съ рязанскимъ архіепископомъ, и думаетъ, что это былъ Стефанъ Яворскій, авторъ «Камня вѣры». Но здѣсь явное недоразумѣніе: въ описываемое время Яворскій былъ уже давно въ могилѣ, а рязанскимъ архіепископомъ былъ Гавріилъ Бужинскій. Этотъ также не могъ быть въ близкіе сношенія съ Жюбе, потому что послѣдній именно говоритъ, что рязанскій архіепископъ въ іюнѣ 1781 г. былъ арестованъ въ то самое время, когда Жюбе заходилъ къ нему и едва спасся отъ рукъ преслѣдователей. Между тѣмъ Бужинскій умеръ въ Москвѣ 27 апрѣля 1731 года. Далѣе Жюбе положительно говоритъ, что тотъ же рязанскій архіепископъ, лишенный своего званія, былъ разстриженъ и заключенъ въ тюрьму. Это указаніе заставляетъ предполагать, не говорить-ли Жюбе о Силвестрѣ, который былъ до 1725 г. дѣйствительно епископомъ рязанскимъ, а потомъ архіепископомъ казанскимъ и въ этомъ послѣднемъ званіи подвергся преслѣдованіямъ. Вообще о лицѣ, которое Бурсье очевидно по недоразумѣнію считаетъ за архіепископа рязанскаго, говорится довольно положительно. Такъ напр. на стр. 356: *au mois de juin de la même année (1731), l'archeveque de Rezan fut encore plus maltraité. On alla l'enlever avec éclat à la campagne; quelques jours après il fut dégradé, mis au rang des laics, appliqué à la question et ensuite renfermé très durement pour le reste de ses jours....* Стр. 358 — 359: *Jubé avoit pensé être pris lorsqu'on avoit enlevé l'archeveque de Resan: car il étoit allé pour voir ce prélat, précisément lorsque les soldats faisoient cette triste expédition, et il n'avoit pu échapper qu'avec peine des mains des satellites, qui vouloient aussi se saisir de lui....*

Для иностранца, незнающаго Россіи, слова въ рукописи *Rezan* и *Kazan* могли легко быть перемѣшаны.

можно видѣть только, что нѣсколько епископовъ подверглись строгимъ преслѣдованіямъ, но по какимъ побудительнымъ причинамъ, тамъ, едва ли ненамѣренно, осталось недосказаннымъ.

II.

Новая русская исторія будетъ оставаться только сборникомъ разныхъ, болѣе или менѣе любопытныхъ разсказовъ до тѣхъ поръ, пока не обратятъ вниманія на критику источниковъ. Надобно сознаться, что до сихъ поръ въ этомъ отношеніи у насъ сдѣлано весьма мало. Критическая оцѣнка матеріаловъ въ такомъ пренебреженіи, что даже не чувствуется еще надобности въ самыхъ первоначальныхъ пріемахъ, для того необходимыхъ. Къ сожалѣнію, разбираемый трудъ не представляетъ въ этомъ случаѣ счастливаго исключенія изъ общаго правила; но такъ какъ онъ еще не напечатанъ и, слѣдовательно, можетъ подлежать дополненіямъ и поправкамъ, то, въ этихъ видахъ, обязанности считаю сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

1) При нѣкоторыхъ выпискахъ и извлеченіяхъ изъ рукописей и старинныхъ дѣлъ авторъ указываетъ, гдѣ хранятся подлинники ихъ. Изъ этихъ указаній достаточно видно, что г. Чистовичъ имѣлъ право пользоваться матеріалами, хранящимися не только въ общедоступныхъ собраніяхъ, но также въ архивахъ: государственномъ и синодальномъ. Слѣдовательно ему не было надобности умигивать (что иногда принуждены дѣлать другіе изслѣдователи, по причинамъ, независящимъ отъ научныхъ соображеній), о томъ, откуда почерпалъ онъ тѣ или другія извѣстія. Не смотря на такое выгодное сравнительно съ другими положеніе, авторъ болѣе половины выписокъ изъ рукописей оставилъ безъ всякаго объясненія, откуда онѣ заимствованы. Этого нельзя не считать недостаткомъ въ ученomъ изслѣдованіи, потому что, во-первыхъ, какъ ни обширны сообщенныя авторомъ выписки, все-таки въ нихъ можетъ встрѣтиться многое, что надобно провѣрить по подлиннымъ рукописямъ, или же воспользоваться послѣдними съ другими цѣлями; во-вторыхъ, что еще важнѣе, указаніе на мѣсто хранения того или другаго памятника нужно иногда для разныхъ соображеній при критической оцѣнкѣ самаго содержанія рукописи.

2) Отсутствие въ нѣкоторыхъ случаяхъ указаній на источники возбуждаетъ иногда въ трудѣ г. Чистовича надобное къ его извѣстіямъ, можетъ быть совершенно правдивымъ. Такъ напр. онъ

приписываетъ нѣсню на поражение русскихъ при Прутѣ Теофану, но на какомъ основаніи и гдѣ подлинникъ ея — читателю это остается неизвѣстнымъ. Также голословно упомянуто, что на букварь «Первое ученіе отрокомъ» опроверженіе сочинено княземъ Дмитріемъ Кантемиромъ; или, что при Петрѣ Великомъ «Теофанъ во всемъ уступалъ преимуществу Θεодосію» (тогдашнему архіепископу новгородскому); или, что общее направленіе духовнаго регламента и всѣ главныя подробности принадлежать самому Петру, а не Теофану, и мн. др.

3) Печатные источники, если и указываются иногда г. Чистовичемъ, то по бѣльшей части неточно, такъ напр. въ иныхъ случаяхъ ссылка на автора безъ показанія заглавія его сочиненія; въ другихъ—при заглавіи многотомнаго журнала не отиѣчено не только тома, но даже и года; въ нѣкоторыхъ же цитатахъ заглавія книгъ произвольно переименованы и т. п. Любимымъ сочиненіемъ, на которое авторъ ссылается въ первой половинѣ своего изслѣдованія часто и опредѣлительно — это Дѣянія Петра Великаго Голикова. Конечно, послѣдній былъ для своего времени почтеннымъ трудолюбцемъ, но къ сожалѣнію имъ можно пользоваться въ тѣхъ только крайнихъ случаяхъ, когда уже ни въ какомъ другомъ сочиненіи нельзя найти требуемаго извѣстія. Это потому, что Голиковъ, будучи простымъ собирателемъ, не умѣлъ отличать разнаго хлама отъ источниковъ, дѣйствительно имѣющихъ историческое значеніе, и при томъ зачастую искажалъ самымъ невиннѣйшимъ образомъ попадавшіеся ему подъ руки достовѣрные памятники. При чтеніи первой половины труда г. Чистовича, встрѣчая непрерывныя ссылки на Голикова, можно пожалуй подумать, или что отъ времени выхода Дѣяній Петра Великаго, т. е. съ конца прошедшаго столѣтія, до г. Чистовича ничего не издано по русской исторіи XVIII столѣтія, или же, что изслѣдователь не знакомъ съ напечатанными послѣ Голикова трудами по этому предмету. Но, когда внимательно вчитываться въ разбираемое изслѣдованіе, послѣднее предположеніе окажется несправедливымъ, потому что тогда можно убѣдиться, что г. Чистовичу очень хорошо извѣстна литература избранной имъ эпохи, и что онъ ею пользовался. Изъ случаевъ неумѣстныхъ ссылокъ на Голикова уважу здѣсь на слѣдующіе: а) о посѣщеніи Петромъ Великимъ Сорбонны г. Чистовичъ долженъ хорошо знать обстоятельный разсказъ современника Бурсье, принимавшаго Петра Великаго въ Сорбоннѣ, о чемъ см. въ *Histoire et analyse du livre de l'action de Dieu*. б) О недоволь-

ствѣ въ Россіи на отмѣну патріаршества можно гораздо вѣрнѣе сослаться на современные документы о Григорѣ Талицкомъ, въ сборникѣ г. Есипова «Раскольническія дѣла XVIII столѣтія», (т. I) Спб. 1861, стр. 59—84, и с) О возшествіи на престолъ Екатерины I. Въ разсказѣ о дѣятельномъ участіи въ совѣщаніяхъ при этомъ случаѣ Теофана, Голиковъ ссылается «на почтенныхъ стариковъ». Между тѣмъ современникъ и дѣйствующее лицо въ этомъ событіи, голштинскій министръ Бассевичъ положительно говоритъ, что Теофанъ не участвовалъ въ совѣщаніяхъ: «архіепископъ псковскій вовсе не былъ (туда) призываемъ. Его, какъ усерднаго сторонника государыни, не было надобности подкупать, почему она никакъ не хотѣла, чтобы онъ покинулъ императора (умирающаго Петра Великаго), котораго нануствовалъ своими молитвами *)». Свидѣтельство Бассевича, какъ очевидно, не можетъ не имѣть вѣса, а потому слѣдовало бы по крайней мѣрѣ провѣрить и сравнить его показаніе съ другими источниками, болѣе достовѣрными, чѣмъ разсказы какихъ-то голиковскихъ стариковъ. Г. Чистовичъ при этомъ случаѣ ссылается также на Вейдемейера; но этому компилятору еще менѣе можно довѣрять, чѣмъ Голикову, и изъ всего, что имъ напечатано, заслуживаетъ упоминанія развѣ только то, что онъ сдѣлалъ извѣстнымъ нѣсколько выдержекъ изъ записокъ Екатерины II въ тѣ времена, когда о существованіи ихъ въ Россіи знали очень и очень не многіе.

3) Трудъ г. Чистовича, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить выше, обиленъ разными старинными документами, и между ними встрѣчаются и такіе, которые напечатаны въ другихъ книгахъ, о чемъ не всегда отмѣчено въ разбираемомъ сочиненіи. Такія опущенія могутъ подать поводъ къ нареканіямъ въ родѣ того, которое было высказано недавно г. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ исторіи и древностей россійскихъ, 1864 г. книга IV, смѣсь стр. 23, 24: «къ сожалѣнію, говоритъ московскій профессоръ, съ нѣкотораго времени начинаетъ входить въ нашу журналистику недобрый обычай. Одни дѣлаютъ открытія послѣ открытій... (слѣдуетъ примѣръ неуказанія заимствованій). Другіе идутъ еще далѣе: сославшись два, три раза на источникъ, этотъ послѣдній совершенно уже истощаютъ... (слѣдуетъ примѣръ перепечатки изъ Чтеній обширныхъ ма-

*) Eclaircissement sur plusieurs faits arrivés sous le regne de Pierre le Grand, см. Basching's Magazin, IX, 375.

теріаловъ), а вѣдь это противно и предписаніямъ дѣйствующаго устава о цензурѣ и принятымъ обычаямъ въ мірѣ печатномъ.» Сверхъ того при перепечаткѣ сыраго матеріала, кромѣ указанія, гдѣ онъ напечатанъ прежде, иногда необходимо пояснить причины, почему изслѣдователь находитъ нужнымъ повторить то, что уже помѣщено въ другихъ книгахъ. Въ противномъ случаѣ могутъ встрѣтиться недоумѣнія, которыя рѣшить читателю, безъ помощи автора, не легко. Такъ напр. и въ разбираемомъ сочиненіи, трудно себѣ объяснить, какими соображеніями руководствовался изслѣдователь, помѣщая вполне длинное посланіе митрополита Новгородскаго Іова къ архимандриту Θεодосію съ укоризнами въ непослушаніи? Развѣ какъ образецъ тогдашней реторики въ частныхъ письмахъ, но тогда перепечатывать его въ другой разъ едва ли стоило, тѣмъ болѣе, что и автору извѣстно, что оно уже все цѣлкомъ вошло въ «Лѣтописи Русской Литературы и Древностей» г. Тихонравова. Или письмо Θεофана, гдѣ трактуется о вѣнцахъ при бракосочетаніяхъ, помѣщенное въ Москвитинѣ и пр.

III.

Обращаясь за тѣмъ къ частностямъ, я обязанностью считаю замѣтить слѣдующее:

1. Въ переводѣ письма Прекоповича, отъ 10 мая 1720 г., г. Чистовичъ написалъ, что раскольникъ говоритъ: «куплю старинный русскій sella (которыхъ (sic) употреблять запрещено) и среди бѣлаго дня пробѣгу по Москвѣ съ презрѣніемъ царскаго указа и такимъ образомъ скоро улучу наказаніе.» При этомъ примѣчаніе: «sella — сѣдло. На что намекаетъ Θεофанъ, мы не догадались.» Но здѣсь рѣчь идетъ дѣйствительно о сѣдлѣ и нѣтъ никакого намека: Петръ Великій, сдѣлавъ распоряженіе о ношеніи его подданными одежды европейскаго покроя, въ тоже время запретилъ употреблять старинныя русскія сѣдла. Въ этомъ можно удостовѣриться, взявъ Полное собраніе законовъ томъ IV, въ которомъ подъ № 2132 помѣщенъ указъ 1706 года, дозволяющій въ видѣ исключенія для жителей Сибири, «по скудости» ихъ, ѣздить на такихъ сѣдлахъ, какія были прежде до состоянія указа 1705 года. Ясно, что Θεофанъ рассказываетъ въ упомянутомъ письмѣ о раскольникѣ, который, рѣшившись нарушить царскій указъ, чтобы имѣть удовольствіе пострадать за старые обычай, вознамерился

купить старинное, запрещанное къ употребленію сѣдо, и про-
ѣхаться на немъ по Москвѣ днемъ *).

2. При выпискѣ стиховъ изъ сатиры Кантемира:

*Сетка и Ведежа, когда пѣснь пѣли предъ тобою,
Какъ не мазаны двери скрипѣли ветчиною.*

г. Чистовичъ замѣчаетъ: «г. Тихонравовъ видитъ здѣсь намекъ на Симеона Полоцкаго. Вѣроятно, что Кантемиръ разумѣлъ современныхъ Теофану проповѣдниковъ.» На это можно возразить, что выраженіе «пѣснь пѣли» прямо указываетъ, что здѣсь сатирикъ имѣлъ въ виду стихи, а не проповѣдь. Вездѣ и въ Европѣ, и у насъ долгое время, въ подражаніе древнимъ, поэмы начинались непремѣнно: «Пою» и т. д. Но, чтобы проповѣдь называлась когда либо иносказательно пѣснію, тому примѣровъ не сыщется. Миѣ кажется догадка г. Тихонравова совершенно вѣрна на счетъ Полоцкаго. Что же касается до другаго имени, поставленнаго рядомъ, то и его угадать не трудно: извѣстно, что послѣ Симеона Полоцкаго Феодоръ Поликарповъ былъ богѣе, чѣмъ кто либо изъ современниковъ, извѣстенъ какъ слагатель весьма неуклюжихъ syllабическихъ виршей. Что онъ любилъ всюду вставлять рифмованныя свои строчки, тому доказательствомъ служатъ дошедшія до нашего времени дѣловыя его письма.

3. Въ разбираемомъ трудѣ довольно обстоятельно разъяснены причины, почему Теофанъ приобрѣлъ особенное влияние на духовныя дѣла, со вступленіемъ на престолъ императрицы Анны. Г. Чистовичъ, рассказавъ о тайной послыжкѣ отъ Ягужинскаго и Левенвольда гонцовъ въ Митаву для предупрежденія герцогини Курляндской о замыслахъ верховнаго совѣта ограничить самодержавіе, прибавляетъ: «полагаютъ, что и Теофанъ послалъ своего гонца съ поздравленіемъ и предложеніемъ своего содѣйствія, если только Анна пожелаетъ возвратить себѣ права самодержавія. Хотя нѣтъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ объ этомъ, однакожъ, судя по характеру и по слѣдующему образцу дѣйствій Теофана, въ этомъ нѣтъ невѣроятнаго.» При этомъ авторъ не дѣлаетъ, по своему обыкновенію, указанія на источникъ, откуда заимствовалъ извѣстіе о помянутомъ предположеніи. Къ счастью онъ

*) Въ подтвержденіе привожу изъ *Epistolae Theophanis Prokopovicz* (Mosqua, 1776, pag. 31) латинскій подлинникъ этого мѣста въ письмѣ: «*Emam, inquit, Ruthenam veteris moris sellam (qualium usus interdictus est) atque palam per urbem Mosquam cum contemptu Regii mandati equitabo, ac ita forte rapiar ad supplicium. . . .*»

довольно извѣстенъ, а потому не трудно указать его. Единственный писатель, оставившій свидѣніе о томъ, что Теофанъ заблаговременно предупредилъ Анну, есть митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ духовныхъ писателей, изданіе 2, томъ II, стр. 302; но онъ, впрочемъ, не утверждаетъ, что архіепископъ отправилъ отдѣльнаго гонца, а говоритъ только, что «согласясь съ графомъ Ягужинскимъ, прежде всѣхъ послалъ въ Курляндію увѣдомленію». И такъ гонцомъ могъ быть тотъ же Сумароковъ, понававшийся въ руки верховниковъ и сознавшійся, что его отправили въ Митаву Ягужинскій, который однако не открылъ ему имени своихъ единомышленниковъ въ этомъ дѣлѣ.

Во всякомъ случаѣ причастность къ этому дѣлу Теофана требуетъ болѣе точныхъ свидѣтельствъ, а такъ какъ ихъ пока еще нѣтъ, то слѣдуетъ искать другихъ современныхъ извѣстій объ отношеніяхъ Теофана къ новой императрицѣ. Въ этомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія слѣдующія слова изъ рѣчи архіепископа на воспріятіе Анною самодержавія *), довольно положительно свидѣтельствующія, что она благоволила къ проповѣднику еще до вступленія своего на престолъ: «въ такомъ же всенародномъ благоволеніи и персональное во мнѣ самое обрѣтается блаженство, когда кого вижу и поздравляю на всероссійскомъ престолѣ, отъ котораго многократнымъ благосклонности изъявленіемъ (хотя кромѣ всякихъ заслугъ monkъ) и прежде уже обрадованъ былъ».

Современникъ Теофана, бывшій въ состояніи ближе всѣхъ знать о степени вліянія его на императрицу Анну, Биронъ оставилъ нѣсколько любопытныхъ подробностей по этому предмету въ нѣмецкой запискѣ своей, представленной русскому правительству **) и потомъ помѣщенной во французскомъ переводѣ въ *Büsching's Magazin*, томъ IX, подъ заглавіемъ: *Motifs de la disgrâce d'Ernest Jean de Biron*. Здѣсь на стр. 384—385 помѣщенъ разсказъ о стараніяхъ Остермана и Левенвольда-старшаго склонить государыню къ прочному утвержденію престолонаслѣдія. Духовникъ ея, троицкій архимандритъ Варлаамъ успѣлъ только въ томъ, что императрица начала воспитывать при себѣ въ православной вѣрѣ племянницу свою Анну Леопольдовну, но дагѣ это дѣло не под-

*) С.-Петербургскія Вѣдомости 1730 г. № 20.

**) Что эта записка представлена Бирономъ правительству императрицы Елизаветы въ 1748 г. изъ Ярославля, о томъ сохранилось извѣстіе въ дѣлахъ Государственнаго Архива.

выгласъ. «Тогда, говорить Биронъ *), Остерманъ обратился къ архіепископу новгородскому, который былъ въ великомъ уваженіи у императрицы. Этотъ представилъ дѣло также въ высшей степени необходимымъ, и его послушали. По прошествіи двухъ или трехъ дней, когда Кабинетъ уже началъ свои засѣданія, графъ Остерманъ втихомолку составилъ присягу касательно будущаго наслѣдованія, и ея императорское величество подписала ее. Тогда типографія взята была въ архіепископскій домъ, и запертые тамъ типографички должны были изготовить нѣсколько тысячъ экземпляровъ...**). Но на этомъ не остановилось дѣло, и надобно было убѣдить государыню къ избранію жениха для племянницы ея, принцесы Анны Леопольдовны. «Такъ какъ, продолжаетъ Биронъ, новгородскій архіепископъ успѣлъ уже въ первомъ, то имъ воспользовались также и въ настоящемъ случаѣ. Ея императорскому величеству было убѣдительно представлено, что это (избраніе жениха) въ высшей степени необходимо, и что послѣ принесенія присяги, все зависѣло единственно отъ государыни. Теофана и въ этотъ разъ послушали...***) Все это происходило въ первый годъ царствованія Анны и можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ, какъ сильно было вліяніе Теофана на императрицу съ самаго начала ея правленія.

4. Г. Чистовичъ, упоминая объ *Epistola apologetica pro Ecclesia Lutherana*, изданномъ Буддеемъ въ Лейпъ въ 1729 г., говорить: «неизвѣстный сочинитель книги, приписанной Буддею, зналъ безъ сомнѣнія, что Буддей умеръ около *двадцати лѣтъ назадъ*» Это невѣрно: лютеранскій богословъ умеръ въ тотъ самый годъ,

*) Выписку эту привожу здѣсь и въ нѣмецкомъ подлинникѣ: «Mit der Succession wollte es nicht nach seinem (Ostermanns) Wunsch gehen, schlug sich an dem Erzbischof von Novogrod Prokopowitz, der in grossem Ansehen bei der Kaiserinn war. Dieser stellte die Sache eben wie was hochnöthiges vor, und fand auch Gehör. Nach Verflüssung 2 o. 3 Tagen, da das Cabinet seinen Sitz genommen, ganz in der Stille von Graf Ostermann ein Eid aufgesetzt war. Ihre Kaiserl. Maj. unterschrieben es, wegen der zukünftigen Succession, und die Druckerei war genommen in des Erzbischofs Haus, allda die Drucker eingesperrt und etliche 1000 Exemplaria verfertigen müssen».

**) Weil der Erzbischof von Nowogrod in der ersten reussirt, brauchten sie (т. е. Левенвольдъ и Остерманъ) ihn auch in dieser Affaire, und es war Ihre Majest. so lebhaft vorgestellt, dass es höchst nöthig und nunmehr nach dem geleisteten Eid einzig und allein von ihnen dependirte. Er fand abermal Gehör...

***) Манускриптъ вмѣстѣ съ присягою, о которой идетъ здѣсь рѣчь, помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, томъ VIII, № 5909, подъ 17 декабремъ 1731 года.

когда издано сейчас названное сочинение, именно в ноябрь 1729 года.

5. Г. Чистовичъ думаетъ, что «интриги *верхоотмискоз* возвели на престолъ Іоанна подъ попечительствомъ родительницы Анны Леопольдовны». Здѣсь двѣ ошибки: императрица Анна сама назначила наслѣдникомъ племянника своего безъ всякихъ интригъ, чему нельзя найти подтвержденія въ современныхъ извѣстіяхъ, а ихъ много. Назначеніе регентства дѣйствительно было слѣдствиемъ происковъ Бирона, и онъ, а не Анна Леопольдовна, былъ объявленъ правителемъ до совершеннолѣтія Іоанна Антоновича; но черезъ нѣсколько недѣль Бирона лишилъ власти Минихъ, и тогда только мать малолѣтняго императора провозглашена была правительницею.

IV.

Борьба, происходившая въ нѣкоторыхъ слояхъ общества начала XVIII столѣтія, возникла изъ столкновения новыхъ порядковъ и новыхъ взглядовъ съ стариною, которая была на столько сильна, что не хотѣла уступить поля битвы безъ боя. Въ сферѣ духовной дѣятельности борющіяся стороны нашли себѣ извнѣ союзниковъ, одинаково чуждыхъ русской культурѣ, но тѣмъ не менѣе кстаті пригодившихся въ данную минуту. Такимъ образомъ приверженцы старины и, стало быть, враги нововведеній занимали для себя оружіе у католицизма, а этотъ съ своей стороны охотно поддерживалъ ихъ; сторонники же нововведеній искали подпоры въ началахъ, получившихъ сильное развитіе въ Европѣ только со времени реформаціи. Такое явленіе, конечно, не пропуститъ безъ вниманія будущій историкъ русской цивилизаціи. Если разсмотрѣть пристальнѣе всѣ относящіяся къ этому предмету событія, то несомнѣнно получатся выводы, далеко не посторонніе и для исторіи европейской цивилизаціи.

Въ старинныхъ дѣлахъ Теофанъ является только преслѣдователемъ своихъ враговъ, и тамъ не видно, кто были его друзья и сторонники. Этотъ пробѣлъ въ біографіи новгородскаго архіепископа отчасти пополняется нѣкоторыми подробностями, уцѣлѣвшими въ архивныхъ бумагахъ нашей Академіи Наукъ. Такъ какъ авторъ разбираемаго труда не пользовался ими, то считаю не лишнимъ сообщить здѣсь нѣсколько указаній о томъ.

*) С.-Петербургскія Вѣдомости 1730 г., № 20.

Съ самаго открытія Академіи Наукъ, Теофанъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые, подобно Татищеву, Кириллову, Кантемиру, относились съ особеннымъ участіемъ ко вновь учрежденному обществу. Такъ, едва только сдѣлалось извѣстнымъ, что для образованія русскихъ при Академіи учреждается гимназія, Теофанъ обратился къ лейбъ-медику Блюментросту, назначенному президентомъ Академіи, съ просьбою принять туда нѣсколькихъ молодыхъ людей. Подлинникъ этого письма, отъ 26 ноября 1725 г., хранится въ академическомъ архивѣ конференціи въ *Eingekommene Briefe pro anno 1725*. Оно напечатано также въ *Epistolae Theophanis Prokhorovicz*, Москва 1776 г., стр. 47, 48, но безъ указанія къ кому написано и безъ обозначенія времени.

Въ 1730 г. въ февралѣ, Прокоповичъ послалъ при любезномъ письмѣ къ академику Гроссу десять русскихъ, объ образованіи которыхъ этотъ ученый общалъ архіепископу. Гроссъ состоялъ при Академіи Наукъ въ качествѣ профессора моральныхъ наукъ и извѣстенъ, какъ любимый наставникъ кн. Антиоха Кантемира. «*At te, frater carissime, писалъ къ нему въ помянутомъ письмѣ Прокоповичъ *)*, *non mihi tantum, verum omnibus, qui virtutem aestimare norunt, praeter quam eruditio omnigenae, etiam dignitas professionis, suavitas morum, gravis humanitas, non affectata modestia, aliaeque praeclarae dotes probant et commendant. Cum ergo te, vir optime, probitatem tuam suspiciens, fratris loco habeam, magis tu id ipsum confirmabis, si istis, qui mihi pro filiis sunt, praestare te patrem non gravaberis, id quod de te non sperare nefas mihi est*»...

Въ 1730 же году, Академію былъ изданъ трудъ ея члена, извѣстнаго въ свое время ориенталиста Байера — *Museum sinicum* **). Здѣсь, между прочимъ, въ посвященіи Теофану сочинитель говоритъ: «*Aliae nunc te quidem et multo sublimiores de sanctissimis rebus cogitationes illo in gradu tuo districtum tenent, tamen nonnumquams uperiorum temporum studia sic animo recolis, ut eorum grata tibi sit recordatio, mihi vero saepenumero admirationi fuerit. Visus mihi sum media in Graecia atque in illis veterum tum poetarum et rhetorum scholis, tum philosophorum spatiis versari, quoties te eam in partem sermo tulit. Saepe te contemplatus sum tamquam al-*

*) Письмо это напечатано въ *Epistolae Theophanis Prokhorovicz*, 1776, стр. 76, 77; также съ русскимъ переводомъ въ Россійскомъ магазинѣ Туманскаго, ч. II, 1793, стр. 470—473.

***) Книгу эту г. Чистовичъ не совсѣмъ вѣрно называетъ *Sinica* и приурочиваетъ ее къ 1781 году.

terum aliquem sive Clementem, sive Cyrillum, sive Eusebium, cum aut veterum gentium fabulas aut inanissimas philosophorum opinionones refelleres. Rursum me veluti manu ducebas aut Romam aut aliquam aliam Italiae in urbem sacris profanisque monumentis celebratam, ubi cum multa mecum ab omni aetate recelebas, in te ipso visus mihi sum aliquem humanitatis in studiis et optimis artibus longe ante alios doctissimum virum audire. Quam jucundum mihi fuit, quoties monumenta veteris aevi, quae Romae atque reliqua in Italia vidisti, rerum, qui tum fuit, et praesertim eruditionis statum, cetera deinde itinera tua, tuum in studiis litterarum quasi cursum referebas. Quae autem in narrando varietas atque copia, quae rerum memoria, quae in disputando vis et cum summa gravitate permista animi lenitas, quae facilitas in explicando, in disserendo, modo Romanae modo Italicae linguae facultas et elegantia, quanta denique omni in sermone, omni in officio comitas, et, ut dicam uno verbo, gratia»....

Выписанное сейчасъ мѣсто отчасти напоминаетъ отзывы въ биографіи, изданной подъ заглавіемъ: *Vita Theophanis Prokhorovicsz**) Шереръ, помѣстивъ ее въ своихъ *Nordische Nebenstunden*, не назвалъ автора ея. При чтеніи посвященія въ *Museum sinicum* невольно приходится на умъ догадка, что сочинителемъ этого жизнеописанія былъ кто нибудь изъ членовъ нашей Академіи. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что оно писано человѣкомъ, во-первыхъ, глубоко уважавшимъ умъ и знанія Θεοφана, во-вторыхъ, писавшимъ по латини изящно, и въ третьихъ наконецъ, соблюдавшимъ тѣ приемы, которые обыкновенно встрѣчались въ Германіи XVIII стол. въ подобнаго рода статьяхъ объ ученыхъ и знаменитыхъ людяхъ. Замѣтимъ также, что прочія статьи въ *Nordische Nebenstunden* по большей части принадлежатъ перу академика Фишера; это обстоятельно указано Бакмейстеромъ въ *Russische Bibliothek*, Т. IV, 1776, S.S. 602 — 609; при чемъ тамъ замѣчено: «кто былъ авторомъ *Vita Theophanis Prokhorovicsz* и какъ досталъ ее г. Шереръ, того не объяснено. Что оно составлено въ то время, когда Христіанъ Вольфъ былъ еще профессоромъ въ Марбургѣ (съ 1724 по 1740 г.), это указано на стр. 268. Годъ рожденія этого знаменитаго архіепископа не 1677, а 1681.»

*) Г. Чистовичъ пользовался ею при описаніи годовъ молодости Прох. оповича, но потомъ вовсе не упоминаетъ о ней, хотя это единственный пока источникъ, гдѣ можно найти оцѣнку характера и заслугъ новгородскаго архіепископа. Быть можетъ эта оцѣнка уже слишкомъ пристрастна, но въ такомъ случаѣ тѣмъ болѣе необходимо изслѣдовать ее критически.

Въ 1731 году въ Академіи желали, чтобы за границею сдѣлалась извѣстными нѣкоторыя произведенія Теофана. Такъ Шумахеръ, управлявшій Академіею въ отсутствіе президента Блюенстрота, 5 августа 1731 г. писалъ къ академику Гроссу, находившемуся тогда въ Москвѣ: «наставленіе про *porphyrogenito* риего (т. е. Петра II) его преосвященства будетъ напечатано согласно сообщенной вами инструкціи. Хотѣлось бы только знать, разрѣшать ли издать это на нѣмецкомъ языкѣ? Это такое произведеніе, которое много бы доставило удовольствія иноземцамъ *)».... Тамъ же Шумахеръ къ В. Н. Татищеву 25 октября 1731 г.: «Наставленіе, какъ обучать государя въ христіанскомъ законѣ, будетъ въ большомъ почетѣ. Я бы ничего такъ не желалъ, какъ дозволенія его преосвященства архіепископа перевести намъ на нѣмецкій языкъ и напечатать произнесенныя имъ доннынѣ проповѣди. Я убѣжденъ, что онѣ произвели бы сильное впечатлѣніе за границею, а нашей книжной торговлѣ доставили бы не малую прибыль **).

Въ жизнеописаніи Теофана заслуживаетъ упоминанія покровительство, которое оказывалъ онъ двумъ иноземцамъ, составившимъ себѣ почетную извѣстность въ исторіи естественныхъ наукъ XVIII столѣтія и оказавшимъ въ то же время большую услугу Россіи своими учеными описаніями отдаленнѣйшихъ областей ея. Данилъ Готлибъ Мессершмидтъ около пяти лѣтъ путешествовалъ по Сибири, и плодомъ его разысканій было множество новыхъ пріобрѣтеній по части какъ естествовѣдѣнія, такъ географіи и исторіи этой, тогда еще весьма мало извѣстной страны. Возвращаясь изъ Россіи на родину, онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе, потерялъ все свое имущество и снова вернулся въ Петербургъ, гдѣ до самой кончины, въ 1735 г., ему помогалъ Теофанъ ***).

Въ 1734 г. поступилъ къ архіепископу въ домашніе доктора Георгъ Вильгельмъ Стеллеръ †), изучавшій медицину и естественныя науки въ университетахъ: Лейпцигскомъ, Гальскомъ и Іенскомъ. Въ 1736 г. предполагалось отправить, въ помощь академикамъ Гмелину и Миллеру, еще нѣсколькихъ ученыхъ въ путешествіе по Сибири; Теофанъ рекомендовалъ къ тому своего док-

*) Исходящ. письма въ архивѣ академической конференціи 1728 — 42 г.

***) Ibidem.

***) Pallas, Neue nordische Beyträge, III, 97 — 104.

†) Въ рукописи г. Чистовича, Стеллеръ, вѣроятно по надосмотру переписчика, названъ два раза Штерлеромъ.

тора и Академія, исполняя желаніе архіепископа *), послала Стеллера въ сибирскую экспедицію съ званіемъ адъюнкта. Не смотря на преждевременную кончину свою, этотъ ученый блистательно оправдалъ рекомендацію о немъ Теофана: кромѣ сочиненія «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohner, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten (Frankfurt und Leipzig)», 1774, Стеллеру обязана наука двумя въ высшей степени важными сочиненіями: одно—о Rhytina Stelleri, нынѣ уже несуществующемъ млекопитающемъ, и другое—о морскихъ животныхъ Берингова острова, прежде чѣмъ они испытали на себѣ вліяніе человѣка **).

Въ 1735 г. академикъ Гольдбахъ представилъ проектъ о составленіи исторіи Академіи Наукъ и здѣсь доказывалъ, что прежде осуществленія его на дѣлѣ, необходимо написать историческій обзоръ просвѣщенія и заслугъ на этомъ поприщѣ духовенства въ Россіи при Петрѣ Великомъ до учрежденія ученаго общества. При этомъ Гольдбахъ заявилъ, что никто не въ состояніи лучше исполнить это, какъ Теофанъ «qui nostra studia iam dudum paterno amore prosequitur et omni genere benevolentiae adiuvat...» ***).

Въ январѣ 1736 года, Прокоповичъ, въ вѣжливомъ письмѣ къ барону Корфѣ, тогдашнему президенту Академіи Наукъ, просилъ прислать къ нему академическаго гравера, такъ какъ намѣревался напечатать что-то небольшое въ похвалу императрицѣ. Корфъ поспѣшилъ послать къ нему извѣстнаго Вортмана и академическаго нотаріуса Тидемана, при слѣдующемъ письмѣ:

Eminentissime Domine Archiepiscopel Sculptorem inter eos quos Academia alit optimum quem Eminentia Tua litteris heri ad me datis desideravit non solum libentissime mitto, sed etiam ut jussa Tua quanta potest cura atque diligentia exequatur admonui. Ego vero uti de singulari benevolentia quam illis ipsis litteris mihi testatus es, vehementer gaudeo et Academiae nostrae gratulor, ita nihil magis opto quam ut pluribus et majoris momenti testimoniis ostendere possim, quanto cultu ingentes illas dotes admirabilesque virtutes prosequar quibus Eminentia Tua magno hujus Imperii commodo atque ornamento summam in Ecclesia dignitatem illustrat †).

*) Входящія письма архива академической конференціи 1736—39 годовъ. л. 4-й.

**) «Историческое обозрѣніе трудовъ Академіи Наукъ на пользу Россіи» г. К. Веселовскаго. Спб. 1865 г., стр. 20.

***) Записки Академіи Наукъ, т. VII, приложение № 4, стр. 28—29.

†) Ausgehende Briefe 1736—37 гг. въ архивѣ академической конференціи.

За нѣсколько недѣль до своей смерти, именно въ августѣ 1736 года, архіепископъ новгородскій присылалъ въ Академію за грегорианскою зрительною трубою, которая, по произведеніи нѣсколькихъ опытовъ, была возвращена въ академическую обсерваторію *).

Только въ недавнее время открылась нѣкоторая возможность къ разработкѣ вопросовъ по новой русской исторіи, поэтому нисколько не удивительно, что большая часть самыхъ важныхъ памятниковъ не только не изслѣдована критически, но еще не обнаружена и разбросана по разнымъ архивамъ. Слѣдовательно, ученый, посвящающій себя этой наукѣ, долженъ въ одно и то же время быть и собирателемъ матеріаловъ, и ученымъ изслѣдователемъ. Трудность такого положенія, еще болѣе увеличивающаяся при обиліи необработанной массы разнородныхъ свѣдѣній, есть главнѣйшая причина, почему въ настоящую пору почти невозможны такіа изслѣдованія по новой русской исторіи, которыя бы вполне удовлетворяли всѣмъ научнымъ требованіямъ.

При заключительной оцѣнкѣ труда г. Чистовича, было бы съ моей стороны несправедливо не принять во вниманіе этихъ обстоятельствъ, и я обязанностью считаю высказать, что разбираемое изслѣдованіе, если будетъ издано и въ настоящемъ его видѣ, сдѣлается полезною и даже необходимою справочною книгою для занимающихся не только судьбами русской Церкви, но и исторіею Россіи XVIII вѣка, а потому оно заслуживаетъ поощрительной Демидовской преміи. Безъ сомнѣнія, авторъ, при изданіи въ свѣтъ своего труда, постарается изгладить встрѣчающіеся тамъ слѣды нѣкоторой поспѣшности, тщательно провѣритъ выписки свои съ подлинниками и, наконецъ, составитъ подробный алфавитный указатель, необходимый при сочиненіи, гдѣ такъ много встрѣчается собственныхъ именъ.

*) Протоколы Академіи Наукъ за 1736 годъ.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ:

Подробный отчетъ о результатахъ изслѣдованій математическаго отдѣла Сибирской экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, составленъ главнымъ астрономомъ экспедиціи Лудвигомъ Шварцемъ. Съ нѣмецкаго переведенъ магистромъ математики Яковомъ Цвѣтковымъ. Спб. Въ типографіи В. Безобразова и комп. 1864.

Карта рѣчныхъ областей Амура, южной части Лены и Енисея, и острова Сахалина, въ масштабѣ $\frac{1}{1650000}$, составленная на основаніи изысканій Сибирской Экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества главнымъ астрономомъ экспедиціи Лудвигомъ Шварцемъ. Спб., напечатана въ хромофотографическомъ и металлографическомъ заведеніи Полторацкаго и Ильина.

Составилъ Старшій Астрономъ Николаевской Главной Обсерваторіи Делленъ.

Приступая къ разбору сочиненія г. Шварца, считаю своимъ долгомъ съ самаго начала заявить, что смотрю на него какъ на трудъ, который уже по своему содержанію не могъ быть оставленъ со стороны Академіи безъ обсужденія, даже и въ томъ случаѣ, если-бы авторъ не представилъ его на Демидовскій конкурсъ. По моему мнѣнію, слѣдовало-бы поступить такимъ образомъ даже и тогда, когда этотъ трудъ заключалъ-бы въ себѣ только то, на чтѣ указываетъ заглавіе, т. е. математическій отдѣлъ большой экспедиціи, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ для изслѣдованія странъ, еще столь мало извѣстныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ столь замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ; при чемъ не должно также оставить безъ вниманія и того обстоятельства, что эта область изслѣдованій до настоящаго времени составляла предметъ заботъ почти исключительно одной Академіи. Но г. Шварцъ поставилъ свою задачу еще въ болѣе обширные предѣлы. На ряду съ своими собственными изысканіями онъ представляетъ намъ критическій обзоръ и обработку

вообще всего доселѣ сдѣланнаго въ этой области; а подобное предприятие, очевидно, имѣеть величайшее научное и вмѣстѣ съ тѣмъ практическое значеніе, такъ какъ успѣшное выполненіе его дало бы общій окончательный результатъ всего прежде сдѣланнаго, и за многимъ изъ того оставило бы одно лишь историческое значеніе.

Въ какой мѣрѣ такая цѣль дѣйствительно достигнута—есть вопросъ, который едва-ли можетъ быть предметомъ обсужденія одного отдѣльнаго лица, такъ какъ этому лицу пришлось-бы посвятить на свое критическое разсмотрѣніе столько же трудовъ, сколько употреблено авторомъ на самое сочиненіе. Кромѣ того, окончательно указать подобному труду подобающее ему мѣсто можетъ только общее мнѣніе многихъ лицъ и продолжительное пользованіе этимъ трудомъ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. При всемъ томъ, съ своей стороны, я намѣренъ, на сколько позволяютъ мнѣ силы, представить въ слѣдующихъ строкахъ все необходимое для составленія основательнаго заключенія, соотвѣтственно имѣющейся въ виду ближайшей цѣли.

Предложенный на обсужденіе Академіи трудъ состоитъ изъ одного тома текста, около 400 страницъ въ $\frac{1}{4}$ долю листа, и одной карты въ 7-ми объемистыхъ листахъ, въ 28 дюймовъ въ длину и въ 20 дюймовъ высоты каждый. Все сочиненіе раздѣляется на двѣ совершенно отдѣльныя части, изъ которыхъ каждая въ свою очередь представляетъ по два ясно обозначающихся *отдѣла*. Одна только *первая часть* относится исключительно до трудовъ математическаго отдѣла Сибирской экспедиціи; въ *первомъ отдѣлѣ* своемъ она содержитъ собственно отчетъ о путешествіи и описаніе изслѣдованныхъ экспедиціею странъ; во *второмъ отдѣлѣ* содержатся результаты опредѣленій географическаго положенія мѣстъ. *Вторая часть* посвящена составленію карты южной части Восточной Сибири; самая же карта составляетъ такимъ образомъ заключеніе всего сочиненія, а въ предшествующемъ ей отдѣлѣ, въ третьей главѣ текста, сгруппирована во всѣхъ ея подробностяхъ вся масса разнообразнаго матеріала, служившаго для изготовленія карты, собраннаго тщательно, въ хронологическомъ порядкѣ и съ критическимъ разборомъ cadaго сочиненія отдѣльно. Очевидно, что такого рода изслѣдованій вовсе нельзя было ожидать по заглавію книги, приведенному выше вполне; включеніе-же ихъ сюда подъ видомъ какъ-бы третьей главы оправдывается въ сущности только тѣмъ развѣ, что важнѣйшая часть всего собраннаго матеріала составляетъ существенную принадлежность Сибирской экспедиціи.

Впрочемъ не одинъ только этотъ отдѣлъ, но и каждый изъ обихъ составляющихъ первую часть отдѣловъ отличается внутреннею самостоятельностью и законченностью, которыя придаютъ каждому изъ нихъ значеніе особаго пѣлага, на чтѣ, впрочемъ, указываетъ и отдѣльный счетъ страницъ, и присовокупленіе особыхъ для каждой главы указателей содержанія.

Обращаюсь къ ближайшему разсмотрѣнію этихъ отдѣльныхъ частей.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Описаніе странъ, посѣщенныхъ членами экспедиціи. 180 страницъ, со включеніемъ введенія и двухъ приложений.

Введеніе начинается нѣкоторыми историческими данными касательно происхожденія экспедиціи (осуществленіемъ которой мы обязаны пожертвованіямъ коммерціи совѣтника Голубкова и графа Гуттенъ-Чапскаго); затѣмъ опредѣляется вкратцѣ имѣвшаяся сперва въ виду цѣль экспедиціи, исчисляется первоначальный личный составъ ея, и наконецъ приводится списокъ предоставленныхъ въ распоряженіе экспедиціи инструментальныхъ пособій.

Руководство предпріятіемъ было, какъ извѣстно, поручено г-ну Шварцу, доказавшему въ полной мѣрѣ свою способность для подобнаго дѣла своими трудами, исполненными съ замѣчательнымъ успѣхомъ, въ теченіе времени отъ 1849 до 1852 г. включительно, въ тѣхъ-же негостепримныхъ странахъ, подъ вліяніемъ затрудняющихъ обстоятельствъ. Его первыми сотрудниками были 3 молодые офицера Константиновскаго Межеваго Института, ученики г. Швейцера: Рашковъ, Усольцевъ и несчастный Смирягинъ, трагическій конецъ котораго еще при самомъ началѣ работъ, конечно, возбудилъ въ душѣ его сотрудниковъ полное представленіе всей серьезности ихъ задачи, хотя и не могъ поколебать ихъ мужества и не ослабилъ въ нихъ отважности, которая составляетъ столь существенную потребность въ этой области естествоиспытанія. Отомъ, какъ, уже во время самыхъ занятій, приняли въ нихъ участіе новыя силы (Орловъ, Крыжинъ), слѣдуетъ прочесть въ самомъ изложеніи путешествія: въ введеніи-же о нихъ совершенно не упоминается, чтѣ, конечно, оправдывается тѣмъ, что это введеніе представляетъ вообще только весьма сжатое изложеніе условій экспедиціи до настоящаго начала занятій, и отнюдь не заключаетъ въ себѣ обстоятельнаго описанія всего ихъ теченія. Послѣднее даетъ однако по-

водъ къ одному общему замѣчанію. Подобное обстоятельное изложеніе, очевидно, было-бы весьма желательно, и отсутствіе его, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ принято многими читателями за чувствительный и существенный недостатокъ. Однако это состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ характеромъ всего сочиненія, которое предназначено не для бѣглаго чтенія, и содержитъ въ себѣ весьма мало такихъ страницъ, которыя можно было-бы прочесть безъ напряженія вниманія. Для того даже, чтобы получить одно лишь вѣрное представленіе о содержаніи этой книги, нужно потрудиться надъ нею отъ начала до конца, надъ каждою ея страницей; предположивъ-же возможнымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удовольствоваться однимъ только бѣглымъ обзоромъ, большею частію, вскорѣ за тѣмъ, чувствуешь необходимость вернуться къ прочтенному. Сообщаемые факты столь обильны, что требуютъ повсюду самаго сжатого изложенія, при отсутствіи котораго отчетъ превзошелъ-бы границы объема, обусловленнаго опредѣленными для его выполнения силами и средствами. Только описаніе дѣятельности въ теченіе 1858 г. составляетъ исключеніе; но зато оно одно занимаетъ собою слишкомъ вдвое мѣста противу того, какое пришлось на долю остальныхъ 1855, 56 и 57 годовъ въ совокупности. Причина этой разницы въ изложеніи прямо не указана; но не трудно угадать ее съ извѣстною степенью вѣроятности. Съ одной стороны извѣстія объ этихъ предшествовавшихъ годахъ значительно пополняются сообщеніями различныхъ членовъ экспедиціи, помѣщенными въ теченіе этихъ лѣтъ въ запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общества; въ разбираемой нами книгѣ на нѣкоторыя изъ нихъ сдѣланы даже прямыя ссылки, а г. Шварцъ, какъ видно, остерегается повтореній. Къ тому же и самъ онъ (стр. 44) обѣщаетъ дать обстоятельное описаніе трудовъ экспедиціи за 1857 годъ, составить которое до настоящей поры ему не было времени. Съ другой стороны, послѣдній (1858) годъ экспедиціи дѣйствительно ознаменовался болѣе многочисленными результатами, чѣмъ который-либо изъ предшествовавшихъ. Этотъ годъ, какъ объяснено на стр. 48 и слѣд., или точнѣе 8 его мѣсяцевъ, которые однако заключали въ себѣ все лѣтнее время, по истеченіи первоначально назначеннаго трехлѣтняго срока, былъ назначенъ въ дополненіе къ предшествовавшимъ съ тою цѣлью, чтобы можно было сообщить нѣкоторую законченность трудамъ экспедиціи, весьма далеко оставившимъ за собою первоначальный планъ, и связать эти труды по возможности въ одно цѣлое помощію пополненія существенныхъ пробѣ-

*

ловъ. Значительный успѣхъ именно этого года, при содѣйствіи довольно благопріятно сложившихся внѣшнихъ обстоятельствъ, въ особенности обуславливается тѣмъ влияніемъ, которое имѣли на ходъ работъ большій навыкъ всѣхъ сотрудниковъ, приобретенный ими въ теченіе предшествовавшихъ лѣтъ, а еще болѣе ознакомленіемъ съ изслѣдуемыми странами и ихъ обитателями. Такое влияніе, истекающее изъ сущности самаго дѣла, и потому всегда одинаково повторяющееся, нерѣдко заставляетъ смотрѣть на перерывъ подобныхъ изслѣдованій, какъ на истинную жертву, которая можетъ быть оправдана только однимъ столь-же законнымъ желаніемъ вступить какъ можно скорѣе во владѣніе добытыми результатами. Безъ сомнѣнія, подобное-же чувство живаго сожалѣнія испытала и наша экспедиція; но въ концѣ концовъ, особенно имѣя передъ глазами лежащій передъ нами трудъ, остается только порадоваться случившемуся.

Содержаніе первой главы, отъ стр. 5 до 135, распределено такъ, что различные годъ разсматриваются въ ней каждый отдѣльно. Сперва въ короткихъ словахъ излагается планъ работъ, которыя положено было произвести въ теченіе лѣта, и распределеніе ихъ между сотрудниками; затѣмъ слѣдуютъ отдѣльные отчеты о совершенномъ на самомъ дѣлѣ. Объ астрономическихъ опредѣленіяхъ здѣсь только упоминается, да и то не всегда; все до нихъ касающееся отнесено ко 2-ой главѣ; пройденные же маршруты подробно изложены въ 3-ей главѣ. Главною квартирой, въ которую каждый разъ должна была собираться на зиму экспедиція въ полномъ ея составѣ, былъ Иркутскъ, что представляло конечно наибольшее удобство въ отношеніи первоначально назначенныхъ для изслѣдованія мѣстныхъ протяженій, и было наиболѣе дѣлсообразно во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но при послѣдовавшемъ значительномъ расширеніи работъ произвело также и нѣкоторыя затрудненія. Такъ напр. мѣста занятія гг. Усольцева и Орлова въ 1856 году находились на разстояніи около 1500 верстъ отъ Иркутска, а въ 1858 году пришлось г. Усольцеву проѣхать по крайней мѣрѣ 2000 верстъ до перваго поста его дѣятельности на рѣкѣ Бурѣ. Исключеніе изъ этого, какъ само собой разумѣется, составлялъ однако г. Рашковъ, который въ теченіе 1855, 56, 57 годовъ находился въ совершенномъ разобщеніи отъ остальной части общества. Непосредственно по приѣздѣ своемъ въ Иркутскъ, въ маѣ 1855 года, онъ былъ прикомандированъ къ большой, въ то самое время только-что выступавшей въ путь, Амурской экспедиціи, от-

куда возвратился въ Иркутскъ уже въ октябрѣ 1857 года. Соответственно тому, о дѣятельности его въ теченіе всего этого времени составленъ общій отчетъ, особо отъ одновременныхъ занятій остальной части экспедиціи.

Какъ ни сильно во мнѣ искушеніе обратиться здѣсь къ болѣе близкому разсмотрѣнію содержанія всѣхъ этихъ отчетовъ, чтобы хотя въ нѣкоторой степени дать понятіе о представляемомъ въ нихъ чрезвычайномъ богатствѣ новыхъ свѣдѣній, тѣмъ не менѣе я отказываюсь отъ этого намѣренія, опасаясь, что самое это богатство слишкомъ далеко отклонитъ меня отъ непосредственно предлагающей мнѣ цѣли. Однако я считаю себя въ правѣ въ немногихъ словахъ нагляднымъ образомъ указать здѣсь на огромную разницу между первоначальною задачею экспедиціи и совершенномъ ею на самомъ дѣлѣ.

На стр. 2 мы читаемъ: «Территорія, на которой экспедиція должна была преимущественно сосредоточить свои работы, была означена точно. На западѣ она ограничивалась Иркутскомъ и теченіемъ Лены, на востокѣ—Витимомъ, на югѣ—Русско-Китайскою границею.» Сравнимъ же теперь это пространство съ пространствомъ по направленію параллелей отъ Енисея до западнаго берега острова Сахалина и по направленію меридіановъ отъ Китайской границы до 59 градуса широты. Въ перечнѣ пунктовъ, астрономически определенныхъ членами Сибирской экспедиціи въ теченіе 1855—1858 г., на стр. 104—107 третьей главы, мы находимъ въ дѣйствительности слѣдующія крайнія точки:

	Шир.	Долг.
На З. 104. Царево-Николаевскій золотой приискъ. . .	53° 13'	106° 40'
» В. 62. Русскій постъ Дуи на Сахалинѣ	50 50	159 46
» Ю. 46. Мѣсто впаденія Сунгари въ Амуръ . .	47 42	150 12
» С. 154. Село Витимская-Слобода на Ленѣ . .	59 26	130 15.

На этомъ-то громадномъ пространствѣ, слишкомъ 3000 верстъ въ длину и около 1200 верстъ въ ширину, въ продолженіе 4 лѣтъ, проложено 15000 верстъ точныхъ маршрутовъ (6000—Усольцевымъ, 3000—Орловымъ, и по 2000—Крыжинымъ, Рашковымъ и самимъ Шварцемъ), въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, причемъ они нерѣдко пересѣкались и взаимно контролировались. Этотъ трудъ производился большею частью или по теченію большихъ рѣкъ, или по весьма важнымъ въ географическомъ отношеніи водораздѣламъ большихъ рѣчныхъ системъ, и притомъ почти всегда въ неизслѣдованныхъ

дотолѣ и труднодоступныхъ странахъ. Какъ постоянныя основныя точки для проложенія этихъ маршрутовъ, а равно и для всѣхъ дальнѣйшихъ географическихъ работъ, достоверно опредѣлены по долготѣ и широтѣ 109 различныхъ точекъ (Усолецевымъ 17, Крыжинымъ—15, Рашковымъ—36, Шварцемъ—41), не считая значительнаго числа съ меньшею точностью опредѣленныхъ мѣстностей, в еще большаго такихъ, гдѣ наблюденіямъ доступна была только одна изъ двухъ координатъ. Но какъ ни краснорѣчивы сами по себѣ эти числа, полное свое значеніе они получаютъ лишь при томъ соображеніи, что уже небольшая часть ихъ могла-бы почтеться вполне удовлетворительнымъ исполненіемъ непосредственной задачи экспедиціи. Такое желаніе расширить предѣлы своей задачи, и такое стремленіе къ болѣе и болѣе подробному изслѣдованію, составляють характеристическую черту всякаго ревностно предпріяятаго и съ любовью исполненнаго труда, и уже сами по себѣ, независимо отъ всякой другой провѣрки, даютъ нѣкоторое ручательство и за внутреннее его достоинство. Безъ всякаго сомнѣнія, было-бы весьма несправедливо не признать важныхъ заслугъ сотрудниковъ г. Шварца, на которыхъ такъ часто указываетъ онъ самъ. Но съ другой стороны, всякому занимавшемуся подобными работами, или имѣвшему случай внимательно и подробно слѣдить за ними, извѣстно, какую существенную важность имѣеть при такихъ работахъ личность самого руководителя; и то обстоятельство, что въ этомъ дѣлѣ всѣ, кто только принималъ въ немъ участія, предались ему съ охотою, любовью, даже самоотверженіемъ, даетъ намъ полное право къ заключенію, что все это дѣло велось съ истинно-научнымъ духомъ. И такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь въ особенности о заслугахъ г. Шварца, то казалось мнѣ всего мѣстнѣе вполне высказать свое впечатлѣніе, которымъ, безъ сомнѣнія, чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ проникаться при чтеніи каждый безпристрастный читатель, независимо уже оттого, что всегда утѣшительно оставаться на такомъ отрадномъ явленіи, какое представляетъ эта Сибирская экспедиція. При этомъ слѣдуетъ еще вспомнить, что благодаря ей, Густавъ Радде получилъ впервые случай испытать себя на поприщѣ, для котораго обнаружилось въ немъ столь необыкновенное дарованіе. Ближайшимъ поводомъ со стороны Императорскаго Географическаго Общества къ прикомандированію этого молодаго ученаго къ экспедиціи, первоначально лишь въ качествѣ простаго собирателя зоологическихъ и ботаническихъ предметовъ, какъ видно на стр. 3, была рекомендація г. академика Кеппена.

Здѣсь излишне упоминать, во что развилось это скромное начало. Въ лежащемъ передъ нами трудѣ о занятіяхъ г. Радде упоминается только при случаяхъ; они въ самомъ скоромъ времени приняли характеръ самостоятельныхъ изслѣдованій, и какъ такія уже отчасти нашли себѣ дорогу къ общезвѣстности.

Первая глава оканчивается указателемъ образцовъ горныхъ породъ, собранныхъ г. Шварцемъ въ 1858 году, во время занятій его въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи. Они состоятъ изъ 161 N., и исчислены на стр. 136—150, съ обозначеніемъ ихъ мѣстонахожденій. Дерптскій профессоръ Гревингкъ призналъ эту коллекцію достаточной, чтобы составить по ней геогностическое описаніе округа съ петрографическою картою. Этотъ трудъ составляетъ первое изъ упомянутыхъ нами приложений (25 стр. текста и отпечатанная красками карта въ масштабѣ большой карты). Не имѣя специальныхъ познаній для составленія самостоятельнаго сужденія какъ о самой коллекціи, такъ и объ ея обработкѣ, я, можетъ быть, долженъ былъ-бы обратиться къ Академіи съ просьбою назначить особое лицо для разсмотрѣнія этой части книги. Однако я этого не сдѣлалъ, потому, что во всякомъ случаѣ здѣсь дѣло идетъ лишь объ одной относительно малой части труда, и притомъ г. Шварцъ является тутъ лишь простымъ собирателемъ, тогда какъ истинное значеніе собранныхъ имъ образцовъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ искать въ ученомъ ихъ изслѣдованіи.

Второе приложение (стр. 177—180) заключаетъ въ себѣ весьма кратко изложенный г. Шебунинымъ очеркъ топографическихъ работъ, исполненныхъ имъ въ 1859—1862 годахъ, во время его пребыванія при физическомъ отдѣлѣ Сибирской экспедиціи. Кажется, что г. Шварцъ не имѣлъ еще возможности воспользоваться этими трудами при составленіи своей карты; по крайней мѣрѣ не встрѣчается указаній на нихъ въ подробномъ перечнѣ матеріала, обработаннаго имъ для этой карты. Но если это такъ, то не совсѣмъ понятно, для какой цѣли помѣщены здѣсь эти, какъ уже сказано, скудные свѣдѣнія.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Результаты географическаго опредѣленія имѣтъ. 110 стр. со включеніемъ введенія и одного приложения.

Эта глава имѣетъ важнѣйшее значеніе въ цѣломъ сочиненіи, предлагая съ одной стороны всѣ данныя для критической оцѣнки достовѣрности и научнаго достоинства существеннѣйшей части этого тру-

да, а съ другой — представляя собою необходимый фундаментъ, на который должны опираться всѣ прочія его части. Поэтому считаю своею обязанностью, при разсмотрѣннн этой главы, войти въ разсмотрѣннн ея подробностей. Кромѣ того, изъ всего сочиненнн эта часть всего ближе къ моимъ многолѣтнимъ занятнямъ, и слѣдовательно здѣсь я могу рассчитывать на то, что мое мнѣнне будетъ имѣть нѣкоторый вѣсъ и въ отношеннн подробностей этой главы.

Но прежде, чѣмъ я обращусь къ этимъ подробностямъ, слѣдуетъ предпослать имъ нѣсколько общихъ замѣчаннй. Здѣсь, конечно, излишне будетъ объяснять, что вычисленнн столь огромнаго количества опредѣленнй, произведенныхъ въ теченнн 4-хъ лѣтъ четырьмя ревностными наблюдателями, составляетъ трудъ по истинѣ громадннй; но именно поэтому здѣсь и рождается вопросъ, въ какой мѣрѣ каждый изъ нихъ принималъ, можетъ быть, личное участнн и въ этихъ вычисленняхъ. Ясныя указаннн на это встрѣчаются въ сочиненнн лишь въ видѣ исключеннй; но то обстоятельство, что г. Шварцъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненнн прямо указываетъ на полученные другими лицами численные выводы, а вообще всегда говорить: «я вычислилъ, я получилъ», даетъ намъ поводъ къ заключенню, что всѣ вычисленнн, если при нихъ не находится особаго указаннн, исполнены самимъ г. Шварцемъ. Съ другой стороны, изъ извѣстнй о совѣщанняхъ Совѣта Импер. Русск. Географическаго Общества (Вѣстникъ XXVII, Дѣйствнн, стр. 2 и слѣд.) видно, что для вычисленнй назначенъ былъ г. Шварцу помощникъ въ лицѣ г. поручика Рашкова; и въ разсматриваемомъ здѣсь сочиненнн прямо упоминается, что мѣста луны по таблицамъ Ганзена всѣ вычислены вдвойнѣ, т. е. самимъ Шварцемъ и Рашковымъ. Не произведены-ли вдвойнѣ, можетъ статьсн, и всѣ остальные вычисленнн? Взявъ въ соображеннн большую сложность значительной части этихъ вычисленнй — стоитъ только представить себѣ огромное количество лунныхъ наблюденнй — причеиъ, очевидно, устраненнн малѣйшихъ сомнѣннй касательно вѣрности конечныхъ выводовъ составляетъ условнн наипервѣйшей важности, подобное двойное независимое вычисленнн должно быть признано не только вообще желательнымъ, но и безусловно необходимымъ въ большей части случаевъ. Но такъ какъ въ сочиненнн нигдѣ прямо не упомянуто объ этомъ, кромѣ выводовъ мѣстъ луны, то есть поводъ сомнѣваться въ томъ, чтобы подобное двойное вычисленнн произведено было и въ другихъ случаяхъ; а это сомнѣннн превратится въ увѣренность, коль скоро мы примемъ во вниманнн то количество времени,

которое было назначено на выполнение этой задачи. Я весьма близко знакомъ со всѣми условіями работъ подобнаго рода и склоненъ скорѣе уменьшить, чѣмъ увеличить значеніе потребнаго для нихъ труда и количество времени, необходимаго для ихъ выполнения. Не смотря на все это, я нисколько не сомнѣваясь признаю, что обработка заключающагося во 2-й главѣ матеріала, въ теченіе 1½ годичнаго срока, даже при дѣятельности двухъ опытныхъ вычислителей, есть результатъ необыкновеннаго напряженія силъ. Но если это такъ, то намъ снова приходится испытывать опасенія насчетъ достовѣрности отдѣльныхъ вычисленій и, безъ сомнѣнія, каждый будетъ желать имѣть полное разъясненіе этого обстоятельства, а не довольствоваться одиными догадками. Мое предположеніе, для котораго, конечно, у меня нѣтъ положительныхъ основаній, состоитъ въ томъ, что вѣроятно г. Раникову были поручаемы извѣстныя подготовительныя работы, которыя съ одной стороны такъ сложны и затруднительны, что исполненіе ихъ существенно подвигало впередъ дѣло въ цѣломъ его объемѣ, а съ другой стороны допускали сравнительно легкую провѣрку, или даже не могли имѣть прямого вліянія на окончательный выводъ; въ свою же очередь г. Шварцъ оставлялъ за собою окончательное вычисленіе каждаго отдѣльнаго мѣстоопредѣленія, и потому несетъ всю отвѣтственность за ихъ вѣрность. Хотя я твердо держусь выше высказаннаго мнѣнія касательно важности независимаго втораго вычисленія, однако готовъ вполне согласиться, что и однократное вычисленіе, при правильномъ его расположеніи, представляетъ въ себѣ возможность самой разнообразной и надежной повѣрки, которую осмотрительный и добросовѣстный вычислитель никогда не упуститъ изъ виду; равнымъ образомъ я вполне согласенъ и съ тѣмъ, что благонадежность окончательныхъ выводовъ существенно усиливается предварительными результатами, какіе дѣйствительно имѣлись для значительнаго числа опредѣленій. Наконецъ считаю долгомъ обратить вниманіе и на то, что относительно многихъ различныхъ мѣстъ, по разнымъ поводамъ, я самъ передѣлывалъ вычисленія—и *ни разу* не встрѣтилъ уклоненія, которое могло-бы имѣть какое-либо практическое значеніе.

Выше было упомянуто о заключеніи Совѣта И. Р. Г. О. касательно состоявшагося между Обществомъ и г. Шварцемъ соглашенія по предмету принятой имъ на себя обработки собраннаго во время экспедиціи матеріала наблюденій. Чтобы отдать должную справедливость всѣмъ сторонамъ, мнѣ слѣдуетъ здѣсь еще разъ

обратиться къ этому соглашенію. Изъ сказанныхъ мною выше словъ можно, пожалуй, заключить, что по моему мнѣнію Общество, въ своихъ порученіяхъ г. Шварцу, было слишкомъ требовательно. На самомъ же дѣлѣ выходитъ иначе: г. Шварцъ и здѣсь совершилъ гораздо болѣе того, чего отъ него требовали, и чего требовать было позволительно. Въ статьѣ 1 соглашенія содержится слѣдующее: «Общество поручаетъ г. Шварцу довести вычисленія относительно географическаго опредѣленія мѣстъ только до такой степени точности, чтобы, по всей вѣроятности, поправки, происходящія отъ болѣе строгаго вычисленія, не имѣли значительнаго вліянія на достоинство составляемой карты. Для сбереженія времени, кажется, можно довольствоваться, если точность вычисленій будетъ доведена до $\frac{1}{2}$ ' или $\frac{1}{4}$ ' въ широтахъ, и 1' въ долготкахъ». Вмѣсто этого г. Шварцъ вездѣ точность вычисленія сочеталъ съ точностію наблюдений; онъ не довольствовался приблизительными выводами, соотвѣтствующими извѣстной цѣли, и старался повсюду достигнуть настоящихъ результатовъ всѣхъ добытыхъ съ такимъ трудомъ наблюдений. Если съ одной стороны мы не имѣемъ права вникать, а напротивъ оправдываемъ Общество въ томъ, что оно на первый разъ требовало лишь того, что всего прежде и всего ближе касалось цѣли; то съ другой стороны насъ не должно удивлять и то, что г. Шварцъ потребовалъ самъ отъ себя гораздо большаго. Къ этому, безъ сомнѣнія, онъ былъ побужденъ яснымъ сознаніемъ, что выводъ результатовъ въ томъ видѣ, въ какомъ желало имѣть ихъ Общество, будетъ заключать въ себѣ или значительную, но напрасную трату силъ, или же непростительное пренебреженіе дѣйствительно сдѣланнаго экспедиціей—и слѣдовательно, въ другомъ видѣ, также бесполезную трату силъ; первое въ томъ случаѣ, когда бы дѣйствительно для новой обработки могли отыскаться новыя силы и средства, послѣднее же—въ противоположномъ случаѣ, къ несчастію, болѣе вѣроятномъ.

Однако, приступимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ частей второй главы.

Введеніе, стр. 1 — 4, заключаетъ въ себѣ краткій историческій обзоръ существующихъ каталоговъ астрономически опредѣленныхъ мѣстъ въ Россіи вообще и въ Сибири въ особенности. Хотя въ этомъ обзорѣ встрѣчаются нѣкоторыя довольно любопытныя свѣдѣнія, каково, между прочимъ, извѣстіе о самомъ давнемъ трудѣ въ этомъ родѣ, изданномъ въ 1745 году Академіею «Атласѣ Россійскомъ», однако-же онъ далеко не полнъ. Въ немъ не упоминаютъ, на-примѣръ,

въ теченіе долгаго времени считавшіяся самымъ богатымъ и самымъ достовѣрнымъ, перечень географическихъ опредѣленій въ Россіи, помѣщенный въ «Руководствѣ для вычисленій тригонометрической съемки, Генераль-Маіора Шуберта, С. П. Б. 1826» (изданномъ и на нѣмецкомъ языкѣ). Вообще весь этотъ историческій взглядъ на прежнія работы какъ-то не на мѣстѣ, и скорѣе могъ бы войти въ составъ 3-й главы. Встрѣчающееся на стр. 4 указаніе на 7 пунктовъ, которые, какъ сказано, единственно заимствованы изъ старинныхъ опредѣленій, не совсѣмъ согласуется съ перечнями D и E, помѣщенными въ концѣ 3-й главы.

Слѣдующій за симъ отдѣлъ: «Поправки для Nautical Almanac», стр. 5—9 включ., есть трудъ почтенный въ высшей степени и служащій яснымъ свидѣтельствомъ о той любви, съ которою г. Шварцъ смотрѣлъ на свою задачу. До появленія лунныхъ таблицъ Ганзена, сообщавшіяся въ эфемеридахъ лунныя мѣста отклонялись столь замѣтно отъ положенія нашего спутника на небѣ, что упущеніе этихъ ошибокъ изъ виду наносило существенный вредъ точности всѣхъ тѣхъ наблюдений, которыя производимы были при помощи походныхъ инструментовъ. Желая освободиться отъ этого источника ошибокъ, прибѣгали по необходимости къ помощи соответствующихъ наблюдений, т. е. приблизительно одновременныхъ наблюдений въ пунктахъ, географическая долгота которыхъ могла считаться извѣстною. Но кромѣ того, что такимъ образомъ увеличивался трудъ, который нуженъ былъ для опредѣленія каждой долготы, происходило еще то зло, что обыкновенно проходило довольно значительное время, прежде чѣмъ было возможно приступить къ вычислениямъ, т. е. прежде чѣмъ получались соответственные наблюденія. Все это вдругъ измѣнилось съ появленіемъ лунныхъ таблицъ Ганзена. Если мы и не можемъ безусловно согласиться съ выраженнымъ г. Шварцемъ на стр. 5 мнѣніемъ, что лунное мѣсто Ганзена превосходить точностью все, что только возможно добыть изъ отдѣльнаго наблюденія, — очевидно это зависитъ съ одной стороны отъ точности самаго наблюденія, а съ другой отъ его эпохи, — при всемъ томъ не подлежитъ сомнѣнію, что для географическихъ цѣлей Ганзеновы таблицы представляютъ путь луны въ полномъ совершенствѣ. Время, съ котораго лунныя мѣста, сообщавшіяся въ ежегодно издаваемыхъ эфемеридахъ, въ особенности же въ англійскомъ Nautical Almanac, стали вычисляться по этимъ таблицамъ, составляетъ весьма важную эпоху для географическаго опредѣленія мѣстъ; къ сожалѣнію, она наступила лишь

съ 1862 года, т. е. долгое время спустя по окончаніи нашей экспедиціи. Такимъ образомъ г. Шварцъ, не желая ожидать публикаціи соотвѣтственныхъ наблюденій, или отказаться отъ исправленія вообще ошибокъ таблицъ, принужденъ былъ принять на себя громадный трудъ вычисленія мѣстъ луны по таблицамъ Ганзена для каждаго момента всѣхъ своихъ наблюденій. Впрочемъ я не могу не упомянуть здѣсь о томъ, что изъ этихъ затрудненій могъ существовать еще другой выходъ. Уже нѣсколько лѣтъ «American Nautical Almanac» сообщаетъ мѣста луны, которыя по точности своей значительно превосходятъ мѣста, основанныя на Буркгартовыхъ таблицахъ и даваемыя въ европейскихъ эфемеридахъ. Они основаны на нѣкоторыхъ исправленіяхъ, которыя добыты, конечно, лишь эмпирически, однако примѣняются въ практикѣ съ рѣшительнымъ успѣхомъ и высоко цѣнятся по своему значенію для тѣхъ цѣлей, для которыхъ они всего ближе предназначены, т. е. для нуждъ мореплаванія. Еслибы г. Шварцъ относительно точности вычисленій пожелалъ придерживаться тѣхъ границъ, которыя были указаны ему Обществомъ, то ему стоило бы только, вмѣсто англійскаго Nautical Almanac, воспользоваться американскимъ. Онъ уклонился отъ этого, и на самомъ дѣлѣ не могъ поступить иначе безъ особаго ущерба для своихъ наблюденій. Подобныя вычисленія не преминулъ онъ произвести даже и для опредѣленій, сдѣланныхъ имъ въ теченіе его перваго сибирскаго путешествія въ 1849 — 1852 г., съ цѣлью воспользоваться ими совмѣстно съ добытыми вновь опредѣленіями. Пусть слѣдующее объясненіе послужитъ для должной оцѣнки исполненнаго при этомъ труда. Выводъ каждаго отдѣльнаго мѣста луны, изъ таблицъ Ганзена, по прямому восхожденію и склоненію и по параллаксу, требуетъ отъ опытнаго вычислителя около 5 часовъ усидчивой работы. Исчисленіе двухъ мѣстъ луны въ одинъ день, при условіи особеннаго напряженія силъ, конечно, еще возможно, но невозможно на продолжительное время. Вычисленіе 118 отдѣльныхъ мѣстъ луны соотвѣтствуетъ 3 мѣсяцамъ упорнаго труда, для обоихъ вычислителей, такъ какъ всѣ эти вычисленія, какъ было замѣчено уже выше, произведены были вдвойнѣ, гг. Шварцемъ и Рашковымъ. Смотри на эти 4 узенькіе столбцы цифръ, размѣщенныхъ на 3-хъ страницахъ, конечно, нимаго не подозреваешь того, сколько труда было нужно для ихъ составленія; а г. Шварцъ не позволилъ себѣ и намекнуть на то хотя бы однимъ словомъ, что даетъ намъ еще большій поводъ выставить это обстоятельство въ его настоящемъ свѣтѣ. Другой вопросъ состо-

ить въ томъ, какую окончательную пользу для сущности самаго дѣла принесли эти работы? Слѣдующія цифры представляютъ намъ нѣкоторыя данныя для отвѣта на этотъ вопросъ. Поправки простираются:

въ прямомъ восхожденіи отъ — 1' 33 до + 0' 35
 » склоненія » — 13' 4 " + 13' 9
 » радіусъ » — 0, 7 " + 3, 7
 » параллаксъ » — 4, 8 " + 7, 5.

Значительныя исправленія въ параллаксѣ окончиваются 1855 годомъ, благодаря принятію въ расчетъ существенныхъ поправокъ, полученныхъ Адамсомъ. Самое значительное вліяніе на выводимую долготу имѣютъ исправленія въ прямомъ восхожденіи, и это вліяніе вообще можетъ быть приблизительно выражено въ цифрахъ, тогда какъ вліяніе прочихъ ошибокъ находится въ совершенной зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ при наблюденіяхъ. Такъ на-примѣръ, вліяніе ошибки въ склоненіи совершенно исчезаетъ при лунныхъ кульминаціяхъ, и, напротивъ, при покрытіяхъ и разстояніяхъ является весьма различнымъ, даже по знаку, смотря по положенію звѣзды относительно луны. При ближайшемъ разсмотрѣніи поправокъ въ прямомъ восхожденіи бросается въ глаза сильное преобладаніе отрицательныхъ количествъ; вообще встрѣчается только 5 положительныхъ выводовъ. Приведа поправки каждаго года къ средней величинѣ, получимъ слѣдующее:

въ годахъ	1849	1850	1851	1852	1855	1856	1857	1858	1859
число поправокъ	5	7	11	16	10	24	21	22	2
средній выводъ	— 0' 36	— 0' 51	— 0' 28	— 0' 72	— 0' 89	— 0' 68	— 0' 64	— 0' 62	— 0' 72

Общая средняя величина для всѣхъ 118 наблюденій составляетъ — 0' 62. Изъ этого слѣдуетъ, что, въ случаѣ пренебреженія этою разностью, восточныя долготы превысили-бы настоящую величину приблизительно на 18 секундъ времени или на 4 1/2 дуговыхъ минутъ, количество, которое на параллели Иркутска соотвѣтствуетъ въ линейныхъ мѣрахъ почти 5 верстамъ. Положимъ, что можно было, пожалуй, пренебречь и ошибкой, уклоняющей положеніе всей Сибири на 5 верстъ далѣе къ востоку; но во всякомъ случаѣ не позволительно было-бы допустить такое-же пренебреженіе ошибокъ, которыя произошли-бы въ относительномъ положеніи мѣстъ отъ относительно быстраго намѣненія табличныхъ поправокъ. Измѣненіе поправокъ на одну секунду времени въ теченіе отъ 4-хъ до 5-ти дней встрѣчается очень нерѣдко; этому же соотвѣт-

ствуетъ ошибочная разность въ долготѣ близъ-лежащихъ мѣстъ приблизительно въ 7 мин. дуги, чего, очевидно, допустить невозможно. Слѣдовательно трудъ, употребленный г. Шварцемъ на выводъ точныхъ поправокъ, отнюдь не остался безплоднымъ.

Дальнѣйшее содержаніе второй главы заключаетъ въ себѣ 4 отдѣла, соотвѣтственно принятымъ методамъ для опредѣленія долготы, а именно лунныя кульминаціи, покрытія звѣздъ, лунныя разстоянія, перенесеніе времени посредствомъ хронометровъ. Каждый отдѣлъ начинается краткимъ объясненіемъ употребленнаго для вычисленій способа, послѣ чего уже приводятся съ бѣльшими или мѣньшими подробностями всѣ отдѣльныя опредѣленія. А высоты полюса? Онѣ вездѣ приводятся здѣсь лишь мимоходомъ. Я долженъ откровенно сознаться, что нахожу это не только неудобнымъ для читателя, но и несогласнымъ съ сущностью самаго дѣла. Конечно, высоты полюса легче наблюдать, и еще легче вычислять, чѣмъ долготы; но такъ какъ это не служило мѣриломъ тщательности, съ которою были производимы опредѣленія, то и изложеніе не должно бы было страдать отъ того.

Безъ всякаго сомнѣнія, было-бы весьма умѣстно, опредѣленія высотъ полюса обработать въ общей связи, при чемъ конечно открылось-бы, что для читателя необходимо сообщить нѣкоторыя дальнѣйшія указанія, которыхъ теперь не имѣется; даже не всегда возможно угадать какимъ инструментомъ произведено было опредѣленіе. Для самаго-же дѣла, изъ надлежащаго, связнаго представленія его, произошли-бы, можетъ быть, довольно важныя заключенія, именно потому, что высоты полюса, допуская болѣе точныя наблюденія, зачастую могутъ служить средствомъ для надежнаго указанія на нѣкоторыя несовершенства инструментовъ, а слѣдовательно и средствомъ къ устраненію происходящаго оттого вреда. Впрочемъ я нахожу нужнымъ присовокупить, что я нисколько не сомнѣваюсь, что и въ этомъ отношеніи навѣрно не было упущено ничего, что обѣщало привести какую-либо практическую пользу, и г. Шварцъ, безъ сомнѣнія, считалъ только бесполезнымъ излишне распространяться объ этомъ предметѣ; но въ такомъ случаѣ было-бы вполне достаточно сообщить только окончательно принятую высоту полюса. Всякая другая, по-видимому, рациональная комбинація приведенныхъ отдѣльныхъ результатовъ не можетъ быть сдѣлана; что же касается до несогласія между результатами, полученными различными инструментами, или между результатами наблюденій различно лежащихъ звѣздъ однихъ и

тѣмъ же инструментомъ, то настоящее его значеніе можетъ выказаться только изъ общей связи всѣхъ остальныхъ данныхъ. Даже такія примѣчанія, какія мы встрѣчаемъ на стр. 58, гдѣ разность 1' 38" между двумя высотами полюса, опредѣленными универсальнымъ инструментомъ по Полярной звѣздѣ и по α Пегаса, отнесена къ еще недостаточному въ то время навыку г. Уольпева въ обращеніи съ этимъ инструментомъ, должны быть приняты безъ дальнѣйшей критики, хотя нужно полагать, что тутъ во всякомъ случаѣ произошла ошибка.

Опредѣленія долготы изъ лунныхъ кульминацій (стр. 10—36) произведены только гг. Шварцемъ и Рашковымъ, потому что въ наличности было только два пассажныхъ инструмента. Третій находился при Смирягинѣ въ то время, когда онъ былъ убитъ; впоследствии этотъ инструментъ былъ доставленъ, но въ состояніи, негодномъ для употребленія (глава 1-я, стр. 28). Г. Шварцъ, какъ по всему видно, отдаетъ особое предпочтеніе этой методѣ наблюденій и придаетъ ей значеніе, какого мы, признавая ея большія преимущества, не можемъ однако допустить въ такой степени. Впоследствии мы будемъ имѣть случай возвратиться къ этому предмету, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣло коснется оцѣнки относительнаго достоинства различныхъ методовъ. Во всякомъ случаѣ, самъ г. Шварцъ дѣйствовалъ этимъ инструментомъ съ необыкновенною ловкостью.

Что касается до способа вычисленія, то я долженъ сознаться, что мнѣ не совсѣмъ понятно, почему для редукціи края луны отъ средней нити на меридіанъ введены m и n вмѣсто обыкновенно употребляемыхъ a и i ; равнымъ образомъ я всегда находилъ болѣе удобнымъ вести редукцію на мѣстѣ только до кульминаціи края луны, а редукцію съ края на центръ и съ звѣзднаго времени на среднее замѣнять соотвѣтствующими редукціями для Гринвича. Однако эти и другія подобныя замѣчанія, которыя я могъ-бы сдѣлать здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, не касаются сущности самаго дѣла. Передъ нами не учебникъ, и потому путь, которымъ дойдено до результата, остается для насъ безъ особаго значенія, если только этотъ результатъ, какъ здѣсь, вполне вѣренъ.

Относительно показаній, приведенныхъ при каждой лунной кульминаціи, я долженъ замѣтить, что, по моему мнѣнію, здѣсь, какъ уже было указано выше, при опредѣленіяхъ высотъ полюса,

встрѣчаются съ одной стороны недостаточность, а съ другой — излишество. Такъ на-примѣръ важно знать, какинъ способомъ были каждый разъ опредѣляемы коллимація с и азимуть а; приведеніе же самыхъ количествъ едва-ли имѣетъ значеніе, такъ какъ оно не дозволяетъ никакого дальнѣйшаго примѣненія. Конечно, измѣненія въ с, подобныя тому, какое мы находимъ въ послѣдніе дни наблюденій въ Нерчинскомъ заводѣ (стр. 17), могли-бы возбудить въ насъ сомнѣніе относительно постоянности инструмента, если не предположить при этомъ простой опечатки, или того, что перенѣна здѣсь произведена преднамѣренно. Подобнымъ образомъ на первый взглядъ представляется вполне согласнымъ съ нѣбью то, что для каждой звѣзды, которая была наблюдаема, приведено употребленное при вычисленіи прямое восхожденіе, а именно на тотъ случай, если-бы впослѣдствіи оказалось желательнымъ подвергнуть эти данныя измѣненію; при дальнѣйшемъ соображеніи однако мы видимъ, что тѣмъ не менѣе становится невозможнымъ достовѣрно вывести соотвѣтствующее измѣненіе прямого восхожденія луны, такъ какъ ничего не сказано о томъ, какинъ образомъ выведена была окончательная поправка часовъ для момента наблюденія луны. Кромѣ сообщеннаго въ текстѣ, было-ли принято для этого во вниманіе еще что-либо другое? Понятно, что для дней, когда звѣзды могли быть наблюдаемы только съ одной стороны луны, былъ принимаемъ въ соображеніе извѣстный ходъ часовъ, такъ какъ невозможно допустить противнаго; но какой именно ходъ, неизвѣстно. Для прочихъ же дней, гдѣ достаточно было одной интерполяціи между приведенными поправками часовъ, я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ самомъ дѣлѣ получилъ приведенную для луны поправку часовъ; а въ другихъ мѣстахъ это мнѣ не удалось. Такъ на-примѣръ для 1855 г. сентября 24-го, въ Иркутскѣ, поправка часовъ $25^{\circ} 15' 88$ найдена мною уклоняющеюся на $0' 12$ отъ показаннаго въ книгѣ (стр. 13), что въ долготѣ произвело-бы разность приблизительно на $3'$. Для этого именно дня лунное мѣсто по Ганзену непосредственно не выведено. Чтобы узнать, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступалъ г. Шварцъ, я сравнивалъ, принявъ въ основаніе найденную для этого дня разность долготъ $6^{\circ} 57' 1''$, полученное наблюденіемъ прямое восхожденіе луны съ показаннымъ въ *Nautical Almanac*, и получилъ для послѣдняго поправку — $1' 09$, что составляетъ среднюю величину обѣихъ, приведенныхъ въ перечнѣ (стр. 7) для сентября 22 и 26 дня. Подобное вычисленіе для послѣдняго наблюденія въ Нерчинскомъ за-

водѣ 31 іюля 1855 г. (стр. 17) показано, что употреблена поправка Nautical Almanac—0^с94, а не видно, какимъ образомъ эта величина получается изъ приведенныхъ въ указателѣ и непосредственно вычисленныхъ поправокъ. Говоря это, я, конечно, нисколько не хочу упрекнуть г. Шварца въ томъ, что онъ не выводилъ луннаго мѣста Ганзена непосредственно для каждаго отдѣльнаго дня своихъ наблюдений; съ другой стороны, я не могу однако умолчать, что въ подобныхъ интерполированныхъ поправкахъ нельзя ручаться за десятую долю секунды, чему соответствовала бы въ долготѣ погрѣшность какихъ нибудь 3' во времени.

Впрочемъ, для устраненія всякаго недоразумѣнія, слѣдуетъ сдѣлать здѣсь одно общее замѣчаніе. Всѣ численныя величины, которыя только-что приведены или будутъ приведены далѣе, полученныя мною по показаннымъ въ самой книгѣ даннымъ, сами по себѣ значенія не имѣютъ и должны быть разсматриваемы не какъ исправленія, но только какъ средство къ разузнанію того пути, по которому дошелъ авторъ до показанныхъ въ его сочиненіи выводовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно думать объ исправленіи, когда достаточно уже одной возможности опечатки въ какой-либо изъ заимствованныхъ изъ книги, но недопускающихъ провѣрки, данныхъ, чтобы уничтожить всѣ основанныя на нихъ заключенія; а я независимо отъ такой возможности, всякое измѣненіе выводовъ, принятыхъ авторомъ, не позволю уже потому, что намъ неизвѣстны съ достаточною полнотою всѣ могущія имѣть вліяніе обстоятельства. Конечно, изложеніе столь подробное, что на всякомъ мѣстѣ возможно провѣрить все вычисленіе, или прозвести его вполнѣ независимо вновь, хотя вообще желательно, однако при объемѣ матеріала невыполнимо уже по причинѣ сопряженныхъ съ нимъ издержекъ. Но въ такомъ случаѣ еще сильнѣе чувствуется потребность въ ясномъ и возможно полномъ изложеніи способовъ, какъ самыхъ наблюдений, такъ и вычисленій, чтобы въ читателѣ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ того, что все, касающееся сущности дѣла, принято въ должное вниманіе. А если, по какимъ нибудь причинамъ, исполнить этого было нельзя, то безъ всякаго уцѣрба можно-бы было выпустить многое и изъ того, что сообщено.

Такія же или подобныя замѣчанія и сомнѣнія, которыя здѣсь высказаны относительно опредѣленій долготъ помощію лунныхъ кульминацій, относятся также и къ покрытіямъ звѣздъ и къ луннымъ разстояніямъ; я полагаю однако излишнимъ вдаваться здѣсь въ дальнѣйшія подробности объ этомъ предметѣ, и переходу прямо

къ находящимся, въ концѣ статьи объ абсолютныхъ опредѣленіяхъ долготъ, разсужденіямъ объ абсолютной и относительной точности этихъ 3-хъ приѣнныхъ одинъ возлѣ другаго методовъ. И эти разсужденія не столь подробны, какъ было-бы желательно, особенно отъ наблюдателя, видѣвшаго случай приобрѣсти столь необыкновенно большую опытность въ этой области изслѣдовавіи. Но г. Шварцъ пришелъ къ заключенію, разительнo уклоняющемуся отъ того, что вообще въ этомъ отношеніи до сихъ поръ считалось вѣрнымъ, и что, по крайней мѣрѣ по моему личному убѣжденію, дѣйствительно вѣрно; и тутъ-то именно тотъ вѣсъ, какого безспорно заслуживаютъ всѣ заключенія г. Шварца въ подобныхъ вопросахъ, обязываетъ меня не оставить одно изъ такихъ заключеній безъ возраженія. Хотя здѣсь и не мѣсто для полнаго рѣшенія этого вопроса, я полагаю однако необходимымъ вкратцѣ изложить его сущность.

Г. Шварцъ находитъ для 3-хъ методовъ опредѣленія долготъ посредствомъ луны вѣроятную погрѣшность долготы:

— 2;3 для одной отдѣльной лунной кульминаціи,

— 4;1 для одного отдѣльнаго звѣзднаго покрытія,

— 15;4 для одного ряда отъ 9 до 10 отдѣльныхъ разстояній луны отъ солнца. Изъ этого онъ выводитъ относительные вѣсы: 45:14:1, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствительно и приѣнены имъ къ дѣлу. Здѣсь прежде всего противорѣчатъ всѣмъ доселѣ принятымъ понятіямъ: съ одной стороны, поразительная малость вѣроятной погрѣшности, найденной для лунныхъ кульминацій, вслѣдствіе чего надобно было-бы признать за этимъ способомъ значительное преимущество предъ всѣми другими, не исключая даже звѣздныхъ покрытій; съ другой стороны, низкая оцѣнка лунныхъ разстояній, которыми, кажется, слѣдуетъ придавать гораздо больше значенія при лонномъ употребленіи хорошаго и тщательно провѣреннаго Писторова круга. Что касается лунныхъ кульминацій, то я укажу здѣсь, помимо всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, на нѣсколько вполне подтвержденныхъ указаній опыта. Въ образцовомъ трудѣ В. Я. Струве, въ которомъ онъ обработалъ астрономическія опредѣленія мѣстъ, произведенныя съ 1828 по 1832 гг. офицерами генеральнаго штаба въ Европейской Турціи, на Кавказѣ и въ Малой Азіи, выводится изъ совокупности всего матеріала (146 кульминацій на 21 мѣстѣ) вѣроятная погрѣшность долготы, основанной на одной отдѣльной лунной кульминаціи, — 6;49 (стр. 33). А между тѣмъ

то были также опытные наблюдатели, снабженные инструментами почти одинаковой оптической силы съ инструментами, служившими г. Шварцу; и хотя для вывода долготъ и не пользовались лунными мѣстами Ганзена, за то вмѣсто нихъ всегда были употребляемы соотвѣтственныя наблюдения одной, а обыкновенно и болѣе, изъ главныхъ европейскихъ обсерваторій. Слѣдовательно, этотъ результатъ вполне можетъ быть сравниваемъ съ результатомъ, выведеннымъ г. Шварцемъ, и оказывается почти втрое большимъ противъ послѣдняго. Будемъ однако продолжать. Изъ сравненія между собою только-что упомянутыхъ опредѣленій, полученныхъ на обсерваторіяхъ помощію большихъ меридіанныхъ инструментовъ, получается для однократнаго опредѣленія прямого восхожденія луны вѣр. погрѣшность $= \mp 2''.32$ въ дугѣ, изъ чего найдется вѣр. погр. однократнаго опредѣленія разности долготъ, посредствомъ сравненія лунной кульминаціи на 2-хъ обсерваторіяхъ, $= \mp 6'.00$ во времени (стр. 47), а слѣдовательно, если считать наблюдения на обѣихъ обсерваторіяхъ одинаково точными, для каждой изъ нихъ вѣр. погр. $\mp 4'.24$ т. е. приблизительно вдвое болѣе противъ найденной г. Шварцемъ для его наблюдений. Но мы имѣемъ еще другія, болѣе прямыя сравненія. Приведенная сейчасъ вѣр. погрѣшность представляетъ только какую-то среднюю величину для большихъ инструментовъ. Она заключаетъ въ себѣ ошибку предположенной разности долготы, послужившей для сравненія обсерваторій, но независима отъ ошибки, которая во всякомъ случаѣ остается еще за лунными мѣстами Ганзена, между тѣмъ какъ намъ собственно нужно одно только послѣдовательное сравненіе наблюдений одного и того же мѣста съ таблицами Ганзена. А такія сравненія мы дѣйствительно имѣемъ. Самъ Ганзенъ, сравнивъ со своими таблицами всѣ гринвичскія наблюдения луны, послужившія для составленія его таблицъ, нашелъ вѣр. погрѣшность для опредѣленнаго въ Гринвичѣ прямого восхожденія луны $= \mp 1''.75$ въ дугѣ. Такое-же сравненіе дерптскихъ наблюдений, которыя при составленіи таблицъ не были приняты въ соображеніе, дало въ общей сложности вѣр. погрѣшность одного прямого восхожденія $= \mp 1''.41$; отдѣльно-же, для обоихъ наблюдателей, гг. Струве и Прейсса, для перваго $\mp 1''.32$, для втораго $\mp 1''.14$. Этими числами соотвѣтствовали-бы для опредѣленія долготъ по одной отдѣльной лунной кульминаціи вѣр. погр. въ Гринвичѣ $\mp 3'.2$, въ Дерптѣ $\mp 2'.6$ — количества, дѣйствительно, весьма малыя, но все еще большія противъ найденнаго г. Шварцемъ. Слѣдовательно, здѣсь навѣрно что-то не

такъ. Для своего собственнаго успокоенія я продолжалъ мои изысканія еще нѣсколько далѣе, и пришелъ къ слѣдующему. Изъ 9 Иркутскихъ кульминацій, приведенныхъ отдѣльно на стр. 13 до 15, и сведенныхъ вмѣстѣ на стр. 62, чѣмъ, слѣдовательно, устраняется возможность какой-либо опечатки, вѣр. погрѣшность отдѣльнаго опредѣленія оказалась = $\mp 2;6$, а не $\mp 2;3$. Затѣмъ я сравнивалъ подобнымъ-же образомъ и всѣ другія лунныя кульминаціи, не только по наблюденіямъ г. Шварца, но и г. Рашкова, причемъ оказалось, что именно наблюденія въ Иркутскѣ дѣйствительно представляютъ какое-то исключительное согласіе. Противоположную крайность въ наблюденіяхъ г. Шварца представляютъ 7 кульминацій въ Киренскѣ, въ теченіе ноября 1857 г. Онѣ впрочемъ и производимы были при особенно неблагоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, во время стужи, замораживавшей ртуть и необыкновенно затруднявшей всякое обращеніе съ инструментомъ. Такъ, между прочимъ, къ концу этого періода азимутъ инструмента дошелъ до 20 секундъ времени, причемъ всякое исправленіе оказалось невозможнымъ, а пузырькъ уровня на горизонтальной оси, несмотря на особо для этихъ наблюденій произведенное наполненіе, расширился до того, что едва было возможно отсчитывать его, что неоднократно приводило къ уtratѣ уже полученныхъ наблюденій. Здѣсь-то вѣр. погрѣшность долготы и оказывается = $\mp 6;3$, въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ въ Иркутскѣ. Но тѣмъ не менѣе, въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, я нимаю не колеблюсь указать именно на эти самыя наблюденія, какъ на истинное торжество и самый краснорѣчивый примѣръ особенной ловкости г. Шварца.

Вотъ полный списокъ всѣхъ выведенныхъ мною вѣр. погрѣшностей:

Набл. г. Шварца въ Иркутскѣ	9 кульминацій	$\mp 2;6$
» » въ Киренскѣ	7 » 	$\mp 6;3$
» » всѣ, за исключеніемъ Киренска . . .	23 кул. на 4 мѣстахъ	$\mp 3;1$
» » всѣ, безъ всякаго исключенія	30 » » 5 »	$\mp 4;1$
Наблюд. г. Рашкова	29 кульминацій на 7 мѣстахъ	$\mp 8;6$
» гг. Шварца и Рашкова въ совокупности . .	59 » » 12 »	$\mp 6;6$

Различіе оптической силы инструментовъ не можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ огромной разности вѣр. погр. у обоихъ

наблюдателей; но болѣе подробный разборъ этого предмета завлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Подобныя-же, хотя и не столь значительныя, разности встрѣчаются также и при упомянутыхъ выше наблюденіяхъ въ Турціи. Общія среднія, здѣсь и тамъ, согласуются однако сверхъ ожиданія, а если мы, сообразно тому, примемъ вѣр. погр. $\mp 6;5$ для долготы изъ одной отдѣльной лунной кульминаціи, опредѣленной помощью переноснаго пассажнаго инструмента среднихъ размѣровъ, исключая табличную погрѣшность и различіе между наблюденіями перваго и втораго краевъ луны, если оно существуетъ, то такое опредѣленіе, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть большее право на всеобщее признаніе, чѣмъ результатъ $\mp 2;3$, выведенный г. Шварцемъ изъ его наблюденій въ Иркутскѣ.

Касательно звѣздныхъ покрытій мы могли бы, кажется, удовольствоваться, приведенною г. Шварцемъ вѣр. погр. $\mp 4;1$, такъ какъ она довольно хорошо согласуется съ точностію, свойственною этому способу по другимъ опытамъ. Однако, имѣя въ которое подозрѣніе относительно правильности вывода величины $\mp 4;1$, я рѣшился повторить это не слишкомъ затруднительное вычисленіе, такъ какъ число всѣхъ наблюденныхъ покрытій вообще не очень значительно. Если ограничимся только наблюденіями темнаго края, какъ это существенно при путевыхъ инструментахъ, или если не покрывались случайно звѣзды первыхъ величинъ, то собственно не можетъ быть и рѣчи о настоящихъ ошибкахъ наблюденій. Когда два находящихся другъ возлѣ друга наблюдателя показываютъ на 8' различно одно и то-же вступленіе въ темный край, за 5 дней до полнолунія, какъ это случилось при наблюденіи 17 Таугі 24 января 1858 г. въ Иркутскѣ, то, безъ сомнѣнія, здѣсь произошелъ явный недосмотръ. Настоящая точность выводимой долготы обуславливается ошибками въ мѣстахъ луны и звѣзды и случайною ошибкой луннаго края; вредъ отъ первыхъ болѣе или менѣе можетъ быть устраненъ различнымъ образомъ, послѣдняя же опредѣляетъ въ нѣкоторой степени предѣлъ самаго метода. Для опредѣленій въ Иркутскѣ, я прежде всего исключилъ частное солнечное затмѣніе, не смотря на то, что оно случайно весьма хорошо согласуется; но это—явленіе существенно разнородное, точность наблюденія котораго непосредственно зависитъ отъ оптической силы инструмента; одни только моменты внутренняго соприкосновенія солнца и луны могли бы быть сравниваемы съ звѣздными покрытіями. Затѣмъ я взялъ среднее изъ многократныхъ наблюденій одного и того-же явленія, и этому среднему придалъ значеніе отдѣльнаго наблюденія. Нако-

нецъ приняты мною въ соображеніе наблюдаемыя въ Виттиской Слободѣ, во время прохожденія луны черезъ Плеяды 6-го окт. 1857, четыре открытія на темномъ краѣ, а исключены наблюдаемыя въ то-же время два вступленія, изъ которыхъ одно, η Тауці, употреблено г. Шварцемъ, для окончательнаго вывода. Но кромѣ того, что ихъ должно было исключить какъ вступленія на свѣтломъ краѣ, они еще отмѣчены въ журналѣ какъ нетронныя. Такимъ образомъ, я получилъ матеріалъ 14-ти наблюдений на 2-хъ мѣстахъ, и нашелъ изъ него вѣр. погр. одного отдѣльнаго звѣзднаго покрытія = \mp 3,9.

Переходя, наконецъ, къ луннымъ разстояніямъ, я долженъ откровенно сознаться, что неблагоприятный о нихъ отзывъ г. Шварца, придающаго имъ въ заключеніе столь мало важное значеніе сравнительно съ кульминаціями и покрытіями, нѣсколько поколебалъ было мой личный взглядъ на практическое достоинство этого превосходнаго метода, имѣющаго во многихъ отношеніяхъ столь существенныя преимущества предъ всѣми другими. При зеркальныхъ инструментахъ, болѣе чѣмъ при всѣхъ другихъ, успѣхъ зависитъ отъ ловкости наблюдателя, и именно не столько отъ навыка возможно-отчетливо схватывать каждое отдѣльное соприкосновеніе краевъ, сколько отъ полнаго знанія дѣла вообще и различныхъ источниковъ ошибокъ, и отъ умѣнья по возможности освободить искомый результатъ отъ ихъ вліянія. Если-же столь опытный во всѣхъ отношеніяхъ и остроумный наблюдатель, какимъ я долженъ признать г. Шварца, полагаетъ возможнымъ достигъ этимъ путемъ только того, что самъ онъ высказываетъ здѣсь о своихъ наблюденіяхъ, то подобное заявленіе заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, полнаго вниманія и, конечно, не можетъ остаться безъ вліянія на тѣ болѣе теоретическія мнѣнія, которыя хотя въ сущности и основаны на опытахъ, но на опытахъ, произведенныхъ при несравненно болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ встрѣчаемыя въ путешествіяхъ. Сверхъ того, я тутъ нѣкоторымъ образомъ лично заинтересованъ, какъ преподаватель. И такъ я рѣшился нѣсколько ближе изслѣдовать предметъ, основываясь именно на предлежащемъ матеріалѣ; однако это намѣреніе не могло состояться за неполнотою сообщенныхъ данныхъ. Для подобныхъ изслѣдованій существенно важно сравнить между собою опредѣленія, полученные однимъ и тѣмъ-же неизмѣненнымъ инструментомъ, при возможно-различныхъ другихъ обстоятельствахъ, и именно въ этихъ видахъ я указалъ выше на важность связаной обработки высотъ

волюся. Но если уже въ самомъ началѣ, при отсутствіи такихъ данныхъ, трудно было избѣжать ошибочныхъ заключеній касательно тождества инструментовъ, то въ послѣдствіи я былъ окончательно принужденъ признать всякое дальнѣйшее изслѣдованіе бесполезнымъ и даже обманчивымъ, когда на стр. 64 попалъ на указаніе, на которое сперва не обратилъ должнаго вниманія. Здѣсь мы читаемъ: «Передъ каждымъ наблюденіемъ я самымъ тщательнымъ образомъ разсматривалъ Писторовъ кругъ и удостовѣрялся въ совершенно правильномъ положеніи зеркала, призмы и телескопа относительно плоскости лимба», и въ случаѣ надобности, разумѣется, замѣченныя отклоненія были исправляемы. А этимъ-то самымъ и уничтожается всякая связь между результатами, полученными въ различные дни, или даже на различныхъ мѣстахъ, и всякое сравненіе одного результата съ другимъ могло бы повести къ ошибочнымъ заключеніямъ. Наконецъ, надобно признать, что подобное предпріятіе осталось-бы слишкомъ рискованнымъ даже и при гораздо-благопріятнѣйшихъ условіяхъ, потому-что для успѣшнаго рѣшенія задачи недостаточно и полного обладанія всѣмъ матеріаломъ, если подобное примѣненіе не имѣлось въ виду уже при самомъ производствѣ наблюденій.

По находящемуся передъ нами матеріалу нельзя судить о томъ, насколько послѣднее обстоятельство имѣлось въ виду самимъ г. Шварцемъ и его сотрудниками. Впрочемъ въ некоторую надежду въ этомъ отношеніи возбуждаютъ въ насъ слова г. Шварца: «постоянные источники ошибокъ при Писторовомъ кругѣ сдѣлалъ я предметомъ особаго изслѣдованія, но не пришелъ еще къ удовлетворительному заключенію». Съ своей стороны, мы можемъ только горячо пожелать, чтобы г. Шварцъ нашелъ возможность довести свои изслѣдованія до какого-либо практическаго результата. Предметъ, въ дѣйствительности, столь важенъ, что даже и частный успѣхъ исполнѣ достоинъ самыхъ серьезныхъ стараній.

Въ заключеніе я еще вкратцѣ замѣчу, что хотя приведенныя выше причины воспрепятствовали дальнѣйшимъ изысканіямъ, тѣмъ не менѣе уже самое начало ихъ представляетъ дѣло, при настоящемъ его положеніи, въ нѣсколько благопріятнѣйшемъ свѣтѣ, чѣмъ его изображаетъ г. Шварцъ. Съ одной стороны, онъ прідалъ слишкомъ мало значенія ошибкамъ, остающейся въ среднемъ изъ ряда лунныхъ разстояній вслѣдствіе несогласія между собою отдѣльныхъ опредѣленій. Если $\mp 5''{,}6$ и $4''{,}3$ будутъ вър. погр. для прикосновенія краевъ и для одного отдѣльнаго опредѣленія коллимаціонной

ошибки, то для среднего изъ 10 разстояній при двойномъ опредѣленіи, въ началѣ и въ концѣ ряда, коллимаціонной ошибки вѣр. погр. будетъ

$$= \sqrt{\frac{(5,6)^2}{10} + \frac{(4,3)^2}{2}} = \mp 3,5;$$

при однократномъ коллимаціонномъ опредѣленіи она оказалась-бы $\mp 4,6$, чему соотвѣтствуютъ ошибки въ долготѣ около 7 и 9 секундъ времени.

Съ другой стороны г. Шварцъ поступилъ несправедливо съ своими долготами въ томъ отношеніи, что при выводѣ вѣр. погр. не различалъ восточныхъ и западныхъ разстояній, тогда какъ самъ же онъ прямо настаиваетъ на необходимости подобнаго различенія. Взявъ же это въ расчетъ, мы получаемъ изъ наблюдений въ Иркутскѣ, конечно, изъ 6-ти только опредѣленій при двухъ среднихъ, вѣр. погр. не болѣе $\mp 7,7$, что составило-бы результатъ, неожиданно благоприятный, если-бы все наше заключеніе не дѣлалось сомнительнымъ отъ того, что эти наблюдения произведены въ различные годы и, можетъ быть, различными инструментами. По этой причинѣ я сравнивалъ вмѣсто того всѣ тѣ наблюденія, которыя произведены были на одномъ и томъ-же мѣстѣ въ теченіе немногихъ дней, такъ что въ Иркутскѣ, напримѣръ, я воспользовался только 4-мя послѣдними наблюденіями. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ наблюдений получилъ я матеріалъ 34-хъ наблюдений при 15-ти среднихъ, а изъ нихъ вѣр. погр. отдѣльнаго опредѣленія $\mp 14,1$. Слѣдовательно, для одной долготы въ среднемъ изъ двухъ рядовъ лунныхъ разстояній по обѣ стороны луны (а только такіа, изъ которыхъ постоянная ошибка круга исключена подобнымъ-же образомъ, какъ при моемъ выводѣ вѣр. погр., окончательно приняты были г. Шварцемъ) вѣр. погр. оказалась-бы $\mp 10,0$. Конечно, и это опредѣленіе не имѣетъ особеннаго права на окончательное значеніе, и я надѣюсь, что впоследствии дѣло представится еще въ гораздо лучшемъ видѣ. Но останавливаясь на немъ, какъ на результатѣ имѣющагося теперь матеріала, мы замѣтимъ, что наши три метода представлять слѣдующія вѣр. погр.: $\mp 6,5$, $\mp 3,9$, $\mp 10,0$, которыми соотвѣтствовали-бы относительные вѣсы: 2,4 : 6,6 : 1,0—отношенія, существенно различное отъ выведеннаго г. Шварцемъ: 45 : 14 : 1.

Четвертый и послѣдній отдѣлъ 2-й главы излагаетъ на 40 стр. *относительная домота, полученная посредствомъ перенесенія времени помощью хронометровъ*. Число ихъ весьма значительно, а точность, по сущности дѣла, весьма различна, сообразно съ продолжительностью

преобразовъ и числомъ и достоинствомъ употребленныхъ хронометровъ. Кажется, что и здѣсь, при помощи болѣе систематическаго изложенія, безъ увеличенія въ объемѣ, можно-бы было доставить читателю болѣе полное понятіе о сущности работы. Отсутствіе нѣкоторыхъ немаловажныхъ указаній надобно даже считать за непредназначенное упущеніе. Такъ, напримѣръ, ни слова не сказано объ опредѣленіяхъ времени, служившихъ основаніемъ всѣхъ этихъ долготъ; это замѣчаніе впрочемъ относится равнымъ-же образомъ и къ абсолютнымъ долготамъ изъ покрытій звѣздъ и изъ разстояній. Другой весьма важный вопросъ, относительно котораго читатель также оставляется въ сомнѣніи, заключается въ томъ, были-ли производимы вообще, и въ особенности во время хронометрическихъ экспедицій, регулярныя сравненія хронометровъ между собою. Такія сравненія составляютъ существенную потребность какъ для самого наблюдателя, доставляя ему увѣренность, что все обстоитъ въ должномъ порядкѣ, такъ и для вычислителя, которому они не только представляютъ надежныя указанія въ случаѣ встрѣчи какихъ-нибудь отклоненій отъ правильнаго хода дѣла, но, кромѣ того, даютъ лучшее средство къ составленію вѣрнаго мнѣнія объ относительномъ достоинствѣ различныхъ хронометровъ. Такъ, напримѣръ, вычисленіе долготы Пуира и Пронге (стр. 99) показываетъ, что оба хронометра измѣнили свой относительный ходъ въ теченіе одного дня почти на 9 сек. Я передѣлалъ вычисленія и убѣдился, что изъ приведенныхъ на стр. 93-й поправокъ часовъ нельзя вывести иного результата; при всемъ томъ остается подозрѣніе, что тутъ кроется ошибка, которая, можетъ быть, открылась-бы, если-бы имѣлись ежедневныя сравненія часовъ. А относительно приведеннаго на стр. 65-й замѣчанія: «такъ какъ въ путешествіи каждому лицу постоянно приходилось распорядиться только небольшимъ числомъ хронометровъ, то я считалъ несообразнымъ съ цѣлію выводъ вѣсовъ хронометровъ и употребленіе этихъ вѣсовъ при полученіи средняго результата», я долженъ возразить, что, совсѣмъ наоборотъ, — правильная оцѣнка относительнаго вѣса хронометровъ, очевидно, тѣмъ важнѣе, чѣмъ меньше число ихъ.

Что-же касается наконецъ до самаго вычисленія долготъ, то извѣстно, что при этомъ невозможно избѣжать нѣкотораго произвола. Г. Шварцъ вездѣ указываетъ, какимъ образомъ произведены эти вычисленія. Вообще я долженъ вполне согласиться съ нимъ въ его выборѣ; въ отдѣльныхъ случаяхъ, конечно, я предпочелъ

бы производить вычисления иначе, но охотно довольствуюсь заключениемъ, что г. Шварцъ руководился въ своемъ выборѣ различными обстоятельствами, которыя мнѣ не сообщены. Наконецъ, въ подобныхъ случаяхъ я производилъ вычисления и по-своему; напримѣръ, перевычислена мною вся первая хронометрическая экспедиція 1855 года, отъ 2 юля до 22 сентября, изъ Иркутска въ Забайкальскую область; я всегда приходилъ къ результатамъ, которые столь близко согласны съ результатами г. Шварца, что разность между ними не имѣетъ никакого практическаго значенія.

Приложеніе (стр. 106—110) содержитъ въ себѣ опредѣленія мѣстъ вдоль теченія рѣки Амура, исчисленные вновь г. Шварцемъ изъ наблюдений, которыя произведены были мичманомъ Пещуровымъ во время плаванія «Надежды» изъ Николаевска, вверхъ по Амуру, до Усть-Стрѣлочнаго караула, съ 22 апрѣля по 30 сентября (1855 г.). Постоянными точками для долготы приняты были, кромѣ обыкновенныхъ оконечныхъ точекъ, еще опредѣленные г. Рашковымъ мѣста: Маріинскъ, устье Сунгары и точка 25 августа подъ $52^{\circ}21'$ широты и на $8^{\circ}25'25\frac{1}{3}$ къ востоку отъ Гринвича. Значеніе этого новаго вычисления дѣлается понятнымъ изъ сопоставленія его съ результатами прежде произведеннаго исчисления (стр. 109); разности въ долготахъ идутъ отъ $-5'21''$ до $+10'26''$. Но г. Шварцъ, кажется, точность этихъ положеній оцѣниваетъ нѣсколько низко. Конечно, въ дѣлѣ находилось только 2 хронометра, и отъ Сунгары до точки 25-го августа насчитывается 37 дней перенесенія времени; но оба хронометра были столовые, постоянно согласовались между собою наилучшимъ образомъ, и наконецъ едва-ли справедливо предполагать ошибки до $10'$ въ опредѣленіяхъ времени и до $1'$ въ высотахъ полюса.

Разборъ этой главы я оканчиваю краткимъ изложеніемъ мнѣнія моего о ея значеніи вообще. Необыкновенное богатство содержанія, вмѣстѣ съ важностью каждаго отдѣльнаго даннаго, обуславливали необходимость самаго подробнаго разбора и возможно строгой провѣрки. Я старался удовлетворить этому требованію, можетъ быть даже нѣсколько педантически, и вездѣ, гдѣ требовала того важность дѣла, высказывалъ свои возраженія. Относительно нѣкоторыхъ изъ разобранныхъ мѣстъ я считаю заявленный мною взглядъ за единственно вѣрный; относительно другихъ охотно допускаю нѣкоторую разность въ мнѣніяхъ, зависящихъ отъ индивидуальнаго воззрѣнія; вообще-же во всѣхъ случаяхъ моимъ желаніемъ было доказать, что при исполненіи порученной мнѣ задачи я не доволь-

ствовался однимъ бѣглымъ разсмотрѣніемъ, но углублялся въ дѣло на сколько было нужно, для составленія основательнаго мнѣнія. Я надѣялся чрезъ то упрочить за собою право на нѣкоторое вниманіе къ моимъ мнѣніямъ даже тамъ, гдѣ оказывалось неудобнымъ подкрѣплять ихъ въ частностяхъ доказательствами. И такъ я повторяю здѣсь прежде всего высказанное мною уже выше, что эта глава на своихъ 110 страницахъ заключаетъ массу работы, которую вѣрно оцѣнить можетъ лишь тотъ, кто по личному опыту знаетъ всю затруднительность подобныхъ вычисленій; пусть мнѣ повѣрятъ, что тутъ находятся сотни строкъ, изъ которыхъ каждая требовала для себя цѣлаго дня напряженной работы. Однако-же все это составляетъ еще не болѣе, какъ одну лишь, такъ сказать, личную сторону вопроса. Другой, относящійся болѣе къ самому дѣлу, вопросъ заключается въ томъ, на сколько надеженъ самъ матеріалъ и въ какой степени достовѣрны результаты, изъ него выведенные? Я того мнѣнія, что во всѣхъ отношеніяхъ всѣ справедливыя требованія вполне удовлетворены авторомъ, а во многихъ случаяхъ сдѣланное имъ далеко превышаетъ всѣ ожиданія. Что касается собственно вычисленія, то оно, оставляя далеко за собою предѣлы принятаго на себя г. Шварцемъ обязательства, должно быть признано окончательнымъ. Всякая дальнѣйшая разработка могла бы произвести въ спискѣ географическихъ мѣстъ (стр. 103—108 главы 3-й) лишь такія измѣненія, которыя не имѣли-бы никакого практическаго значенія. Мои собственныя указанія и возраженія касаются преимущественно изложенія и метода; если-же затрогиваются ими и результаты, то не далѣе тѣхъ предѣловъ, до которыхъ вообще, по сущности дѣла, возможно ручаться за ихъ вѣрность. Чтобы изяснить однако, чтò значить опредѣлить географическое мѣсто съ такою точностью, съ какою, напримѣръ, у г. Шварца опредѣленъ Иркутскъ, я напому здѣсь только то, что принятая доселѣ разность долготъ между Гринвичской и Парижской обсерваторіями, основанная на длинныхъ рядахъ наблюденій и опредѣленная неоднократно особо для сей цѣли предпринятыми дорогими экспедиціями, измѣнена новѣйшимъ опредѣленіемъ на цѣлую секунду во времени. Г. Шварцъ имѣетъ полное право надѣяться, что съ его долготою Иркутска чего-либо подобнаго не случится.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Источники, по которымъ составлена изданная Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ карта рѣчныхъ сообщеній Амура, южной части Лены и Енисея, и острова Сахалина.

Уже выше было замѣчено, что по общему заглавію книги, вовсе неупоминающему о картѣ, нельзя было собственно и ожидать въ ней этой главы, которая вообще можетъ войти въ составъ книги лишь на томъ основаніи, что въ дѣйствительности большая часть этой карты принадлежитъ Сибирской экспедиціи. Впрочемъ мы можемъ только одобрить мысль г. Шварца свести въ одно цѣлое всѣ послужившіе для составленія карты источники, въ томъ числѣ и добытые Сибирскою экспедиціею; такимъ образомъ эта глава составляетъ какъ-бы переходъ отъ извѣстій касательно этой экспедиціи къ графическому изображенію ея результатовъ.

Но въ разсматриваемой главѣ содержится гораздо болѣе, чѣмъ простой списокъ употребленнаго при черченіи карты матеріала; она представляетъ обстоятельный критическій разборъ всего, что когда-либо было сдѣлано по этой части, и чрезъ то получаетъ характеръ самостоятельнаго и очень важнаго, въ научномъ отношеніи, сочиненія. вмѣстѣ съ тѣмъ весь этотъ трудъ представляетъ собою новый весьма убѣдительный примѣръ той основательности и добросовѣстности, съ которыми г. Шварцъ исполнялъ какъ всѣ свои задачи, такъ и черченіе карты, и я, кажется, едва-ли ошибусь, если предположу, что подобное исполненіе, какимъ отличается трудъ г. Шварца, могло-бы послужить достойнымъ подражанію примѣромъ не только въ одномъ нашемъ отечествѣ, но и за границей. Къ сожалѣнію, повсюду еще черченіе карты слишкомъ часто разсматривается какъ дѣло одной техники, а не науки, и исполняется сообразно такому взгляду.

Эту, собственно критическую, часть сочиненія г. Шварца подвергать снова критическому разбору есть задача, отъ которой я отказался заранѣе, такъ какъ это въ сущности значило-бы пройдти снова весь трудъ. Съ другой стороны, нѣсколько подробный историческій отчетъ о разсмотрѣнныхъ здѣсь сочиненіяхъ и картахъ кажется излишнимъ, благодаря весьма подробному оглавленію содержанія, сдѣланному г. Шварцемъ для этой главы. Даже самое краткое указаніе на отдѣльныя, особенно интересныя мѣста, какъ напримѣръ, свидѣтельство о высокомъ достоинствѣ,

какое имѣютъ до настоящаго времени нѣкоторые изъ древнѣйшихъ картографическихъ трудовъ о тѣхъ странахъ, или весьма обстоятельное сравненіе новой карты съ картою Амурской страны (§ 29), или же изданный здѣсь въ первый разъ отчетъ о первомъ Сибирскомъ путешествіи г. Шварца, такъ называемой Забайкальской экспедиціи (§ 47) и т. д.,—все это насъ увлекло-бы далѣе, чѣмъ было-бы здѣсь умѣстно. И такъ, я ограничусь лишь общимъ краткимъ замѣчаніемъ, что это критическое разсмотрѣніе, какъ и слѣдовало ожидать, держится повсюду въ предѣлахъ самой строгой научности, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно приходитъ къ неодобрительному заключенію; притомъ замѣтно, что г. Шварцъ вообще болѣе склоненъ къ похвалѣ, чѣмъ къ порицанію, скорѣе готовъ признавать многое и соглашаться, чѣмъ указывать на недостатки и отвергать; и весь этотъ трудъ непремѣнно произведетъ на безпристрастнаго читателя впечатлѣніе того, что авторъ проникнутъ искренней любовью къ истинѣ и безукоризненнымъ стремленіемъ служить самому дѣлу. Конечно, въ такомъ множествѣ новыхъ фактовъ и исправленій было совершенно невозможно убеждаться отъ заблужденій; но читатель при этомъ невольно убѣждается, что самъ г. Шварцъ первый открыто призналъ-бы всякую указанную ему ошибку, и привѣтливо встрѣтилъ-бы всякое подобное указаніе, какъ содѣйствующее успѣху самаго дѣла.

Къ концу этой главы (стр. 101 — 109) приложенъ, въ видѣ прибавленія, указатель астрономическихъ точекъ, входящихъ въ составъ карты, о которомъ я долженъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. При обсужденіи подобнаго списка, значеніе котораго, очевидно, далеко превосходитъ или можетъ превзойти ближайшія, имѣющіяся въ виду, картографическія цѣли, первымъ и важнѣйшимъ вопросомъ естественно является вопросъ о благонадежности содержащихся въ немъ чиселъ. По этой причинѣ я далъ себѣ трудъ сравнить приведенныя въ указателѣ мѣста съ находящимися во 2-й главѣ данными, или вывести ихъ изъ послѣднихъ. Такимъ образомъ я поступилъ относительно значительнаго числа разсѣянныхъ по всему указателю точекъ, въ особенности-же тѣхъ, долгота которыхъ была опредѣлена абсолютно. Я встрѣтилъ здѣсь только слѣдующія уклоненія, относящіяся исключительно къ долготѣ:

72. Городъ Маріинскъ показавъ. . . .	157°52'19"	д. 6.	157°52'29"
102. Городъ Николаевскъ »	158 24 36,	»	158 24 26 .
142. Городъ Киренскъ »	125 46 54,	»	125 47 4 .

Исключая послѣднее, остальные уклоненія могутъ быть сочтены опечатками, такъ какъ разница въ числахъ заключается въ одной только цифрѣ. Приведенныя мною числа повѣряются въ самой книгѣ, какъ среднія изъ различныхъ отдѣльно показанныхъ чиселъ. Только одинъ приведенный на стр. 64 для Киренска окончательный результатъ $7^{\circ}12'28,8$ не составляетъ въ точности средняго изъ находящихся на стр. 22 — 25 отдѣльныхъ опредѣленій; послѣднее дало-бы $7^{\circ}12'29,3$, и слѣдовательно отъ перваго меридiana $125^{\circ}47'11''$. Я не сомнѣваюсь однако въ томъ, что г. Шварцъ намѣренъ былъ показать $125^{\circ}47'4''$. Касательно Маринска я долженъ сверхъ того замѣтить, что, кромѣ приведенной на стр. 36 долготы $9^{\circ}20'50,5$, на стр. 87 находится еще другая, какъ окончательно принятая долгота, $9^{\circ}20'48,4$, которая и была дѣйствительна употреблена при вычисленіи хронометрическихъ долготъ. Эта долгота, по приведеніи къ первому меридіану, дала-бы $157^{\circ}51'57''$. Такимъ образомъ всѣ эти уклоненія не представляютъ, конечно, никакой особенной важности; а если-же они, какъ должно предположить, суть отчасти опечатки или описки, то ихъ незначительность только дѣло счастливаго случая, который въ другой разъ могъ-бы дѣйствовать очень вредно. Такъ, напримѣръ, высота полюса точки 166 ошибочна на цѣлый градусъ: должно быть 53° вмѣсто 54° . Здѣсь на открытіе ошибки навело меня нарушеніе порядка точекъ отъ сѣвера къ югу; но что такая примѣта не всегда надежна, доказываетъ примѣромъ точекъ 93-й и 94-й, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ также не въ должномъ порядкѣ, между тѣмъ какъ ихъ настоящія широты вполне согласны съ показанными въ книгѣ.

При этомъ случаѣ надобно однако сказать, что вообще отвѣтчаніе сочиненія г. Шварца должно быть признано необыкновенно исправнымъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что столько страницъ наполнены только числами, и что повсюду разбѣяны математическія формулы. Во все время моего очень внимательнаго чтенія и при множествѣ вычисленій, я встрѣтилъ очень мало ошибокъ. Весьма чувствительный недосмотръ оказывается на 9-мъ листѣ 2-й главы, гдѣ неправильно сложены для печати формы отдѣльныхъ страницъ. Столь прекрасное во всѣхъ другихъ отношеніяхъ изданіе книги заставляетъ желать, чтобы этотъ листъ былъ перепечатанъ. Заговоривъ разъ объ изданіи этой книги, я позволю себѣ сдѣлать о немъ еще другое замѣчаніе. Находящіяся на каждой отдѣльной страницѣ заголовки, означающіе содержаніе страницъ, составляютъ, безъ сомнѣнія, весь

на приличное украшеніе всякой богатой содержаніемъ книги. Но если они должны не только служить украшеніемъ, но и приносить дѣйствительную пользу читателю, то непремѣнно должны выражать содержаніе страницъ сколь возможно подробнѣе. Это довольно хорошо исполнено въ 1-й и 3-й главахъ, но не во 2-й, между тѣмъ какъ именно для этой главы они могли-бы имѣть особенную важность. Я принужденъ былъ, для собственнаго употребленія, составить подробный указатель содержанія, чтобы сдѣлать возможнымъ присканіе опредѣленій, относящихся къ каждому отдѣльному мѣсту. Подобнымъ образомъ значительно облегчилось-бы пользованіе книгою, если-бы въ самомъ текстѣ употребленъ былъ другой, болѣе крупный шрифтъ для окончательнаго принятыхъ положеній.

Относительно самаго списка, желанія мои идутъ еще гораздо далѣе, и я заявлю ихъ здѣсь, въ надеждѣ, что они будутъ дѣйствительно осуществлены. Независимо отъ самаго тщательнаго просмотра, съ цѣлью возможно полнаго устраненія всякихъ описокъ и опечатокъ, чего достигнуть вполне возможно при ограниченномъ числѣ нѣсколькихъ сотенъ точекъ, я желалъ-бы сдѣлать важныя измѣненія какъ въ объемѣ, такъ и въ формѣ, чтобы доставить списку то значеніе, котораго онъ достоинъ на самомъ дѣлѣ. Относительно объема, было-бы въ высшей степени желательно, чтобы каждое, безъ исключенія, астрономическое опредѣленіе мѣста, слѣдовательно и отдѣльныя широты и долготы, сдѣлалось доступными для дальнѣйшаго ими пользованія, послѣ того, какъ уже пожертвовано на нихъ столько заботъ и трудовъ для наблюденій и послѣдовавшихъ затѣмъ вычисленій. То, что мѣстамъ при наблюденіи не могла быть опредѣлена другая координата, не представляетъ причины пренебрегать тѣмъ, что удалось получить. Количество подобныхъ точекъ, кажется, довольно значительно. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще и прочія точки, для которыхъ дѣйствительно опредѣлены были обѣ координаты, но которыя однако не введены въ списокъ, очевидно по той причинѣ, что онѣ замѣтно менѣе точны, чѣмъ другіе. Такъ на-примѣръ, даже изъ числа мѣстъ съ абсолютнымъ опредѣленіемъ долготы, которыя я себѣ составилъ, какъ уже упомянуто выше, для провѣрки указателя, исключено 8 точекъ; при этомъ впрочемъ должно замѣтить, что для 88-й точки мнѣ не удалось отыскать въ книгѣ широту, приведенную въ указателѣ.

Желаніе, чтобы въ списокъ были включены и пункты, опредѣленные съ меньшею точностію, само собою приведетъ къ другому желанію; а именно, чтобы степень точности cadaго опредѣленія

была обозначена, на сколько это исполнимо. Въ этомъ отношеніи было-бы, кажется, всего проще при самомъ сообщеніи каждаго опредѣленія сообразоваться съ его точностью, т. е. не писать чиселъ, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого значенія. Происходящее отъ того неоднобразіе, конечно, нѣсколько нарушаетъ топографскую красоту печати; въ сущности же это только пожертвованіе обманчивой внѣшности въ пользу самаго дѣла. Впрочемъ г. Шварцъ именно на это уже рѣшился, написавъ при значительномъ числѣ точекъ для долготы только полныя минуты. Я желалъ-бы только, чтобы онъ нигдѣ не означалъ секундъ, такъ какъ онѣ нигдѣ значенія не имѣютъ, даже и для самаго Иркутска. Въ этомъ отношеніи вообще вошло въ обыкновеніе просто злоупотребленіе числами, вызванное отчасти превращеніемъ въ дуговыя величины, отчасти же тѣмъ, что пришлось выражать результаты геодезическихъ измѣреній разностями по долготѣ и широтѣ. Для всѣхъ абсолютныхъ опредѣленій долготы, даже для самыхъ точныхъ, десятая часть дуговой минуты еще на долгое время останется столь малою мѣрою, что нечего бояться накопленія ошибокъ отъ пренебреженій въ послѣдней цифрѣ. При этомъ, замѣчу, есть причина предполагать, что всѣ приведенныя въ нашемъ указателѣ долготы заключаютъ въ себѣ ошибку на 1 секунду въ дугѣ, и именно онѣ больше, не скажу настоящихъ долготъ, а тѣхъ, которыя должны были-бы получиться, если-бы не было опечатки въ «Каталогѣ тригонометрическихъ и астрономическихъ пунктовъ», изданномъ въ видѣ приложенія къ XXIV части Записокъ Военно-Топографическаго Депо. Въ превосходномъ сочиненіи Шуберта «Exposé des travaux astronomiques et géodésiques exécutés en Russie» ошибки этой не встрѣчается. Конечно, не стоило-бы даже и говорить о подобномъ количествѣ; но въ такомъ случаѣ лучше было-бы вообще не приводить подобныхъ ничего незначащихъ чиселъ. Дѣйствительно, было-бы истинною заслугою, если-бы въ этомъ отношеніи наконецъ утвердилась разумная практичность. И такъ, по моему мнѣнію, пусть сохраняютъ, при широтахъ секунду, если есть основаніе предполагать, что удалось уменьшить вѣр. погр. до 3", а гдѣ этого нѣтъ — то только десятую часть минуты; при большей же части опредѣленій долготы—никакъ не болѣе полной дуговой минуты, какъ и поступилъ г. Шварцъ во многихъ случаяхъ.

Если такимъ образомъ можетъ быть за-частую устраненъ обольстительный наружный видъ мнимой точности, то, съ другой стороны, вѣрная оцѣнка могла-бы быть намного облегчена, если-бы при

каждой точкѣ былъ показанъ способъ ея опредѣленія; если-бы, на примѣръ, относительно долготъ каждый разъ показано было абсолютныя-ли онѣ или относительныя, а въ послѣднемъ случаѣ — какія именно точки служили основными. Черезъ это доставилась-бы, въ случаѣ, когда при дальнѣйшихъ работахъ подверглось-бы исправленію которое-либо изъ абсолютныхъ опредѣленій, возможность переносить это исправленіе и на зависящія отъ него относительныя опредѣленія. При этомъ, конечно, слѣдовало-бы также вездѣ указывать на мѣсто (назв. сочиненія и стр.), гдѣ вычислено и, можетъ быть, изложено въ подробностяхъ опредѣленіе. Вышеупомянутое сочиненіе генерала Шуберта можетъ служить настоящимъ образцомъ въ этомъ отношеніи; обратить здѣсь на него особенное вниманіе кажется тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что данный имъ отличный примѣръ не нашелъ подражанія въ вышедшемъ вскорѣ послѣ него сочиненіи такого же содержания, обработанномъ и изданномъ самимъ Депо.

Наконецъ, слѣдуетъ еще пожелать одного прибавленія къ указателю, которое послужило бы къ существенному увеличенію его значенія. Необходимо для каждаго пункта съ возможною точностью обозначить мѣсто стоянія наблюдателя. Мнѣ очень хорошо извѣстно, съ какими препятствіями, въ особенности при опредѣленіяхъ подобнаго рода, сопряжено выполнение именно этого требованія; но я и имѣю здѣсь въ виду одно только возможное, а вмѣстѣ и желаю, что бына этотъ предметъ своевременно было обращено должное вниманіе. Для нѣкоторыхъ точекъ, въ текетѣ сочиненія, дѣйствительно приведены нужныя ближайшія поясненія, но они не всегда легко отыскиваются. При весьма значительномъ числѣ другихъ точекъ, напротивъ того, ничего не сказано, кромѣ того, что—это, на примѣръ, крѣпость Чиндантъ, городъ Новоселенгинскъ и т. п. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, конечно, и подобныя указанія уже могутъ служить вполне удовлетворительнымъ обозначеніемъ; вообще-же, безъ сомнѣнія, они не достигаютъ этой цѣли, и точное географическое опредѣленіе, на примѣръ, «мѣста впаденія Сунгари въ Амуръ» можетъ оказаться почти бесполезнымъ, если взглянуть на карту.

Въ этомъ отношеніи должно сколь возможно убѣдительное рекомендовать соблюденіе введеннаго генераломъ Бларамбергомъ и неуклонно исполняемаго въ его вѣдомствѣ правила увѣковѣчивать всякую астрономическую точку помощію быстрой, набрасываемой на глазомѣръ съѣмки окрестностей; уже одна мысль объ этомъ мо-

жетъ иной разъ быть весьма полезна наблюдателю при выборѣ точки наблюденія. Самому г. Шварцу не разъ приходилось оставлять безъ примѣненія добытыя другими, и, можетъ быть, во всемъ остальномъ хорошія опредѣленія, по той лишь причинѣ, что нельзя было впоследствии съ должною опредѣленностью разузнать точку, къ которой они относятся. Рано или поздно, подобная же судьба угрожаетъ весьма значительному числу мѣстъ, приведенныхъ въ указателѣ.

Наконецъ мнѣ остается еще дать отчетъ о самой картѣ, которая составляетъ какъ бы 4-ю главу, или второй отдѣлъ 2-й части всего сочиненія. Если выполненіе ея хотя въ нѣкоторой степени соответствуетъ тѣмъ приготовительнымъ работамъ, съ которыми мы здѣсь познакомились, если она вѣрно передаетъ матеріалъ, полученный изъ собственныхъ изслѣдованій автора, или собранный имъ отовсюду съ настойчивымъ рвеніемъ и критически разсмотрѣнный, то она не можетъ не быть превосходной.

Что касается выполненія карты, то оно находилось въ превосходныхъ рукахъ. Чтобы остаться до конца вѣрнымъ самому себѣ, г. Шварцъ и здѣсь снова совершилъ то, чего никто, кромѣ лишь его самого, не могъ бы потребовать или даже только надѣяться отъ него. Сколько мнѣ извѣстно, вся карта, въ томъ видѣ, въ какомъ она находится передъ нами, собственноручно вычерчена г. Шварцемъ. На это рѣшился онъ тотчасъ-же, какъ только убѣдился, что назначенный ему въ помощь отъ И. Р. Г. О. чертежникъ не только не облегчилъ работу, но даже заставилъ его опасаться, что исполненіе не будетъ соответствовать желаніямъ. Я знаю, что до того времени г. Шварцъ никогда еще не имѣлъ повода къ сколько нибудь значительнымъ работамъ подобаго рода; это, конечно, не мало увеличивало отважность предпріятія и сопряженный съ нимъ трудъ. И если, что весьма возможно, оттого нѣсколько и пострадала чисто-техническая сторона, вѣшняя красота карты, то подобная потеря вполне вознаграждается тою несомнѣнною пользою, которая пришла на долю научной стороны дѣла, его внутренняго достоинства. Я долженъ замѣтить при этомъ, что все сказанное здѣсь мнѣ извѣстно по постороннимъ только сообщеніямъ, полученнымъ въ то время, когда г. Шварцъ занимался въ Дерптѣ черченіемъ карты, частію отъ него самого, частію-же отъ другихъ очевидцевъ. Ни въ сочиненіи, которое въ настоящую минуту лежитъ передъ нами, ни на самой картѣ, мы не находимъ ближайшаго объясненія о ея происхожденіи. Я не берусь рѣшить,

въ порядкѣ-ли то, что сама карта не имѣетъ никакого названія или заглавія; на каждомъ листѣ ея встрѣчается только помѣта: «Хромолитографія Полторацкаго в Ильина», да на отдѣльной оберткѣ, которую впрочемъ мы не имѣемъ права относить къ картѣ, такъ какъ эта послѣдняя составляетъ не атласъ, а отдѣльную связаную карту, мы читаемъ ея оглавленіе, дословно приведенное мною въ началѣ рецензій. Но зато я не могу не замѣтить, что въ сочиненіи (глава 3, стр. 2) упоминается объ общеобзорной картѣ, на одномъ листѣ, въ масштабѣ 160 верстъ въ дюймѣ, которой не омазлось между листами картъ, присланными мнѣ Академію. Подобная карта была дѣйствительно издана Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, и я нимало не сомнѣваюсь, что она-то именно и составляетъ собственноручный трудъ г. Шварца, жѣль и ближайшее выполненіе котораго изложены на указанномъ мною мѣстѣ, впрочемъ съ примѣчаніемъ отъ переводчика, что намѣренія г. Шварца не могли осуществиться въ ней въ полной степени. На этомъ мѣстѣ надписано: «Карта южной половины восточной Сибири, части Монголіи, Маньчжуріи и Сахалина. Масштабъ $\frac{1}{6720000}$. Но въ остальномъ эта карта не представляетъ ни малѣйшаго намека на ея происхожденіе или на то, куда она собственно принадлежитъ. Я, какъ уже сказано, считаю ее за карту г. Шварца, и дѣйствительно весьма многимъ обязанъ ей.

Чтобы получить хотя нѣкоторое понятіе о степени тщательности, съ которою употребленъ имѣвшійся у автора матеріалъ, я повѣрилъ на картѣ показанныя въ указателѣ, въ концѣ 3 главы, положенія значительнаго числа точекъ, и ни разу не случилось мнѣ напасть на уклоненіе, которое можно было-бы почесть дѣйствительнымъ недосмотромъ. Точно также я не нашелъ никакихъ ошибокъ, когда внимательно прослѣдилъ по картѣ почти всѣ путевые отчеты. Мѣстами только не отыскивалъ я какого-нибудь имени, о которомъ упоминалось въ рассказѣ; но и эти случаи были весьма рѣдки. Только для удостовѣренія, что это не осталось незамѣченнымъ мною, я укажу здѣсь на то, что на листѣ I въ принадлежащемъ къ листу V картонѣ перебиты одно мѣсто другаго числа параллелей 42-й и 44-й; подобныя-же ничтожныя недостатки можно замѣтить въ показаніяхъ теченія рѣкъ и въ очеркѣ границъ при переходѣ отъ одного листа къ другому, именно-же отъ VI къ IV и VII. И такъ, по моему личному удостовѣренію, эту карту надобно считать вполне благонадежною; что же касается до окончательнаго приговора, то уже мною было замѣчено выше, что таковой можетъ состояться

*

лишь послѣ продолжительнаго употребленія и дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Отдавая такимъ образомъ полную справедливость достоинствамъ карты относительно точности нанесенія постоянныхъ точекъ и подробностей рѣчныхъ теченій и очертаній, на сколько возможно судить объ этомъ по содержанію самаго сочиненія, я не могу однако съ такою-же похвалою отозваться относительно правописанія именъ. Хотя я совершенно того мнѣнія, что и въ этомъ отношеніи необходима величайшая тщательность, однако, можетъ быть, удержался-бы затрогивать этотъ предметъ особо, если-бы самъ г. Шварцъ, въ своемъ сужденіи о чужихъ трудахъ, не научилъ меня обращать на него особое вниманіе. Опираясь на свое лучшее знаніе, онъ и называетъ ошибки просто ошибками; я съ своей стороны долженъ ограничиться замѣчаніемъ, что встрѣчающіяся на картѣ названія очень часто несогласны съ названіями, находящимися въ путевыхъ отчетахъ. Сначала я сталъ-было отгѣчать уклоненія; но ихъ набралось столько, что я былъ принужденъ отказаться отъ своего намѣренія. Само собою разумѣется, что я долженъ оставить здѣсь нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, на чью долю должна пасть отвѣтственность по этому предмету — на рисовальщика оригинала или на корректора, или, пожалуй, на текстъ самаго сочиненія.

Въ заключеніе, выскажу здѣсь въ краткихъ словахъ еще два три замѣчанія другаго рода, которыя представились мнѣ при самомъ употребленіи карты; но выскажу ихъ, конечно, съ тою осмотрительностью, которая обязательна вездѣ, гдѣ правильность воззрѣній не можетъ быть строго доказана. Первое замѣчаніе заключается въ скромномъ вопросѣ, не былъ-ли бы достаточенъ, для полнаго представленія всего матеріала, масштабъ на много, скажемъ вдвое, меньшій противъ употребленнаго, съ прибавленіемъ, если надобно, особеннаго картона въ большемъ масштабѣ для странъ болѣе населенныхъ и подробнѣе изслѣдованныхъ, каковы напримѣръ окрестности Байкала? Сколько было-бы чрезъ то сбережено труда при составленіи карты и на сколько она вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась-бы удобнѣе для употребленія! Потомъ я долженъ признаться, что, по причинѣ-ли своей индивидуальности, или только отъ недостатка въ упражненіи, никакъ не могу помириться съ манерою, избранною г. Шварцемъ для изображенія горныхъ очерковъ. Большею частію только при помощи водныхъ теченій удавалось мнѣ отличать возвышенности отъ низменностей, а это, кажется, не совсѣмъ такъ, какъ-бы слѣдовало быть.

Наконецъ я не могу не пожалѣть о томъ, что не имѣется особеннаго знака для астрономически-опредѣленныхъ точекъ. Подобно тому, какъ особеннымъ знакомъ отмѣчены на картѣ крѣпость, караулъ, станица, село и т. п., могли-бы быть наглядно обозначены и эти основныя для всей карты точки. При этомъ, конечно, весьма легко было бы отличить и широты отъ долготъ, а въ этихъ послѣднихъ — абсолютныя отъ относительныхъ. Однакоже это ведетъ уже къ тѣмъ желаніямъ и намѣреніямъ, которыя выразилъ самъ г. Шварцъ касательно своей общей карты (гл. 3, стр. 2), и которыя, къ сожалѣнію, какъ мы уже замѣтили выше, не могли быть исполнены. А въ томъ, что они совершенно выполнимы, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, равно какъ и въ томъ, что ихъ выполненіе принесло бы большую пользу.

Этимъ я заключаю свой разборъ, принявшій, можетъ быть, размѣры слишкомъ обширныя для ближайшей его цѣли. По мѣрѣ знанія и силъ моихъ, безо всякаго иного пристрастія кромѣ того, которое образуется невольно при углубленіи въ истинно-замѣчательное сочиненіе, я изложилъ требуемое отъ меня мнѣніе. Послѣ того едва-ли есть надобность въ особенномъ окончательномъ заключеніи, или же въ представленіи формальнаго приговора, и если я все-таки рѣшаюсь на это, то только для того, чтобы высказать одно желаніе, осуществленіе котораго я счелъ бы дѣйствительно полезнымъ для дѣла, достойнаго всякаго поощренія.

Мое окончательное заключеніе состоитъ въ слѣдующемъ. Если бы обѣ части, составляющія теперь одно цѣлое въ находящемся передъ нами сочиненіи, были представлены на обсужденіе Академіи отдѣльно, отъ лица двухъ различныхъ авторовъ, или хотя одного, но въ различное время, то, по моему искреннему убѣжденію, каждая изъ нихъ имѣла-бы полное право рассчитывать на высшую изъ наградъ, какія находятся въ распоряженіи Академіи. Въ самомъ дѣлѣ, каждая изъ этихъ частей составляетъ отдѣльное сочиненіе, столь богатое по содержанію, столь важное по своему научному значенію, столь достойное по исполненію, что не часто можетъ представляться случай произносить судъ явленіямъ высшаго или хотя-бы равнаго достоинства. А теперь обѣ эти части должны быть разсматриваемы въ совокупности, какъ одно цѣлое. Ровно 10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сибирская экспедиція, благодаря пожертвованіямъ просвѣщенныхъ русскихъ людей, начала свое обширное и полное трудовъ и лишеній дѣло. О заслугахъ, оказанныхъ ею отечеству и наукѣ, говорено нами съ должнымъ уваже-

ніемъ не въ одномъ мѣстѣ нашего разсужденія. Но есть одно обстоятельство, которое не можетъ быть оставлено безъ особеннаго вниманія, а именно, что уже въ настоящее время находится передъ нами въ вполнѣ обработанномъ видѣ отчетъ, если и не о цѣломъ предпріятіи, то по крайней мѣрѣ о самой существенной части: успѣхъ необыкновенный, важный самъ по себѣ, а можно надѣяться, еще болѣе важный, какъ ступень и надежное основаніе для дальнѣйшаго изслѣдованія! Не представляется-ли тутъ одно сравненіе, одно воспоминаніе, о которомъ, можетъ быть, полезно упомянуть, хотя оно и причиняетъ чувство боли. Что стало съ результатами трудовъ Вишневскаго, Федорова? Теперь-же передъ собою мы видимъ ученаго, который составляетъ планъ работъ и руководитъ ими на мѣстѣ ихъ производства, самъ лично принимая въ нихъ большое участіе, и сообщая свою ревность и усердіе каждому изъ своихъ сотрудниковъ; онъ беретъ на себя весь трудъ вычисленій, не оставляя его до тѣхъ поръ, пока не выполняетъ въ томъ совершенствѣ, которое онъ самъ поставилъ себѣ цѣлью; изъ издаваемыхъ и неизданныхъ источниковъ, изъ источниковъ, отчасти забытыхъ или еще ни кѣмъ затронутыхъ, собираетъ вполнѣ новый и неожиданно обширный матеріалъ, критически разсматривая его, и разрабатывая въ одно стройное цѣлое; наконецъ онъ лично чертитъ и самую карту, ведѣ и во всемъ далеко превышая всѣ справедливыя требованія и ожиданія.

Я не сомнѣваюсь заслужить себѣ право на признательность Академіи, указывая здѣсь на средство нѣсколько усилить выраженіе ея уваженія къ этому ученому. Положеніе о Демидовскихъ наградахъ допускаетъ подобное повышеніе посредствомъ доставленія средствъ на изданіе особенно-замѣчательныхъ сочиненій. Настоящій случай, хотя сочиненіе уже и напечатано, представляетъ все-таки возможность воспользоваться такимъ правомъ Академіи. Выше было упомянуто, что служащая для общаго обозрѣнія карта выполнена не въ томъ видѣ, въ какомъ предначерталъ ее г. Шварцъ; кромѣ того было указано и на важное замечаніе, какое получили-бы указатель существующихъ въ Сибири астрономическихъ опредѣленій мѣстъ, если-бы за новую обработку его взялся самъ г. Шварцъ. Не признаетъ-ли Академія умѣстнымъ присвоить себѣ нѣкоторую долю того блеска, который разливается отъ подобныхъ трудовъ на всѣхъ участниковъ экспедиціи и на всю русскую географію, оклавъ, независимо отъ признанія достоинства трудовъ г. Шварца, съ своей стороны содѣйствіе къ дальнѣйшему ихъ развитію.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи Г. ТАРНОВСКАГО:

„РАСПОЗНАВАНІЕ ВЕНЕРИЧЕСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ У ЖЕНЩИНЪ И ДѢТЕЙ“. Спб. 1863.

Доктора Ф. И. Вейсса.

О причинѣ появленія этого сочиненія можно узнать, изъ предисловія къ нему, слѣдующее. Большое распространеніе сифилиса между Башкирами и Мещеряками обратило на себя, въ 1850 году, вниманіе правительства и побудило его употребить необходимыя мѣры къ остановленію дальнѣйшаго распространенія этой заразы. Съ этою цѣлью въ эти мѣста были отправлены врачи и фельдшера, что однакожъ не оказало ожидаемаго успѣха, такъ какъ упомянутыя племена исповѣдуютъ магометанство, по которому женщина не можетъ обнажать своего тѣла ни передъ кѣмъ, кромѣ мужа. По этой причинѣ, наружный осмотръ посланными медицинскими лицами не могъ имѣть здѣсь мѣста. Нѣсколько лѣтъ послѣ того тогдашнему Начальнику Оренбургскаго края пришла счастливая мысль обратиться къ Военному Министру съ просьбой, чтобъ женщинамъ, готовящимся въ С.-Петербургѣ въ повивальныя бабки, на счетъ этихъ племенъ, былъ бы доставленъ доступъ въ Калининскую Больницу (для зараженныхъ сифилисомъ женщинъ), для ознакомленія ихъ тамъ съ женскими и дѣтскими сифилитическими болѣзнями, подъ руководствомъ врачей. Эта просьба была исполнена и автору предлагающаго сочиненія, состоящему въ вышеупомянутой больницѣ ординаторомъ, было поручено обученіе этихъ бабокъ. Послѣ трехлѣтнихъ занятій симъ дѣломъ, онъ рѣшился изложить добытыя имъ свѣдѣнія, въ настоящемъ діагностическомъ руководствѣ, назначенномъ для повивальныхъ бабокъ.

Общее содержаніе сочиненія слѣдующее: въ краткомъ введеніи 1—6) авторъ говоритъ о томъ, какъ недостаточно, для распознаванія сифилитическихъ болѣзней, придерживаться однихъ наружныхъ явленій, такъ какъ эти явленія могутъ быть вызываемы и другими во все не сифилитическими болѣзнями, что въ особенности относится къ часто встрѣчающимся кожнымъ сыпямъ. Окончательное рѣшеніе можетъ здѣсь дать только сравнительная діагностика, при чемъ вниманіе должно быть обращено на одновременно показывающіяся другія сифилитическія явленія, равно какъ и на послѣдовательность появляющихся симптомовъ. Далѣе, основательно указывается, что въ діагностикѣ сифилитическихъ болѣзней, если довольствоваться руководствомъ однихъ описаній, встрѣчаются большія трудности, даже и въ томъ случаѣ, когда при этихъ описаніяхъ приложены рисунки. Только непосредственнымъ наблюденіемъ можетъ быть устранена неопредѣленность. Изъ этого признанія автора вытекаетъ, что его сочиненіе можетъ принести пользу собственно только такимъ повивальнымъ бабкамъ, которыя изучали вышесказанныя болѣзненные явленія или подъ его руководствомъ, или гдѣ-либо при посредствѣ собственныхъ наблюденій. Оно будетъ для нихъ только памятной книгой того, что онѣ прежде видали. Напротивъ, другія повивальныя бабки извлекутъ изъ этой книги только очень недостаточныя для себя указанія къ распознаванію сифилитическихъ недуговъ, если не будутъ изучать ихъ иначе, — въ чемъ сильно слѣдуетъ сомнѣваться. Онѣ вѣроятно предпочли бы руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ только рисунками.

Послѣ этого введенія, на слѣдующихъ двадцати страницахъ, идетъ рѣчь о тѣхъ болѣзняхъ женскихъ половыхъ органовъ, которыя, хотя и происходятъ вслѣдствіе нечистоплотнаго совокупленія, однако никогда не производятъ настоящаго сифилиса. Сюда относятся перелойныя бѣлы и остроконечные кондиломы. Далѣе, авторъ говоритъ о настоящемъ сифилисѣ, и на 150 страницахъ (стр. 31 — 181) описываетъ различныя мѣстныя явленія, которыми онъ обнаруживается; при этомъ онъ постоянно указываетъ на сходныя явленія не сифилитическаго свойства. Въ заключеніе (отъ стр. 181 до 225) онъ описываетъ сифилитическія формы болѣзни у кормилицъ и новорожденныхъ дѣтей и оканчиваетъ свою книгу указаніями, какъ производить освидѣтельствованіе зараженныхъ сифилисомъ женщинъ помощію маточнаго зеркала (стр. 225—260).

Это сочиненіе, написанное понятнымъ для повивальныхъ ба-

богъ языкомъ, не содержитъ въ себѣ ничего новаго, но представляетъ только сопоставленіе извѣстныхъ уже ученій сифилидологів и потому не имѣетъ, собственно говоря, научнаго значенія, на которое и самъ авторъ, въ скромности, не имѣетъ притязанія. Поэтому, хотя онъ съ намѣреніемъ и отстраняется отъ всѣхъ ученыхъ споровъ, однако все-таки у него, между прочимъ, встрѣчаются кое-гдѣ такія сужденія, которыя не могутъ быть предложены повивальнымъ бабкамъ, какъ окончательно установленныя; таково на-примѣръ, мнѣніе, будто-бы сифилисъ можетъ быть сообщаемъ матерямъ или кормилицами груднымъ дѣтямъ чрезъ одно сосаніе молока, или, будто муцина, пораженный общимъ сифилисомъ, можетъ произвести сифилитическаго ребенка, не заразивъ притомъ женщины. Эти положенія относятся къ спорнымъ вопросамъ сифилидологів и требуютъ еще многихъ точныхъ наблюденій для того, чтобъ быть принятыми за факты, имѣющіе твердое основаніе. Вѣсто того желательно было-бы, чтобы авторъ обратилъ вниманіе повивальныхъ бабокъ на опасность, которой подвергають грудныхъ дѣтей при прививаніи имъ оспы лимфой, взятой отъ сифилитическихъ дѣтей. При этомъ должно замѣтить, что всего менѣе подлежатъ кругу дѣйствія повивальныхъ бабокъ разборъ такихъ случаевъ, въ которыхъ вина зараженія должна быть приписана матери, кормилицѣ или ребенку (отъ стр. 207 до 215). Эти, разобранныя въ книгѣ г. Тарновскаго, обстоятельства, бывають часто столь сомнительнаго свойства, что даже опытные врачи при ихъ обсужденіи встрѣчаютъ огромныя трудности; такъ, между прочимъ, бывало, что, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о вознагражденіи убытковъ при предполагаемомъ зараженіи кормилицы отъ груднаго ребенка, врачи признавали необходимымъ прибѣгать къ судебно-медицинскому рѣшенію.

Приложенные къ сочиненію рисунки — хотя нѣкоторые изъ нихъ и слишкомъ ярко раскрашены — представляютъ, по большей части очень наглядно, картину описываемыхъ явленій; они не заимствованы изъ другихъ сочиненій, но всѣ срисованы съ больныхъ субъектовъ, которыхъ пользовалъ авторъ. Помѣщенные въ текстѣ полнотипажни отчасти излишни, потому что каждая повивальная бабка должна знать изображенныя тамъ предметы изъ курса своего ученія, отчасти-же совершенно негодны къ употребленію, какъ, на-примѣръ, фигуры 1, 2, 5 и 7, гдѣ должно было бы ясно представить анатомическое положеніе органовъ, лежащихъ болѣе внутри.

Просматривая Положеніе о Демядовскихъ наградахъ, я не могъ найти параграфа, основываясь на которомъ, можно бы было присудить г. Тарновскому, за его книгу, премію. Только пунктъ 1-й параграфа 10-го могъ-бы нѣкоторымъ образомъ быть истолкованъ въ его пользу. Тамъ сказано: «Оригинальныя творенія по всѣмъ отъ «раслямъ человѣческихъ знаній, какъ и приложенія оныхъ къ «пользамъ общественнымъ». Если, разсмотрѣвную мною книгу, по вышеизложенному, и нельзя назвать оригинальнымъ твореніемъ, то, во всякомъ случаѣ, въ сифилодологической литературѣ, на сколько мнѣ извѣстно, какъ въ русской, такъ и иностранной, не существуетъ такого діагностическаго руководства сифилитическихъ болѣзней, составленнаго исключительно для повивальныхъ бабокъ. При томъ же, какъ уже было выше замѣчено, рисунки г. Тарновскаго суть не копія, а оригиналы. Что касается до общественной пользы, которая могла бы протекать изъ этого сочиненія при надлежащемъ пользованіи имъ, то она можетъ быть, во всякомъ случаѣ, очень ограничена, такъ какъ повивальныя бабки не имѣютъ права предпринимать врачебное пользованіе сифилитическихъ недуговъ. Съ другой стороны, онѣ могутъ, по распознаніи этихъ болѣзней, произвестъ тотчасъ же разлученіе здоровыхъ индивидуумовъ отъ зараженныхъ, до подавнія врачебной помощи, и тѣмъ самымъ принести большую услугу общественному здравію.

Въ случаѣ, если бы Академія Наукъ, послѣ настоящаго отзыва объ этомъ сочиненіи, затруднилась присудить автору половинную премію, то, во всякомъ случаѣ, за свой усердный трудъ онъ заслуживалъ бы почетный отзывъ.

ОТЗЫВЪ

Акад. А. К. Наука и д-ра Р. Фойгта

О СОЧИНЕНІИ

Н. М. БЛАГОВѢЩЕНСКАГО: „ГОРАЦІЙ И ЕГО ВРЕМЯ“.

Спб. 1864.

Разсматриваемая нами книга состоитъ изъ многихъ, первоначально отдѣльно изданныхъ статей, которыя авторъ обработалъ, дополнилъ и соединилъ въ одно цѣлое. Главное содержаніе ея — поэты Гораций, который, по словамъ предисловія, долженъ быть представленъ здѣсь, какъ политическій дѣятель, какъ человекъ и какъ писатель. При случаѣ говорится, болѣе или менѣе подробно, и о нѣкоторыхъ современникамъ поэта, именно о Виргиліи, Мэценатѣ, Августѣ и многихъ мало знакомыхъ литературныхъ личностяхъ; при этомъ мы находимъ многочисленныя разсужденія о политическомъ, нравственномъ и литературномъ состояніи Рима въ вѣкъ Августа, о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и учрежденіяхъ Рима (какъ о кліенствѣ и апофеозѣ), и тому подобномъ. Авторъ имѣетъ въ виду не одинъ какой-либо классъ читателей; съ одной стороны, онъ желаетъ возбудить интересъ въ массѣ образованныхъ читателей въ вопросахъ о римской древности, съ другой — ближе познакомить молодыхъ людей, окончившихъ гимназическій или университетскій курсъ, съ сочиненіями и особенностями Горация; наконецъ онъ надѣется, что его книга будетъ полезна учителямъ латинскаго языка, а именно тѣмъ, въ нихъ, которые находятся въ отдаленныхъ провинціяхъ и не слишкомъ богато снабжены литературными пособиями. Цѣль книги, другими словами, состоитъ не

столько въ томъ, чтобъ выработать и сообщить новые результаты самостоятельныхъ изысканій, сколько въ томъ, чтобъ соединить, въ краткомъ очеркѣ и легкой, для чтенія, формѣ, тѣ свѣдѣнія о жизни и характерѣ Горація и другихъ личностей Августова вѣка, которыя были добыты соединенными трудами многихъ и разсѣяны въ различныхъ мѣстахъ, и сдѣлать все это доступнымъ болѣе обширному кругу читателей.

Авторъ — восторженный почитатель Августова вѣка, который, безъ сомнѣнія, представляетъ эпоху высшаго развитія римской поэзіи, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ вѣкѣ явились удивительныя сочиненія, не утратившіе досегдѣ своей цѣны. Ему хорошо знакома обширная литература о Гораціи; гдѣ встрѣчаются разнорѣчивыя мнѣнія, онъ умѣетъ, вообще, разумнымъ обсужденіемъ, избирать вѣрное. Если при этомъ принять во вниманіе легкость и пріятность изложенія, то нельзя не согласиться, что книга г. Благовѣщенскаго выполняетъ главнѣйшія условія для того, чтобъ привлекать и научать образованную публику. Можетъ быть было бы лучше, если бы авторъ воздержался отъ своей склонности къ отступленіямъ, общимъ мѣстамъ и разсужденіямъ; еще важнѣе было бы избѣгнуть риторическихъ преувеличеній и неясности въ выраженіяхъ. Наконецъ педагогическое значеніе этого труда уменьшается тѣмъ, что авторъ иногда выставляетъ недоказанныя положенія и часто отступаетъ отъ той филологической строгости и точности, которую можно требовать отъ ученаго спеціалиста.

Содержаніе книги расположено въ слѣдующемъ порядкѣ: Предпосланное введеніе (стр. 1—16) направлено противъ разныхъ нападокъ, которымъ подвергался Горацій въ новѣйшее время; при этомъ указываются главнѣйшіе источники и вспомогательныя средства для изученія поэта. Затѣмъ слѣдуютъ семь главъ, которыхъ приблизительное содержаніе можно видѣть въ концѣ книги, въ оглавленіи (стр. 225—226). Уже при просмотрѣ этого оглавленія, равно какъ и при чтеніи книги, замѣчаешь, что авторъ поступалъ вообще нѣсколько произвольно: онъ не исчерпалъ вполне темы и не приложилъ старанія къ соблюденію строго-систематическаго порядка въ изложеніи. Нѣкоторые вопросы, представляющіе незначительный интересъ и важность для характеристики Горація, какъ поэта (напр. о греческихъ студіяхъ поэта, о высказанныхъ имъ принципахъ въ *Epistola ad Pisones*, о стилистическомъ искусствѣ и о метрическихъ особенностяхъ Горація), оставлены совершенно нетронутыми. Сколь мало содержаніе проникнуто единствомъ мысли видно уже изъ того,

что въ предпоследней главѣ идетъ рѣчь о помѣстїи Горація, а въ послѣдней — о литературныхъ партїяхъ въ Римѣ. Вообще въ книгѣ встрѣчается болѣе афоризмовъ и отступленій, нежели должно было бы быть въ отдѣльномъ стройномъ сочиненїи, чему, можетъ быть, значительно содѣйствовало то обстоятельство, что книга составилась изъ ряда отдѣльныхъ журнальныхъ статей.

О личности Горація авторъ судитъ мѣстами черезъ чуръ пристрастно. Называть Горація «геніальнымъ» — явное преувеличеніе; между тѣмъ мы то и дѣло встрѣчаемъ этотъ эпитетъ: «человѣкъ геніальный», стр. 9; «отецъ римскаго поэта.... все время посвящалъ надзору за воспитаніемъ своего геніальнаго сына» стр. 18-я; «.... отношеніе римскаго вельможи къ геніальному его кліенту» стр. 82; «.... удивленіе къ геніальности Горація» стр. 121 и проч. Расчитанное искусство, выработанность вкуса и тонкое чувство формы — вотъ отличительныя черты Горація; но нигдѣ мы не находимъ въ стихахъ его проявленія гениа, который творитъ инстинктивно. Размышленію и критикѣ Гораціи обязанъ всѣмъ, что онъ произвелъ. Поэтому Бернгарди, въ своемъ сочиненїи *Grundriss der röm. Litt.* p. 556 говорить весьма основательно: «ohne genial oder produktiv zu sein, war Horaz der Gipfel der Augustischen Dichtergruppe und ihr reinstes Organ». Но г. Благовѣщенскій ни гдѣ не приводитъ и не пытается привести доказательства геніальности Горація.

Столь же мало можемъ мы допустить, чтобы Гораціи, какъ человѣкъ, былъ одною изъ благороднѣйшихъ личностей древняго міра (стр. 187), или чтобы онъ, въ нравственномъ отношенїи, стоялъ выше Демосеена и Цицерона (стр. 7). Вообще, очень неловокъ прїемъ — сравнивать, въ нравственномъ отношенїи, личности, жившія при весьма различныхъ обстоятельствахъ. Если бы мы и захотѣли сдѣлать такого рода сравненіе, то никто не даетъ намъ права принять, что Гораціи, если бы онъ жилъ во время паденія греческой свободы въ Аѳинахъ, показалъ бы такой нравственный пафосъ, какъ мы видимъ у Демосеена. И такъ, для утвержденія, что Гораціи принадлежитъ къ благороднѣйшимъ личностямъ древняго міра, мы не находимъ доказательствъ. Слова автора: «намъ особенно въ Гораціи нравится то, что слова у него никогда не были въ разладѣ съ жизнью» очень мало значатъ. Истинно благородными могутъ почитаться только такіе люди, которыхъ вся жизнь была посвящена осуществленію нравственной идеи. Нравственной идеи, для которой жилъ Гораціи, авторъ не указываетъ. Между тѣмъ онъ расточаетъ

ему очень краснорѣчивую, но, къ сожалѣнію, не вполне понятную похвалу, въ слѣдующемъ мѣстѣ (стр. 189): «Горацій приближается къ тому возвышенному идеалу, съ которымъ мы соединяемъ мысль о всемъ благородномъ и прекрасномъ, что только выработала жизнь новыхъ народовъ. Этотъ идеалъ, называемый *эпохемэмаж*, созданъ, конечно, при многихъ условіяхъ, которыхъ не знала классическая древность, но она же положила первое ему основаніе. Горацій болѣе, чѣмъ многіе другіе писатели древности, носитъ въ своей прекрасной личности отблески этого идеала и отвѣчаетъ названію европейца». Такъ какъ автору не угодно было ближе высказаться касательно европеизма Горація, то мы по неволѣ остаемся въ невѣдѣніи того, что желалъ онъ сказать этими словами.

Авторъ иногда умаляетъ нравственное достоинство Горація. Такъ на-примѣръ на страницѣ 89-й, гдѣ рѣчь идетъ о Гермогенѣ Тегелліи, сказано: Это былъ извѣстный римскій виртуозъ, который положилъ на музыку стихотворенія Катуты и нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ. Гермогенъ не сдѣлалъ этого въ отношеніи къ одамъ Горація и это, вѣроятно, было главною причиною того, что они постоянно находились между собою въ непріятныхъ отношеніяхъ». На стр. 197, допускается возможность, что нерасположеніе Горація къ Луцилію происходило отъ литературной зависти. Мы, съ своей стороны, не находимъ въ характерѣ Горація ни налѣйшаго повода допускать въ немъ столь мелочныя побужденія.

Такъ какъ авторъ въ оцѣнкѣ своей преувеличиваетъ поэтическій талантъ Горація, то и приписываетъ его стихотвореніямъ такое распространеніе и дѣйствіе, которыя трудно доказать. Смотря стр. 52: «Всѣ эти стихотворенія, разумѣется, должны были обратить общее вниманіе на Горація. Въ Римѣ начались толки о новомъ поэтѣ, который такъ изящно и сильно заговорилъ языкомъ, дотогѣ не слышаннымъ, и притомъ выразившимъ мнѣніе большинства римскаго народа». Также на стр. 11, говорится, что стихотворенія Горація, по ихъ появленіи, распространялись въ массѣ народа». Горацій и его собраты по искусству писали главнымъ образомъ не для массы народа, но для тѣснаго круга образованныхъ и знатныхъ людей. Паденіе республиканскаго строя у римскаго народа, который до тѣхъ поръ былъ преданъ почти исключительно политической дѣятельности, должно было оказать рѣшительное вліяніе на преобразование состоянія литературы. Салоны богатыхъ и образованныхъ людей открылись для поэтовъ, которые, съ того времени, уже не добивались популярности, но создали поэзію изящ-

ную, которая, по неизвѣстному дотогѣ совершенству формъ, тщательности отдѣлки и въ особенности по ученому своему направленію, получила свой исключительный характеръ. Только постепенно эти подражатели александрійской поэзіи могли дѣйствовать на болѣе обширный кругъ читателей. Ранѣе всѣхъ сдѣлался популяренъ Вергилій; Гораций же никогда не добивался расположенія къ себѣ массы; онъ говоритъ о себѣ: «non ego ventosae plebis suffragia veno» и даетъ совѣтъ другимъ «neque te ut miretur turba labores, contentus paucis lectoribus». Поэтому мы должны считать ошибочными слѣдующія слова г. Благовѣщенскаго (на стр. 92): «Гораций былъ самымъ блестящимъ и едва-ли не воинственнымъ представителемъ *натуральной* школы въ римской поэзіи».

Отношенія Горация къ Меценату авторъ считаетъ, кажется, болѣе интимными, чѣмъ это доказано и чѣмъ вѣроятно. «Онъ (Гораций) все рѣже и рѣже разставался съ своею скромною виллою и ужъ не могъ быть по-прежнему ежедневнымъ гостемъ Мецената» (стр. 94). Было-ли, въ самомъ дѣлѣ, время, когда Гораций былъ ежедневнымъ гостемъ Мецената? По своеобразности поэта, который въ наслажденіи природою и въ обществѣ немногихъ друзей находилъ полнѣйшее удовлетвореніе, мы врядъ-ли можемъ представить себѣ такое независимое положеніе. На сколько мы знаемъ Горация, собственная независимость была ему дороже всего, что могъ ему доставить Меценатъ. Поэтому мы не можемъ также согласиться съ авторомъ, когда онъ утверждаетъ (на стр. 102), что вообще Гораций является типомъ римскаго клиента, въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова». Хотя, можетъ быть, въ основаніи этого утвержденія и находится нѣкоторая доля правды, однако, въ этой общей и неопредѣленной формѣ, оно не имѣетъ значенія.

Подобныя неточныя и недостаточно обдуманныя выраженія мы встрѣчаемъ также и въ другихъ мѣстахъ. «Любовь къ деревенскому быту Гораций раздѣлялъ со всѣми своими соотечественниками, и потому эта черта не составляетъ такой-нибудь особенности въ его характерѣ» (стр. 174). Влеченіе къ тишинѣ и идилическому спокойствію возбуждается въ особенности тамъ, гдѣ шумъ и разнообразныя неудобства города дѣйствуютъ изнурительно и расслабляюще; еще болѣе становится понятнымъ мечтательное влеченіе къ сельской жизни тогда, когда замерла политическая жизнь. Не смотря на то, вѣроятно, во времена Горация было много и такихъ Римлянъ, которые чувствовали себя совершенно хорошо

только въ городѣ, подобно управителю, къ которому Гораций въ посланіи 1, 14, 10 обращается съ словами: «*tuta ego viventem, tu dicis in urbe beatum*»; поэтому склонность или страсть, которую Гораций ряздѣляетъ со многими современниками, не перестаетъ быть для него характеристической. Авторъ, кажется впадаетъ въ противовѣчіе съ самимъ собой, говоря объ упомянутомъ посланіи (стр. 180), что оно «не столько замѣчательно въ литературномъ отношеніи, сколько по чувству, которымъ оно вызвано» — гдѣ, впрочемъ, выраженіе «въ литературномъ отношеніи» требуетъ разъясненія.—Странно говорится на стр. 68-й, что «почти все римское народонаселеніе состояло изъ кліентовъ, которые съ раняго утра обходили своихъ патроновъ, дежурили у нихъ въ приемныхъ залахъ»; читателю представляется здѣсь вопросъ, въ чьихъ-же приемныхъ торчали кліенты, если въ Римѣ были почти одни только кліенты? — На стр. 151, сказано о положеніи римскаго народа во времена императоровъ: «положеніе его было печально и безвыходно; но эта безвыходность ни сколько не была историческая и нравственная». Мы не увѣрены, что угадаемъ мысль автора, если положимъ, что онъ хотѣлъ сказать этимъ, что римскій народъ находился въ безутѣшномъ положеніи не вслѣдствіе вѣдшихъ несчастій, но вслѣдствіе своего нравственнаго паденія. Приведенное мѣсто, во всякомъ случаѣ, страдаетъ неясностью. На стр. 27 весьма странно опредѣленъ Сатурновъ стихъ: «Сатурновъ стихъ вначалѣ не имѣлъ опредѣленнаго рима и не подчинялся никакимъ законамъ метрики: онъ представлялъ произвольное сочетаніе долгихъ слоговъ съ короткими». Если-бы это опредѣленіе было правильно, то ни поэзіи ни прозѣ не было бы ничего, чего нельзя было бы не принять за *versus Saturnius*.

Переходимъ къ другому недостатку сочиненія г. Благовѣщенскаго — къ недостатку филологической точности. Это видно отчасти въ переводахъ выписокъ изъ Горация, приводимыхъ авторомъ. Такъ изъ 9-й сатиры, первой книги, стр. 88-й и слѣд. стихъ 3-й «*suaviter, ut nunc est*», переведено *до сихъ поръ* хорошо; «*vicos, urbem laudaret*» стихъ 13-й, хвалилъ то *отдѣльные дома*, то *цѣлый городъ*. Quo, въ стихѣ 16-мъ, не во просительное, но относительное. Авторъ слѣдуетъ давно оставленной разстановкѣ знаковъ препинанія. Стихъ 35-й *quarta iam parte diei praeterita* не означаетъ «было уже больше четырехъ часовъ». Посланіе I, 7, на стр. 95-й и слѣд. стихъ 26-й «*reddes forte latus*» = «возврати мнѣ здоровье» не точно. Въ стихѣ 32, ш-

stela = хорекъ, а правильнѣе надо было сказать «лисица». Слова «temperiem laudes» Послание I, 16, 8 заключаетъ въ себѣ менѣе того, что авторъ въ нихъ находитъ, стр. 183; «ты бы пришелъ въ восторгъ отъ умѣренности здѣшняго климата», и потомъ въ словахъ «вода дѣлительна для моей больной головы и для желудка», слово «моей» есть ничѣмъ неоправдываемая вставка.

Также въ объясненіяхъ не вездѣ удовлетворены требованія строгой точности. На стр. 59 извѣстная эпиграмма:

«Mantua me genuit, Calabri rapuere, tenet nunc

Parthenope: cecini pascuа, rura, duces.»

по словамъ автора «очень вѣрно указываетъ не только на главные моменты въ жизни поэта, но и на его политическія стремленія». — Мы не можемъ принять съ такою увѣренностью, какъ это дѣлаетъ авторъ на стр. 49, что подъ *divites insulae* Ног. Ерод. 16, 42 должно разумѣть Каварскіе Острова. Чудесную страну, о которой говоритъ поэтъ, точно также, какъ историкамъ еще не удалось опредѣлить *когда* былъ Золотой вѣкъ, географы еще не открыли.

Нельзя не удивляться, что извѣстное *octonis idibus* (сатира 1, 6, 75) переведено «въ каждыя *восьмья* иды» (стр. 20); здѣсь мы находимъ еще примѣчаніе: «Обыкновенное объясненіе гораціева выраженія *idus octonae* состоитъ въ томъ, что между идами и нонами считалось восемь дней. Горацій, говорятъ, назвалъ иды восьмьюми потому, что восемь дней, слѣдовавшихъ за нонами, причислялись въ каждомъ мѣсяцѣ къ идамъ. Едва-ли, впрочемъ, Горацій имѣлъ здѣсь въ виду такую вполне-излишнюю точность при опредѣленіи времени, въ которое везузинскіе школьники выплачивали жалованье своимъ учителямъ. По мнѣнію К. Фр. Германа, иды называются здѣсь восьмьюми потому, что элементарныя школы открыты были въ Италіи только въ продолженіе восьми мѣсяцевъ». Старое объясненіе могло быть обойдено молчаніемъ; противъ него должно было сказать не то, что здѣсь не было основанія къ столь точному способу означенія, но что это объясненіе страдаетъ многими нелѣпостями. Прежде всего *idus octonae* не можетъ означать, что между идами и нонами считалось восемь дней; иды по римскому счисленію приходятся не восьмью, но девятью днями позже *нонъ*; далѣе было бы странно, послѣ того, какъ опредѣляли ноны по идамъ, опять на-оборотъ опредѣлять иды по нонамъ. Наконецъ *octonis* было бы совершенно безцѣльное прибавленіе. Правильность объясненія К. Фр. Германа давно всѣми признана:

idus octonae означают не *восьмья* иды, но *каждыя* *восемь* иды учебного года.

На стр. 54 Сервій названъ лучшимъ изъ древнихъ схолиастовъ Виргилія. Но комментаріи Сервія представляютъ собою только конгломератъ замѣчаній различныхъ авторовъ, различныхъ временъ и весьма неодинаковаго достоинства. — Сады Цесаря не находились въ отдаленной части города, какъ говорится на стр. 88, но внѣ города. См. Becker Handbuch der röm. Alterth. I. p. 657.

Еще удивительнѣе такихъ промаховъ хронологическая ошибка на стр. 133. Авторъ говоритъ, что Горацію, который прежде былъ ревностнымъ республиканцемъ, не легко было помириться съ монархіей — или, по обыкновенному выраженію автора, съ политической реформой. Ему пришлось вынести тяжелую внутреннюю борьбу, прежде нежели онъ дошелъ до спокойнаго настроенія. Авторъ находитъ выраженіе такой борьбы въ посланіи I, 8, между тѣмъ какъ сатира II, 6 представляетъ, по его мнѣнію, примиренное настроеніе, которое было обусловлено выработкою новыхъ убѣжденій. Но, по господствующему мнѣнію, сатира II, 6 написана въ 723 г., между тѣмъ какъ посланіе I, 8 въ 734 г. Если бы даже эти опредѣленія времени были не совсѣмъ достовѣрны, то по крайней мѣрѣ не можетъ существовать сомнѣнія въ томъ, что посланіе къ Цельсу написано позже сатиры II, 6. Скука, которая высказывается въ посланіи I, 8, имѣетъ, слѣдовательно не тѣ причины, какія полагаетъ авторъ.

На извѣстное напоминаніе Горація *vos exemplaria Graeca posturna versate manu, versate diurna* авторъ не обратилъ должнаго вниманія. По меньшей мѣрѣ, удивительно, что немногія греческія слова, встрѣчающіяся въ книгѣ, обезображены поразительною не-правильностью: на стр. 78, въ примѣчаніи 22 находятся четыре греческія слова съ тремя ошибками, въ примѣчаніи 23 — пять словъ, изъ которыхъ только въ одномъ поставленъ правильно знакъ ударенія.

Особенно желательно было бы видѣть, въ послѣдней главѣ, посвященной литературнымъ партиямъ въ Римѣ, болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса о томъ, въ какой степени греческіе писатели имѣли вліяніе на поэтовъ временъ Августа. Авторъ желаетъ здѣсь доказать, что контрастъ между патриціями и плебеями рано отразился въ литературѣ. Онъ указываетъ на *Annales* *maximi*, которые были въ духѣ патриціевъ, и на народныя пѣсни, писанныя для прославленія дѣлъ плебеевъ (ковечно не приводя до-

статочныхъ доказательствъ того, что плебеи были воспѣты въ древнихъ народныхъ пѣсняхъ). Затѣмъ онъ напоминаетъ объ Эннии, по образу мыслей—приверженца патриціевъ, и о Невии—приверженцѣ плебеевъ, при чемъ слѣдовало бы доказать, что оба эти поэта сдѣлались органами политическихъ партій. Позднѣе явилась подобная противоположность и между почитателями стараго истинно-римскаго и вводителами греческой новизны. Эта противоположность, особенно выступающая въ августовомъ вѣкѣ, въ главныхъ чертахъ представлена наглядно; но мы желали бы только, чтобы авторъ рельефнѣе обрисовалъ особенности поэтовъ временъ Августа болѣе рѣзкими чертами, и чтобы было имъ указано, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, на ихъ зависимость отъ греческихъ образцовъ.

Несмотря на приведенные недостатки, книга г. Благовѣщенскаго есть трудъ достойный уваженія. Желаніе ближе ознакомить образованную публику съ римскою древностью, обширное знакомство съ новѣйшею литературою предмета, болѣею частью вѣрность сужденій, ловкость и плавность изложенія—всѣ эти качества, взятые вмѣстѣ, по нашему мнѣнію, вполне оправдывали бы присужденіе этому сочиненію поощрительной преміи.

*

РАЗБОРЪ РУКОПИСНАГО СОЧИНЕНІЯ

Магистра ФР. ШМИДТА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„REISEN IM AMUR-LANDE UND AUF DER INSEL SACHALIN, BOTANISCHER THEIL,“

составленный Акад. К. И. Максимовичемъ.

Подлежащее нашему разбору сочиненіе распадается, кромѣ вступленія, на двѣ неравныя части: 1) на *Florula Amurino-Burejensis* и 2) на *Flora Sachalinensis*, гораздо бѣльшаго объема чѣмъ первая.

Приступимъ къ краткому изложенію содержанія этихъ трехъ отдѣловъ, заключая каждый нашими замѣчаніями.

Въ *введеніи* авторъ сообщаетъ, что въ началѣ 1859 г. Географическое Общество поручило ему начальство надъ физическимъ отдѣломъ большой восточно-сибирской экспедиціи, съ главною цѣлью геологическихъ изслѣдованій въ Амурскомъ краѣ и на остр. Сахалинѣ. Но весьма интересуюсь и растительностью этихъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что путь часто пролегалъ по пространствамъ, ботанически еще совершенно неизвѣстнымъ, онъ постоянно обращалъ на флору особенное вниманіе. Обработка нѣкоторыхъ семействъ для моей *Primitiae fl. Amurensis* *) еще болѣе подготовила его къ этому; а работы помощника его, г. Глена, который, занимаясь болѣею частью отдѣльно отъ него, собралъ значительныя ботаническія коллекціи, и сдѣлалъ много важныхъ наблюденій, въ соединеніи съ собственными трудами автора, доставили ему обширный матеріалъ.

Ходъ путешествія вкратцѣ слѣдующій:

Іюль 1859 авторъ употребилъ на то, чтобы познакомиться съ окрестностями Нерчинска и большой части Дауріи. Въ августѣ и сен-

*) Изданіе Академіи. 1859.

тябрѣ онъ спустился по Шилкѣ и Амуру до устья Усури; а къ зимѣ возвратился въ Благовѣщенскъ. Весною 1860 г. онъ вторично спустился по Амуру, уже до самаго Николаевска, прибылъ туда въ маѣ, вскорѣ отправился на о. Сахалинъ, и объѣхалъ лѣтомъ большую часть его западнаго берега. Зиму онъ провелъ съ февраля 1861 г. въ Николаевскѣ, а въ маѣ прибылъ въ наши юго-маньчжурскіе порты на границѣ Кореи, гдѣ и остался на все лѣто. Въ сентябрѣ онъ отправился назадъ, берегомъ, къ озеру Ханкай, и по Усури и Амуру на зимовку въ Николаевскъ, дѣлая зимою краткія поѣздки на сѣверъ Сахалина и къ низовьямъ Амгуни. Въ маѣ 1862 г. онъ поднялся по Амгуни, перевалилъ чрезъ Бурейскій хребетъ, и спустился по Буреѣ до ея устья, куда прибылъ въ августѣ; отсюда поднялся до Благовѣщенска, и окончательно выѣхалъ въ Россію въ сентябрѣ, а въ началѣ 1863 г. прибылъ въ С. Петербургъ.

Товарищъ его г. Гленъ прибылъ на Амуръ въ маѣ 1860, спустился по немъ, и въ серединѣ іюля прибылъ въ Дуи на Сахалинѣ, гдѣ и остался до конца лѣта. Къ зимѣ оба путешественника вмѣстѣ возвратились въ Николаевскъ, откуда г. Гленъ еще зимою отправился на цѣлый 1861 годъ на Сахалинъ, обследовавъ въ это время часть сѣвернаго Сахалина и почти весь югъ его, а въ мартѣ 1862 г. воротился въ Николаевскъ. Кромѣ маленькой экскурсіи на гору Огоби, въ окрестностяхъ города, остальное лѣто 1862 г. было посвящено верхнему Амуру, гдѣ онъ въ сентябрѣ соединился съ г. Шмидтомъ, и оба вмѣстѣ выѣхали въ Россію.

Изъ этого хода путешествія ясно, что Сахалинъ, на который г. Гленъ употребилъ 2, а авторъ—1 сезонъ, далъ полнѣйшій матеріалъ для обработки; потомъ поѣздка г. Шмидта по Амгуни, Буреѣ и черезъ хребетъ доставила данныя для разработки единственной альпійской флоры, доселѣ извѣстной изъ Амурскаго края.

Обѣ флоры такимъ образомъ, хотя онѣ—плодъ одной экспедиціи, составляютъ два совершенно независимыхъ одно отъ другаго сочиненія.

Растенія же съ Амура потому не стоили самостоятельной разработки, что составляютъ только дополненіе къ описанной уже прежде флорѣ его; наконецъ, коллекцію изъ южныхъ портовъ авторъ охотно уступаетъ мнѣ, употребившему раньше его цѣлый сезонъ на обследованіе ихъ, для включенія въ мое новое сочиненіе объ Амурской флорѣ.

Авторъ дѣлаетъ замѣчанія о ботаническихъ находкахъ, и нѣкоторыя наблюденія, касающіяся мѣстъ, лежащихъ внѣ района двухъ слѣ-

дующихъ флоръ, и сообщаемыя какъ матеріалъ для моей Flora Mandshuriae Rossicae. По отрывочному ихъ характеру, они здѣсь выпускаются.

Введеніе заключается замѣткою о поразительной разницѣ климата на югѣ и на сѣверѣ Амура: 1 октября, близъ устья Усури еще собирались растенія, и комары еще надоѣдали путешественнику, а 8 дней спустя, въ Николаевскѣ, онъ нашелъ санную дорогу и полную зиму; только Амуръ еще не покрылся льдомъ.

Такимъ образомъ эта ботаническая часть экспедиціи не обнимаетъ всѣхъ собранныхъ матеріаловъ, и это обстоятельство можно было бы поставить ей въ упрекъ.

Но я вполне согласенъ съ авторомъ — выбрать двѣ еще вовсе неизвѣстныя мѣстности, и, по совершенному несходству ихъ, описать каждую отдѣльно. Слить всѣ собранныя во время путешествія растенія въ одно сочиненіе никто бы не рѣшился, потому что Сахалинъ, по крайней мѣрѣ, составляетъ одно цѣлое достаточной величины, чтобы имѣть свою особенную флору; взять же *всѣ* Амурскія растенія вмѣсто однихъ Амгуно-Бурейскихъ — значило бы написать только дополненіе къ моей флорѣ Амура, за которымъ вскорѣ послѣдовало бы другое, основанное на моихъ собственныхъ матеріалахъ, и въ которомъ изгладились бы всѣ черты, которыя нынѣ придаютъ Амгуно-Бурейской флорѣ г. Шиндта совершенно своеобразный альпійскій характеръ.

Наконецъ, всякій свѣдущій въ дѣлѣ согласится съ авторомъ, что остальные его коллекціи лучше оставить нетронутыми, впредь до изданія полнаго свода всѣхъ имѣющихся нынѣ матеріаловъ къ Флорѣ Русской Манджуріи, куда вошли бы и онѣ, чѣмъ издать ихъ нынѣ, гдѣ онѣ были бы только неполнымъ отрывкомъ большаго цѣлага. Составитель же этой флоры съ благодарностью приметъ ихъ, равно какъ и многочисленныя наблюденія собирателей, какъ драгоценный матеріалъ къ пополненію и расширенію его собственныхъ наблюденій.

Florula Amguno-Burejensis, oder botanische Ausbeute auf einer Reise den Amgun herauf über das Bureja Gebirge und die Bureja hinab bis zum Amur.

Трудъ этотъ раздѣляется на общую и спеціальную часть. Такъ какъ послѣдняя, хотя и помѣщена послѣ, но написана прежде, и служить ей основаніемъ, то мы и займемся сперва ею.

Въ краткомъ введеніи къ ней авторъ самъ опредѣляетъ характеръ своего труда, называя его дополненіемъ къ моему флорѣ Амура; поэтому онъ ограничивается сличеніемъ своихъ растений съ описанными мною и съ растениями сосѣдней *Florula Ochotensis* Траутфеттера и Мейера, а гдѣ нужно *Flora Baicalensi-dahurica* Турчанинова, и *Florula Ajanensis* Регеля и Тилинга, рѣдко пускаясь въ дальнѣйшія изысканія или критическое сравненіе исчисляемыхъ имъ породъ съ формами странъ болѣе отдаленныхъ и т. д., и цитируя одну *Flora Amurensis*, а другія сочиненія только тамъ, гдѣ это неизбѣжно, для избѣжанія многихъ цитатъ. Почти всѣ поименованныя растения находятся въ музеѣ Академіи Наукъ; только весьма немногія породы не собраны вовсе, а опредѣлены уже въ дорогѣ и помѣщены здѣсь по журналамъ автора.

Въ специальной части мы находимъ поэтому одинъ перечень найденныхъ растений, съ ссылками на вышеприведенныя сочиненія, и ихъ мѣстонахожденій; только тамъ, гдѣ растение не совсѣмъ сходилось съ тою же породою изъ сосѣднихъ флоръ, или составляло новую вариацию, или наконецъ было еще вовсе не описано, слѣдуютъ болѣе или менѣе подробныя замѣчанія и описанія автора.

Изъ собранныхъ имъ 450 породъ совершенно новыхъ только 5; сверхъ того признаны новыми 4 породы, уже найденныя до него, но подведенныя доселѣ къ известнымъ породамъ какъ вариации. Эти 9 породъ суть слѣдующія (я подчеркнулъ найденныя еще прежде): *Sieversia silenifolia* Fisch. mscr., *Ribes burejensis*, *Crepis burejensis*, *Scrophularia amgunensis*, *Carex pseudo-curauca*, *C. amgunensis*, *C. Middendorffii*, *C. Maximowiczii*, и *Lasiagrostis alpina*. Новыхъ вариаций описано 6.

Сверхъ того, мы находимъ отчасти весьма интересныя и новыя замѣчанія объ *Aquilegia oxysepala*, *Tilingia ajanensis*, *Physolophium saxatile*, *Gomphopetalum Maximowiczii*, *Callisace dahurica*, и о родѣ *Carex*, которому авторъ посвятилъ особенное вниманіе.

Къ концу своего труда, и невключенныя въ счетъ 450 *plantae vasculares*, помѣщены обработанныя г. Гиргенсономъ въ Дерптѣ и нумерованныя: 22 породы мховъ и 3 породы *Hepaticae*.

Войти въ подробный разборъ специальной части сочиненія значило бы взять на себя самого еще разъ весь трудъ автора, который впрочемъ уже извѣстенъ по изданнымъ имъ прежде ботаниче-

скимъ мемуарамъ *), и потому я долженъ ограничиться весьма немногими замѣчаніями.

При мѣстонахожденіяхъ желательно бы чаще видѣть обозначеніе, рѣдко ли, или обыкновенно приводимое растение. Конечно, гдѣ ничего не показано, можно предполагать, что растение принадлежитъ къ обыкновеннымъ; но всетаки упомянуть объ этомъ не составило бы много лишняго труда, и въ такой отличной отъ остальнаго Амурскаго края мѣстности, какъ высокіе хребты и пространныя болота, съ которыми имѣлъ дѣло авторъ, не лишено бы было интереса.

Въ немногихъ случаяхъ авторъ, кажется, поторопился, принявъ безъ всякой критики напр. описанныя мною двѣ новыя породы, хотя его матеріалъ позволялъ ему исправить сдѣланныя мною, по недостаточности экземпляровъ, ошибки; это *Corydalis speciosa*, отнесенная уже Регелемъ къ *C. augea*, какъ ея азіятская форма, но опять принятая авторомъ безъ всякаго обозначенія причинъ, и *Chrysosplenium gamosum*, который я отличилъ отъ *Chr. oppositifolium* единственно по наружному виду, предположивъ, что неизвѣстныя мнѣ тогда сѣмена его дадутъ хорошіе отличительные признаки; автору сѣмена его были извѣстны, и по совершенному ихъ сходству съ сѣменами *Chr. oppositifolium* обѣ породы слѣдовало бы вновь соединить; однако онъ пропустилъ и это растение безъ всякаго замѣчанія. Что авторъ называетъ *Acer tataricum* очевидно недосмотръ; въ Амурскомъ краѣ растетъ только варіація его, *A. tataricum* var. *Ginnala*.

Наконецъ, я не могу не выразить сомнѣнія насчетъ *Saussurea serrata* var. *alpina*, новой варіація, которая по описанію до того различна отъ *S. serrata*, что, кажется, относится ближе къ другимъ сибирскимъ породамъ *Saussurea*, или же составляетъ совершенно новую породу.

Перейдемъ къ первой части этой флоры. Она состоитъ изъ главъ: *Reisebericht*, и *Pflanzen-Geographisches*, съ подраздѣленіями: *Vegetationsverhältnisse*, *Verbreitung der wichtigsten Bäume*, *Florenstatistik*.

Замѣтимъ уже здѣсь, что насъ поразило отсутствіе всякихъ данныхъ о климатѣ описываемой авторомъ мѣстности. Намъ, конечно,

*) *Flora d. Insel Moon.* — *Flora d. silurischen Bodens von Ehstland, Nord-Livland u. Oesel*, — обѣ въ *Archiv für d. Naturkunde Liv-Ehst-u. Kurlands*. Ser. II. Bd. I. p. I. и p. 149.

известно, что правильныхъ наблюдений еще никто здѣсь не дѣлалъ; но уже изъ маршрутныхъ наблюдений надъ однимъ термометромъ, которыя дѣлались и нашимъ авторомъ, и другими путешественниками, можно бы составить себѣ нѣкоторое понятіе о климатѣ, если сообщить одновременныя наблюденія Николаевской и Благовѣщенской обсерваторій, и общими замѣчаніями о стужѣ и теплѣ, дождѣ и снѣгѣ и проч., собранными отчасти у туземцевъ, отчасти русскими путешественниками, пополнить это понятіе, какъ это напр. авторъ самъ и сдѣлалъ въ своей флорѣ Сахалина. Пробѣль этотъ весьма важенъ, хотя пополненіе его, не споримъ, и стоило бы автору нѣсколько труда; но въ настоящее время не публикуется ни одной флоры, гдѣ бы не помѣщались и данныя о климатѣ.

Въ первой главѣ, *Reisebericht*, авторъ въ подробности излагаетъ маршрутъ свой, сообщая, почти день за день, гдѣ онъ находился, на лодкѣ ли онъ плылъ, или ѣхалъ на оленяхъ, или шелъ пѣшкомъ, помѣщая кое-гдѣ и замѣтки о населеніи края, но также и другія подробности, часто, по нашему мнѣнію, весьма безполезныя для сочиненія подъ заглавіемъ «Флора». Слѣдить здѣсь за нимъ въ подробности было бы и утомительно и довольно безполезно; а потому достаточно будетъ сказать, что путь его лежалъ вообще въ ЮЗ. направленіи, сначала вверхъ по Амгуни, потомъ, уже на оленяхъ, по его притоку Керби, до водораздѣльнаго хребта, который онъ перешелъ на 52° широты 4 іюля, выѣхавъ съ устья Амгуни 27 мая. Потомъ, послѣ 1 дня отдыха на водораздѣлѣ, онъ отправился внизъ по Буреѣ, до впаденія въ нее Алына, гдѣ онъ отъ 7 — 25 іюля выстроилъ себѣ лодку и спустился по Буреѣ къ Амуру, куда прибылъ 7 августа.

Изъ скуднаго описанія пройденнаго пути, котораго нельзя и сравнить съ превосходнымъ изображеніемъ той же мѣстности у Миддендорфа, видно, что лѣвый берегъ Амгуни низменъ и примыкаетъ къ огромной низменности, простирающейся до самыхъ приморскихъ хребтовъ Охотскаго моря *), правый же — мѣстами довольно гористъ. Про Керби только сказано, что онъ быстро течетъ по узкой долинѣ. Водораздѣльный хребетъ на высшей достигнутой путешественникомъ точкѣ гадательно показанъ въ 5000 ф. Водораздѣльный хребетъ — дикій, высокій и лѣсистый, отдѣленъ впадиною отъ

*) Судя по картѣ г. Шварца, эта болотистая низменность вся покрыта хребтами! Карта-же автора во время составленія этой рецензіи не была еще готова.

Бурейскаго хребта, между Буреей и Амгунью, безлѣснаго, низкаго и ширококораскинутаго. Берега Бурей сначала, до Умалтына, (т. е. по картѣ приблизительно на одну четверть всего протяженія рѣки) высоки; потомъ до Туина, т. е. на другую четверть, низки, а отсюда (на третью четверть) весьма гористы, возвышаясь до 1000 ф. надъ уровнемъ рѣки, и покрыты лѣсами. Горы эти вѣроятно составляютъ часть хребта Туранъ, о которомъ упоминаетъ Усольцевъ. Наконецъ, отсюда до устья, берега мало по малу дѣлаются ниже, и послѣдняя четверть, за исключеніемъ холмовъ Цагаяна, уже вблизи устья, протекаетъ по степной мѣстности.

Авторъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы вмѣсто своего довольно длиннаго маршрута, далъ намъ сжатый, но наглядный, географическій очеркъ пройденной имъ мѣстности, основанный на сводѣ имѣющихся у насъ теперь многочисленныхъ маршрутовъ по этому краю.

Вторая глава, *Pflanzengeographisches*, начпнается замѣчаніемъ, что до автора единственные наблюдатели, да и то только древесной растительности этихъ мѣстъ, были Миддендорфъ и Усольцевъ. Потомъ слѣдуетъ характеристика растительности по полосамъ, которыхъ у автора 8.

1. Долина нижней Амгуни. Она отличается отъ Амурской, гдѣ лѣса преимущественно еловые, преобладаніемъ лиственничныхъ лѣсовъ на сухомъ грунтѣ. Эти лѣса, съ примѣсю березы, осины и проч., занимаютъ всѣ возвышенности, исключая одной болѣе значительной горы, гдѣ надъ ними была найдена ель (*P. ajanensis*), а надъ этой — сланецъ кедровникъ (*Pinus pumila*). Выше по рѣкѣ, лиственница растетъ толще и здоровѣе, и лѣсныя травы — роскошнѣе и разнообразнѣе. Низменности покрыты однообразною растительностью подобныхъ мѣстъ Нижняго Амура.

2. Болотистая низменность по нижнему Немилену и Агнекану имѣетъ уже совершенно сѣверный характеръ, и напоминаетъ во многомъ наши здѣшнія мшистыя болота. Свойственныя Амуру особенныя породы здѣсь уже исчезли. Каменныя мѣста покрыты Исландскимъ мхомъ, брусникой и *Antennaria dioica*. По низменности разсѣяны острова лиственничнаго и кое-гдѣ еловаго лѣса; мшистый грунтъ послѣднихъ заваленъ валежникомъ.

3. Гористая мѣстность по верхнему Немилену и Керби, хотя также болѣею частью покрыта лиственницей, но безлѣсныя прибрежныя низменности исчезаютъ; лѣса сырѣе, мшистѣе, въ лощинахъ сибирская ель (*P. obovata*) попадаетъ цѣлыми рощами, а по

береговымъ наносамъ—такая чаща изъ пихты, ели, березы, тополя, черемхи и нѣкоторыхъ Амурскихъ формъ, что дорогу нужно прокладывать топоромъ. На верхнемъ Керби двѣ восточно-сибирскія ивы, *Salix cardiophylla* и *S. bracteosa* придаютъ лѣсамъ особенный видъ, особенно первая своими огромными стволами и синеватою листвою. Чѣмъ ближе къ источникамъ Керби, тѣмъ чаще попадаетъ ель (*Ab. ajanensis*).

4. Водораздѣлъ, по болотистому грунту, покрытъ елью, съ кустарникомъ изъ *Betula Middendorffii*, кедровымъ сланцемъ (*Pinus pumila*) и *Rhododendron chrysanthum*. Скалы и обнаженные вершины горъ покрыты лишаями и сибирско-альпійскими растеніями.

5. Верхняя Бурей повторяетъ верховье Керби; но, по случаю долгой здѣсь стоянки, авторъ подробнѣе описываетъ природу около пристанища своего, и этимъ пополняетъ картину какъ этой, такъ и схожей съ нею третьей полосы.

6. Равнины и холмы около соединенія Нюмани и Бурей мало интересны; древесныя породы, исчезнувшія не доходя верховья Керби, появляются вновь, какъ-то: пихта, сибирская ель (*P. obovata*) кленъ (*Acer spicatum*), амурская черемха (*Prunus Maackii*). Хотя лиственъ все еще преобладаетъ, но у Нюмани попадаютъ уже *Acer Mono*, липа (*Tilia cordata*) и *Euonymus rauciflorus*, и начинаетъ показываться множество травъ, свойственныхъ долинѣ Амура, особенно *Compositae*.

7. Внезапная перемяна растительности видна по гранитнымъ хребтамъ средней Бурей, около впаденія р. Тырмы; горы во множествѣ покрыты липою и черною березой (*B. daurica*); сибирская ель (*P. obovata*) дѣлается чаще, а лиственъ начинаетъ исчезать, причемъ показывается Бархатъ-дерево (*Phellodendron amurense*), дикій жасминъ (*Philadelphus*), и ежедневно являются новыя формы, пока наконецъ въ

8 полосѣ, полосѣ степей, съ свойственнымъ имъ обиліемъ цвѣтовъ и разсѣянными рошицами дуба и черноперебенника, мы не вступаемъ во флору южнаго Амура.

Изъ этого краткаго содержанія статьи *Vegetations-Verhältnisse* уже видно, что авторъ хорошо схватываетъ отличительныя черты каждой мѣстности, и въ краткихъ словахъ умѣетъ представить читателю наглядную картину растительной природы. Тѣмъ болѣе жаль, что первая глава не даетъ намъ фона къ этой картинѣ. Совѣтую только автору при напечатаніи исправить маленькую оплошность: не очень внимательному читателю можетъ показаться, что изъ

названныхъ въ началѣ главы восьми полость описаны только четыре; слѣдуетъ поставить къ остальнымъ заглавія, что позабылъ нынѣ сдѣлать авторъ.

Второе подраздѣленіе главы, распространеніе важнѣйшихъ деревьевъ, прекрасно пополняетъ большой пробѣлъ въ моихъ собственныхъ наблюденіяхъ, позволяя намъ теперь прослѣдить нѣкоторыя Амурскія породы до этихъ сѣверныхъ и горныхъ мѣстъ, и убѣдиться, что довольно многія изъ нихъ, хотя и поднимаются съ южнаго Амура довольно далеко на сѣверъ, и вверхъ и внизъ по его теченію, но въ долины сѣверныхъ его притоковъ проникаютъ мало, и вовсе не растутъ на хребтахъ извѣстнаго намъ водораздѣла.

Совершенно ново для науки то, что авторъ сообщаетъ о вертикальномъ распространеніи растений Амурскаго края, о которомъ до сихъ поръ почти не имѣлось никакихъ свѣдѣній.

Выше всѣхъ прочихъ древесныхъ, и покрывая непроходимую тайгой всѣ значительныя высоты, растетъ здѣсь кедровникъ-сланецъ (*Pinus pumila*), такъ какъ и въ Восточной Сибири. Но на самомъ водораздѣлѣ попала еще даже выше него, выше кустарной полосы, уже въ сообществѣ альпійскихъ травъ, совершенно новая для науки форма, сланецъ-ельникъ (*A. ajanensis*), въ видѣ прижатого къ землѣ кустарника.

Верхняя граница древесной растительности на хребтахъ Амурскаго края далеко не вездѣ лежитъ на той же высотѣ; напротивъ, она поднимается выше и выше, по мѣрѣ того, какъ мы углубляемся отъ морскаго берега во внутренность края. На Сахалинѣ, по низкимъ тундрамъ около лимана, почти таже растительность (кедровникъ-сланецъ и т. д.), какъ и на Бурейскомъ хребтѣ; на горѣ Огоби, близъ Николаевска, граница деревьевъ лежитъ уже на высотѣ 1000 ф., на водораздѣльномъ хребтѣ же—почти въ 4000 ф., и только высочайшія точки его обнажены и свѣтятся бѣлымъ цвѣтомъ отъ покрывающихъ ихъ лишаевъ.

Какія причины этой разницы — авторъ не говоритъ; съ достовѣрностію указать на нихъ, можетъ быть еще, невозможно, но найти покажется хотя гипотетическое объясненіе этого явленія вѣроятно удалось бы ему, если бы онъ нѣсколько вникъ въ климатъ описываемой имъ мѣстности, или удалось бы другому, если бы сообщены были для этого данныя.

Статистика флоры начинается замѣчаніемъ, что пройденная мѣстность дѣлится на двѣ весьма различныя флоры: 1. Амгуно-Бурейскую, до вступленія Буреи въ Туранскій хребетъ, и 2. флору

Нижней Буреи, совпадающую съ обще-Амурскою. На послѣднюю авторъ обратилъ, сравнительно, мало вниманія, заботясь только подмѣчать въ ней постепенное появленіе южныхъ формъ; первую же флору онъ изучалъ два мѣсяца въ подробности. Поэтому онъ здѣсь совсѣмъ выключаетъ ниже-Бурейскую флору, разсматривая только собственно Амгуно-Бурейскую.

Впрочемъ авторъ и на Нижней Буреѣ нашелъ три, неизвѣстныхъ доселѣ на Амурѣ, формы, и между ними одну еще неописанную (*Ribes burejensis*).

Въ этомъ ограниченіи, различіе Амгуно-Бурейской флоры отъ Амурской явствуется уже изъ большаго числа, 85, породъ, не найденныхъ въ послѣдней, принадлежащихъ безъ исключенія сѣверу, и между которыми только 4 еще нигдѣ не описаны. Къ сѣверу флора эта непосредственно переходитъ въ Удскую, Аянскую и т. д., и границы къ сѣверу, весьма вѣроятно, нѣтъ никакой. Къ востоку же, т. е. къ нижнему Амуру, граница довольно рѣзко очерчена преобладаніемъ лиственни и рѣдкостью ели (*A. japonensis*) на Амгуни и исчезновеніемъ такихъ Амурскихъ породъ, которыя по Амуру идутъ едва ли не до самаго устья его, каковы *Asar Mono*, *Corylus mandshurica*, *Dioscorea*. Къ западу, на Буреѣ, граница флоры также хорошо обозначена: *A. japonensis*, *Asar spicatum*, *Pinus pumila*, и сѣверныя травы, особенно *Carices*, у хребта Турана исчезаютъ, а вмѣсто нихъ появляются липа, черная береза и множество Амурскихъ травъ. Къ югу, т. е. по Бурейскому хребту, граница, вѣроятно, лежитъ довольно далеко къ югу, но во всякомъ случаѣ не достигаетъ Амугура, какъ показали коллекціи Радде.

На Амурѣ Бурейскій хребетъ для растительности представляетъ важную естественную границу *); на сѣверѣ онъ теряетъ этотъ характеръ, и, какъ мы видѣли, породы, исчезнувшія на его восточномъ склонѣ, вновь являются на западномъ — такимъ же образомъ какъ и Становой хребетъ на сѣверѣ не составляетъ границы, а граница идетъ южнѣе его, какъ подробно изложилъ Миддендорфъ не только для растительности, но и для животнаго царства и человѣка, и какъ это вновь доказали собранныя г. Павловскимъ на верховьяхъ Зеи растенія, всѣ еще принадлежащія сибирской флорѣ.

*) Въ этомъ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ можно усомниться.

Затѣмъ авторъ причисляетъ къ своей флорѣ всего 358 *) породъ, которыя принадлежатъ къ слѣдующимъ главнымъ семействамъ:

Сурегасеае	39 species.	Gramineae	16 spec.
Compositae	35	» Salicineae	13 »
Ranunculaceae	28	» Ericaceae	11 »
Rosaceae	26	» Cruciferae	10 »

потомъ Leguminosae 9, Saxifragaceae, Coniferae, Smilacineae и Liliaceae по 8 spec.

Взявъ потомъ въ расчетъ только растенія водораздѣла съ его склонами къ верховьямъ Керби и Буреи, авторъ получаетъ 292 species, и составивъ подобную же таблицу главныхъ семействъ, находить, что Сурегасеае числомъ поравняются Compositae (по отсутствію пространныхъ болотъ), а Ranunculaceae стоятъ ниже Rosaceae; остальное остается какъ и тамъ. Наконецъ авторъ беретъ въ расчетъ флору одной только мѣстности, окрестностей трехнедѣльной его стоянки, отъ верховья Буреи до устья Алына, и получаетъ 200 породъ, и, по составленіи подобной же таблицы, опять нѣсколько различный результатъ, т. е. Сурегасеае по прежнему занимаютъ первое мѣсто, Ranunculaceae остаются все еще на 4-мъ, но Salicineae уходятъ съ 6-го на 8-е; на ихъ мѣсто вступаютъ Ericaceae, а на 7 становятся вмѣсто Cruciferae, Saxifragaceae.

Эти исчисленія авторъ оканчиваетъ ссылкой на таблицы къ Амурской флорѣ, и указаніемъ существеннаго различія между своими и Амурскими. По автору, различіе это состоитъ въ большемъ количествѣ Сурегасеае и Ericaceae и бѣдности или совершенномъ исчезновеніи другихъ семействъ у него на сѣверѣ. Причину такого преобладанія Сурегасеае авторъ полагаетъ отчасти въ особенномъ вниманіи, которое онъ обращалъ на нихъ, побужденный къ этому бѣдностью Сагісесъ въ моей флорѣ Амура.

Глава оканчивается замѣткою о путешествіи Редовскаго и о настоящемъ мѣстонахожденіи его растеній. Шамиссо, которому они по смерти Редовскаго были переданы въ Камчаткѣ, описалъ ихъ какъ Камчатскія; но въ самомъ дѣлѣ большая часть ихъ собрана въ Становомъ хребтѣ и его отрасляхъ, гдѣ автору удалось найти многія изъ нихъ.

*) При печатаніи своего труда, авторъ нашелъ уже 361 породу, а число Compositae возрасло до 37. Я узналъ про это слишкомъ поздно, чтобы исправить въ моихъ замѣчаніяхъ къ этой главѣ числа, которыя впрочемъ такъ мало измѣняются, что на выводы не могутъ имѣть ни малѣйшаго вліянія.

Эта глава недокончена. Мы видимъ ряды чиселъ, но весьма мало выводовъ изъ нихъ; дальнѣйшаго же сравненія и толкованія цифръ мы вовсе не находимъ. Постараюсь хотя нѣсколько пополнить недосказанное авторомъ, указать на значеніе его чиселъ, привести нѣсколько новыхъ данныхъ, провѣрить его выводы и прибавить къ нимъ новыя.

Извѣстно, что обиталища разныхъ породъ растеній весьма и весьма различны по величинѣ, что нѣкоторыя растенія, какъ напр. вообще одностолбчатые, кажутся сносчивѣе, и имѣютъ потому обиталища гораздо болѣе обширныя, чѣмъ двустолбчатые, у которыхъ они, вообще говоря, гораздо болѣе ограничены. Мѣняя значительно мѣсто наблюденій, путешествуя по большому пространству, мы, вслѣдствіе этой разницы распространенія, нашли бы гораздо менѣе новыхъ для насъ одностолбчатыхъ, чѣмъ двустолбчатыхъ. Сравнивая маленькую флору, напр. губерніи, съ флорою всей Имперіи, которой она составляетъ часть, мы, все еще вслѣдствіе того же факта, нашли бы въ губерніи, если выразить числа процентами, сравнительно больше одностолбчатыхъ, чѣмъ въ цѣлой Имперіи, потому что ихъ число возрастаетъ гораздо медленнѣе при переходѣ въ другую губернію, чѣмъ число не столь сносчивыхъ и потому чаще замѣненныхъ другими двустолбчатыхъ породъ. Изъ этого слѣдуетъ, что сравнивать флору большой съ флорою малой страны, особенно въ отношеніи одностолбчатыхъ, неумѣстно, и потому результатъ, полученный авторомъ изъ сравненія Амгуно-Бурейской флоры съ флорою всего Амурскаго края, подозрителенъ. Если вмѣсто того мы сравнимъ два довольно равныя пространства: одно, пристанище автора на Бурей, гдѣ онъ жилъ три недѣли, а другое, окрестности Маринскаго поста на Амурѣ, то получимъ:

*для верх. Бурей; всего 200 по- Маринскаго поста всего 284
родъ. породы.*

Cyperaceae	21 sp.	Compositae	24 sp.
Compositae	19 »	Cyperaceae	22 »
Rosaceae	18 »	Gramineae	20 »
Ranunculaceae	11 »	Rosaceae	16 »
Gramineae	11 »	Ranunculaceae	14 »
Ericaceae	9 »	Leguminosae	10 »
Saxifragaceae	8 »	Cruciferae	9 »
Salicineae	7 »	Umbelliferae	8 »

Мы видимъ, что Cyperaceae въ Маринскѣ на 2-мъ, Gramineae на 3-мъ, на Бурей же на 5-мъ мѣстѣ; потомъ здѣсь и тамъ слѣдуютъ

Rosaceae и Ranunculaceae, но вмѣсто Ericaceae, Saxifrageae и Salicineae выдаются впередъ въ Маринскѣ Leguminosae, Scuciferae и Umbelliferae. Результатъ поучительный: мѣсто на Бурей альпійское, и потому такъ мало Gramina, такъ много Ericaceae и т. д.; окрестности Маринска ровныя, легко холмистыя, лѣсныя, луговые и болотистыя, лежатъ полуградусомъ южнѣе, и гораздо ниже первой мѣстности, и потому тамъ богатство Gramina и такихъ семействъ, какъ Leguminosae и т. п.

Слѣдовательно, такъ какъ для всей Амгуно-Бурейской флоры отношенія семействъ весьма мало измѣняются, какъ мы видѣли выше, то мы можемъ сказать, что она 1) раздѣляетъ со всѣмъ востокомъ сѣверной Азіи характеристическое ему богатство Ranunculaceae и Rosaceae, но 2) выдается передъ другими Сибирскими флорами какъ альпійская флора относительнымъ богатствомъ Salicineae, Ericaceae, Saxifrageae и Scuciferae, отличаясь отъ Европейскихъ альпійскихъ флоръ большимъ количествомъ Сурегасеae, и приближаясь въ этомъ отношеніи къ Ситхинской флорѣ, гдѣ Сурегасеae и Gramina также занимаютъ первыя мѣста, а Rosaceae — третье, но которая, по чрезвычайно сырому климату своему, весьма отлична въ другихъ семействахъ, напр. большою бѣдностью Compositae; наконецъ 3) еще признакъ альпійскаго ея характера — большая бѣдность однодольныхъ. Но это еще требуетъ объясненія. Г. Шмидтъ не показалъ вовсе отношенія однодольныхъ къ двудольнымъ; я нашелъ его по его флорѣ слѣдующимъ: на 346 явнобрачныхъ приходится 64 Моно и 282 Dicotyledoneae, а это даетъ отношеніе 1: 4,4, или 18,50: 81,50. По Геру *), мы находимъ въ гранитныхъ альпахъ Сен-Готара въ 5 — 6000 ф. отношеніе обонхъ классовъ 1: 4,92, т. е. немногимъ различное отъ ихъ отношенія въ Бурейскихъ хребтахъ, также по нашему автору гранитическихъ. Полосу же Сен-Готара по южному ея положенію весьма позволительно сравнить съ нашимъ водораздѣломъ, гдѣ альпійская растительность начинается гораздо ниже, соотвѣтственно его сѣверному и восточному, т. е. суровому, характеру. Геръ нашелъ для Швейцаріи, что однодольныя дѣлаются бѣднѣе, а двудольныя богаче, чѣмъ выше станемъ мы подниматься вверхъ по Альпамъ. Наша Амурско-альпійская флора показываетъ, что и въ Азіятскихъ альпахъ существуетъ то же явленіе.

Вотъ, мнѣ кажется, тѣ выводы, которые можно извлечь изъ флоры нашего автора.

*) Fröbel u. Heer. Mittheilungen aus d. theoret. Erdkunde, I.

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что достоинства этого сочиненія состоятъ:

1) главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что это — первая существующая альпійская флора Азіи, и потому драгоценное пріобрѣтеніе для науки;

2) что оно показываетъ, что сибирская растительность, помощью горныхъ кражей и примыкающихъ къ Охотскому морю холодныхъ низменностей, далеко вдается на югъ, образуя какъ бы треугольникъ, кажется, довольно близко упирающійся въ южный Амуръ.

3) что оно обогащаетъ флору Амурскаго края множествомъ горныхъ породъ, отчасти переходящихъ по приморскому хребту и южнѣ Амура, и составляетъ весьма важное дополненіе этой флоры.

Flora von Sachalin.

Мы дошли до главной по объему части труда автора, до флоры Сахалина. И она имѣетъ вводную, или общую, и специальную часть, которой мы также займемся сперва.

Въ введеніи авторъ упоминаетъ извѣстныя доселѣ растенія Сахалина, всего 28 породъ, описанныхъ по экземплярамъ, и 4 породы хвойныхъ, названныхъ Зибольдомъ на основаніи сходства ихъ айскихъ именъ на Сахалинѣ и Есо, но не оказавшихся на островѣ. Такая terra incognita стоила особеннаго вниманія, и она обследована не только авторомъ, но и товарищами его, Брылкинымъ и особенно Гленомъ, которому авторъ отдаетъ должную дань благодарности за его матеріалы и наблюденія, называя его ученымъ, лучше всѣхъ познакомившимся съ Сахалиномъ.

При опредѣленіи растений, авторъ придерживался той же методы, какъ и въ первой части своего труда; для опредѣленія многочисленныхъ же японскихъ породъ, весьма рѣдкихъ еще въ нашихъ музеяхъ и потому весьма трудныхъ для опредѣленія, Академикъ Рупрехтъ открылъ ему доступъ къ богатой коллекціи д-ра Альбрехта изъ Хакодате на островѣ Есо, за что, равно какъ и за совѣты и помощь въ трудѣ своемъ, авторъ публично благодаритъ его. И для этой флоры авторъ имѣлъ богатые матеріалы для сравненія изъ сосѣднихъ мѣстъ, хотя, конечно, матеріалъ изъ Японіи былъ еще вовсе необработанный.

Исчислено всего 585 породъ, изъ которыхъ 21 порода нигдѣ, кромѣ Сахалина, еще не найдена; но всего описано новыхъ породъ 47, нѣсколько вариаций, и 2 новыхъ рода (*Glehnia*, основанный на *Cymopterus? littoralis* A. Gray, и *Brylkinia*—на *Ehrharta caudata* Munro).

Назвавъ себя (въ общей части) послѣдователемъ теоріи Дарвина въ томъ отношеніи, что авторъ, на основаніи геологическихъ данныхъ, вѣрится въ прежнюю тождественность нѣкоторыхъ породъ восточной Азіи и востока сѣверной Америки и въ ихъ постепенную перемѣну въ постоянныя различныя между собою варіаціи, такъ что до сихъ поръ не знаешь, смотрѣть ли на нихъ, какъ на *species* или какъ на *varietates*, и найдя даже, что на Сахалинѣ и въ Японіи признаки этихъ азіатскихъ формъ, извѣстныхъ доселѣ только съ самаго материка, уже начинаютъ ступшевываться *), авторъ не только, какъ я замѣтилъ выше, оставилъ принятыя мною новыя формы такого рода безъ измѣненія, но даже различилъ нѣсколько новыхъ, далъ право *species* растеніямъ, которыя принимались прежде за простыя *varietates*, и описалъ большое количество новыхъ породъ. Я, подобно автору, предпочитаю считать растеніе новою породою, если оно имѣетъ достаточныя отличительныя признаки, до тѣхъ поръ пока не найдены переходныя формы, чѣмъ, по побужденію какой либо теоріи, сливать похожія формы въ одну *species*, и увѣренъ, что ботаники, слѣдующіе послѣдней методѣ, дѣлаютъ больше ошибокъ и болѣе затемняютъ познаніе растительной *species*, чѣмъ первые. Но я требую также, чтобы описанія отличались возможною ясностью и точностью, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній. Найдя у нашего автора столько новаго, я нѣсколько подробнѣе прослѣдилъ его описанія, и выбравъ на удачу двѣ или три породы, съ растеніями въ рукѣ прошелъ за авторомъ каждый шагъ.

Вездѣ я нашелъ добросовѣстное и точное изслѣдованіе всѣхъ частей растенія, и по моему мнѣнію, большое знаніе дѣла, но и большую смѣлость въ установленіи новыхъ породъ; весьма нерѣдко наблюденія автора могли бы быть выражены отчетливѣе яснѣе; короче, — наблюденія автора лучше его описаній.

Возьмемъ одинъ примѣръ.

На Сахалинѣ и Есо растутъ три породы черемхи: обыкновенная и двѣ признанныя авторомъ новыми, изъ коихъ одну, какъ растущую на Сахалинѣ, онъ описалъ подробнѣе, назвавъ ее *Rupis Siori*, другую же сличаетъ съ ней. Зная весьма тѣсное родство всѣхъ ихъ, потому что двѣ послѣднія я нашелъ въ Японіи самъ, я былъ нѣсколько удивленъ уже тѣмъ, что авторъ почти вовсе не говоритъ, чѣмъ его *P. Siori*, а тѣмъ болѣе другая новая черемха, разнится отъ *P.*

*) Это я также могу подтвердить не только относительно Японіи, но даже и береговъ Манджурии.

Radus, а вмѣсто того описываетъ отличія двухъ первыхъ отъ Амурской *P. Мааскiи*, которая, по желѣзамъ на нижней сторонѣ листьевъ, принадлежитъ къ другому, болѣе отдаленному ряду породъ. Надѣясь найти эти отличія, какъ водится, выраженные въ діагнозисѣ *P. Siogi*, я прослѣдилъ его сначала съ *P. Siogi* въ рукахъ, и нашелъ описаніе, хотя краткое, но вѣрное, а потомъ, съ *P. Radus* въ рукахъ, хотя и нашелъ нѣсколько отличительныхъ признаковъ, но, съ другой стороны, такъ много сходства, что другой читатель, безъ *P. Siogi* передъ глазами, могъ бы усомниться, правильно ли она названа новою породой. Между тѣмъ признаковъ довольно, но недостаетъ только тамъ и сямъ нѣсколькихъ словъ, чтобы дать имъ нужную ясность. Листья по описанію у обѣихъ одинаковы; но если бы авторъ, вмѣсто *foliis late obovato-oblongis vel ellipticis*, сказалъ: *foliis ramulorum terminalium late obovato-oblongis maximis, lateralium ellipticis*, то никто бы не могъ понять его въ томъ смыслѣ, что листья, какъ у *P. Radus*, бываютъ и тѣ и другія безразлично. Если бы тамъ, гдѣ говорится о зубцахъ листьевъ, вмѣсто *angustis* сказано было *elongatis*, то разница отъ *P. Radus*, у коей также иногда зубцы бываютъ *angusti*, была бы ясна. Длина цвѣточной ножки названа равною чашечкѣ или вдвое длиннѣе ея, точно также какъ у *P. Radus*, между тѣмъ какъ она такая только къ концу цвѣточной оси, а по срединѣ и въ началѣ ея бываетъ втрое и четверо длиннѣе. Зубцы чашечки названы широкотреугольными, а у черемхи они треугольные, — разница малая; но по моему они такъ коротки и тупы, что ихъ можно назвать *depresso-semiorbicularis*. Наконецъ, цвѣты *P. Siogi* показаны равной величины съ цвѣтами *P. Radus*, а того, что чашечка перваго растения болѣе чѣмъ вдвое меньше, не говорится. Такимъ образомъ авторъ, не положивъ настоящаго ударенія на указанное имъ, умалилъ пять признаковъ до того, что посторонній читатель пропустилъ бы ихъ безъ должнаго вниманія. Другая порода *Prunus*, также сравненная только съ *P. Мааскiи*, отличается отъ *P. Radus* только двумя признаками: зубцы листьевъ явственнѣе и острѣе, и чашечка не имѣетъ желѣзненныхъ зубчиковъ, а внутри и по краямъ пушиста. По моему, эта порода только новая вариация *P. Radus*; по автору же можно думать, что между ними весьма мало сходства.

Этотъ примѣръ достаточно объяснить наше мнѣніе.

Aconitum sachalinense, *Trollius macropetalus*, *Eupatorium Glehni*, *Erigeron denticulatus*, *Saussurea duiensis* свидѣтельствуютъ о смѣлости автора въ установленіи новыхъ породъ въ такихъ *genera*, гдѣ безъ весьма побудительныхъ причинъ на это трудно рѣшиться;

*

при этомъ третья и четвертая изъ этихъ новостей вовсе не описаны, а только указано, въ черезчуръ уже краткихъ выраженіяхъ, на ихъ различія отъ ближайшихъ къ нимъ. *Saussurea duiensis*, между *S. amurensis* и *S. denticulata*, лучше бы, кажется, счесть за вариацию; я убѣжденъ, что изученіе этихъ и похожихъ на нихъ породъ *Saussurea* покажетъ необходимость снова соединить 5 или 6 породъ, а не различать еще новыя.

Соединяя *Arabis japonica* A. Gray, *A. Stelleri* Bge (DC.) и *A. Eschscholtziana*, авторъ не говоритъ, видѣлъ ли онъ плоды всѣхъ этихъ трехъ растений.

Сливая *Draba borealis* DC. и *Odontocyclus kurilensis*, и описывая три разныя вариации, авторъ даетъ читателю весьма хорошо видѣть значительное различіе ихъ; но отчего онѣ соединены вмѣстѣ, далеко не такъ ясно, а это и надлежало бы доказать. И тамъ и здѣсь рассчитывается очевидно, для дальнѣйшаго убѣжденія, на изученіе самихъ экземпляровъ.

Osmorhiza amurensis F. Schmidt. авторъ опять соединяетъ съ *O. japonica* S. Z. и *O. longistylis* DC, но оставляетъ при породѣ новѣйшее имя, вмѣсто гораздо старѣйшаго *O. longistylis*.

Nardosmia japonica S. Z. переименована въ *Petasites*, но порода названа, не какъ слѣдовало бы *P. japonicus*, а *P. giganteus*.

При *Rhus Toxicodendron* цитата A. Gray'я заставляетъ предполагать, что это вариация *radicans*; но такъ какъ *Rh. radicans* L. еще часто признается самостоятельной породой, то автору слѣдовало бы быть точнѣе.

Вотъ почти все, что при разборѣ этого богатаго матеріала я могу подмѣтить относительно неточности или поспѣшности. При сравненіи съ массою прекрасныхъ наблюденій, новыхъ открытій, мѣткихъ сравненій и указаній, эти мелкіе недостатки совершенно исчезаютъ, и я смѣло могу сказать, что наука, обогащаясь, благодаря этому труду, цѣлою новою областью, будетъ привѣтствовать автора, какъ новаго надежнаго и ревностнаго дѣятеля на поприщѣ русской ботаники, гдѣ теперь, послѣ смерти столь многихъ ботаниковъ, осталось ихъ такъ мало.

Первая или общая часть этого труда дѣлится на нѣсколько главъ.

Въ первой главѣ, посвященной *географическому обозрѣнію*, авторъ, послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о настоящемъ имени острова, объявляя при этомъ имя «Сахалинъ» недоразумѣніемъ, а единствен-

нымъ, существующимъ на дѣлѣ, имя Карафто или Крафто, сообщаетъ краткую исторію географіи Сахалина, которая стала хорошо извѣстна только съ занятія Амура. Съ этихъ поръ многочисленныя русскія экспедиціи сняли и обозрѣли почти всѣ части острова.

За тѣмъ слѣдуетъ довольно подробное исчисленіе поѣздокъ автора и его товарищей, при чемъ, когда дѣло идетъ о подробностяхъ, дѣлаются ссылки на отчеты экспедиціи, печатаемые нынѣ въ 25 части *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs*, Бэра и Гельмерсена. Мы достаточно познакомились съ этими поѣздками изъ введенія ко всему сочиненію.

Наконецъ авторъ приступаетъ къ географическому очерку острова.

По всему, весьма прямому, западному берегу острова тянется хребетъ, начинающійся на сѣверной оконечности крутыми горами въ 2000 ф. Напротивъ Амурскаго лимана онъ значительно понижается, и только пройдя его, опять мѣстами достигаетъ 3000 и даже 4000 футовъ. Подступая къ морю, онъ на большія пространства образуетъ скалистые берега, на узкой части острова занимаетъ большую часть всей ширины его, и только на самомъ югѣ, къ мысу Крильона, самому южному пункту острова, опять тянется низкимъ гѣсистымъ кражемъ, образуя западный полуостровъ залива Анивы. Восточный полуостровъ этого залива занятъ двумя параллельными короткими горными цѣпами, отдѣленными одна отъ другой низменностью и цѣпью озеръ, а отъ западнаго береговаго хребта—широкою низменностью по рѣкѣ Сусуя. Наконецъ другой береговой хребетъ тянется по восточному берегу отъ мыса Терпѣнія до устья рѣки Тымы. Всѣ эти хребты, кромѣ возвышающихся въ сѣверной части острова, дотого неприступны, что не существуетъ напр. никакого сообщенія между западнымъ и восточнымъ берегами его на цѣлые три градуса широты.

Остальныя пространства, особенно по теченію многочисленныхъ рѣкъ, заняты низменностями, а на сѣверѣ—пространными тундрами. По морскимъ же берегамъ встрѣчается множество озеръ, бывшихъ морскихъ бухтъ, занесенныхъ песками и щебнемъ за исключеніемъ узкаго входа, и мало по малу превращающихся въ болота.

Вторая глава—*замѣчанія о климатѣ*. Наблюденія членовъ экспедиціи сдѣланы были въ 3 пунктахъ: Дуи, Кусунаѣ и Мануе; они переданы проф. Кемцу въ Дерптѣ *), для обработки и еще не публи-

*) нынѣ Академику и Директору Гл. Физической Обсерваторіи.

кованы; поэтому еще нельзя сообщить результатов этих наблюдений, а возможны только общія замѣчанія.

Восточный и западный берега острова имѣютъ весьма различный климатъ. На западномъ берегу, въ Дуи и Кусунаѣ, морозъ не превышалъ — 23° R., въ заливѣ же Терпѣнія по восточному берегу было — 28 до 30° R.; Шренкъ на р. Тымы испыталъ — 40° R. По восточному берегу, отъ Мануе (48°) на сѣверъ, образуется ежегодно отъ января по апрѣль сплошной морской ледъ, тогда какъ западный берегъ свободенъ отъ него почти до широты Дуи (51°).

Лѣто обыкновенно весьма обильно дождями, жары незначительны и непродолжительны; въ Дуи еще въ июнѣ были утренники. Снѣгъ начинается выпадать съ октября, въ горахъ лежитъ на сажень, по низменностямъ на 3 ф. глубины; ноябрь и декабрь стоятъ снѣжные и бурные, но съ января до начала марта стоитъ ясная погода. Растительность пробудилась въ Дуи (51°) 6-го, въ Кусунаѣ (48°) 1 апрѣля.

3. *Unterabtheilungen und Physiognomie der Flora.* Соотвѣтственно своему географическому положенію, островъ раздѣляется самою природою на двѣ различныя флоры: одну — югозападную; это — весь югъ до залива Терпѣнія (49°) и до того мѣста немного сѣвернѣе Дуи, гдѣ береговой хребетъ отходитъ отъ берега, занятого отсюда къ сѣверу тундрами (51°), и на сѣверо-восточную, т. е. остальную часть острова, отдѣленную такимъ образомъ отъ предъидущей весьма косою линіей, слѣдующей главнымъ образомъ по главному хребту. Климатъ этихъ двухъ частей также различенъ, и граница ихъ, кажется, близко совпадаетъ съ границами сплошнаго морскаго льда зимою. Югозападъ имѣетъ флору, похожую на сѣверо-японскую, и эта часть была особенно изучена; о сѣверной же части всѣ наши свѣдѣнія ограничиваются тѣмъ, что доставили одна весенняя и одна осенняя экскурсіи Глена къ тундрамъ около Тыка и т. д. по западному берегу, и зимнія поѣздки Шренка и нашихъ путешественниковъ, особенно Глена, отчета котораго авторъ главнымъ образомъ и придерживается. Она повидимому тѣсно примыкаетъ къ флорѣ Аяна, Удскаго и сѣв. Амура: лиственница и бѣлая береза составляютъ главный лѣсъ; южныхъ формъ, кромѣ *Abies sachalinensis*, не замѣчено; тундры, а ближе къ сѣверу и всѣ хребты, покрыты, даже на уровнѣ морскомъ, кедровникомъ-сланцемъ, лишаями и такими альпійскими растеніями, которыя нашимъ авторомъ на Бурейскомъ хребтѣ находимы были отчасти на высотѣ 5000 ф.,

надъ границею деревьевъ; или онѣ заняты мелкимъ лиственничкомъ и кедровникомъ и мшистыми болотами, напоминающими наши здѣшнія. Дальнѣйшее изученіе прибавитъ къ этой флорѣ, конечно, множество формъ, новыхъ для острова, но преимущественно сѣверныхъ; совсѣмъ же новаго ожидать можно весьма мало.

Весьма наглядно и живо, хотя и довольно коротко, описана флора югозападной части острова. Мѣсто не позволяетъ намъ слѣдить за авторомъ хотя сколько нибудь подробно, и мы должны ограничиться краткимъ очеркомъ, изъ котораго видѣнь талантъ автора — выхватывать изъ массы подробностей главныя черты, и, не развлекая вниманія читателя массою деталей, возсоздавать передъ глазами его лѣса и горы, взморье и болота отдаленнѣйшаго востока. Въ этой второй части труда г. Шмидта читатель кромѣ того прекрасно приготовленъ къ принятію живаго впечатлѣнія о растительности краткимъ и яснымъ географическимъ очеркомъ въ 1 главѣ.

Флора этой части вообще весьма однообразна. Если отдѣлить рѣзко отличающуюся растительность низменныхъ сырыхъ равнинъ, которая даже на самомъ югѣ сохраняетъ весьма сѣверный видъ, т. е. лиственничные и березовые лѣса, тундры, мѣстами покрытыя лишаями, осокою (*Carices*), морошкою и княженикою, остальная часть болѣе или менѣе гористая, вездѣ, гдѣ хребты достаточно высоки, позволяетъ различить пять полосъ, которыя, какъ бы ступенями, ведутъ насъ отъ берега морскаго до голыхъ вершинъ высочайшихъ хребтовъ острова. Самый морской берегъ занятъ своею приморскою флорою, не отличающеюся отъ флоры взморья южной Манчуріи и сѣв. Японіи, и отчасти еще сохраняющею этотъ характеръ и на сѣверной половинѣ острова. Къ нему примыкаетъ окружность солонцоватыхъ береговыхъ озеръ, съ совершенно европейскою растительностью.

Слѣдуетъ во-первыхъ, полоса обрывовъ и склоновъ приморскихъ и рѣчныхъ долинъ; изъ нихъ первые въ сѣверной части покрыты лугами съ рѣдкою примѣсю кустарниковъ, характера подобаго замѣчаемому въ нашихъ южныхъ портахъ; на югѣ-же они заняты густымъ и тѣсно переплетеннымъ кустарничкомъ, съ примѣсю уже японскихъ формъ. Тамъ, гдѣ обрывы скалисты, гнѣздятся породы травъ, нигдѣ кромѣ Сахалина не найденныхъ. Рѣчныя долины, гдѣ онѣ шире, окаймлены полосою лиственныхъ деревьевъ, рѣка-же течетъ по лугамъ, гдѣ *Petasites giganteus* и огромная крапива занимаютъ большія пространства; тамъ, гдѣ рѣчныя долины уже, мѣшанный лѣсъ

подступает и къ самой рѣкѣ, и въ тѣни его развивается чрезвычайно роскошная, но мало своеобразная растительность.

Надъ первую возвышается вторая полоса, полоса хвойныхъ лѣсовъ (*Picea ajanensis* и *Abies sachalinensis*), по взморью до 800 ф., внутри острова гораздо выше; въ тѣни ихъ — кустарники, на сѣверѣ еще амурскія породы, но къ югу съ сильною примѣсью японскихъ, и травы, между коими также много японскихъ и сахалинскихъ формъ, именно *Orchideae*.

Надъ хвойными идетъ, въ-третьихъ, другая верхняя полоса лиственныхъ лѣсовъ, которой характеръ выраженъ двумя породами: низкимъ бамбукомъ (*Agundinaria kurilensis*) и березой (*Betula Ergani*). Бамбукъ, гдѣ онъ господствуетъ, дѣлаетъ путешествіе почти невозможнымъ, и вытѣсняетъ всякую другую растительность, но гдѣ онъ рѣже, тамъ всѣ южныя древесныя формы попадаютъ въ наибольшемъ разнообразіи. По восточному берегу острова бамбука гораздо меньше, но и флора бѣднѣе южными формами. Замѣчу мимоходомъ, что подобное явленіе я встрѣтилъ и на Есо по открытому къ востоку берегу Вулканическаго залива, между-тѣмъ какъ во внутренности острова почти всѣ высоты непроходимы отъ тогоже бамбука.

Гдѣ горы выше, тамъ слѣдуетъ надъ этою полоскою еще четвертая полоса, сланца-кедровника, вездѣ почти непроходимого.

Наконецъ пятая полоса, альпійскихъ луговъ, извѣстна только по весьма немногимъ пунктамъ, и здѣсь похожа на соответствующую ей въ восточной Сибири.

Выразить верхнія границы этихъ пяти полосъ въ футахъ трудно, такъ какъ онѣ много зависятъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ; вообще говоря на западѣ границы поднимаются выше; для кедровника напр. западѣ на 2000', на востокѣ-же на 1000'.

Въ заключеніе авторъ задаетъ себѣ вопросъ, отчего даже на самомъ югѣ, рядомъ съ южною растительностью на хребтахъ, находится сѣверная, по низменностямъ, и разрѣшаетъ его присутствіемъ стоячихъ водъ по этимъ мѣстамъ. Но почему, спрашиваетъ онъ, на Сахалинѣ японскія древесныя формы растутъ также и по субальпійскимъ мѣстамъ? На это я могу отвѣтить, что эти формы на югѣ Есо отчасти уже горныя (отъ 1000 ф. вверхъ), на Сахалинѣ-же климатъ позволяетъ имъ спускаться ниже, и оттого онѣ здѣсь встрѣчаются не только на горахъ, но и у подошвы ихъ.

Четвертая глава — *статистика флоры.*

Главные семейства суть слѣдующія:

Compositae	54 sp.	Orchideae	20 sp.
Cyperaceae	43 »	Filices	19 »
Gramineae	39 »	Polygoneae.	16 »
Ranunculaceae	29 »	Scrophulariaceae	13 »
Rosaceae	22 »	Caprifoliaceae	11 »
Cruciferae	22 »	Leguminosae.	11 »
Umbelliferae	20 »		и т. д.

Изъ отношенія однодольныхъ къ двудольнымъ какъ 1: 2,7 слѣдуетъ уже сѣверный и приморскій характеръ флоры, сравнительно съ Амурскою флорою, гдѣ эти числа 1: 3,8.

Древесныхъ породъ 100 на 485 травъ; въ прибалтійскихъ же флорахъ древесныя составляютъ только $\frac{1}{10}$ часть флоры. Такое богатство древесныхъ формъ, по нашему автору, извѣстная черта островныхъ флоръ *).

При сравненіи главныхъ семействъ Сахалина съ семействами Амура, авторъ находитъ большую бѣдность Leguminosae и всѣхъ Collifloae, и особенное богатство Орхидей, а также въ меньшей мѣрѣ Filices, Polygoneae и Cyperaceae. Выѣстъ съ тѣмъ Leguminosae на Сахалинѣ не обогащаются вовсе новыми формами, Orchideae же весьма ими обилуютъ, особенно въ хвойныхъ лѣсахъ.

Дальнѣйшее сравненіе, и съ другими флорами, автору нынѣ кажется преждевременнымъ, по высказанной уже выше причинѣ.

Вообще говоря, флора Сахалина находится въ тѣсной связи съ южно-маньчжурскою и Японскою флорою, и, особенно на сѣверѣ, съ Камчатскою и флорою охотскихъ побережій. Изъ недостатка на югѣ характеристичныхъ для Амура формъ *Lespedeza bicolor*, *Rhododendron dauricum*, *Vuplegium longerradiatum*, и богатства японскихъ формъ, авторъ готовъ заключить, что японскія породы свободно переселялись на Сахалинъ, тогда какъ переселенія маньчжурскихъ растений отъ западнаго къ восточному берегу Татарскаго пролива не существовало. Нѣкоторыя породы на Сахалинѣ растутъ довольно далеко на сѣверѣ, а въ Маньчуріи только въ ея южнѣйшей части, такъ что онѣ вѣроятно перешли туда изъ Японіи; другія, растущія и на сѣверѣ Амура, на оборотъ попадаютъ только на Есо или въ самой южной части Сахалина.

*) Я не могъ найти этого важнаго факта въ *Géographie botanique de-Kan-доля*, подробнѣйшемъ сочиненіи, которое мы имѣемъ по этой части.

Авторъ тѣмъ болѣе склоненъ къ мнѣнію, что Сахалинъ населенъ растениями изъ сосѣдства, что, во первыхъ, берега его еще и теперь постоянно поднимаются изъ моря, во-вторыхъ потому, что число свойственныхъ исключительно Сахалину породъ весьма мало, и вѣроятно еще много уменьшится открытіемъ значительнаго числа тѣхъ же породъ въ сѣверной Японіи.

Слѣдуетъ списокъ породъ общихъ Сахалину и сѣв. Японіи, на Амурѣ-же замѣняемыхъ различными, но близкими формами, что повторяется въ болшемъ масштабѣ между восточной Азіей и сѣв. Америкой.

Давно уже замѣченное сходство растительности между сими послѣдними, въ новѣйшее время Эсэ Грэ, на основаніи изслѣдованій геолога Дэнэ, объясняетъ гипотезою, что Америка и Азія были прежде соединены между собою южнѣ Берингова пролива, и имѣли вслѣдствіе этого весьма сходную растительность, какъ показываютъ сохранившіеся въ третичной формации острова Ванкувера остатки растений, но что потомъ соединяющія ихъ земли опять погрузились въ море, и отъ происшедшей отъ этого перемѣны климата на западномъ берегу Америки растительность его приняла другой характеръ, между тѣмъ какъ на восточномъ берегу она еще сохранила свое сходство съ азіатскою.

Эта гипотеза подтверждается геологическими изслѣдованіями нашего автора. По всему сѣверному берегу Тихаго Океана тянется полоса старо-третичныхъ растений и угля, которая автору извѣстна съ Сахалина, Удскаго, Гижити и Кенайскаго залива. Вездѣ флора этихъ слоевъ весьма однообразна, и хотя еще неосновательно изслѣдована, но позволяетъ на Сахалинѣ ясно различить *Aser*, *Salix*, *Betula*, *Juglans* и *Salisburgia*. Это, вѣроятно, періодъ, когда оба материка были въ связи между собою.

Вмѣстѣ съ названными слоями тянутся другіе третичные слои, также отъ Сахалина къ Камчаткѣ (Тигилю) и Алеутскому архипелагу, по видимому моложе первыхъ, и наполненные остатками морскихъ раковинъ, весьма похожихъ на живущія нынѣ въ этихъ моряхъ, если не совершенно тождественныхъ съ ними *). Эти слои, вѣроятно, относятся къ періоду погруженія, послѣ котораго земли теперь вновь поднимаются изъ воды.

Изъ большаго сходства нѣкоторыхъ азіатскихъ съ американ-

*) Всѣ найденныя до сихъ поръ въ Японіи въ горныхъ слояхъ раковины также весьма похожи на еще живущія въ тѣхъ моряхъ породы.

скими породами А. Грэ дѣлаетъ выводъ, что въ прежнее время, въ періодъ соединенія обоихъ материковъ, эти формы не были различны между собою, и только нынѣ, съ теченіемъ времени, приняли настоящій видъ постоянныхъ варіацій.

Возвращаясь опять къ статистикѣ флоры, авторъ сравниваетъ мѣстныхъ флоры Дуи (350 породъ) и Куссуная (315 породъ) и не видитъ между ними существенной разницы, а находитъ только различія, обусловливаемые болѣе гористою мѣстностью перваго, болѣе болотистою другаго. Древесныхъ-же породъ въ Куссунаѣ болѣе (1:3.7) чѣмъ въ Дуи (1:4.8), и разница была-бы еще поразительнѣе, если-бы можно было сравнить въ этомъ отношеніи съ-веровосточную съ югозападною флорою острова.

Наконецъ автору кажется, что, судя по большому числу однодольныхъ и особенно Сурегасеае, Gramineae и Orchideae, обслѣдованное имъ и его товарищами пространство уже такъ хорошо извѣстно, что относительно его многихъ новыхъ открытій ожидать нельзя.

Сообщивъ въ предыдущемъ главномъ содержаніе этой важной главы, оставалось-бы только поблагодарить автора за сообщенные имъ интересные факты, особенно касательно гипотезы Дэнэ и Грэ, и пожелать отъ всей души, чтобы время ему позволило поскорѣе заняться разработкою привезенныхъ имъ палеонтологическихъ коллекцій, и чтобы такимъ образомъ честь перваго основательнаго труда, служащаго для разъясненія и подтвержденія этой гипотезы осталась-бы за Россіей. Но жаль, что здѣсь, какъ и въ соотвѣтствующей главѣ, посвященной Амгуно-Бурейской флорѣ, статистическіе выводы не совсѣмъ основательны, хотя и далеко не въ такой мѣрѣ.

Авторъ не позаботился напр. показать, сколько главныхъ семействъ, сложенныхъ вмѣстѣ, даютъ половину породъ всей флоры, а это также позволяетъ судить о большей или меньшей сырости климата. Въ сухихъ странахъ половина породъ получается уже сложеніемъ первыхъ 6 — 8, въ сырыхъ же 10 и болѣе семействъ. На Сахалинѣ нужны для этого 11 семействъ.

Сравнивая главныя семейства Сахалинской и Амурской флоры, авторъ снѣшалъ многочисленность породъ съ своеобразностью ихъ, и усталъ изъ виду, что Сахалинъ гораздо меньше Амурскаго края. Взявъ это въ расчетъ, мы приходимъ къ нѣскольکو различному результату, находя, что преобладающія числомъ на Сахалинѣ семейства слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Gramineae, Сурегасеае и Orchideae, въ отношенія же своеобразности породъ Orchideae, конечно,

стоять на первомъ мѣстѣ. Особеннаго богатства Filices и Polygo-
neae я не вижу, но Leguminosae и Corolliflorae дѣйствительно бѣдны
и числомъ и своеобразными формами.

Но это мелочи, хотя и довольно важныя, если уже вообще за-
ниматься подобными вычисленіями.

Вообще же въ предыдущей и настоящей главѣ авторъ даетъ
превосходное понятіе объ этой флорѣ и ея отношеніяхъ къ сосѣд-
нимъ; онъ сдѣлалъ все, что было возможно въ такое время, когда
удовлетворительной флоры Японіи еще не существуетъ, а флора
всей русской Манджуріи еще не написана.

Послѣдняя глава: *Kultur- und Nutzpflanzen, Einfluss des Menschen
auf die Vegetation.*

Сахалинъ находится еще въ весьма первобытномъ состояніи. О
хлѣбопашествѣ нѣтъ и помину; только у Русскихъ и Японцевъ за-
ведены огороды съ самыми обыкновенными овощами, а съ ними по-
слѣдними занесены и сорныя травы, которыхъ авторъ насчиты-
ваетъ до 10 породъ. У туземцевъ нѣтъ и огородовъ; они довольству-
ются употребленіемъ въ пищу дикорастущихъ растений, разныхъ
луковицъ и корней, водорослей (*Laminaria*), ягодъ, вмѣсто овощей,
молодыхъ стеблей *Petasites* и *Polygonum Weyrichii*.

Между растеніями, служащими для технического употребленія,
интересно встрѣтить кору илима, изъ которой ткется лѣтнее верх-
нее платье. Березовая кора уже не играетъ здѣсь той важной
роли, какъ на Амурѣ; маленькія лодки напр. дѣлаются не изъ нея,
а выдалбливаются изъ тополя (*Populus Suaveolens*).

Рука человѣка и въ другомъ отношеніи еще мало отпечатлѣлась
на природѣ Сахалина. Лѣсные пожары, пожирающіе въ Восточной
Сибири и въ Амурскомъ краѣ сотни верстъ лѣсовъ, здѣсь рѣдки.

Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что въ будущемъ торговля лѣ-
сомъ (особенно *Picea japonensis* и *Larix daurica*) можетъ составить
важную отрасль доходовъ. Земледѣліе же, кажется, можетъ съ
успѣхомъ развиваться въ долинахъ западной части острова.

Прослѣдивъ весь трудъ автора, сообщивъ вкратцѣ, и гдѣ бы-
ло возможно, его содержаніе, помѣстивъ при каждомъ отдѣлѣ на-
пи собственныя замѣчанія, указавъ при этомъ вездѣ какъ на
недостатки, такъ и на достоинства этого сочиненія, въ заклю-
ченіе мы можемъ быть краткими.

Въ специальныхъ частяхъ, авторъ, по собственнымъ его словамъ,
не имѣлъ въ виду исчерпать свой предметъ, сказать о немъ послѣд-

нее слово, и употребить въ дѣло всѣ матеріалы. Во многихъ мѣстахъ рѣшеніе вопросовъ оставлено будущему писателю объ этихъ флорахъ. Въ вводныхъ частяхъ замѣчается кое-гдѣ тотъ же недостатокъ оконченности, и хотя авторъ и находился въ незавидномъ положеніи пишущаго въ такое время, когда имѣющіяся подъ рукою подходящія сочиненія устарѣли, масса-же новыхъ матеріаловъ еще не приведена въ одно цѣлое, и хотя, слѣдовательно, въ этомъ недостаткѣ оконченности отчасти нельзя и винить автора, все-таки этотъ недостатокъ существуетъ. Кромѣ того нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ слѣдовъ поспѣшности, особенно въ вводныхъ частяхъ.

Читатель былъ-бы благодаренъ автору, если-бы въ общемъ введеніи очеркъ путешествія былъ подробнѣе, но за то уже повтореній его больше-бы не встрѣчалось, и если-бы въ Амгуно-Бурейской флорѣ былъ представленъ, вмѣсто подобнаго повторенія маршрута, географической очеркъ края. Климатическія данныя совершенно недостаточны, а въ Амгуно-Бурейской флорѣ ихъ нѣтъ вовсе, и хотя для Сахалина авторъ и говоритъ, что матеріалы не въ его рукахъ и еще не опубликованы, но можно-бы постараться покажѣсть сообщить хотя мѣсячныя среднія температуры и количество дождливыхъ и снѣжныхъ дней. Главы о статистикѣ флоры также могли-бы, если бы приложить къ нимъ побольше времени и старанія, выдти полнѣе и въ своихъ результатахъ надежнѣе.

Главы же о фizioноміи растительности въ обѣихъ частяхъ ботаники превосходно, и здѣсь послѣдователямъ автора, кажется, ничего не осталось, кромѣ полнаго подтвержденія его описаній.

За этимъ исключеніемъ, трудъ автора носить на себѣ характеръ труда приговорительнаго, весьма хорошо обработаннаго матеріала для послѣдующихъ работъ.

Поэтому я полагаю, что онъ полной Демидовской преміи не можетъ быть удостоенъ.

На половинную же премію онъ вполне можетъ рассчитывать, потому что это съ начала до конца трудъ вполне самостоятельный, оригинальный, сообщающій въ первый разъ результаты важной экспедиціи въ отдаленныя и незнакомыя доселѣ мѣстности; потому что черезъ этотъ трудъ вводится въ науку одна совершенно новая область, Сахалинъ, и первая азиатская альпійская флора, и при томъ вводится со всѣми приемами современной науки и совершеннымъ знаніемъ дѣла; сообщается масса новыхъ наблюденій въ специальной части, расширяется въ ней и вводныхъ частяхъ горизонтъ

науки введеніемъ множества новыхъ растительныхъ формъ и общими взглядами отчасти особенной важности. Наконецъ этотъ трудъ, собственно для пользы Россіи, позволяетъ намъ въ первый разъ оцѣнить вновь пріобрѣтенный Сахалинъ и неизвѣстную еще часть Амурскаго края. И все это исполнено, не лишнимъ считаю прибавить, на основаніи матеріаловъ пріобрѣтенныхъ и обработанныхъ не вслѣдствіе инструкцій и приказаній, а по собственному свободному побужденію и изъ любви къ наукѣ.

ОТЗЫВЪ

А. И. ХОДНЕВА о сочиненіи г. ЭНГЕЛЬГАРДТА:

«НОВЫЙ СПОСОБЪ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КОСТЯНАГО УДОБРЕНІЯ».

(Рукопись.)

Въ началѣ своего сочиненія «*Новый способъ приготовленія костянаго удобрения*», г. Энгельгардтъ, желая обратить вниманіе читателя на важность употребленія костянаго удобрения, указываетъ на время введенія его въ Англію и Германію и на происшедшіе отъ того результаты, а именно: на увеличеніе производительности почвы, на замѣненіе однихъ хлѣбныхъ зеренъ другими и на улучшеніе качества производимыхъ растений. Разсматривая затѣмъ, съ научной точки зрѣнія, пользу и необходимость употребленія костей, какъ фосфорнокислаго соединенія, на удобреніе, особенно въ тѣхъ хозяйствахъ, изъ которыхъ вывозится зерно, мясо и молоко, г. Энгельгардтъ приводитъ въ доказательство опять Англію, которая употребляетъ для удобренія своихъ полей въ огромномъ количествѣ преимущественно разнаго рода туки, содержащія въ изобиліи фосфорную кислоту. Переходя послѣ того къ Россіи, г. Энгельгардтъ говоритъ, что, не смотря на большое истощеніе нашихъ полей, костяное удобреніе у насъ почти вовсе не употребляется, и что это зависить главнымъ образомъ отъ «*непримитимости въ русскихъ хозяйствахъ нѣкакихъ способовъ приготовленія костей, которые употребляются за-границею*», какъ то: введенія машинъ для измельченія костей и т. п., и что устройство заводовъ, для приготовленія костянаго удобрения на продажу, встрѣчаетъ затрудненія въ дурныхъ путяхъ сообщенія, въ дорогой цѣнѣ на рабочихъ и проч. Поэтому, продолжаетъ г. Энгельгардтъ, для насъ важно имѣть «*такой*

способъ приготоуленія костянаго удоуренія, который давалъ бы возможность въ самоу хозяйствѣ превращать кости въ удоуреніе, не упоуребляя для этого дороуюстоующихъ машинъ и не устраивая особенныхъ заводоу». Способъ этотъ, по мнѣнію г. Энгельгардта, состоитъ въ обработкѣ костей ѣдкими щелочами, что и составляетъ главный предметъ разсматриваемаго сочиненія.

Приступая къ описанію сказаннаго способа, г. Энгельгардтъ упоминаетъ, что первая мысль обработки костей щелочью сообщена ему г. Ильенковымъ, и что онъ занялся только практическимъ осуществленіемъ этой мысли и примѣненіемъ ея къ потребностямъ сельскаго хозяйства. Затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ общихъ соображеній о преимуществахъ новаго способа, о матеріалахъ, потребныхъ для обработки костей этимъ способомъ, и пр., г. Энгельгардтъ описываетъ произведенные имъ опыты, а именно:

1) *Дѣйствіе ѣдкихъ щелочей на кости при нагрѣваніи*: варку костей а) съ водоу, б) съ известью, в) съ ѣдкимъ кали, д) съ поташемъ и известью и е) съ золоу и известью; 2) *дѣйствіе ѣдкихъ щелочей на кости на холоду*: а) дѣйствіе ѣдкаго кали или натра на свѣжія кости, б) дѣйствіе ѣдкаго кали на вылежавшіяся кости, в) дѣйствіе ѣдкаго кали на поджаренныя кости, д) обработку костей смѣсью поташа съ известью, и е) обработку костей смѣсью золоу съ известью.

Изъ предыдущихъ опытоу выводится, что 1) растворъ ѣдкаго кали, содержащій около 8% этой щелочи, легко разлагаетъ кости какъ при нагрѣваніи, такъ и при обыкновенной температурѣ, причеу кости частіу распадаются въ бѣлый порошокъ, а частіу превращаются въ хрупкую, легко истираемую массу; на кости, вылежавшіяся и поджаренныя, дѣйствіе ѣдкаго кали обнаруживается скорѣе, чѣмъ на свѣжія. 2) Поташъ и сода или березоуа зола съ известью дѣйствуютъ точно такъ же; но золоу сосновоуа и сосновоуолоуа съ известью не дѣйствуютъ, по малому содержанию въ нихъ поташу. Смѣсь золоу съ поташемъ и известью дѣйствуетъ лучше, чѣмъ смѣсь однаго поташа съ известью. 3) Воуа, известь, поташъ и зола, взятыя отдѣльно, не обнаруживаютъ на кость почти никакого дѣйствія. 4) Для избѣжанія потери въ амміакъ, отдѣляющемеу при дѣйствіи щелочи на кости, полезно прибавлять торфа, древесныхъ опилокъ и т. п., что способствуетъ не только поглощенію амміака, но и дѣлаетъ массу болѣе сухоу и удобною для разбрасыванія по полямъ. 5) Упоуребленную на разложение костей щелочъ

можно снова употребить въ дѣло, если отдѣлить растворъ отъ разложившихся костей, перемишать его съ торфомъ и пережечь.

Въ заключеніе г. Энгельгардтъ говоритъ, что *«практическая часть вопроса рѣшена имъ только въ лабораторіи»*, и ожидаетъ дальнѣйшихъ разъясненій отъ сельскохозяйственнаго примѣненія новаго способа въ большомъ видѣ въ сельскомъ хозяйствѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ концѣ своего сочиненія, онъ предлагаетъ *«нѣкоторыя соображенія о приготовленіи въ большомъ видѣ костянаго удобрения дѣйствіемъ щелочей»*. Для этого г. Энгельгардтъ совѣтуетъ кости, особенно крупныя, разрубать, пересыпать ихъ, въ обложенныхъ кирпичемъ ямахъ, смѣсью золы съ известью и обливать водою. Отношеніе количествъ костей, поташа, гашеной извести и воды должно быть, какъ 10:1:1:10; или въ большомъ видѣ слѣдуетъ брать на 100 пудовъ костей 100 пуд. золы, 15 пуд. извести и до 120 ведеръ воды. Зола предлагается здѣсь преимущественно по ея дешевизнѣ и потому, что ее почти вездѣ можно имѣть; но тамъ, гдѣ нѣтъ березовой, гречишной, подсолнечниковой и т. п. золы, необходимо употреблять золу вмѣстѣ съ поташемъ.

Предлагаемое г. Энгельгардтомъ удобреніе, замѣчаетъ онъ, имѣетъ то преимущество, что оно, кромѣ фосфорной кислоты, содержитъ также полезныя для растений щелочи; но составъ его еще не опредѣленъ, а вычисленъ только приблизительно. Равнымъ образомъ и количество этого удобрения, потребное на десятину, должно быть опредѣлено дальнѣйшими опытами въ хозяйствѣ.

Представивъ вкратцѣ содержаніе сочиненія г. Энгельгардта: «Новый способъ приготовленія костянаго удобрения», я постараюсь опредѣлить, чтò въ немъ есть дѣйствительно новаго, и въ чемъ состоитъ достоинство предлагаемаго способа, по отношенію къ сельскому хозяйству.

Разрушительное дѣйствіе ѣдкихъ щелочей, каковы кали и натръ, на кости не составляетъ собственно новости. Въ сочиненіи Берцелиуса, вышедшемъ еще въ 1840 г., говорится, что ѣдкія щелочи разрушаютъ костяной хрящъ съ отдѣленіемъ амміака, и что желатина растворяется въ ѣдкомъ кали, оставляя бѣлый порошокъ, состоящій главнымъ образомъ изъ фосфорнокислой извести. Впрочемъ, и самъ г. Энгельгардтъ не претендуетъ на первенство открытія свойствъ ѣдкихъ щелочей разлагать кости, и откровенно заявляетъ, что первая мысль о томъ была сообщена ему г. Ильенковымъ. Слѣдовательно, вниманіе г. Энгельгардта было обращено на практическое осуществленіе этой мысли и на примѣненіе

ея къ русскому сельскому хозяйству. Съ этой только стороны, я полагаю, и долженъ быть оцѣненъ новопредлагаемый способъ приготовления костяного удобрения.

Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что для нашихъ истощенныхъ полей было бы очень полезно ввести костяное удобрение, хотя, съ другой стороны, едва ли было бы справедливо думать, что успѣхи англійскаго и германскаго хозяйства зависятъ главнымъ образомъ отъ удобрения полей костью и вообще туками, содержащими фосфорную кислоту. Хорошая обработка и надлежащее удобрение полей суть слѣдствіе улучшеннаго хозяйства, а не причина успѣховъ послѣдняго. Улучшение хозяйства страны прежде всего обуславливается общественнымъ ея развитіемъ, гражданскимъ бытомъ, и потомъ уже являются ему на помощь разнаго рода техническія усовершенствованія. Но этимъ мы, конечно, не хотимъ сказать, чтобы введеніе того или другаго способа удобрения почвы не имѣло всегда извѣстнаго вліянія на сельскохозяйственную производительность, и въ этомъ отношеніи предлагаемый способъ приготовления костяного удобрения заслуживаетъ полнаго вниманія. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Энгельгардтъ, что костедробильныя машины мало доступны, по своей довольно высокой цѣнѣ, нашимъ, особенно небольшимъ, хозяйствамъ. Приготовление изъ костей суперфосфата также весьма неудобно не только въ малыхъ, но и въ большихъ имѣніяхъ. Устройство заводовъ, съ цѣлю добыванія этого удобрения на продажу, по разнымъ экономическимъ условіямъ Россіи, равнымъ образомъ не можетъ осуществиться у насъ въ скоромъ времени. Слѣдовательно, новый способъ, какъ доступный всякому, кто приложитъ хотя небольшое стараніе къ удобрению своихъ полей, можетъ найти легко всеобщее распространение и принести русскому сельскому хозяйству существенную пользу. Способъ этотъ имѣетъ преимущество передъ сходнымъ съ нимъ и давно извѣстнымъ способомъ гноенія измельченныхъ костей вмѣстѣ съ золою, торфомъ, деревянными опилками и т. п., а также передъ способомъ гноенія цѣльныхъ костей въ навозѣ; такъ какъ во второмъ случаѣ требуется кость предварительно измельчить, а въ третьемъ — кость разлагается слишкомъ медленно.

Для изслѣдованія новаго способа приготовления костяного удобрения, г. Энгельгардтъ произвелъ старательно рядъ работъ въ лабораторіи, которыя разъяснили, по возможности, практическую сторону предмета, и теперь остается только рѣшить примѣнимость

его въ большомъ видѣ, при участіи къ дѣлу самихъ землевладѣльцевъ.

Но, при одѣнкѣ новаго способа, можно, по нашему мнѣнію, указать и въ настоящее время на нѣкоторыя его неудобства въ практическомъ отношеніи, которыя, безъ сомнѣнія, могутъ быть легко устранены при самомъ его примѣненіи въ хозяйствѣ. Во-первыхъ, *испытаніе золы* на количество содержащагося въ ней поташа въ такихъ хозяйствахъ, для которыхъ этотъ способъ можетъ быть особенно полезенъ, вовсе непрактично, и навѣрное можно сказать, что ни одинъ хозяинъ или управляющій не захочетъ прибѣгать къ этому испытанію. Лучше было бы даже вовсе не упоминать объ этомъ при описаніи способа, чтобы не испугать многихъ выщелачиваніемъ золы, выпариваніемъ щелока, употребленіемъ волчка и пр. Чѣмъ менѣе потребуется постороннихъ работъ, и притомъ работъ, нуждающихся въ особыхъ приборахъ, къ которымъ не привыкли наши сельскіе хозяева, тѣмъ скорѣе предлагаемый способъ войдетъ въ употребленіе; а это и составляетъ главное желаніе г. Энгельгардта. При этомъ можно кстати замѣтить, что свѣжая зола показываетъ всегда при пробѣ гораздо менѣе поташа, чѣмъ въ послѣдствіи, когда она полежала нѣкоторое время, особенно въ сырomorphic составленіи, отъ постепеннаго разложенія кремневокислыхъ соединений.

Во-вторыхъ, по той же причинѣ, собираніе щелочнаго раствора, по обработкѣ костей, выпариваніе и пережиганіе его съ торфомъ, чтобы получить щелочь для новой обработки костей, также непрактично и не встрѣтитъ у большинства хозяевъ никакого сочувствія.

Въ-третьихъ, раздѣленіе костей на двѣ части и перекладываніе ихъ изъ одной ямы въ другую равнымъ образомъ поведетъ за собою нѣкоторое неудобство; и казалось бы, что можно одинаково достигнуть разложенія костей въ одной и той же ямѣ. Далѣе, мы думаемъ, что едва ли новопредлагаемый способъ можетъ найти употребленіе на заводахъ, устраиваемыхъ съ цѣлію добыванія удобреній для продажи, потому что подобный заводъ, конечно, не затруднится приобрести необходимыя машины для измельченія костей, и затѣмъ для него будетъ гораздо выгоднѣе и удобнѣе превращать ихъ въ суперфосфатъ, который, вѣроятно, найдетъ и лучший сбытъ, какъ удобреніе, дѣйствующее скорѣе и сильнѣе, чѣмъ кость, обработанная щелочами.

Главное достоинство новаго способа — это его почти всеобщая доступность; это достоинство должно за нимъ оставаться и болѣе и

болѣе развиваться; въ этомъ отношеніи нельзя не сочувствовать ему и не пожелать, чтобы хозяйственная практика поскорѣ выяснила нѣкоторыя стороны вопроса, которыя не могли быть разрѣшены въ лабораторіи.

Мы не сомнѣваемся также, что самъ г. Энгельгардтъ, который, съ полною любовью къ дѣлу и безъ всякихъ вещественныхъ для себя выгодъ, старается о распространеніи своего способа, не мало будетъ способствовать окончательному его разъясненію и признанію.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

П. ПОЛЕВАГО,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

«ОПЫТЪ ОБЩЕСРАВНИТЕЛЬНОГО ОБОЗРѢНІЯ ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ ГЕРМАНСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ»,

составленный Академикомъ Ѳ. И. Буслаевымъ.

Сочиненіе это, писанное на степень Магистра Русской Словесности, состоитъ изъ двухъ частей: въ 1-й части, на 104-хъ страницахъ, излагается обзоръ памятниковъ, то есть, краткое содержаніе ихъ, съ нѣкоторыми критическими и историческими замѣчаніями; во 2-й, на 59-ти страницахъ, — разборъ памятниковъ, имѣющій предметомъ рѣшеніе вопросовъ о происхожденіи, развитіи и свойствахъ эпической поэзіи, въ примѣненіи къ тѣмъ памятникамъ, которые авторъ взялъ предметомъ своихъ изслѣдованій.

Въ 1-й части рассмотрѣны слѣдующіе памятники: 1. Изъ германскихъ: 1) скандинавскіе: изъ Семундовой Эдды — пѣсни о Вёлундѣ, Гельги и Сигурдѣ; изъ сагъ — сага о Вельзунгахъ; 2) англо-саксонскіе: поэма о Беовульфѣ; 3) собственно-германскіе, или нѣмецкіе: пѣсня о Гильдебрандѣ, гибель Нибелунговъ и Кудруна. II. Изъ славянскихъ: 1) чешскіе: Судъ Любуши, изъ Краледворской рукописи: Забой и Славой, Ярославъ, Честмиръ и Влаславъ, Яромиръ и Ольдрихъ и Бенешъ Германовъ; 2) русскіе: Слово о полку Игоревѣ и Слово о Задонщинѣ.

Каждому отдѣлу авторъ предпосылаетъ краткое введеніе, въ которомъ опредѣляетъ происхожденіе и составъ памятника, въ связи съ исторією и мѣстностью страны; затѣмъ излагаетъ самый памятникъ, частію въ сокращеніи, своими словами, частію въ пе-

реводѣ; короткія пѣсни переводить цѣликомъ; наконецъ каждый отдѣлъ заключаетъ онъ тоже краткими замѣчаніями историческаго и эстетическаго содержанія. Такъ отдѣлъ о скандинавской поэзіи начинается свѣдѣніями о перенесеніи древнихъ національныхъ преданій изъ Норвегіи въ Исландію, о той и другой Эддѣ и о составѣ Эдды Старой. За изложеніемъ содержанія скандинавскихъ пѣсень слѣдуютъ замѣчанія, между которыми особенно важны о мѣстѣ происхожденія этихъ пѣсень, причеиъ авторъ излагаетъ мнѣнія В. Гримма, Рассмана и Мюллера, соглашаясь съ послѣднимъ. Здѣсь же находимъ слѣдующія эстетическія замѣчанія, положенныя авторомъ въ основу его теоріи объ эпической поэзіи: «Способъ обработки сюжета въ пѣсняхъ Эдды чрезвычайно замѣчательнъ. Въ основаніе пѣсни никогда не берется цѣлая сага, а только одинъ моментъ ея разсматривается подробно, между тѣмъ какъ все остальное содержаніе саги предполагается уже извѣстнымъ, и потому очерчивается въ немногихъ бойкихъ и рѣзкихъ чертахъ». «Во всей Эддѣ мы вообще не встрѣчаемъ плавнаго эпическаго разсказа; въ ней, напротивъ, господствуетъ стремленіе къ драматическому изложенію событій, къ изложенію, которое выставляетъ на видъ одну какую нибудь черту, и, предполагая извѣстнымъ, сглаживаетъ все остальное, отодвигаетъ на задній планъ». Стр. 17, 18.

Въ замѣчаніяхъ, сопровождающихъ изложеніе Беовульфа, авторъ касается мифическихъ основъ этого эпоса, вліянія на него христіанской церковной литературы, и, слѣдуя Як. Гримму, опредѣляетъ отношеніе этого памятника къ прочимъ произведеніямъ древнѣйшей народной поэзіи англо-саксонской.

Въ замѣчаніяхъ, сопровождающихъ пѣсню о Гильдебрандѣ, указывается отношеніе этого эпизода къ эпическому циклу о Дитрихѣ Бернскомъ, и сродство или сходство сюжета съ пѣснями у Персовъ (Рустемъ и Зорабъ), у Русскихъ (Илья Муромецъ и его сынъ), у Сербовъ (Предрагъ и Ненадъ).

Въ замѣчаніяхъ о Нибелунгахъ излагаются мнѣнія Лахмана и Пфейфера о томъ, цѣлому ли поколѣнію пѣвцовъ должно быть приписано составленіе этой поэмы или одному лицу, и кому именно; затѣмъ опредѣляется характеръ эпическаго изложенія и дѣйствующихъ лицъ и наконецъ отношеніе памятника къ нравамъ и состоянію просвѣщенія въ XII и XIII столѣтіяхъ. Заслуживаетъ вниманія параллель между Старою Эддою и Нибелунгами, на которой авторъ основываетъ потомъ теорію эпической поэзіи: «Эдда не заботится о мелочныхъ подробностяхъ, упоминаетъ только о главномъ,

сохраняетъ между отдѣльными частями разсказа только необходимую связь; но все это дѣлаетъ разсказъ Эдды высокодраматическимъ и заставляетъ пѣвца обращать вниманіе преимущественно на развитіе характеровъ, дѣйствительно величавыхъ и громадныхъ, близкихъ къ древнимъ типамъ боговъ. Напротивъ того, въ пѣснѣ о Нибелунгахъ главное вниманіе обращается невольно на плавный, широкій и подробный разсказъ».... «Вся прелесть пѣсни о Нибелунгахъ заключается именно въ этой эпической плавности, которая позволяетъ пѣвцу, не волнуясь, разсказывать и о самыхъ прекрасныхъ, и о самыхъ ужасныхъ явленіяхъ жизни въ картинахъ, набросанныхъ еще нетвердою рукою, но замѣчательныхъ по удивительной вѣжности колорита». Стр. 62.

Обзоръ памятниковъ славянскихъ начинается немногими извѣстіями о древне-славянскихъ пѣсняхъ, заимствованными изъ Слова о полку Игоревѣ, изъ Ипатьевского списка лѣтописи (о пѣвцѣ Митусѣ), а о чешскихъ пѣвцахъ — изъ сочиненія Иречка о Краледворской рукописи. Въ замѣчаніяхъ о Судѣ Любуши авторъ слѣдовалъ преимущественно Шафарику и Палацкому въ ихъ знаменитомъ изданіи древне-чешскихъ памятниковъ, а въ разборѣ пѣсенъ Краледворской рукописи — Иречку въ упомянутомъ сочиненіи, Ганкѣ и Свободѣ.

Въ коротенькомъ введеніи къ изложенію Слова о полку Игоревѣ говорится только о рукописи, въ которой былъ помѣщенъ этотъ памятникъ. Въ замѣчаніяхъ, слѣдующихъ за изложеніемъ, опредѣляется связь Слова съ лѣтописями, относительно Половецкихъ набѣговъ и княжихъ ссоръ, и съ русскою мифологіею и до-историческими преданіями. Потомъ заявляется мнѣніе о томъ, что это произведеніе было сочинено однимъ лицомъ, и сначала было памятникомъ изустнымъ, который впоследствии пострадалъ не столько отъ долгой передачи изъ устъ въ уста, сколько отъ занесенія на бумагу, сдѣланнаго очень неловко.

Особенно коротко разобрано Слово о Задонщинѣ, съ присовокупленіемъ бѣглаго взгляда на различныя редакціи Сказанія о Мамаевомъ Побойщѣ. Объ отношеніи Задонщины къ слову о полку Игоревѣ сказано: «Сходство, замѣченное нами между произведеніемъ XII вѣка и произведеніемъ XIV — XV вѣка, не зависитъ ни отъ случая, ни отъ непрѣннаго желанія автора, а составляетъ скорѣе общую черту цѣлаго рода подобныхъ историко-эпическихъ произведеній, вѣроятно потому, что въ обширномъ кругѣ однородныхъ

произведений успѣлъ выработаться одинаковый способъ изложенія и расположенія сюжета». Стр. 104.

Задонщиною оканчивается 1-я часть этого сочиненія.

Сдѣлавъ перечень главнѣйшихъ предметовъ въ содержаніи этой части, теперь предложу о ней нѣсколько замѣчаній.

1. Сопоставленіе славянской поэзіи съ германскою можетъ быть двойное: или 1) въ исторической системѣ, какъ это сдѣлалъ Эйхгофъ въ своей исторіи средневѣковой литературы, помѣстивъ нѣкоторыя изъ произведений славянской поэзіи въ общей исторической картинѣ, наряду съ произведениями германской и романской литературы; или 2) въ отношеніи сравнительномъ, какъ изучаетъ поэзію авторъ разбираемаго мною сочиненія. Историкъ часто беретъ предметы самые разнородные, на-примѣръ, Финскую Калевалу и французскія Chansons de Geste, пѣсни Старой Эдды и Божественную комедію Данте, и размѣщаетъ ихъ въ системѣ историческаго развитія народностей и цивилизаціи. Наше Слово о полку Игоревѣ и англо-саксонскій Беовульфъ могутъ ни въ чемъ между собою не сходствовать, но, какъ характеристическія явленія разныхъ народностей, могутъ входить въ общую систему исторіи средневѣковой поэзіи. Авторъ разбираемаго мною «Опыта», имѣя свою задачу не историческое, а *сравнительное* обозрѣніе памятниковъ народной поэзіи германской и славянской, долженъ былъ выбрать изъ массы матеріаловъ только такіе, которые были пригодны для сравненія. Лучшимъ мѣриломъ пригодности авторъ весьма основательно признаетъ однородность поэтическихъ памятниковъ и одновременное или, по крайней мѣрѣ, близкое по времени происхожденіе ихъ, какъ это явствуетъ изъ всей системы его «Опыта», такъ и изъ собственныхъ словъ его, сказанныхъ противъ тѣхъ ученыхъ, которые сравнивали Слово о полку Игоревѣ съ малорусскими думами: «Кажется, нечего и говорить о незаконности такого сравненія уже потому, что въ строгомъ смыслѣ сравнивать можно только однородное и одновременное или, по крайней мѣрѣ, близкое по времени». Стр. 100. Желая для сравненія выбрать предметы однородные, авторъ беретъ изъ пѣсенъ Старой Эдды только героическія, то есть, тѣ, которыя изданы были братьями Гриммами въ 1815 году, подъ названіемъ *Lieder der alten Edda*, и не входить въ разсужденіе о пѣсняхъ мифологическихъ. Потому изъ сагъ беретъ сказанія о Вельзунгахъ, однородныя по своему сюжету съ героическими пѣснями Эдды. Ограничившись въ германскомъ эпосѣ пѣснями, поэмами и сказаніями героическаго и частію историческаго

содержанія, авторъ присовокупилъ къ нимъ, какъ однородныя по сюжету, произведенія чешской и русской поэзіи. Если авторъ остался непогрѣшителенъ въ своей сравнительной системѣ относительно однородности поэтическихъ памятниковъ, то далеко нельзя сказать того-же относительно одновременности или, по крайней мѣрѣ, близости по времени ихъ происхожденія. Впрочемъ, требовать одновременности — было бы доводить требованія совершенно до бесполезнаго педантизма, потому что національности развивались неодновременно; такъ на-примѣръ, литература и искусство въ Италіи въ XIV вѣкѣ стояли на несравненно высшей степеніи развитія, нежели въ Россіи, даже въ XVII вѣкѣ. Итакъ, ограничимся близостью времени происхожденія поэтическихъ памятниковъ. Пѣсни Старой Эдды записаны въ XI вѣкѣ, но, по своему происхожденію восходятъ, по крайней мѣрѣ, къ V-му. Поэму Беовульфъ и пѣсню о Гильдебрандѣ относятъ къ VIII вѣку; что же касается до памятниковъ славянскихъ, то изъ нихъ Краледворская рукопись записана въ XIV вѣкѣ, Слово о полку Игоревѣ — хотя составлено и въ XII вѣкѣ, но и по мнѣнію автора «Опыта» искажено и переименовано въ эпоху занесенія его на бумагу въ XIV или даже въ XV вѣкѣ; Задонщина сочинена не раньше начала XV вѣка. Что взять въ основу при сравненіи этихъ памятниковъ, время ихъ сочиненія или занесенія на пергамень и на бумагу? Если принять первое, то придется сравнивать произведенія, отстоящія другъ отъ друга по своему происхожденію на цѣлую тысячу лѣтъ, то есть, отъ V-го до XV-го столѣтія; если принять послѣднее, то разстояніе сократится на половину; но и это пространство времени, въ 500 лѣтъ, слишкомъ велико для сравненія памятниковъ по близости времени ихъ происхожденія. Сверхъ того, ни того ни другаго основанія нельзя держаться систематически. Если мы будемъ разсматривать пѣсни Старой Эдды, какъ произведенія XI вѣка, то не имѣемъ права видѣть въ Словѣ о полку Игоревѣ сочиненіе XII вѣка, и тѣмъ менѣе изучать славянскую миѳическую старину въ Краледворской рукописи XIV вѣка. Авторъ вполне справедливо поступаетъ, не стѣсняясь такою чисто внѣшнею, неразумною критикою, которая можетъ довести ad absurdum; и мы въ этомъ отношеніи вполне согласны съ авторомъ: но тогда — гдѣ же близкое по времени происхожденіе памятниковъ литературы, принятое имъ въ основу для ихъ сравненія?

2. Произвольно ограничивъ свой обзоръ нѣкоторыми памятниками, на основаніи слишкомъ неопредѣленнаго и растяжимаго по-

вятія о близости по времени ихъ происхожденія, авторъ лишилъ свое сравнительное изученіе необходимыхъ и болѣе однородныхъ матеріаловъ, предлагаемыхъ сербскимъ и русскимъ эпосомъ, хотя дошедшимъ до насъ въ изустныхъ пѣсняхъ и былинахъ, но сохранившимъ древнѣйшія преданія и часто даже въ древнѣйшей формѣ. Почему онъ не внесъ въ свой обзоръ нѣкоторыхъ изъ пѣсенъ, записанныхъ для Ричарда Джемса въ началѣ XVII вѣка? Разстояніе этихъ пѣсенъ отъ Задонщины, по времени происхожденія и записанія, несравненно меньше, нежели отъ Задонщины до пѣсенъ Старой Эдды. Сближаетъ же авторъ въ одномъ мѣстѣ нашего Илью Муромца съ нѣмецкимъ Гильдебрандомъ, а въ другомъ мѣстѣ (на стр. 71) замѣчаетъ вскользь о сродствѣ славянскихъ сказокъ съ эпизодами Кудруны. Почему было не развить эту болѣе жизненную, болѣе плодотворную для науки сторону сравнительнаго изученія? Сравниваетъ же авторъ въ одномъ мѣстѣ Краледворскую рукопись съ малорусскими думами, говоря такъ: «Пѣсни Краледворской рукописи писаны обычнымъ пѣсеннымъ складомъ и очень напоминаютъ намъ своею внѣшностью малороссійскія и южнорусскія думы» (стр. 90); а въ другомъ мѣстѣ называетъ *незаконнымъ* сравненіе съ тѣми же думами Слова о полку Игоревѣ, памятника русскаго, составленнаго на югѣ Россіи, гдѣ потомъ раздалась казацкія думы. Очень жалко, что авторъ не доказываетъ фактами своей мысли о разнородности этихъ думъ и Слова о полку Игоревѣ, а говорятъ только: «Тѣмъ болѣе странными должны казаться всѣ попытки доказывать народность Слова о полку Игоревѣ сравненіемъ различныхъ мотивовъ его съ отдѣльными произведеніями устной народной поэзіи настоящаго времени, преимущественно съ малорусскими думами, заключающими въ себѣ богатый запасъ эпическихъ выраженій». Стр. 100. Но вѣдь именно согласіе съ духомъ народа, какъ онъ выражается во всѣ времена, и состоитъ высокое національное значеніе поэтическихъ произведеній; и устная поэзія, прошедшая въ теченіе вѣковъ черезъ уста столькихъ поколѣній, служитъ лучшимъ мѣриломъ при оцѣнкѣ національныхъ качествъ поэтическихъ памятниковъ. Не вдаваясь въ крайность тѣхъ славянофиловъ, которые въ русскихъ былинахъ отыскиваютъ первобытность, чуть-ли не временъ Гомерическихъ, все же можно сказать не обинуясь, что для сравненія съ пѣснями Эдды, съ Гильдебрандомъ или съ Беовульфомъ, гораздо больше можно найти однородныхъ матеріаловъ въ народномъ устномъ эпосѣ сербовъ и русскихъ, нежели въ такомъ искаженномъ произведеніи, какъ Задонщина. Если

же авторъ думалъ отдѣлить въ этомъ сказаніи первоначальный народный строй отъ искаженій грамотника, то почему съ тою же цѣлью не взялъ онъ сказокъ Нестора объ Оборакъ, мщеніи Ольги, объ основаніи Переяславля, объ осадѣ Бѣлагограда и т. п.? Еще больше на такую критическую разработку напрашивались многія изъ легендъ, каковы о Меркуріи Смоленскомъ, о Петрѣ и Февроніи Муромской и т. п. ¹⁾ Въ исторіи поэзіи нельзя ограничиваться только такими произведеніями, которыя непосредственно вылились изъ устъ ихъ творца въ изящной, первобытной формѣ. Часто приходится брать и такія, которыя не только искажены писцами, какъ наши Слово о полку Игоревѣ и Задонщина, но даже переведены уже на чужой языкъ, если оригиналъ утратился, какъ на-примѣръ, извѣстная поэма о Вальтерѣ Аквитанскомъ въ латинской передѣлкѣ. Если латинскій текстъ не помѣшалъ ученымъ изслѣдователямъ ²⁾ извлечь изъ этой поэмы драгоценныя данныя для исторіи нѣмецкой поэзіи; то тѣмъ легче было бы изъ подъ болѣе легкаго покрова книжной рѣчи Нестора или авторовъ житій святыхъ добыть существенныя матеріалы для сравненія съ памятниками германскими. Итакъ, съ одной стороны авторъ «Опыта» напрасно ограничился только письменными памятниками славянской поэзіи, не обративъ должнаго вниманія на устную поэзію, особенно сербскую и русскую, въ которой могъ онъ найти столько же древняго, если еще не больше, чѣмъ въ Задонщинѣ; а съ другой стороны, если уже онъ хотѣлъ ограничиться только памятниками письменными, то напрасно не обогатилъ своего сравнительнаго изслѣдованія критическою разработкою поэтическихъ нѣстъ въ русскихъ лѣтописяхъ, въ житіяхъ святыхъ, легендахъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ.

3. Виновникомъ недоумѣній, изложенныхъ мною во 2-мъ замѣчаніи, самъ авторъ, который, кажется, не составилъ себѣ яснаго понятія о тѣхъ основахъ, на которыхъ излагалъ свои сравненія славянской поэзіи съ германскою. Не могъ же онъ ограничиться такими общими понятіями, какъ однородность и одновременность, или близость по времени происхожденія памятниковъ. По однородности можно сравнить и Калевалу съ пѣснями Эдды или съ нашимъ народнымъ эпосомъ, а по одновременности — наше Слово о полку

¹⁾ Смотр. въ моихъ Очеркахъ.

²⁾ Lateinische Gedichte des X. und XI. Jh. Herausgeg. von Jac. Grimm und Andr. Schmeller. 1838.

Игоревъ съ поэмою о Сидѣ и пѣсней о Роландѣ. Нельзя допустить той мысли, чтобъ авторъ «Опыта» видѣлъ въ поэзии только одну внѣшнюю форму, одинъ только внѣшній, такъ сказать, постройный способъ обработки сказанія и характеровъ, не касаясь самаго содержанія памятниковъ, ихъ реальнаго отношенія къ народу и вѣку. Если онъ не касался только внѣшности поэтического изложенія, и если хотѣлъ глубже и пристальнѣе взглянуть вънутренній составъ памятниковъ и опредѣлить ихъ жизненное значеніе въ исторіи народа, то долженъ бы именно въ этомъ смыслѣ постановить основанія для своего сравнительнаго изученія и систематически ихъ держаться. Эти основанія, какъ я ихъ понимаю, изложены мною во введеніи къ монографіи «Испанскій народный эпосъ о Сидѣ», напечатанной въ приложеніи къ V-му тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ. Для уясненія вопроса нахожу умѣстнымъ привести слѣдующія слова изъ этой монографіи: «Если народный эпосъ котораго либо одного изъ индо-европейскихъ народовъ основывается на мифологическихъ преданіяхъ, то само собою разумѣется, сравнительная мифологія индо-европейскихъ народностей, такъ удачно разрабатываемая въ настоящее время, предложитъ много данныхъ для сравнительнаго изученія такого эпоса. Это, безъ сомнѣнія, можно сказать объ эпосѣ нѣмецкомъ вообще и о сѣверномъ въ особенности. Если же народный эпосъ слагается преимущественно изъ элементовъ историческихъ, то есть, значительно позднѣйшихъ, каковы французскіе, такъ называемые *Chansons de Geste* или испанскіе романсы о Сидѣ; то собственно сравнительный методъ, основанный на мысли о первобытномъ сродствѣ индо-европейскихъ народностей, такъ же мало можетъ быть примѣненъ къ этимъ произведеніямъ романскихъ племенъ, какъ къ новелламъ Боккаччіо или къ Письмовнику Курганова». «Кто допускаетъ методъ собственно сравнительный, тотъ можетъ, на-примѣръ, сблизить Илью Муромца съ Торомъ или съ другимъ какимъ нибудь лицомъ мифологическаго эпоса родственныхъ индо-европейскихъ народовъ. Если же кто нибудь вздумалъ бы сравнить того же русскаго богатыря съ Роландомъ или Сидомъ, съ личностями историческими, оторванными отъ раннихъ основъ мифологическаго эпоса и развитыми на почвѣ собственно исторической; то это сравненіе было бы только случайнымъ сопоставленьемъ двухъ совершенно разнородныхъ личностей — одной изъ русскаго быта, другой — изъ французскаго или испанскаго, неимѣющихъ между собою ничего общаго, несприкасавшихся другъ съ другомъ въ эпоху созданія

этихъ эпическихъ идеаловъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сравненіе возможно только въ одномъ отношеніи, именно, по степени развитія народнаго быта, выраженнаго въ русскихъ былинахъ съ одной стороны, и въ пѣснѣ о Роландѣ или въ романсахъ о Сидѣ—съ другой. И русскій бытъ, и французскій или испанскій, тотъ и другой исторически слагались независимо другъ отъ друга, но могли между собою сходствовать, какъ по врожденному всѣмъ народамъ единообразію въ общихъ началахъ историческаго развитія, такъ и по христіанскимъ основамъ, общимъ въ цивилизаціи всѣхъ европейскіхъ народовъ, и католическихъ и православныхъ». Стр. 3—5. Какой же изъ этихъ двухъ способовъ сближенія славянскихъ памятниковъ съ германскими употребляетъ авторъ «Опыта»? Очевидно, не сравнительный, потому что не входитъ въ разсужденіе о первобытномъ сродствѣ германцевъ съ славянами, основанномъ на общемъ происхожденіи языка и мифологіи. Если бы онъ имѣлъ намѣреніе объяснять эпическія формы въ связи съ языкомъ, то непремѣнно коснулся бы языка готскаго, какъ это постоянно дѣлаетъ Як. Гриммъ въ своей мифологіи и въ юридическихъ древностяхъ. Если бы авторъ «Опыта» почелъ нужнымъ вести свое сравнительное изслѣдованіе отъ раннихъ мифическихъ основъ, то онъ не ограничился бы въ Эддѣ пѣснями только героическими. Устраненіемъ изъ своего изслѣдованія пѣсенъ Эдды космогоническаго и геогоническаго содержанія, авторъ довольно ясно заявляетъ свое намѣреніе держаться болѣе твердой основы исторической и бытовой. Сверхъ того, Сага о Вельзунгахъ, Нибелунги, Гильдебрандъ, Беовульфъ — предлагали ему содержаніе болѣе или менѣе однородное съ пѣснями Эдды о Гельги и Сигурдѣ. Но и героическія пѣсни Старой Эдды, какъ живые элементы одного нераздѣльнаго цѣлаго, проникнуты мифологіею, развиваются на мифологическихъ основахъ, ими живутъ и движутся. Излагая содержаніе этихъ и другихъ памятниковъ, какъ германской, такъ и славянской поэзіи, авторъ не могъ не касаться нѣкоторыхъ мифологическихъ намековъ, содержащихся въ самыхъ памятникахъ; но эти намеки въ его «Опытѣ» остаются разрозненными явленіями, которыя авторъ не находилъ нужнымъ привести въ систему, связавъ мифологическія основы въ одно живое цѣлое съ сказаніями о герояхъ. Итакъ, надобно полагать, что подъ «сравнительнымъ обозрѣніемъ», авторъ разумѣетъ случайное, внѣшнее и произвольное сопоставленіе рядомъ памятниковъ поэзіи германской и славянской. Въ этотъ произвольно набранный рядъ онъ могъ бы поставить и пѣсню

о Роландѣ, и поэму о Сидѣ и многое другое, но на первый раз ограничился только тѣмъ, что даетъ въ своемъ «Опытѣ».

4. Отдѣлъ о германскихъ памятникахъ обработанъ авторомъ значительно лучше отдѣла славянскаго. Въ первомъ онъ пользовался братьями Гриммами, Рассманомъ, Люннингомъ, Пфейферомъ и другими лучшими изслѣдователями; особенно видно благотворное вліяніе прекрасной книги Вильгельма Гримма: *Die deutsche Heldensage*, сочиненія, которое больше другихъ могло служить автору какъ по своему содержанію, такъ и по системѣ. Вильгельмъ Гриммъ такъ же, какъ и авторъ «Опыта», дѣлитъ свое изслѣдованіе на двѣ части: въ первой дѣлаетъ обзоръ памятниковъ, во второй говоритъ о происхожденіи и развитіи эпическихъ сюжетовъ и объ эпическомъ изложеніи. Впрочемъ, въ системѣ того и другаго автора замѣчается одно существенное различіе, о чемъ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же не могу не замѣтить, что германскій отдѣлъ, при всей своей краткости, отличается въ «Опытѣ» значительною полнотою въ обстоятельной постановкѣ самыхъ памятниковъ относительно ихъ сюжетовъ и ихъ связи съ эпическими преданіями, съ самою жизнью народа и съ вѣкомъ, когда произошли эти памятники и когда развивались и видоизмѣнялись. Далекое нельзя того же сказать объ отдѣлѣ славянскомъ. Хотя авторъ говоритъ нѣсколько словъ о любви славянъ къ родинѣ, о борьбѣ ихъ съ нѣмцами, но болѣе въ общихъ мѣстахъ; что же касается до бытовыхъ подробностей и преданій, предлагаемыхъ самыми памятниками, то авторъ или вовсе ихъ не касается, какъ на-примѣръ въ чешской пѣснѣ о Забоѣ и Славоѣ, или говоритъ мимоходомъ, не группируя отдѣльныхъ очертаній въ полную и ясную картину. То онъ сблизитъ судныхъ дѣвъ Суда Любушина съ нѣмецкими Нормами, не показавъ ни основы для этого сближенія, ни различія между этими нѣмецкими и эпическими личностями, по различію быта германскаго и славянскаго; то онъ сблизитъ Чешскую Любушу съ Польскою Вандою, не объяснивъ первобытнаго сродства національности чешской съ польскою³⁾. Хотя авторъ говоритъ: «богаты пѣсни Краледворской рукописи чертами древняго чешскаго быта и нравовъ» (стр. 90); но онъ не потрудился характеризовать этотъ бытъ и эти нравы, чтобъ сравнить эти данныя славянской поэзіи съ данными поэзіи германской. Желая быть точнымъ и положительнымъ, онъ будто намѣренно держится только

³⁾ Смотр. въ моихъ Очеркахъ главу о древнѣйшихъ эпическихъ преданіяхъ славянскихъ племенъ.

внѣшней стороны славянскихъ памятниковъ, опасаясь анализировать ихъ бытовое содержаніе. Это качество очень полезно для внѣшней исторической критики памятниковъ; но тогда — для чего же авторъ брагъ себѣ задачею «сравнительное обозрѣніе»?

5. Въ сочиненіи, въ которомъ приведены нѣкоторыя пѣсни Старой Эдды, пѣсня о Гильдебрандѣ, Беовульфъ, совершенно непонятны слѣдующія слова, которыя авторъ кладетъ въ основу своей характеристики славянской поэзіи: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и до образованія разбираемыхъ нами эпосовъ существовали у славянъ пѣсни эпического склада. У германцевъ онѣ пропали безслѣдно и сохранились только свидѣтельства о томъ, что онѣ существовали; у русскихъ сохранились не одни только свидѣтельства, но отчасти уцѣлѣли и самыя пѣсни въ видѣ былинъ». Стр. 72—73. Затѣмъ авторъ указываетъ на Бюна, жившаго, по свидѣтельству Слова о полку Игоревѣ, въ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтія, на какого-то Митусу, приурочиваемаго Ипатьевскимъ спискомъ лѣтописи къ XIII вѣку. Какъ понять это странное заявленіе, что у германцевъ пропали пѣсни безслѣдно, когда въ VIII-мъ уже вѣкѣ была записана пѣсня о Гильдебрандѣ, а въ XI-мъ цѣлый циклъ пѣсенъ Старой Эдды, а у насъ даже отъ XIII вѣка уцѣлѣло только имя какого-то Митусы, о которомъ даже неизвѣстно, былъ ли онъ дѣйствительно пѣвецъ, то есть, поэтъ, или просто пѣвчій? Какъ согласить это заявленіе съ тѣмъ, что говоритъ самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ о древности эпической поэзіи у германцевъ? А именно: «Эпическая пѣсня у германскихъ племенъ (Lied) уже съ VI вѣка существовала совершенно самостоятельно и стояла въ тѣсной связи съ *арфой* (harpe), инструментомъ, который давалъ полный просторъ словамъ, смыслу пѣсни. Тогда еще не было у германскихъ племенъ никакого отдѣльнаго сословія пѣвцовъ-поэтовъ; пѣлъ всякій, кому богъ влагалъ пѣсню въ уста; однако и въ то уже время замѣтно, что чаще другихъ, *по особой милости боговъ* (такъ, вѣроятно, думалъ народъ) ⁴⁾ пѣвцами у германцевъ, какъ и у всѣхъ другихъ племенъ, являлись *слѣдующіе старцы*». II, стр. 3.

6. Мнѣніе автора о томъ, что Задонщина есть произведеніе оригинальное, составившееся независимо отъ непосредственнаго вліянія Слова о полку Игоревѣ, выражено слишкомъ голословно и

⁴⁾ Замѣчу мимоходомъ, что эта оговорка вовсе лишняя. Кто же, какъ не народъ можетъ думать о богахъ? Сверхъ того, тутъ не имѣетъ мѣста *смысленность*. Это несомнѣнный фактъ, выражающійся въ тысячахъ эпическихъ пѣсенъ всѣхъ народовъ.

не подкрѣплено доказательствами, а сверхъ того какъ-то неясно и двусмысленно: «Это сходство состоитъ не только въ буквальномъ повтореніи цѣлыхъ выраженій Слова, его образовъ, его эпитетовъ, но и въ томъ, что Слово о Задонщинѣ представляетъ намъ много прекрасныхъ оборотовъ и выраженій, составленныхъ подобно выраженіямъ Слова о полку Игоревѣ, много образовъ, заимствованныхъ изъ него, хоть и *близкихъ* къ нему. Нельзя предположить, чтобы авторъ Задонщины просто подражалъ произведенію XII вѣка или даже былъ вдохновленъ имъ, тѣмъ болѣе, что такое же сходство находимъ мы не только между Задонщиной и Слово о полку Игоревѣ, но и *между произведеніями друиыхъ родовъ (житіяи святыхъ, духовными стихами, историческими повѣстями, сказками, былинами, думами и пѣснями)*. Сходство, замѣченное нами между произведеніемъ XII вѣка и произведеніемъ XIV — XV вѣка, не зависитъ ни отъ случая, ни отъ непремѣннаго желанія автора, а составляетъ скорѣе общую черту цѣлаго рода подобныхъ историко-эпическихъ произведеній, вѣроятно потому, что въ обширномъ кругѣ народныхъ произведеній успѣлъ выработаться одинаковый способъ изложенія и расположенія сюжета». Стр. 104. Авторъ начинаетъ тѣмъ, что допускаетъ въ Задонщинѣ *буквальное* повтореніе цѣлыхъ выраженій Слова о полку Игоревѣ, а потомъ склоняется къ рѣшительному отрицанію непосредственнаго и намѣреннаго заимствованія этихъ выраженій авторомъ Задонщины у автора Слова о полку Игоревѣ. Но какъ же объяснить рабское и часто искаженное подражаніе перваго памятника второму? Этотъ фактъ нельзя порѣшить общими разсужденіями. Тутъ необходима филологическая критика самыхъ мѣстъ въ Задонщинѣ, заподозрѣнныхъ очевиднымъ искаженіемъ подобныхъ же мѣстъ Слова о полку Игоревѣ ⁵⁾. Вотъ нѣсколько изъ нихъ на выдержку, въ томъ порядкѣ, какъ они слѣдуютъ въ Задонщинѣ: «Начаша ти повѣдати по дѣломъ и по былинамъ, не поразимся мыслію но землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ *ещицаннаю боярина* (вм. вѣщаго Бояна) горазна гудца въ Кіевѣ. Тотъ *бояринъ* (вм. Боянъ) воскладоша горазная своя персты на живыя струны.... Братія и князи рускіе, гнѣздо есмя были Великаго Князя Владимера Кіевскаго, не обидѣ есмь были по роженію (въ Словѣ о полку Иг. *порожени*, т. е. порождены) ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому

⁵⁾ См. примѣчанія къ Задонщинѣ въ моей Христоматіи, столб. 1324 и слѣд.

сему Мамаю.... О соловей лѣтняя птица, чтобы ты соловей пощекоталъ славу Великому Князю (въ Словѣ о п. Иг. *о Бояне, соловію стараяо времени! абы ты сіа пльки ущекоталъ*).... и вѣдомы полеводцы подѣ трубами подѣ шеломы значеными (въ Словѣ о п. Иг. *свѣдомы къ мети, подѣ трубами повити, подѣ шеломы възмелъяны*).... а сами сядемъ на добрые кони своя, и посмотримъ быстраго Дону (въ Словѣ о п. Иг. *а всядемъ, братіе, на свои брзъыя комони, да поэримъ синего Дону*).... Сѣдлай, брате Андрей, свой добрый конь, а мой готовъ осѣдлай (въ Сл. о п. Иг. *сѣдлай, брате, свои брзъыи комони, а мои ти ютови, осѣдлай*).... а уже бѣды его пасоша, птицы крылати подѣ облакъ летять, вороны часто грають, а галицы свою рѣчь говорятъ, орли хлѣкчють, а волцы грозно воють, а лисицы на костѣхъ бряпнуть. Русская земля то первое еси какъ за царемъ за Соломономъ побывала».... Послѣдняя выдержка вся состоитъ изъ хорошо извѣстныхъ всѣмъ выраженій Слова о п. Игор., а послѣдняя фраза предлагаетъ даже смѣшное искаженіе слѣдующаго мѣста въ Словѣ о п. Игор., очевидно непонятаго авторомъ Задонщины: «О руская земле! уже за *шеломьянемъ* еси», то есть, за горою.

Совершенно справедливо, что въ средневѣковой народной литературѣ, и на Западѣ и у насъ, *въ крутъ однороднагъ произведеній выработывался одинаковий способъ изложенія и расположенія сюжета*, согласный съ духомъ народа, служившій живою связью поколѣній, послѣдовавшихъ съ предшествовавшими, и въ теченіе вѣковъ вошедшій въ основы національности. Но отъ этого, все же болѣе или менѣе разумнаго, хотя и подражательнаго, способа творчества, надобно отличать рабскія подражанія, доводившія старинныхъ грамотниковъ до бессмысленныхъ заимствованій, примѣры которыхъ представляетъ Задонщина.

Находя неумѣстнымъ внесеніе такого поздняго и искаженнаго произведенія, какъ Задонщина, въ «сравнительное обзорѣніе древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской», все же я не отказываю этому Слову въ поэтическихъ достоинствахъ: въ доказательство чего позволяю себѣ привести здѣсь сказанное мною объ этомъ предметѣ, въ другомъ мѣстѣ: «Несмотря на подражаніе Слову о полку Игоревѣ, нѣкоторыя мѣста отличаются высокимъ художественнымъ достоинствомъ; какъ напр. плачь княгини и боярыни и воеводскихъ женъ, и особенно конецъ Слова, гдѣ описывается, какъ Великій Князь, съ своимъ братомъ и остальными воеводами, сталъ на костяхъ, какъ считали они убитыхъ, и какъ

пропался съ убитыми Великій Князь» *). Я даже допускаю сравненіе этого памятника съ древнѣйшими, и славянскими и германскими, но на одинаковыхъ правахъ съ другими позднѣйшими произведеніями, каковы пѣсни Джемса, Малорусскія думы, Великорусскія былины. Если для внесенія Задонщины въ сравнительное обозрѣніе древнѣйшей поэзіи необходимо въ этомъ памятникѣ отдѣлить раннее отъ позднѣйшей примѣси; то, подъ условіемъ такой же критической обработки, могутъ быть внесены въ это обозрѣніе и эти, сказанныя мною, народныя произведенія устной поэзіи.

Вторая часть, имѣющая предметомъ разборъ памятниковъ, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ говорится о содержаніи памятниковъ, во второмъ объ изложеніи, въ третьемъ о языкѣ и выраженіи.

Такъ какъ эта часть очень коротка (всего на 59 стр.), къ тому же почти на половину наполнена выписками изъ памятниковъ, то я нахожу удобнѣе дѣлать свои замѣчанія при изложеніи ея содержанія.

Авторъ беретъ болѣе формальную, нежели реальную сторону своего предмета, хотя и не вездѣ остается вѣреть себѣ въ этой системѣ. Иногда онъ говоритъ кое-что объ отношеніи поэзіи къ быту народному, но вообще разсматриваетъ ее только съ точки зрѣнія эстетической, не касаясь вопроса о всесторонней обработкѣ вопроса, о содержаніи памятниковъ, то есть, о значеніи мифовъ, о связи ихъ съ бытомъ и учрежденіями, объ элементахъ мифическихъ и историческихъ, изъ которыхъ сложился тотъ или другой изъ героевъ германскихъ и славянскихъ. Именно этимъ разбираемый «Опытъ» существенно отличается отъ трудовъ братьевъ Гриммовъ, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ съ эстетическими принципами соединяютъ обиліе историческихъ данныхъ для быта, въ слѣдствіе чего реальныя подробности постоянно обобщаются, освѣщаясь общею имъ всѣмъ идеею, съ другой же стороны — эстетическіе принципы перестаютъ быть отвлеченными формулами, и проникая собою всѣ реальныя подробности быта, ихъ оживляютъ и возводятъ до общихъ началъ.

Такъ Вильгельмъ Гриммъ, въ своемъ образцовомъ сочиненіи *Die deutsche Heldensage*, подробно изложивъ историческія свидѣ-

*) Христомат. столб. 1324.

тельства о германскихъ памятникахъ, предлагаетъ затѣмъ общее обозрѣніе этихъ послѣднихъ, и въ немъ не ограничивается общими эстетическими опредѣленіями, но входитъ въ реальное изложеніе самаго содержанія памятниковъ, съ точки зрѣнія столько же эстетической, какъ и исторической: дѣлаетъ перечень всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ, и ихъ характеризуетъ, входитъ въ отношеніе извѣстныхъ мифовъ къ извѣстному содержанію памятниковъ, критически разсматриваетъ видоизмѣненія памятниковъ и т. п. Напротивъ того, авторъ «Опыта», взявшій для своего изслѣдованія слишкомъ разнородные предметы, какъ пѣсни Эдды и наша Заблудница, конечно не могъ сладить съ обиліемъ разнообразнаго содержанія, и потому въ отдѣлѣ о содержаніи памятниковъ долженъ былъ ограничиться общими разсужденіями эстетическаго свойства о томъ, что эпосъ бываетъ мифологическій, героическій и историческій; что чудесное въ мифологическомъ эпосѣ исходитъ изъ вѣровавшаго народа, а въ героическомъ — является чаще литературною прикрасою, зависящею отъ прихоти автора; что первоначальныя эпическія пѣсни не были плавнымъ рассказомъ, какимъ мы вообще привыкли представлять себѣ эпосъ, что плавность, широта и послѣдовательность — позднѣйшія формы эпической поэзіи; и наконецъ, что главнѣйшія причины, измѣняющія основу эпоса суть: изустная передача, перенесеніе изъ одной страны въ другую, закрѣпленіе письмомъ, сліянiе нѣсколькихъ сказаній въ одно и личность автора. При этомъ авторъ приводитъ примѣры изъ разобранныхъ имъ въ 1-й части памятниковъ. Въ этомъ эстетическомъ трактатѣ заслуживаютъ вниманія два мнѣнія: во-первыхъ, что всѣ памятники славянскіе входятъ въ составъ *историческаго* эпоса, и, во-вторыхъ, что, судя по отрывочности и быстротѣ изложенія, составляющей первоначальное свойство эпической поэзіи, ближе къ первоначальной формѣ сохранились пѣсни Старой Эдды и пѣсня о Гальдебрандѣ и потомъ древне-чешскіе памятники.

Такъ какъ авторъ, ограничившись не многими древними остатками славянской поэзіи, не нашелъ нужнымъ коснуться поэзіи сербской, столь богатой мифологическимъ содержаніемъ, то я почитаю неумѣстнымъ входить въ разсужденіе о томъ, въ какой степени эпосъ славянскій можно назвать историческимъ. Сверхъ того, это мнѣніе авторъ не потрудился развить, что, по крайнему моему разумѣнію, было бы необходимо для разъясненія нѣкоторыхъ противорѣчій «Опыта». Такъ напримѣръ, можно ли безусловно Судъ Любуши назвать эпосомъ *историческимъ*, когда авторъ «Опыта»

самую Любушу и двухъ судныхъ дѣвъ объясняетъ мнѳологическими типами сѣверныхъ норнъ и античныхъ паркъ? См. часть I, стр. 77.

Второе мнѣніе авторъ подробнѣе развиваетъ во 2-мъ отдѣлѣ, имѣющемъ предметомъ изложеніе памятниковъ. «Эпосъ *миоическій* — говоритъ онъ — ни о чемъ не рассказываетъ плавно, послѣдовательно, а сосредоточивъ свое вниманіе на одномъ какомъ нибудь событіи, набрасываетъ одну черту за другою, кладетъ одна на другую яркія краски, даетъ въ немногихъ словахъ ясное понятіе о томъ событіи или характерѣ, которые составляютъ предметъ пѣсни, но не входитъ въ подробности, или, по крайней мѣрѣ, рѣдко входитъ въ нихъ. Однимъ словомъ, каждая отдѣльная пѣсня миоическаго эпоса представляетъ *очеркъ*, набросанный смѣлой и сильной рукой». Стр. 7. И далѣе: «Изложеніе *героическаго* эпоса совершенно противоположно изложенію Эдды: въ немъ нѣтъ и двухъ словъ безъ связи. Послѣдующее въ немъ всегда основывается на предыдущемъ, одно истекаетъ изъ другаго, и весь рассказъ катится плавно и ровно, какъ *нитка выходитъ изъ клубка*, по замѣчательно вѣрному сравненію Калевалы). Стр. 10. Наконецъ: «Изложеніе *историческаго* эпоса — говоритъ авторъ — очень напоминаетъ собою южно-русскія думы. Въ немъ не встрѣчаемъ мы связнаго рассказа объ извѣстномъ рядѣ событій, а больше видимъ отдѣльныя картины, картины подробныя, но неутomляющія вниманія мелочными частностями. Пѣвецъ часто дѣлаетъ очень быстрые и рѣзкіе переходы, вполне поддаваясь личному настроенію, иногда даже отвлекается въ сторону, подъ влияніемъ мимолетнаго впечатлѣнія, возбужденнаго какою нибудь частью его собственной пѣсни: оттого эпосъ историческій такъ богатъ лирическими мѣстами, которыхъ почти вовсе нѣтъ въ эпосѣ миоическомъ, и очень немного встрѣчается въ эпосѣ героическомъ». Стр. 18 — 19.

Объ этихъ мнѣніяхъ предлагаю слѣдующія замѣчанія.

1) На основаніи пѣсенъ Старой Эдды, опредѣляя характеръ миоическаго эпоса отсутствіемъ плавности и послѣдовательности и быстротой въ смѣняющихся другъ друга очеркахъ, авторъ противорѣчитъ самому себѣ, находя тѣже свойства въ пѣснѣ о Гильдебрандѣ, которая по содержанію безспорно относится къ циклу героическому, а не миоологическому, и въ пѣсняхъ чешскихъ, которыя авторъ вноситъ въ составъ эпоса историческаго. Вотъ собственныя слова автора: «Мы можемъ утверждать положительно, что первоначальныя эпическія пѣсни вовсе не были плавнымъ рассказомъ объ извѣстномъ рядѣ событій.... Первоначальныя эпиче-

скія пѣсни составляли небольшіе и краткіе рассказы объ одномъ отдѣльномъ событіи, въ которыхъ пѣвецъ нисколько не заботился о связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, потому что предполагалъ то и другое уже хорошо извѣстнымъ въ кругу своихъ слушателей». Стр. 3. И далѣе: «всего ближе къ первоначальной своей формѣ сохранились въ германской поэзіи: пѣсни Эдды и пѣсня о Гильдебрандѣ; затѣмъ первенство по свѣжести и цѣлости древней формы принадлежитъ чешскимъ памятникамъ». Стр. 5. Итакъ, общее свойство древнѣйшей формы эпоса вообще, будь онъ мифическаго, героическаго или историческаго содержанія, авторъ дѣлаетъ характеристическою или преимущественною принадлежностью эпоса мифическаго. Переходъ отъ эпизодичности и отрывочности къ полнотѣ и плавности, постановленный авторомъ въ соотвѣтствіе съ переходомъ эпоса мифическаго въ героическій, можетъ имѣть точно такое же законное мѣсто въ развитіи и одного только историческаго эпоса. Въ доказательство это привожу сказанное мною въ отношеніи пѣсни начала XVII вѣка о Скопинѣ Шуйскомъ къ народнымъ былинамъ того же содержанія: «По краткимъ, энергическимъ намекамъ оно (т. е. стихотвореніе XVII вѣка) напоминаетъ Слово о полку Игоревѣ, но превосходитъ его гармоническимъ сочетаніемъ всѣхъ этихъ намековъ различнаго тона въ одно стройное цѣлое. Это небольшая пѣсенка; хотя имѣетъ предметомъ кончину Скопина, но не входитъ въ ея подробности, предполагая изъ дѣломъ извѣстнымъ.... Особенную красоту этой пѣсенки составляетъ свѣжесть вдохновенія, вызваннаго только что совершившимся событіемъ.... Таково преимущество собственно историческаго стихотворенія передъ народно-эпическимъ, основаннымъ уже на преданіи, и потому смѣдившимъ всѣ намеки на живую современность, которые кажутся потомкамъ неровностью, мѣшающею гладкому теченію общепринятаго и вслѣдъ понятнаго рассказа» и т. д. ⁷⁾ Итакъ, отрывочность, неровность, эпизодичность—общее достояніе всякаго рода эпическихъ памятниковъ, въ ихъ первоначальномъ видѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ эпоху, ближайшую къ ихъ происхожденію.

2) Односторонняя теорія мифическаго эпоса, составленная авторомъ подъ вліяніемъ Германской Эдды, не прилагается къ произведеніямъ другихъ народностей, и особенно славянъ и сосѣднихъ съ нами финновъ. Не подлежитъ сомнѣнію ни мифологичность, ни эпическая плавность и широта изложенія тѣхъ сербскихъ пѣ-

⁷⁾ Смотри мои Очерки I, стр. 528 — 5.

сенъ, гдѣ являются дѣйствующими лицами мненческія Вилы и Дивы съ ихъ Дивскимъ старѣйшиною. Тоже самое должно сказать и о Финской Калевалѣ. Какъ же эти факты подвести подъ теорію «Опыта»?

3) На стр. 1-й авторъ увѣряетъ, что «всѣ памятники славянскіе входятъ въ составъ историческаго эпоса»; а на стр. 18-й эпосъ историческій характеризуетъ онъ тѣмъ, что въ немъ не встрѣчаемъ мы связнаго разказа, а больше видимъ отдѣльныя картины, съ быстрыми переходами и съ частыми лирическими отступленіями. Къ этой теоріи не прилагается замѣчательнѣйшее изъ древнихъ славянскихъ произведеній, Судъ Любушъ, отличающееся плавностью и широкимъ теченьемъ, и, кромѣ вступленія, и то не имѣющаго лирическаго, не прерываемое личными, собственно лирическими отступленіями самого гѣвца. Въ подтвержденіе своей теоріи авторъ указываетъ на малорусскія думы, а въ опроверженіе ея можно указать болѣе обширныя циклы сербскихъ пѣсенъ и великорусскихъ былинъ. Или эти произведенія не принадлежатъ къ эпосу только историческому — и тогда имѣетъ ли обширный смыслъ увѣреніе автора о господствѣ историческаго эпоса въ славянской народности? Если же, по мнѣнію автора, эпосъ сербскій и русскій имѣетъ характеръ исключительно историческій, тогда невѣрна предлагаемая въ «Опытѣ» теорія эпоса историческаго; потому что изложеніе великорусскихъ былинъ, равно какъ и собственно эпическихъ сербскихъ пѣсенъ, напр., о Вукашинѣ, о Маркѣ Крылевичѣ, противрѣчатъ всему, чѣмъ авторъ опредѣляетъ эпосъ историческій.

4) Если авторъ въ своей теоріи эпоса мнѣологическаго и историческаго разумѣетъ не всю народную эпическую поэзію славянъ, а только не многіе древніе памятники, имъ приведенные; то или эти памятники противрѣчатъ общему характеру народнаго славянскаго эпоса, или невѣрно и односторонне имъ объяснены.

5) Славянская поэзія существенно отличается отъ германской тѣмъ, что, создаваясь въ устахъ народа, и устно переходя изъ вѣка въ вѣкъ, процвѣтаетъ во всей своей свѣжести и досегѣ. Съ точки зрѣнія исторіи быта, въ отношеніи критическомъ и филологическомъ, авторъ имѣлъ полное право ограничиться пятью-шестью старинными памятниками славянской поэзіи; но возводить частныя наблюденія надъ этими немногими явленіями до общей теоріи славянскаго эпоса, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права, игнорируя великіе циклы устныхъ славянскихъ эпосовъ.

На основаніи предложенныхъ мною замѣчаній, я признаю не-

доказаннымъ слѣдующее мнѣніе, которому, какъ кажется, авторъ даетъ особенную цѣну: «Эпосъ историческій, давая болѣе всѣхъ другихъ простора чувству, особенно замѣчателенъ своимъ удивительно теплымъ и вѣрнымъ пониманіемъ природы, которое составляетъ отличительную черту памятниковъ славянскихъ, между тѣмъ какъ всѣ германскіе памятники (кромѣ Беовульфа) не знаютъ и не хотятъ ее знать». Стр. 19.

Также только съ внѣшней стороны, безъ живой связи съ основами внутренняго быта, авторъ объясняетъ эпическіе приемы, которые ограничиваетъ только слѣдующими: 1) Примѣты и предзнаменованія, 2) предсказанія, 3) вѣщіе сны и 4) сочувствіе природы. Вотъ что говоритъ авторъ объ этихъ приемахъ вообще: «Во всѣхъ эпическихъ произведеніяхъ, начиная съ древнѣйшаго изъ нихъ, съ Эдды, мы встрѣчаемъ въ извѣстныхъ случаяхъ одни и тѣже приемы изложенія, съ одной стороны *облегчающіе трудъ* и рассказчика, и слушателя, съ другой стороны—*усиливающіе впечатлѣніе* рассказа». Стр. 25. Хотя далѣе авторъ и допускаетъ ту мысль, что «въ основаніи всѣхъ этихъ приемовъ лежатъ древнія, первобытныя вѣрованія челоуѣка», но этой жизненной стороны онъ касается вскользь, оставаясь только при внѣшнемъ, формальномъ толкованіи эпическихъ приемовъ, и не приводя ихъ въ органическую связь съ общею идеею эпоса. Чтобы объяснить свое требованіе, я почитаю нелишнимъ привести здѣсь сказанное мною въ другомъ мѣстѣ *) объ эпическомъ предвѣдѣніи и предвареніи, выражающемся въ предзнаменованіи, предсказаніи, въ вѣщемъ снѣ: «Эпосъ спокоенъ и величавъ въ своемъ, отъ судьбы предназначенномъ ровномъ теченіи, *не по воли рассказчика, не по намеренному, искусственному изложенію* событій, рассказъ о которыхъ заблаговременно предшествуется пророчествомъ или предвѣдѣніемъ, смягчающимъ впечатлѣніе катастрофы,—*народный эпосъ спокоенъ потому, что народу раньше эпоны извѣстно все то, о чемъ въ немъ повествуется*. Какъ созданіе старинны, какъ сама старина, всѣмъ извѣстная и свято чтимая, онъ не можетъ содержать въ своихъ рассказахъ ничего неожиданнаго, чрезвычайнаго. Это-то предварительное, близкое знакомство слушателей со всѣмъ тѣмъ, о чемъ пѣвецъ будетъ имъ пѣть, *нашло себѣ естественное выраженіе въ цѣломъ рядѣ эпическихъ мотивовъ, каковы предсказаніе, вѣщее видѣніе или сновидѣніе, и т. п.* Такимъ образомъ, на встрѣчу этому всеобщему знакомству съ народнымъ эпосомъ,

*) Мое Очерки, I, стр. 270 и слѣд.

пѣвецъ предпосылаетъ въ вѣщемъ предвидѣніи краткій перечень всего того, о чемъ будетъ подробно разсказывать. Впрочемъ — предупреждаю недоразумѣніе — пѣвецъ поступаетъ такъ безъ всякаго особеннаго намѣренія. Это не есть искусственное предупрежденіе, опредѣляемое только художественнымъ стилемъ эпоса, но самое естественное выраженіе народной вѣры въ роковую необходимость того, что совершилось. Особенно необходимо вѣщее предвѣдѣніе въ эпосѣ оеогоническомъ и героническомъ ⁹⁾. И самое божество, и герой, отъ божества происшедшій и состоящій въ связи съ силами сверхъестественными, одарены высшею способностью предвѣдѣнія. Или сами они многое знаютъ въ будущемъ, или другіе, имъ подобные и родственные боги и герои».

Статья въ «Опытѣ» объ эпическихъ приемахъ очень бѣдна, потому что въ первыхъ трехъ рубрикахъ содержится видоизмѣненіе одного и того же общаго начала о предвѣдѣніи или предвареніи. Почему авторъ не вноситъ въ число эпическихъ приемовъ *загадку, клятву, заговоръ, пословицу*? Если онъ не считаетъ это нужнымъ, то долженъ опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые видятъ въ этихъ формахъ эпическіе приемы ¹⁰⁾. Тогда бы уяснилось дѣло, почему авторъ, говоря объ эпическихъ приемахъ, не далъ надлежащаго понятія о такомъ существенномъ явленіи, какъ *скандинавская рука*, на которой вполне объясняется органическая связь эпическаго приема съ бытомъ и вѣрованьями.

Послѣдній отдѣлъ «Опыта», объ языкѣ и выраженіи памятниковъ, дѣлится на три параграфа. Первый содержитъ въ себѣ разсужденіе объ языкѣ древнѣйшаго эпоса вообще, ограничивающееся доказательствами той мысли, сдѣлавшейся общимъ мѣстомъ, что языкъ въ раннюю эпоху выражаетъ отвлеченныя понятія изобразительно, причемъ авторъ безо всякой нужды повторяетъ давно уже извѣстныя въ нашей ученой литературѣ ¹¹⁾ подробности объ изобразительномъ представленіи души въ послѣднія минуты жизни, подновляя эти общеизвѣстные факты немногими выписками изъ разныхъ памятниковъ. Во 2-мъ параграфѣ говорится объ языкѣ въ связи съ бытомъ; но такъ какъ авторъ нашелъ ненужнымъ разныя бытовыя подробности, выраженныя языкомъ, сгруппировать въ одно цѣлое, подчинить это цѣлое религіознымъ и юриди-

⁹⁾ Этотъ терминъ я понимаю иначе, нежели авторъ «Опыта».

¹⁰⁾ Смол. мои Очерки, I, стр. 32 и слѣд.

¹¹⁾ Смол. мою диссертацию О вліяніи Христіанства на славянскій языкъ. Стр. 65 и слѣд.

чекимъ принципамъ, какъ это дѣлаетъ Як. Гриммъ въ своихъ филологическихъ изслѣдованіяхъ, и потомъ на основаніи общей характеристики и частныхъ отличій особенности быта славянскаго отъ германскаго; то все изложенное въ этомъ параграфѣ имѣетъ видъ безпорядочнаго и случайнаго набора примѣровъ въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ. Такъ авторъ сначала говоритъ о королѣ и князѣ, а потомъ о женщинѣ и родственныхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ въ исторіи органическаго развитія быта понятіе о князѣ составилось на основѣ семейныхъ и родовыхъ отношеній (на что намекаетъ и самъ авторъ, на стр. 33). За семьей говоритъ о воинѣ и битвахъ, потомъ естественно бы было ожидать статьи объ оружіи; напротивъ того, авторъ, чтобъ лишить свое изложеніе всякой послѣдовательности и полноты въ общей картинѣ быта, между битвою и оружіемъ помѣщаетъ пиръ. Особенно бѣденъ фактами послѣдній параграфъ, именно, объ языкѣ въ связи съ понятіями человѣка о природѣ, ограничивающійся перечнемъ нѣсколькихъ уподобленій съ солнцемъ, мѣсяцемъ, бурей, съ деревомъ, съ волкомъ, съ ярымъ туромъ и т. п.

Главный недостатокъ этого послѣдняго отдѣла, имѣющаго предметомъ языкъ, состоитъ въ томъ, что авторъ, отказавшись идти по единственно нормальному въ этомъ дѣлѣ пути сравнительнаго языковѣдѣнія, остановился на старинной, избитой колесѣ риторическаго ученія о фигурномъ выраженіи мыслей. Этотъ неудачный поворотъ съ прямаго пути самъ авторъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Як. Гриммъ такъ положительно подтвердилъ, въ своей исторіи *тѣмгерскаго языка*, неизбѣжную связь языка съ бытомъ, такъ положительно указалъ на постоянное *отраженіе всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ быта въ языкъ*, что какъ о томъ, такъ и о другомъ говорить намъ конечно не придется, и мы прямо приступимъ къ разбору тѣхъ любопытныхъ фактовъ, которые наглядно подтверждаютъ намъ вышеприведенныя положенія. Разсматривая эпитеты, тропы и фигуры, обрисовывающіе тотъ или другой предметъ съ его разныхъ сторонъ, вникая въ ихъ происхожденіе, сравнивая ихъ между собою, мы ознакомимся и съ бытомъ, и съ кругомъ понятій той эпохи, когда поэзія и у славянъ и у германцевъ едва успѣла развиться, и оба племени, обработывая ее, въ тоже время обрабатывали и самый языкъ». Стр. 33. Какъ же это — въ одно и тоже время отказываться отъ филологическихъ приемовъ Як. Гримма въ изученіи быта въ связи съ языкомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по тро-

памѣ и другимъ риторическимъ прикрасамъ, знакомиться съ бытомъ въ раннюю эпоху развитія самаго языка?

Итакъ, въ самомъ концѣ «Опыта», изъ рѣшенія вопросовъ объ языкѣ, вполне объясняется система автора. Подъ сравнительнымъ обзорѣмъ онъ разумѣлъ не болѣе, какъ случайное сопоставленіе двухъ народностей, германской и славянской, и изъ наблюденія надъ нѣкоторыми поэтическими памятниками той и другой вывелъ теорію частію эстетическаго, частію риторическаго содержанія. Поэтому авторъ не ставитъ въ жизненные, прямые отношенія между собою эти двѣ народности; онъ не объясняетъ ни первобытнаго сродства между ними по языку, быту и поэзіи, ни историческаго вліянія одной на другую. Однимъ словомъ, онъ точно такъ же бы отнесся къ предмету, если бы предложилъ сравненіе славянской поэзіи съ поэзіею племенъ, чуждыхъ славянамъ по происхожденію, напримѣръ, съ финскою Калеваломъ или съ арабскими сказками.

Представляя эти замѣчанія вниманію гг. Членовъ Академіи Наукъ, вмѣняю себѣ въ обязанность заявить, что разобранное мною сочиненіе, несмотря на указанные недостатки, заслуживаетъ *почетную отзывку*, на томъ основаніи, что авторъ обнаружилъ въ немъ внимательное изученіе древнихъ памятниковъ нѣкоторыхъ изъ нѣмецкихъ нарѣчій, за что и былъ удостоенъ званія магистра.

РАЗБОРЪ I-го ВЫПУСКА СОЧИНЕНІЯ

Г-на ЦАБЕЛЯ,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„РАСТИТЕЛЬНАЯ ГИСТОЛОГІЯ,“

составленный Акад. Рупрехтомъ.

Поименованный выпускъ, изданный авторомъ собственными средствами, содержитъ на 182 страницахъ многочисленныя изслѣдованія, произведенныя разными учеными, въ теченіе послѣднихъ 10—20 лѣтъ, по части развитія растительной кѣлочкы, и собранныя авторомъ съ большимъ стараніемъ. Этотъ трудъ даетъ довольно подробный обзоръ гистологіи кѣлочкы, какъ элементарнаго органа растенія, соответствующій тому состоянію науки, въ какомъ она находилась приблизительно до половины 1868 года. По тому же предмету имѣется превосходное сочиненіе Моля, почти всѣми принимаемое за основное для гистологіи и помѣщенное первоначально въ IV томѣ физиологическаго словаря Рудольфа Вагнера, 1853 г., но изданное также и въ видѣ самостоятельнаго сочиненія. Переводъ этого сочиненія на англійскій языкъ изданъ профессоромъ Henfrey ¹⁾ въ 1852 г. и сопровождается предисловіемъ, написаннымъ Модемъ въ октябрѣ 1851 г., а потому послѣдній годъ принимаемъ за время окончанія этого сочиненія.

Научная важность предмета вызвала затѣмъ множество до него относящихся работъ, часть которыхъ несомнѣннаго научнаго

¹⁾ Переводъ вообще очень тщательный, но въ немъ встрѣчаются нѣкоторые недосмотры, могущіе возбудить недоразумѣнія; напр. на 54 стр. сказано, что относительно маленькія ядра заключаются «in the parenchymatous cells of wood» вмѣсто «prosenchymatous».

значенія, вслѣдствіе чего сочиненіе Моля, изданное 13 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время уже представляетъ существенные пробѣлы, устарѣло, а нѣкоторые существенные предметы въ настоящее время оказываются ошибочными, какъ напримѣръ, происхожденіе паразитныхъ грибовъ и дрожжевыхъ клѣточекъ путемъ самовольнаго зарожденія, образованіе цвѣтени (пыльца) и тетраспоръ отчасти путемъ свободнаго образованія клѣточекъ, медленное образованіе перегородокъ (у *Conferva*) послѣ образованія складки первичнаго мѣшечка, образованіе канальчиковыхъ полостей, и нѣкоторые другіе, на что частію уже указалъ *Henfrey*. Кромѣ анатомической (гистологической) части, составляющей предметъ представленнаго на конкурсѣ сочиненія, въ трудѣ Моля половина книги имѣетъ предметомъ физиологію растительной клѣточки. Шахтъ въ разныхъ сочиненіяхъ тоже излагаетъ ученіе о растительной клѣточкѣ; эти сочиненія новѣе, чѣмъ вышеупомянутый трудъ Моля, но уступаютъ послѣднему, какъ относительно полноты, такъ и относительно критическаго приѣма, и Шахтъ большею частію упоминаетъ объ изслѣдованіяхъ другихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда могъ легко ихъ самъ провѣрить. Какъ Моля, такъ и Шахтъ для поясненія текста помѣстили многочисленные политипажи. Въ представленномъ на конкурсѣ сочиненіи совершенно не имѣется рисунковъ, вслѣдствіе чего пониманіе текста вполне доступно только лицамъ, болѣе знакомымъ съ предметомъ, и цѣль ²⁾ сочиненія, на которую указано въ предисловіи, не вполне будетъ достигнута. Я того мнѣнія, что политипажамъ по справедливости даютъ по разнымъ причинамъ преимущество предъ литографическими таблицами въ большей части новѣйшихъ сочиненій. Я также полагаю, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сочиненіи накапливаются цитаты за цитатой, которые притомъ часто повторяются, то лучше ставить въ текстѣ же, при имени автора, въ скобкахъ, только годъ и страницу, а на концѣ дать алфавитный списокъ именамъ авторовъ съ указаніемъ, въ хронологическомъ порядкѣ, тѣхъ сочиненій, изъ которыхъ былъ заимствованъ матеріалъ, причемъ могли бы быть даны и нѣкоторыя необходимыя примѣчанія. При такомъ приѣмѣ легче было бы открыть библиографическіе пропуски, и такой приѣмъ тѣмъ болѣе полезенъ, что даже отъ знатока нельзя требовать знанія на память года, въ которомъ вышелъ *Nova Acta Acad. Leopold. XXIII*

²⁾ «Научное изученіе гистологическаго строенія растений» — есть плеоназмъ, ибо *στόμα* — ткань, *λόγος* — ученіе.

томъ, или *Journal der Pharmacie und Chemie* XXXVI томъ и т. д., а вслѣдствіе незнанія года, даже въ специальныхъ сочиненіяхъ и руководствахъ нерѣдко случались промахи. Для историческаго знакомства съ дѣломъ важно не столько заглавіе сочиненія, сколько годъ, въ которомъ наблюденіе произведено.

Въ представленномъ сочиненіи мы встрѣчаемъ слѣдующія главы: 1) Содержимое клѣточекъ въ видѣ самостоятельныхъ, такъ называемыхъ нагихъ клѣточекъ; оно образуетъ зооспоры и плазмодіумъ миксомицетовъ; далѣе разсматривается содержимое, какъ составная часть клѣточки, причемъ разсмотрѣно: химическія свойства содержимаго, протопласма, вакуоли, водянистая жидкость, первичный мѣшечекъ и разныя высказанныя относительно его мнѣнія; движеніе протоплазмы. 2) Ядро и ядрышко; ихъ происхожденіе. 3) Оболочка клѣточки: физическія и химическія свойства, причемъ для целлюлёзы употреблена новая формула $C_6 H_{10} O_5$ вмѣсто формулы, употребленной Молемъ, Паэномъ, Фромбергомъ и Баумгауеромъ; растяжимость; слои утолщенія и разныя ученія о способѣ ихъ образованія; мѣстныя утолщенія; строеніе стѣнокъ однородное строеніе, спиральныя волокна, спиральная полосатость; первичныя волокна, складки, поры и отверстія. 4) Ростъ и размноженіе клѣточекъ: свободное образованіе, дѣленіе, копуляція, образованіе клѣточекъ въ межклеточныхъ пространствахъ, дрожжевыя клѣточки и самовольное зарожденіе (очень кратко); значеніе ядра при размноженіи клѣточекъ, образованіе цвѣтени и тетраспоръ; зооспоры и сперматозоиды. 5) Химическія свойства стѣнокъ (занимаетъ приблизительно $\frac{1}{3}$ всей книги): дѣйствіе минеральныхъ кислотъ и ѣдкаго кали; іодъ въ соединеніи съ разными веществами, какъ реактивъ, разное окрашиваніе іодомъ, чистая целлюлёза и чистый крахмалъ, видоизмѣненія целлюлёзы, принимаемыя Негели и Фреми; реактивъ Швейцера (*tinctura Veneris*); пленка; межклеточное вещество; изъ неорганическихъ веществъ, отложенныхъ въ стѣнкахъ, подробно разсмотрѣно только отложеніе кремнезема; объ углекислой извести и о желѣзѣ говорится только вкратцѣ.

Въ представленной гистологіи клѣточки, мы не встрѣчаемъ многихъ органическихъ и неорганическихъ веществъ, напр. щелочей и солей, находимыхъ въ золѣ; хлора, іода и брома въ солончаковыхъ и морскихъ растеніяхъ, цинкъ въ *Viola calaminaria*, декстрина, камеди, глюкозы, воска, смолъ, эфирныхъ и жирныхъ маселъ и т. д. Всѣ эти вещества не вошли въ составъ представленнаго сочиненія потому, что авторъ ихъ предполагаетъ разсмотрѣть въ одномъ

изъ слѣдующихъ выпусковъ, хотя мнѣ кажется, что они входятъ въ область химіи. Вообще иногда. Вообще иногда, трудно рѣшить, что должно быть отнесено къ гистологін, что къ химіи. Производство анализовъ, съ цѣлью опредѣлить элементарный составъ, установленіе формулъ, всѣ сложныя работы химическихъ лабораторій, всѣ искусственно получаемые продукты не входятъ въ область ботаники. Авторъ однако съ полнымъ основаніемъ упоминаетъ (стр. 128) о грѣмучей хлопчатой бумагѣ, ибо это вещество образуется естественнымъ путемъ при дѣйствіи грибовъ на гниющее дерево. Вещества разнаго химическаго состава, встрѣчаемыя въ растеніяхъ, умѣстѣе всего было бы рассмотреть въ отдѣлѣ о содержимомъ. Желательно и нерѣдко даже необходимо дать себѣ отчетъ о всѣхъ веществахъ, узнаваемыхъ на вкусъ, на запахъ, а также простыми и вооруженнымъ глазомъ, какъ относительно кѣлочекъ, въ которыхъ отложены, такъ и относительно ихъ количества, физическихъ и химическихъ свойствъ и способа отличія отъ сходныхъ съ ними веществъ. Ботаникамъ впрочемъ лучше эти показанія замѣствовать изъ химіи, тѣмъ болѣе, что они требуютъ не поверхностныхъ, но основательныхъ и обширныхъ познаній по этой наукѣ.

Для гистологін мало или вовсе безъ значенія вещества встрѣчающіяся въ видѣ раствора или въ видѣ капель, или въ видѣ аморфныхъ зернышекъ. Этого однако нельзя сказать о крахмалѣ, хлорофилѣ, дубильныхъ зернахъ, алеуронѣ и о разныхъ пузырькахъ и дрожжевыхъ кѣлочкахъ; эти образованія часто размножаются дѣленіемъ, растутъ растяженіемъ и вставкою новыхъ частицъ (*intussusceptio*); ихъ масса отлагается слоями или дифференцируется на слои; онѣ собою представляютъ органическія тѣла и болѣе или менѣе сходны съ кѣлочками, а потому тоже входятъ въ область гистологін. На кристаллы, встрѣчаемыя въ растеніяхъ, минералогіи или химики мало обращаютъ вниманія, потому что эти кристаллы ихъ менѣе интересуютъ; въ ботаникѣ же существуетъ обширная литература по этому предмету, потому что кристаллическія отложенія въ содержимомъ кѣлочекъ постоянно попадаютъ на глаза при микроскопическихъ изслѣдованіяхъ. По важности для гистологін произведены ботаниками же многія химическія работы по вопросамъ, требовавшимъ неотлагательнаго рѣшенія, какъ напр. изслѣдованіе реакціи іода.

Авторъ представленнаго сочиненія далъ этому первому выпуску слѣдующее заглавіе: «общіе законы развитіе растительной кѣ-

точки», но самъ говорить въ предисловіи, что гистологія еще не имѣетъ права себя считать установившеюся наукою.

Гистологія, какъ часть біологіи, подобно медицинѣ, есть наука эмпирическая, но не математическая и всѣ старанія подвести безчисленное разнообразіе жизненныхъ проявленій подъ математическія вычисленія, оказывались болѣе или менѣе безуспѣшными. Положенія по части біологіи не могутъ быть выводимы *a priori* подобно математическимъ, и мы были бы вполне удовлетворены, если каждое положеніе подтверждалось вполне опытомъ. Такихъ положеній въ біологіи къ сожалѣнію еще очень мало, а непоколебимыхъ еще меньше; возможность установленія общихъ законовъ для столь юной науки, какъ гистологія, по крайней мѣрѣ сомнительна. Если бы такіе законы существовали, то ихъ бы слѣдовало точно формулировать, чего мы въ предложенномъ сочиненіи не находимъ. Общимъ положеніемъ, выведеннымъ изъ опыта, можно было бы въ области развитія растительной кѣточки принять напр., что кѣточка размноженія производитъ только организмъ, не отличающійся отъ маточнаго растенія видовыми признаками. Я считалъ по настоящее время это положеніе вполне доказаннымъ и всѣми принятымъ; между тѣмъ въ весьма распространенномъ въ публикѣ сочиненіи Миллера «Der Pflanzenstaat», изданномъ въ 1860 году (р. 19) говорится, что цвѣтвенная трубочка лишн можетъ преобразовываться въ спороносную плѣсень, въ подтвержденіе чего даже даны рисунки. Это дотого поразило самого Миллера, что онъ утверждаетъ, будто *Mucor*, *Aspergillus*, *Penicillium*, *Botrytis Bassiana*, *Achlya* и др. — не растенія!!

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выводы и показанія, представляемые разными авторами въ области гистологіи дотого противорѣчатъ другъ другу, что каждого могутъ сбить съ толку. Такъ, напр. съ издавна извѣстно, что смоченный канатъ укорачивается; на этомъ вѣроятно основаніи Линкъ въ 1824 г. утверждалъ, что лубовыя волокна отъ смачиванія укорачиваются; это же утверждаютъ Мейенъ и *Hartig* (1858). Шлейденъ въ 1839 г. назвалъ, напротивъ, это показаніе безсмысленнымъ (*Unsinn*), ибо по его изслѣдованіямъ лубовое волокно при смачиваніи удлиняется. Въ представленной гистологіи (стр. 48) авторъ принялъ мнѣніе Шлейдена, и въ подтвержденіе этого мнѣнія приводитъ еще показанія Моля и Эрнеста Мейера. Въ 1864 г. однако Негели утверждаетъ, что по его измѣреніямъ, при смачиваніи, удлиненія не замѣчается и что скорѣе можно принять самое незначительное укорачиваніе. Не-

гели говорить, что показанія Шлейдена не заслуживаютъ вниманія, потому что данныя имъ числа (0,05 — 0,06% для лубоваго волокна льна) дотого незначительны, что требованіе къ нимъ до вѣрїя походить на мистификацію; Негели однако упустилъ изъ виду, что Шлейденъ потомъ (Beitr. 1844 I. 69) допускаетъ возможность значительной (!) ошибки при произведенныхъ имъ измѣренїяхъ, что однако не менѣе странно. Негели оставляетъ также безъ вниманія измѣренія Э. Мейера, приведенныя Модемъ и по которымъ Манильская пенька при смачиванїи удлиняется на $\frac{1}{50}$ своей длины, между тѣмъ, какъ увеличеніе поперечника въ 10 разъ больше ($\frac{1}{5}$); эти измѣренія должны быть подтверждены на той же пробѣ, потому что волокна Манильской пеньки получаютъ отъ *Musa textileos*, а не отъ *Phormium?*, какъ говоритъ Мейеръ. Моъ говоритъ, что наблюдалъ при смачиванїи удлиненіе въ 0,07 — 0,4%, однако не у волоконцевъ луба, но у древесинныхъ волоконцевъ двудольныхъ растений, отличающихся отъ лубовыхъ иною способностію всасыванія воды. Чему остается послѣ того вѣрить, если легко производимое наблюденіе, требующее только точнаго измѣренія, можетъ вызывать столь рѣзкія противорѣчія и притомъ въ столь короткое время. Дѣло въ томъ, что одно лубовое волокно еще не составляетъ скрученнаго пучка, а тѣмъ менѣе можетъ быть сравниваемо съ веревкою или канатомъ.

Въ представленной гистологїи неоднократно сопоставляются разногласныя показанія разныхъ авторовъ, изъ которыхъ одни опровергаются показанїями другихъ, или указывается на сомнительность въ ихъ вѣрности. Самостоятельныя изслѣдованія встрѣчаемъ мы только на одномъ мѣстѣ, именно гдѣ говорится о строенїи стѣнокъ. Авторъ представленнаго сочиненія именно публиковалъ въ Bulletin de la soc. d. natur. de Moscou 1862 г. ³⁾ работу, въ которой старается показать, что ученіе относительно состава стѣнокъ изъ первичныхъ волоконцевъ еще не вполне опровергнуто, и что такое мелко-волокнистое строеніе можно наблюдать только у слоевъ утолщенія, но не у первичнаго слоя. Авторъ повторилъ наблюденія Гофмейстера по этому предмету и показалъ, что данныя Гофмейстеромъ рисунки частїю схематичны, и что высказанное Гофмейстеромъ ученіе о спиральномъ, а не концентрическомъ наслоенїи въ стѣнкахъ не мо-

³⁾ Неизвѣстно, по какой причинѣ числа на таблицахъ 8-й и особенно 9-й не соотвѣтствуютъ тексту; читающій вслѣдствїе того находитъ непреодолимыя препятствїя въ пониманїи текста и автору слѣдовало бы въ представленномъ имъ теперь сочиненїи указать на эти опечатки и ихъ исправить.

жетъ быть принято, потому что колпачки (Карпен), принимаемые Гофмейстеромъ, въ дѣйствительности не существуютъ. Негели (1864) тоже отвергаетъ существованіе этихъ колпачковъ и такимъ образомъ подтвердилъ вѣрность наблюденій автора представленной гистологіи. Вопросъ о мельчайшемъ строеніи стѣнокъ клѣточки есть одинъ изъ труднѣйшихъ. Почти каждая новая работа по этому вопросу дополняетъ или опровергаетъ объясненія и даже наблюденія предшественниковъ, такъ что Мольтъ не рѣшился высказать опредѣленнаго мнѣнія и ждетъ рѣшеніе вопроса отъ усовершенствованія микроскопа. Вопросъ однако столь важенъ, что желательно какъ можно скорѣе дойти до его рѣшенія.

Ужь въ 1849 г. я указалъ, въ Бюлетенѣ нашей Академіи, на присутствіе правильныхъ плотно-лежащихъ утолщенныхъ волоконцевъ въ стѣнкахъ клѣточекъ, составляющихъ центральный пучекъ у нѣкоторыхъ красныхъ водорослей, а годомъ позже (въ *Algae Ochot. tab. 16 f. w.*) данъ мною рисунокъ. Эти волоконца нельзя принять за складки или морщины, а также не должно смѣшивать съ тою спиральною полосатостію, которую замѣчаютъ у многихъ зеленыхъ водорослей и у *Ectocarpus*, и изображенною Кютцингомъ (Tab. *phycol.* II, 91, III. 27, 146, 63, 76. IV. 92—96; V. 14, 57). Сомнѣваюсь также въ томъ, чтобы указанные мною толстыя волокна можно было принять за происшедшія вслѣдствіе смачиванія. Морскіе водоросли, по причинѣ гигроскопичности заключенныхъ въ нихъ солей, рѣдко такъ высыхаютъ, какъ другія растенія; мелкое строеніе послѣ перваго размягченія мнѣ обыкновенно представлялось едва измѣненнымъ, даже сперматозонды оказывались хорошо сохранившимися въ своихъ пузырькахъ (*Alg. Ochot. tab. 11 f. m.*) Если поэтому вышеупомянутыя волокна принимать за продукты засыханія, то еще съ большимъ основаніемъ должно считать шаткимъ многое что замѣчается послѣ употребленія разныхъ и притомъ сложныхъ реактивовъ, и получаемые такимъ образомъ рисунки не позволяютъ съ достовѣрностію заключать о строеніи оболочки въ естественномъ ея состояніи *).

4) Столь же неосновательно — переносить результаты, добытые при изслѣдованіи Осцилларій (включая сюда и *Rivulariaceae* и *Nostochineae*) и Бацилларій, на клѣтки другихъ водорослей, а тѣмъ менѣе наземныхъ растеній. На основаніи наблюденій, уже давно мною представленныхъ Академіи, я сом-

Новѣйшая работа Негели, представленная Мюнхенской академіи въ маѣ 1864 г., еще не могла быть извѣстна автору разбираемой гистологіи. Негели думаетъ, что вопросъ о томъ, состоятъ ли стѣнки клѣточекъ изъ первичныхъ волоконцевъ или нѣтъ, теряетъ все болѣе значенія, по мѣрѣ того, какъ знакомство съ дѣйствительнымъ строеніемъ оболочки подвигается впередъ. По изслѣдованіямъ Негели, и наружный слой имѣетъ полосатость, хотя большая часть изслѣдователей это отвергаютъ. Лѣстнично-и крапчато-утолщенные стѣнки клѣточекъ или сосудовъ обнаруживаютъ весьма неявственную спиральную полосатость, что уже замѣтилъ Валентинъ, а у паренхиматическихъ клѣточекъ — Мольтъ. Если оставить въ сторонѣ кажущееся волокнистое строеніе оболочки, происходящее вслѣдствіе манипуляціи иглою или подобныхъ приемовъ, то мелковолокнутое строеніе стѣнки можетъ быть слѣдствіемъ: 1) волнистости, 2) неравномѣрной толщины и 3) разнаго свойства вещества.

Древесинныя клѣточки ели и сосны, разбухнувшія въ водѣ, представляютъ только отдѣльныя полоски; послѣ дѣйствія азотной кислоты вмѣстѣ съ бертолетовою солью, или безъ нея, полосатость дѣлается явственнѣе, причемъ древесинныя клѣточки другъ отъ друга разъединяются; если ихъ затѣмъ подвергнуть дѣйствію сѣрной кислоты, послѣ предварительнаго дѣйствія тинктуры іода, чѣмъ увеличивается ясность рисунковъ, то замѣчаются не очень тѣсно другъ возлѣ друга лежащія или также отдѣльныя кольцевыя полоски, которыя Негели принимаетъ за диски, пересѣкающіе всю толщину стѣнокъ, а не за спиральныя полосы или волокна, за что ихъ обыкновенно принимали. Кромѣ этихъ клѣточекъ въ первые 6—12 лѣтъ образуются только немногія другія утолщенные древесинныя клѣточки съ тѣсно-лежащею спиральною полосатостію, имѣющею тотъ же наклонъ, какъ и щелевидныя поры. Эти спиральныя полоски не составляются спиральными волоконцами, какъ у *Taxus*, но соответствуютъ полоскамъ, лежащимъ у *Taxus* въ числѣ 4—6 междуспиральными волоконцами, и представляющими какъ бы большую

нѣваюсь, чтобы Осцилларія принадлежали растительному царству, и приведенные, на стр. 30 и 147 представленной гистологіи, новые факты подтверждаютъ такое воззрѣніе. Недавно только Рабенгорстъ отдѣлилъ ихъ болѣе рѣзко отъ остальныхъ водорослей, что уже прежде дѣлали съ Бацилларіями (*Diatomaceae*), раскрывающимися при копуляціи на двѣ створки, наподобіе раковинъ.

степень ихъ развитія. У гіацинта каждое спиральное волоконце по-мощію сѣрной кислоты можно разбить на 4 полоски, причеиъ остается пространство, какъ бы для 5-й полоски. Однако бблшая часть волоконъ трахей или трахендъ (эти названія прежнихъ фито-томовъ выразительнѣе названія «сосуды») однородны и не распа-даются на полоски. У листовныхъ породъ замѣчается подобная же полосатость древесинныхъ клѣточекъ, но разныя видоизмѣне-нія не встрѣчаются у одной и той же породы (какъ у хвойныхъ), но у разныхъ породъ и часто въ разныхъ родахъ и семействахъ. У ели и сосны поры тоже полосатыя. Лубовыя волоконца хинной ко-ры, послѣ дѣйствія химическихъ средствъ, тоже полосатыя, равно и лубовыя волокна пеньки; лубовыя волоконца льна представляютъ (безъ реактивовъ) мѣстами поперечныя линіи, нерѣдко перекрещи-вающіяся. Эти поперечныя линіи Негели принимаетъ за настоя-щія щели въ стѣнкахъ. Хлопчато-бумажныя волоконца представля-ютъ спиральную полосатость, если разбухаютъ отъ дѣйствія сѣрной кислоты.

Относительно причинъ разнообразной окраски целлюлёзы іодомъ въ послѣдніе годы высказаны самыя разнообразныя мнѣнія. Мольт и Негели, опровергавшіе разныя мнѣнія, высказанныя какъ хи-миками, такъ и ботаниками, вступили затѣмъ между собою въ споръ. Разногласіе обонхъ ученыхъ состоитъ не столько въ различіи до-бытыхъ результатовъ, сколько въ ихъ толкованіи. До тѣхъ поръ, пока не будутъ сдѣланы новыя и болѣе основательныя изслѣдова-нія, приходится придерживаться результатовъ, добытыхъ Негели рядомъ весьма основательныхъ изслѣдованій, представленныхъ имъ въ Мюнхенскую академію наукъ, въ іюнѣ 1863 г. и напеча-танныхъ въ отчетахъ ея засѣданій. Авторъ разбираемой гисто-логіи еще не былъ знакомъ съ этою работою, а потому неизлишне здѣсь вкратцѣ упомянуть о ея результатахъ, такъ какъ они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ измѣняютъ результаты, сообщенные г. Цабелемъ.

Отложенія постороннихъ веществъ, почти всегда входящихъ въ составъ зеренъ крахмала и стѣнокъ клѣточекъ, столь различны какъ по самымъ отложеннымъ веществамъ, такъ и по ихъ количе-ству, что встрѣчаются безчисленныя видоизмѣненія, и этимъ обу-словливаются разнообразнѣйшія явленія относительно растворимо-сти и окрашиванія іодомъ. Негели поэтому не принимаетъ васку-лёзы, парацеллюлёзы, фіброзы и целлюлёзы, равно и пектозы и ку-тина, принимаемыхъ Фреми (1859) за особыя вещества. У же до того

Паэнъ, Пелузъ, Кабшъ и Визнеръ высказались противъ тако-го раздробленія целлюлёзы, которое повело бы къ дальнѣйшему установленію неопредѣленнаго числа веществъ, лишенныхъ рѣзкой характеристики, и о которыхъ нельзя положительно сказать, суть ли это опредѣленныя химическія соединенія, или только продукты механическихъ прижѣсей, образующіеся въ одной и той же клѣточкѣ, въ разные періоды ея развитія. Негели теперь болѣе не упоминаетъ объ амилоидѣ, мезамилинѣ и дизамилинѣ, которые прежде различалъ, какъ особыя вещества, а также отказался отъ мнѣнія, первоначально высказаннаго Шлейденомъ, что целлюлёза, превращаясь отъ дѣйствія сѣрной кислоты въ декстринъ, сперва преобразовывается въ крахмалъ.

Съ другой стороны Негели отвергаетъ мнѣніе, высказанное Паэномъ и Модемъ — что въ основаніи всѣхъ оболочекъ клѣточекъ лежитъ одно и то же вещество (чистая целлюлёза), ибо такъ называемые способы очищенія (помощію ѣдкаго кали, азотной кислоты, концентрированной сѣрной кислоты) могутъ обуславливать химическія измѣненія и превращеніе въ чистую целлюлёзу. Зерна крахмала и оболочки клѣточекъ состоятъ изъ разныхъ частей (слоевъ, полосъ) неодинаковыхъ физическихъ и химическихъ свойствъ и неодинаково относящихся къ растворяющимъ средствамъ. Зерна крахмала, а также оболочки нѣкоторыхъ клѣточекъ (напр. сумочки лишаевъ) состоятъ изъ смѣси двухъ изомерныхъ веществъ; если по извлеченіи гранулёзы, и можетъ быть получена чистая клѣтковина, то по настоящее время еще не удалось получить чистой гранулёзы въ отдѣльности.

Какъ результатъ своихъ изслѣдованій Негели устанавливаетъ три положенія: 1) целлюлёза въ зернахъ крахмала (фарриноза) и въ оболочкѣ клѣточки тождественна, что противно мнѣнію Моля, находящаго отличіе какъ по отношенію къ поляризованному свѣту, такъ и къ реактивамъ; но оба различія по Негели, въ дѣйствительности не существуютъ. «Нѣкоторыя оболочки клѣточекъ уже растворяются въ кипящей водѣ; на другія, напротивъ, не дѣйствуютъ соляная, азотная и слабая сѣрная кислоты, не дѣйствуетъ и растворъ ѣдкаго кали даже при кипяченіи. Для оболочки клѣточки нельзя установить опредѣленной степени растворимости; въ этомъ отношеніи существуютъ всевозможныя видоизмѣненія. Негели подъ названіемъ целлюлёзы соединяетъ всѣ вещества, образующія массу стѣнокъ клѣточекъ. Эти оболочки клѣточекъ отъ юда съ водою никогда не принимаютъ голубой окраски, за единственнымъ исключеніемъ сумочекъ

лишаевъ. 2) Иодъ съ водою окрашиваетъ только гранулёзу (чистый крахмалъ) въ голубой цвѣтъ *), целлюлёза же остается неокрашенной. Если одновременно дѣйствуютъ въ небольшомъ количествѣ іодистоводородная кислота и іодистые металлы, то и целлюлёза окрашивается въ голубой цвѣтъ; при большей концентраціи гранулёза и целлюлёза, окрашенные въ голубой цвѣтъ, дѣлаются фіолетовыми, красными и желтыми. Наибольшее сродство іода съ целлюлёзою обнаруживается только при наибольшей насыщенности іодистоводородной кислоты, іодистаго цинка и сѣрной кислоты. 3) Гранулёза легче разбухаетъ и легче растворяется какъ въ водѣ и щелочахъ, такъ и при возвышеніи температуры, чѣмъ чистая целлюлёза одинаковой съ нею плотности. Амміачный растворъ мѣди представляетъ обратное отношеніе (т. е. растворяетъ и вызываетъ разбуханіе только целлюлёзы). Самыя мягкія состоянія крахмала и целлюлёзы растворимы уже въ холодной водѣ; Негели этимъ молча отказывается отъ прежняго своего мнѣнія и присоединяется къ мнѣнію, высказанному Шлейденомъ и Карстеномъ.

Наша Академія, повторяя въ 1833 г. конкурсную задачу о развитіи ствола двусѣмядольныхъ растений, желала въ тоже время имѣть критическій разборъ ученія Вивіани о развитіи клѣточки. Объ этомъ ученіи умалчиваетъ не только Унгеръ, въ своемъ трудѣ, удостоенномъ преміи, но и вся наша литература по части анатоміи и физиологіи и даже Тревиранусъ, неоднократно впрочемъ цитирующій Вивіани. Я поэтому считаю умѣстнымъ вкратцѣ передать сущность этого ученія, изложеннаго въ главныхъ чертахъ въ VII отдѣлѣ сочиненія, издавнаго Вивіани (профессоромъ въ Генуѣ) въ 1831 г., подъ заглавіемъ: «Della struttura degli organi elementari nelle piante e delle loro funzioni». По его мнѣнію, клѣточки или мѣшечки суть только полости въ межклѣтчномъ веществѣ (которое называетъ паренхимю **) или клѣтчатую тканью) и не имѣютъ

*) Хотя въ морской водѣ и заключается іодъ, однако голубая окраска зеренъ крахмала, заключенныхъ въ клѣточкахъ, замѣчена мною только въ одномъ случаѣ, зато постоянно; именно въ зрѣлыхъ тетраспорахъ *Tichocarpus* (*Algae Ochot. tab. 17, g. h. k.*) замѣчаются два симметрически-расположенныхъ индиговаго цвѣта зернышка, отношеніе которыхъ къ 2-мъ пузырькамъ (ядрамъ) осталось неразъясненнымъ.

**) Названіе «паренхима» употребленное Линкомъ въ 1824 г. и только отчасти также Грю въ 1672 г., въ томъ значеніи, въ которомъ нынѣ вообще принято, составлено изъ словъ *parē* = *кар* въ слѣдствіе, *ē* въ (немъ) — вѣрнѣе въ сложныхъ словахъ въ видѣ *парев* или *просев* между, *хима* жидкость; что можетъ служить объясненіемъ первоначальнаго представленія соединеннаго со словомъ *parenchyma*.

собственной оболочки. Вивіани отвергаетъ ученіе Кизера и Турпэна о способѣ образованія клѣточекъ и слѣдуетъ болѣе Мирбелю, принимавшему въ 1828 г. межклѣтныя ходы Тревирануса за трещины въ высохшемъ, первоначально слизистомъ межклѣтномъ веществѣ. Систему сосудовъ Вивіани принимаетъ за совершенно отличную отъ системы клѣточекъ также по способу образованія. Межклѣтное вещество, такъ названное (1836) одновременно Модемъ и Унгеромъ,—по мнѣнію послѣдняго встрѣчается во всѣхъ растительныхъ тканяхъ и имѣетъ болѣе существенное значеніе, чѣмъ до того думали (*Unger, Dicot.* 1839, p. 145, 148). Ученіе Вивіани не совпадаетъ съ образованіемъ новыхъ клѣточекъ между уже существующими, принимаемымъ Мирбелемъ (*Marchantia*, вышедшее по Тревиранусу и Молю въ 1833 г.), и вслѣдствіе котораго вновь образовавшіяся клѣточки разъединяютъ старыя, о способѣ происхожденія которыхъ (по крайней мѣрѣ самыхъ старыхъ) онъ не упоминаетъ. Сущность ученія Вивіани состоитъ не въ образованіи новыхъ клѣточекъ въ промежуточномъ веществѣ, между уже существующими клѣточками, но въ самостоятельномъ образованіи клѣточекъ въ видѣ полостей, постепенно увеличивающихся и наконецъ сталкивающихся, представляющихъ такимъ образомъ собою варенику. Унгеръ назвалъ (1834; p. 148, 158) такой способъ образованія клѣточекъ въ однородной слизистой или студенистой массѣ—первичнымъ (*evolutio cellularum originaria*). Способъ свободнаго образованія клѣточекъ, принимаемый Модемъ, существенно отъ этого отличенъ. Вивіани утверждаетъ (p. 47), что его ученіе частію уже высказали Мальпиги и Грю; по Унгеру (l. c. p. 145) этого же ученія держались *Mirbel* (гдѣ?) и *C. F. Wolff* (*Theoria generat.* 1759 § 21), которые представляли себѣ растительную ткань вообще въ видѣ множества пузыревидныхъ полостей въ однородной массѣ, сравнивая ее съ пѣною густаго вещества, каковое представленіе находитъ себѣ по Унгеру (1839) наибольшую опору, если всматриваться въ способъ соединенія камбіальныхъ клѣточекъ съ уже развитою прозенхимой и съ сосудами древесины. Что касается до только что приведеннаго историческаго взгляда Унгера, то онъ, по моему мнѣнію, не вѣренъ, ибо Вольфъ (l. c. § 9, 21) называетъ межклѣтное вещество (какъ его понимали прежніе изслѣдователи, но не новѣйшіе) *substantia tenera solida (intermedia)*; по его мнѣнію, новые пузырьки (клѣточки) и сосуды (ходы) образуются вставкою (*interpositio*) между уже существующими; кромѣ того, ростъ о гана происходитъ также растяженіемъ этихъ вновь обра-

зовавшихся элементарныхъ органовъ. Ученіе Вольфа слѣдовательно существенно сходно съ ученіемъ Мирбея о межклеточномъ развитіи (*développement inter-cellulaire*). Хотя въ срединѣ толстыхъ листовидныхъ частей нѣкоторыхъ красныхъ и одинокыхъ водорослей появляются новыя клетки, образованіе которыхъ трудно объяснить дѣленіемъ уже существующихъ клеточекъ, однако лучшіе фитотомы, допускавшіе прежде такое межклеточное образованіе новыхъ клеточекъ, теперь такое мнѣніе считаютъ еще недостаточно доказаннымъ.

Представленное на конкурсъ сочиненіе, хотя и не составляетъ еще полнаго обзора растительной гистологіи, однако даетъ довольно подробный обзоръ гистологіи растительной клетки, т. е. главной основы гистологіи; наиболѣе существенныя возраженія могутъ быть сдѣланы только относительно оглавленія и предисловія и лишь рѣдко противъ самаго содержанія сочиненія. Сопоставленіе столь многочисленныхъ наблюденій разныхъ изслѣдователей изъ чрезвычайно разбросанной литературы, очевидно требовало большаго труда и много времени. Каждому, кто пожелаетъ основательно ознакомиться съ ученіями о развитіи растительной клетки, представленный трудъ доставитъ существенную пользу. Трудъ составленъ не безъ знанія дѣла, а потому можно полагать, что грубыхъ ошибокъ не вкралось; требовать же повѣрки всѣхъ показаній отъ насъ едва ли возможно. Намъ остается только желать имѣть и по остальнымъ отраслямъ растительной анатоміи и физиологіи сборники, подобные представленному нынѣ на конкурсъ. Огромное число работъ до того увеличило литературу, что скоро будетъ совершенно невозможно знать все напечатанное по какому нибудь предмету. Новѣйшій и наилучшій библиографическій репертуаріумъ Притцеля изданъ 15 лѣтъ тому назадъ и притомъ содержитъ только отдѣльно изданныя сочиненія, а не работы, помѣщенные въ журналахъ, которыхъ безчисленное множество. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ узнали, что Притцель уже собралъ до 80000 ботаническихъ статей или мемуаровъ, помѣщенныхъ въ разныхъ сборникахъ и журналахъ. Ни одно ученое общество еще не назначило преміи для подобной, не только полезной, но крайне необходимой библиографіи, между тѣмъ какъ этимъ можно было бы побудить къ составленію такого колоссальнаго труда, который безъ подобнаго поощренія можетъ быть еще долго заставить себя ждать. Разумѣется, что отъ подобной библиографіи нельзя ожидать передачи сущности содержанія каждаго изъ приведенныхъ сочиненій; такой

трудъ далеко превышаетъ силы одного человѣка; но для отдѣльныхъ отраслей, такія работы выполнимы, какъ это доказываетъ представленное на конкурсъ сочиненіе г. Цабеля, въ которомъ не только тщательно собрана разбросанная литература, но и подвергнута критикѣ, передана въ существенныхъ своихъ чертахъ и слита въ стройное цѣлое. Руководства тѣмъ дольше сохраняютъ свое значеніе, чѣмъ болѣе содержатъ литературно-историческихъ данныхъ; въ доказательство сказаннаго можно привести физиологію Тревирануса, 1835 г., которая чаще и дольше будетъ въ употребленіи, чѣмъ новѣйшія изданія распространеннаго нынѣ руководства Шлейдена. Г. Цабель съ большимъ усердіемъ и терпѣніемъ долженъ былъ изучить значительное число сухихъ, догматически изложенныхъ, нерѣдко растянутыхъ и трудно понятныхъ сочиненій большаго числа авторовъ, чтобъ ознакомиться съ ихъ воззрѣніями, часто изложенными безъ обращенія вниманія на работы предшественниковъ; тѣмъ не менѣе авторъ представленнаго сочиненія исполнилъ весь этотъ трудъ добросовѣстно, изъ одной любви къ предмету. Поэтому, намъ кажется справедливымъ, поощрить автора знакомъ одобренія.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

Г. АНДРЕЕВСКАГО :

„О НАМѢСТНИКАХЪ, ВОЕВОДАХЪ И ГУБЕРНАТОРАХЪ,“

составленный Н. В. Калачовымъ.

Имя г. Андреевскаго довольно извѣстно въ нашей юридической литературѣ. Но и независимо отъ этого, предметъ, выбранный имъ для настоящаго его сочиненія, имѣетъ такое важное современное значеніе; такъ близко соприкасается практическаго осуществленія одной изъ великихъ реформъ, предпринятыхъ правительствомъ; такъ наконецъ наглядно, однимъ своимъ названіемъ, выясняетъ необходимость въ подробномъ изученіи исторіи отечественнаго законодательства для развитія началъ его въ ближайшемъ будущемъ, что мы, конечно, въ полномъ правѣ признать предложенный нашему разсмотрѣнію трудъ за капитальное и многозначительное явленіе, заслуживающее большаго вниманія даже по одной его мысли. Что съ этой самой точки смотрѣлъ на свою задачу и авторъ — очевидно какъ изъ его предисловія, въ которомъ онъ, указывая на «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ», прибавляетъ, что оно предназначено внести новую жизнь въ губернское управленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно видоизмѣнить и существо должности губернатора, почему самому «изученіе всѣхъ началъ и сторонъ бывшаго до сихъ поръ мѣстнаго управленія въ Россіи имѣетъ глубокой теоретической и современный интересъ»; такъ и изъ заключенія къ его книгѣ, въ которомъ онъ ясно говоритъ, что «въ типѣ губернаторской должности замѣтны признаки начала историческаго, имѣющаго вполнѣ измѣниться, преобразоваться въ иной, новый типъ мѣстнаго администратора».

Итакъ: въ чемъ заключался этотъ типъ мѣстнаго управителя въ разное время существованія нашего государства; какъ онъ дѣйствовалъ въ средѣ, его окружавшей, при разныхъ условіяхъ народнаго быта; какія черты онъ вынесъ отсюда, какъ основныя начала нынѣшняго званія губернатора и какія наконецъ измѣненія предстоятъ ему въ будущемъ? — вотъ тѣ важные вопросы, которые долженъ былъ задать себѣ авторъ и удачное разрѣшеніе коихъ можетъ имѣть большую цѣну не только для науки, но и для цѣли практической.

Мы полагаемъ, что обязанность наша, какъ рецензента, будетъ выполнена, если мы покажемъ, въ какой мѣрѣ разрѣшены авторомъ всѣ эти вопросы и насколько его разрѣшеніе можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, удовлетворительнымъ. Поэтому приступаемъ прямо къ разсмотрѣнію способа, принятаго имъ для изложенія своего предмета, такъ какъ отсюда лучше всего видно, на что было обращено авторомъ особенное вниманіе и что напротивъ, оставлено имъ, какъ неподлежащее разсмотрѣнію.

«Должность губернатора — говоритъ г. Андреевскій — находится въ исторической связи съ должностями воеводы и намѣстника: это три однородныя должности, принадлежащія тремъ разнымъ періодамъ исторіи русскаго права... Каждая изъ этихъ должностей стоитъ въ тѣсной связи со всѣмъ, какъ мѣстнымъ, такъ и общимъ государственнымъ управленіемъ. Дѣлая предметомъ настоящаго анализа только одну эту должность, я счелъ необходимымъ указать и на связь ея съ другими органами какъ общаго государственнаго, такъ и мѣстнаго управленія, но старался при выясненіи этой связи не вдаваться въ подробности. При самомъ анализѣ трехъ этихъ однородныхъ должностей я имѣлъ цѣлю изученіе каждой изъ нихъ преимущественно посредствомъ разсмотрѣнія тѣхъ дѣлъ, которыя были имъ поручаемы, или которыя по обычной необходимости входили въ кругъ обязанностей, связывавшихся съ этими должностями. Изъ богатыхъ данныхъ, представляемыхъ источниками исторіи русскаго права, я подвергалъ изученію особенно тѣ, которыя, не представляя какаго либо случайнаго, относящагося къ отдѣльной мѣстности явленія, обличаютъ напротивъ характеръ общаго правила или начала: совокупность такихъ данныхъ можетъ болѣе или менѣе вѣрно обрисовать типъ этой правительственной должности трехъ различныхъ періодовъ русской жизни. На этомъ основаніи я разсматривалъ эту должность только по отношенію къ Великоороссіи; разсмотрѣніе соотвѣтствующимъ

щей должности въ тѣхъ областяхъ, которыя составляютъ теперь части Россійской Имперіи, но которыя имѣли свою отдѣльную жизнь и исторію, требуетъ особаго спеціальнаго труда» (стр. 1—2).

Изъ этихъ словъ очевидно, что авторъ преимущественное вниманіе обратилъ на права и обязанности, которыя лежали на намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ, какъ на главныхъ органахъ мѣстнаго управленія въ разные періоды его развитія. Такъ какъ однако эти права и обязанности лишь въ отношеніи къ губернаторамъ выражены съ достаточною ясностію въ законодательныхъ источникахъ, то г. Андреевскій призналъ полезнымъ для опредѣленія ихъ сущности обращаться и къ другимъ современнымъ матеріаламъ, ограничившись при этомъ памятниками, относящимися къ одной Великой Россіи. Съ своей стороны, мы не можемъ не одобрить такого ограниченія: оно избавило автора отъ обязанности усложнять свой трудъ частями, которыя во многихъ случаяхъ не имѣли бы съ нимъ ближайшей связи; а для предположенной имъ практической цѣли были бы скорѣе вредны, чѣмъ полезны, заслоняя собою тѣ непосредственные выводы, которые должны быть добыты исключительнымъ изслѣдованіемъ юридическаго быта частей Россіи, составляющихъ, какъ ея зерно или основа, однородное цѣлое. Но затѣмъ считаемъ долгомъ остановиться нѣсколько долѣе на постановленной себѣ авторомъ задачѣ — раскрыть главнымъ образомъ права и обязанности, лежавшія на намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ въ разные періоды мѣстнаго управленія. Вполнѣ понимая, что съ точки зрѣнія теоретической разрѣшеніе этого вопроса необходимо, мы думаемъ однако, что изслѣдованіе о сущности правъ и обязанностей означенныхъ органовъ мѣстнаго управленія было бы слишкомъ односторонне, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ не взято было во вниманіе самое проявленіе ихъ дѣятельности въ той средѣ, въ которой имъ суждено было осуществлять тѣ или другія права и обязанности. Такъ думалъ и авторъ, и потому мѣстами мы находимъ въ его сочиненіи указанія на бытъ народный, который вызывалъ тѣ или другія мѣры со стороны правительства. Такъ напримѣръ, упоминая о привилегіяхъ, или жалованныхъ и уставныхъ грамотахъ, которыя давались князьями, съ XIV столѣтія, какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ общинамъ въ ущербъ власти намѣстниковъ, онъ старается пояснить основанія, вызвавшія эти привилегіи (стр. 32 и 33). Такъ, говоря о появленіи должности воеводъ, онъ указываетъ, между прочимъ, какъ на причину ея введенія, измѣнившіяся нравы и об-

стоятельства, содѣйствовавшія въ XVI столѣтїи развитію всеобщаго рабства и крѣпости (стр. 37). Такъ наконецъ и въ отношенїи къ губернаторамъ авторъ замѣчаетъ, что эта должность не могла получить того значенія, которое предполагало дать ей правительство, потому что тому препятствовало отсутствіе необходимаго условія государственной жизни — гражданской свободы большей массы подданныхъ (стр. 152 и 153). Но всѣ такія мѣста не имѣютъ, какъ намъ кажется, твердой внутренней связи съ самимъ изложеніемъ и характеристикой дѣятельности разсматриваемыхъ авторомъ органовъ мѣстнаго управленія. Напротивъ того, онъ съ самаго начала своего изслѣдованія старается лишь о томъ, какъ бы уловить тѣ постановленія верховной власти, которыми опредѣлялись права и обязанности означенныхъ должностныхъ лицъ, такъ что не находя видимыхъ указаній на такія постановленія въ древнѣйшихъ памятникахъ законодательства, заключаетъ отсюда, что намѣстникамъ, въ видѣ *кормленія*, предоставлялся полный произволъ относительно подвластнаго имъ народа. Вопреки однако этому предположенію, вслѣдъ затѣмъ исчисляются права и обязанности намѣстниковъ по дѣятельности финансовой, военной, политической и для пользы и благосостоянія народа, съ подраздѣленіемъ послѣдней на дѣятельность собственно административную и судебную. Переходя къ должности воеводъ, авторъ точно также большую часть этой главы своей книги посвящаетъ разсмотрѣнію лежавшихъ на нихъ обязанностей по управленію военному, дипломатическому, финансовому и хозяйственному, а также ихъ дѣятельности относительно народнаго благосостоянія и безопасности и по части судебной. Такая же наконецъ система соблюдена и при разсмотрѣніи должности губернаторовъ. Такимъ образомъ весь трудъ является собственно въ высшей степени добросовѣстнымъ разысканіемъ постановленій, разсѣянныхъ въ источникахъ законодательства о правахъ и обязанностяхъ, которыя возлагались правительствомъ, въ разное время, на главныхъ органовъ мѣстнаго управленія; о томъ же, какъ осуществлялись на практикѣ эти права и обязанности и какъ относились къ нимъ народъ подъ влияніемъ своихъ нравовъ и обычаевъ, авторъ почти не упоминаетъ.

Мы никакъ не можемъ предположить, чтобы такой способъ изслѣдованія со стороны столь умнаго и точнаго писателя, какъ г. Андреевскій, былъ дѣломъ случайности или недостаточнаго вниманія его къ своему предмету. Къ счастью, онъ самъ, хотя не прямо, объясняетъ намъ причину, заставившую его устраниваться отъ

ближайшаго разсмотрѣнія того, какъ проявлялась дѣятельность намѣстниковъ, воеводъ и губернаторовъ въ той средѣ, къ которой она непосредственно относилась. По мнѣшю автора, съ утвержде- нія въ Россіи едновластія до позднѣйшаго времени, народъ нашъ не былъ связанъ никакимъ единствомъ съ правительствомъ: онъ не принималъ никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ и не проявлялъ никакихъ признаковъ общественной жизни; поэтому вер- ховная власть, надзоръ и распоряженія по всѣмъ вѣтвямъ управле- нія сосредоточила въ рукахъ своихъ органовъ. Но приведемъ луч- ше, въ подтвержденіе такого мнѣнія г. Андреевскаго, его соб- ственныя слова, представляющія вмѣстѣ съ тѣмъ сжатый очеркъ его взгляда на весь ходъ и развитіе должностей намѣстника, воево- ды и губернатора, хотя не можемъ при этомъ не замѣтить, что изъ сказаннаго здѣсь многое является лишь выраженіемъ личнаго убѣжденія автора, а не выводомъ изъ предъидущихъ его изслѣдо- ваній.

«Характеристическія черты должности губернатора указыва- ютъ — говоритъ онъ — на тѣсную связь ея съ прошедшимъ: это одна изъ формъ тѣхъ общественныхъ, политическихъ началъ, дву- мя другими формами которыхъ являлись воеводы и намѣстники.

«Современные тому положенію общественной жизни Россіи, ког- да не было связи и единства между правительствомъ и народомъ, когда отсутствовало одно изъ условій государственной жизни — верховная власть, намѣстники постепенно теряютъ свой прежній характеръ, постепенно блѣднѣютъ съ возвышеніемъ Москвы, съ порождающею связью между властью и народомъ и исчезаютъ при развитіи верховной власти, при первомъ анализѣ, который стремится провести новое Московское правительство по отношенію къ благополучію народа.

«Этотъ, начавшійся въ Москвѣ, анализъ зампраетъ въ самомъ началѣ. Условія общественной жизни отвлекаютъ власть отъ воз- можности того союза съ народомъ, первые лучи котораго блеснули въ XVI стол. Началу рабства съ одной стороны, начало смуть и войны съ другой, заставляють Московское правительство обратитъ- ся къ прежнимъ, отчасти подавленнымъ, но неразрушеннымъ эле- ментамъ, которымъ Москва даетъ новую форму вмѣсто намѣстни- ческой — воеводскую; воеводы, какъ временные, вызванные слу- чайными обстоятельствами администраторы дѣйствуютъ около двухъ столѣтій, продолжаютъ въ новой формѣ прежнее намѣстническое дѣло и службу.

«Должность воеводъ и намѣстниковъ связана историческою нитью: при тѣхъ и другихъ нѣтъ совокупности условий, которыя бы дѣлали возможною дѣйствительную государственную жизнь и мѣстныхъ администраторовъ дѣйствительными правителями. Произволь, посулы, вѣра въ дьяка, безопасность въ управленіи, корыстныя, эгоистическія убѣжденія относительно призыва дасть много сходства воеводамъ съ намѣстниками; но есть между ними и разница. Намѣстники, обязывая князя своею службою, давая ему возможность стремиться къ власти и выработать свое политическое положеніе, живутъ своею особою жизнію, знаютъ свое дружинное дородство и честь и видятъ въ народѣ, въ управляемыхъ свое законное средство. Иначе стоитъ воевода. Его дородство, его честь — только служилыя, придворныя; онъ подѣ надзоромъ, на отчетѣ пользуется кормомъ и управляемыми, онъ окруженъ тѣми приказными формами, которыя создаются Московскимъ правительствомъ съ цѣлю доставить народу дѣйствительное управленіе и имѣть въ своей Московской власти, подѣ своимъ отчетомъ управляющихъ. Но какъ правительство, окруженное началами рабства, началами крѣпости, не въ состояніи наполнить созданныя имъ формы дѣйствительно государственнымъ содержаніемъ, то воевода наполняетъ ихъ собственнымъ содержаніемъ, и прикрываясь имъ, онъ въ своей дѣятельности, въ своихъ отношеніяхъ къ народу, съ виду многимъ отличенъ отъ намѣстника, но въ дѣйствительности нерѣдко его напоминаетъ. Впрочемъ произволь его, власть его, обращеніе съ народомъ, какъ съ средствомъ для его личныхъ властительскихъ цѣлей, не выступаютъ гласно и явно, напротивъ, укрываются отъ контролирующей Москвы, и только потому, что правительственныя средства контроля слабы, воевода даетъ результаты управленія не тѣ, какихъ бы желало Московское правительство.

«Съ начавшимися въ XVIII столѣтіи преобразованіями Россіи преобразовываются и представители мѣстнаго управленія: вмѣсто воеводъ являются губернаторы. Попытка провести во все управленіе государственныя начала, отдѣлить отъ администраціи судъ, поставить управителей на надлежащія основанія государственной отвѣтственности — встрѣтила неодолимыя препятствія въ самыхъ условіяхъ общественной жизни, заставлявшихъ общество оставаться совершенно равнодушнымъ по отношенію къ вопросу своего благосостоянія и развитія. Заключая въ себѣ сильный процентъ начала рабства и крѣпости, общество не въ состояніи было воспользоваться или даже принять какое либо участіе въ государ-

ственныхъ началахъ, которыя правительство съ такою энергіею стремилось влить въ Русскую жизнь. Необходимымъ послѣдствіемъ такого положенія явилось желаніе правительства взять всѣ работы относительно развитія общества исключительно на себя, устроить жизнь общества по своему, и не обращая вниманія на равнодушіе общества, вести его къ счастью и развитію во что бы то ни стало. Губернаторы, поставленные императоромъ Петромъ I, выражая въ кругѣ своихъ обязанностей это стремленіе правительства доставить обществу такое искусственное развитіе и благосостояніе, могутъ выполнять возлагавшіяся на нихъ обязанности только формально, неудовлетворительно. Неудовлетворительность мѣстнаго управленія вызвала анализъ императрицы Екатерины II. Въ ея великомъ наказѣ комиссіи сочиненія новаго уложенія и нѣкоторыхъ распоряженіяхъ свѣтятся намѣренія совершенно отбросить покровительственную политику, вызвать стремленіе самого общества къ развитію и благополучію, ограничить правительственную дѣятельность наблюденіемъ, чтобы общественныя силы развивались не въ ущербъ интересамъ правительства и государства; поставить на совершенно нныя основанія и мѣстныхъ управителей — губернаторовъ. Но этимъ стремленіямъ нельзя было осуществиться при отсутствіи необходимаго условія государственной жизни — гражданской свободы большей массы подданныхъ: крѣпостная зависимость составляла преграду, о которую разбивались всѣ проекты и планы государственной жизни. Потому, вмѣсто новыхъ началъ губернскаго управленія, императрица Екатерина II, въ своемъ учрежденіи 1775 года, кладетъ прочиѣйшія основанія централизаціи губернскаго управленія въ должности губернатора. Не будучи въ состояніи дать губернатору постъ правительственнаго контролера надъ дѣятельностію общественныхъ силъ, такъ какъ такой дѣятельности не существовало, правительство продолжаетъ по прежнему, хотя въ другой формѣ, дѣлать и работать само за общество: въ должности губернатора императрица Екатерина II совокупляетъ обязанности какъ надзора, такъ и распоряженій по всѣмъ вѣтвямъ и отраслямъ администраціи. Ея преемники продолжаютъ систематически дополнять и развивать ею начатое: на началахъ централизаціи постепенно вырастаетъ должность губернаторовъ и достигаетъ полнѣйшихъ, формальныхъ размѣровъ къ тому времени, какъ совершается полнѣйшій переворотъ Русской государственной жизни, манифестомъ 19 февраля 1861 года, призвавшимъ къ государственной жизни большинство русскаго народа, утерьявшее свою гражданскую сво-

боду. Возвращеніе къ гражданской свободѣ народа, будучи возвращеніемъ къ потерянному государственному единству, возбуждаетъ реформу всего того, что являлось до сихъ поръ началомъ государственнымъ только со стороны формы, что не могло въ теченіи столькихъ столѣтій наполниться надлежащимъ государственнымъ содержаніемъ. Должность губернатора прежде всего испытываетъ на себѣ благія перемены и приведетъ къ выработкѣ новаго типа губернаторской должности.

«Какъ съ XVIII стол. въ реформахъ относительно должности начальника губерніи направленіе заключалось въ систематическомъ сосредоточеніи въ рукахъ губернатора всѣхъ вѣтвей управленія, такъ теперь направленіе реформъ приметъ путь діаметрально-противоположный: отъ должности губернатора будетъ отсѣкаться все то, что имѣло значеніе только формальное, что не вытекало изъ идеи самой должности, но присоединялось къ ней только потому, что не на кого было возложить, некому было довѣрить. Изданныя уже два положенія, являющіяся прямыми и непосредственными послѣдствіями освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (основныя положенія преобразования судебной части 1862 г. и Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 г.) заявляютъ путь, по которому двинутся реформы должности губернатора. Основныя положенія преобразования судебной части даютъ возможность отдѣлять наконецъ судъ отъ администраціи и избавить губернатора отъ обязанности быть судьей, отдѣляютъ ему сферу исключительно административную. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ отсѣкаетъ отъ должности губернатора распоряженія важнѣйшими финансовыми дѣлами мѣстности и распоряженія по важнѣйшимъ полицейскимъ вопросамъ, благосостоянія и безопасности (общественное хозяйство, пути сообщеній, народное продовольствіе, общественное призрѣніе бѣдныхъ и проч.); всѣ эти вопросы, разрешаемые земствомъ, будутъ получать, когда новыя начала земскаго управленія дѣйствительно привьются, надлежащее, дѣйствительное разрѣшеніе, не будутъ ограничиваться однѣми формами, какъ это, по необходимости, должно было являться при губернаторскомъ управленіи этими дѣлами. Должность губернатора такимъ образомъ мало по малу сдѣлается постомъ наблюдателя государственныхъ, правительственныхъ интересовъ, сдѣлается постомъ политическимъ, заключить въ своемъ существѣ возможность осуществлять этотъ важный призывъ новымъ, дѣйствительно государственнымъ образомъ (стр. 150 и 154).

Отдавая должную справедливость логической послѣдовательности, съ которою авторъ связываетъ между собою въ этомъ живомъ взглядѣ разныя части своего предмета, и вполне сочувствуя высокому интересу, который онъ возбуждаетъ въ читателѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаемся, что на задачу предпринятаго имъ труда онъ смотрѣлъ только со стороны содержанія или суммы должностныхъ обязанностей, возлагавшихся верховною властью на ея органы по дѣламъ мѣстнаго управленія. Такъ какъ, по мнѣнію г. Андреевскаго, оно первоначально всецѣло передавалось въ ихъ руки, то въ немъ смѣшивались безразлично разныя отрасли. Затѣмъ правительство перешло къ различенію этихъ отраслей и къ распредѣленію ихъ между разными органами мѣстнаго управленія; но всѣ онѣ сосредоточивались, сначала безъ системы, а потомъ, на основаніи строго проведеннаго начала централизаціи, въ рукахъ воеводъ и губернаторовъ, пока наконецъ, съ освобожденіемъ народа отъ крѣпостной зависимости и отъ другихъ стѣснительныхъ условій его частной и общественной жизни, оказалось возможнымъ большую часть ихъ передать въ его руки. Такимъ образомъ, выясненіе началъ, на основаніи которыхъ верховная власть устанавливала у насъ въ разное время мѣстное управленіе, съ помощію подробнаго анализа правъ и обязанностей, лежавшихъ на намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ, какъ на главныхъ органахъ этого управленія — вотъ что поставилъ себѣ цѣлью авторъ и что онъ выполнилъ, какъ намъ кажется, съ блистательнымъ успѣхомъ. Поэтому, становясь на его точку зрѣнія, хотя и полагая, что такой взглядъ должно признать одностороннимъ, такъ какъ онъ оставляетъ безъ анализа самый предметъ мѣстнаго управленія, т. е. народъ, такъ или иначе, но всетаки постоянно проявлявшій свою частную и общественную дѣятельность и вліявшій ею, какъ сознается самъ авторъ, на реформы въ администраціи — мы ограничимся въ дальнѣйшихъ замѣчаніяхъ на книгу г. Андреевскаго предѣлами поставленной имъ себѣ задачи. Прибавимъ при этомъ къ его оправданію, что уясненіе дѣятельности самого народа въ отношеніи къ тѣмъ или другимъ органамъ мѣстнаго управленія, въ настоящее время, при незначительномъ еще количествѣ изданныхъ матеріаловъ о народномъ бытѣ, представляется весьма затруднительнымъ. Предположивъ себѣ эту цѣль, чтобы пополнить такой недостатокъ въ трудѣ г. Андреевскаго, мы должны были руководствоваться преимущественно рукописными источниками, которые собирали въ теченіе многихъ лѣтъ *).

*) См. ниже. Приложение I.

Начнемъ наши замѣчанія съ намѣстниковъ, признаваемыхъ авторомъ тождественными съ посадниками первыхъ князей, что совершенно справедливо и по нашему мнѣнiю. Но мы думаемъ, что, напрасно увлекаясь предположенiемъ нѣкоторыхъ нашихъ юристовъ имъ исключительно финансовой цѣли верховной власти въ первый периодъ ея отношенiй къ народу, г. Андреевскiй считаетъ согласными съ нею и потому правильными и законными какiя бы то ни было дѣйствiя въ это время посадниковъ и намѣстниковъ (стр. 10), т. е. что князья не обращали вниманiя на то, какими способами достигалась, поставленными ими надъ народомъ властями, вышеозначенная финансовая цѣль. Въ опроверженiе этого мнѣнiя мы можемъ указать на древнѣйшiе памятники какъ свѣтскiе, такъ и церковные, въ которыхъ ясно выражается, что, напр., неправый судъ, лихоимство и т. под. признавались и князьями, и духовенствомъ, и народомъ злоупотребленiями со стороны намѣстниковъ и тиуновъ, и уже въ Двинской грамотѣ 1398 года допускается жалоба великому князю на такiя злоупотребленiя. Неправильная точка зрѣнiя въ этомъ случаѣ привела автора и къ одностороннему взгляду на *кормленiе*, которое давалось служилымъ людямъ. Онъ упускаетъ изъ виду, что самое назначенiе количества корма намѣстникамъ въ уставныхъ грамотахъ есть ясное указанiе на то что превышенiе этой мѣры считалось незаконнымъ, и что если вымогательство излишняго корма оставалось часто безнаказаннымъ то тѣмъ не менѣе князь, назначая намѣстника въ какой либо городъ, на короткое время, или двухъ намѣстниковъ въ одинъ городъ, дѣлалъ это вовсе не съ тою цѣлью, чтобы они могли скорѣе нажитья, какъ полагаетъ авторъ (стр. 14), а напротивъ, какъ известно изъ источниковъ позднѣйшаго времени, для того, чтобы въ короткое свое управленiе или при совмѣстности другаго должностнаго лица намѣстникъ не имѣлъ возможности на столько ознакомиться съ краемъ и сблизиться съ подчиненными ему властями, или на столько быть притязательнымъ, чтобы дѣйствовать слишкомъ во вредъ князю, или народу. Точно также неправильно, думаемъ мы, мнѣнiе автора, будто право суда давалось намѣстникамъ не столько съ цѣлью доставить народу правду, сколько для получения дохода, сбора, пошлины (стр. 21). Нѣтъ сомнѣнiя, что намѣстники отправляли судъ не безвозмездно; но и здѣсь самое опредѣленiе пошлинъ указываетъ на то, что судъ считался столь необходимымъ и важнымъ дѣломъ, что не только его производство, но и самое его допущенiе князья признавали возможнымъ и спра-

ведливымъ обложить сборами, какъ особую статью дохода; слѣдовательно, не судъ былъ учрежденъ для взиманія пошлинъ, а напротивъ, послѣднія были установлены вслѣдствіе признанія необходимости суда. Самый фактъ, что намѣстники употребляли во зло право суда, что они брали посулы и взятки, служить тому доказательствомъ, ибо такія злоупотребленія, какъ подробно объясняетъ далѣе самъ авторъ (стр. 26 и 27), вызвали со стороны правительства строгія мѣры къ ихъ прекращенію и наконецъ постановленіе объ участіи въ судѣ намѣстниковъ, старостъ и другихъ выборныхъ людей изъ мѣстныхъ жителей.

Остаиваясь на дѣятельности-намѣстниковъ, собственно административной, авторъ считасть нужнымъ оговорить, что она была почти ничтожна, ибо забота о благосостояніи духовномъ, т. е. о религіозномъ и умственномъ развитіи народа принадлежала церкви, точно также, какъ и забота о доставленіи народу безопасности, именно охраненіе его отъ болѣзней; что же касается до полицѣйскаго надзора, то онъ лежалъ на самихъ общинахъ, городскихъ и сельскихъ (стр. 22 и 24). Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ автору пришлось говорить о значеніи намѣстниковъ лишь отрицательно, между тѣмъ какъ разсмотрѣніе мѣстной администраціи вообще составляло въ настоящемъ случаѣ его обязанность для того, чтобы выяснитъ причины и самый способъ перехода какъ распорядительной власти по охраненію народнаго здравія и благосостоянія, такъ и полицейскаго надзора, отъ духовенства и народа къ воеводамъ. Но избравъ однажды системою для своего изслѣдованія не всѣ стороны дѣятельности и отношеній областныхъ правителей, а только сумму правъ и обязанностей, возлагавшихся на нихъ верховною властью, г. Андреевскій былъ поставленъ въ необходимость довольствоваться блѣдными и неопредѣленными очерками этихъ обязанностей. Тѣмъ не менѣе переходя къ вопросу о причинѣ замѣны намѣстниковъ воеводами, онъ долженъ былъ невольно обратиться къ средѣ, въ которой они дѣйствовали, и нашелъ, что эта среда имѣла въ то время столько самобытности, столько стремленій къ самоуправленію, что верховная власть, давая непрерывно привилегіи духовенству, разнымъ общинамъ и частнымъ лицамъ на неподвѣдомственность намѣстникамъ, наконецъ фактически почти всюду устранила ихъ значеніе. Вотъ почему изслѣдованіе о нихъ съ точки зрѣнія, принятой авторомъ, не могло быть удачнымъ, и дѣйствительно весьма слабо и кратко сравнительно съ слѣдующими отдѣлами его книги, хотя онъ весь

ма добросовѣстно пересмотрѣлъ всѣ источники, относящіеся къ этому періоду.

Воеводы, имѣвшіе сначала значеніе начальниковъ войскъ и мѣстностей, покоренныхъ силою оружія или подчинившихся добровольно, являются въ XVII столѣтіи во главѣ мѣстнаго управленія и въ областяхъ, составлявшихъ зерно русскаго государства. Потому ли однако воеводы замѣнили собою намѣстниковъ, что они болѣе соответствовали тогдашнимъ потребностямъ правительства и народа, и въ чемъ заключалось существенное отличіе этихъ новыхъ органовъ администраціи — г. Андреевскій объясняетъ, съ одной стороны, очень недостаточно, а съ другой, по нашему мнѣнію, и неправильно. «Распространившееся начало крѣпости и рабства, говоритъ онъ — развитію котораго не могло воспрепятствовать Московское правительство, не дозволяло развитъ выборнаго управленія и вылить его въ какую либо систему. Беспорядки и смуты вызывали главнымъ образомъ защиту городовъ отъ нападений. Частная мѣра Ивана IV, назначавшаго воеводъ въ опасныя мѣста, возведена въ общую мѣру, и мѣстное управленіе Россіи въ XVII вѣкѣ является въ видѣ *воеводскаго управленія*. Рядомъ съ воеводскимъ управленіемъ продолжаетъ дѣйствовать и система выборная, но между ними нѣтъ гармоническихъ отношеній: право выборовъ для той или другой мѣстности то уничтожается, то возобновляется. Обѣ эти формы доживаютъ рядомъ до преобразованій Петра I, какъ два свидѣтеля того времени, которое стремилось сдѣлать въ мѣстномъ управленіи реформу, но должно было остановиться, вслѣдствіе условій самого общества, на однихъ приготовленіяхъ» (стр. 39).

Слова эти нельзя понимать иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что правительство думало, замѣняя намѣстниковъ воеводами, доставить болѣе защиты городамъ, въ которые они посылались, оставляя впрочемъ въ силѣ и выборное начало. Но какъ относилось это начало къ новому управленію; оставалось ли оно дѣйствительно нетронутымъ, или, напротивъ, начало крѣпости, сдѣлавшееся мало по малу на Руси преобладающею формою во всѣхъ отношеніяхъ какой бы то ни было власти къ зависѣвшимъ отъ нея лицамъ, подчинило себѣ и это начало, и если такъ, то въ чемъ выразилось это подчиненіе и какой, вслѣдствіе того, управленіе воеводское получило характеръ и смыслъ въ отличіе отъ управленія намѣстническаго — все это оставлено авторомъ неразсмотрѣннымъ опять на основаніи того, что разрѣшеніе какъ приведенныхъ, такъ и другихъ пред-

ставляющихся здѣсь вопросовъ возможно не иначе, какъ подѣ условіемъ основательнаго изученія самаго быта народа въ XVI и XVII вѣкѣ. Устранивъ же это разсмотрѣніе, авторъ удовольствовался объясненіемъ, что различіе между намѣстниками и воеводами состояло въ томъ, что первые дѣйствовали безотчетно, вслѣдствіе предоставленія имъ полной свободы въ кормленіи самою верховною властью, а послѣдніе, напротивъ, пользовались кормомъ и управляемыми на отчетѣ (стр. 151 и 152) — объясненіемъ невѣрнымъ, ибо, какъ мы старались выше доказать, и дѣятельности намѣстниковъ поставлены были границы и условія, ясно выраженные въ источникахъ. Можно только сказать, что въ XVI и особенно въ XVII столѣтіи права и обязанности, возложенныя на разныхъ органовъ мѣстнаго управленія, выражены въ царскихъ грамотахъ и наказахъ опредѣлительнѣе, чѣмъ въ памятникахъ періода великокняжеской власти и, что контроль надъ дѣйствіями воеводъ, сосредоточенный въ приказахъ, очевидно по дошедшимъ до насъ многочисленнымъ источникамъ этого времени, чѣмъ въ предыдущую эпоху, когда князья, стоявшіе ближе къ намѣстникамъ, нерѣдко лично и на мѣстѣ повѣряли ихъ дѣйствія; да и самые документы, которые могли бы свидѣтельствовать о такой повѣркѣ, большею частію утратились.

Изложенію правъ и обязанностей воеводъ, авторъ предпосылаетъ нѣсколько замѣчаній о способѣ ихъ назначенія и объ ихъ отношеніяхъ къ высшимъ и подчиненнымъ властямъ. Указываемъ на эти замѣчанія для того, чтобы заявить наше сожалѣніе, что, упомянувъ о различіи между воеводами главныхъ и приписныхъ городовъ (стр. 42), авторъ не разсмотрѣлъ ближе это различіе, такъ какъ оно, безъ сомнѣнія, выяснило бы отчасти строй нашей древней администраціи. Не смотря на завѣреніе г. Чичерина, на которое, повидимому, положился въ настоящемъ случаѣ г. Андреевскій, въ источникахъ, относящихся къ разнымъ мѣстностямъ, есть ясныя указанія на подчиненность, въ которой находились воеводы однихъ городовъ отъ другихъ, особенно въ Сибири. Замѣтимъ также, что принятому авторомъ мнѣнію нашему о томъ, что указы воеводамъ писались по одному образцу (стр. 44 и 45), онъ придалъ слишкомъ общій смыслъ: по одному образцу, сколько намъ извѣстно, писались указы только тѣмъ воеводамъ, которые посылались преемственно въ одну и ту же мѣстность. Въ этомъ случаѣ дѣйствительно наказъ, данный въ свое время увольняемому воеводѣ, только переписывался съ необходимыми дополненіями для

врученія наказа замѣнявшему его воеводѣ. Напротивъ наказы, дававшіеся воеводамъ разныхъ мѣстностей, тѣмъ болѣе должны были между собою различаться и въ самомъ дѣлѣ различались, что они составлялись въ разныхъ приказахъ, между которыми подѣлены были разныя области тогдашней Россіи.

Что касается до обязанностей, возлагавшихся на воеводъ, то авторъ разсмотрѣлъ всѣ предметы ихъ вѣдомства такъ отчетливо и полно, что въ этомъ отношеніи дальнѣйшія изслѣдованія, для уясненія мѣстнаго управленія въ XVII вѣкѣ, можно признать излишними. Съ своей стороны мы предложимъ здѣсь только нѣкоторыя частныя возраженія.

Въ числѣ финансовыхъ обязанностей воеводъ, г. Андреевскій обращаетъ особенное вниманіе на чрезмѣрное развитіе царскихъ промысловъ, въ сравненіи съ которыми собраніе различныхъ податей и пошлинъ стояло, по его мнѣнію, на заднемъ планѣ. Но изъ самаго исчисленія регалій, имѣвшихъ преимущественно мѣстное значеніе, а еще болѣе на основаніи подлинныхъ книгъ, въ которыхъ записаны какъ окладные, такъ и неокладные сборы разныхъ мѣстностей, мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что едва ли они доставляли воеводамъ столько заботъ, сколько требовало ихъ исправное взысканіе податей, представлявшее весьма нерѣдко, по крайней бѣдности жителей, неодолимыя препятствія. Далѣе, въ противоположность дѣятельности намѣстниковъ, авторъ останавливается на обязанностяхъ воеводъ относительно доставленія народу благосостоянія, подраздѣляя ихъ на обязанности: а) относительно содѣйствія земледѣлію; б) относительно содѣйствія торговлѣ, и в) относительно содѣйствія религиозному образованію народа. Намъ же кажется, что было бы очень возможно найти слѣды проявленія всѣхъ такихъ обязанностей и въ памятникахъ періода намѣстниковъ и что поэтому развитіе, въ сравненіи съ ними дѣятельности воеводъ должно признать не новымъ явленіемъ, а слѣдствіемъ ближайшаго отношенія, въ которое органы правительственной власти стали теперь къ народу. Это же самое, думаемъ мы, въ соединеніи съ развитіемъ вообще начала укрѣпленія, было причиною того, что прежнія полицейскія обязанности, добровольно принятыя на себя общинами, городскими и сельскими, перешли при воеводахъ въ повинности, возложенныя на нихъ правительствомъ, такъ что высшій полицейскій надзоръ или наблюденіе за благочиніемъ и принятіе разныхъ мѣръ для безопасности народа въ данной мѣстности стали принадлежать воево-

дѣ. Къ такимъ обязанностямъ воеводѣ авторъ относитъ: обереженіе города отъ нападений и вообще лихихъ людей, охраненіе народа отъ болѣзней, голода и пожаровъ и преслѣдованіе бѣглыхъ. Прибавимъ сюда, упоминаемые также въ источникахъ, наблюденіе, чтобы не было запрещенныхъ игоръ, плясокъ и заторныхъ домовъ и принятіе мѣръ къ прекращенію всякаго рода насилія, и мы получимъ перечень почти всѣхъ предметовъ, принадлежащихъ къ вѣдомству полиціи, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ смотря на участіе воеводѣ въ судѣ уже независимо отъ цѣли исключительно финансовой, авторъ внимательно разсматриваетъ степень этого участія какъ въ дѣлахъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, относя впрочемъ справедливо подробности этого предмета къ исторіи судопроизводства. Но такая оговорка не освобождаетъ его, по нашему мнѣнію, отъ вопроса: на основаніи какихъ источниковъ онъ утверждаетъ, что тамъ, гдѣ судъ производился выборными судьями, «судебныя пошрины собирались ими и приносились воеводѣ, который разсчитывалъ такихъ судей, давая имъ отъ себя отписи» (стр. 105)? Намъ извѣстно, что нѣкоторыя общины право суда откупали у верховной власти и опредѣленную за то сумму доставляли въ Москву; но чтобы, сверхъ того, особыя пошрины по дѣламъ суднымъ представлялись выборными судьями воеводамъ — намъ кажется весьма сомнительнымъ.

Главу о губернаторахъ г. Андреевскій начинаетъ слѣдующими словами: «Со вступленія на престолъ императора Петра I, правительственная жизнь Россіи совершенно измѣняется: цѣли и стремленія направлены не къ финансовымъ только расчетамъ, но къ доставленію подданнымъ благополучія. Преобразования Петра I, опирающіяся на неизвѣстныя русской жизни и русскимъ потребностямъ, иноземныя западно-европейскія законодательства, стремятся коснуться всѣхъ сторонъ русской жизни и повсюду пробудить потребности, кажушіяся преобразователю совершенно необходимыми для блага Россіи. Для пробужденія такихъ, неизвѣстныхъ народу, потребностей, для созданія совершенно новой государственной жизни, преобразователь устроиваетъ новые органы своей государственной дѣятельности, которымъ поручаетъ доставить идеямъ своихъ преобразованій практическое осуществленіе. Открытыя имъ высшія государственныя установленія встрѣчаютъ необходимость и въ новыхъ мѣстныхъ установленіяхъ: съ общими преобразованиями Петра I должны были явиться въ связи и преобразования какъ мѣст-

наго управленія вообще, такъ должности воеводъ въ особенности» (стр. 107).

Въ чемъ же заключаются эти преобразования Петра I въ отношеніи *началь* правительственной дѣятельности верховной власти, чрезъ ея органовъ, долженствовавшихъ замѣнить собою воеводъ?

«Преобразованиемъ мѣстнаго управленія Россіи — говоритъ г. Андреевскій — императоръ Петръ I хотѣлъ достигнуть трехъ цѣлей: 1) отнять у мѣстнаго управленія провозволъ, которымъ оно до тѣхъ поръ пользовалось, постановленіемъ его подъ совершенно новый надзоръ и контроль созданныхъ Петромъ высшихъ государственныхъ установленій; 2) отдѣлить отъ дѣятельности административной судебную; и 3) поручить мѣстному управленію совершенно новыя заботы — полицейскія. Первая и послѣдняя цѣль были достигнуты скорѣе по формѣ, нежели по содержанію; достиженію же второй цѣли мѣшали непрерывныя перемѣны, производимыя по отношенію къ этому предмету преемниками Петра I» (стр. 108).

Замѣтимъ прежде всего, что напрасно авторъ указываетъ на полицейскія обязанности, какъ на новую заботу, возложенную Петромъ Великимъ на органы мѣстнаго управленія. Изъ исчисляемыхъ имъ ниже предметовъ полицейской дѣятельности губернаторовъ мы видимъ, что они тѣ же самыя, которые уже указаны были имъ, какъ обязанности, лежавшія на воеводахъ. Съ другой стороны, самъ г. Андреевскій сознаетъ, что стремленіе Петра I и его преемниковъ установить полицейскую дѣятельность правительственныхъ органовъ на твердыхъ основаніяхъ, отчасти ограничивалось до конца XVIII вѣка временными распоряженіями, отчасти же мѣры, указываемыя въ этомъ отношеніи губернаторамъ, столь же мало развиты, какъ и въ XVII столѣтіи (стр. 122 и 123). Соглашаясь затѣмъ съ доводомъ, что другія цѣли, имѣвшіяся въ виду при установленіи должности губернаторовъ относительно мѣстнаго управленія, не были достигнуты до самаго изданія учрежденія о губерніяхъ, тѣмъ болѣе, что совмѣстно съ губернаторами продолжали существовать и воеводы, — мы не можемъ не прійти къ заключенію, что одни новыя названія должностныхъ лицъ, размѣщенныхъ по губерніямъ, съ обязанностями, которыя, какъ и самыя эти лица, не пустили крѣпкаго корня въ народной жизни, не даютъ еще права историку обозначать ихъ появленіе, какъ новый періодъ въ развитіи мѣстнаго управленія. Поэтому мы признаемъ вполне справедливымъ, что авторъ посвятилъ особый отдѣлъ раз-

смотрѣнію должности губернаторовъ съ царствованія Екатерины II, ибо только съ этого времени она получила дѣйствительное содержаніе и опредѣленный кругъ обязанностей въ отношеніи къ мѣстному управленію.

Какъ и въ предыдущихъ главахъ своей книги, г. Андреевскіи въ каждомъ изъ принятыхъ имъ отдѣловъ о губернаторахъ, говорятъ сначала объ ихъ отношеніяхъ къ властямъ высшимъ и подчиненнымъ, причѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ приводятъ узаконенія, вышедшія въ разсматриваемый имъ промежутокъ времени касательно должности губернаторовъ, а затѣмъ исчисляетъ съ особенною подробностью лежавшія на нихъ обязанности. По означенной выше причинѣ, именно той, что лишь съ установленіемъ въ законодательствѣ и практикѣ опредѣленныхъ основаній для дѣятельности губернаторовъ, становится возможнымъ и для изслѣдователя пояснить ближе и точнѣе значеніе ихъ въ системѣ губернскихъ учреждений, изложеніе автора во второмъ отдѣлѣ очевидно отличается болѣею опредѣлительностію и твердостію, опираясь на положительныхъ уставахъ и наказахъ, въ которыхъ разграничены предметы вѣдомства этихъ учреждений. Между тѣмъ какъ обзорѣе реформы Петра Великаго и узаконеній, изданныхъ его преемниками до Екатерины II, не приводитъ его ни къ какимъ окончательнымъ выводамъ, онъ выставляетъ, какъ главную мысль, которую правительство проводило съ царствованія этой императрицы до послѣдняго времени въ должности губернаторовъ, централизацию губернскаго управленія; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ разграниченіи различныхъ предметовъ вѣдомства, порученныхъ различнымъ мѣстнымъ учреждениямъ, въ связи съ обязанностями въ отношеніи къ нимъ губернаторовъ, указываетъ на зачатки дальнѣйшаго развитія мѣстной администраціи и преобразованія самой должности и значенія губернаторовъ. Поэтому и мы съ своей стороны не можемъ не остановиться съ особеннымъ интересомъ на этой ближайшей къ намъ эпохѣ; въ отношеніи же предшествоващаго ей времени замѣтимъ только, что съ точки зрѣнія автора на свою задачу оно не отличается ничѣмъ существеннымъ отъ періода допетровскаго и составляетъ съ нимъ одно цѣлое, имѣющее для насъ лишь историческое, а не практическое значеніе. Но и съ этой стороны очеркъ представляемой авторомъ совмѣстной дѣятельности уцѣлѣвшихъ въ Петровскую эпоху учреждений администраціи XVI вѣка и новыхъ, вызванныхъ къ жизни по образцу иностранныхъ, безъ сомнѣнія очень кратокъ. Предлагаемъ пѣкоторыя къ нему

дополненія, нелишнія, какъ намъ кажется, для исторіи нашего за конодательства *).

Учрежденіе о губерніяхъ императрицы Екатерины II (изданное 7 ноября 1775 г.) составляетъ настоящее основаніе нынѣшняго губернскаго управленія, хотя уже прежде того, именно въ наставленіи губернаторамъ 1764 г. (Полн. Собр. Зак. № 12137) и наказѣ о сочиненіи проекта новаго уложенія 1767 г. (тамъ же № 12949) выражена была необходимость, а отчасти предложень въ самый способъ устроить это управленіе на новыхъ началахъ. Находя, «что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи и казенные доходы и счета, обще съ благочиніемъ или полиціею, и сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды управляются, а таковыми же неудобствамъ тѣхъ же губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ правленія не меньше подвержены, ибо въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія», — императрица признала необходимымъ отдѣлнть органы административные отъ судебныхъ, между административными различить органы полицейскіе и хозяйственныя, а въ судебныхъ, разграничивъ по возможности судопроизводство гражданское отъ уголовного, сократить дѣлопроизводство и дать судамъ новый составъ посредствомъ замѣщенія судейскихъ должностей выборными отъ сословій. Во главѣ каждой губерніи поставлены были государевы намѣстники или генералъ-губернаторы и подчиненные имъ губернаторы. Впрочемъ первые признаны впоследствии не вездѣ необходимыми и донинѣ назначеніе ихъ дѣлается не иначе, какъ по особому усмотрѣнію верховной власти въ ихъ надобности. Ко вновь организованнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ губернаторы получили опредѣленное отношеніе, которое окончательно было выяснено въ царствованія императоровъ Александра I и Николая. Оно заключается въ слѣдующемъ :

Какъ лицамъ, облеченнымъ особенною довѣренностью государя и поставленнымъ блюсти за исполненіемъ закона и за интересами казны, губернаторамъ, независимо отъ вѣренной имъ вообще административной власти въ губерніи, предоставлено распоряженіе во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, требующихъ особенныхъ мѣръ, и поручень надзоръ за исполненіемъ присутственными мѣстами возложенныхъ на нихъ обязанностей, съ правомъ созывать ихъ въ одно общее присутствіе, для обсужденія возникающихъ въ губерніи

*) См. Приложение II.

вопросовъ по примѣненію законовъ. Въ отношеніи ко всѣмъ полицейскимъ органамъ, установленнымъ для доставленія гражданамъ благосостоянія и безопасности, губернаторъ есть главный начальникъ. По части финансовой, которая поручена въ губерніяхъ завѣдыванію казенныхъ палатъ, на губернатора возложена обязанность надзора за правильною дѣятельностію мѣстныхъ финансовыхъ установленій и оказанія имъ, въ нужныхъ случаяхъ, содѣйствія; вмѣстѣ съ тѣмъ ему принадлежатъ наблюденіе за правильнымъ отправленіемъ въ губерніи повинностей и въ томъ числѣ земскихъ, и надзоръ въ правильности веденія городского хозяйства и распоряженія городскими сборами. По части судебной за губернаторами, сверхъ общаго наблюденія за присутственными мѣстами, оставлено право изъ гражданскихъ дѣлъ разсматривать, для представленія съ своимъ заключеніемъ въ Сенатъ, тѣ дѣла, которыя производятся порядкомъ слѣдственнымъ, и утверждать всѣ слѣдственные и уголовныя дѣла, рѣшаемыя въ уголовной палатѣ. «Если присоединить сюда — говоритъ г. Андреевскій — надзоръ за уголовнымъ судомъ, производимымъ надъ чиновниками, за тюрьмами, ихъ устроеніемъ и содержаніемъ въ нихъ арестантовъ, за производствомъ слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ и за исполненіемъ приговоровъ — обязанности главнымъ образомъ опредѣленныя въ общемъ наказѣ губернаторамъ 1837 г., то сдѣлается очевиднымъ, что мѣстнымъ администраторамъ Россіи, губернаторамъ предоставлено большое участіе въ дѣлѣ уголовного суда» (стр. 149 и 150).

Такимъ образомъ, не смотря на разграниченіе, сдѣланное въ законахъ и практикѣ, между предметами административными, полицейскими и судебными, и на распредѣленіе ихъ между разными учрежденіями, въ рукахъ губернатора, какъ начальника губерніи, эти различные предметы соединялись и какъ бы смѣшивались до послѣдняго времени. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ научныхъ воззрѣній, получавшихъ уже на западѣ надлежащее примѣненіе, и у насъ, съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, стали составляться и обсуждаться въ Государственномъ Совѣтѣ проекты касательно преобразованія разныхъ частей законодательства и управленія съ цѣлью дать каждой части самостоятельное значеніе. Въ числѣ ихъ предполагалось преобразовать и губернскія учрежденія. Особенно замѣчательны по этому предмету проекты Сперанскаго, которые разсматривались въ комитетѣ 6 декабря 1826 года. Хотя задуманная реформа тогда не состоялась, но она вызвала много записокъ и предположеній, которыя, въ связи съ проектами Спе-

равскаго и журналами означеннаго комитета, заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что имѣлись отчасти въ виду и при работахъ Высочайше учрежденной 27 марта 1859 года комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, выработавшей проектъ и о земскихъ учрежденіяхъ, который 1 января 1864 года получилъ силу закона и нынѣ приводится въ повсемѣстное дѣйствіе *).

Г. Андреевскому были, какъ кажется, неизвѣстны попытки правительства двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и принятое въ нихъ участіе государственныхъ людей этого времени къ преобразованію губернскихъ учрежденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и должности губернаторовъ; по крайней мѣрѣ онъ объ нихъ вовсе не упоминаетъ. Но какъ матеріалы, подготовившіе отчасти совершаемую нынѣ реформу въ мѣстномъ управленіи, они имѣютъ особенно важное значеніе. Вотъ почему, пользуясь случаемъ, доставившимъ намъ возможность разсмотрѣть ихъ въ подробности, мы признаемъ умѣстнымъ предложить изъ нихъ извлеченіе въ видѣ дополненія къ настоящему изслѣдованію **).

Обращаясь къ окончательной оцѣнкѣ разсмотрѣннаго мною сочиненія, въ вѣду присуждаемыхъ нынѣ Академіею Наукъ Демидовскихъ премій, я полагаю, что, не смотря на весь интересъ этого труда, возбуждаемый и его современностью и добросовѣстнымъ изученіемъ и группировкою матеріаловъ, недостатокъ въ полнотѣ содержанія и происшедшая оттого односторонность въ выводахъ не дадутъ ему права на то первостепенное мѣсто, которое въ противномъ случаѣ могло бы принадлежать ему въ ряду юридическихъ сочиненій, вышедшихъ въ послѣднее время. Но, принимая во вниманіе, что это первый историческій трудъ, доведенный до позитивнѣйшей реформы; что это первое научное изслѣдованіе, которое указываетъ на важность изученія и у насъ источниковъ права при составленіи законодательныхъ проектовъ; что наконецъ для необходимой, съ этою же цѣлью, разработки обширной задачи о мѣстномъ управленіи въ Россіи, книга г. Андреевскаго представляетъ богатое и надежное пособіе по указываемымъ въ ней многочисленнымъ источникамъ и сочиненіямъ, нерѣдко въ соединеніи съ критическими о нихъ отзывами самого автора, — считаю долгомъ заявить, что было бы справедливо со стороны Академіи Наукъ присудить ему *половинную* премію.

*) См. Труды комиссіи о губ. и уѣздн. учрежд. ч. I стр. 25 и д.

**) См. Приложение III.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Объ отношеніяхъ народа къ разнымъ властямъ мѣстнаго управленія въ древней Россіи.

Хотя памятники, содержащіе въ себѣ свѣдѣнія объ отношеніяхъ правительственныхъ властей къ народу, не восходятъ въ древность далѣе XII или вѣрнѣе XIII вѣка, но свидѣтельство лѣтописей не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что эти отношенія опредѣлялись, со времени ихъ установленія, слѣдующимъ началомъ. Съ самаго подчиненія Славянскихъ и другихъ племенъ Варягорусскимъ князьямъ они облагались податями, для собранія коихъ въ покорившемся городѣ или мѣстности сажался княжескій намѣстникъ, посадникъ или подъ инымъ названіемъ опредѣлялось правительственное лицо, съ правомъ получать отъ жителей не только содержаніе, но и особое вознагражденіе за всякую дѣятельность въ пользу подчиненныхъ: то и другое, въ отличіе отъ *дани*, называлось *кормленіемъ* или *кормомъ* и имѣло, очевидно, свое справедливое основаніе. Но грубость нравовъ и стремленіе къ личному обогащенію, при неограниченности и смѣшеніи правъ, предоставлявшихся правительственнымъ властямъ, весьма естественно возбуждали нерасположеніе къ нимъ въ народѣ; отсюда, почти современно съ его подчиненіемъ поставленнымъ надъ нимъ извнѣ княжескимъ чиновникамъ, въ немъ является забота—если не освободиться отъ ихъ вліянія, то по возможности уменьшить, ослабить невыгодныя послѣдствія ихъ дѣйствій. Такимъ образомъ *льоты*, предоставлявшіяся князьями разнымъ сословіямъ и лицамъ, свидѣтельствуютъ, что пробудившееся въ народѣ сознаніе своей самостоятельности и своихъ естествен-

ныхъ правъ встрѣтило сочувствіе въ самихъ князьяхъ, которые не могли не усмотрѣть уже весьма рано, что собственно неудовольствіе народа направлено не противъ ихъ власти, а противъ злоупотребленій и насилія поставленныхъ надъ нимъ лицъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе того, какъ постепенно ослаблялись и устранялись чрезъ это права княжескихъ намѣстниковъ, волостелей и другихъ правительственныхъ органовъ: достаточно представить результаты, *достигнутые* народомъ — дать ихъ власти и правамъ если не опредѣлительность, то по крайней мѣрѣ законное, по тогдашнимъ понятіямъ, и притомъ общее ограниченіе, такъ какъ частныя льготы, которыми они отмѣнялись, не смотря на обширное примѣненіе такихъ льготъ, все же не могли сдѣлаться правомъ безъ признанія ихъ таковымъ со стороны верховной власти. Въ этомъ отношеніи должно сказать, что во второй половинѣ XVI и въ первой XVII столѣтія уже вполне примѣнялось на практикѣ провозглашенное Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ начало, чтобы намѣстники, волостели, тиуны и другіе судьи не судили безъ *старости* и иныхъ лучшихъ людей, *выбранныхъ* народомъ изъ своей среды. Но эти старосты, а также право народа на избраніе ихъ и вообще лучшихъ людей для завѣдыванія ихъ дѣлами, не были учрежденіемъ, которое явилось бы при Грозномъ вдругъ и случайно: мы видимъ ихъ, напротивъ, всюду и съ глубочайшей древности, — они были учрежденіемъ *народнымъ* и въ качествѣ выборныхъ людей лишь *официально* признаны были въ то время охранителями народныхъ интересовъ. На самомъ же дѣлѣ внутреннее управленіе въ волостяхъ и селеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ находилось съ древнѣйшаго времени въ ихъ рукахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они служили огражденіемъ народу противъ злоупотребленій особыхъ (гнѣстныхъ) волостелей, прикащиковъ, посельскихъ, слободчиковъ и властей другихъ наименованій, назначавшихся, въ видѣ особой льготы, князьями въ волости черныя и дворцовыя, а духовными властями въ ихъ вотчины, для устраненія намѣстниковъ и тѣхъ волостелей, къ которымъ ихъ жители, по старинному выраженію, «тянули данью и судомъ по землѣ и по водѣ» (т. е. были подчинены по мѣсту своего жительства). Еще до Грознаго князья напоминали нерѣдко означеннымъ лицамъ, чтобы они не препятствовали быть на судѣ у нихъ старостамъ и лучшимъ людямъ, и впослѣдствіи это ограниченіе судейской власти было лишь примѣнено, но уже какъ общее правило, къ намѣстникамъ и всѣмъ волостелямъ, равно какъ и къ другимъ княжескимъ судьямъ; а наконецъ излюбленные го-

ловы, старосты, земскіе судейки, цѣловальники и другіе выборные изъ среды крестьянъ, хотя и не повсемѣстно, но едва ли не въ бѣльшей части черныхъ волостей и во многихъ дворцовыхъ слободахъ получили сами тѣ права, какими пользовались правительственные лица, на судѣ которыхъ они долгое время охраняли интересы своихъ односельцевъ. Въ XVII вѣкѣ, не смотря на замѣну намѣстниковъ воеводами, правъ, дарованныхъ крестьянскимъ общинамъ относительно внутренняго управления и суда уставными и жалованными грамотами, начиная съ XIV столѣтія, не отмѣнялись, а напротивъ подтверждались, иногда же и усиливались. Такъ продолжалось до конца XVII вѣка. Въ подтвержденіе этого считаемъ не лишнимъ привести здѣсь одну изъ многихъ извѣстныхъ намъ, еще не изданныхъ, грамотъ, въ которой особенно ясно указывается на разныя преимущества, предоставленныя посадскимъ и уѣзднымъ людямъ въ ограниченіе правъ воеводъ, независимо отъ дарованнаго имъ права суда, — именно грамоту 1698 года 24 мая на имя яренскаго воеводы Василя Полозова. «Въ прошлыхъ годѣхъ: во 155, по указу отца нашего государева блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, во 187 году, по указу брата нашего государева блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Θεодора Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, посланы наши великаго государя двѣ грамоты въ Еренской городокъ къ воеводамъ съ прочетомъ: велѣно у торговыхъ людей, которые учнутъ пріѣзжать въ Еренскъ и на Турью и въ Туглимы со всякими товары имать на тѣ товары сибирскіе проѣзжіе и изъ иныхъ городовъ выписи и по тѣмъ выписямъ товары ихъ досматривать таможеннымъ головамъ и цѣловальникомъ, а которые торговые проѣзжіе люди у сибирскихъ выходцовъ купятъ на денги и на товары выминяютъ соболей и иной мягкой рухляди, и у нихъ взявъ пошлины по указу на тое покупку давать выписи и печатать таможеннымъ головамъ и цѣловальникомъ; а Еренскимъ воеводамъ въ таможенной сборъ вступатца и торговыхъ людей въ пріѣздѣ и въ отъѣздѣ и ни въ чемъ пошлиннымъ дѣлѣ вѣдать и противъ сибирскихъ выходцовъ на встрѣчу со многими своими людьми на мірскихъ подводахъ ѣздить и розсылшиковъ безъ дѣла посылать и мягкой рухляди съ Еренчанъ и съ низовцовъ, которые выдутъ изъ Сибири и выписей проѣзжихъ къ себѣ имать и товаровъ ихъ подъ таможию складывать и задержанія имъ для своей корысти чинить не велѣно, также и посуловъ и поминковъ

и кормовъ своихъ и людскихъ и конскихъ мѣсечныхъ и поденныхъ и на дворовые расходы никакихъ харчей имать не велѣно, а велѣно въ таможенную и на кабакъ и для сбора денежныхъ доходовъ и къ сибирскимъ хлѣбнымъ запасомъ цѣловальниковъ выбирать мирскимъ людямъ, потому что мирскіе люди межъ себя знаютца кто каковъ человекъ, а воеводамъ для своей корысти добрыхъ людей, кто къ нашему великому государю дѣлу годенъ, не переменять и выборы на нихъ имать мирскимъ людямъ и отцовъ ихъ духовныхъ за руками, а худыхъ людей и воровъ и бражниковъ къ таможенному сбору и къ кабацкому мирскимъ людямъ выбирать не велѣно, чтобъ въ томъ нашей государевѣ казнѣ порухи и убыли не было, и розсылшиковъ многихъ людей своимъ произволомъ у себя для продажи мирскихъ людей не держать, а быть розсылшикомъ немногимъ людямъ сколько человекъ пригоже смотря по таможенному дѣлу; а въ приставехъ велѣно быть тому, кого миромъ выбрать. Да въ прошломъ же во 191 году марта въ 30 день послана наша великого государя грамота въ Еренскъ къ воеводѣ Дмитрею Нефедьеву съ прочетомъ, велѣно о всемъ чинить по вышесказаннымъ грамотамъ 155 и 187 годовъ, да по нашему жъ великого государя указу и по наказомъ, каковы даютца изъ Новгородцкаго Приказа Еренскимъ воеводамъ, Еренчаномъ посадцкимъ людямъ и уѣзднымъ крестьяномъ никакого насилства и налога чинить и посуловъ имать и ничѣмъ никого изгонять не велѣно и во всемъ ихъ посадцкихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ велѣно оберегать. Да въ нынѣшнемъ же въ 206 году марта въ 1 день, по нашему великого государя указу, велѣно въ городѣхъ, которые вѣдомы въ Новгородцкомъ, въ Устюжскомъ, въ Володимерскомъ, въ Галецкомъ Приказехъ, посадцкимъ людямъ и уѣзднымъ крестьяномъ тѣхъ городовъ съ посацкихъ и съ уѣздныхъ людей стрѣleckіе и оброшныя денги и иные всякіе денежные доходы на прошлыя годы изъ доимки, а на нынѣшней 206 годъ по окладу нынѣ и впредь собирать, а на ослушникахъ править самимъ тѣхъ городовъ земскимъ старостамъ и волостнымъ судейкамъ и цѣловальникомъ въ земскихъ избахъ мимо воеводъ и приказныхъ людей за выборомъ всѣхъ посацкихъ и уѣздныхъ людей и окладыватца межъ себя въ тѣхъ сборехъ смотря по пожиткомъ и по промысловъ во всемъ по прежнимъ же и по нашему великого государя указу и собирая тѣ всякіе денежные доходы присылать къ Москвѣ въ вышесказанные Приказы старостамъ и судейкамъ и цѣловальникомъ съ своими отписками и съ цѣловальники и съ проважатыми въ годъ на два срока, въ декабрѣ да въ

мартѣ мѣсяцахъ въ среднихъ числахъ ежегодно безпереводно, не дожидаясь о томъ нашихъ великого государя указовъ и нарочныхъ для того присылокъ, а для розсылокъ и для сбора тѣхъ окладныхъ денегъ и правезу на ослушникахъ доимки выбирать земскимъ старостамъ и мирскимъ людямъ въ посадахъ и въ уѣздахъ межъ себя ходоковъ сколько человекъ въ городѣ и въ уѣздѣ пристойно изъ меньшей статьи молодчихъ людей для того, чтобъ имъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ въ томъ отъ прежде бывшихъ приказныхъ приставовъ волокиты и убытковъ и разоренія не было, а воеводамъ и приказнымъ людямъ въ тѣ сборы и во всякіе денежные доходы и въ Московскіе отпуски не вступатца и нашихъ великого государя грамотъ къ воеводамъ о сборѣ и о высылкѣ тѣхъ денегъ впредь съ нынѣшняго 206 году впредь (ни) въ которомъ году не посылать и ни въ чемъ ихъ въ тѣхъ денежныхъ сборехъ не вѣдать; а буде они земскіе старосты съ товарищи съ нынѣшняго 206 году впредь въ которомъ году тѣмъ вышеписаннымъ доходомъ учинять хотя малую доимку и имъ за то быть въ жестокомъ наказаніи битымъ кнутомъ и сосланнымъ съ женами и съ дѣтми въ сылку въ Азовъ на вѣчное житье, а дома ихъ и животы взяты будутъ на насъ великого государя безпереводно». За тѣмъ слѣдуетъ изложеніе челобитья яренскаго земскаго старосты о притѣсненіяхъ, чинимыхъ, не смотря на эти грамоты, мирскимъ людямъ воеводами и ихъ людьми, отчего «многіе разбрелись и нынѣ изъ Еренска бредутъ въ разные города и чинитца пустота», и о подтвержденіи всего вышеписаннаго новой грамотой; почему въ заключеніи грамоты предписывается воеводѣ: «И какъ къ тебѣ ся наша великого государя грамота придетъ, и ты бѣ и впредь по тебѣ будущіе воеводы по прежнимъ грамотамъ отца нашего государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, 155 году, да брата нашего государева блаженные жъ памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, 187 году, и по нашему великого государя указу въ Еренску въ таможенной сборъ головъ и цѣловальниковъ и въ иные во всякіе службы и въ наемъ ямскихъ подводъ не вступались и выборныхъ людей, кто по ихъ мирскому выбору къ какому дѣлу избранъ будетъ, не переменяли и у торговыхъ людей выписей на товары не имали и не задерживали и кормовъ себѣ и людямъ своимъ, также и конскихъ кормовъ помѣсечныхъ и подневныхъ и посошного хлѣба и на дворовые расходы ни-

какихъ харчей съ нихъ Еренчанъ съ посадцкихъ и съ уѣздныхъ людей не имали и противъ сибирскихъ всякихъ выѣзжихъ торговыхъ и служилыхъ людей на встрѣчу на Турью и на ярмонки на Турью жъ и въ Тутлимъ и на нине торшки не ѣздили и подьячихъ и посышниковъ безъ дѣла не посылали, а велѣтъ таможенной пошлинный сборъ вѣдать и у пріѣзжихъ людей выписей и по тѣмъ выписямъ товаровъ досматривать и о всемъ о таможенномъ сборѣ чинить по нашимъ великого государя указомъ и по грамотамъ изъ Приказу Болшіе казны таможеннымъ головамъ и цѣловаликомъ, а въ приказной избѣ подьячимъ и приставомъ велѣли быть указному числу, кого міромъ выберуть, подьячимъ дву человекомъ, приставомъ осми человекомъ; а стрѣлецкіе и оброшные денги и нине наши великого государя всякіе доходы съ Еренска съ посаду и съ уѣзда по нашему великого государя указу, каковъ состоялся въ нынѣшнемъ 206 году марта въ 1 день, велѣно собирать, на ослушникахъ править Еренскимъ же земскимъ старостамъ и волостнымъ судейкамъ и цѣловаликомъ въ земской избѣ мно тебя и впредь будущихъ воеводъ и приказныхъ людей и окладыватца межъ себя въ тѣхъ сборехъ, смотря по пожиткомъ и по промысловъ, самими собирая тѣ денги, присылать въ Новгородской Приказъ имъ же старостамъ и судейкамъ и цѣловаликомъ съ своими отписки и съ цѣловалики и съ провожатыми въ году на два срока, въ декабрѣ да въ мартѣ мѣсяцехъ въ среднихъ числѣхъ ежегодъ безпереводно, а для розсылки и для сбора и правезу тѣхъ денегъ выбрать въ посадахъ и въ уѣздахъ межъ себя ходововъ изъ меншей статьи молодчихъ людей, а воеводамъ и приказнымъ людямъ въ тѣ сборы и въ Московскіе отпуски не вступатца и въ тѣхъ денежныхъ сборехъ ихъ земскихъ старость и судеекъ и цѣловаликовъ не вѣдать». — Если, повторяемъ, изложенныя здѣсь и другія правâ, которыя были предоставлены разнымъ общинамъ, съ устраненіемъ воеводъ, въ XVII вѣкѣ скорѣе были правиломъ, чѣмъ исключеніемъ, то нельзя не придти къ выводу, что правâ и обязанности воеводъ, которыя излагаетъ въ своемъ сочиненіи г. Андреевскій, слѣдуетъ отнести главнымъ образомъ, съ одной стороны, къ разбору дѣлъ, называвшихся встарину смѣстными, и дѣлъ, возникавшихъ между лицами разныхъ сословій; а съ другой стороны — къ сбору разныхъ доходовъ и наблюденію за отправленіемъ другихъ повинностей въ имѣніяхъ, не освобожденныхъ отъ нихъ вѣдомства, къ каковымъ принадлежали отчасти дворцовыя и духовныхъ властей, преимущественно же помѣщичьи. Но чтобы

еще полѣе обозначить въ настоящемъ очеркѣ, въ противоположность правамъ наѣстниковъ и воеводъ; *правдъ самого народа* въ допетровскій періодъ, рассмотримъ эти права: 1) по отправленію имъ возлагавшихся на него повинностей; 2) по разнымъ сдѣлкамъ; 3) по суду гражданскому и 4) по суду уголовному и охраненію благочинія.

1) *Раскладка и отправленіе повинностей.*

Выше мы сказали, что *дань*, платившаяся подчиненными князьямъ племенами деньгами или естественными произведеніями, отличалась отъ *орма*. Послѣдній имѣлъ различное названіе, смотря по обязанности правительственнаго лица, за отправленіе которой онъ взялся: такъ былъ *орма данный*, *орма таможенный*, *орма волостельный*, *орма доводичичъ*, и друг. Къ этимъ первоначальнымъ повинностямъ постепенно присоединилось множество другихъ, вызванныхъ государственными потребностями: деньги ямскія или содержаніе ямовъ, деньги пищальныя, деньги и хлѣбъ стрѣльцкій, деньги кормовыя (на жалованье ратнымъ людямъ), полонявичныя, поставка подводъ, высылка извѣстнаго числа людей въ военное время на службу (посоха), исправленіе дѣла городского, засѣчнаго, валоваго, мостоваго и пр. Освобожденіе отъ той или другой повинности давалось верховною властью въ видѣ жалованной льготной грамоты, и именно сначала духовенству; въ XVI же вѣкѣ мы видимъ, что такой льготой пользуются также многія свѣтскія общины и частныя лица. Но эту привилегію, которая притомъ была часто временною, такъ какъ она предоставлялась между прочимъ на извѣстное число лѣтъ тѣмъ крестьянамъ, которые селились вновь на землѣ *дикой* (необработанной) и въ лѣсахъ, гдѣ они должны были положить много труда и издержекъ, чтобы устроить слободу, деревню или починокъ, — должно отличать отъ освобожденія волостныхъ людей отъ разныхъ ормовъ въ пользу правительственныхъ лицъ съ замѣною ихъ *оброкомъ*, состоявшимъ въ опредѣленной денежной суммѣ, которая должна была доставляться ими прямо въ Москву, въ извѣстный Приказъ. Такой оброкъ получилъ особенно обширное примѣненіе съ половины XVI вѣка, при чемъ въ грамотахъ ясно выражается, что онъ вызванъ жалобами волостныхъ людей на нестерпимыя притѣсненія, которыя причиняли имъ наѣстники, волостели и другія правительственныя лица при сборѣ своихъ ормовъ; почему грамоты, которыми онъ устанавливался, называются также прямо *откупными жалованными грамотами*. Иногда

въ сумму оброка включались и другія повинности, но большею частью онѣ оставались въ силѣ, особенно же почти всегда отдѣлялась отъ нихъ *дань*. Изъ повинностей личныхъ въ XVII вѣкѣ еще рѣзко выдѣляется повинность высылать къ разнымъ пошленнымъ сборамъ выборныхъ людей подъ названіемъ головъ, ларечныхъ и цѣловальниковъ. При оставленіи за общинами всѣхъ такихъ повинностей, дававшаяся имъ льгота состояла въ томъ, что какъ раскладка слѣдовавшихъ съ нихъ денегъ или произведеній, такъ и назначеніе людей, высылавшихся на службу, *предоставлялись им самимъ*. Этими устранялись правительственные сборщики, которыми, судя по памятникамъ, съ глубокой древности были сотскіе, десятскіе и дворскіе, дѣйствовавшіе отъ лица намѣстниковъ, впоследствии же разные посыльные люди намѣстничьи и воеводскіе, и въ правѣ ихъ вступали *народныя выборныя* власти подъ разными названіями, но преимущественно подъ именемъ *старостъ*. Впрочемъ, не одни старосты дѣлали раскладку (*розрубъ*) повинностей: она опредѣлялась по *розрубнику* или письменному мірскому приговору, въ которомъ означались во главѣ, за старостой, и другія власти: земскіе сотскіе, пятидесятскіе, десятскіе и церковный староста, а за тѣмъ уже именовались и всѣ *рядовые* крестьяне, имѣвшіе право участвовать въ мірской сходкѣ. Самый *розводъ* или раскладка производилась *по животамъ*, т. е. по состоянію, и *по промысламъ*; а состояніе опредѣлялось количествомъ земли, которымъ пользовался домоначальникъ съ своей семьей; въ отношеніи же къ промысламъ принимался въ расчетъ получаемый отъ нихъ доходъ. На этомъ основаніи всѣ *тѣмне* (какими не могли быть однако недостигшіе пятнадцатилѣтняго возраста) раздѣлялись на *лучшихъ, середнихъ* и *молочихъ людей*, соотвѣтственно съ чѣмъ и разлагались на нихъ повинности. За тѣмъ сборъ производился особымъ выборнымъ, который назывался *сборнымъ старостой* или *сборщикомъ*: его обязанность состояла въ томъ, чтобы собрать деньги или произведенія, отвезти ихъ въ городъ (съѣзжую избу), оброкъ же обыкновенно доставляли въ Москву (въ Приказъ) цѣловальники, и *заплатить* за волюсть, а въ міръ принести *отпись* (квитанцію) и *во всемъ дать ему отчетъ*; съ своей стороны міръ повѣрялъ его дѣйствія и расходы. Иногда раскладка повинностей дѣлалась жителями нѣсколькихъ волостей или даже волостей цѣлаго уѣзда, именно въ томъ случаѣ, когда льгота отъ намѣстника или воеводы давалась одной грамотой нѣсколькимъ волостямъ вмѣстѣ: въ такомъ случаѣ она производилась во *всеуздной земской избѣ*, подъ предсѣдательствомъ

оссузданаго земскаго старосты. Такимъ образомъ отношенія намѣстниковъ, а впослѣдствіи воеводъ къ *грамотчицамъ* (т. е. имѣвшимъ льготныя грамоты) касательно повинностей заключались въ томъ, что они должны были объявлять, сколько съ каждой волости или съ нѣсколькихъ волостей вмѣстѣ какихъ приходится повинностей, опредѣлявшихся въ XVI и XVII столѣтіяхъ по количеству земли, владѣемой волостью, на основаніи писцовыхъ и переписныхъ книгъ (по сошному письму), а подъ конецъ XVII вѣка по дворамъ; въ приемъ тѣхъ сборныхъ денегъ или произведеній и принятіи мѣръ ко взысканію ихъ, если они не доставлялись въ срокъ или доставлялись не въ полномъ количествѣ. Въ этомъ отношеніи за правительственными лицами еще оставалась полная власть, которою они и пользовались не безъ злоупотребленій, дѣлая разныя притѣсненія при приемѣ, а въ случаѣ неисправности во взносѣ денегъ или произведеній, отправляясь лично или высылая своихъ людей къ недоимщикамъ, для повужденія ихъ къ уплатѣ, или же, наконецъ, *выбивая* недоимку посредствомъ *правежа* у сѣзжей избы, на ночь же *кидала ихъ въ тюрьмы*. Чтобы освободиться и отъ происходившихъ при этихъ дѣйствіяхъ злоупотребленій, духовенство, а иногда и общины испрашивали себѣ право представлять всѣ слѣдовавшіе съ нихъ сборы непосредственно въ Приказъ (въ Москву), смотря по тому, какимъ сборомъ какой Приказъ завѣдывалъ. Но какъ и Приказы, чрезъ своихъ посыльныхъ, притѣсняли иногда волостныхъ людей, то и отъ такихъ притязаній они также старались ограждать себя, освобождаясь отъ зависимости притѣснявшаго ихъ Приказа. Такъ есть любопытный примѣръ, что крестьяне села Бѣлаомута, платившіе за пользованіе предоставленною имъ луговою землею денежный оброкъ въ Конюшенный Приказъ, а оброкъ рыбой въ Приказъ Большаго Дворца, получили право, по причинѣ «продажъ и убытковъ» со стороны задворныхъ конюховъ Конюшеннаго Приказа, вносить денежный оброкъ вмѣстѣ съ рыбнымъ, Дворцовому же Приказу велѣно было ежегодно означенный денежный оброкъ высылать въ Конюшенный Приказъ изъ дворцовыхъ доходовъ (см. неизд. грамоту 1626 г. 17 іюля Переславль-Рязанскаго уѣзда дворцовыхъ селъ прикащику Алексѣю Щапилову). Съ другой стороны, волостнымъ людямъ предоставлялось чрезъ ихъ выборныхъ править съ неплательщиковъ недоимки, и въ мірскихъ приговорахъ они обязывались помогать своимъ сборщикамъ во взысканіяхъ съ непослушныхъ. Само собою разумѣется, что при такомъ освобожденіи отъ власти намѣстниковъ и воеводъ по взносу и взысканію

недоимочныхъ повинностей, возникавшія между крестьянами одной и той же волости или же разныхъ волостей недоразумѣнія, ссоры и тяжбы представлялись ими на разбирательство прямо въ Приказы, и только вслѣдствіе порученія этими послѣдними произвести воеводѣ по такимъ жалобамъ слѣдствіе или обыскъ, что, впрочемъ, далеко не было правиломъ, подчинялись они ему опять какъ мѣстной общей власти.

2) Частныя сдѣлки.

Для укрѣпленія сдѣлокъ, особенно болѣе важныхъ, совершавшихся уже въ XIV столѣтіи письменно, надлежало заявлять о нихъ намѣстникамъ и волостелямъ. Такъ при покупкѣ челоуѣка въ *полнину* намѣстникъ получалъ *ставленое*; такъ выдававшій дочь замужъ платилъ волостелю, если женихъ той же волости, определенное количество денегъ *за новоженный убрूसъ*; если же она выходила въ другую волость, то *за выводную кунницу*; такъ въ монастырскихъ имѣніяхъ пришлые для работы казаки должны были являться намѣстникамъ. При устраненіи же сихъ послѣднихъ, а вполнѣдствіи воеводъ отъ завѣдыванія по внутреннему управленію и суду волостями черными и дворцовыми и вотчинами, жалованными духовенству и помѣщикамъ, означенныя права переходили къ лицамъ, заступавшимъ ихъ мѣсто: такъ есть свѣдѣнія, что въ монастырскихъ имѣніяхъ, въ случаѣ мѣны и продажи жителями другъ другу дворовъ и земель, они должны были докладывать о нихъ прикащику, который съ такихъ сдѣлокъ получалъ пошлины. Въ имѣніяхъ помѣщичьихъ право утверждать сдѣлки между крестьянами по вступленію въ бракъ, по раздѣлу и по передачѣ другъ другу владѣемой земли принадлежало помѣщикамъ и ихъ домовымъ конторамъ, или заступавшимъ ихъ мѣсто прикащикамъ и управляющимъ, до самой отмѣны крѣпостнаго состоянія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ отношеніи ко многимъ изъ таковыхъ же сдѣлокъ право утверждать ихъ перешло къ міру въ тѣхъ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ и слободахъ, которымъ предоставлено было имѣть свое управление и судъ. Къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о способѣ осуществленія этого права намъ еще не удалось отыскать въ древнихъ памятникахъ; но у насъ есть въ рукахъ мірскіе приговоры о принятіи стороннихъ лицъ въ тягло и о передачѣ имъ тяглой земли, объ отдачѣ въ наемъ излишнихъ земель и другихъ угодій, о порядкѣ міромъ священниковъ и церковнослужителей, объ условіяхъ съ нанимавшимися отправлять за волости ямскую гоньбу, достав-

лать изготовленные ими припасы въ казну и проч. Припомнимъ также оставшееся въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ обыкновеніе міра составлять приговоры о выдачѣ въ замужество невѣсть своего селенія.

3) Судъ гражданскій.

Судъ былъ первоначально нераздѣльною со взиманіемъ податей принадлежностію намѣстниковъ и волостелей, такъ что намѣстники нарочно для суда объѣзжали свои округи, что и называлось *обяздомъ* или *прояздомъ* *судомъ*, и, наоборотъ, тамъ, гдѣ судъ первоначально принадлежалъ самому народу, онъ долженъ былъ, со времени утвержденія княжеской власти, раздѣлить это право съ намѣстниками: такъ въ Новгородской области, гдѣ судили сначала одни сотскіе, было впослѣдствіи постановлено, чтобы они «безъ Великаго Князя намѣстника не судили». Освобожденіе волостныхъ жителей отъ суда намѣстниковъ и волостелей началось съ дарованія суда гражданскаго, какъ привилегіи, духовенству и частнымъ лицамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ князья стали предоставлять жителямъ нѣкоторыхъ дворцовыхъ волостей право обращаться для суда непосредственно къ нимъ самимъ или къ ближнимъ ихъ людямъ (дворецкому, казначею и пр.); но еще чаще судъ сталъ предоставляться, какъ особое право, посельскимъ, прикащикамъ, слободчикамъ и другимъ правительственнымъ лицамъ разныхъ наименованій, которыя ставились въ черныя и дворцовыя волости въ замѣнъ намѣстниковъ, а потому и сами должны были уже прямо зависѣть отъ постановившаго ихъ князя. Въ послѣднемъ случаѣ кажется, что съ самаго начала, для ограниченія такихъ мѣстныхъ органовъ суда, имъ придавались выборные отъ жителей: по крайней мѣрѣ въ памятникахъ встрѣчаются жалобы князьямъ со стороны волостныхъ людей, что «данщики и слободщики судятъ ихъ не по суду, а земскихъ людей лутчимъ и середнимъ у себя быти не велать», и тавія жалобы, приходившія изъ разныхъ мѣстъ, давали поводъ князьямъ не только подтверждать, чтобы поставленные ими судьи не устраняли цѣловальниковъ, но и предоставлять право суда самимъ жителямъ въ лицѣ ихъ *выборныхъ*, которые, по различію мѣстности, получали разные названія, преимущественно же, по предоставленному имъ главному праву, назывались *судейками* (земскими или излюбленными или выборными). Но какъ всѣ такіе случаи дарованія права суда самому народу не были возведены въ общее начало, то злоупотребленія намѣстниковъ и правительственныхъ

судей продолжались и при означенныхъ исключеніяхъ. Посему Иванъ Васильевичъ Грозный постановилъ, чтобы какъ намѣстники, такъ и всякіе другіе царскіе судьи не судили безъ старостъ, цѣловальниковъ и другихъ лучшихъ людей городскихъ и сельскихъ общинъ. Эти *судные мужи* должны были прикладывать руки къ *докладнымъ* спискамъ, по которымъ судное дѣло рѣшалось самимъ Царемъ или ближайшими его савовниками. Но при воеводахъ такое участіе въ ихъ судѣ выборныхъ отъ городскихъ и сельскихъ жителей исчезаетъ, чему однако причину должно искать не въ усиленіи только воеводской власти сравнительно съ значеніемъ намѣстниковъ, но и въ томъ, что общины, жалобами коихъ вызвано было означенное постановленіе, пользовались въ XVII вѣкѣ большею частію, если не повсемѣстно, правомъ собственнаго суда, самимъ же владѣльцамъ, каковы были духовныя власти и помѣщики, всегда было возможно отстаивать на судѣ воеводъ интересы своихъ крестьянъ; наконецъ, въ дворцовыхъ имѣніяхъ, гдѣ оставались прикащики, управляющіе и другія мѣстныя власти, право суда надъ крестьянами находилось въ ихъ рукахъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они призывались къ суду воеводы по жалобамъ на нихъ стороннихъ лицъ; но въ такихъ случаяхъ защитниками дворцовыхъ крестьянъ являлся не только ихъ прикащикъ, но и самъ Дворцовый Приказъ. Что касается до черныхъ и дворцовыхъ волостей, имѣвшихъ своихъ выборныхъ судеекъ, то изъ ихъ судебныхъ дѣлъ, которыя до насъ дошли въ достаточномъ количествѣ, мы видимъ, что въ тяжбахъ между крестьянами одной общины вмѣшательство воеводы не иначе было возможно, какъ по распоряженію Приказа, въ вѣдомствѣ коего состояла эта община, такъ какъ земскіе судейки прямо сюда, помимо воеводы, представляли свои приговоры, когда это было нужно; но и въ искахъ на нихъ со стороны другихъ общинъ и лицъ другихъ сословій оставались большею частію въ силѣ дарованные имъ вмѣстѣ съ правомъ суда сроки, въ которые царскіе судьи могли ихъ вызывать чрезъ своихъ приставовъ и другихъ посыльныхъ.

4) Судъ уголовный и охраненіе благочинія.

Уголовный судъ, за немногими исключеніями, принадлежалъ намѣстникамъ до царствования Ивана Васильевича Грознаго. Только въ облегченіе сельскихъ жителей отъ ихъ притязаній постановлялось въ жалованныхъ грамотахъ какъ духовенству, такъ и общинамъ, что, въ случаѣ смертоубійства, волостные люди должны сами

отыскать убійцу и выдать его намѣстнику головою; если же не отыщутъ, то обязаны заплатить ему виру (вѣру). Кромѣ того, были опредѣлены разные смертные случаи, какъ-то: съѣденіе звѣремъ, пораженіе молніей и т. под., которые освобождали мѣстныхъ жителей отъ всякаго суда. Но съ XVI вѣка городскіе и волостные люди призываются также къ участию въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ, и опять вслѣдствіе ихъ жалобъ верховной власти на притѣсненія и неуправу со стороны намѣстниковъ, которые въ этихъ жалобахъ прямо обвиняются въ размноженіи разбойниковъ и лихихъ людей. Однако и здѣсь право участія въ дѣлахъ уголовныхъ предоставляется сначала лишь въ видѣ изъятія, нѣкоторымъ общинамъ. Такъ, въ однѣхъ грамотахъ предписывается намѣстникамъ лихихъ людей пытать «съ приказчикомъ городовымъ, а у пытки бѣ стояли дворскій да цѣловальники лучшіе люди»; по другимъ грамотамъ, для ловли разбойниковъ предписывается учредить «головъ изъ дѣтей боярскихъ, въ волости челоуѣка три или четыре, и къ нимъ придавать старость и десятскихъ и лучшихъ людей крестьянъ челоуѣкъ пять или шесть». Наконецъ, съ учрежденіемъ повсемѣстно губныхъ старостъ, которые должны были избираться уѣздными жителями разныхъ сословій, надлежало, повидимому, установиться опредѣлительнымъ отношеніямъ между ими и воеводами касательно того, какія дѣла должны подлежать вѣдомству тѣхъ и другихъ. Но изъ памятниковъ XVII вѣка видно, что въ распоряженіяхъ правительства не было ясно проведеннаго начала въ разграниченіи правъ и обязанностей губныхъ старостъ и воеводъ по дѣламъ уголовнымъ; почему повременамъ первые вовсе отбѣнялись, и дѣла ихъ переходили къ воеводамъ. Встрѣчаются, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ грамотахъ указанія, что уголовныя дѣла, возникавшія въ городѣ, состояли исключительно въ завѣдываніи воеводъ, производившіяся же въ уѣздахъ подлежали губнымъ старостамъ и находившимся при нихъ, также по выбору уѣздныхъ людей, губнымъ цѣловальникамъ. Такъ въ наказѣ (рпсн.), данномъ изъ Разбойнаго Приказа, 1648 г. 28 апрѣля, губному старостѣ Болховскаго уѣзда, Лаврентью Калантаеву, читаемъ: «а на которыхъ людей испы учнутъ бити челомъ въ татбахъ и въ розбоехъ именно, а на тѣхъ людей языки въ татбахъ и въ розбоехъ говорить не учнутъ и поличного у тѣхъ людей не вымутъ и въ обыску тѣхъ людей облихуютъ и которые дѣла учинятца въ городѣ на посадѣ и тѣмъ челобитчикамъ отказывать, а велѣти имъ тѣхъ своихъ дѣлъ искасти передъ воеводами, а ему Лаврентью въ тѣ дѣла не вступатца; а

которые татинные и убивственныя дѣла учинята на посадѣ и въ слободѣ и въ тѣ дѣла не вступатца — *тѣ дѣла воеводскіе.*»

II.

Замѣтка о допетровскихъ учрежденіяхъ, завѣдывавшихъ мѣстнымъ управленіемъ въ XVIII столѣтіи.

А. Учрежденія вышпія.

1. Приказы свѣтскіе или царскіе *).

1. *Аптекарскій*. Замѣненъ въ 1721 г. августа 14-го Медицинскою Канцелярією (Полн. Собр. Зак., 1-го собр., т. VI, № 3,811).
2. *Приказъ Большаго Дворца*. О немъ упоминается въ источникахъ еще въ 1725 г. (Полн. Собр. Зак., т. VII, № 4,677).
3. *Приказъ Большой Казны или Большаго Прихода*. Съ учрежденіемъ Камеръ - Коллегіи (въ 1718 г.) въ ея вѣдомство отошли всѣ государственныя доходы.
4. *Земскій*. Упоминается еще въ 1719 г. (Полн. Собр. Зак., т. V, № 3,282).
5. *Иноземскій*. Переименованъ въ 1701 г. 23 іюня Приказомъ Военныхъ дѣлъ (Полн. Собр. Зак., т. IV, № 1,859).
6. *Казанскою Дворца*. Упоминается въ 1702 г. (Полн. Собр. Зак., т. IV, № 1,903).
7. *Казенный*. Въ 1711 г. 13 апрѣля уничтоженъ и дѣла его переданы въ Приказъ Большой Казны (Полн. Собр. Зак., т. IV, № 2,348).
8. *Каменный*. Закрытъ въ 1789 г. См. дѣла сего Приказа въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.
9. *Конюшенный*. Переименованъ въ 1733 г. въ Конюшенную Канцелярію (Полн. Собр. Зак., т. IX, №№ 6,349 и 6,350).

*) Здѣсь исчисляются лишь тѣ Приказы, о существованіи коихъ въ XVIII столѣтіи мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія. Посему не упоминаются съ одной стороны нѣкоторые Приказы, еще не уничтоженные въ XVII вѣкѣ, какъ напр. Новгородскій, Пушкарскій, Холопій; равнымъ образомъ тѣ, которые уничтожены въ 1699 и 1700 годахъ, какъ напр. Судный Володимірскій и Судный Патріаршій или Патріаршій Розрядъ; наконецъ тѣ, которые были учреждены уже въ XVIII столѣтіи частію вновь, частію въ замѣнъ прежнихъ, именно: Артиллерійскій, Военныхъ дѣлъ, Домочный, Крѣпостныхъ дѣлъ, Провіантскій, Рудокопныхъ дѣлъ, Судный купеческихъ дѣлъ, и проч.

10. *Малороссійскій*. Въ дѣлахъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи значится еще существующимъ въ 1709 г.
11. *Монастырскій*. Окончательно замѣненъ Камеръ - Конторою Синодальнаго Правительства въ 1725 г. 14 января (Полн. Собр. Зак., т. VII, № 4,632).
12. *Печатный*. Замѣненъ Печатною Конторою 1723 г. ноября 12 (Полн. Собр. Зак., т. VII, № 4,359.)
13. *Помѣстный*. Съ 1720 г. называется Канцелярією Вотчинныхъ дѣлъ (Полн. Собр. Зак., т. VI, № 3,606).
14. *Посольскій*. Въ 1718 г. замѣненъ Коллегією Иностранныхъ дѣлъ (Полн. Собр. Зак., т. V, № 3,255).
15. *Преображенскій*. Въ 1725 г. переименованъ въ Преображенскую Канцелярію (Полн. Собр. Зак., т. VII, №№ 4,659, 4,671 и 4,798).
16. *Розрядный*. Въ 1711 г. 22 февраля вмѣсто сего Приказа учрежденъ при Сенатѣ Розрядной столъ (Полн. Собр. Зак., т. IV, № 2,321).
17. *Сибирскій*. Уничтоженъ въ 1763 г. 15 декабря (Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 11,989).
18. *Стрѣлецкій*. Переименованъ въ Приказъ Земскихъ дѣлъ въ 1701 г. 23 июня (Полн. Собр. Зак., т. IV, № 1,859).
19. *Судный* (Московскій). Окончательно уничтоженъ въ 1782 г. 2 октября (Полн. Собр. Зак., т. XXI, № 15,530.)
20. *Сыскной*. Окончательно уничтоженъ въ 1763 г. 15 декабря (Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 11,989).
21. *Ямской*. Упоминается въ источникахъ еще въ 1736 г. 24 января (Полн. Собр. Зак., т. XIII, № 9,801).

2. ПРИКАЗЫ ДУХОВНЫЕ ИЛИ ПАТРИАРШІЕ.

1. *Дворцовый*. Уничтоженъ окончательно въ 1738 г. 30 октября (Полн. Собр. Зак., т. X, № 7,678).
2. *Духовный*. Упоминается въ 1702 г. (Полн. Собр. Зак., т. IV, № 1,908).
3. *Казенный*. Уничтоженъ въ 1738 г. 30 октября (Полн. Собр. Зак., т. X, № 7,678).
4. *Книгопечатнаго дѣла*. Упоминается еще въ 1711 г. (Полн. Собр. Зак., т. IV, № 2,389).
5. *Церковныхъ дѣлъ*. Возстановленъ въ 1711 г. 20 ноября (Полн. Собр. Зак., т. IV, № 2,451); упоминается еще въ 1722 г. (Полн. Собр. Зак., т. VI, № 4,081).

В. Учрежденія мѣстных.

1. Воеводы и ихъ товарищи.

Управление воеводское не только изъ XVII вѣка перешло въ XVIII, но и по раздѣленіи Россіи на губерніи повсемѣстно оставалось въ силѣ до 1775 г., когда учрежденіемъ о губерніяхъ совершенно было измѣнено мѣстное управленіе. Тѣмъ не менѣе преобразованія Петра Великаго поставили и воеводъ въ новыя отношенія, которыя выразились главнымъ образомъ въ томъ, что: 1) воеводы подчинены были учрежденнымъ вновь губернаторамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не только прежнимъ, не уничтоженнымъ еще, Приказамъ, но также Сенату и Коллегіямъ; 2) воеводы каждой губерніи раздѣлялись на основаніи составленныхъ для того табелей на степени или разряды съ подчиненіемъ воеводъ, управлявшихъ пригородами, воеводамъ городовымъ, а сихъ послѣднихъ провинціальнымъ; этимъ различіемъ устанавливалось и различіе въ числѣ положенныхъ при воеводахъ товарищей; 3) для завѣдыванія текущими дѣлами по воеводскому управленію учреждены были *воеводскія канцеляріи*. Дѣла этихъ канцелярій представляютъ самый обильный и надежный источникъ для изученія за этотъ періодъ времени мѣстнаго управленія въ Россіи и потому не можемъ не обратить на нихъ особое вниманіе. Къ сожалѣнію, они еще не собраны въ одно мѣсто (лишь въ декабрѣ 1866 г. сдѣлано распоряженіе о доставленіи ихъ въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи), а находятся въ городскихъ архивахъ, гдѣ многія изъ нихъ уже погибли отъ пожаровъ, а другія сильно потерпѣли отъ сыраго помѣщенія и недостаточнаго наблюденія за ихъ цѣлостью. Но какъ бы для образца предметовъ вѣдомства и самаго дѣлопроизводства воеводскихъ канцелярій переданы были, при уничтоженіи прежнихъ мѣстъ, въ учрежденный для храненія старыхъ дѣлъ Государственный Архивъ (нынѣ 2-е отдѣленіе Московскаго Архива Министерства Юстиціи) *дѣла Дмитровской* (Московской губ.) *воеводской канцеляріи*, которыя простираются до 1783 года. Заклучая въ себѣ съ одной стороны документы и XVII вѣка, а съ другой подробныя свѣдѣнія о разныхъ частяхъ мѣстнаго управленія, эти дѣла служатъ свидѣтельствомъ какія драгоценныя данныя можетъ раскрыть намъ разработка воеводскихъ производствъ.

2. Приказныя Избы и Приказныя Палаты.

Приказныя или съѣзжія *избы* и *Палаты*, составлявшія присутствіе воеводъ въ XVII столѣтіи, первыя въ городахъ вообще, а

вторыя въ тѣхъ болѣе значительныхъ городахъ, коихъ воеводы завѣдывали и другими городами, оставались только въ теченіе перваго десятилѣтія XVIII вѣка, уступивъ въ послѣдствіи мѣсто губернаторскимъ и воеводскимъ канцеляріямъ. Но названіе Палатами присутственныхъ мѣстъ высшаго разряда было перенесено какъ Петромъ I на нѣкоторыя установленія, учрежденныя имъ вновь, напр. Палаты Бурмистерскую и Колодничью, такъ особенно Екатериною II, чрезъ учрежденіе о губерніяхъ, на главные мѣста губернскаго управленія; въ послѣднее же время въ новыхъ судебныхъ уставахъ оно усвоено и высшимъ судебнымъ инстанціямъ.

III.

Обозрѣніе проектовъ и другихъ бумагъ о преобразованіи губернскихъ учреждений, внесенныхъ въ Комитетъ 6 декабря 1826 года, и разсужденій о нихъ Комитета *).

Въ числѣ преобразованій, задуманныхъ и совершенныхъ Императоромъ Александромъ I по государственному управленію, душою которыхъ былъ Сперанскій, предполагалось также измѣнить порядокъ управленія губерніями, установленный учрежденіемъ 1775 г. Неизвѣстно однако, были ли какіе либо проекты по этому предмету изготовлены Сперанскимъ до высылки его изъ Петербурга. Но въ первый годъ его возвращенія — именно въ 1821 году — мы уже находимъ его работающимъ надъ исправленіемъ проекта *Учрежденія Намѣстничества* и надъ составленіемъ проекта *Учрежденія Областной управленія*. Первый изъ этихъ проектовъ былъ составленъ еще въ отсутствіе Сперанскаго — въ 1816 году. Государю, какъ видно, очень хотѣлось ввести его въ дѣйствіе; но какъ онъ не былъ исполнѣнъ убожденъ въ предполагаемой отъ него пользѣ, почему даже не

*) Комитетъ 6 декабря 1826 года, составленный изъ графа В. П. Кочубя, князя А. Н. Голицына, графа Дибича, графа П. А. Толстаго, И. В. Васильчикова и Сперанскаго, былъ учрежденъ въ означенные день и годъ (отъ которыхъ и получилъ свое названіе): 1) для пересмотра бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ покойнаго Императора Александра I; 2) для пересмотра государственнаго управленія и относящихся сюда проектовъ и другихъ бумагъ. Журналы засѣданій этого Комитета, въ которыхъ производителями дѣлъ были Статсъ-Секретари Дашковъ и Блудовъ, а въ послѣдствіи баронъ Корфъ, относятся преимущественно къ годамъ 1827, 1828 и 1829, въ теченіи коихъ и разсматривались проекты, относящіеся къ губернскимъ учреждениямъ. См. соч. барона Корфа «Жизнь графа Сперанскаго», 2-й ч. стр. 331 и далѣе.

рѣшился передать его на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, то призналъ за лучшее сдѣлать сначала опытъ управленія нѣсколькими губерніями на изложенныхъ въ немъ основаніяхъ съ замѣною лишь названія Государева Намѣстника названіемъ Генераль-Губернатора. Этотъ опытъ былъ имъ порученъ Генераль-Адъютанту Балашову, бывшему передъ тѣмъ С.-Петербургскимъ Военнымъ Губернаторомъ и Министромъ Полиціи (до 28-го марта 1812 г.). 4 ноября 1819 г. ему дано въ управленіе пять губерній (Рязанская, Тульская, Орловская, Воронежская и Тамбовская) съ тѣмъ, чтобы онъ доказалъ возможность примѣненія на дѣлѣ проекта о намѣстничествахъ, котораго крѣію вручилъ ему самъ Государь съ приказаніемъ сообразоваться съ изложенными въ немъ началами, дополненными словесными наставленіями его величества. Эти наставленія подробно изложены впоследствии въ донесеніяхъ Балашова Императорамъ Александру I и Николаю съ представленіемъ начертанныхъ имъ проектовъ по разнымъ частямъ губернскаго управленія примѣнительно къ означеннымъ началамъ. Но какъ дѣятельность Балашова по управленію ввѣренными ему губерніями получила полное развитіе только съ 1823 года и проекты, имъ составленные относятся къ 1824 и 1825 году, въ семь же году Императоръ Александръ I скончался, то лишь въ началѣ 1827 года Высочайше повелѣно было разсмотрѣть эти проекты въ Комитетѣ 6 декабря 1826 года. Комитетъ призналъ однако за лучшее возстановить въ губерніяхъ, бывшихъ въ управленіи Балашова, существовавшій въ нихъ порядокъ до 1819 г., «съ тѣмъ, чтобы устремить все вниманіе свое на общее устройство губернскаго управленія и на изысканіе лучшихъ средствъ къ его исправленію не раздѣльно, но въ цѣломъ составѣ частей его и дѣйствія». Исполненіе этого труда взялъ на себя Сперанскій, оставившій такимъ образомъ безъ дальнѣйшаго движенія составленный имъ въ 1821 году проектъ областного учрежденія. Между тѣмъ какъ Комитетъ разсматривалъ нѣкоторыя бумаги, относившіяся до губернскаго управленія, найденныя въ кабинетѣ покойнаго Императора, а также другія переданныя ему по тому же предмету по Высочайшему повелѣнію, Сперанскій составилъ проектъ *учрежденія для управленія губерній*, который и былъ имъ внесенъ въ 1829 году 20 марта на разсмотрѣніе Комитета. Съ этого времени по 8 января 1830 г. Комитетъ почти исключительно посвящалъ свои занятія разсмотрѣнію этого проекта, который съ другой стороны былъ переданъ на обсужденіе нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта, представившихъ на него свои замѣчанія.

Изъ настоящаго краткаго обзорѣнія бумагъ, относящихся до преобразованія губернскаго управленія съ 1816 по 1830 г. видно, что онѣ распадаются на слѣдующія группы:

1) Проектъ учрежденія намѣстничествъ 1816 г. и относящіяся къ нему замѣчанія тогдашняго Министра Финансовъ графа Гурьева съ составленнымъ имъ проектомъ.

2) Учрежденіе областнаго управленія, составленное Сперанскимъ.

3) Бумаги, относящіяся до Генералъ-Губернаторства Балашова, съ его проектами.

4) Разные проекты и предложенія касательно губернскаго управленія, представленные Императорамъ Александру I и Николаю и переданные въ Комитетъ 6 декабря 1826 г., и относящіяся къ нимъ Журналы Комитета.

5) Проектъ учрежденія для управленія губерній, составленный Сперанскимъ, относящіяся къ нему Журналы Комитета 6-го декабря 1826 г., и представленные на него замѣчанія Министровъ Канкрина и Закревскаго.

1. Проектъ учрежденія Намѣстничествъ 1816 г.

Главные начала, положенныя въ основаніе этого проекта слѣдующія: 1) вся Имперія подраздѣляется на намѣстническіе округа (таковыхъ округовъ предполагалось 12); при чемъ каждый округъ долженъ состоять изъ 3-хъ, 4-хъ или болѣе губерній; 2) главное управленіе въ каждомъ округѣ поручается Намѣстнику и его совѣту; 3) управленіе это завѣдываетъ не только частями судебною, полицейскою и хозяйственною, но и другими отраслями мѣстной администраціи въ губерніяхъ, какъ то: духовною, учебною, почтовою и проч.; 4) устройство существующихъ губернскихъ мѣстъ остается безъ измѣненія, но въ каждой губерніи учреждается совѣтъ, по примѣру намѣстническаго. Что касается въ частности до этого проекта, то онъ состоитъ изъ 6 главъ, заключающихъ въ себѣ 94 параграфа: въ главѣ 1-й содержатся общія положенія, относящіяся до цѣли учрежденія намѣстничествъ, пространства округовъ, и проч.; въ главѣ 2-й — предметы надзору и попечительству намѣстниковъ подлежащія; глава 3-я опредѣляетъ степень и предѣлы власти намѣстника и его отвѣтственность; глава 4-я — о сношеніяхъ намѣстниковъ; главы 5-я и 6-я — о намѣстническомъ совѣтѣ.

Болѣе подробное содержаніе проекта выясняется изъ нижеслѣдующихъ замѣчаній на него тогдашняго Министра Финансовъ

графа Гурьева, которому онъ переданъ былъ на разсмотрѣніе по Высочайшему повелѣнію.

Министръ, начиная съ указанія, что проектъ дѣлаетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ русскомъ законодательствѣ, изчисляетъ существенныя черты его въ такомъ видѣ: 1) надзоръ за исполненіемъ законовъ въ каждомъ округѣ, состоящемъ изъ 3—6 губерній ввѣряется Намѣстнику и Намѣстническому Совѣту; 2) намѣстникъ не есть судія, ни намѣстникъ по учрежденію о губерніяхъ, но такой блюститель порядка и правосудія, которому подчинены въ округѣ всѣ мѣста и лица (кромѣ дѣйствующихъ войскъ и флота) и котораго законныя предписанія всѣми исполняются; который имѣетъ право останавливать исполненіе указовъ Сената и предписаній Министровъ, буде отъ того можетъ произойти вредъ; отрѣшать всѣ чины (кромѣ губернатора, вице-губернатора, предсѣдателя Палаты и прокуроровъ); всѣ отрасли мѣстнаго управленія составляютъ предметъ его попечительности; 3) свои представленія онъ доноситъ Государю чрезъ Комитетъ Министровъ; чрезъ Комитетъ же получаетъ Высочайшія повелѣнія; указы изъ Сената посылаются прямо къ нему и онъ отвѣтствуетъ на нихъ рапортами; 4) намѣстникъ отвѣчаетъ лишь за упушенія, послѣдовавшія по его распоряженіямъ; 5) въ Совѣтѣ одинъ голосъ намѣстника рѣшитъ дѣла; 6) Совѣту предлежатъ всѣ важнѣйшія дѣла, кромѣ текущихъ; 7) всѣ предписанія Министровъ мѣстамъ и лицамъ, имъ подчиненнымъ, должны идти къ нимъ чрезъ намѣстника, за исключеніемъ случаевъ чрезвычайныхъ; 8) всѣ губернскія мѣста и лица о дѣлахъ текущихъ подаютъ намѣстнику двухдѣльные рапорты; по дѣламъ же, требующимъ разрѣшенія или утверженія Министра или Сената, дѣлаются ему особыя представленія; 9) при отрѣшеніи отъ должностей чиновниковъ, намѣстникъ имѣетъ право предавать виновныхъ суду съ донесеніемъ о томъ Государю; по дѣламъ уголовнымъ ему предоставляется приостанавливать приговоры.

Возставая всею силою своего авторитета противъ предоставленія такихъ обширныхъ правъ намѣстникамъ по всѣмъ частямъ мѣстнаго управленія, Министръ развиваетъ мысль о необходимости предоставленія каждому Министру по его вѣдомству полной самостоятельности, не прерываемой или задерживаемой никакою другою постороннею властью. Соглашаясь впрочемъ, что недостатки министерскаго образованія имѣтъ съ разными безпорядками, замѣченными въ управленіи губерній, послужили, повидимому, поводомъ къ составленію проекта учрежденія о намѣстникахъ, графъ Гурьевъ

полагаетъ, что причины таковыхъ безпорядковъ, медленности и самыхъ злоупотребленій заключаются главнѣйшимъ образомъ въ необразованіи, соотвѣтственно началамъ министерскихъ управленій, подвѣдомыхъ имъ или мѣстныхъ управленій, въ происходящемъ отъ того смѣшеніи власти и обязанностей губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ, въ разнообразіи порядка дѣлопроизводства и частію въ недостаткѣ надлежащаго мѣстнаго надзора. Въ виду этого онъ излагаетъ нѣкоторыя свои мысли о томъ, какимъ образомъ можно и нужно учредить должность намѣстника не разрушая существующаго порядка управленія.

Принимая въ основаніе, что главную сущность должности намѣстника составляетъ *надзоръ* во ввѣренномъ ему округѣ *за исполненіемъ законовъ*, Министръ Финансовъ предлагаетъ учрежденіе намѣстниковъ образованъ на слѣдующихъ главныхъ началахъ: 1) намѣстники и намѣстническіе округи учреждаются для бдительнѣйшаго надзора въ губерніяхъ за точнымъ исполненіемъ законовъ и предписаній по всѣмъ частямъ государственнаго управленія; 2) надзоръ этотъ имѣетъ главнымъ предметомъ внимательное наблюденіе всѣ ли части мѣстнаго управленія слѣдуютъ направленію законами, учрежденіями и предписаніями начальства ими данному и вѣтъ ли по которой либо изъ оныхъ какихъ неудобствъ, упущеній или злоупотребленій; 3) онъ обязанъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе и изслѣдованіе всѣхъ предметовъ, на которые будетъ особенно обращено его вниманіе или Высочайшими повелѣніями и указами, или сношеніями Министровъ, или же частными жалобами, принесенными ему на законномъ основаніи; 4) всѣ свѣдѣнія и объясненія, какія намѣстникъ признаетъ нужнымъ требовать отъ губернскихъ мѣстъ и чиновниковъ должны быть ему доставляемы немедленно; 5) онъ обязанъ представлять на уваженіе правительства всѣ предметы, какіе по мѣстнымъ соображеніямъ признаетъ полезными и благу общему соотвѣтственными; 6) управленіе по части полиціи въ округѣ непосредственно подчиняется намѣстнику потому исключительно, что полиція бывъ обязана имѣть свое дѣйствіе на всѣ чины и состоянія въ губерніи, доставитъ ему удобнѣйшія и вѣрнѣйшія средства знать обо всемъ, въ округѣ его происходящемъ, и обращать свое вниманіе и дѣятельность туда, гдѣ они по обстоятельствамъ будутъ нужнѣе. Впрочемъ по части управленія главной полиціи намѣстникъ долженъ быть въ непосредственномъ сношеніи съ Министромъ полиціи. 7) Въ случаѣ открытія злоупотребленій намѣстникъ предлагаетъ, кому слѣдуетъ,

объ изслѣдованіи, отрѣшеніи или преданіи суду чиновниковъ, опредѣляемыхъ властію губернскихъ мѣстъ и лицъ, о прочихъ же относится къ Министрамъ по принадлежности, или, смотря по важности предмета, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, представляетъ непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе; 8) во всѣхъ случаяхъ чрезвычайныхъ, или въ распоряженіяхъ важнѣйшихъ и многосложныхъ, требующихъ особеннаго надзора въ исполненіи, Министры входятъ въ непосредственныя и подробнѣйшія сношенія съ намѣстниками; 9) равнымъ образомъ Министры, каждый по части своего управленія, сносятся съ намѣстникомъ въ случаѣ неудобствъ, медленности и затрудненій, встрѣчающихся въ дѣйствіяхъ подчиненныхъ мѣстъ, дабы удостовѣриться происходятъ ли оныя отъ чиновниковъ, на которыхъ исполненіе возложено, или же неудобства заключаются въ самыхъ распоряженіяхъ; 10) обузданіе роскоши, отвращеніе злоупотребленій по земскимъ повинностямъ, по рекрутскимъ наборамъ, исправность содержанія почтъ, украшеніе городовъ и прочіе тому подобныя предметы должны подлежать *попечительности* намѣстника; 11) для постояннаго мѣстопробыванія намѣстника назначается одинъ изъ губернскихъ городовъ въ намѣстническомъ округѣ, дабы извѣстно было куда къ нему относиться; впрочемъ предоставляется ему на волю переѣзжать для временнаго пребыванія по дѣламъ службы изъ одной губерніи въ другую; 12) въ каждые два года обязанъ онъ лично осмотрѣть губернію, округъ его составляющую, и чрезъ каждые три года прибыть на извѣстное время въ столицу для представленія отчета о состояніи губерній, въ округѣ его находящихся.

На основаніи этихъ началъ—заключаетъ свою записку Министръ Финансовъ—намѣстники, не будучи сами непосредственными распорядителями по всѣмъ частямъ управленія, могутъ и должны быть безпристрастные блюстители порядка и блага общаго, покровители угнетенныхъ и страшны для всѣхъ злонамѣренныхъ; въ бытность свою въ столицѣ, они будутъ ходатайствовать у престола о нуждахъ и пользахъ ввѣренныхъ надзору ихъ губерній и объясняться съ Министрами съ знаніемъ дѣла, но безпристрастно и независимо; для Правительства же и для управляемыхъ такое постановленіе не произведетъ никакихъ новыхъ неудобствъ и затрудненій, ибо оно не только не ведетъ къ разрушенію настоящей системы внутренняго управленія, къ которой и чиновники и народъ уже привыкли, но еще послужитъ въ вѣщшему утвержденію и усовершенію оной.

Кромѣ этой записки сохранился и черновой проектъ «Учрежде-

нія Намѣстничествъ», составленный графомъ Гурьевымъ, съ поправками и добавленіями, сдѣланными частію на отдѣльныхъ листахъ, частію же въ текстѣ карандашемъ. Этотъ проектъ состоитъ также какъ и проектъ, въ замѣнъ котораго онъ написанъ, изъ шести главъ, заключающихъ въ себѣ 93 параграфа, при чемъ порядокъ расположенія главъ по ихъ содержанію и самыя названія ихъ тѣже, какъ и въ семь послѣднемъ.

2. Проектъ учрежденія областного управления, составленный Сперанскимъ въ 1821 году.

Сперанскій, получивъ для разсмотрѣнія проектъ 1816 года, предполагалъ, по видимому, что онъ будетъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ; почему сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя исправленія и составилъ къ нему введеніе; но въ 1821 году Государь повелѣлъ ему начертать новый проектъ, по возможности на тѣхъ же началахъ, которые были приняты въ прежнемъ проектѣ, но съ замѣною званія намѣстника званіемъ Генералъ-Губернатора. Тогда Сперанскій исправилъ въ своемъ введеніи тѣ мѣста, гдѣ были необходимы измѣненія въ семь смыслѣ и присоединилъ его къ проекту, составленному имъ вновь подъ названіемъ учрежденія областного управления. Прилагая особо это «введеніе», какъ одинъ изъ трудовъ Сперанскаго, заслуживающихъ полнаго вниманія юристовъ, мы укажемъ здѣсь лишь на главныя его положенія, на сколько они касаются непосредственно измѣненій, предполагавшихся въ то время въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 г.

Различая въ этомъ учрежденіи правила, коими опредѣляется порядокъ управленія отъ тѣхъ, коими опредѣляется порядокъ надзора, авторъ выясняетъ слѣдующими доводами необходимость порученія надзора въ губерніяхъ особенному мѣстному установленію. «Губернскія мѣста—говоритъ онъ—въ прямомъ смыслѣ не имѣютъ надъ собою мѣстнаго надзора: гражданскій губернаторъ, бывъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, не можетъ надзирать ни самъ за собою, ни за мѣстами, ему равными; прокуроръ имѣетъ въ сихъ мѣстахъ одно право предъявленія. Надзоръ съ властію исправленія по общему учрежденію принадлежитъ Генералъ-Губернаторамъ. Но тамъ, гдѣ званіе сіе нынѣ существуетъ, дѣйствіе его, яко личное и съ точностію не опредѣленное, непрестанно колеблется между самовластіемъ и послабленіемъ; тамъ же, гдѣ нѣтъ сего званія, надзоръ чрезъ прокуроровъ прямо восходитъ въ Сенатъ. Но общій надзоръ Сената не можетъ быть соразмѣренъ ни разстоянію

мѣсть, ни многосложности дѣлъ, ни настоятельности нуждъ; обзорѣнія же губерній чрезъ Сенаторовъ, яко временныя, обращаясь на прошедшее и не бывъ въ состояніи слѣдовать за настоящимъ, ни предупреждать будущаго, рѣдко достигали истинной цѣли. Изъ сего слѣдуетъ, что установленіе надзора болѣе опредѣленнаго, нежели тотъ, который предписанъ въ общемъ учрежденіи, болѣе мѣстнаго, нежели общій надзоръ Сената, болѣе непрерывнаго, нежели сенаторскія обзорѣнія, представляется необходимымъ для губерній какъ въ видахъ настоящаго ихъ устройства, такъ и особенно въ видахъ будущаго ихъ образованія.

Означенный надзоръ для того, чтобы онъ могъ быть дѣйствительнымъ, Сперанскій считаетъ недостаточнымъ поручить какой либо личной власти; по его мнѣнію онъ долженъ принадлежать установленію, объемлющему своимъ надзоромъ нѣсколько губерній и дѣйствующему по правиламъ для него опредѣленнымъ.

Установленіе это—продолжаетъ Сперанскій—должно быть установленіемъ государственнымъ: оно есть ничто иное, какъ Министерство, дѣйствующее на мѣстѣ и принадлежащее къ общему составу всѣхъ Министерствъ, къ Сенату. «Такимъ образомъ Министерское установленіе будетъ имѣть два вида: одинъ *общій*, въ коемъ всѣ дѣла раздѣляются по ихъ предметамъ; другой *мѣстный*, въ коемъ дѣла раздѣляются по округамъ».

Какъ Министерство, главное мѣстное установленіе, должно составляться изъ Департаментовъ или отдѣленій, конхъ начальники образуютъ *Совѣтъ*. Въ главѣ сего Совѣта долженъ быть сановникъ, принадлежащій съ одной стороны къ составу Правительствующаго Сената 1-го Департамента, какъ членъ его, а съ другой стороны къ составу Министерскаго Комитета, какъ членъ сего Комитета.

Что касается до степени власти, долженствующей принадлежать главному мѣстному надзору и ея предѣловъ, то Сперанскій различаетъ въ семъ отношеніи власть исправленія дѣйствій губернскихъ мѣсть отъ участія въ самомъ управленіи. Надзоръ долженъ обнимать, по его мнѣнію, какъ движеніе дѣлъ, такъ и образъ ихъ производства и въ томъ и другомъ принимать надлежащія мѣры исправленія; но для того, чтобы дѣйствія главнаго мѣстнаго надзора были однообразны, дѣйствующіе въ семъ надзорѣ чиновники должны быть опредѣляемы Министерствомъ и снабжены одинаковыми наказами, а всѣ случаи, на кои нѣтъ яснаго въ законахъ постановленія, вносимы въ Сенатъ на уваженіе. Участіе же главнаго мѣстнаго надзора должно состоять въ томъ, чтобы всѣ предметы, тре-

бующіе высшаго разрѣшенія, восходили прежде всего къ главному мѣстному начальству. Кромѣ того, оставляя за Генералъ-Губернаторами принадлежащія имъ права предъявлять Сенату мѣстные затрудненія въ случаѣ новыхъ узаконеній, пріостановляя ихъ исполненіе, и налагать опеки въ случаяхъ непомѣрной расточительности и жестокости, авторъ проекта считаетъ полезнымъ предоставить главному мѣстному управленію принимать рѣшительныя мѣры въ случаѣ народныхъ бѣдствій, если эти мѣры не терпятъ отлагательства; разсматривать и окончательно рѣшать разногласія между уголовными палатами и гражданскими губернаторами; опредѣлять на службу и утверждать мѣстныхъ чиновниковъ, за исключеніемъ назначаемыхъ Именными Высочайшими указами, о тѣхъ же, которые опредѣляются Сенатомъ дѣлать ему представленія; наконецъ устранять, удалять и отрѣшать чиновниковъ, уличенныхъ въ злоупотребленіяхъ. Опредѣляя такимъ образомъ положительно степень власти главнаго мѣстнаго управленія, авторъ лишь отрицательно указываетъ на ея предѣлы, исчисляя то, что оно не должно дѣлать и стараясь въ особенности опредѣлить ограниченія, которымъ оно должно подлежать въ отношеніи управленій, не входящихъ собственно въ губернской составъ, какъ-то: питейнаго, почтоваго, водяныхъ сообщеній и проч.

Нельзя не сознаться, что не смотря на весь талантъ Сперанскаго, высказанныя имъ здѣсь основанія въ объясненіе его проекта не имѣютъ твердой почвы; почему самыя обязанности, возлагаемыя имъ на главное мѣстное управленіе, не смотря на все желаніе его пріурочить это установленіе къ составу Министерствъ, не связываютъ его съ нимъ опредѣлительными отношеніями, а напротивъ сами представляются въ своемъ осуществленіи на практикѣ случайными, съ характеромъ скорѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ.

Составленный на этихъ основаніяхъ проектъ учрежденія областного управленія раздѣляется на двѣ части: изъ нихъ первая заключаетъ въ себѣ «Образованіе областного управленія», а вторая «Наказъ областному управленію». Проектъ «Образованія» состоитъ изъ четырехъ главъ, въ коихъ 83 параграфа. Въ отдѣльности содержаніе главъ этой части слѣдующее: глава 1-я опредѣляетъ составъ и предметы областного управленія; глава 2-я—порядокъ подчиненія; глава 3-я — порядокъ опредѣленія, увольненія, наградъ и взысканій; глава 4-я—порядокъ производства дѣлъ. Проектъ «наказа областному управленію» состоитъ изъ 6 главъ, заключающихъ въ себѣ 190 параграфовъ: изъ нихъ въ главахъ 1-й и 2-й опредѣ-

ляются существо власти, ввѣряемой областному управленію и предѣлы ея; въ главѣ 3-й—образъ ея дѣйствій; въ главѣ 4-й—отношенія областного управления къ другимъ установленіямъ; въ главѣ 5-й—отвѣтственность его; въ главѣ 6-й—обязанности разныхъ чиновъ по канцеляріи областного управления.

Изъ вышеизложеннаго видно, что настоящій проектъ есть втореніе, впрочемъ съ значительнымъ развитіемъ, проекта учрежденія намѣстничествъ; посему въ экземплярѣ его, бывшемъ въ Комитетѣ 6 декабря, противъ многихъ его параграфовъ, сдѣланы ссылки на тѣ параграфы прежняго проекта, изъ коихъ они заимствованы или коимъ соотвѣтствуютъ. Но въ одномъ отношеніи проектъ Сперанскаго представляетъ существенное различіе съ предыдущимъ проектомъ: въ немъ, хотя и не прямо, указывается на то самостоятельное, независимое значеніе, которое должно имѣть судебное вѣдомство въ отношеніи къ административной власти. Между тѣмъ какъ проектъ учрежденія намѣстничествъ предоставляетъ намѣстнику право по дѣламъ суднымъ понуждать чрезъ губернскаго прокурора судебныя мѣста въ округѣ къ скорѣйшему рѣшенію дѣлъ (§ 35) и власть ревизовать эти мѣста (§ 40); почему въ числѣ членовъ Намѣстническаго Совѣта полагается одинъ завѣдывающій дѣлами юстиціи (§ 68),—Сперанскій, выставляя въ введеніи къ своему проекту какъ основное начало, что надзоръ по судебному вѣдомству долженъ слѣдовать установленному порядку апелляціи и ревизіи, въ числѣ членовъ Совѣта Областнаго управления, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Генералъ - Губернатора, не называетъ представителя по дѣламъ юстиціи, полагая напротивъ, сверхъ двухъ членовъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, особаго члена по вѣдомству Министерства Финансовъ (§ 2 и 12), и только въ дѣлахъ уголовныхъ предоставляетъ Областному Совѣту право измѣнять приговоры суда (§ 111). Тѣмъ не менѣе и въ проектѣ Сперанскаго, при той власти, которая дается областному управленію остававливать исполненіе судебныхъ опредѣленій, а также дѣлать пересмотръ и отмѣнять или исправлять производства губернскихъ судовъ (§§ 108 и 109), самостоятельность судебной власти является лишь въ самыхъ слабыхъ зачаткахъ.

3. Бумаги, относящіяся до Генералъ - Губернаторства Балашова, съ его проектами.

Независимо отъ историческаго значенія того опыта, который былъ сдѣланъ Императоромъ Александромъ I въ исполненіе его

мыслей о генераль-губернаторствахъ, управленіе Балашова, какъ сказано выше, имѣть для насъ особый интересъ по его донесеніямъ, заключающихъ въ себѣ изложеніе и поясненіе этихъ мыслей. Вотъ почему, изчисляя относящіяся сюда бумаги, мы позволимъ себѣ сдѣлать болѣе подробныя выписки изъ нихъ тамъ, гдѣ приводятся собственныя слова или сужденія Императора. Съ этою цѣлью мы остановимся прежде всего на докладѣ, представленномъ Балашовымъ въ 1821 году, который означенъ въ его бумагахъ заглавіемъ: «первоначальныя основанія управленія округа Генераль-Адъютанту Балашову порученнаго», и на запискѣ, представленной имъ въ декабрѣ 1826 года по управленію Рязанской губерніей съ 1823 г. по 1827 годъ.

«Вашему Императорскому Величеству — писалъ Балашовъ въ первой изъ нихъ Императору Александру I — благоугодно было во время управленія моего Министерствомъ Полиціи и состоянія С.-Петербургскимъ Военнымъ Губернаторомъ по временамъ вразумлять меня объ огромности Высочайшихъ предопредѣленій касательно устройства разныхъ частей внутренняго управленія въ Имперіи Вашей. Послѣ, когда назначенъ я Генераль-Губернаторомъ 5 губерній, Ваше Величество изъяснить мнѣ изволили постепенно предпринятый вами ходъ въ образованіи внутренняго управленія и въ краткихъ словахъ внушеніе мнѣ сдѣлать о новой должности моей». Вслѣдствіе сего Генераль-Губернаторъ въ началѣ доклада о своихъ дѣйствіяхъ, дабы доказать соотвѣтственность ихъ преднамѣреніямъ Государа, приводитъ на память вышеозначенныя слова и мысли на сколько они касаются учрежденія въ Россіи генераль-губернаторскихъ округовъ въ связи съ учрежденіемъ Министерствъ.

«1-го Ноября 1819 года Ваше Величество изъясняться изволили, что при восшествіи Вашемъ на престолъ найдя внутреннее управленіе въ высшемъ его степени совокупленное въ единомъ лицѣ Генераль-Прокурора и подъ его всеобщимъ надзоромъ раздробленное на нѣсколько десятковъ мѣстныхъ управленій, найти изволили, что такое соединеніе во едино всѣхъ частей и всѣхъ властей внутреннихъ въ Государствѣ толико обширномъ, какова Россія, не можетъ уже въ настоящее время оставаться безъ большихъ неудобствъ и затрудненій, ибо или надмѣру отяготится одно лицо большою отвѣтственностію свѣше сязъ человѣческихъ или оставаться отвѣтственность сія будетъ ничтожною, а посему тогда же необходимымъ признать изволили раздѣленіе государственныхъ частей для успѣшнаго направленія оныхъ и распредѣленіе управи-

тельныхъ властей для надзора въ правильности дѣйствій мѣстныхъ управленій. По сѣмъ соображеніямъ перемѣна была признана необходимою и тогда же первоначально сдѣлано распредѣленіе частей государственныхъ на Министерства, составленъ Комитетъ Министровъ, потомъ преобразованъ Государственный Совѣтъ, распределенъ на Департаменты съ присоединеніемъ Комиссій законовъ и прошеній, и такимъ образомъ отвращено главное неудобство; но дальнѣйшему учрежденія сего ходу воспрепятствовала война, минованіе же оной и утвержденіе прочнаго мира въ Европѣ нынѣ позволяетъ Вашему Величеству обратиться снова къ предмету внутренняго управленія; а посему и учреждать изволите округи, заключающіе въ себѣ по нѣскольку губерній, подъ надзоромъ Генералъ-Губернаторовъ соединенные; что нынѣ для начала избирается тотъ, который будетъ порученъ мнѣ, впоследствии же Вашему Величеству угодно распредѣлить и все Государство на подобные сему съ измѣненіями, единственно мѣстнымъ обстоятельствамъ приличными. При чемъ Вашему Величеству угодно было присоединить, что генералъ-губернаторы вновь учреждаемые должны имѣть ту существенную разницу съ бывшими при Императрицѣ, что тѣ были слишкомъ заняты дѣлами, имъ опредѣленными и оттого оставалось имъ мало времени заниматься тѣми, которыя по обстоятельствамъ или по ихъ усмотрѣнію должны бы привлечь ихъ особенное вниманіе; что Министры по обязанности своей должны давать направленія каждой своей части, а подвѣдомственные имъ мѣста и лица въ губерніяхъ должны дѣлать распорядки и исполненія по предписаніямъ Министровъ на основанія законовъ и уставовъ, Генералъ-Губернаторъ же долженъ быть всегдашній наблюдатель всякаго распорядка и всякаго исполненія въ порученныхъ ему губерніяхъ или ежеминутный инспекторъ всѣхъ частей внутренняго управленія въ его округѣ; что пребываніе Генералъ-Губернатора должно быть въ той изъ его губерній и въ томъ изъ его городовъ и уѣздовъ, гдѣ по усмотрѣнію его обстоятельства того требуютъ; впрочемъ что для облегченія Генералъ-Губернатора назначенъ будетъ при каждомъ Совѣтѣ изъ чиновниковъ для обработыванія дѣлъ соотвѣственно Министерствамъ, которые и голоса подавать могутъ; но приводится въ исполненіе будетъ резолюція одного Генералъ-Губернатора. Все сіе заключить изволили тѣмъ, что хотя учрежденіе о губерніяхъ во многихъ пунктахъ временемъ измѣнилось, но со всѣмъ тѣмъ, что оно бывъ кореннымъ для управленія губерній постановленіемъ не должно и нынѣ быть оставляемо, но

служить главнымъ руководствомъ и для генералъ-губернаторскаго управленія, доколѣ инструкции званію сему издано еще не будетъ; но къ сему учрежденію мнѣ въ пособіе и руководство прибавить изволили и сенаторскую инструкцію того же года въ мартѣ мѣсяцѣ утвержденную для ревизіи губерній *); въ сіе же время объявить мнѣ изволили намѣреніе Вашего Величества въ непродолжительномъ времени избрать одну изъ 5 губерній и поручить мнѣ первоначально ее приводить въ то устройство, въ которомъ должно быть и всѣмъ прочимъ».

Въ запискѣ по Рязанской губерніи, представленной Балашовымъ уже Императору Николаю, помѣщены любопытныя дополненія къ изложенному въ предыдущемъ докладѣ, доказывающія что Александръ I до конца своей жизни, даже въ пребываніе свое въ Крыму, внимательно слѣдилъ за осуществленіемъ своихъ мыслей относительно преобразованія губернскаго управленія и составленнаго имъ лично для сего плана.

«До 1823 года—писалъ Балашовъ—Рязанская губернія находилась совершенно въ томъ же положеніи, какъ и прочія порученныя мнѣ четыре. Но въ началѣ онаго рассуждалъ я, что пробывъ уже три года Генералъ-Губернаторомъ пяти губерній, постановя сколько мнѣ возможно было на положеніе твердое отправленія званія, на меня возложеннаго, полагаю я съ своей стороны выполненнымъ долгъ послушанія воли Монаршей; а при томъ чувствуя силы мои утомленными и собственныя дѣла свои разстроенными, просилъ я 18 февраля 1823 года лично Государя объ увольненіи меня отъ сего званія. Его Величество напомнить мнѣ изволилъ, что предположено было отдѣлить одну изъ пяти губерній для произведенія надъ ней опытовъ улучшенія въ гражданскомъ управленіи и что сего еще мною не исполнено. Я отвѣтствовалъ, что не имѣлъ на то письменнаго повелѣнія. Государь продолжать изволилъ слѣдующимъ образомъ: «Ты взялъ за первый предметъ должности Генералъ-Губернатора надзоръ за всѣми частями управленія: успѣхъ въ дѣйствіи твоемъ доказываетъ, что мнѣніе твое основательно; сверхъ сего ты доказалъ, что надзоръ сей безъ упущенія произвести можетъ одинъ Генералъ-Губернаторъ надъ пятью губерніями, — то, что другіе считали невозможнымъ. Между тѣмъ мы примѣтили съ тобою, что недостаетъ сосредоточенія управленія по губерніямъ и что нуженъ еще особенный надзоръ за полицейскими частями въ

*) Инструкція эта издана 17 марта 1819 г.

губерніи подобно обер-полицеймейстерскому въ столицѣ. Теперь намъ предстоитъ извѣдать пользу обоихъ сихъ обстоятельствъ повѣркою на дѣлѣ. Я избираю на сіе Рязанскую губернію: на первый случай сосредоточь надзоръ надъ полиціями, а далѣе сосредоточивать станемъ управительную часть, вруча надзоръ за нею гражданскому губернатору нѣсколько подобно тому, какъ принималъ ты надзоръ сей до сего времени на себя или Генералъ-Губернатора. Впослѣдствіи увидимъ, что надо будетъ дѣлать далѣе. Для получения же письменнаго повелѣнія, о которомъ ты говоришь, подай мнѣ какой либо письменный докладъ, но подай его сего же дня. Впрочемъ расположи себя такъ, чтобы ты не разстроивалъ государственнаго казначейства или оборотовъ Министра Финансовъ. Я видя поспѣшность, съ которою Государь исполненія сего требовать изволилъ, написалъ тутъ же наскоро, сколько могъ сообразить повелѣніе мнѣ данное, четыре пункта къ докладу и подагъ того же утра *). При подачѣ доклада моего слышалъ я отъ Государя слѣдующее разсужденіе: Государь полагасть изволилъ, что вышняя степень всякаго управленія есть надзоръ за управленіемъ симъ; что Государь Петръ I, учреждая образъ управленія Государства, сосредоточилъ надзоръ за управленіемъ гражданскимъ въ Правительствующемъ Сенатѣ; надзоръ за Сенатомъ установилъ онъ собственно свой, чрезъ Генералъ-Прокурора; что Императрица Екатерина II, слѣдуя тому же правилу, нашла, что съ протеченіемъ времени и распространеніемъ Имперіи надзоръ сей надлежало усилить; посему оставляя Генералъ-Прокурора въ его обязанностяхъ, учредила Государевыхъ Намѣстниковъ, которымъ вручила надзоръ по губерніямъ, соединя ихъ по двѣ. Самъ Государь Александръ I, идя по тому же правилу, находилъ, что сообразно съ теченіемъ вре-

*) Этими докладомъ Балашовъ испрашивалъ себѣ право: 1) на вакансіи чиновниковъ по губерніи помѣщеніе производить не иначе какъ или съ представленія его или по соглашенію его съ лицомъ представляющимъ; 2) могуція потребоваться измѣненія въ письменномъ производствѣ или ходѣ дѣлъ не причитаетъ ему въ нарушение Генеральнаго Регламента, обрядовъ или формъ; 3) дозволить ему вводить иногда новыя званія или лица чиновниковъ, изъ коихъ во-первыхъ признаетъ нужнымъ учредить Губернскаго Полицеймейстера съ двумя помощниками для сосредоточенія подъ его начальствомъ исполнительній части въ губерніи, и 4) на случитья могуція расходы въ прибавкахъ жалованья къ прежнему и опредѣленія онаго новымъ званіямъ,—употреблять на первый случай остатки общественныхъ или земскихъ повинностей или изъ другихъ источниковъ, но не иначе какъ съ Высочайшаго утвержденія.

мени, съ ходомъ просвѣщенія и съ распространеніемъ предѣловъ Имперіи, надлежитъ надзоръ сей нынѣ подвергнуть еще вѣщшему распространенію, а посему надзоръ Генераль-Прокурора расширенъ учрежденіемъ онаго по частямъ государственнымъ или по вѣтвямъ управительнымъ, т. е. установлены Министерства. Далѣе распространеніе надзора предположено произвести установленіемъ областныхъ намѣстниковъ или Генераль-Губернаторовъ большихъ округовъ, изъ коихъ для испытанія первый ввѣренъ мнѣ. Нынѣ, т. е. въ началѣ 1823 года, Государю угодно ту же систему надзора подвергнуть еще большому или окончательному расширенію и установить его до дальнѣйшихъ предѣловъ дѣленія управительныхъ частей, учреждая его не только по каждой губерніи, но даже и по каждому уѣзду. Тѣмъ болѣе Государь мысли сей предавался, что усматривалъ возможность привести ее въ дѣйствіе не нарушая ни одного постановленія существующаго, не отклоняя ни одного лица отъ должности имъ отправляемой. Государь полагалъ, что отъ сего произойти должна польза общественная, но въ случаѣ таковомъ, еслибы ее и не оказалось на дѣлѣ, то испорченнаго ничего еще не будетъ и предполагаемое приспособленіе уничтожить или привести все въ первобытное положеніе всегда будетъ легко, равно какъ и уступить мѣсто другому какому либо распорядку ни мало не затруднительно. Вотъ мысль, съ которою Государь предпринимать изволилъ такъ названное приспособленіе Губернскаго управленія къ общему ходу дѣлъ!

«Вслѣдъ за симъ — продолжаетъ Балашовъ — получилъ я Высочайшій указъ у сего подносимый *), который и поспѣшилъ я вне-

*) Указъ этотъ отъ 2 марта 1823 г. Приводимъ его здѣсь вполнѣ: «Господину Генераль-Губернатору, Генераль-Адъютанту моему Балашеву. Долговременная опытность доказываетъ, что настоящее гражданское управленіе губерній требуетъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, или приспособленій къ общему ходу дѣлъ нынѣ введенному. Желая однакоже, чтобы перемѣны сіи возымѣли дѣйствіе не иначе, какъ по самому зрѣлому убѣжденію въ ихъ истинной пользѣ, нахожу необходимымъ къ сему приступать постепенно, начавъ съ одной изъ управляемыхъ вами губерній. Я избираю для сего Рязанскую, и на докладъ вашъ 18 дня прошедшаго мѣсяца о семъ предметѣ слѣдующія даю вамъ разрѣшенія: 1) Дозволяя, чтобы опредѣленіе на вакансіи чиновниковъ сей губерніи дѣлалось не иначе какъ или по вашему представленію, или по согласенію вашему съ лицами представляющими, я далъ надлежащее о томъ предписаніе Комитету Министровъ; 2) находя нужнымъ, чтобы вы каждый разъ представляли на мое разрѣшеніе предположенія ваши съ подробнымъ ихъ описаніемъ о тѣхъ измѣненіяхъ въ производствѣ или ходѣ дѣлъ, которыя вы найдете

сти въ Правительствующій Сенатъ; но Генералъ графъ Аракчеевъ увѣдомилъ меня, что Его Величество за сіе въ неудовольствіи. На другой день и самъ Государь мнѣ подтвердить сіе изволилъ и не приказалъ по сей части ничего вносить ни въ Правительствующій Сенатъ и никуда не давать знать, доколѣ приказано мнѣ не будетъ о семъ особенно. Послѣдствіемъ сего же была и докладная записка моя 21 марта, на которую послѣдовалъ указъ объ опредѣленіи начальника губернской полиціи (30 марта 1823 г.), при чемъ графъ Аракчеевъ отношеніемъ своимъ отъ 2 апрѣля вновь мнѣ подтвердилъ Высочайшее повелѣніе письменно, чтобы не доносить я въ Сенатъ. На указъ сей представляемы были мною разныя докладныя записки для распорядка по сему предмету, которыя для переправокъ были возвращены мнѣ чрезъ графа Аракчеева *) со словесными внушеніями мысли Государевой и наконецъ утверждено 1 сентября того жъ 1823 г. положеніе**), которое я, приводя въ исполненіе, доносилъ Государю по временамъ. За симъ представлялъ я временныя уставы Совѣтамъ Губернскому и Уѣздному, инструкціи или правила и наставленія начальнику губернской поли-

лезнымъ сдѣлать по содержанію второй и третьей статьи вашего доклада, я каждый же разъ буду вамъ посылать мои соотвѣтствующія разрѣшенія; 8) одобряя ваше намѣреніе сохранять въ цѣлости поступающіе въ Государственное Казначейство доходы, и дозволяя вамъ независимо отъ оныхъ изыскивать по Рязанской губерніи другіе подобные источники для обращенія ихъ на устройство и улучшение гражданскаго ея управленія, я желаю равномѣрно, чтобы предположенія свои по сему предмету съ подробнымъ ихъ описаніемъ представляли вы мнѣ на разсмотрѣніе. *Александръ*.

*) Какъ изъ этого мѣста, такъ и изъ другихъ бумагъ Комитета 6 декабря видно, что въ началѣ двадцатыхъ годовъ всѣ доклады и проекты по учрежденію о губернскомъ управленіи представлялись Государю чрезъ графа Аракчеева или по крайней мѣрѣ переходили чрезъ его руки. Такъ въ самомъ проектѣ Сперанскаго 1821 г. Аракчеевымъ сдѣланы карандашемъ замѣтки противъ нѣкоторыхъ статей этого проекта.

**) Положеніе это, представленное Балашовымъ 10 июня 1823 года, подъ заглавіемъ: «Начальныя основанія для приспособленія управленія губернскаго въ Рязани къ общему ходу дѣлъ нынѣ вводимому», состоитъ изъ 40 параграфовъ, въ которыхъ опредѣляются, впрочемъ лишь въ общихъ чертахъ, составъ и предметы управленій губернскаго (главнымъ образомъ Губернскаго Совѣта), уѣзднаго (главнымъ образомъ Уѣзднаго Совѣта) и волостнаго. Оно утверждено Государемъ 1 сентября того же года подписнымъ на имя Генералъ - Губернатора указомъ въ Тулѣ. Тамъ же и того же числа послѣдовалъ Высочайшій указъ Сенату о назначеніи особаго Предсѣдателя Рязанскаго Губернскаго Правленія.

ціи и его помощникамъ; мнѣ возвращаемы были они для приведенія въ испытаніе безъ формальнаго ихъ утвержденія; приказано было заготовлять таковыя же всѣмъ тѣмъ, кто надзоръ имѣть былъ обязанъ, начиная съ самыхъ нижнихъ степеней онаго, какъ-то: хозяину крестьянскаго двора, десятскому, сотскому и выше, восходя постепенно. Въ наступившемъ потомъ 1824 году Государь изволилъ самъ посѣтить Рязань и удостоилъ быть лично въ Губернскомъ Совѣтѣ, въ Губернскомъ Правленіи, въ Казенной Палатѣ, въ Уголовной Палатѣ, въ Гражданской Палатѣ и даже въ моей Канцеляріи и моемъ кабинетѣ; вездѣ изволилъ все разсматривать, спрашивать, и все удостоилось милостиваго его одобренія и лестныхъ отзывовъ.

«Цѣль учрежденія сего приспособленія», заключаетъ Балашовъ, «состоитъ въ томъ, чтобы сосредоточить или сблизить всѣ части управительныя однѣ съ другими, подчинить ихъ взаимной отвѣтственности и привести ихъ къ единому общему направленію. Совѣты сіи новой инстанціи собою нисколько не составляютъ, но надзоръ свой распространяютъ повсюду. Письмоводство ихъ есть самое сокращенное, которое уменьшаетъ оное и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ».

Въ другомъ мѣстѣ своей записки Балашовъ, возвращаясь опять къ отчету о своихъ донесеніяхъ Императору Александру, передаетъ и послѣдовавшія на нихъ Высочайшія повелѣнія. «Въ началѣ 1825 года — доносить онъ — еще разъ пробовалъ я просить увольненія отъ должности Генералъ - Губернатора. Государь изволилъ сказать, что тогда уволить меня, когда я введу тоже приспособленіе по всѣмъ пяти губерніямъ, которое Его Величество видѣть изволилъ самъ по Рязанской, на что марта 4 дня и указъ состоялся на мое имя, а посему въ теченіе того 1825 года стали открываться Губернскіе и Уѣздные Совѣты и въ прочихъ губерніяхъ, равно назначены и Предсѣдатели въ Губернскія Правленія и Начальники Губернской Полиціи, кромѣ однакоже Воронежской губерніи, которая, бывъ болѣе прочихъ отдаленною, а равно и по другимъ обстоятельствамъ, въ приспособленіи своемъ отъ прочихъ отстала... Въ октябрѣ мѣсяцѣ я сдѣлался одержимъ сильными пароксизмами круженія головы, а особливо при занятіяхъ письменныхъ; почему и рѣшился я, изобразя мое положеніе, просить у Государя, чрезъ нарочнаго, увольненія меня для леченія въ Москву или и далѣе, если не увижу облегченія, на что получилъ я милостивый рескриптъ, которымъ удостоить меня изволилъ Государь изъ Перекопа за 18 дней

до кончины своей, существо котораго состоитъ въ томъ, чтобы я и больной не оставлялъ управленія губерній, установляя на то способъ» *).

Предвидя, что съ вступленіемъ на престолъ новаго Императора можетъ послѣдовать перемѣна въ предположеніи Александра I относительно преобразованія губернскихъ учреждений, Балашовъ въ заключеніе своей записки объясняетъ, что уничтожить все нѣмъ сдѣланное очень легко: «стоитъ только Совѣтамъ не вѣгѣть собираться, а Предсѣдателю Губернскаго Правленія и Начальнику Губернской Полиціи дать другія мѣста; отъ исполненія же обязанностей своихъ прежнихъ никто и отвлекаемъ не былъ»; «впрочемъ — о канчиваетъ Генераль - Губернаторъ — справедливость требуетъ, чтобы чиновники Высочайше утвержденные и служившіе были удовлетворены жалованьемъ за прошедшее время и въ прочихъ губерніяхъ противу Рязанской».

Изъ бумагъ, оставшихся послѣ Балашова, въ концѣ выражены его взглядъ и личная дѣятельность въ исполненіе воли Государя, укажемъ прежде всего на записку, составленную нѣмъ при вступленіи въ должность Генераль - Губернатора, подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе частей гражданскаго управленія по губерніямъ и нѣкоторыя соображенія по сему предмету». Въ этой запискѣ изложены разсужденія по разнымъ предметамъ губернскаго управленія, но слишкомъ кратко, и въ такомъ видѣ мысли автора не представляютъ особаго интереса. Посему мы извлечемъ отсюда лишь тѣ мѣста, въ которыхъ Балашовъ опредѣляетъ свои отношенія по должности, какъ онъ понималъ ихъ, съ одной стороны къ Министрамъ, а съ другой къ Гражданскимъ Губернаторамъ.

«Областные Начальники или Генераль-Губернаторы — пишутъ

*) Считаю не лишнимъ привести здѣсь этотъ документъ, не только какъ одинъ изъ послѣднихъ рескриптовъ Императора Александра I, но и въ подтвержденіе всего доносимаго въ настоящей запискѣ Балашовымъ. «Александръ Дмитріевичъ! Съ истиннымъ сожалѣніемъ узналъ я о случившихся съ вами болѣзненныхъ припадкахъ. Желаю вамъ совершеннаго выздоровленія и соглашаясь на все, что только можетъ служить для исправленія вашего здоровья, я позволяю вамъ отлучиться въ Москву, еслибы болѣзненное ваше состояніе того потребовало, и въ такомъ случаѣ управленіе вѣренными вамъ губерніями предоставляю вамъ устроить на таковомъ точно основаніи, какъ сіе было распоряджено во время отсутствія вашего въ С.-Петербургѣ. Пробываю впрочемъ вамъ благосклоннымъ. Александръ. Въ Перекопѣ. Ноября 1 дня 1825 года».

онъ—должны быть непрерывные инспекторы всѣхъ частей управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ главные начальники полиціи.

«Начальники государственныхъ частей или Министры имѣютъ въ каждой губерніи своихъ чиновниковъ; вліяніемъ своимъ, порядкомъ и требованіемъ донесеній и отчета они руководствуютъ сихъ чиновниковъ своихъ въ исполненія ихъ должностей, а Генералъ-Губернаторы, бывъ безпрестанные ихъ инспекторы, не должны имѣть права отъ исполненія министерскихъ распоряженій ихъ отклонить, но напротивъ заставить исполнять въ свое время и въ совершенной точности распорядокъ Министра; въ такомъ видѣ Генералъ-Губернаторы не могутъ быть непріятны Министрамъ и бесполезны службѣ.

«Генералъ-Губернатора обязанность будетъ состоять въ наблюденіи, чтобы сіи министерскія части одна другой не вредили и которая бы никого выше мѣры предписанной не стѣсняла. замѣтивъ тому противное и бывъ не въ состояніи обстоять права чьи бы то ни было, (Генералъ-Губернаторъ) доносить Государю или высшему Правительству; равномѣрно и Министры, замѣтивъ не правильности дѣйствій Генералъ-Губернатора по части своего Министерства, имѣютъ обязанность обставать часть свою; а не въ силахъ бывъ того достигнуть, доносить также Государю или высшему Правительству.

«Губернаторъ есть хозяинъ своей губерніи, и слѣдовательно его надзору подлежатъ должны распорядки по предписаніямъ гг. Министровъ по ихъ частямъ; но по исполнительной части онъ находится самъ подъ главнымъ надзоромъ Генералъ-Губернатора и какъ по той обязанности, такъ и по другой состоять долженъ подъ повелѣніемъ Комитета Министровъ.

«Въ государствѣ меньшей обширности можетъ быть достаточно управленія однихъ губернаторовъ по губерніямъ, не составляя изъ оныхъ округовъ или областей. Въ обширномъ государствѣ могутъ также быть такіе края, которые не составляютъ цѣлой области или большаго округа, а губернію или даже и менѣе оной. Въ сихъ случаяхъ нѣтъ нужды въ Генералъ-Губернаторахъ, а достаточно одного губернатора, въ отношеніи къ которымъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ имѣетъ общую надъ всѣми обязанность Генералъ-Губернатора».

Для опредѣленія отношеній своихъ къ Гражданскимъ Губернаторамъ Балашовъ различаетъ должность Генералъ-Губернатора *управляющаго* отъ должности Генералъ-Губернатора, *имѣющаго надъ*

зорь за управленіемъ. «Первая — говоря словами Балашова — состоять особенно должна въ томъ, что Губернаторъ, подъ управленіемъ Генералъ-Губернатора состоящій, не долженъ приступать къ распорядку и къ исполненію получаемыхъ указовъ и предписаній безъ утвержденія управляющаго Генералъ-Губернатора; управляющій же Губернаторъ, и состоящій подъ надзоромъ Генералъ-Губернатора, не ожидая утвержденія, распорядокъ дѣлаетъ и приводитъ въ исполненіе распорядокъ не медля, исключая одинъ важнѣйшіе случаи». Согласно съ этимъ авторъ различаетъ отвѣтственность Губернатора управляющаго отъ отвѣтственности, которой долженъ подлежать Генералъ-Губернаторъ, имѣющій надзоръ. Первая, по его мнѣнію, должна состоять въ томъ: «правильно-ли Губернаторъ распорядилъ и правильно-ли исполнилъ»; а Генералъ-Губернаторъ, имѣющій надзоръ, обязанъ отвѣтствовать въ томъ, «не допустилъ ли онъ въ молчаніи и въ невзысканіи неправильнаго распорядка или исполненія». «Отвѣтственность перваго рода—говорить авторъ — при одной только или много что при двухъ губерніяхъ возможна, иначе замедлитъ крайне теченіе дѣлъ; послѣдняя же допускаетъ подъ надзоръ неопредѣлительное число губерній безъ неудобства». «И такъ—заключаетъ Балашовъ—я полагаю управленіе лежащимъ на Губернаторѣ, а надзоръ за управленіемъ и за самимъ Губернаторомъ лежащимъ на Генералъ-Губернаторѣ».

Изъ отдѣльныхъ и разновременныхъ донесеній Балашова о преобразованіяхъ, сдѣланныхъ имъ во вѣрренныхъ управленію его губерніяхъ, видно, что эти преобразованія состояли въ слѣдующемъ:

1) Независимо отъ Губернскаго Правленія, въ каждой губерніи часть правительственная и надзоръ за частными управленіями сосредоточены въ Губернскомъ Совѣтѣ, въ которомъ предсѣдательство поручено Гражданскому Губернатору, а членами назначены начальствующіе разными частями въ губерніи; 2) въ Губернскомъ Правленіи для непремѣннаго предсѣданія назначенъ особый Предсѣдатель; 3) непосредственное начальство надъ всею полиціею въ губервіи поручено особому чиновнику, восящему званіе Начальника Губернской Полиціи; 4) полицейское управленіе въ уѣздахъ, кромѣ возложенія обязанностей въ охраненіи спокойствія и порядка на каждаго домовладѣльца и учрежденія десятскихъ и сотскихъ, сосредоточено въ Уѣздномъ Совѣтѣ, составленномъ изъ Предсѣдателя и членовъ, которыми назначены всѣ начальствующіе въ уѣздѣ по разнымъ частямъ уѣзднаго управленія.

Преобразованія эти вводились въ дѣйствіе чрезъ проекты, ко-

торые утверждались Генералъ-Губернаторомъ въ видѣ опыта, на три мѣсяца. Первый проектъ о Губернскомъ Совѣтѣ былъ введенъ въ дѣйствіе, съ Высочайшаго утвержденія, послѣдовавшаго 1 сентября 1823 г., въ Рязани 17 июня 1824 г.; но въ томъ же году, въ Рязани же, введенъ въ дѣйствіе новый проектъ Устава общаго губернскаго управленія, сосредоточеннаго въ Губернскомъ Совѣтѣ, также въ видѣ опыта, на три мѣсяца; а въ 1825 году 16 января, тамъ же и на томъ же основаніи, введенъ проектъ Устава общаго уѣзднаго управленія, сосредоточеннаго въ Уѣздномъ Совѣтѣ. Затѣмъ 4 марта 1825 года послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя Балашова, которымъ разрѣшалось ему, «во вниманіе къ пользѣ, усматриваемой по успѣшному теченію дѣлъ въ Рязанской губерніи, отъ составленія Губернскаго Совѣта происшедшей, дѣлать представленія о введеніи какъ Губернскаго Совѣта, такъ равно званій Предсѣдателя Губернскаго Правленія и Начальника Губернской Полиціи и въ прочихъ порученныхъ ему губерніяхъ, по мѣрѣ встрѣчаемой въ ономъ надобности, на томъ точно основаніи, какъ сіе исполняется въ Рязанской». Вслѣдствіе этого 10 августа 1825 г. Балашовъ доносилъ Государю, что во всѣхъ пяти порученныхъ ему губерніяхъ Губернскіе Совѣты «приняли одинаковыя дѣйствія и находятся въ ходу».

По мѣрѣ того какъ означенные проекты вступали въ силу, они представляемы были Государю; почему въ бумагахъ Комитета 6 декабря мы находимъ какъ проектъ устава общаго губернскаго управленія, такъ и проектъ устава общаго уѣзднаго управленія, тотъ и другой въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Кромѣ того, здѣсь же находятся слѣдующіе указы, составленные и введенные въ дѣйствіе Балашовымъ: 1) инструкція начальнику губернской полиціи; 2) инструкція помощнику его; 3) наставленія: а) хозяину крестьянскаго двора; б) десятскому; в) сотскому.

Въ 1825 году—еще при жизни Императора Александра I—Балашовъ, съ цѣлью лучшаго разъясненія своихъ дѣйствій при докладѣ представляемыхъ имъ бумагъ Государю, отправилъ въ С.-Петербургъ; для объясненій графу Аракчееву, Правителя своей канцеляріи, коллежскаго совѣтника Ильина, съ письмомъ отъ 20 сентября, въ которомъ онъ излагаетъ въ слѣдующихъ пунктахъ основанія сдѣланныхъ имъ нововведеній:

«1) Все вводимое мною до сего времени — пишетъ онъ — по сей части есть нечто иное, какъ исполненіе того проекта моего, который поднесенъ былъ Государю Императору въ 1823 году и кото-

рый по рассмотрѣніи Его Величество изволилъ утвердить въ Тулѣ 1 сентября того 1823 г. и повелѣть, чрезъ ваше сіятельство, обратиться ко мнѣ для приведенія въ исполненіе, при Высочайшемъ указѣ.

«2) Вообще весь мой распорядокъ основанъ на слѣдующемъ обстоятельствѣ: найдя управленіе губернскае совершенно разслабленнымъ отъ несоединимой раздѣльности частей онаго, старался я придать оному силы и часть управительную сосредоточить какъ въ губернскомъ ея составѣ, такъ и въ уѣздномъ учрежденіи Совѣтовъ; найдя полицейскую часть дѣйствующею совсѣмъ безъ надзора, надзоръ сей дѣятельнымъ образомъ усилилъ установленіемъ Полицейской Экспедиціи при Губернскомъ Правленіи и званія Начальника Губернской Полиціи; найдя письменную часть по присутственнымъ мѣстамъ и канцеляріямъ въ великомъ запущеніи и совершенной безъ-извѣстности, старался я привести всѣ дѣла въ ясность и очевидность, введеніемъ повѣрки или контроля всѣмъ письмоводствамъ; найдя въ дѣйствіяхъ мѣсть и лицъ много произвола и безправильности, прилагаю стараніе на всякое обстоятельство, до меня доходящее, не рѣшенія дѣлать, но временное правило дать къ дальнѣйшему руководству въ подобныхъ случаяхъ, и сіе особенно по канцеляріямъ какъ Губернатора, такъ и Генералъ-Губернатора или по частямъ штаба его, ибо при мнѣ канцелярія не составляетъ общаго состава, а токмо отдѣленіе штаба, въ которомъ производятся только дѣла управительныя или дѣла Губернскихъ Совѣтовъ, Губернскихъ Правленій и Палатъ; второе отдѣленіе составляетъ наблюдательная полиція; третіе экспедиція особыхъ учрежденій, какъ-то: заведеній богоугодныхъ, больничныхъ, воспитательныхъ, исправительныхъ, трудолюбія, ученыхъ и статистическихъ; четвертое — часть просительская; пятое — контроль письмоводства; шестое — чиновники особыхъ порученій. Изъ начальниковъ частей сихъ по назначеннымъ дѣламъ составляется при мнѣ Совѣтъ на подобіе Совѣта изъ Директоровъ при Министрѣ. По всѣмъ частямъ и собственнымъ и губернскимъ стараюсь я вводить или установить отвѣтственность, отъ которой многія мѣста и лица совсѣмъ избѣгали. Вотъ въ короткихъ словахъ вся сила мною вводимаго приспособленія, не отклоняя впрочемъ ни одного присутственнаго мѣста, ни одного служащаго лица отъ предполагаемаго ему дѣйствія прежними постановленіями.

«3) Представленные мною проекты уставовъ и губернскихъ и уѣздныхъ Совѣтовъ въ дѣйствіи; но по прошествіи каждаго трехъ мѣсяцевъ пополняются или поправляются сообразно обнаруживаю-

щимся опытностію надобностямъ, удобству и лучшей правильности, которые до сего времени Высочайшимъ утверженіемъ еще не удостоены; но когда ихъ угодно будетъ Его Величеству конфирмовать, то я полагаю, что велѣно будетъ предварительно кому либо разсмотрѣть, и уповательно, тогда и мнѣ приказано будетъ находиться тутъ же для нужныхъ объясненій по сему предмету.

«4) На все сіе устройство вообще расходы совершенно малозначущи, и какъ предполагается ихъ производить изъ остатковъ отъ общественныхъ повинностей, то въ выдачѣ ихъ Государственному Казначейству и затрудненія быть не можетъ; по порученнымъ же мнѣ губерніямъ въ каждой остатокъ находится достаточный, и повинности сіи никому нисколько не отяготительны, ибо платитъ въ годъ вообще на всѣ повинности сіи казенная ревизская дупца по Рязанской губерніи 23½ копѣйки, по Тульской 33, по Орловской 25, по Тамбовской 25 и по Воронежской 63 и 15¾.

«5) Должность Предсѣдателя Уѣзднаго Совѣта по всѣмъ уѣздамъ до сихъ поръ отправляютъ Предводители и не отказываются отъ оныхъ; а жалованье будетъ нужно только въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ Предводитель или самъ отказываться будетъ отъ сей должности, или Начальствомъ признанъ будетъ къ должности сей неспособнымъ».

Сдѣланныя здѣсь разъясненія мысочли долгомъ привести вполне, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ вмѣстѣ изложеніе плана и содержанія проектовъ и инструкцій, составленныхъ Балашовымъ, которые и не требуютъ затѣмъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

При вступленіи на престолъ Императора Николая Павловича, Балашовъ, кромѣ вышеприведенной записки, представилъ Государю обстоятельный отчетъ по своему управленію съ 1820 по 1827 г., съ вѣдомостями, таблицами и другими приложеніями, въ которыхъ впрочемъ, за исключеніемъ уже извѣстнаго изъ сказаннаго выше, находимъ новаго лишь указаніе на лучшее положеніе дѣлъ по всѣмъ частямъ управленія, сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ Генералъ-Губернаторъ засталъ порученныя ему губерніи.

Распоряженій Государя Балашову пришлось ждать недолго. Уже 30-го декабря 1825 г. Статсъ-Секретарь Муравьевъ (Николай Назарьевичъ) увѣдомлялъ его официально, что Императоръ, на докладъ объ отношеніи его къ графу Аракчееву отъ 20-го сентября и о принадлежащихъ къ сему докладу дѣлахъ, находящихся въ Собственной Канцеляріи Его Величества, повелѣтъ соизволилъ сообщить ему, «что какъ Его Величеству неизвѣстны преднамѣре-

нія въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Павловича о вводимомъ имъ (Балашовымъ) новомъ порядкѣ управленія ввѣренныхъ ему губерній, и никакихъ бумагъ покойнаго Государя Императора, которыя бы объяснили поводъ къ таковымъ преднамѣреніямъ, Его Императорское Величество нынѣ въ виду еще не имѣетъ, то посему Его Величество Высочайше соизволяетъ, дабы онъ (Балашовъ) совершенно приостановился введеніемъ такого новаго порядка приспособленія къ общему ходу управленія до личнаго его объясненія съ Его Величествомъ». Къ этому Муравьевъ присовокуплялъ, чтобы до такого объясненія съ Государемъ Балашевъ «никакихъ по сему предмету не дѣлалъ Его Величеству представленій, развѣ только въ случаѣ уже никакого отлагательства времени не терпящемъ, и съ тѣмъ, чтобы оный порядокъ остался дотогѣ точно въ томъ положеніи, въ какомъ въ настоящее время находится».

Не ранѣе однако какъ съ учрежденіемъ Комитета 6-го декабря 1826 года получило осуществленіе желаніе Балашова, чтобы составленные имъ проекты рассмотрѣны были по Высочайшему повелѣнію. Въ числѣ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ покойнаго Императора по устройству губернскаго управленія, въ этотъ Комитетъ поступили на обсужденіе и проекты Рязанскаго Генералъ-Губернатора. вмѣстѣ съ порученіемъ рассмотреть ихъ, Высочайше повелѣно было Комитету пригласить въ свое присутствіе и Балашова — для личныхъ объясненій по управленію ввѣреннымъ ему округомъ. Съ этою цѣлью было назначено особое засѣданіе, которое и происходило 4-го мая 1827 года.

Изъ журнала означеннаго засѣданія видно, что Комитетъ, дабы внимательнѣе обсудить представленные Балашовымъ проекты и его дѣйствія, раздѣлилъ свои заключенія на двѣ части: объ учрежденіи губернскихъ округовъ вообще и о сдѣланныхъ Генералъ-Губернаторомъ перемѣнахъ въ особенности.

«Учрежденіе губернскихъ округовъ — разсуждалъ Комитетъ — представляетъ раздѣленіе Имперіи на 12 областей, образованныхъ такъ, что каждая изъ нихъ должна быть отдѣльною отъ цѣлаго частію, или какъ бы особымъ владѣніемъ». Разсматривая это предположеніе въ отношеніи политическомъ, Комитетъ сомнѣвался, чтобы ожидаемая отъ того польза была дѣйствительна, и опасался даже вредныхъ послѣдствій; въ отношеніи же къ порядку управленія онъ также видѣлъ многія неудобства. «Соединивъ четыре или пять губерній, съ 4 или 5 милліонами жителей, подъ одно началь-

ство, нельзя — заключалъ Комитетъ — надѣяться, чтобы его дѣйствія на столь обширномъ пространствѣ были вездѣ одинаково быстры, чтобы его надзоръ за поступками властей подчиненныхъ былъ вездѣ равно бдителенъ. Сей надзоръ мѣстный, не отдѣленный отъ управленія, не доставлялъ бы Правительству увѣренности, что теченіе дѣлъ въ губерніяхъ и благосостояніе народа соотвѣтствуютъ благотворнымъ его намѣреніямъ. Самая власть Намѣстниковъ, ихъ сношенія съ высшими государственными и низшими губернскими установленіями и многія важныя подробности не опредѣлены Учрежденіемъ; но еслибы сей недостатокъ и былъ дополненъ точными правилами, то назначеніе Намѣстниковъ не могло бы еще оживить разслабленныхъ частей губернскаго управленія и привести ихъ въ надлежащій порядокъ». Но, по мнѣнію Комитета, и повсемѣстное существованіе Генералъ-Губернаторовъ даже въ небольшомъ округѣ, составленномъ изъ двухъ или трехъ губерній, едва ли можетъ привести истинную пользу. Твердость, единство и сила управленія зависятъ отъ совершенства установленій, отъ хорошаго выбора лицъ, а не отъ безмѣрной ихъ власти. Напротивъ того, эти установленія теряютъ свою силу и разрушаются, когда высшіе сановники (какъ сіе нерѣдко бывало) употребляютъ данныя имъ полномочія на то, чтобы затруднять или останавливать законное теченіе дѣлъ и одинъ другому противодѣйствовать. Желаемый порядокъ въ губерніяхъ тогда только учредится, когда будутъ постановлены точныя и единообразныя правила для всѣхъ мѣстъ управленія и суда, когда мѣста сіи зависѣтъ будутъ отъ одного центральнаго верховнаго Правительства, которое бы руководствовало каждымъ по одинаковымъ началамъ и, такъ сказать, единымъ движеніемъ. Тѣмъ не менѣе, Комитетъ полагалъ, что есть нѣкоторыя части Имперіи, гдѣ назначеніе Генералъ-Губернаторовъ можетъ быть полезно. Не говоря о двухъ столицахъ, есть отдаленныя губерніи, въ коихъ необходимы особыя правила для управленія: въ губерніяхъ пограничныхъ мѣстное положеніе и другія обстоятельства обязываютъ начальниковъ заниматься разными посторонними дѣлами, какъ-то: сношеніями политическими, торговыми и проч. Таковы суть губерніи Сибирскія, Оренбургская, Кавказская, Новороссійскій край, Лифляндія, Эстляндія и Курляндія. Всѣ они — говоритъ Комитетъ — должны быть исключены въ семъ отношеніи изъ общаго порядка, для внутренности государства учреждаемаго.

Обращаясь къ собственнымъ предположеніямъ Балашова, отчасти уже приведеннымъ въ дѣйствіе въ его округѣ, Комитетъ

нашелъ, что они не совсѣмъ сходствуютъ съ общимъ планомъ устройства 12 областей и еще менѣе того могутъ принести пользы. Указывая на то, что образованіе губернскаго управленія, сперва введенное Балашевымъ на три мѣсяца, *для испытанія*, и впоследствии продолженное, не почиталось и имъ самимъ *за установленіе прочное*; а съ другой стороны, что, «не бывъ основано (какъ объяснялъ самъ Генераль-Губернаторъ) на зрѣломъ разсмотрѣніи всѣхъ частей государственнаго управленія, оно не могло быть соображено съ высшими и низшими установленіями, да и чтеніе бумагъ Балашова удостовѣряетъ, что многія общія правила, кои онъ при семъ руководствовался, не совсѣмъ основательны,—Комитетъ остановился на томъ заключеніи, что хотя нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшнее устройство губерній недостаточно, но исправленіе сихъ недостатковъ должно быть коренное, объемлющее вдругъ всѣ части мѣстнаго управленія. Порядокъ, еще сохранившійся отъ изданнаго за 50 лѣтъ предъ симъ учрежденія, не долженъ быть потрясаемъ частыми и не зрѣло обдуманними пережѣнами. Соглашаясь съ тѣмъ, что необходимо сосредоточить въ одномъ мѣстѣ — но не въ одномъ лицѣ — всѣ части управленія въ губерніи, усилить надзоръ полиціи, утвердить общественную безопасность, положить преграду злоупотребленіямъ и угѣсненію, Комитетъ полагалъ однако, что сего нельзя было достигнуть тѣми поверхностными средствами, какія употреблены Балашовымъ: въ учрежденных имъ Губернскихъ Совѣтахъ всѣ части не сосредоточены, а смѣшаны; Совѣты Уѣздные не могутъ имѣть никакого дѣйствія; Губернскіе Полицмейстеры и ихъ помощники при Губернаторѣ и хорошо устроенныхъ городскихъ и земскихъ полиціяхъ бесполезны; совокупное движеніе всѣхъ сихъ властей должно замедлять и затруднять теченіе дѣлъ напрасными совѣщаніями и перепискою; многія могутъ быть признаны излишними. Наконецъ, приводя собственные слова Балашова, что онъ учреждалъ свое образованіе такъ, чтобы однимъ Высочайшимъ указомъ возможно было привести все въ прежнее положеніе; «что для сего достаточно будетъ повелѣть Губернскимъ и Уѣзднымъ Совѣтамъ не собираться, а Предсѣдателей Губернскихъ Правленій и Губернскихъ Полицеймейстеровъ опредѣлить къ другимъ должностямъ», — Комитетъ замѣтилъ, что это одно доказываетъ съ очевидностью, что разныя части управленія не были приняты Балашовымъ въ надлежащее соображеніе при сдѣланныхъ имъ уновленіяхъ.

По всѣмъ симъ причинамъ Комитетъ полагалъ, что было бы

полезно возстановить въ губерніяхъ Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской и Воронежской порядокъ, существовавшій до 1819 года.

На журналѣ засѣданія того дня, представленномъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ и другіе журналы Комитета, Государю, сдѣлана слѣдующая надпись рукою графа Кочубея: «Его Императорское Величество, Высочайше апробовавъ журналъ сей, повелѣтъ извоилтъ: заготовить немедленно рескриптъ на имя Генерала Балашова объ уничтоженіи введеннаго имъ въ губерніяхъ, ему ввѣренныхъ, на основаніи собственнаго его о семъ предложенія и съ тѣмъ, чтобъ чиновники, за упраздненіемъ новыхъ мѣстъ остаться имѣющіе, получали жалованье до опредѣленія ихъ къ другимъ мѣстамъ. Въ Царскомъ Селѣ. Юня 8-го 1827 г.»

Въ связи съ этимъ осужденіемъ дѣятельности Балашова Комитетомъ 6-го декабря, слѣдуетъ указать на сохранившуюся въ бумагахъ Комитета записку: «О неудобствахъ новаго образованія губерній вѣдомства Генералъ - Губернатора Балашова». Впрочемъ, неизвѣстный авторъ касается въ этой запискѣ лишь неудобствъ, происходящихъ отъ нововведеній Генералъ - Губернатора относительно Губернскихъ Правленій и отъ учрежденія имъ должностей Начальника Губернской Полиціи и его помощника, доказывая, что первыми нарушено единство дѣйствій означенныхъ Правленій, а вторымъ смѣшаны части исполнительная и распорядительная, чѣмъ самымъ ослаблена законная власть губернатора надъ подчиненными и умножена переписка составленіемъ многочисленныхъ вѣдомостей и излишними донесеніями.

4. Разные проекты и предложенія, касающіеся губернскаго управленія, переданные въ Комитетъ 6-го декабря по Высочайшему повелѣнію, и относящіеся къ нпмъ журналы Комитета.

а) Первое мѣсто между этими проектами занимаетъ представленное *неизвѣстнымъ* *) авторомъ пресвосходное и весьма обширное «Разсужденіе объ учрежденіи губерній».

*) Такъ называется сочинитель настоящей записки въ журналахъ Комитета 6-го декабря; но, основываясь на томъ, что по обсужденіи ея въ Комитетѣ Высочайше повелѣно было изъяснить благоволеніе Государя Статсъ-Секретарю Балугьянскому и Генералу Желтухину, котораго другая записка тогда же разсматривалась въ Комитетѣ, слѣдуетъ, кажется, иссомнѣнно заключить, что она принадлежитъ Балугьянскому.

Разсужденіе это состоитъ изъ статьи «объ учрежденіи управленій въ губерніяхъ» и изъ «приложеній». Первую составляютъ: краткое введеніе; взглядъ (историческій) на существующее нынѣ учрежденіе губерній; соображенія объ удобствѣ и неудобствѣ настоящаго учрежденія; изложеніе основаній, на коихъ авторъ полагаетъ учредить управленіе губернскихъ мѣстъ и указанія на средства къ исправленію недостатковъ въ существующемъ нынѣ губернскомъ управленіи. Главнымъ основаніемъ предполагаемыхъ измѣненій принимается отдѣленіе одного отъ другаго разныхъ управленій, именно: финансоваго, административнаго и судебнаго. При этомъ, оставая въ главѣ правительственной власти въ губерніи Губернатора, авторъ особенно сильно доказываетъ, что судебное вѣдомство должно быть внѣ всякаго вліянія этой власти. «Всякой — говорить онъ — чувствуетъ, что тамъ, гдѣ правительственная власть (Губернаторъ) можетъ дать повелѣніе судьямъ судить то или другое, пересматривать ихъ приговоры, остановить исполненіе, тамъ не законъ царствуетъ, а произволъ. Въ цѣлой Европѣ, безъ всякаго изъятія, да и у Римлянъ, и въ древней Греціи судная часть отдѣлена была отъ правительственной и не только, чтобы начальники сей послѣдней могли составлять или пересматривать ихъ рѣшенія, они обязаны исполнять ихъ приговоры безпрекословно. Только у дикихъ, необразованныхъ народовъ соединяетъ одинъ начальникъ всѣ власти. Судная власть сама по себѣ составляетъ одну изъ трехъ главныхъ частей верховной власти. Всѣ прочія управленія суть только подраздѣленія части исполнительной; слѣдовательно, судная власть занимаетъ послѣ законодательной второе мѣсто въ государствѣ. Она можетъ имѣть равное мѣсто съ управляющими мѣстами: величество закона требуетъ, чтобы приговорамъ оной повиновались всѣ прочія управленія». Что касается могущихъ быть неправильныхъ приговоровъ, то для исправленія ихъ — продолжаетъ авторъ — «существуетъ по гражданскимъ дѣламъ аппелляція, а по уголовнымъ ревізія въ высшихъ степеняхъ суда. На что же вѣшаніе губернатора, мало или совсѣмъ несвѣдущаго въ законахъ, или по крайней мѣрѣ незнающаго производство всего дѣла, о которомъ онъ судить долженъ? Если общая жалоба, что законы не исполняются, имѣетъ какую-то основательность, то причина оной состоитъ въ совершенной ничтожности судейской власти».

Высшими судебными мѣстами въ губерніи предполагается оставить Палаты. Составъ ихъ однако долженъ быть измѣненъ въ слѣдующемъ видѣ: первый предсѣдатель и два предсѣдателя — одинъ

Гражданской, другой Уголовной Палаты; въ каждой до пяти *судей*, вмѣсто обыкновеннаго ихъ званія совѣтниковъ; одинъ Актуаріусъ (*greffier*), Прокуроръ, Стряпчій и Приставы (*huissiers*). Предметъ ихъ занятій изображается такъ: «Судьи *судятъ*, но не управляютъ, и производятъ дѣла, которыя имъ по уставу судопроизводства предоставлены. Прокуроръ есть око Министра Юстиціи, но только по суднымъ дѣламъ: онъ производитъ казенныя тяжбы, преслѣдуетъ преступниковъ, наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ. Входитъ въ Казенную Палату или въ Губернское Правленіе для надзора ему запрещается. Приставы опредѣляются при каждомъ Судѣ для производства судной полиціи».

Относительно губернскаго управленія вообще, авторъ приходитъ въ своей запискѣ къ слѣдующему заключенію: «Разграниченіе управленія Россійской Имперіи оставляется въ предѣлахъ существующихъ нынѣ губерній. Однакожъ, на прозорливость разумнаго Правительства представляется, не угодно ли будетъ округъ Судебныхъ Палатъ распространить на двѣ губерніи и съ тѣмъ сократить также и число Уѣздныхъ Судовъ. Во внутри Имперіи не предполагаются никакія среднія власти между высшимъ правительствомъ и губернскими управленіями: нѣтъ ни Генералъ-Губернаторовъ, ни Главныхъ или Губернскихъ Совѣтовъ, обнимающихъ всѣ части управленія. Среднія управленія въ губерніяхъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Министерствъ по принадлежности суть: 1) Губернское Правленіе; 2) Казенная Палата; 3) Палаты Суда. Каждое изъ сихъ мѣстъ имѣетъ въ уѣздахъ, въ городахъ и селахъ подчиненныя себѣ мѣста, и каждое изъ нихъ непосредственно зависитъ отъ того Министра, коего дѣла производитъ. Форма производства дѣлъ въ каждомъ изъ сихъ мѣстъ предполагается быть коллегіальная, съ предоставленіемъ власти исполнительной начальнику; но въ управленіяхъ, гдѣ дѣло идетъ только объ исполненіи, какъ-то: по полиціи, по управленію разныхъ частей финансовъ, производство предполагается одному лицу безъ установленія коллегіи». При этомъ авторъ особенно оговаривается, что судная власть совершенно изымется изъ-подъ власти Губернатора и Губернскаго Правленія или Совѣта и т. п.; что Судныя Палаты зависятъ по суду отъ Судебнаго Сената, а по управленію отъ Министра Юстиціи, и что наконецъ опредѣляемые для надзора за производствомъ судныхъ дѣлъ Прокуроры и Стряпчіе (*Ministère public*) не имѣютъ никакой власти или отношенія по дѣламъ губернскаго и казеннаго управленія.

Приложенія къ разсматриваемой статьѣ заключаютъ въ себѣ

три отдѣльныя записки, изъ коихъ въ первой авторъ предлагаетъ черты Губернскаго Правленія; во второй—черты казеннаго управленія; въ третьей—черты судебного устройства. Въ запискѣ о Губернскомъ Правленіи излагаются его предметы, составъ, степень и предѣлы власти и образъ производства дѣлъ. Подъ заглавіемъ — черты казеннаго управленія, авторъ дѣлаетъ обзоръ нынѣшняго казеннаго управленія, указываетъ на основаніе его учрежденія и затѣмъ, обращаясь къ Казенной Палатѣ, излагаетъ ея составъ, предметы, степень и предѣлы власти и производство въ ней дѣлъ. Что касается до третьей записки, относящейся къ судебной части, то считаемъ долгомъ сказать нѣсколько подробнѣе о ея содержаніи, такъ какъ авторъ подходитъ въ этой запискѣ очень близко къ тѣмъ преобразованіямъ по судебному вѣдомству, которыя осуществились въ послѣднее время съ изданіемъ и введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года. Впрочемъ, имѣя въ виду, что его сужденія и выводы относятся преимущественно до высшихъ инстанцій суда, мы не коснемся той части записки, гдѣ излагаются правила о судахъ первой инстанціи (Уѣздныхъ и Магистратахъ, Надворныхъ, Коммерческихъ и проч.) и другихъ низшихъ, хотя авторъ останавливается и на нихъ съ тою же подробностью и отчетливостію, съ какими излагаетъ въ своемъ первомъ приложеніи управленіе уѣздное, а во второмъ — подчиненныя Казенной Палатѣ учрежденія въ уѣздахъ, городахъ, волостяхъ и селахъ.

Существенныя черты предполагаемыхъ авторомъ преобразованій въ высшихъ инстанціяхъ суда заключаются въ слѣдующемъ: 1) каждое дѣло, какъ гражданское, такъ и уголовное, имѣетъ только двѣ инстанціи: первую, гдѣ дѣло судится въ первой степенн, т. е. предварительно, и вторую, гдѣ оно по апелляціи вершится окончательно; каждое второе мѣсто противъ слѣдующаго за нимъ низшаго составляетъ вторую степень или апелляціонный судъ; 2) перевершеніе въ третьей степенн суда дѣлъ рѣшенныхъ въ судѣ второй степенн не допускается, ибо изъ сего происходятъ только волокиты; вмѣсто сего полагается учредить верховный судъ (Судебный Сенатъ), которому не судить уже о существѣ тяжбы или судьбѣ подсудимаго по апелляціи, но уничтожить производство въ случаѣ неправильнаго примѣненія закона къ дѣлу или нарушенія формы и велѣтъ разсмотрѣть дѣло другому суду (cour de cassation); 3) никакое судное дѣло не вносится въ Государственный Совѣтъ; 4) всѣмъ судамъ высшимъ и меньшимъ не зависѣтъ отъ какой ни-

будь власти, кромѣ власти Судебнаго Сената, коему они непосредственно въ порядкѣ постепенности подчинены быть должны; 5) никакое судебное дѣло не вносить на Высочайшее усмотрѣніе и разрѣшеніе, кромѣ уголовныхъ приговоровъ къ лишенію жизни или чести дворянъ; случаевъ оскорбленія Величества и измѣны; случаевъ объ имуществахъ Царской фамилиі; случаевъ, въ кои дозволяется Высочайшее помилованіе; 6) судьи опредѣляются Высочайшею властью по жизни и не иначе могутъ мѣсть своихъ лишаться, какъ по судебнымъ приговорамъ (*inamovibles*); 7) въ виду высокаго значенія суда, первый Предсѣдатель Судной Палаты состоитъ въ 3-мъ, Предсѣдатели въ 4-мъ, Судьи и Оберъ - Прокуроръ (Палаты) въ 5-мъ, Актуаріусъ въ 6-мъ классѣ.

Для совершенія разныхъ актовъ авторъ полагаетъ, подѣ въ дѣніемъ Министерства Юстиціи, но отдѣльно и независимо отъ судовъ (дабы симъ послѣднимъ не приходилось судить, въ случаѣ неправильнаго совершенія акта, о своихъ дѣйствіяхъ или о дѣйствіяхъ своихъ подчиненныхъ) учредить Герольдію, Конторы крѣпостныхъ дѣлъ, Маклеровъ и Нотаріусовъ, не указывая однако ни на какія подробности этихъ учрежденій.

Съ развитіемъ основаній, здѣсь изложенныхъ, въ каждой изъ отдѣльныхъ частей разсматриваемаго труда мы ознакомимся ближе изъ обзора бывшихъ о нихъ разсужденій въ Комитетѣ 6-го декабря; почему и переходимъ къ относящимся сюда журналамъ этого Комитета.

По важности предмета, Комитетъ почелъ долгомъ разсмотрѣть особенно внимательно соображенія и выводы, предложенныя въ настоящемъ разсужденіи, и вслѣдствіе этого посвятилъ обсужденію его засѣданія 15, 19, 22, 26 и 29 февраля и 4 марта 1828 года. Съ своей стороны полагаемъ необходимымъ изложить послѣдовательно и отчетливо выраженные въ этихъ журналахъ мысли и заключенія касательно разныхъ предметовъ губернскаго управленія, тѣмъ болѣе, что они послужили исходною точкою въ некоторыхъ важныхъ, предпринятыхъ вслѣдъ затѣмъ преобразованій въ казенномъ управленіи.

Прежде всего Комитетъ остановился на предлагаемомъ авторомъ разсужденія отдѣленія прокурорскаго надзора въ отношеніи къ мѣстамъ судебнымъ отъ совмѣстнаго наблюденія по управленіямъ губернскому и финансовому. Соглашаясь, что «при нынѣшнемъ образованіи правительственной части въ губерніяхъ, требующей возможнаго единства въ исполненіи и формъ самыхъ простыхъ и крат-

кихъ, вліяніе Прокурора на дѣйствія Губернскаго Правленія и Казенной Палаты можетъ препятствовать скорому и успѣшному теченію дѣлъ», Комитетъ отложилъ однако до другаго времени сужденіе о томъ, нуженъ ли будетъ таковой надзоръ по части правительственной при новомъ устройствѣ Губернскаго Правленія и, если бы онъ признанъ былъ необходимымъ, то на какомъ основаніи долженъ быть учрежденъ. Что же касается до надзора по дѣламъ тяжбынымъ и суднымъ, учрежденнаго внѣ каждаго присутственнаго мѣста и непрестанно наблюдающаго за точнымъ исполненіемъ всѣхъ обрядовъ судопроизводства, то Комитетъ, признавая пользу такого надзора, тѣмъ не менѣе полагалъ, что для устранения встрѣчающихся при семъ неудобствъ, а иногда и злоупотребленій, слѣдуетъ придать болѣе правильности его дѣйствіямъ, ввѣривъ блюстительную власть не одному лицу, которое въ такомъ случаѣ было бы поставлено выше судебныхъ мѣстъ, а коллегіальному учрежденію, и именно можетъ быть тому, которому предполагается поручить разрѣшеніе частныхъ жалобъ, съ властью не только обнаруживать дѣйствія, противныя законному порядку, но и останавливать ихъ, не переступая лишь предѣлы, какіе будутъ ей назначены.

Обращаясь къ разсужденію о значеніи Губернаторовъ и ихъ власти, Комитетъ выразилъ, что собственное его заключеніе о сохраненіи Генераль - Губернаторовъ только въ обѣихъ столицахъ и въ пограничныхъ губерніяхъ по журналу 4-го мая 1827 года уже удостоено Высочайшаго утвержденія; а въ губерніяхъ внутреннихъ той же цѣли, которая имѣлась въ виду при установленіи Намѣстниковъ, можно достигнуть усиленіемъ власти Губернскаго Правленія и Губернатора, долженствующаго быть, по словамъ учрежденія, истиннымъ *хозяиномъ* своей провинціи.

Соображенія автора разсматриваемой записки о необходимости отдѣленія въ губерніи казеннаго управленія отъ вѣдомства административнаго подали Комитету поводъ войти въ обсужденіе вопроса: въ какомъ отношеніи должно находиться Губернское Правленіе къ Казенной Палатѣ?

Поставляя на видъ, что Казенной Палатѣ принадлежитъ власть распорядительная по финансамъ Государства, Комитетъ находилъ, что при этомъ самостоятельномъ ея значеніи, совершенное соединеніе ея съ Губернскимъ Правленіемъ повлекло бы за собою многія неудобства; но какъ во всемъ, что относится до финансовой полиціи, Казенная Палата имѣетъ необходимыя и частыя сношенія съ означеннымъ мѣстомъ и какъ отъ непосредственнаго влія-

нія его на важнѣйшія изъ дѣлъ, присвоенныхъ Палатѣ, нельзя не признать очевидной пользы, и притомъ по существующимъ законамъ есть случаи, которыхъ Палата не имѣетъ права рѣшить безъ Губернатора, то для лучшаго устройства сей части, по мнѣнію Комитета, надлежало бы, вмѣсто такого личнаго участія губернаторскаго, допустить *соединенное присутствіе* Правленія и Палаты по всѣмъ дѣламъ особенной важности или требующимъ общаго соображенія по части финансовой и полицейской. «Тогда—заключалъ Комитетъ — о каждомъ подобномъ дѣлѣ было бы разсуждаемо не только въ отношеніи ко временнымъ выгодамъ казны, но и къ постоянной, истинной ея пользѣ, основанной на пользахъ частныхъ; а мѣры къ исполненію были бы приемлемы съ общаго согласія и не продолжая времени напрасною перепискою». Къ сему Комитетъ присовокупялъ, что и въ дѣлахъ текущихъ, по коимъ Губернскому Правленію и Казенной Палатѣ будетъ предоставлено дѣйствовать отдѣльно, весьма нужно сократить формы сношеній между этими двумя мѣстами: медленность и крайняя осмотрительность, необходимыя при дѣлопроизводствѣ въ Судахъ, были бы излишни и вредны въ перепискѣ между мѣстами правительственными.

Находя, что и судную полицію — вопреки мнѣнія автора записки, что она не можетъ быть предметомъ правительственнаго мѣста — было бы весьма затруднительно отдѣлить совершенно отъ собственно такъ-называемаго благочинія, но въ то же время признавая необходимость въ правильнѣйшемъ устройствѣ полицейской части, Комитетъ полагалъ полезнымъ, при образованіи уѣзднаго управленія, раздѣлить Нижніе Земскіе Суды на три отдѣленія, соотвѣтственно главнымъ назначеніямъ Полиціи въ отношеніи къ благочинію, къ исполненію судебныхъ приговоровъ и къ финансамъ, такъ чтобы каждое изъ нихъ занималось исключительно своею частью; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ находилъ, что и начальники Нижнихъ Земскихъ Судовъ должны уже быть чиновниками значительными, пребывающими постоянно въ уѣздномъ городѣ для общаго наблюденія за дѣйствіями отдѣленій и не обязанными разъѣзжать по округу для маловажныхъ слѣдствій.

Сужденія сочинителя записки о разныхъ формахъ Губернскаго Управленія — исполнительной, коллегіальной и смѣшанной, подали поводъ къ вопросу: которая изъ нихъ должна быть избрана для новаго устройства губерній? Комитетъ, избравъ уже, съ Высочайшаго утвержденія, при общемъ учрежденіи Министерствъ, *форму смѣшанную* и желая дать всѣмъ частямъ государственнаго управ-

ленія возможное единообразіе, принялъ и здѣсь за основаніе тотъ же порядокъ. Посему, не приступая еще къ подробному опредѣленію сношеній Начальника губерніи съ Губернскимъ Правленіемъ, онъ постановилъ касательно власти Губернатора слѣдующія правила: 1) когда Губернаторъ будетъ согласенъ съ мнѣніемъ всѣхъ членовъ Губернскаго Правленія, или же большинства ихъ, то рѣшеніе исполняется узаконеннымъ образомъ; 2) когда Губернаторъ не согласится съ опредѣленіемъ Губернскаго Правленія, по большинству голосовъ или единогласно состоявшимся, то имѣетъ право остановить исполненіе рѣшенія и немедленно представить дѣло на разсмотрѣніе того Министерства, до коего оно по существу своему принадлежитъ; 3) въ случаяхъ важныхъ, когда нужны рѣшительныя мѣры и когда, по его мнѣнію, невозможно безъ очевиднаго вреда отложить оныя до высшаго разрѣшенія, Губернаторъ имѣетъ право принять ихъ и вопреки опредѣленію Губернскаго Правленія, отвѣтствуя тогда какъ за самую мѣру, такъ и за ея поспѣшное исполненіе, и въ то же время доносить о томъ надлежащему Министерству; 4) всѣ таковыя несогласія между Губернаторомъ и Губернскимъ Правленіемъ въ обоихъ вышеозначенныхъ случаяхъ, дошедъ до Министерства, должны быть разсмотрѣны въ Совѣтѣ его установленнымъ порядкомъ, хотя бы по существу своему туда и не слѣдовали.

Власть, предоставляемую Губернаторамъ, Комитетъ полагающу необходимымъ ввѣрять Предсѣдателю Казенной Палаты, на томъ основаніи, что, въ случаѣ разногласія съ своими членами, онъ можетъ вносить дѣло на разрѣшеніе въ Общее Присутствіе Губернскаго Правленія и Казенной Палаты, предположенное выше.

Разбирая въ частности приложеніе, названное авторомъ «Черты Губернскаго Правленія», Комитетъ полагаетъ: а) что попеченіе о колонистахъ и надзоръ за ними должны принадлежать къ составу губернскаго управленія, и что посему можно бы, сохранявъ конторы, колоніями завѣдывающія, и давъ имъ свойственное устройству губерній образованіе, упразднить Комитетъ Попечительный, съ чѣмъ уменьшились бы расходы и уничтожилось бы особое вѣдомство, не приносящее никакой пользы; б) что всѣ дѣла по смѣтѣ и раскладкѣ земскихъ повинностей могутъ быть производимы не въ особомъ Комитетѣ, по настоящему порядку, но въ самомъ Губернскомъ Правленіи, съ тѣмъ однакоже, чтобы къ сему производству примѣнены были наблюдаемыя нынѣ правила и чтобы въ немъ участво-

вали всѣ лица, присутствующія въ Губернскихъ Комитетахъ для земскихъ повинностей.

Въ отношеніи состава Губернскихъ Правленій, Комитетъ замѣтилъ, что число Совѣтниковъ и Ассессоровъ не можетъ быть вездѣ одинаково, и что надлежитъ его сообразить въ каждой губерніи съ ея пространствомъ, народонаселеніемъ и мѣстными нуждами, предполагая однако, что нигдѣ не должно быть менѣе трехъ Совѣтниковъ и одного Ассессора. Изъ нихъ каждый долженъ быть главнымъ производителемъ дѣлъ по какой либо особенной части и докладывать по нимъ присутствію; но по сему главному производству ему не можетъ быть присвоено лично никакой власти, кромѣ собранія нужныхъ справокъ и принятія бумагъ къ свѣдѣнію. Впрочемъ, по мнѣнію Комитета, слѣдуетъ предоставить Губернатору право мѣнять между Совѣтниками назначенныя имъ части.

Канцелярію Губернскаго Правленія Комитетъ предполагалъ образовать изъ трехъ отдѣленій, соотвѣтственно существенному раздѣленію Полиціи: благочинія, судебно-исполнительной и финансовой. При каждомъ отдѣленіи долженъ находиться Секретарь и, сверхъ того, одинъ Секретарь при Губернаторѣ, для дѣлъ, въ особенности ему поручаемыхъ.

Касательно степени власти, принадлежащей Губернскому Правленію, члены Комитета признали, что оно, управляя именемъ Императорскаго Величества, должно получать указы лишь отъ Сената; Министры и Главноначальствующіе даютъ ему предложенія, каждый по своей части; но опредѣленія его никто, кромѣ Сената, отнѣнить не можетъ; съ своей стороны Губернское Правленіе всѣмъ подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ даетъ указы, и въ томъ числѣ Собранію Градскихъ Обществъ; Дворянскому Депутатскому Собранію посылаетъ предложенія, а съ Приказомъ Общественнаго Призрѣнія сносится посредствомъ Губернатора, какъ общаго ихъ Предсѣдателя.

Нижній Земскій Судъ, согласно предложенію автора записки, какъ мѣсто не судебное, Комитетъ полагалъ переименовать, но не *Уѣзднымъ Правленіемъ*, желая предоставить имя Правленія однимъ высшимъ мѣстамъ въ губерніи, а *Уѣздною Управою*, вмѣстѣ съ чѣмъ и начальникъ ея долженъ былъ получить названіе *Уѣзднаго Исправника*. Засимъ, въ дополненіе къ тому, что предположено было относительно состава Нижнихъ Земскихъ Судовъ и возвышенія должности Начальниковъ Уѣздной Полиціи, Комитетъ постановилъ: 1) Уѣздная Управа должна состоять изъ Уѣзднаго Исправника и шести

Засѣдателей, по два въ каждомъ отдѣленіи; впрочемъ, число это можетъ быть измѣняемо по мѣстнымъ соображеніямъ; 2) изъ сихъ Засѣдателей четверо могутъ во всякое время быть въ отлучкѣ изъ города по дѣламъ Управы, а двое должны оставаться при Исправникѣ для составленія присутствія, кромѣ случаевъ чрезвычайныхъ; 3) для отвращенія напрасной медленности будетъ дано, какъ Исправнику, такъ и Засѣдателямъ болѣе, по возможности, власти въ производствѣ на мѣстѣ дѣлъ простыхъ и неважныхъ и при точномъ исполненіи предписаній Начальства; 4) званіе Уѣзднаго Исправника будетъ сравнено съ званіемъ Совѣтника Губернскаго Правленія или Палаты, и 5) Уѣздный Исправникъ и Засѣдатели Управы будутъ опредѣляемы по выборамъ отъ дворянства, на основаніи правилъ, которыя будутъ начертаны при разсмотрѣніи Общаго Положенія о выборахъ. Наконецъ, для установленія необходимой связи въ дѣлахъ и распоряженіяхъ Уѣзднаго Управленія вообще, а также для возвышенія званія Начальника Управы, Комитетъ разсуждалъ, что сему послѣднему должно будетъ поручить, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и предсѣдательство *Уѣзднои Городской Управы*, коей составъ, цѣль и кругъ дѣйствія будутъ опредѣлены впоследствии. Въ семъ предположеніи Комитетъ замѣтилъ, что *Городничіе*, уже не завися непосредственно отъ Губернскихъ Правленій и Губернаторовъ, будутъ главными помощниками Уѣздныхъ Исправниковъ по управленію города, но однакоже сохраняя право, въ дѣлахъ менѣе важныхъ и въ тѣхъ, которыя не терпятъ отлагательства, дѣйствовать безъ особеннаго разрѣшенія Начальства.

Наконецъ, разсуждая о предположеніяхъ неизвѣстнаго автора въ отношеніи къ волостному управленію, Комитетъ нашелъ, что учрежденіе Земскихъ Коммиссарствъ изъ нѣсколькихъ волостей (каждое подъ управленіемъ Земскаго Коммиссара, опредѣляемаго на неограниченное время въ казенныхъ волостяхъ Губернскимъ Правленіемъ, а въ помѣщичьихъ по выбору дворянства того уѣзда изъ дворянъ или чиновниковъ той губерніи) не принесло бы никакой существенной пользы и что, за недостаткомъ надежныхъ чиновниковъ, оно едвали и возможно. «По мнѣнію членовъ, вмѣсто сего, должно будетъ, съ особеннымъ вниманіемъ, по соображеніи полныхъ и точныхъ справокъ о состояніи казенныхъ крестьянъ, заняться начертаніемъ хорошаго устройства самихъ Волостныхъ Правленій и, не постановляя новыхъ среднихъ начальствъ между крестьянами и начальствами уѣздными, только для охраненія поселенъ отъ дѣйствія злоупотребленій, дать Уѣзднымъ Предводите-

лямъ Дворянства нѣкоторое право, такъ сказать, покровительства и заступленія въ государственныхъ, также какъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Сіе право и проистекающая отъ онаго обязанность Предводителей заключалась бы въ томъ, что, не вмѣшиваясь во внутреннія хозяйственныя распоряженія волостей и вотчинъ, но тщательно надзирая за соблюденіемъ общаго, законами установленнаго, порядка, а по мѣрѣ надобности и руководствуя или предостерегая своими замѣчаніями и совѣтами, они могли бы, въ случаѣ важныхъ нарушеній сего порядка или достойныхъ вѣроятія жалобъ на притѣсненія, доводить о томъ чрезъ Губернскаго Предводителя до свѣдѣнія главнаго начальства губерніи».

Разсмотрѣніе втораго приложенія автора разсужденія объ учрежденіи губерній, подъ названіемъ «Черты казеннаго управленія», дало поводъ Комитету въ отношеніи къ формѣ казеннаго управленія, къ составу Казенныхъ Палатъ и степени ихъ власти постановить слѣдующія предварительныя правила: 1) форма казеннаго управленія должна быть *стѣпанная*, сообразно съ тою, какая уже предназначена для Министерствъ и вообще для всей правительственной части; 2) Казенная Палата будетъ состоять изъ Предсѣдателя, нѣсколькихъ Совѣтниковъ и Ассессоровъ; изъ нихъ каждый будетъ управлять своею особенною частью, слѣдуя распредѣленію между ними дѣлъ, производимыхъ въ Палатѣ; 3) степень и предѣлы власти Казенной Палаты должны быть тѣ же, какія назначены для Губернскаго Правленія, съ нужными ограниченіями относительно переноса важнѣйшихъ дѣлъ въ *Общее Присутствіе* этихъ двухъ правительственныхъ мѣстъ.

Особенное вниманіе при обсужденіи казеннаго управленія Комитетъ обратилъ на управленіе казенными крестьянами. Указывая на прежнюю свою мысль, изложенную въ журналѣ 28-го сентября 1827 г. и удостоенную Высочайшаго одобренія, онъ настаиваетъ на необходимости составить Комиссію изъ опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ людей для начертанія плана этого управленія. Въ разъясненіе большаго значенія, которое должны имѣть для государства труды означенной Комиссіи, онъ приводитъ тотъ доводъ, что отъ ея успѣховъ будетъ зависѣть и умноженіе доходовъ государства и благосостояніе многочисленнаго класса народа, подверженнаго разнымъ беспорядкамъ и утѣсненіямъ. Вотъ почему Комитетъ, обращая съ одной стороны вниманіе на то, что въ Комиссіи должень быть членъ отъ Министерства Финансовъ по назначенію самого Государя, по внесенію же трудовъ ея въ Коми-

теть, при разсмотрѣніи ихъ долженъ присутствовать Министръ Финансовъ, съ другой стороны требуетъ, чтобы составленіе и открытіе предполагаемой Комиссіи послѣдовало сколь можно скорѣе.

Послѣднее приложение къ разсматриваемой запискѣ — «Черты судебного устройства» — побудило Комитетъ къ подробнымъ разсужденіямъ о количествѣ инстанцій судебныхъ мѣстъ, объ устройствѣ Судебныхъ Палатъ, исполненіи судебныхъ приговоровъ и безапелляціонномъ рѣшеніи дѣлъ по взаимному согласію тяжущихся.

Предположеніе учредить для дѣлъ тяжбныхъ и уголовныхъ лишь двѣ инстанціи — Уѣздные и Губернскіе Суды, Сенату же предоставить, въ случаѣ апелляцій и жалобъ, только пересмотръ и уничтоженіе, а не исправленіе или измѣненіе рѣшеній, Комитетъ находилъ основательнымъ только въ смыслѣ теоретическомъ. «Порядокъ этотъ — разсуждалъ онъ — едвали можетъ когда либо быть введенъ въ Россіи, какъ по состоянію и самому, по необходимости, недостаточному составу нашихъ Губернскихъ Судовъ, такъ и по множеству ихъ и отдаленности отъ столицъ; наконецъ и вообще по трудности установить совершенно новое, почти никому у насъ неизвѣстное и лишь однимъ примѣромъ Франціи оправдаваемое правило для теченія дѣлъ судныхъ».

Но, считая, такимъ образомъ, за лучшее остаться при прежнихъ инстанціяхъ, Комитетъ вполне одобрилъ мысль учредить одну Судную Палату для двухъ или даже трехъ губерній и одинъ Уѣздный Судъ для нѣсколькихъ уѣздовъ. Это уменьшеніе числа Судовъ доставило бы, по мнѣнію его, ту важную выгоду, что и правительство, и общества дворянскія и купеческія могли бы, не опасаясь остановки въ отправленіи дѣлъ, быть гораздо строже въ выборѣ назначаемыхъ въ судьи и производители чиновниковъ; притомъ же и жалованье ихъ могло бы быть увеличено безъ обремененія казны. Точно также Комитетъ призналъ полезнымъ, вмѣсто двухъ Судовъ, уголовного и гражданскаго, учредить одинъ *Губернскій Судъ*, однакоже раздѣленный по свойству дѣлъ на два Департамента или двѣ Палаты, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ будутъ имѣть *Общія Присутствія*. Составъ этихъ Палатъ или Департаментовъ, по предварительному заключенію Комитета, долженъ быть одинаковъ въ обѣихъ. Въ каждой, уголовной и гражданской, будутъ назначаемы Правительствомъ Предсѣдатель, два Совѣтника и два Ассессора и, сверхъ того, избираемые дворянствомъ и купечествомъ четыре Засѣдателя. Въ Общихъ Присутствіяхъ обѣихъ Палатъ первое мѣсто будетъ занимать старшій изъ Предсѣдателей.

Касательно исполненія приговоровъ Губернскаго Суда и его Департаментовъ Комитетъ постановилъ, также предварительно, слѣдующія правила: 1) *по дѣламъ уголовнымъ*, что они должны быть раздѣлены по степенямъ преступленій, и когда рѣшеніемъ Палаты обвиняемый не присуждается къ *казни*, т. е. къ лишенію жизни, чести или къ тяжкому тѣлесному наказанію, то сіе рѣшеніе немедленно исполняется; но когда осуждаемый подвергается *казни*, то дѣло его прежде поступаетъ на ревизію въ Общее Присутствіе Губернскаго Суда, и Губернаторъ, если онъ обязанъ исполнить приговоръ, можетъ въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, или при явной, достовѣрно ему извѣстной несправедливости рѣшенія, остановить его дѣйствіе, принимая это на свою личную отвѣтственность и безъ малѣйшаго отлагательства донося о томъ Сенату; 2) *по дѣламъ гражданскимъ*, что въ иныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, когда рѣшеніе Палаты во всѣхъ статьяхъ совершенно сходно съ рѣшеніемъ Уѣзднаго Суда, или когда оно произнесено безъ разногласія между членами и во время производства дѣла не было подано жалобы на его неправильность, то приговоръ Палаты также будетъ приводимъ въ исполненіе, несмотря на апелляцію въ Сенатъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы цѣлость спорнаго имѣнія была обезпечена или наложеніемъ запрещенія и учрежденіемъ надлежащаго надзора, если оно недвижимое, или же представленіемъ надежнаго поручительства, если оно состоитъ изъ денежныхъ капиталовъ или вещей.

Безапелляціонное рѣшеніе тяжбныхъ дѣлъ Комитетъ призналъ полезнымъ допустить, для скорѣйшаго ихъ окончанія, какъ въ Палатахъ, такъ и въ Уѣздныхъ Судахъ. Въ Палатахъ — говоритъ онъ — рѣшенное дѣло можетъ быть, по обоюдному согласію спорящихъ, внесено на ревизію въ Общее Присутствіе Губернскаго Суда, которое, дѣйствуя тогда на правилахъ суда третейскаго или посредническаго, рѣшаетъ его, не допуская уже никакой апелляціи или жалобы. Рѣшенія же Уѣздныхъ Судовъ Комитетъ постановилъ, согласно съ авторомъ разсужденія, признавать окончательными, «когда стороны въ началѣ или въ продолженіе процесса согласятся быть судимы безъ апелляціи».

Въ заключеніе чтенія записки Комитетъ выразилъ, что хотя онъ и не могъ согласиться со всѣми сужденіями и предположеніями автора, но видѣлъ въ семъ трудѣ благонамѣренность и стремленіе къ общей пользѣ, соединенныя съ обширными свѣдѣніями какъ въ отечественномъ, такъ и въ иностранномъ законодательствѣ и образѣ управленія. «Чтеніе сего сочиненія—оканчиваетъ онъ—по-

дало Комитету поводъ къ предварительному обзорѣнню разныхъ частей губернскаго устройства и къ постановленію нѣкоторыхъ главныхъ правилъ для будущаго подробнаго образованія».

б) Докладная записка Киевскаго Воснаю Губернатора Генерал-Лейтенанта Желтухина, содержащая въ себѣ «нѣкоторыя соображенія о нынѣшнемъ медленномъ производствѣ дѣлъ въ Губернскихъ Правленіяхъ и о способахъ къ исправленію», съ приложеніемъ проекта «Положенія о производствѣ дѣлъ въ Губернскихъ Правленіяхъ».

Авторъ указываетъ на причины медленнаго производства дѣлъ въ Губернскихъ Правленіяхъ, состоящія, по мнѣнію его, главнымъ образомъ въ томъ, что бумаги, исходящія изъ этихъ мѣстъ, требуютъ разсмотрѣнія и подписанія самого Губернатора, чрезъ что онѣ должны проходить чрезъ много рукъ, и движеніе ихъ, а также переписка занимаютъ много времени; почему онъ предлагаетъ примѣнить къ дѣлопроизводству въ Губернскихъ Правленіяхъ порядокъ, уже введенный въ Казенныхъ Палатахъ.

Записка Желтухина была передана Государемъ 27-го февраля 1828 г. графу Дибичу, для сообщенія ея Предсѣдателю Государственнаго Совѣта, который съ своей стороны внесъ ее въ Комитетъ 6-го декабря, а Комитетъ уже въ засѣданіе 4-го марта того же года имѣлъ о ней сужденіе. Въ журналѣ этого засѣданія помѣщенъ слѣдующій отзывъ о предположеніяхъ Желтухина.

«Исчисливъ неудобства, происходящія отъ многосложности нынѣшняго канцелярскаго порядка въ Губернскихъ Правленіяхъ, г. Желтухинъ предлагаетъ введеніе въ оныя обрядовъ, кои наблюдаются нынѣ въ Казенныхъ Палатахъ, и сообразное съ тѣмъ раздѣленіе дѣлъ на три разряда. На семъ основаніи бумаги текущія должны быть разрѣшаемы по журналамъ экспедиціоннымъ, за подписаніемъ Губернатора и одного Совѣтника, а исполненіе дѣлаемо *тотчасъ*, слѣдовательно безъ просмотра прокурорскаго; справки же и свѣдѣнія будутъ собираемы мимо Присутствія чрезъ Совѣтниковъ. Комитетъ признавалъ основательность сихъ замѣчаній и пользу, коей отъ таковыхъ перемѣнъ ожидать можно, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ полагалъ уже поручить Совѣтикамъ, каждому по своей части, собраніе нужныхъ справокъ и свѣдѣній безъ доклада Присутствію. Но введеніе сего новаго порядка требуетъ необходимо предварительнаго соображенія съ общимъ теченіемъ дѣлъ въ губерніяхъ по части правительственной, и примѣненіе къ настоящему устройству одного, такъ сказать, *отрывка* изъ будуща-

го полного образованія имѣло бы свои важныя невыгоды. Въ журналѣ 19-го февраля было изъяснено, что вліяніе Прокурора на дѣйствія Губернскаго Правленія и Казенной Палаты можетъ нынѣ препятствоватьъ скорому и успѣшному теченію дѣлъ. Но еслибы вдругъ отмѣнить оный, даже по однимъ дѣламъ текущимъ, не замѣнивъ его никакими иными мѣрами осторожности, то вмѣсто ожидаемой скорости въ производствѣ могли бы по нѣкоторымъ губерніямъ послѣдовать еще болѣшая медленность и безпорядки отъ слабости и недѣятельности Губернаторовъ». Къ этимъ разсужденіямъ Комитетъ присовокупилъ, что въ Кіевѣ успѣхъ предлагаемой перемѣны болѣе надеженъ по извѣстному усердію Военнаго Губернатора, и что строгій надзоръ его за теченіемъ дѣлъ замѣнитъ съ избыткомъ обыкновенный надзоръ прокурорскій; при всемъ томъ неудобно ввести новый порядокъ въ одну губернію, когда имѣется въ виду общее преобразование и когда сей самый порядокъ можетъ еще впоследствии потребоватьъ какого либо измѣненія. А потому Комитетъ, отдавая всю должную справедливость благонамѣренному труду Генераль-Лейтенанта Желтухина, полагалъ объявить ему, что Его Императорское Величество признать изволилъ представленные имъ виды весьма полезными, и что оныя по надлежащемъ соображеніи съ прочими предположеніями по губернскому управленію будутъ приведены въ полное дѣйствіе по всѣмъ губерніямъ въ свое время.

в) *Инструкція, данная пятисотскимъ, сотскимъ и десятскимъ Калужской губерніи Генераль-Губернаторомъ княземъ Хованскимъ.*

На основаніи дѣйствующихъ законовъ, кн. Хованскій предписываетъ означеннымъ лицамъ Земской Полиціи разныя правила, касательно доброй нравственности, предосторожностей отъ болѣзней и пожаровъ, о бѣглыхъ, безпаспортныхъ, нищихъ, разбойникахъ, шарлатанахъ; о переселеніяхъ крестьянъ; относительно исправленія путей сообщенія, наблюденія, чтобы не было обмана въ торговлѣ, и проч.

Изъ объяснительной записки, приложенной къ этой инструкціи, видно, что кн. Хованскій былъ Генераль-Губернаторомъ въ губерніяхъ Витебской, Могилевской, Калужской и Смоленской, и что Генераль-Адъютантъ Бенкендорфъ, сообщивъ ему выписку свѣдѣній, относящихся до разныхъ отраслей управленія Калужской губерніи и въ томъ числѣ объ инструкціи пятисотскимъ, объявилъ Высочайшую волю, что если показанныя въ сихъ свѣдѣніяхъ неудобства окажутся дѣйствительными, то чтобы онъ (Хованскій)

къ отвращенію ихъ принялъ зависящія мѣры. Вслѣдствіе этого и была составлена настоящая инструкція, которую Хованскій, введя въ дѣйствіе, представилъ Государю въ 1827 г., а Государь передалъ въ Комитетъ 6-го декабря 1826 г., чрезъ графа Кочубея, съ замѣчаніемъ, что «читая эту бумагу, онъ удостовѣрился еще болѣе, какъ о томъ уже неоднократно говорилъ, что всего нужнѣе Комитету заняться скорѣе образованіемъ губерній и что въ настоятельности сего множество обстоятельствъ Его Величество утверждаетъ».

г) *Письмо*, на Высочайшее имя, *гвардіи Штабсъ-Капитана Евреимова* съ изложеніемъ его мыслей насчетъ улучшенія дѣйствій Земской Полиціи и Уѣздныхъ Судовъ, препровожденное къ графу Кочубею, чрезъ графа Дибича, 15-го августа 1827 г.

Въ этомъ письмѣ указывается на необходимость увеличить жалованье членамъ Земскихъ и Уѣздныхъ Судовъ; при семъ авторъ предлагаетъ взимать пошлыны съ cadaго тяжбнаго дѣла, въ размѣрѣ 10 процентовъ съ рубля, съ виновнаго.

д) *Собственноручная черновая записка* Предсѣдателя Государственнаго Совѣта *графа Кочубея*, подъ заглавіемъ: «Не можно ли учредить въ уѣздахъ мирныхъ судовъ (Juge de paix)?» Вотъ эта записка вполнѣ:

«Они (мирные судьи) могутъ разбирать всѣ споры и тяжбы, руководствуясь болѣе совѣстью и здравымъ разсудкомъ, нежели формами; но рѣшенія ихъ не должны быть обязательны, развѣ только до нѣкоторой суммы (незначительной), наприимѣръ когда искъ не превышаетъ 100 рублей.

«Всякое дѣло можетъ перейти въ Уѣздный Судъ, но надобно, чтобъ было въ виду, что оно разсматривалось въ Мирскомъ Судѣ; надобно въ прошеніи всегда упоминать, что дѣло было разбиралось въ Мирскомъ Судѣ.

«При учрежденіи мирскихъ судовъ уменьшить въ губерніяхъ число Уѣздныхъ Судовъ, и именно учредить оныхъ въ губерніи три или четыре.

«Выгоды таковаго предположенія:

а) Дѣла малозначущія скорѣе окончатся; б) Уѣздные Суды лучше могутъ быть составлены (менѣе нужно будетъ людей — судьи лучше будутъ заплачены).

«Можно мирные суды составить такъ:

Для cadaго сословія собственные судьи: дворяне будутъ избраны изъ дворянъ; купцы назначать судей изъ своего сословія;

когда встрѣтятся дѣла смѣшанныя между дворяниномъ и купцомъ, тогда судьи отъ дворянства и отъ купечества соединяются и составляютъ общее присутствіе;

для крестьянъ мирные судьи могутъ учреждены быть при волостяхъ».

е) *Записка, составленная, въ 1823 г., Павломъ Сумароковымъ* *), подъ заглавіемъ: «О новомъ устройствѣ всѣхъ частей въ губерніяхъ», въ двухъ частяхъ.

Въ этой любопытной запискѣ сообщается много свѣдѣній, съ предложеніемъ мѣръ улучшенія, о сельскомъ управленіи, о крестьянахъ, ихъ хозяйствѣ; о повинностяхъ; о дворянствѣ; устройствѣ судебныхъ мѣстъ; о городахъ и проч. Въ отношеніи же губернскаго управленія въ особенности авторъ старается доказать необходимость усиленія власти Губернаторовъ, которая съ учрежденіемъ Министерствъ не только, по словамъ его, умалилась, но и совершенно потрясена, такъ что «вынѣ Губернаторъ есть нечто иное, какъ безмолвный экзекуторъ Министровъ». Дабы ему дать настоящее значеніе, Сумароковъ предлагаетъ соединить въ немъ три званія: а) Генералъ-Прокурора, б) Генералъ-Полиціймейстера и в) хозяина губерніи. Въ первомъ званіи ему, хотя и поверхностно, должны быть подчинены всѣ судебныя мѣста: онъ получаетъ отъ нихъ вѣдомости, даетъ имъ понудительныя предложенія, ревизуетъ порядокъ. Министерства относятся къ нему одному, но одинъ Министръ Юстиціи есть ему начальникъ. Не мѣшаясь въ порученія, даваемыя Министерствами своимъ чиновникамъ въ губерніи, онъ можетъ однако по встрѣтившимся, неожиданнымъ и ему только извѣстнымъ случаямъ, останавливать ихъ дѣйствія, или давать имъ иное направленіе. Какъ генералъ-полиціймейстеръ губернаторъ «охраняетъ благочиніе, тишину, взаимное частей согласіе», печется о удовольствіи, о путяхъ сообщенія; наблюдаетъ за строеніями, чистотою, вѣсами и мѣрами и проч. Какъ хозяинъ, Губернаторъ «покровительствуетъ училища, торговлю, промыслы, сельское хозяйство; защищаетъ сиротъ, вдовъ, беззащитныхъ, предстательствуетъ за нихъ въ судилищахъ, въ Сенатѣ». Губернское Правленіе авторъ полагаетъ оставить на прежнихъ основаніяхъ, съ тою разницею, что члены его обязаны безмолвно исполнять волю Губернатора. Но для

*) Тайный Совѣтникъ Сумароковъ былъ передъ тѣмъ Губернаторомъ въ Новгородской губерніи.

соединенія всѣхъ вѣдомствъ надлежить въ каждой губерніи учредить Губернскую Палату, а въ каждомъ уѣздѣ Градскую Палату. Впрочемъ, обязанности той и другой опредѣляются въ слишкомъ общихъ, неясныхъ чертахъ.

Отсюда видно, что записка Сумарокова составлена подъ вліяніемъ проекта о намѣстничествахъ и даже переноситъ нѣкоторыя права, которыя предполагалось дать Намѣстникамъ или Генералъ-Губернаторамъ, на Начальника губерніи.

ж) *Мнѣніе адмирала Мордвинова*, представленное имъ Предсѣдателю Государственного Совѣта графу Кочубею 2 іюня 1827 г. по случаю предполагавшагося въ Государственномъ Совѣтѣ обсужденія вопроса: «какое полезнѣе въ Россіи правленіе: коллегіальное или министерское», возбужденное проектомъ, поданнымъ о семъ предметѣ Государю чиновникомъ Берхомъ.

Не касаясь любопытныхъ мыслей, выраженныхъ въ этой запискѣ по возбуждившему ее вопросу, здѣсь слѣдуетъ указать на отчетливо сознаваемую авторомъ необходимость раздѣленія властей законодательной, судебной и исполнительной. Вотъ что говоритъ по этому поводу Мордвиновъ, выражаясь со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ:

«Всегда и вездѣ признаваемо было за непреложную истину, что раздѣленіе властей составляетъ совершенство правительствъ: законодательная, судебная и исполнительная власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены. Одна не должна входить въ предѣлы обязанностей другой. Степень и точность раздѣленія сихъ трехъ главныхъ государственныхъ властей опредѣляютъ достоинство правительствъ. Изъ нихъ благоустроеннѣйшимъ можетъ похвастаться то, гдѣ лица и мѣста въ предметахъ ихъ должностей и занятій не имѣютъ никакого между собою смѣшенія.

«Между европейскими державами почитается самымъ худшимъ правленіе турецкое, потому что тамъ не судья судить, но папа. Онъ рѣшаетъ дѣла тяжбыя о собственности и казнить виновныхъ не по приговору судебному, коего основаніемъ суть законы, но по собственному своему произволу.

«Такое нераздѣленіе властей въ турецкомъ правительствѣ содѣлало то, что на поляхъ древней Греціи исчезло изобиліе урожаевъ и померкла красота земли. Въ великолѣпныхъ ея городахъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ художествъ и наукъ, повсемѣстно же водворились дикость, уныніе и нищета. Нынѣ въ Аѳинахъ живутъ пастухи, и гдѣ поучали Платоны и Сократы — тамъ кружатся съ

крикомъ дerviши и бѣснутся юродивые умомъ, коихъ почитаютъ святыми. Столь пагубно есть смѣшеніе властей, предпоставленныхъ для созиданія общественнаго и частнаго благоденствія и для удержанія въ здравіи и силѣ царствъ земныхъ».

э) *Записка неизвѣстнаго* подъ заглавіемъ: «Предположенія о преобразованіи уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ».

Авторъ этой записки — вѣроятно малороссіянинъ, судя по приложенной къ ней таблицѣ должностныхъ лицъ, въ числѣ коихъ встрѣчаются названія: хорунжій, подкоморій, коморникъ, возный, подсудки — признаетъ необходимымъ для улучшенія присутственныхъ мѣстъ сдѣлать въ нихъ слѣдующія преобразованія: 1) раздѣлить совершенно разныя вѣтви управленія; 2) возвысить уваженіе къ должностнымъ лицамъ; 3) уменьшить число чиновниковъ. Послѣдняго онъ предполагаетъ достигнуть соединеніемъ трехъ уѣздовъ въ одинъ округъ, который заключалъ бы въ себѣ отъ 120 до 160 тыс. ревизскихъ душъ. Въ немъ должны быть различены управленія: 1) исполнительное, 2) казенное, 3) судебное и 4) хозяйственное. Въ отношеніи къ первому авторъ предлагаетъ, вмѣсто Городническихъ Правленій и Нижнихъ Земскихъ Судовъ, учредить, подъ предсѣдательствомъ Окружнаго Начальника, Окружное Правленіе, которое было бы отдѣленіемъ Губернскаго Правленія. По части казеннаго управленія, соединивъ Казначейства трехъ уѣздовъ въ одно окружное — предоставить жителямъ избрать изъ среды себя сборщика, который, принимая подати, представлялъ бы еженедѣльно собранную сумму въ Окружное Казначейство. По части судебной, Окружный Судъ долженъ быть раздѣленъ на два отдѣленія: одно для дѣлъ уголовныхъ и слѣдственныхъ, другое для дѣлъ спорныхъ; но для прекращенія тяжбъ соглашеніями спорящихъ и для разрѣшенія малозначущихъ дѣлъ авторъ предлагаетъ учредить мировыхъ судей. Наконецъ, хозяйственное управленіе слѣдуетъ поручить, подъ предсѣдательствомъ Предводителя Дворянства, Депутатскому Собранію, подчинивъ его вѣдомству: а) всѣ дѣла по опекамъ; б) раскладку земскихъ повинностей; в) представленіе начальству объ общественныхъ издержкахъ, и г) опредѣленіе справочныхъ цѣнъ совокупно съ Окружнымъ Правленіемъ. Но, разграничивъ такимъ образомъ уѣздныя власти, авторъ опять смѣшиваетъ ихъ тѣмъ, что предлагаетъ, въ случаѣ отсутствія Окружнаго Начальника, замѣщать его судьейю зрваго отдѣленія Окружнаго Суда.

5. Проектъ Учрежденія для управленія губерній, составленный Сперанскимъ и относящіяся къ нему замѣчанія.

20-го марта 1829 г. Сперанскій внесъ въ Комитетъ 6-го декабря 1826 г. составленную имъ 1-ю часть проекта о губернскихъ учрежденіяхъ, съ введеніемъ къ этому труду. Комитетъ посвятилъ подробному разсмотрѣнію внесенной части проекта засѣданія 20 и 24 марта, 16, 20 и 23 октября, 3, 6, 13, 20 и 27 ноября, 4, 8, 11 и 18 декабря 1829 г., а въ засѣданіи 8 января 1830 г. имѣлъ окончательное сужденіе по поводу полученныхъ отъ Государя замѣчаній на проектъ Сперанскаго и на бывшія въ отношеніи къ нему разсужденія въ Комитетѣ.

Такъ какъ разсмотрѣніе Комитетомъ означеннаго проекта и сдѣланныя въ немъ исправленія касаются болѣею частію отдѣльныхъ его статей, то необходимо изложить предварительно въ общемъ обзорѣніи какъ основныя положенія, принятыя Сперанскимъ при начертаніи имъ учрежденія для управленія губерній, такъ и содержаніе отдѣловъ, на которыя оно подраздѣляется. Это обзорѣніе сдѣлано самимъ авторомъ во введеніи или объяснительной запискѣ къ его проекту, напечатанной уже въ четвертой и пятой книгахъ «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», за 1859 г., подъ заглавіемъ: «Замѣчанія о губернскихъ учрежденіяхъ»; почему здѣсь достаточно представить извлеченіе изъ его записки.

Введеніе свое Сперанскій начинаетъ съ указанія на три степени управленія въ губерніяхъ: управленія губернское, уѣздное и волостное. Главныя составныя части каждаго изъ сихъ управленій суть: полиція, хозяйство и судъ. «Положить предѣлы между хозяйствомъ и судомъ—говоритъ Сперанскій—не трудно; но не легко разграничить отъ нихъ полицію».

Различая полицію общую отъ полицій отдѣльныхъ управленій, авторъ подраздѣляетъ первую на полицію общую предохранительную и полицію исполнительную, а ко вторымъ относитъ полиціи судебную и хозяйственную. Но, признавая неудобнымъ по нашимъ средствамъ осуществленіе на дѣлѣ такого подраздѣленія, онъ признаетъ за лучшее всѣ части полиціи вмѣстѣ въ Губернскомъ Правленіи и затѣмъ часть хозяйственную ввѣрить въ губерніи Казенной Палатѣ, а часть судебную предоставить Палатамъ Гражданской и Уголовной.

Переходя къ каждому изъ этихъ установленій въ отдѣльности,

Сперанскій замѣчаетъ, что въ рукахъ Губернаторовъ и въ Губернскомъ Правленіи, при непоимѣрномъ множествѣ стекающихся къ нимъ дѣлъ, съ одной стороны преобладаетъ личное самовластіе, а съ другой недостаетъ законной власти. «Отъ сего недостатка законной власти—говоритъ онъ—отъ сего стѣсненія въ самыхъ мелочахъ рождаются непрестанные вопросы, тысячи сомнѣній, огромная переписка съ высшимъ начальствомъ, медленность въ рѣшеніяхъ, упущеніе времени, предлогъ къ новымъ жалобамъ или злоупотребленіямъ». Противъ сего надзоръ Прокурора безсиленъ; а жалобы Сенату или Министерству безъ повѣрки документовъ на мѣстѣ, безъ сообщенія ихъ просителю, лишь случайно могутъ достигать своей цѣли. Тѣ же недостатки представляются и въ составѣ Казенной Палаты, за исключеніемъ мѣньшаго произвола. Что касается Губернскихъ Судовъ, то здѣсь недостатокъ уставовъ и недостатокъ мѣстной власти съ одной стороны въ дѣлахъ гражданскихъ стѣсняетъ дѣйствіе сихъ установленій, съ другой въ дѣлахъ уголовныхъ расширяетъ его безмѣрно.

Отсюда — заключаетъ авторъ — сами собою открываются слѣдующія начала къ исправленію губернскихъ мѣстъ:

1) настоящее распредѣленіе дѣлъ губернскаго управленія между тремя установленіями оставить въ своей силѣ;

2) но безотчетное и личное дѣйствіе Губернскаго Правленія подчинить надзору мѣстному, не личному и самовластному, каковъ есть надзоръ Генералъ-Губернатора, и не слабому и ничтожному, каковъ есть надзоръ Прокурора, но надзору коллегіальному, постоянному, на твердыхъ правилахъ установленному, имѣющему власть не только заявлять за тысячу верстъ безпорядки и злоупотребленія, но прекращать ихъ, останавливая зло не спустя мѣсяцы и годы, но въ самомъ его началѣ; держать чиновниковъ въ строгой дисциплинѣ; преслѣдовать виновныхъ судомъ;

3) тому же самому надзору и по тѣмъ же причинамъ подчинить и Казенную Палату;

4) другой надзоръ, сему подобный, но независимый, установить для дѣлъ судебныхъ, давъ ему надлежащій степень власти, не вмѣшиваясь въ судебныя рѣшенія по существу дѣлъ, разрѣшать частныя жалобы на безпорядки и нарушенія формъ въ производствѣ. Личное, разсѣянное по всѣмъ мѣстамъ дѣйствіе Прокурора и Казенныхъ Стряпчихъ соединивъ въ одно постоянное и правильное установленіе, поставить его въ помощь и содѣйствіе сему главному судебному надзору;

5) для установленія сего двоякаго надзора, не учреждая новыхъ мѣстъ, составить ихъ въ видѣ Общихъ Присутствій изъ тѣхъ же мѣстъ, но дать имъ особыхъ предсѣдателей, особенный образъ производства дѣлъ и особую канцелярію;

6) оставляя какъ Губернское Правленіе, такъ и Казенную Палату въ настоящемъ ихъ кругѣ дѣлъ и въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Сенату и Министерству, поручить Общему ихъ присутствію тѣ токмо дѣла, кои или по связи ихъ не могутъ быть поручены ни тому, ни другому мѣсту отдѣльно, или по важности ихъ требуютъ высшей степени власти, нежели какую можно снѣмъ мѣстамъ присвоить;

7) дать болѣе силы и пространства Суду Совѣстному;

8) учредить для каждой губерніи одинъ Судъ Коммерческій;

9) Общее Присутствіе четырехъ губернскихъ судебныхъ мѣстъ поставить подъ предсѣдательствомъ чиновника высшаго разряда, равнаго по степени Гражданскому Губернатору. Онъ будетъ по дѣламъ судебного управленія относиться къ Судебному Сенату такъ же, какъ Прокуроръ къ Министру Юстиціи;

10) сіе Присутствіе не вводитъ ни въ какія дѣла тяжбы, оставивъ движеніе ихъ обыкновенной апелляціи въ Сенатъ; но предоставитъ оному, вмѣстѣ съ надзоромъ въ успѣшномъ теченіи дѣлъ, содержать въ дисциплинѣ всѣхъ какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ чиновниковъ судебного вѣдомства, предавать виновныхъ суду, разрѣшать частныя просьбы въ нарушеніи судебныхъ обрядовъ;

11) по важнымъ дѣламъ уголовнымъ окончательные приговоры о торговой казни и каторжной работѣ не вершить безъ пересмотра и утвержденія Общаго Присутствія въ полномъ его собраніи. Не вершить также безъ утвержденія его и тѣ приговоры, гдѣ болѣе 10 человекъ въ одномъ дѣлѣ подвергаются тѣлесному наказанію со ссылкой на поселеніе.

Съ утвержденіемъ сихъ началъ установится, по мнѣнію Сперанскаго, власть правильная, съ достаточными силами и средствами; пресѣчется вмѣстѣ съ тѣмъ непоумѣрный приливъ дѣлъ и мелочныхъ подробностей къ Сенату и Министерству, и сіи высшія мѣста, не бывъ болѣе подавляемы бременемъ дѣлъ текущихъ, будутъ имѣть время и возможность заниматься дѣлами важными.

Въ уѣздномъ управленіи, относительно составляющихъ его мѣстъ и лицъ, авторъ видитъ тѣ же недостатки, какъ и въ губернскомъ, и останавливаясь въ особенности на Земскомъ Судѣ, удивляется

что при множествѣ лежащихъ на немъ дѣлъ, порученныхъ Земскому Исправнику или Засѣдателю, — большею частію отставному офицеру весьма малограмотному — есть еще въ уѣздахъ какая нибудь тѣнь управленія. Для исправленія этихъ недостатковъ онъ полагаетъ и здѣсь основаніемъ къ исправленію:

1) Полицію, хозяйство и судъ въ уѣздѣ сохранить въ настоящемъ дѣлѣ ихъ раздѣленіи; но

2) дабы удалить смѣшеніе понятій и утвердить еще болѣе различіе между судомъ и полиціею, Земскій Судъ переименовать Уѣздною Управою;

3) въ Управу, сверхъ нынѣшнихъ выборныхъ засѣдателей, опредѣлить еще двухъ: одного по избранію и утвержденію Общаго Судебнаго Присутствія, а другаго по избранію и утвержденію Общаго Присутствія Губернскаго Правленія и Казенной Палаты; на перваго изъ нихъ возложить въ особенности полицію судебную, на втораго хозяйственную, не занимая ихъ никакими другими дѣлами; прочіе засѣдатели должны имъ содѣйствовать, завѣдывая разными частями полиціи общей;

4) изъ разсѣянныхъ должностей Казначея и двухъ Приставовъ, также имѣющихъ на рукахъ казну, т. е. соль и вино, составить одно мѣсто подъ именемъ Казенной Управы;

5) надъ сими двумя Управами установить постоянный мѣстный надзоръ, подобно надзору губернскому, соединивъ начальниковъ сихъ мѣстъ въ видѣ общаго присутствія, подъ предсѣдательствомъ чиновника, представляющаго въ уѣздѣ лицо Гражданскаго Губернатора, и сіе присутствіе именовать Уѣзднымъ Правленіемъ;

6) Уѣздному Правленію дать степень власти въ уѣздѣ подобную той, какую имѣетъ общее правительственное присутствіе въ губерніи; всѣ предписанія губернскаго начальства должны проходить чрезъ Уѣздное Правленіе, такъ чтобъ обѣ Управы были какъ бы его отдѣленіями;

7) предоставить усмотрѣнію Общаго Губернскаго Присутствія соединять въ одномъ лицѣ званіе Предсѣдателя Уѣзднаго Правленія со званіемъ Уѣзднаго Предводителя, но не ставить сіе соединеніе въ правило, лишь бы чиновникъ сей былъ помѣщикъ той-же губерніи;

8) уѣздные города подчинить Общему Присутствію Уѣзднаго Управленія, дабы тѣмъ привести ихъ къ нѣкоторому единству, а городамъ столичнымъ дать губернское образованіе, подчинивъ ихъ для сохраненія единства одному общему присутствію.

Волостное управление Сперанскій признаетъ слабымъ и ничтожнымъ по несамостоятельности мирскихъ обществъ; исправленіе ихъ должно быть, по мнѣнію его, сдѣлано на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) уѣздъ оставить раздѣленнымъ на волости, волости на селенія;
2) двѣ степени управленія полагаются въ волости: волостное и сельское; первое называется Волостнымъ Правленіемъ, второе Сельскою Управою;

3) въ вѣдомствѣ Сельской Управы состоитъ отъ 50 до 100 дворовъ, болѣе или менѣе, не раздробляя селеній; малолюдныя селенія приписываются по Сельской ихъ Управѣ къ многолюднымъ;

4) Сельская Управа состоитъ: 1) изъ сельскаго старшины, избираемаго хозяевами домовъ одного сельскаго вѣдомства на одинъ годъ; 2) изъ сельскаго міра, который составляютъ всѣ хозяева домовъ одного сельскаго вѣдомства; 3) изъ десятниковъ, по каждому селенію избираемыхъ, отъ каждыхъ 10—25 дворовъ, болѣе или менѣе, не раздробляя селеній;

5) Сельская Управа, т. е. старшина съ десятниками вѣдаетъ сельскую полицію; съ міромъ она вѣдаетъ сельскій судъ и какъ казенное, такъ и сельское хозяйство; дѣла въ ней всѣ производятся словесно;

6) Волостное Правленіе состоитъ: 1) изъ волостнаго головы; 2) изъ двухъ старостъ, избираемыхъ волостнымъ міромъ изъ сельскихъ старшинъ; 3) изъ волостнаго міра, который составляютъ сельскіе старшины;

7) при Волостномъ Правленіи состоитъ: волостной писарь и, по очереди, опредѣленное число десятниковъ для полицейскихъ исправленій;

8) Волостное Правленіе, т. е. волостной голова съ старостами управляетъ волостною полицією; вмѣстѣ съ міромъ онъ вѣдаетъ волостной судъ и волостное хозяйство какъ внутреннее, такъ и казенное;

9) Волостное Правленіе даетъ, по опредѣленной формѣ, во всемъ его управленіи ежегодный отчетъ волостнымъ выборнымъ, кои ежегодно для сего избираются отъ каждой Сельской Управы по одному изъ хозяевъ домовъ; отчеты сіи послѣ ревизуются въ Уѣздномъ Правленіи и восходятъ на окончательное утвержденіе въ Губернское Присутствіе.

Введеніе это вполне одобрено Комитетомъ 6-го декабря, а впоследствии и Государемъ.

Къ изложенной части проекта, которая, какъ видно изъ ея содержанія, заключаетъ въ себѣ правила о составѣ, предметахъ вѣ-

домства и дѣлопроизводствѣ мѣстъ губернскихъ, уѣздныхъ, городскихъ и волостныхъ, должна была, по предположенію Сперанскаго, присоединиться вторая часть, въ которой онъ имѣлъ намѣреніе изложить правила объ опредѣленіи чиновниковъ отъ короны и вообще о порядкѣ гражданской службы въ губерніяхъ, положенія о выборахъ и собраніяхъ дворянства и положеніе о городахъ. Но объ этой части Комитетъ 6-го декабря въ засѣданіи 11-го декабря 1829 г. выразился такъ (п. IV): «Проекты правилъ о порядкѣ гражданской службы въ губерніяхъ, а равно и положенія о выборахъ и собраніяхъ дворянства уже предначертаны Комитетомъ и удостоены предварительнаго Высочайшаго одобренія; для составленія же Положенія о городахъ Комитетъ приметъ основаніемъ изданное въ 1785 г. и сличая сіе Положеніе съ предшествовавшими и послѣдовавшими оному узаконеніями по сей части будетъ исправлять сіи постановленія». Слѣдовательно, на первый разъ самъ Комитетъ предполагалъ ограничиться подробнымъ разсмотрѣніемъ только части проекта, внесенной Сперанскимъ 20-го марта. Впослѣдствіи же, когда введеніе въ дѣйствіе и этой части не состоялось, само собою упало предположеніе объ изданіи совместно съ нею правилъ о службѣ въ губерніяхъ и городского положенія въ видѣ одного учрежденія. Посему и въ настоящемъ отчетѣ о занятіяхъ Комитета по разсмотрѣнію проекта Губернскихъ учреждений мы ограничимся указаніемъ на тѣ измѣненія, которыя были имъ сдѣланы въ статьяхъ, начертанныхъ Сперанскимъ для первой части этого проекта. Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Гражданскій Губернаторъ долженъ предсѣдательствовать только въ Общемъ Присутствіи Губернскаго Правленія и Казенной Палаты; въ отношеніи же рѣшенія дѣлъ, если при изъясненіи разныхъ мнѣній большинства голосовъ не состоится, то въ дѣлахъ вѣдомства Губернскаго Правленія рѣшительнымъ почитается то мнѣніе, съ коимъ согласился Губернаторъ; въ дѣлахъ же, принадлежащихъ вѣдѣнію Казенной Палаты — мнѣніе, съ коимъ, сверхъ Губернатора, согласился и Предсѣдатель сей Палаты; въ противномъ случаѣ исполненіе останавливается и дѣло представляется на разсмотрѣніе того Министерства, до коего оно по существу своему принадлежитъ. Впрочемъ когда, по мнѣнію Губернатора, необходимы рѣшительныя мѣры, то онъ имѣетъ право и обязанъ принять ихъ, отвѣтствуя какъ за мѣру, такъ и за успѣшное исполненіе.

2) Общее Присутствіе судебныхъ мѣстъ должно состоять изъ Палатъ Уголовной и Гражданской и Судовъ Совѣстнаго и Торго-

ваго; для предсѣдательствованія же въ ономъ назначается особый чиновникъ — Главный Губернскій Судья;

3) какъ въ Губернскомъ Правленіи, такъ и въ Казенной Палатѣ прибавить еще по одному сверхштатному Ассессору изъ получившихъ въ которомъ либо рускомъ университетѣ ученую степень доктора правъ и по одному сверхштатному же Ассессорскому помощнику изъ имѣющихъ ученую степень магистра или кандидата университета также по юридическому факультету;

4) Приказъ Общественнаго Призрѣнія Комитетъ положилъ причислить къ Общему Присутствію Губернскаго Правленія и Казенной Палаты, а не къ Губернскому Правленію; равнымъ образомъ къ вѣдомству сего общаго присутствія отнести богоугодныя заведенія, рабочіе и смиренныя дома;

5) цѣну частныхъ имуществъ, которыхъ опись и продажа по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ предоставляется Губернскому Правленію, возвысить отъ 5 до 10 тысячъ;

6) Опекѣ и попечительства, изъявъ изъ вѣдомства Гражданской Палаты, поручить завѣдыванію Общаго Присутствія Губернскаго Правленія и Казенной Палаты. Измѣненіе это предположено Комитетомъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: «По существующимъ нынѣ узаконеніямъ они ввѣрены судебнымъ мѣстамъ единственно чтобы установленными для дѣйствія сихъ мѣстъ строгими коллегіальными формами сохранить по возможности управленіе имѣніями малолѣтнихъ отъ злоупотребленій, коимъ дѣла сего рода наиболѣе подвержены и которыя удобнѣе нежели въ иныхъ случаяхъ укрываются отъ преслѣдованія правосудія; но отъ сего происходитъ другое важное неудобство, пбо какъ большое число, такъ и особенное свойство дѣлъ, составляющихъ главное истинное занятіе Гражданскихъ Палатъ, часто замедляютъ или даже совершенно останавливаютъ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ, иногда необходимыхъ для спасенія малолѣтнихъ отъ совершеннаго раззоренія. Устройство общаго губернскихъ мѣстъ присутствія ручается за осторожность дѣйствій онаго, потому что и въ немъ дѣла также будутъ рѣшны по большинству голосовъ: между тѣмъ однакожъ ихъ должно быть гораздо менѣе, нежели въ Гражданскихъ Палатахъ, и члены сего присутствія, участвуя каждый по своей части управленія губерніи, лучше могутъ знать о состояніи имѣній малолѣтнихъ, а равно и о свойствѣ и характерѣ ихъ опекуновъ, слѣдственно и о степени довѣренности, коей они достойны». Вслѣдствіе сего и право разрѣшать продажу и залогъ имѣній малолѣтнихъ Комитетъ предоста-

вилъ Общему же Присутствію Губернскаго Правленія и Казенной Палаты;

7) сему же Общему Присутствію предоставить утвержденіе чиновниковъ, служащихъ по выборамъ, только на мѣста, которыя зависятъ отъ правительственной части; а утвержденіе ихъ на мѣста по части судебной поручить Общему Присутствію Судебныхъ Палатъ;

8) изложенное въ проектѣ правило (п. 7 § 38) о порученіи Общему Присутствію Губернскаго Правленія и Казенной Палаты разсмотрѣнія жалобъ, приносимыхъ на Казенную Палату въ спорныхъ дѣлахъ по обязательствамъ между казною и частными людьми, Комитетъ находилъ согласнымъ съ правилами, принятыми при образованіи Судебнаго Сената и удостоенными Высочайшаго одобренія, а также согласнымъ съ пользою казны и выгодами частныхъ людей, кои предпочли бы для отысканія правъ своихъ порядокъ правительственный судебному и могли бы получать должное удовлетвореніе не выходя изъ своей губерніи; но въ такомъ случаѣ — разсуждалъ Комитетъ — надлежитъ дополнить сіе постановленіе изъясненіемъ, что каждой сторонѣ, недовольной рѣшеніемъ Общаго Присутствія, позволяется приносить жалобу Правительствующему Сенату, минуя уже Министровъ, дабы не умножать напрасно числа инстанцій и дать дѣламъ сего рода теченіе, соотвѣтствующее учреждаемому порядку по части судебной;

9) въ губернскихъ вѣдомостяхъ помѣщать судебныя опредѣленія и приговоры только по дѣламъ окончательно рѣшеннымъ, разумѣя подъ сими и опредѣленія по жалобамъ на неправильное или медленное производство въ судахъ подчиненныхъ, когда подавшіе жалобу находятся въ отсутствіи;

10) къ статьямъ, по распоряженію общаго губернскихъ правительственныхъ мѣстъ присутствія помѣщаемымъ въ официальныхъ вѣдомостяхъ губернскихъ, присовокупить слѣдующія: а) объявленія о назначеніи времени для дворянскихъ и городскихъ выборовъ, а равно и о чрезвычайныхъ собраніяхъ дворянства; б) объявленія объ утвержденныхъ особенными постановленіями Правительства таксахъ за переправы черезъ рѣки и за проѣздъ черезъ мосты; в) вызовы тяжущихся къ рукоприкладству и слушанію дѣлъ или же для объявленія судебныхъ рѣшеній; г) вызовы о добровольной явкѣ людей, коихъ мѣсто жительства неизвѣстно, по дѣламъ казеннымъ или частнымъ; е) вызовы наследниковъ по закону или завѣщанію на имѣнія въ той губерніи находящіяся; ф) объявленія о бѣглыхъ

съ описаніемъ примѣтъ ихъ; g) объявленія о пойманныхъ бродягахъ и о найденныхъ мертвыхъ тѣлахъ, тоже съ описаніемъ примѣтъ; h) объявленія отъ полиціи о найденныхъ ею или представленныхъ въ оную вещахъ и т. п.; i) вызовы и увѣдомленія и объявленія отъ Почтовыхъ Конторъ или Экспедицій, а равно и другихъ неподвѣдомственныхъ Губернскому Правленію мѣстъ, какъ то: Врачебной Управы, Дирекціи Училищъ, Управленій казенныхъ мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ и иныхъ хозяйственныхъ заведеній, а равно и воинскихъ командъ; j) предостерегательныя извѣстія о появленіи саранчи или другихъ вредныхъ для хлѣба или травы животныхъ въ губерніи или въ сосѣдствѣ оной и о средствахъ для истребленія ихъ; k) извѣстія о чрезвычайныхъ происшествіяхъ въ губерніи;

11) имѣя въ виду, что помѣщаемые въ офіціальныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ указы, постановленія и предписанія должны обязывать къ исполненію всѣхъ губернскія, уѣздныя и волостныя мѣста управленія наравнѣ съ подлинными, посылаемыми изъ Сената и Губернскаго Правленія указами и предписаніями, — Комитетъ призналъ, что будетъ приличнѣе назначаемые для сихъ мѣстъ экземпляры отправлять въ оныя не иначе, какъ за подписаніемъ одного изъ Совѣтниковъ Губернскаго Правленія и опредѣлилъ упомянуть о семъ въ проектѣ.

12) Разсуждая о городскомъ управленіи, Комитетъ заявилъ, что у насъ по совершенно ошибочному понятію купцы и мѣщане какъ будто почитаются единственными обывателями городовъ, когда почти всюду и по числу своему и по количеству владѣемой ими собственности главную часть городскихъ жителей составляютъ дворяне и чиновники; почему призналъ необходимымъ положить конецъ происходящимъ отъ сей ложной мысли многочисленнымъ и важнымъ неудобствамъ и для сего не только допустить дворянъ и чиновныхъ гражданъ въ должности по выборамъ отъ городовъ, но опредѣлить, что они и вообще всѣ обыватели городовъ должны имѣть равное, лишь соразмѣряемое съ родомъ и значительностію собственности ихъ въ томъ городѣ, право участвовать въ сихъ выборахъ;

13) статью, которою предписывается Уѣздному Правленію стараться оканчивать миролюбно споры между селеніями и волостями его вѣдомства, дополнить постановленіемъ, что въ спорахъ объ имуществѣ, не превышающемъ цѣною 500 руб., миролюбное посредничество Уѣзднаго Правленія считается рѣшительнымъ и жалобы на оное нигдѣ не пріемлются; въ концѣ же означенной статьи исклю-

чить слова: «и въ семъ случаѣ Уѣздное Правленіе ходатайствуетъ въ Уѣздномъ Судѣ о скорѣйшемъ рѣшеніи тяжбы между волостями», ибо, по мнѣнію Комитета, такая обязанность быть ходатаемъ по тяжбамъ легко можетъ сдѣлаться поводомъ къ затрудненіямъ, а иногда и къ неприятнымъ объясненіямъ между главнымъ правительственнымъ мѣстомъ въ уѣздѣ и судною въ немъ властью;

14) къ дѣламъ, подлежащимъ вѣдомству Уѣзднаго Правленія, присовокупить «явку всѣхъ купчихъ крѣпостей о недвижимыхъ имуществахъ, купленныхъ въ уѣздѣ»; по сей явкѣ у дверей присутствія Уѣзднаго Правленія долженъ выставляться листъ, содержащій извѣстіе о томъ, кто купилъ имущество, какое именно и за какую цѣну; таковое же извѣстіе должно доставляться отъ Правленія въ Земскую Управу для ея свѣдѣнія и для ввода кого слѣдуетъ во владѣніе;

15) какъ Исправнику, такъ и Правителю уѣзда опредѣлительно представить право, подобно тому, какое предоставлено Губернатору въ Общемъ Присутствіи Губернскаго Правленія и Казенной Палаты, дѣлать исполненіе вопреки мнѣнію большинства голосовъ Управы, когда тотъ или другой сочтетъ это необходимымъ, въ случаяхъ чрезвычайныхъ; но тогда на него падаетъ отвѣтственность за послѣдствія;

16) касательно мѣръ, которыя долженъ употреблять сельскій старшина для взысканія недоимокъ, присовокупить, что при продажѣ имѣнія, принадлежащаго крестьянину, состоящему въ недоимкѣ, во всякомъ случаѣ остается неприкосновеннымъ, сверхъ запаса хлѣба, потребнаго для прокормленія по числу лицъ семейства до новаго урожая, и количество онаго, нужное для посѣва во всѣхъ поляхъ; за тѣмъ не только все вырученное продажею сверхъ недоимки отдается хозяину, но въ томъ случаѣ, когда части назначеннаго въ продажу будетъ достаточно для удовлетворенія недоимки, все остальное немедленно возвращается хозяину натурою;

17) правило, помѣщенное въ проектѣ, о заведеніи тетради для вписыванія дѣлъ, производящихся въ Сельской Управѣ, если сельскій старшина или одинъ изъ десятскихъ будутъ грамотные, отиѣнить: по мнѣнію Комитета, простое и по всей вѣроятности не весьма исправное и не весьма ясное вписываніе дѣлъ въ сію тетрадь не принесетъ никакой существенной пользы, а представленіе оной въ случаѣ жалобъ на Сельскую Управу можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, даже и къ злоупотребленіямъ, ибо нѣтъ почти никакой возможности предупредить, а равнымъ образомъ доказать

подлогъ въ журналѣ, когда изъ участвующихъ въ приговорѣ только одинъ или двое были грамотные;

18) постановление (§ 385 проекта) о составѣ волостнаго схода по выборѣ волостнаго головы сообразить съ принятымъ прежде и уже удостоеннымъ Высочайшаго одобренія предположеніемъ, что волостной сходъ составляется изъ повѣренныхъ отъ всѣхъ деревень волости по одному отъ каждой деревни, если въ одной не болѣе 25 дворовъ, или же въ противномъ случаѣ по одному отъ каждыхъ 25 дворовъ или отдѣльныхъ хозяйствъ; сіи повѣренные предварительно избираются ежегодно сельскими сходами; деревни, въ коихъ хотя и менѣе 50, но болѣе 35 дворовъ, будутъ присылать на волостной сходъ двухъ повѣренныхъ вмѣсто одного; равнымъ образомъ полагается по одному лишнему повѣренному на каждый остающійся по раздѣленіи селенія на участки изъ 25 дворовъ излишекъ не менѣе 10 дворовъ или отдѣльныхъ хозяйствъ;

19) статьи проекта (§§ 476 и 477) о повѣркѣ мірскихъ сборовъ положено выразить такъ: «для удостовѣренія то ли количество денегъ дѣйствительно собрано, какое означено въ книгахъ, избираются ежегодно присланными для выбора головы и старшинъ изъ всѣхъ селеній волости хозяевами домовъ еще особыя повѣренные по одному отъ вѣдомства каждой Сельской Управы: имъ прочтываются всѣ статьи сборовъ по раскладкѣ и росписанію съ означеніемъ сколько именно оныхъ на каждую душу причиталось; послѣ сего повѣренные приглашаются показать по правдѣ и чистой совѣсти точно ли то число, а не болѣе дѣйствительно собрано и если болѣе, то сколько именно»; «показанія сихъ повѣренныхъ со словъ ихъ записываются и сію записку читаетъ въ собраніи всего волостнаго міра не писарь, а одинъ изъ повѣренныхъ, знающій грамоту; потомъ сію записку скрѣпляютъ всѣ повѣренные безъ исключенія, даже и безграмотные, выставленіемъ крестиковъ или иныхъ какихъ либо знаковъ вмѣсто своего имени»;

20) волостному начальству, даже и міру не предоставлять права ссылать крестьянъ на поселеніе: наложеніе пеней, временное заключеніе и легкое тѣлесное наказаніе достаточны, по мнѣнію Комитета, для обузданія буйства, а за проступки важные крестьянинъ подлежитъ суду по законамъ.

Последніе два изъ вышеозначенныхъ журналовъ Комитета, относящихся къ разсмотрѣнію проекта о губернскихъ учрежденіяхъ, посвящены соображеніямъ по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ на этотъ проектъ и на предположенія Комитета Государемъ. Имѣя въ

виду такую важность предмета, извлекаемъ изъ обоихъ журналовъ исполнѣ тѣ статьи, которыя до него касаются.

Въ журналѣ засѣданія Комитета 18-го декабря 1829 г. читаемъ:

(Ст. I) Предсѣдатель объявилъ, что Государь Императоръ, по прочтеніи журнала 20-го марта, отозвался, что главное раздѣленіе (на части правительственную и судебную) онъ признаетъ совершенно правильнымъ и согласнымъ съ существующимъ повсюду порядкомъ; Его Величество столь же благосклонно отозвался и на счетъ принятаго Комитетомъ плана для исправленія Губернскаго Учрежденія. Обратившись къ разсужденіямъ о способахъ привести въ дѣйствіе сдѣланныя Комитетомъ предположенія, Его Величество заключалъ, что для сего необходимы значительныя суммы, исчисляя трудности удовлетворить сей новой потребности при нынѣшнемъ положеніи доходовъ и расходовъ Государства и вслѣдствіе сего изъявилъ Высочайшую волю, чтобы взявъ предварительныя справки о предполагаемой въ Комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ Сенатора Васильчикова*) учрежденномъ, прибавкѣ на расходы существующихъ нынѣ по губернскому управленію мѣстъ, Комитетъ 6-го декабря сдѣлалъ съ своей стороны особое о семъ соображеніе и опредѣлилъ сколько еще сверхъ сего потребуется соотвѣтственно съ новымъ на основаніи его предположеній предначертаннымъ устройствомъ. *Опредѣлено*: 1) истребовать изъ Комитета Васильчикова нужныя справки; 2) составить общую сравнительную таблицу какъ опредѣленныхъ, такъ и предполагаемыхъ расходовъ на губернскія и уѣздныя правительственныя и судебныя мѣста, означая въ первой графѣ сей таблицы выдаваемые нынѣ изъ Государственнаго Казначейства на сіе суммы; во второй предполагаемыя вмѣсто оныхъ по заключеніямъ Комитета Васильчикова; въ третьей тѣ, кои, по мнѣнію Комитета, необходимы для приличнаго содержанія существующихъ уже мѣстъ и чиновниковъ; наконецъ въ четвертой тѣ, кои надлежало бы опредѣлить каждому мѣсту и чиновнику въ новомъ губернскомъ устройствѣ».

Въ журналѣ засѣданія 8-го января 1830 г.:

«(Ст. I) Предсѣдатель объявилъ, что Государь Императоръ возвратилъ ему введеніе къ Учрежденію о губерніяхъ и нашелъ, что означенныя въ ономъ основанія совершенно правильны; однакоже сомнѣніе, изъявленное имъ, снова представилось ему, именно: трудность приискать довольно число людей способныхъ для занятія

*) Алексѣя Васильевича.

мѣсть Уѣздныхъ Правителей. Признавая, что само по себѣ предложеніе сіе весьма полезно, Государь замѣчаетъ только, что едва ли есть средство избрать болѣе 500 надежныхъ чиновниковъ для такихъ мѣсть. Не можетъ ли произойти неудобствъ и отъ соединенія въ одномъ лицѣ обязанности Правителя уѣзда и Предводителя и согласятся ли охотно Предводители принимать сіе новое званіе, когда и нынѣ многіе изъ нихъ отказываются отъ принятія даже одной предводительской должности. Если же постановить правиломъ, чтобы званіе Правителя было всегда соединено съ званіемъ Предводителя, то не нарушатся ли симъ преимущества, дарованная дворянскою грамотою? Сверхъ того, можетъ ли Правительство имѣть увѣренность, что Предводители, занимая мѣста Правителей уѣздовъ, будутъ всегда дѣйствовать сообразно съ намѣреніями, не увлекаясь по крайней мѣрѣ иногда желаніемъ охранять особенныя выгоды того сословія, къ коему они принадлежать. Если же напротивъ не принимать за общее правило, чтобы всѣ Предводители занимали мѣста Правителей уѣздныхъ, то почему же избранію и представленію опредѣлять ихъ? ввѣрять ли сіе Генералъ-Губернаторамъ? но они въ уѣздахъ никого не знаютъ; или же губернаторамъ? но можно ли на нихъ положиться? Къ симъ разсужденіямъ Государь соизволилъ присовокупить, что если признано будетъ нужнымъ учредить Правителей уѣздныхъ, то уже не лучше ли предоставить Дворянству избрать ихъ, или же постановить, чтобы Дворянство съ одной стороны, а Губернское начальство съ другой представляли нѣкоторое число кандидатовъ: тогда Правительство можетъ на основаніи сего двоякаго представленія съ болѣею удобностію избирать Правителей уѣздныхъ».

«(Ст. II) Члены, выслушавъ сіи объявленныя имъ Высочайшія замѣчанія, разсуждали о средствахъ опредѣлить порядокъ для назначенія надежнѣйшихъ чиновниковъ въ должности Уѣздныхъ Правителей. Въ семъ званіи необходимо соединеніе знанія дѣлъ съ знаніемъ мѣстныхъ потребностей уѣзда и столь же необходимы общія довѣренность и уваженіе жителей онаго. Въ семъ послѣднемъ отношеніи можетъ быть весьма полезно, чтобы въ оное поступали Предводители Дворянства, почти всегда почетнѣйшіе люди въ уѣздѣ. Но съ другой стороны о свѣдѣніяхъ и опытности въ дѣлахъ лучше могутъ судить правительственныя губернскія мѣста, хотя впрочемъ во всякомъ случаѣ чиновникъ, избранный Дворянствомъ, будетъ имѣть ту выгоду, что находясь уже и прежде въ непосредственныхъ сношеніяхъ какъ съ дворянами, такъ и съ дру-

гими жителями уѣзда, для него легче, не возбуждая недовѣрчивости къ своимъ дѣйствіямъ, предупреждать злоупотребленія и прекращать ссоры и беспорядки въ самомъ ихъ началѣ. Сообразивъ все сіе, Комитетъ находитъ, что для назначенія Правителей уѣздовъ всего удобнѣе тотъ порядокъ, который предложенъ Государемъ, тѣмъ болѣе, что когда выборъ дворянства и общаго присутствія губернскихъ правительственныхъ мѣстъ падеть на одно лице, то можно съ основательностію ожидать, что Правительство будетъ имѣть вѣрное ручательство въ достоинствахъ такого кандидата. Предварительное разсмотрѣніе сихъ списковъ можетъ быть ввѣрено Министру Внутреннихъ Дѣлъ или же Сенату».

Проектъ Сперанскаго о губернскихъ учрежденіяхъ сообщался, независимо отъ членовъ Комитета 6-го декабря, и членамъ Государственнаго Совѣта; но изъ сдѣланныхъ сими послѣдними замѣчаній на этотъ проектъ въ бумагахъ Комитета сохранились только двѣ записки, содержащія такіа замѣчанія, одна тогдашняго Министра Финансовъ Канкринъ, другая — тогдашняго же Министра Внутреннихъ Дѣлъ Закревскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ препроводилъ извлеченіе изъ своей записки къ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта. По интересу этихъ записокъ, выражающихъ мнѣнія совершенно противоположныя принятымъ въ основаніе проекта Сперанскаго и разсужденій о немъ въ Комитетѣ, онѣ прилагаются особо, съ присоединеніемъ сверхъ того къ запискѣ Канкринъ возраженій на нее Сперанскаго *).

Сводя въ одно результаты, выработавшіеся въ теченіе пятнадцатилѣтней дѣятельности разныхъ правительственныхъ лицъ въ Россіи составленіемъ и обсужденіемъ проектовъ объ областныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, именно начиная съ 1816 года, къ которому относится проектъ о намѣстничествахъ, по 1830 годъ, въ которомъ Комитетъ 6-го декабря закончилъ свое обсужденіе проекта 1829 года, становится очевиднымъ, что они заключаются главнымъ образомъ въ выясненіи слѣдующихъ началъ: 1) отдѣленія власти судебной отъ административной и исполнительной; 2) соединенія учрежденій административныхъ и таковымъ же соединеніемъ учреждений судебныхъ въ общемъ присутствіи для обсужденія нѣкото-

*) См. Приложенія II и III.

рых болѣе важныхъ дѣлъ и для внутренняго ихъ управленія

3) признаніи примирительнаго разбирательства важнѣйшимъ способомъ прекращенія споровъ и тяжбъ для предупрежденія перехода ихъ въ судебныя мѣста. Эти начала, постепенно съ тѣхъ поръ утверждавшіяся въ общемъ сознаніи, въ настоящее время получили уже осуществленіе, въ особенности въ новыхъ судебныхъ уставахъ, и слѣдовательно періодъ, въ теченіе котораго Правительство старалось, по видимому, безплодно объ улучшеніи губернскаго управленія, принесъ свою несомнѣнную пользу. Но рядомъ съ этими началами тогда же обсуждалась, также въ средѣ правительственныхъ лицъ, еще нѣкоторые вопросы, относящіеся къ государственному устройству и управленію, и по этимъ предметамъ бумаги Комитета 6-го декабря имѣютъ тѣснѣйшую связь съ мыслями и записками, ходившими въ то время въ публикѣ и составляющими весьма интересную юридическую литературу той эпохи: такъ наприм. вопросъ о преимуществѣ коллегіальнаго управленія предъ бюрократическимъ,—на обсужденіе котораго въ Государственномъ Совѣтѣ изъ разсмотрѣнныхъ выше бумагъ Комитета указываютъ записки Берха и Мордвинова,—еще въ 1810 году выставленъ былъ исторіографомъ Карамзинымъ, Министромъ Юстиціи Троицкимъ и другими, и голосъ ихъ слышится въ отзывахъ государственныхъ людей двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. По спеціальности настоящаго обзорѣнія эти вопросы должны были остаться здѣсь не тронутыми; но для того, кто взялъ бы на себя задачу ихъ разработки, неизлишне указать на относящіеся къ нимъ данныя и въ бумагахъ Комитета 6-го декабря 1826 года.

I.

Введеніе къ Намѣстническому Учрежденію.

(СПЕРАНСКАГО).

Исторія нашего внутренняго управленія представляетъ четыре главныя эпохи учрежденія: 1) Учрежденіе Петра Великаго; 2) Учрежденіе 1775 года; 3) Учрежденіе 1797 года и наконецъ 4) Учрежденіе настоящее. Въ каждомъ изъ нихъ есть четыре степени: Управленіе Государственное, Губернское, Окружное и Волостное. Не занимаясь здѣсь двумя послѣдними, нужно разсмотрѣть два первые.

Порядокъ управленія, установленный Петромъ Великимъ, состоялъ кратко въ слѣдующемъ:

1. Въ Государственномъ Управленіи.

1) Всѣ дѣла государственныя раздѣлить по ихъ главнымъ предметамъ и управленіе каждой части ввѣрить особенному сословію подъ именемъ Коллегіи.

2) Снабдить каждую Коллегію уставомъ (Регламентомъ) и всѣмъ вмѣстѣ общимъ ихъ образованіемъ (Генеральной Регламентъ), въ коемъ опредѣляется составъ ихъ и порядокъ производства дѣлъ.

3) Все, что не объемлется уставомъ Коллегій, все что не можетъ быть въ ней рѣшено по ея уставу, рѣшить окончательно въ общемъ всѣхъ Коллегій собраніи — въ Сенатѣ, гдѣ Государь Предсѣдатель, а Президенты Коллегій суть члены.

2. Въ Губернскомъ Управленіи.

1) Имперію раздѣлить на губерніи и всѣ части Губернскаго Управленія, Полицію, Судъ и Казначейство соединить въ лицѣ Губернатора и его товарища.

2) Снабдить ихъ наказомъ.

3) Все что превышаетъ наказъ, рѣшить въ Коллегіяхъ.

Такимъ образомъ средоточіе Губернскаго Управленія было въ Коллегіяхъ, а средоточіе Коллегій въ Сенатѣ.

Составъ сей былъ весьма простъ, но въ немъ не было соразмѣрности. Государственное Управленіе было довольно сильно, но Губернское слабо.

Съ расширеніемъ промышленности слабость сія становилась примѣтнѣе. Здѣсь не мѣсто излагать всѣ средства, кои въ теченіи 50 лѣтъ были употребляемы къ поправленію, довольно замѣтить, что всѣ они были поверхностны и потому недѣйствительны.

Порядокъ Управленія 1775 года состоялъ кратко въ слѣдующемъ:

1. Въ Государственномъ Управленіи.

1) Все Государственное Управленіе вмѣстить въ одною установленіи, въ Сенатѣ, раздѣливъ его на Департаменты.

2) Коллегіи, исключая трехъ первыхъ, перемѣстить въ Губернское Управленіе такъ, чтобъ въ каждой губерніи всѣ дѣла ихъ распредѣлены были въ трехъ установленіяхъ: въ Губернскомъ Правленіи, Губернскомъ Судѣ и Казенной Палатѣ.

2. Въ Губернскомъ Управленіи.

1) Ввести удобнѣйшее раздѣленіе губерній.

2) Размѣстивъ по губерніямъ Коллегіи, соединить въ оныхъ всѣ предметы правленія такъ, чтобъ каждая губернія составляла одно цѣлое, само собою движущееся установленіе, въ однихъ токмо высшихъ отношеніяхъ зависящее отъ Сената.

3) Судъ и Полицію въ первыхъ инстанціяхъ основать на выборахъ; а ревизію ихъ предоставить мѣстнымъ Коллегіямъ.

4) Надзоръ за движеніемъ дѣлъ въ *михнискъ мѣсталь* поручить власти Губернатора, дѣйствующей въ Губернскомъ Правленіи.

5) Надзоръ за движеніемъ дѣлъ въ *губернскискъ мѣсталь* и въ самомъ Губернскомъ Правленіи поручить особенной мѣстной власти, учреждаемой въ лицѣ Генералъ-Губернатора.

6) На сей конецъ власть сію снабдить тремя слѣдующими преимуществами:

а) Остановлять исполненіе судебныхъ приговоровъ и доносить Сенату.

б) Остановлять исполненіе новыхъ узаконеній, когда по едино-

гласному мнѣнію всѣхъ мѣстныхъ Коллегій они признаны будутъ неудобными, представляя о томъ Сенату.

с) Прекращать роскошь и жестокости, налагая на имѣнія опеки.

Въ семь порядкѣхъ средоточіе Губернскаго Управленія было въ немъ самою, то есть въ его установленіяхъ; а средоточіе сихъ установленій въ Сенатѣ.

Здѣсь не мѣсто распространяться о всѣхъ выгодахъ сего порядка. Можно положительно утверждать, что со времени Петра Великаго никакое законоположеніе не подвигло Россію столь далеко въ путяхъ благоустройства, какъ Учрежденіе губерній.

Но оно имѣло свои недостатки. Въ другомъ мѣстѣ они изложены подробно. Здѣсь довольно замѣтить, что въ числѣ ихъ одинъ изъ важнѣйшихъ состоялъ въ неопредѣленномъ и непрочномъ установленіи званія Генералъ-Губернатора.

Существо сего званія есть надзоръ за дѣйствіемъ губернскихъ мѣстъ. Но надзоръ можетъ быть разнообразенъ: онъ можетъ быть или временный или постоянный, общій или мѣстный; онъ можетъ быть соединенъ съ властію исправленія или раздѣленъ отъ оной. Самая власть исправленія имѣетъ свои степени; она можетъ относиться къ движенію дѣлъ, къ образу ихъ производства или къ существу рѣшеній. Какой родъ надзора въ Полици, Судѣ и Казначействѣ принадлежитъ собственно Генералъ-Губернаторамъ? Какія именно средства исправленія? Какъ отличить надзоръ ихъ отъ управленія? До какой степени должны они входить въ управленіе? Въ чемъ состоитъ ихъ власть и гдѣ точные ея предѣлы? — Всѣ сіи существенные вопросы не разрѣшены въ учрежденіи. Отъ сего произошло, что званіе Генералъ-Губернаторовъ, уваженное сначала, когда они представляли въ себѣ не Губернскихъ Правителей, но вельможъ, присланныхъ и уполномоченныхъ Правительствомъ на время для открытія губерній, — въ послѣдствіи приняло всѣ личныя свойства тѣхъ, коимъ было ввѣрено и въ однихъ превратилось въ самовластіе, въ другихъ пало въ бездѣйствіе.

Неудобства сіи могли быть исправлены въ послѣдствіи по мѣрѣ усовершенія законовъ. Но прежде, нежели сіе послѣдовало, настала третія эпоха Учрежденія.

Порядокъ 1797 года состоялъ кратко въ слѣдующемъ:

- 1) Возстановить уничтоженныя Коллегіи.
- 2) Отмѣнить Генералъ-Губернаторовъ.
- 3) Сократить судебныя мѣста въ губерніяхъ.

4) Изъять изъ общаго Учрежденія судную часть въ губерніяхъ, имѣющихъ особенныя права и особенный судебный составъ.

Неудобства сего порядка состояли въ томъ: *первое*, что въ немъ установленъ былъ, такъ сказать, двойной комплектъ однихъ и тѣхъ-же Коллегій; ибо губернскія мѣста не что другое суть, какъ тѣ-же самыя Коллегіи, тому же самому Сенату и въ томъ-же степени подчиненныя и тѣми же самыми дѣлами управляющія. Отсюда множество смѣшеній и затрудненій. *Второе*, хотя надзоръ Генералъ-Губернаторовъ по неопредѣлительности его былъ недостаточенъ, но съ упраздненіемъ его губернскія мѣста остались уже безъ всякаго главнаго мѣстнаго надзора, кромѣ Прокурорскаго, который и вездѣ слабъ, а въ отдаленныхъ губерніяхъ почти ничтоженъ: ибо Прокуроръ никакой власти въ губернскихъ мѣстахъ не имѣетъ.

Порядокъ 1802 года.

1. Въ Государственномъ Управленіи.

1) Совѣтъ въ 1801 году наименованъ Государственнымъ; въ 1810 году принялъ образованіе, имени сему свойственное.

2) Учреждены Министерства.

Въ учрежденіи Министерствъ должно различать два плана, одинъ 1802 года, другой 1810 г. Главная мысль въ обоихъ одна, но порядокъ учрежденія различенъ.

Въ 1802 году учреждены собственно не Министерства въ видѣ Государственныхъ установленій, но Министры съ канцеляріями въ видѣ Главныхъ Директоровъ, управляющіе Коллегіями и имѣющіе право непосредственнаго доклада, — право, собственно къ званію Статсъ-Секретарей принадлежащее.

Надлежало усовершенать постепенно сіе установленіе. Для сего прежде всего Коллегіи преобразованы въ Департаменты, то есть данъ тѣмъ-же Коллегіямъ лучший обрядъ, другое раздѣленіе дѣлъ и удобнѣйшій образъ ихъ производства. Сіимъ поправлено одно изъ неудобствъ, но не отвращено еще то коренное неудобство, по ко-ему сіи Установленія, въ видѣ ли Коллегій или въ видѣ Департаментовъ, все составляли еще нѣчто среднее, нѣчто неопредѣленное между Сенатомъ и Губернскимъ Управленіемъ. Съ одной стороны, какъ Департаменты, не имѣющіе никакой власти выше власти губернскимъ мѣстамъ присвоенной, они не могли ничего сами собою разрѣшать и слѣдовательно не могли вичего прибавить къ обыкно-

венному дѣйствию Губернскаго Управленія, кромѣ нѣкотораго свода и соображенія разныхъ представленій, изъ губерній входящихъ. Но съ другой, какъ мѣста, управляемая лицами, имѣющими право непосредственнаго доклада, — Установленія сіи имѣли власть равную Сенату и занимались почти тѣми-же предметами, кои ввѣрены сему сословію съ нѣкоторымъ токмо различіемъ въ образѣ производства. Такимъ образомъ предѣлы ихъ съ одной стороны входили и даже сливались съ Учрежденіемъ Губернскимъ, а съ другой смѣшивались съ Сенатомъ.

Отсюда затруднительный и съ 1802 года непрестанно возобновлявшійся вопросъ: какимъ образомъ дать Министерствамъ рѣшительное и опредѣленное бытіе?

Вопросъ сей послѣ многихъ опытовъ рѣшенъ Манифестомъ 1810 года. Существо рѣшенія состоитъ кратко въ слѣдующемъ:

1) Принявъ основаніемъ главную мысль Императрицы Екатерины II, не допускать между Губернскимъ Управленіемъ и Сенатомъ никакихъ среднихъ установленій, яко бесполезныхъ и единству управленія противныхъ.

2) Министерства считать не среднимъ и отдѣльнымъ установленіемъ, но самымъ Правительствующимъ Сенатомъ, то есть первымъ его Департаментомъ, коего Министры суть члены, а Министерства суть составныя части.

На сихъ двухъ главныхъ положеніяхъ основано все устройство Министерствъ 1810 года и составлены какъ общій, такъ и частныя ихъ уставы.

Сей порядокъ не принялъ еще полнаго своего дѣйствія и принять онаго не могъ, потому что существенная часть его, образованіе Сената, не получило еще окончанія; въ замѣнъ того учрежденъ Комитетъ Министровъ. Комитетъ сей въ собственномъ смыслѣ есть отдѣльное присутствіе Перваго Департамента Сената по дѣламъ, требующимъ Высочайшаго разрѣшенія, — присутствіе, дѣйствующее на особенныхъ правилахъ и по особому обряду.

2. Въ Губернскомъ Управленіи.

Въ Губернскомъ Управленіи не было въ теченіи сей эпохи сдѣлано значительныхъ перемѣнъ.

Между тѣмъ Учрежденіе 1775 года, въ свое время недовершенное, нынѣ, по истеченіи полувѣка и послѣ многихъ въ немъ измѣ-

ней вообще признается недостаточнымъ и настоящимъ нуждамъ Управленія несоразмѣрнымъ *).

Въ Учрежденіи должно различать два рода правилъ. Одни изъ нихъ опредѣляютъ порядокъ управленія, другія порядокъ надзора.

Пересмотръ правилъ перваго рода требуетъ продолжительныхъ и подробныхъ соображеній; притомъ - же и тогда, какъ соображенія сіи будутъ окончены, приведеніе ихъ въ дѣйствіе, будетъ требовать постепенности, будетъ требовать, чтобъ въ губерніяхъ были уже приготовлены мѣста или лица, коимъ дѣло сіе можно было-бы ввѣрить.

Изъ сего слѣдуетъ, что пересмотръ правилъ, коими устанавливается

*) Въ «Обозрѣніи Гражданскихъ Установленій»,—статьѣ, особо написанной Сперанскимъ, онъ выражается по этому предмету такъ:

«Съ 1797 г. недостатки Губернскаго Учрежденія были уже примѣтны: разныя были съ того времени сдѣланы исправленія; но самыя сіи исправленія, изъ коихъ многія были сами по себѣ полезны, расторгая единство первоначальнаго состава, влекли съ собою важныя неудобства. Такъ напримѣръ уничтоженіе въ 1797 году Генералъ - Губернаторовъ во внутреннихъ губерніяхъ было само по себѣ полезно; но какъ званіе сіе одно полагало нѣкоторую связь между полиціею, судомъ и хозяйствомъ въ губерніи, то съ уничтоженіемъ его связь сія расторглась и мѣста сіи, бывъ оставлены безъ средоточія, скоро впали въ противорѣчіе и нерѣшимыя состязанія. Было три управленія; но не было ни одного общаго начальника губерніи.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ Министерствъ помышляемо было и о лучшемъ образованіи губернскаго устройства, но ни въ 1802, ни въ 1809 г. не было составлено полнаго на сію часть проекта. Все состояло токмо въ разныхъ мысляхъ и первоначальныхъ начертаніяхъ.

Около 1817 года составленъ былъ опредѣлительный сему дѣлу планъ, коего главныя черты, сколько можно изъ бумагъ въ 1821 году сообщенныхъ и изъ другихъ соображеній заключить, состояли въ слѣдующемъ: 1) раздѣлять всю Имперію на 12 намѣстничествъ; 2) каждое намѣстничество составить изъ трехъ, четырехъ или болѣе губерній; 3) въ каждомъ намѣстничествѣ составить общее средоточіе главнаго управленія изъ Намѣстника и его Совѣта; 4) сей Совѣтъ въ маломъ размѣрѣ долженъ представлять Комитетъ Министровъ; 5) каждое должно вмѣщать въ себѣ всѣ части высшаго управленія не токмо судебного, полицейскаго и хозяйственнаго, но и духовнаго и учебнаго; 6) устройство губернскихъ мѣстъ оставить въ настоящемъ егѡ порядкѣ, но въ каждой губерніи учредить Губернскій Совѣтъ по примѣру намѣстническаго.

Проектъ устава на сихъ главныхъ основаніяхъ начертанный, въ 1821 году былъ по возможности исправленъ и согласенъ съ общимъ государственнымъ управленіемъ; но остался безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Между тѣмъ по словеснымъ Высочайшимъ приказаніямъ въ одномъ изъ таковыхъ округовъ нѣкоторыя части сего начертанія приведены были въ дѣйствительное исполненіе».

порядокъ надзора, долженъ предшествовать пересмотру и введенію порядка управленія.

Дабы опредѣлить точнѣ главныя начала сей части нужно разсмотрѣть слѣдующіе вопросы:

Первое. Въ чемъ состоитъ существо надзора и какое можетъ быть различіе между надзоромъ и управленіемъ?

Надзоръ въ управленіи есть тоже что учетъ (control) въ Казначействѣ. Надзоръ можетъ быть:

а) *Общій или мѣстный. Надзоръ общій* есть тотъ, коимъ объемлются всѣ губернскія управленія въ Сенатѣ. *Мѣстный* надзоръ можетъ дѣйствовать или въ каждой губерніи отдѣльно или во многихъ губерніяхъ совокупно; таковъ надзоръ, ввѣренный Генералъ-Губернаторамъ по Учрежденію.

б) Надзоръ *временный* или *постоянный*. Надзоръ *временный* есть обзорніе губерніи посредствомъ Сенаторовъ и другихъ чиновниковъ; *постоянный* есть непрерывное наблюденіе за теченіемъ дѣлъ. Въ первомъ ревизоръ обращается на дѣла протекшія и не можетъ исправить дѣлъ настоящихъ. Во второмъ Генералъ-Губернаторъ, преслѣдуя злоупотребленія по свѣжимъ слѣдамъ, можетъ не только исправить, но часто и предупредить ихъ.

с) Надзоръ можетъ быть ограниченъ однимъ предьявленіемъ (протестомъ) или соединенъ съ властію исправленія. Надзоръ перваго рода принадлежитъ Прокурору, второй ввѣренъ Генералъ-Губернаторамъ. Власть исправленія можетъ быть тройкая: 1) въ движеніи дѣлъ, когда начальство ограничивается единственно понужденіемъ къ скорому ихъ рѣшенію, не занимаясь существомъ сего рѣшенія; 2) въ обрядѣ ихъ производства, когда Начальство охраняетъ правильность его и исправляетъ отступленія; 3) въ самомъ существѣ рѣшенія, когда находя его неправильнымъ высшее управленіе отмѣняетъ его или исправляетъ.

Различіе надзора отъ управленія состоитъ въ томъ, что управленіе приѣмлетъ или предписываетъ мѣры дѣйствія, а надзоръ, слѣдуя за ними, преграждаетъ только одни отъ правилъ отступленія; но сія черта раздѣленія не всегда бываетъ явственна и надзоръ часто сливается съ управленіемъ. Каждый разъ, когда въ управленіи встрѣтится недоумѣніе, или недостатокъ правилъ, должно по необходимости искать высшаго разрѣшенія. Есть два пути получить сіе разрѣшеніе: первый состоитъ въ томъ, чтобъ обращаться съ вопросомъ къ той самой власти, коей присвоено право надзора; второй есть восходить прямо къ тому сословію, коему дано право

разрѣшенія *). Неудобство перваго пути состоитъ въ томъ, что на немъ власть надзора сливается съ властію управленія и обременяется множествомъ дѣлъ. Но сколько бы ни было важно сіе неудобство, первый путь должно предпочесть послѣднему, какъ потому, что онъ сокращаетъ ходъ дѣлъ, такъ и потому, что онъ сообразнѣе правиламъ подчиненія.

Второе. До какой степени надзоръ въ видѣ особенною мѣстнаго установленія въ губерніяхъ можетъ быть дѣйствительно нуженъ?

Губернскія мѣста, т. е. Губернское Правленіе, Казенная Палата и Губернскій Судъ въ прямомъ смыслѣ не имѣютъ надъ собою мѣстнаго надзора. Гражданскій Губернаторъ, бывъ Предсѣдателемъ Губернскаго Правленія, не можетъ надзирать ни самъ за собою, ни за мѣстами, ему равными. Прокуроръ имѣетъ въ сихъ мѣстахъ одно право предъявленія. Надзоръ съ властію исправленія по общему учрежденію принадлежитъ Генералъ-Губернаторамъ. Но тамъ, гдѣ званіе сіе нынѣ существуетъ, дѣйствіе его, яко личное и съ точностію не опредѣленное, непрестанно колеблется между самовластіемъ и послабленіемъ. Съ самыми лучшими намѣреніями часто бываетъ весьма затруднительно избрать и сохранить между сими двумя крайностями среднюю линію. Тамъ же, гдѣ нѣтъ сего званія, надзоръ чрезъ Прокуроровъ прямо восходитъ въ Сенатъ. Но общій надзоръ Сената не можетъ быть соразмѣренъ ни разстоянію мѣсть, ни многосложности дѣлъ, ни настоятельности нуждъ. Посему-то въ послѣднія времена много разъ признаваемо было нужнымъ обозрѣвать губерніи чрезъ Сенаторовъ; но сіи обозрѣнія, яко временныя, обращаясь на прошедшее и не бывъ въ состояніи слѣдовать за настоящимъ, ни предупреждать будущаго, рѣдко достигали истинной цѣли.

Изъ сего слѣдуетъ, что установленіе надзора болѣе опредѣленнаго, нежели тотъ, который предписанъ въ общемъ учрежденіи, болѣе мѣстнаго, нежели общій надзоръ Сената, болѣе непрерывнаго, нежели Сенаторскія обозрѣнія представляется необходимымъ для губерній, какъ въ видахъ настоящаго ихъ устройства, такъ и особенно въ видахъ будущаго ихъ образованія.

Третье. Въ чемъ можетъ состоять устройство сего мѣстнаго надзора?

Выше было уже примѣчено, что званіе Генералъ-Губернаторовъ

*) Первый путь назначенъ общимъ Министерскимъ учрежденіемъ, въ коемъ постановлено, чтобъ Гражданскіе Губернаторы не иначе требовали нужныхъ имъ разрѣшеній, какъ чрезъ Генералъ-Губернаторовъ.

въ настоящемъ его положеніи не соотвѣтствуетъ потребности мѣстнаго главнаго надзора; посему и нужно дать ему другой образъ дѣйствія, опредѣлить его, сколь можно, точнѣе и цѣли его сообразнѣе. Для сего полагается нужнымъ соединивъ губерніи въ округи *), учредить въ каждомъ изъ нихъ Главное Губернское **) Управление не въ видѣ личной власти, но въ видѣ установленія, дѣйствующаго по правиламъ для него опредѣленнымъ.

Четвертое. Къ какому порядку должны принадлежать сіи установленія, къ Государственному-ли или къ Губернскому, или же могутъ они составить между тѣмъ и другимъ нечто среднее?

По системѣ Петра Великаго не было особеннаго мѣстнаго надзора, отдѣльнаго отъ управленія. Общій надзоръ надъ губерніями принадлежалъ Коллегіямъ, а надъ Коллегіями Сенату. Съ перемѣщеніемъ Коллегій въ составъ губернскаго управленія и съ раздѣленіемъ Сената на Департаменты общій надзоръ надъ губерніями отнесенъ къ Сенату, а мѣстный къ Генералъ-Губернатору. По возобновленіи Коллегій въ 1797 году и по образованіи ихъ въ Министерства въ 1802 году средоточіе общаго надзора колебалось между имъ и Сенатомъ; но когда въ 1810 году дано Министерствамъ окончательное ихъ устройство и когда по устройству сему они признаны составными частями Правительствующаго Сената: тогда и общій надзоръ самъ собою возвратился къ прежнему его мѣсту, къ Сенату. А какъ Сенатъ по недовершенному его образованію раздѣленъ нынѣ на двѣ части: на Комитетъ и Первый Департаментъ Сената, то и общій надзоръ раздѣленъ такъ-же между сими двумя мѣстами. Здѣсь не мѣсто разсуждать объ удобствахъ или неудобствахъ сего раздѣленія; довольно замѣтить, что главный надзоръ въ общемъ его видѣ не имѣетъ еще у насъ ни единства, ни опредѣленнаго средоточія.

Мѣстный главный надзоръ съ того самаго времени, какъ онъ установленъ, т. е. со времени общаго учрежденія, всегда признаваемъ былъ частію не Губернскаго, но Государственнаго Управленія. На семъ основано было самое званіе Намѣстниковъ. Они представляли собою не губернскую власть, но въ нѣкоторой мѣрѣ представляли лице Государа. Всѣ Генералъ-Губернаторы по самому званію сему

*) Въ подлинникѣ слово «округи» зачеркнуто и сверху написано карандашемъ рукою Сперанскаго: «области».

**) Въ подлинникѣ слова: «Главное Губернское» зачеркнуты и вмѣсто ихъ сверху рукою Сперанскаго написано карандашемъ: «областное».

присутствовали въ Сенатѣ, хотя бы прежде и не были Сенаторами. По упраздненіи сего званія оно замѣняемо было временными обзорѣніями и сіи обзорѣнія составляемы были такъ - же изъ Сенаторовъ*). Сіе и быть не могло иначе: единство общаго надзора требуетъ, чтобъ мѣстный надзоръ былъ составная его часть, отражаемая на мѣсто единственно по уваженію разстояній и по удобствамъ сношеній. Въ самомъ дѣлѣ, какая была бы нужда учреждать мѣстный надзоръ, если бы число губерній, ихъ разстоянія и количество дѣлъ дозволяли Сенату все обнять общимъ его надзоромъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что въ истинномъ понятіи о главномъ мѣстномъ надзорѣ онъ долженъ принадлежать къ установленіямъ Государственнымъ: онъ есть ничто иное, какъ Министерство, дѣйствующее на мѣстѣ и принадлежащее къ общему всѣхъ Министерствъ составу, къ Сенату. Такимъ образомъ Министерское установленіе будетъ имѣть два вида: одинъ *общій*, въ коемъ всѣ дѣла раздѣляются по ихъ предметамъ, другой *мѣстный*, въ коемъ дѣла раздѣляются по округамъ**).

Изъ сего само собою уже слѣдуетъ, что нѣтъ никакой причины давать установленію сему видъ средній, ни къ тому ни къ другому порядку не принадлежащій. Сей средній видъ въ многосложномъ устройствѣ былъ-бы нѣчто излишнее и потому вредное.

Пятое. Какой степень власти должно присвоить главному мѣстному надзору и какіе ея предѣлы?

Выше было примѣчено, что надзоръ не можетъ быть дѣйствителенъ безъ власти исправленія, что онъ по необходимости часто долженъ входить въ предметы управленія. Отсюда вопросъ раздѣляется на двѣ части: 1) о власти исправленія; 2) объ участіи надзора въ управленіи.

Власть исправленія имѣетъ три разные вида: 1) движеніе дѣлъ, 2) образъ ихъ производства и 3) существо рѣшенія. Изъ сихъ видовъ первый безъ сомнѣнія долженъ принадлежать главному мѣстному надзору. Принадлежность втораго можетъ подлежать сомнѣнію. Мѣры исправленія въ образѣ производства дѣлъ въ нижнихъ

*) Въ 1798 году раздѣлено было все Государство на округа и въ каждый округъ посланы два Сенатора для обзорѣнія; тогда же положено было и на будущее время дѣлать подобныя обзорѣнія; но мѣра сія не имѣла послѣдствія и Сенаторы посылаемы уже были для обзорѣнія въ тѣ только губерніи, гдѣ возникали особенные случаи.

***) Въ подлинникѣ слово «округамъ» зачеркнуто и вмѣсто того вверху, рукою Сперанскаго, написано карандашемъ: «областямъ».

судебныхъ мѣстахъ по жалобамъ и протестамъ предоставлены были сперва Губернскому Суду, потомъ съ 1802 года Губернскому Правленію, наконецъ обращены паки къ Губернскому Суду. Въ высшихъ губернскихъ мѣстахъ исправленія сіи доселѣ принадлежали Сенату. Удобство сего пути состоитъ въ томъ, что формы суда, подлежа одному и тому же надзору во всей Имперіи, могутъ быть сохранены въ надлежащемъ ихъ единообразіи. Неудобства его состоятъ въ медленности, отъ разстояній и стеченія дѣлъ происходящей. Неудобства сіи прекратятся, если исправленія сего рода ввѣрены будутъ главному мѣстному надзору; единообразіе же сихъ исправленій достаточно можетъ быть ограждено, если чиновники, дѣйствующіе въ семъ надзорѣ, снабжены будутъ одинакими наказами и опредѣляемы будутъ отъ Министерства и если притомъ будетъ постановлено, чтобъ всѣ случаи, на кои нѣтъ яснаго въ законахъ постановленія, вносимы были въ Сенатъ на уваженіе. Третій видъ надзора долженъ слѣдовать установленному порядку апелляціи и ревизіи. Симъ разрѣшается первая часть вопроса; приступимъ ко второй.

Участіе надзора въ управленіи есть необходимое его послѣдствіе. Порядокъ подчиненія, сокращеніе въ ходѣ дѣлъ, необходимость предупредить на мѣстѣ излишніе и тягостныя для высшаго управленія вопросы и наконецъ зрѣлость соображеній, кои можно извлечь изъ совокупнаго мѣстнаго объема дѣлъ во многихъ губерніяхъ, все заставляетъ держаться правила, въ учрежденіи Министерствъ уже постановленнаго, дабы всѣ предметы, требующіе высшаго разрѣшенія, восходили прежде всего къ главному мѣстному начальству. Если предметы сіи не могутъ быть разрѣшены существующими узаконеніями или требуютъ общаго по всѣмъ губерніямъ соображенія и предписанія: тогда главное начальство внесетъ ихъ, судя по существу ихъ, въ Первый Департаментъ Сената или Комитетъ Министровъ.

Сверхъ сего общаго правила, есть предметы власти и управленія, кои по учрежденію особенно присвоены Генералъ - Губернаторамъ. Предметы сіи суть: 1) предъявлять Сенату мѣстныя затрудненія въ случаѣ новыхъ узаконеній, приостановляя ихъ исполненіе; 2) налагать опеки въ случаяхъ непомѣрной расточительности и жестокости *).

*) Сверхъ сего по Учрежденію предоставлена была Генералъ - Губернаторамъ власть останавливать исполненіе судебныхъ приговоровъ; но какъ въ послѣдствіи переносъ дѣлъ въ Сенатъ самъ собою останавливаетъ исполненіе, то право сіе и осталось безъ дѣйствія.

Опредѣливъ сіи предметы власти, сколь можно точнѣе, полезно было бы присоединить къ нимъ еще слѣдующіе: 3) Принимать рѣшительныя мѣры въ случаѣ народныхъ бѣдствій, если мѣры сіи не терпятъ отлагательства.

4) По дѣламъ уголовнымъ предоставивъ Гражданскимъ Губернаторамъ право предлагать Палатамъ причины ихъ разногласія, разсмотрѣніе и окончательное рѣшеніе по симъ разногласіямъ поручить главному мѣстному управленію. Симъ уменьшилось бы нарочитое количество дѣлъ, нынѣ въ Сенатъ входящихъ.

5) Устранять, удалять и отрѣшати чиновниковъ, уличенныхъ въ злоупотребленіи *).

Устраненіе есть временное отлученіе отъ должности, подвергающее обвиняемаго разсмотрѣнію дѣлъ его въ Комитетѣ Министровъ.

Устраненіе не должно быть поставляемо въ предосужденіе и если обвиняемый оправдается: то онъ допускается по прежнему къ той-же должности. Во время разсмотрѣнія дѣлъ онъ получаетъ половину его жалованья, а другая выдается тому, кто на время будетъ исправлять его должность. Власть устраненія, ввѣряемая Генералъ-Губернаторамъ, простирается на всѣхъ чиновниковъ, служащихъ въ губерніи. Одни Губернаторы не могутъ быть иначе устраняемы, какъ по именнымъ Высочайшимъ указамъ.

Удаленіе есть отлученіе отъ должности, подвергающее обвиняемаго отвѣту *предъ судомъ* съ производствомъ половиннаго жалованья и съ сохраненіемъ мѣста когда оправдается.

Отрѣшеніе можетъ быть двоякое: безъ суда и съ судомъ. Безъ суда могутъ быть отрѣшаемы одни чиновники Земской Полиціи. Съ преданіемъ суду могутъ быть отрѣшаемы всѣ чиновники, исключая тѣхъ, кои опредѣляются Правительствующимъ Сенатомъ.

6) Представленіе чиновниковъ, опредѣляемыхъ именными Высочайшими указами, принадлежитъ Министерствамъ. Представленіе тѣхъ, кои опредѣляются Сенатомъ, такъ какъ опредѣленіе и утвержденіе всѣхъ прочихъ и представленіе къ наградамъ всѣхъ служащихъ въ губерніи, должно быть предоставлено Генералъ-Губернаторамъ.

Предѣлы власти главнаго мѣстнаго управленія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Не вводить никакихъ новыхъ постановленій.

*) Наставленіе Губернаторамъ 1764 года ст. IV и V.

2) Не останавливать общихъ мѣръ Правительства въ рекрутскихъ наборахъ, въ податяхъ и налогахъ.

3) Не требовать *) отпуска суммъ, росписаніемъ неназначенныхъ.

4) Не отрицать и даже не входить въ существо рѣшеній по дѣламъ тяжбы.

Обращаясь въ сихъ предѣлахъ власти, главное мѣстное управленіе можетъ имѣть достаточное число средствъ дабы дѣйствовать съ пользою и безъ послабленія.

Остается здѣсь рѣшить одинъ вопросъ: должны-ли подлежать главному мѣстному надзору тѣ управленія, кои собственно не принадлежатъ къ губернскому составу, какъ-то: питейное управленіе, почтамты, ихъ конторы, водяныя сообщенія, таможни и тому подобныя?

Въ наставленіи Губернаторамъ въ 1764 году данномъ (ст. XI) и потомъ по общему учрежденію ничто не было освобождено отъ мѣстнаго главнаго надзора; въ послѣдствіи признано лучшимъ всѣ тѣ части, кои имѣютъ свою исполнительную полицію, поставить въ непосредственной ихъ зависимости отъ высшаго ихъ управленія. Причины, основаніемъ къ сему принятыя, могутъ быть слѣдующія: 1) единство управленія, 2) различіе въ правилахъ и опасность нарушенія сихъ правилъ отъ самовластия мѣстнаго начальства. Причины сіи уважительны; но не менѣе уважительны и неудобства, изъ сего порядка возникающія. Главнѣйшія изъ нихъ суть: 1) невозможность объять общимъ надзоромъ части столь многосложныя и отъ средоточія ихъ удаленныя, безъ участія мѣстнаго надзора; 2) невозможность постигнуть злоупотребленія по свѣжимъ ихъ слѣдамъ; 3) невозможность остановить ихъ благовременно, а тѣмъ менѣе еще предварить ихъ или исправить; 4) споры и состязанія.

Сравнивая сіи неудобства съ выгодами отдѣльнаго управленія, нельзя не желать, чтобъ сіи части болѣе согласны были съ общимъ составомъ губернскаго управленія. Трудность состоитъ въ образѣ сего соглашенія. Ввести ихъ въ общій порядокъ губернскихъ мѣстъ невозможно; они имѣютъ свое особенное устройство, свое, такъ сказать, Губернское Правленіе, свое Казначейство**). Но дать надъ ними право надзора главному мѣстному начальству, оградивъ сей

*) Въ подлинникѣ приписано сверху рукою Сперанскаго, карандашемъ: «изъ Казначействъ».

***) Для почтовыхъ конторъ Почтамты, для таможенъ Окружныя Начальники и проч.

надзоръ точными предѣлами, безъ сомнѣнія можно. Въ чемъ должны состоять сіи предѣлы? 1) не требовать ничего противнаго особеннымъ сихъ частей правламъ; 2) не вводить ничего новаго, но представлять виды къ ихъ усовершенію; 3) не вмѣшиваться во внутреннее производство ихъ дѣлъ; 4) не располагать суммами; 5) не опредѣлять, не удалять и не отрѣшати чиновниковъ; но устранять въ случаѣ явной необходимости; 6) не воспрещать симъ частямъ требовать разрѣшеній отъ высшаго ихъ начальства непосредственно; но разрѣшенія сіи сообщать отъ Министерства мѣстному началству для свѣдѣнія. Съ сими ограниченіями всѣ прочія статьи надзора могутъ быть ввѣрены главному мѣстному началству на общемъ основаніи.

Шестое. Какой долженъ быть образъ дѣйствія и сношенія главною мѣстною управленія съ Государственными и Губернскими Установленіями?

Власть Генералъ - Губернаторовъ по учрежденію была власть личная. Неудобства отъ сего происходящія сами по себѣ ощутительны. Надлежитъ быть установленію, дабы власть сія не перерождалась въ самовластіе или не пала въ бездѣйствіе.

Не трудно опредѣлить устройство сего установленія. Допустивъ, что главный мѣстный надзоръ есть видъ или послѣдствіе установленія Министерскаго, надлежитъ только приспособить къ нему общія правила сего установленія.

Правила сіи опредѣляютъ составъ и порядокъ производства дѣлъ.

Составъ. Каждое Министерство составляется изъ Департаментовъ, коихъ начальники подъ предсѣдательствомъ Министра составляютъ *Советъ*. Слѣдовательно и мѣстныя Министерства *) должны быть составлены изъ Департаментовъ или лучше сказать изъ отдѣленій, коихъ начальники образуютъ советъ.

Производство дѣлъ. Оно раздѣлено въ Министерствахъ на три степени. Есть дѣла производимыя Начальниками Департаментовъ; другія производятся Министромъ въ Советѣ; нѣкоторыя Министромъ безъ Совета. Сіе раздѣленіе удобно можно приложить и къ мѣстнымъ Министерствамъ **).

*) Въ подлинникѣ слова: «мѣстныя Министерства» зачеркнуты и вмѣсто ихъ сверху, рукою Сперанскаго, написано карандашомъ: «Областныя Управленія».

**) Въ подлинникѣ слова: «мѣстнымъ Министерствамъ» зачеркнуты и вмѣсто ихъ, сверху, рукою Сперанскаго, написано карандашомъ: «Областному Управленію».

Тѣ-же самыя понятія опредѣляютъ и образъ сношеній главныхъ мѣстныхъ начальниковъ съ другими установленіями. Они должны быть по самому званію сему члены Комитета и 1-го Департамента Сената и слѣдовательно они должны относиться рапортами къ симъ сословіямъ; но должны сноситься сообщеніями съ Министрами.

Седьмой и послѣдній вопросъ состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить пространство, въ коемъ мѣстный главный надзоръ долженъ дѣйствовать.

Очевидно, что устанавливать его въ каждой губерніи было бы не только слишкомъ раздробительно, но и для общихъ соображеній неудобно. Соединеніе губерній въ округи ¹⁾, по двоякой соразмѣрности пространства ихъ и населенія, есть наилучшій способъ учредить средоточіе сего надзора. На семъ основано раздѣленіе, при семъ прилагаемое.

Изъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, выше предложенныхъ, происходятъ слѣдующія общія начала къ образованію главнаго мѣстнаго ²⁾ управленія.

I. Сверхъ *общаго* надзора, Правительствующему Сенату ввѣренаго, учреждается *мѣстный* главный надзоръ надъ губернскимъ управленіемъ ³⁾.

II. Для сего губерніи соединяются въ округи ⁴⁾.

III. Главный мѣстный надзоръ въ каждомъ округѣ ввѣряется Намѣстнику ⁵⁾ и Совѣту.

IV. Каждый округъ именуется *Намѣстничествомъ*, а установленіе надзора, въ немъ учреждаемое, именуется *Намѣстническимъ Управленіемъ* ⁶⁾.

V. Намѣстническое ⁷⁾ управленіе принадлежитъ къ порядку

¹⁾ Въ подлинникѣ слово: «округи» зачеркнуто и вмѣсто того сверху, рукою Сперанскаго, написано карандашемъ: «области».

²⁾ Слова: «главнаго мѣстнаго» вычеркнуты и вмѣсто ихъ написано: «областнаго».

³⁾ Слова: «надъ губернскимъ управленіемъ» вычеркнуты и вмѣсто ихъ написано: «подъ именемъ областнаго управленія».

⁴⁾ Слово: «округи» вычеркнуто и вмѣсто того написано: «области».

⁵⁾ Слова: «каждомъ округѣ ввѣряются намѣстнику» замѣнены въ подлинникѣ словами: «каждой области ввѣряется Генераль-Губернатору».

⁶⁾ Въ подлинникѣ статья эта зачеркнута, а съ боку поставленъ вопросительный знакъ.

⁷⁾ Въ подлинникѣ слово «намѣстническое» зачеркнуто и вмѣсто того написано: «областное».

Управленія Государственнаго и въ существѣ своемъ есть Министер-ство, дѣйствующее на мѣстѣ.

VI. Намѣстникъ ¹⁾ по самому званію сему есть членъ Правитель-ствующаго Сената 1-го Департамента и Министерскаго Комитета.

VII. Совѣтъ намѣстническаго ²⁾ управленія образуется подобно Совѣту въ Министерствахъ.

VIII. Образъ производства дѣлъ опредѣляется на общемъ осно-ваніи Министерскаго учрежденія.

IX. Намѣстническому ³⁾ Управленію присвоится власть надзора и власть управленія ⁴⁾ въ той мѣрѣ, какая по связи съ надзоромъ необходима.

X. Власть надзора соединяется: 1) въ движеніи дѣлъ, 2) въ обра-зѣ ихъ производства ⁵⁾.

XI. Власть управленія ⁶⁾ есть двоякая: 1) *общая*; она состоитъ въ томъ, что всѣ предметы, требующіе высшаго разрѣшенія, восход-дятъ не иначе, какъ чрезъ Намѣстническое ⁷⁾ Управленіе; 2) *осо-бенная*; она состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Предъявлять Сенату мѣстныя затрудненія въ случаѣ новыхъ постановленій, приостановляя ихъ исполненіе.

2) По дѣламъ уголовнымъ рѣшить окончательно разногласіе Гражданскаго Губернатора съ Уголовною Палатою.

3) Налагать опеки въ случаяхъ непомѣрной роскоши и жесто-кости, по правиламъ, для сего опредѣленнымъ.

4) Принимать рѣшительныя мѣры въ случаѣ народныхъ бѣд-ствій, когда мѣры сіи не терпятъ отлагательства.

5) Устранять, удалять и отрѣшшать чиновниковъ по правиламъ, для сего опредѣленнымъ.

¹⁾ Въ подлинникѣ слово «намѣстникъ» зачеркнуто и вмѣсто него поставле-но: «Генералъ-Губернаторъ».

²⁾ Слово: «намѣстническаго» вычеркнуто и вмѣсто него поставлено: «обла-стнаго».

³⁾ Въ подлинникѣ «намѣстническому» зачеркнуто и вмѣсто того написано: «областному».

⁴⁾ Въ подлинникѣ слово: «управленія» зачеркнуто и вмѣсто того написано: «разрѣшенія».

⁵⁾ Въ подлинникѣ эта статья исправлена такъ: «власть надзора прости-рается: 1) на движеніе дѣлъ; 2) на образъ ихъ производства».

⁶⁾ Въ подлинникѣ слово: «управленія» зачеркнуто и вмѣсто того написано: «разрѣшенія».

⁷⁾ Въ подлинникѣ слово: «намѣстническое» зачеркнуто и вмѣсто того на-писано: «областное».

6) Опредѣлять и представлять къ опредѣленію на мѣста и къ наградамъ.

XII. Предѣлы власти:

1) Не вводить никакихъ новыхъ постановленій.

2) Не останавливать общихъ мѣръ Правительства въ рекрутскихъ наборахъ, въ податяхъ и налогахъ.

3) Не требовать отпуска суммъ ¹⁾, росписаніемъ не назначенныхъ.

4) Не отмѣнять и даже не входить въ существо рѣшеній по дѣламъ тяжбы.

XIII. Власть надзора и исправленія, ввѣряемая Намѣстническому ²⁾ Управленію, простирается и на тѣ части, кои не входятъ въ составъ губернскаго управленія, какъ - то: на управленіе питейное, почтовое, таможенное, лѣсное, банковое и путей сообщенія ³⁾. Изъ сего исключается управленіе военное, коего сношенія съ Намѣстническимъ ⁴⁾ Управленіемъ учреждается особенно.

XIV. Предѣлы власти относительно къ симъ особеннымъ управленіямъ:

1) Не требовать ничего противнаго особеннымъ сихъ частей правиламъ.

2) Не вводить ничего новаго, но представлять виды къ ихъ усовершенію.

3) Не вмѣшиваться во внутреннее производство ихъ дѣлъ.

4) Не располагать суммами.

5) Не опредѣлять, не удалять и не отрѣзать чиновниковъ, но устранять въ случаѣ явной необходимости.

6) Не воспящать симъ частямъ требовать разрѣшеній отъ высшаго ихъ начальства непосредственно; но разрѣшенія сіи сообщать отъ Министерства мѣстному Начальству для свѣдѣнія.

На сихъ началахъ составленное Учрежденіе Намѣстническаго ⁵⁾ Управленія при семъ представляется.

Въ заключеніе остается опредѣлить образъ его введенія въ дѣйствіе.

¹⁾ Въ подлинникѣ приписано карандашемъ: «изъ Казначействъ».

²⁾ Въ подлинникѣ «намѣстническому» зачеркнуто и вмѣсто того написано: «областному».

³⁾ Слова: «лѣсное, банковое и путей сообщенія» зачеркнуты и вмѣсто ихъ написано: «и тому подобныя».

⁴⁾ Вмѣсто: «намѣстническимъ» исправлено: «областнымъ».

⁵⁾ Въ подлинникѣ слово: «намѣстническаго» зачеркнуто и вмѣсто него написано: «областнаго».

Выше были изъяснены причины, по коимъ установленіе сіе должно предшествовать общему губернскому учрежденію. Сколь причины сіи ни уважительны, нельзя однако-же не примѣтить, что совокупное введеніе обѣихъ сихъ частей Управленія представило-бы болѣе стройности и ручательства въ успѣхѣ. Безъ сего совокупнаго дѣйствія Намѣстническое ¹⁾ Управленіе, подобно Учрежденію 1775 года, бывъ оставлено собственному своему движенію, можетъ встрѣтить въ ходѣ своемъ важныя затрудненія. Въ самыхъ средствахъ и орудіяхъ своего дѣйствія, въ разслабленномъ ²⁾ губернскомъ устройствѣ, вмѣсто помощи, оно найдетъ одни препятствія. А какъ во всякомъ новомъ установленіи первыя впечатлѣнія весьма важны и довѣріе къ силѣ его необходимо: то и должно по возможности стараться, дабы сіи первыя впечатлѣнія не преградили пути къ дальнѣйшему его шествію.

Для сего самый удобнѣйшій образъ введенія сего Учрежденія былъ-бы тотъ, чтобъ издать оное въ видѣ временнаго наказа Генералъ-Губернаторамъ. Симъ Правительство получитъ средство видѣть дѣйствіе его на опытѣ, согласить его въ послѣдствіи съ Учрежденіемъ Губернскимъ, поправлять и усовершенать его постепенно безъ укоризны и измѣненій ³⁾.

¹⁾ Слово: «намѣстническое» замѣнено въ подлинникѣ словомъ: «областное».

²⁾ Въ подлинникѣ слово: «разслабленномъ» зачеркнуто.

³⁾ Въ подлинникѣ съ боку, рукою Сперанскаго, прибавлено: «NB. обязать къ срочнымъ представленіямъ объ исправленіяхъ положительно и отрицательно».

II.

Замѣчанія Министра Финансовъ на проектъ о Губернскихъ учрежденіяхъ.

(Канкретна).

Предварительныя разсужденія.

Къ чтенію бумагъ о преобразованіи Губернскаго управленія я приступилъ въ слѣдующихъ убѣжденіяхъ:

1) Не перемѣнять, елико можно, форму коренныхъ государственныхъ установленій, ибо недостатки существующаго извѣстны, новаго сокрыты.

2) Но исправлять существующее, привязывая поправленія къ прежнимъ наименованіямъ, дабы не вдругъ перемѣнить цвѣтъ вещей, и не истреблять ничего историческаго.

3) Правила сіи нынѣ особенно нужны. Духъ перемѣнчивости возобладалъ народами: требуютъ отъ правительствъ сверхчеловѣчное; потеряли изъ виду несовершенство человѣческихъ дѣлъ. При семъ расположеніи умовъ правительства имѣютъ вящую обязанность озаботиться о всѣхъ возможныхъ улучшеніяхъ и о положеніи началъ будущаго усовершенствованія дѣлъ государственныхъ. Но всячески должно стараться, чтобъ безъ совершенной необходимости не перемѣнять самую форму существующаго управленія. Дать примѣры частымъ перемѣнамъ въ низшемъ значить колебать среднее, перемѣнить среднее — заставить многихъ думать о высшемъ. Англія, Пруссія, самая Россія, даютъ многіе примѣры исправленій безъ сломки стараго зданія.

4) Губернское устройство лучше выдумать нельзя, какъ оно есть; ибо Екатерина II руководствовалась примѣромъ лучше устроенныхъ

Монархій. Недостатки сего учрежденія происходят не отъ первоначальныхъ ошибокъ, а отъ того, что не рѣшились благовременно приступить къ тѣмъ починкамъ, кои въ каждомъ зданіи по временамъ необходимы. Но сіи исправленія не трудны, не требуютъ коренной переломки, или вставленія новыхъ колесъ, а еще менѣе совершенной перемены духа сего управленія.

Главные недостатки онаго нынѣ кажется суть:

- a) обезсиленіе мѣстной власти;
- b) излишество мертвыхъ формъ;
- c) недостатокъ постепенности въ исполненіи и отвѣтственности;
- d) множество бесплодной переписки, дѣлъ, вѣдомостей, справокъ наиболѣе умозрительныхъ и столь огромныхъ, что ихъ читать нельзя;
- e) полицейское утѣсненіе общежитія;
- f) недостатокъ способовъ сношеній правительства съ публикою;
- g) нѣкоторыя неудобства въ порядкѣ дворянскихъ выборовъ;
- h) множество худо заплаченныхъ чиновниковъ, и ежедневное почти умноженіе сего рода налоговъ;
- i) недостатки общаго нашего законодательства;
- k) разные матеріальные недостатки, требующіе перемены.

Исправленіе сихъ недостатковъ, по моему мнѣнію, можетъ быть сдѣлано постепенно, съ удобностью; крутая переформировка будетъ сопровождаема большими потрясеніями и остановками. Извѣстно что стоило первоначальное введеніе Губернскаго учрежденія, даже исподоволь.

Исправленіе таковое можетъ быть исполнено тѣмъ удобнѣе, что всѣ вышеписанные недостатки наиболѣе не свойственны коренной мысли Губернскаго учрежденія, а составляютъ частныя недодѣлки; многіе жъ вкрались временемъ, въ противность началамъ сего учрежденія; важнѣйшій вредъ произошелъ отъ введенія бумажныхъ денегъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ ничтожность всѣхъ окладовъ жалованья.

Соображенія о проектѣ новаго Губернскаго учрежденія.

Въ сихъ убѣжденіяхъ приступивъ къ чтенію проекта, я имѣлъ намѣреніе ограничиться одною финансовою частью, но по связи дѣла сего исполнить не могъ, исключая однако судебной части.

1) Первая черта сего предположенія, при нѣкоторомъ сохраненіи нынѣшняго наружнаго вида, есть коренная перемена не токмо духа Губернскаго учрежденія, но даже правилъ, нынѣ вообще при-

нятыхъ въ Европейскихъ Монархіяхъ, по примѣру Сибирскаго учрежденія и бывшаго устройства Рязанской губерніи.

Въ Европейскихъ Государствахъ принята система линейнаго устройства разныхъ отраслей службы; то есть, каждая линія управленія: администрація, полиція, финансы имѣеть главою Министра, линія же каждаго Министерства идетъ отдѣльно чрезъ всѣ инстанціи, имѣя однако съ другими столько связи на мѣстахъ, сколько необходимо нужно.

Напротивъ система новаго губернскаго устройства есть такъ сказать островное, почти можно бы было сказать федеративное. Каждая губернія составляетъ такъ сказать малое владѣніе, которое отъ главнаго начальства зависитъ только въ извѣстныхъ отношеніяхъ, съ предоставленіемъ оному только рода исправительной власти, а отнюдь не власти общаго направленія. Сверхъ того и уѣздное управленіе также, до извѣстной степени, уединено, и столько независимо отъ губернскаго, какъ сіе отъ главнаго; словомъ, Государство состояло бы изъ 50 малыхъ губернскихъ государствъ и 500 уѣздныхъ губерній; оно похоже на систему древнихъ удѣловъ. Изъ сего слѣдуетъ, что сія система есть противоположность того устройства управленія, гдѣ жалуются на излишнее сосредоточеніе дѣлъ (centralisation); а напротивъ есть система розничнаго управленія (divergenum).

Сибирское учрежденіе, которое по финансовой части однако имѣеть нѣсколько болѣе связи съ Министерствомъ, нежели здѣсь предположенное, служить примѣромъ послѣдствій таковой системы, какъ извѣстно тѣмъ, кои занимаютъ ближе управленіемъ какой либо части; хотя впрочемъ толь отдаленная часть Государства нѣкоторымъ образомъ и можетъ требовать коллегіальнаго устройства.

2. Вторая черта новаго учрежденія есть совершенное ослабленіе личной власти въ губерніяхъ и введеніе системы всеобщаго коллегіальнаго управленія, съ многими новыми инстанціями; словомъ, дается перевѣсъ демократическому правилу (принимая какъ сіе слово, такъ и прочія подобныя отнюдь не въ дурномъ смыслѣ).

Въ Европейскихъ монархіяхъ, кромѣ Франціи, Англии и нѣкоторыхъ другихъ, существуетъ правило, чтобъ личная власть (personalisme) въ дѣлахъ управленія имѣла нѣкоторый перевѣсъ, однако была смятаема умѣреннымъ коллегіализмомъ. Въ Пруссіи есть Президенты и Оберъ-Президенты, въ Австріи есть Губернаторы и командующіе провинціями, всѣ значительную степень власти имѣющіе. Коллегіи, не бывъ въ оковахъ толь тяжелыхъ формъ, какъ у

насть, при постепенной власти совѣтниковъ, имѣющихъ экспедиціи, умѣряютъ съ одной стороны сію власть, не задерживая ходъ управленія, но съ другой стороны личная власть довольно сильна, чтобъ отклонить недостатки управленія многихъ. Совершенно въ семь смыслѣ расположено губернское учрежденіе. Оно въ своемъ родѣ во время введенія онаго было гораздо совершеннѣе, нежели устройство тогдашняго высшаго правительства посредствомъ Сената; но линейное управленіе наконецъ сдѣлалось общимъ черезъ учрежденіе Министерствъ. Если губернское устройство имѣетъ недостатокъ, то по истинѣ онъ состоитъ не въ излишествѣ власти персонализма, а въ недостаткѣ онаго, по случаю тяжелаго устройства коллегіализма и множества введенныхъ формъ и переписокъ, такъ что Губернскія Коллегіи сдѣлались не мѣстами зрѣлости, а мѣстами дряхлости, въ коихъ не столько идетъ вопросъ о томъ, чтобъ дѣлать много и хорошо, а чтобъ описывать и контролировать тѣ малости, кои исполнены, или же отписываться, почему ничего не могло быть сдѣлано.

Новое предположеніе не токмо не исправляетъ недостатокъ излишнихъ совѣщаній, но еще умножаетъ оный: вмѣсто коллегіализма оно вводитъ даже комитетское управленіе (comitetisme) — слабѣйшее изъ всѣхъ, и умножаетъ инстанціи. Соединяя губернію съ одной стороны въ отдѣльное цѣлое, съ другой стороны раздробляетъ оное паки по уѣздамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаетъ выгодную пружину отвѣтственности.

Послѣдствія сего будутъ — чрезвычайная медленность въ дѣлахъ, умноженіе дѣлъ, формъ и переписки; умноженіе чиновниковъ и издержекъ; худшее замѣщеніе канцелярскихъ мѣстъ по умноженію числа ихъ; недостатокъ единства въ правилахъ и направленіяхъ; крайнее отягощеніе публики, чрезъ умноженіе мѣстъ и лицъ, гдѣ нужно ходатайство и пр. Но болѣе всего вредно раздробленіе отвѣтственности. Губернаторъ будетъ имѣть мало сердца къ губернскимъ дѣламъ, ибо ему противодѣйствуетъ непрерывно большое число совѣтниковъ; Казенная Палата мало будетъ радѣть о своихъ дѣлахъ, ибо еще будутъ рассмотрѣны выше; высшіе Губернскіе Совѣты — и кто не знаетъ духъ подобныхъ собраній? — также не будутъ имѣть усердія, ибо отвѣтственность такъ раздроблена, что никто оной не страшится; а конецъ всему будетъ, что губерніею править будетъ одинъ какой либо чиновникъ или секретарь, который смѣлѣе другихъ.

Кромѣ того извѣстно, что вѣрный способъ ничего не дѣлать, ничего не исправить, есть введеніе излишнихъ инстанцій и совѣща-

ній. Духъ продолжительнаго совѣтованія рождаетъ страсть къ лишнимъ справкамъ, вопросливость подчиненныхъ и склонность къ полумѣрамъ. Министерства, не имѣя возможности дать мѣстнымъ начальствамъ потребное направленіе и вида или противодѣйствіе или слабость и завязчивость исполненія, также должны охолодѣть къ государственнымъ дѣламъ. Послѣдствія докажутъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ весь ходъ государственныхъ дѣлъ, если не останется, то придетъ въ совершенную вялость, несвойственную неизмѣримой Россіи.

И какая настоитъ надобность въ таковой коренной перемѣнѣ? Дѣла губернскія отнюдь не такъ важны, чтобъ они не могли быть кончены въ нынѣшнихъ Коллегіяхъ — Губернскомъ Правленіи и Казенной Палатѣ, чтобъ еще нужно было, такъ сказать, учредить Оберъ-Коллегію въ губерніи, и Унтеръ-Коллегіи въ уѣздахъ; кромѣ того въ весьма важныхъ случаяхъ самое учрежденіе губерніи уже предназначило высшее совѣщательное мѣсто.

Я не могу скрыть мое убѣжденіе, что введеніе такового порядка было бы начало обезсиленія Россіи; что же касается финансовъ, кои только поддерживаются крайними усиліями персонализма и быстротою производства, то они и годъ не могутъ остаться въ ходу. Россія есть Государство весьма огромное и весьма напряженное; сила управленія должна быть соразмѣрна сей массѣ.

3. За симъ обращаюсь къ разнымъ частнымъ примѣчаніямъ:

1) учрежденіе особаго предсѣдательнаго Губернскаго Правленія отчуждаетъ Губернатора отъ дѣлъ, рождаетъ новыя инстанціи и интриги, отнимаетъ отъ нынѣшняго Вице-Губернатора уваженіе, умножаетъ число мѣстъ и издержки — по моему мнѣнію безъ всякой надобности. Дѣла губернскія были бы вовсе незатруднительны, если уменьшить формы, отсѣчь лишнія донесенія, вѣдомости и переписки, а особенно еслибы власть и отвѣтственность были опредѣлены постепенно, и не всякое дѣло вступало въ общія присутствія.

2) Сія постепенность власти и отвѣтственность однако въ новомъ проектѣ не получили дальнѣйшей опредѣлительности, ибо совѣтникамъ дозволено только собирать свѣдѣнія, что и теперь могутъ дѣлать.

3) Высшее губернское управленіе по проекту затруднено многими дѣлами, кои займутъ и развлекутъ оное такъ, что некогда будетъ заниматься важнѣйшими дѣлами. Сюда принадлежатъ наприкладъ мѣръ производство торговъ, выдача подорожныхъ, дѣла по опре-

дѣленію и награжденію всѣхъ чиновниковъ, наложеніе пеней, дѣла по описямъ и оцѣнкамъ, разсмотрѣніе волостныхъ издержекъ, утвержденіе головъ и волостныхъ писарей, надѣленіе казенныхъ крестьянъ землями, гѣсныя смѣты, ревизія дѣлъ и пр. и пр. Послѣ сего кажется остающіяся Губернскимъ Правленіямъ и Казеннымъ Палатамъ дѣла толь маловажны, что не нужно имѣть сихъ Коллегій, или можно сказать они и существовать будутъ только по имени. Сверхъ того отъ сосредоточенія всѣхъ линій службы въ одномъ Совѣтѣ наиболѣе потерпитъ Министерство Финансовъ, дѣла коего требуютъ скорости, рѣшимости и повсемѣстное единообразное слѣдованіе направленію Министерства. Власть, предоставляемая сему высшему губернскому мѣсту, толковать законы, критиковать постановленія правительства и дать инструкціи мѣстамъ и лицамъ, непремѣнно распестритъ всѣ вѣтви управленія, ослабитъ уваженіе къ правительству и намѣсто единого Государства поставитъ сословіе губерній, состоящихъ каждая изъ сословія уѣздовъ и составляющихъ каждая *statum in statu*.

4) Хотя изложеніе формъ, коими должны руководствоваться губернскія мѣста, сдѣлано болѣе вкратцѣ, однако по моему мнѣнію они не довольно еще сокращены и введены разные новые ненужные предметы письменнаго производства, напримѣръ дежурныя книги, въ кои ежедневно должно вписать многія сотни конвертовъ, дорожныя журналы и пр. Отчеты о дѣйствіяхъ также будутъ весьма затруднительны, и получаясь поздно (отчеты изъ Сибири получаютъ весьма поздно), не принесутъ желаемой пользы. По крайней мѣрѣ Казенныя Палаты ихъ дать не могутъ. Отчеты таковыя весьма полезны тамъ, гдѣ есть главные распоряженія, но по исполнительнымъ мѣстамъ они должны разойтись на одно мелочное повтореніе сдѣланныхъ исполненій, препятствуя чрезъ потерю времени и трудъ составленія самому исполненію дѣлъ. Притомъ наблюденіе Министерства или Губернскаго начальства должно быть непрерывное и современное по дѣйствіямъ и случаямъ, а не послѣдующее по отчетамъ, слишкомъ поздно получаемымъ.

4. Соединеніе въ уѣздахъ управленія городского и сельскаго въ одномъ мѣстѣ представляетъ многія затрудненія, но не входя въ подробности сего дѣла, приводятся только нѣкоторыя частныя примѣчанія:

Казенный Приказъ, составленный изъ уѣзднаго казначея и виннаго пристава, можетъ существовать по одному именованію, ибо сіи должности не имѣютъ ничего общаго.

Невозможно, чтобъ Уѣздныя Правленія составляли росписанія податей, ибо сей труднѣйшій счетный предметъ—оклады—съ нуждою ежегодно оканчивается въ Казенной Палатѣ. Еще менѣе Уѣздное Правленіе можетъ составить вѣдомости о недоимкахъ, ибо сіе есть дѣло уѣзднаго Казначея, а истребованіе и пересмотръ ихъ былъ бы лишній переходъ.

Вообще соединеніе въ Уѣздныхъ Правленіяхъ дѣлъ управленія, полиціи и финансовъ, по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ отношеніи, совершенно невозможно, ибо финансовыя дѣла никакъ нельзя вывести изъ своей линіи и сіи 500 маленькихъ Казенныхъ Палатъ надѣлали бы лишь остановки.

Распредѣленіе дѣлъ между засѣдателями, напримѣръ хозяйственной части одному, неудобовозможно потому, что чрезмѣрно умножились бы разъѣзды и много потерялось бы времени. Теперь засѣдатель, бывъ въ какой либо волости, съ удобностью исполняетъ въ одно время полицейскія, судебныя и хозяйственныя дѣла; но тогда должны прибыть разные засѣдатели. Лучшій порядокъ есть кажется тотъ, который введенъ въ Польскихъ губерніяхъ, то есть чтобъ каждый засѣдатель имѣлъ особую часть уѣзда.

5. Сводъ административныхъ уставовъ съ одной стороны весьма полезенъ, но съ другой стороны по администраціонной части недостаточенъ. По несовершенству нашихъ узаконеній, они въ практикѣ получали исполнительность многими министерскими разрѣшеніями и предписаніями, а частію обычаями. Одно предложеніе уставовъ возродитъ вдругъ тысячи вопросовъ о порядкѣ исполненія, особливо при новомъ образованіи средняго управленія. Министры же, не имѣя власти ихъ рѣшать, завалятъ высшее правительство, а между тѣмъ дѣло станеть.

6. Польза Коммерческихъ Судовъ въ каждой губерніи при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ сомнительна, и лучше ихъ устроить постепенно по мѣрѣ надобности.

Въ заключеніе долгомъ считаю объяснить, что по моему мнѣнію можно бы предпринять слѣдующее:

1) Не издавать новаго учрежденія о губерніяхъ, а исправить недостатки нынѣшняго постепенно, примѣрно на основаніи слѣдующихъ пунктовъ:

2) Для Губернскихъ Правленій издать положеніе о производствѣ дѣлъ, въ коемъ, подобно представленному положенію для Казенныхъ Палатъ, сократить дѣлопроизводство, формы и журналы и да-

же еще болѣе распредѣлить дѣла твердо между Совѣтниками и столами, усилить власть экспедицій (отдѣлений) и пр.

3) По каждому Министерству дѣлать разсмотрѣніе о сокращеніи дѣлъ въ отношеніи къ губерніямъ и въ оныхъ самихъ.

4) Постепенно улучшить содержаніе чиновниковъ.

5) Ввести губернскія газеты, какъ уже назначено.

6) Распредѣлить засѣдателей Земской Полиціи по кварталамъ уѣздовъ, и облегчить порядокъ производства дѣлъ въ Земскихъ Судахъ.

7) Дать дворянскимъ выборамъ такое устройство, чтобъ уѣздные судьи и чиновники Земской Полиціи не такъ часто мѣнялись.

8) Назначить подробнѣе случаи, въ коихъ дѣла должны поступать на разсмотрѣніе Совѣта Предсѣдателей въ губерніи и пр. и пр. и пр.

С. П. Б.

30 марта 1880 г.

ВОЗРАЖЕНІЯ

НА ЗАМѢЧАНІЯ ГРАФА КАНКРИНА

(СПЕРАНСКАГО).

Первая мысль, встрѣчающаяся при чтеніи замѣчаній Министра Финансовъ, есть та, что они относятся къ какому либо другому проекту учрежденія, а не къ тому, которое было составлено въ Комитетѣ.

Примѣчанія его предполагаютъ такое устройство губернскихъ дѣлъ, коему нельзя почти найти примѣра ни въ какомъ благоустроенномъ Государствѣ, и которое не только въ Россіи представляло бы сущую негѣпость, но было бы несовмѣстно даже и въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ.

I (черта первая). Въ его проектѣ есть какое-то, такъ имъ называемое, *островное* или федеративное устройство — въ проектѣ Комитета просто принято то самое устройство, какое нынѣ существуетъ; а то, что онъ называетъ испроверженіемъ коренныхъ государственныхъ установленій, перемѣною духа учреждений, состоитъ: 1) въ томъ, что два или три раза въ недѣлю, болѣе или менѣе, Губернаторъ и Вице-Губернаторъ будутъ собираться съ Предсѣдателемъ Казенной Палаты и съ двумя Совѣтниками въ одно общее присутствіе для совѣщанія и для рѣшенія дѣлъ общихъ, т. е. будутъ рѣшать въ личной совокупности то самое, чего и нынѣ рѣшить иначе не могутъ, какъ совокупно же, но или посредствомъ многосложной переписки, или посредствомъ присутствія Губернатора въ Казенной Палатѣ (извѣстно, что и нынѣ въ ней ничто важное не рѣшится безъ сношенія или безъ утвержденія Губернатора); 2) въ томъ, что въ уѣздѣ, гдѣ нынѣ нѣтъ начальника, полагается быть начальнику, и въ волости, гдѣ нынѣ нѣтъ порядка, вводится порядокъ, надзоръ и отвѣтственность.

II (черта вторая). Въ проектѣ Министра Финансовъ есть какое то новое введеніе системы всеобщаго коллегіальнаго управленія со многими новыми инстанціями—въ проектѣ Комитета нѣтъ ни одной новой Коллегіи, ни одной новой инстанціи. Общее Присутствіе въ губерніи столь же мало есть инстанція, какъ нынѣ присутствіе Губернатора въ Казенной Палатѣ, и собраніе всѣхъ Палатъ въ одно присутствіе не есть инстанція.

III. Въ проектѣ Министра Финансовъ предполагается намѣреніе разрушить то, что онъ называетъ *персонализмомъ* или личною властію въ управленіи. Въ проектѣ Комитета не было сего намѣренія и не могло быть потому, что Комитетъ ничего не прибавлялъ и не убавлялъ ни въ пространствѣ, ни въ предѣлахъ *личной губернской власти*, но слѣдовалъ въ точности прежнему учрежденію. Здѣсь разность между проектомъ Министра Финансовъ и проектомъ Комитета произошла вѣроятно отъ того, что Министръ Финансовъ, какъ изъ самыхъ его примѣчаній видно, не твердѣ въ силѣ и подробностяхъ нынѣшняго Губернскаго учрежденія; такъ напримѣръ, онъ предполагаетъ, будто съ учрежденія Министерства и Губернскаго управленія перелилось въ его формы; сіе есть то, что онъ называетъ *линейнымъ управленіемъ*, — предположеніе совершенно неосновательное. Система устройства Министерскаго и составъ управленія Губернскаго, какъ были прежде, такъ и нынѣ суть двѣ системы разныя. Казенная Палата столь же мало есть отдѣленіе или Департаментъ Министерства Финансовъ, сколько Губернское Правленіе не есть отдѣленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ семъ состоятъ существенныя различія между проектомъ, къ коему относятся примѣчанія Министра Финансовъ, и тѣмъ, который былъ ему сообщенъ.

Послѣдствія, кои онъ извлекаетъ изъ своего проекта, довольно вѣрны, и можно сказать, что всѣ грозныя его предсказанія могли бы дѣйствительно совершиться, если бы сей странный его проектъ могъ быть приведенъ въ дѣйствіе.

III.

Замѣчанія Министра Внутреннихъ Дѣлъ по предмету новаго Учрежденія для управленія губерній.

(ЗАКРЕВСКАГО).

Цѣль составленія новаго Учрежденія для управленія губерній, какъ видно изъ введенія къ оному, была та, дабы исправить недостатки существующаго Учрежденія о губерніяхъ.

Между тѣмъ, прочитавъ упомянутый проектъ, я нахожу, что онымъ измѣняется почти во всѣхъ частяхъ дѣйствующее нынѣ Учрежденіе для управленія губерній.

Дабы опредѣлить существенное достоинство новаго закона, предполагаемаго въ замѣнъ существующаго, надлежитъ, по мнѣнію моему, сообразить во всѣхъ подробностяхъ недостатки сего послѣдняго съ тѣми послѣдствіями, какихъ ожидать должно отъ вновь предполагаемаго.

Въ семъ соображеніи я имѣю честь о главныхъ основаніяхъ проекта новаго Учрежденія для управленія губерній по предметамъ, относящимся до ввѣреннаго мнѣ Министерства, равно и о недостаткахъ нынѣ существующаго Учрежденія, изъясненныхъ во введеніи къ тому проекту, представить слѣдующія мои замѣчанія.

- 1) *О предоставленіи главной власти въ губерніи по части полиціи и хозяйства не Начальнику губерніи, а особому присутствію.*

Во введеніи къ проекту сказано: «Губернское Правленіе въ существѣ своемъ есть токмо Канцелярія Гражданскаго Губернатора, поелику резолюція его рѣшитъ все дѣло и Совѣтники, несогласные съ мнѣніемъ его, не могутъ остановить исполненія по дѣлу, а токмо

вносятъ голосъ свой въ журналъ, каковое право имѣеть и Секретарь каждаго судебного мѣста; слѣдовательно одна личная власть Губернатора дѣйствуетъ.

Въ проектѣ предположено: «Сосредоточить главную власть въ губерніи по части полиціи и хозяйства не въ лицѣ Начальника губерніи, но въ особой высшей по сей части инстанціи, которую учредить подъ именемъ *Общая Присутствія Губернскаго Правленія и Казенной Палаты*, и которой состоятъ, подъ предсѣдательствомъ Гражданскаго Губернатора, изъ Вице-Губернатора и Предсѣдателя Казенной Палаты, изъ Старшихъ Совѣтниковъ Губернскаго Правленія и Казенной Палаты, и изъ Засѣдателя Приказа Общественнаго Призрѣнія; а въ нѣкоторыхъ указанныхъ случаяхъ и изъ всѣхъ членовъ сихъ мѣстъ въ совокупности. Дѣла въ семъ Общемъ Присутствіи рѣшить по большинству голосовъ, но когда Губернаторъ не согласенъ съ большинствомъ, то исполненіе останавливать и дѣло представлять на разсмотрѣніе того Министерства, до коего принадлежитъ; въ случаяхъ же важныхъ Губернатору приводить мнѣніе свое въ исполненіе и вопреки единогласному опредѣленію прочихъ членовъ присутствія, донося токмо о томъ высшему Начальству (§§ 11, 37, 38, 39, 40, 41, 69, 70, 71 и 72)».

Замѣчаніе. По существующему Учрежденію о губерніяхъ *) Совѣтники Губернскаго Правленія не суть безмолвные исполнители приказаній Губернатора. Они обязаны разсужденіемъ своимъ уважать всякое дѣло и, въ случаѣ несогласія Губернатора съ ихъ сужденіемъ, доносить о томъ высшему Начальству.

Многія дѣла, имѣющіяся во вѣренномъ мнѣ Министерствѣ, доказываютъ, что подобныя со стороны Совѣтниковъ представленія бывають не рѣдко. Слѣдовательно, всякое личное распоряженіе Губернатора, учиненное въ противность мнѣнія хотя одного изъ Совѣтниковъ, подвергается пересмотру вышняго Правительства. Чтожъ принадлежитъ до того, что законъ обязываетъ Совѣтниковъ исполнять резолюцію Губернатора, не взирая на несогласіе ихъ съ оною, то законъ сей совершенно необходимъ по свойству дѣлъ, отнесенныхъ къ вѣдомству Губернскаго Правленія **), изъ коихъ большая часть не терпитъ медленности въ своемъ исполненіи.

*) Учрежд. о губерніяхъ ст. 103.

***) Учрежд. о губерніяхъ ст. 95, 96 и 97.

Все сіе показываетъ, что Губернское Правленіе не есть Канцелярія Губернатора, безмолвно исполняющая его приказанія, и что всякое рѣшеніе Губернатора, учиненное вопреки мнѣнія Совѣтниковъ, подвергается уваженію вышняго Начальства для утвержденія, исправленія, или отмѣны.

Предположеніе вручить главную исполнительную власть въ губерніи коллегіи, именуемой *Общицею Присутствіемъ Губернскаго Правленія и Казенной Палаты* и состоящей при засѣданіяхъ обыкновенныхъ изъ шести, а при чрезвычайныхъ изъ 17-ти и болѣе членовъ, уже съ перваго взгляда представляетъ неудобство. Свойство власти исполнительной и дѣлъ, подлежащихъ оной, требуетъ скорости въ рѣшеніяхъ и быстроты въ распоряженіяхъ, дѣйствія же всякой Коллегіи, особенно многочисленной и многосложной, всегда медленны. Но неудобство сего предположенія раскрывается наиболѣе при разсмотрѣніи состава оной Коллегіи и правилъ, предначертанныхъ къ ея дѣйствію. Составъ ея есть соединеніе членовъ Губернскаго Правленія, Казенной Палаты и Приказа Общественнаго Призрѣнія, подъ предсѣдательствомъ Гражданскаго Губернатора. Дѣла, отнесенныя къ ея разсмотрѣнію, поступаютъ изъ самыхъ сихъ мѣстъ, или относятся къ вѣдомству оныхъ. Такимъ образомъ принадлежитъ членамъ сей Коллегіи разсматривать дѣйствія тѣхъ самыхъ мѣстъ, коихъ они также состоятъ членами, или яснѣе сказать, обсуживать и ревизовать собственныя свои дѣйствія. Послѣдствія такового установленія не могутъ быть полезны для службы и онѣ по самому существу установленія сего очевидны. Гражданскій Губернаторъ, предсѣдательствующій въ семъ присутствіи, хотя и есть лице участвующее въ обсуживаемыхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ упомянутыхъ мѣстъ, но онъ, при взаимномъ единомысліи большинства членовъ, нерѣдко можетъ увлеченъ быть къ соглашенію съ ними. Но если бы онъ, проникая сущность всякаго дѣла и обсуживая оное съ непоколебимымъ безпристрастіемъ, не сталъ соглашаться съ большинствомъ мнѣній, то что отъ сего послѣдуетъ? Министерства въ семъ послѣднемъ случаѣ, въ кои дѣла должны быть вносимы на разсмотрѣніе, скоро будутъ обременены необъятнымъ количествомъ оныхъ, и какъ въ числѣ ихъ многія нельзя будетъ рѣшить безъ требованія дополнительныхъ объясненій и отвѣтовъ, или безъ представленія Правительствующему Сенату, то дѣла, требующія по свойству своему скорого исполненія, будутъ необходимо дѣлиться по нѣсколькимъ мѣсяцевъ, а иногда и по нѣсколь-

ку гѣтъ во вредъ пользамъ общественнымъ и въ предосужденіе службы государственной.

Сверхъ того учрежденіе особаго постояннаго присутствія изъ членовъ Губернскаго Правленія и Казенной Палаты влечетъ за собою еще слѣдующее неудобство. Чиновники сін два дня въ недѣлю, какъ полагается въ проектѣ, обязаны засѣдать въ помянутомъ присутствіи (а по количеству дѣлъ, на оное возлагаемыхъ, безъ сомнѣнія принуждены будутъ въ послѣдствіи времени учащать тамъ свои засѣданія). Слѣдовательно цѣлую треть времени, опредѣленнаго въ году для службы, они будутъ отвлекаемы занятіями въ семъ присутствіи отъ исполненія настоящихъ обязанностей, сопряженныхъ съ должностями ихъ въ Правленіи, или Палатѣ, отъ чего неминуемо должно произойти запущеніе дѣлъ въ сихъ послѣднихъ мѣстахъ. Таковое запущеніе дѣлъ въ Правленіи и Палатѣ тѣмъ легче можетъ произойти и потомъ быть терпимо, что и самый надзоръ, дабы не было въ теченіи дѣлъ медленности, ввѣряется тому же Общему Присутствію, то есть тѣмъ самымъ лицамъ, которыя могутъ быть главными виновниками запущенія.

По симъ соображеніямъ я не могу быть убѣжденъ, чтобъ учрежденіе на изъясненныхъ въ проектѣ основаніяхъ Общаго Присутствія Губернскаго Правленія и Казенной Палаты могло быть полезно.

2) *О надзорѣ за правильнымъ рѣшеніемъ дѣлъ и немедленнымъ движеніемъ оныхъ.*

Во введеніи къ проекту сказано: «Надзоръ Прокурора ничтоженъ, потому что протесты его не могутъ останавливать исполненія и послѣдствія оныхъ являются не прежде, какъ спустя немалое время; что надзоръ сей разсѣянъ на многія тысячи дѣлъ полицейскихъ, хозяйственныхъ и судебныхъ, и что оный есть надзоръ лица низшаго надъ высшимъ».

Въ проектѣ предположено: «Прокурора и Стряпчихъ, какъ Губернскихъ, такъ и Уѣздныхъ, устранить отъ надзора за движеніемъ дѣлъ полицейскихъ и хозяйственныхъ, а равно и отъ просмотра журналовъ и опредѣленій по симъ дѣламъ. Вмѣсто того, *надзоръ за движеніемъ* упомянутыхъ дѣлъ, раздѣляя оный на внутренней и внешней, поручить: *внутренній* въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ Президенту онаго, а *внешній*: въ Губернскомъ Правленіи и Казен-

ной Палатѣ — Общему ихъ Присутствію; въ Уѣздныхъ же мѣстахъ — Уѣздному Правленію (§§ 41, 93 и 261)».

Замѣчаніе. По Учрежденію о губерніяхъ и предшествовавшимъ оному постановленіямъ надзоръ, возложенный на обязанность Прокурора, есть *двойкій*: одинъ за *правильностію рѣшенія дѣлъ*, а другой за *движеніемъ оныхъ*.

Перваго рода надзоръ имѣеть слѣдующій порядокъ. Всѣ журналы и опредѣленія Губернскаго Правленія (или внаго присутственнаго мѣста, подлежащаго прокурорскому надзору) прежде исполненія по онымъ сообщаются на просмотръ Прокурора. Сей послѣдній, когда найдетъ, что существо какого либо опредѣленія не соотвѣтствуетъ закону, дѣлаетъ о томъ присутствію напаматованіе, сперва словесно, потомъ письменно. Если Губернское Правленіе и затѣмъ останется при своемъ заключеніи, которое и приводитъ въ исполненіе, то Прокуроръ протестуетъ противъ онаго Министру Юстиціи. Правительствующій Сенатъ, которому протестъ сей предлагается на разсмотрѣніе, рѣшаетъ: чье заключеніе правильно, Губернскаго ли Правленія, или Прокурора. При чемъ если окажется, что заключеніе присутствія было противно закону, то члены присутствія, учинившіе таковое заключеніе, подвергаются взысканію. Изъ сего порядка надзора за правильностію рѣшенія дѣлъ слѣдуетъ, что прежде нежели рѣшеніе приведено будетъ въ дѣйствіе, неправильность онаго уже предлагается на разсужденіе присутствія. Слѣдовательно оно можетъ исправлено быть еще, такъ сказать, въ проектѣ своемъ. Дабы не согласиться на предлагаемое исправленіе рѣшенія неправильнаго, надобно чтобы или обстоятельства дѣла были весьма неясны и понимаемы двойкимъ образомъ, или присутствующіе надѣялись на невзыскательность вышняго начальства. Оба случая весьма рѣдки. Но и въ сихъ рѣдкихъ случаяхъ неправильное рѣшеніе не остается въ своей силѣ. Протестъ Прокурора подвергаетъ оное пересмотру вышняго начальства и уничтоженію. Если же окончательныя послѣдствія протестовъ прокурорскихъ (то есть уничтоженіе неправильныхъ рѣшеній и взысканія за оныя съ присутствующихъ) являются иногда и не прежде, какъ по прошествіи немалаго времени, то сіе нисколько не ослабляетъ ихъ дѣйствія, ибо неизбѣжность таковыхъ послѣдствій, предварительно извѣстная, достаточна уже къ удержанію отъ умышленно неправильныхъ рѣшеній. Посему случайная медленность въ разрѣшеніи протестовъ и не можетъ принята быть въ основаніе къ уничтоженію прокурорскаго надзора по дѣламъ полиціи и хозяйства, симъ толико важнымъ ча-

стямъ губернскаго управленія. Равнымъ образомъ не можетъ служить тому основаніемъ и чрезмѣрное множество дѣлъ, надзору Прокурора подлежащихъ. Безъ сомнѣнія, со времени изданія Учрежденія о губерніяхъ, народонаселеніе почти вдвое увеличилось во всѣхъ губерніяхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ умножилось и количество дѣлъ въ оныхъ. Отъ сего число чиновниковъ, Учрежденіемъ опредѣленное, которое соображено было съ тогдашнимъ народонаселеніемъ*), нынѣ по количеству дѣлъ вообще оказывается къ успѣшному оныхъ управленію недостаточнымъ. Но для отвращенія сего недостатка, нужно токмо умножить по соразмѣрности число чиновниковъ въ отношеніи къ полиціи и хозяйству сего установленія, польза коего оправдана многолѣтними опытами.

Съ уничтоженіемъ вліянія прокурорскаго на дѣла полицейскія и хозяйственныя, и со введеніемъ порядка, предположеннаго въ проектѣ, рѣшенія Губернскаго Правленія и Казенной Палаты, въ случаѣ неправильности оныхъ, не токмо не будутъ предлагаемы Присутствію для исправленія, прежде приведенія оныхъ въ исполненіе, но и по самомъ исполненіи рѣшенія сія будутъ подвергаться пересмотру не иначе какъ когда на оныя послѣдуютъ жалобы. Но въ дѣлѣ безгласномъ, гдѣ есть доказательства, а нѣтъ истца, отъ кого можетъ возникнуть жалоба? Въ дѣлѣ казенномъ (не тяжебномъ), гдѣ для выгоды частныхъ жертвуется иногда пользами казны, кто будетъ истцомъ? Прокуроръ, который въ обояхъ сихъ случаяхъ, по существующему учрежденію о губерніяхъ, обязанъ производить искъ, будетъ устраненъ отъ всякаго въ оныхъ дѣлахъ участія. Гражданскій Губернаторъ, который нынѣ, по наказамъ о должности его, есть глава и хозяинъ губерніи, оберегатель пользы казны и побудитель дѣлъ безгласныхъ, будетъ также удаленъ отъ вліянія на дѣла сія, ибо обязанности званія его ограничатся токмо предсѣдательствомъ въ Общемъ Присутствіи Губернскаго Правленія и Казенной Палаты, слѣдовательно по тѣмъ изъ упомянутыхъ дѣлъ, которыя до сего Присутствія не достигнутъ, онъ лишень будетъ возможности не токмо дѣйствовать благовременно и съ приличною настойчивостію, но даже и довести ихъ до свѣдѣнія вышняго начальства. Въ такомъ положеніи не останется иныхъ способовъ вышнему Правительству къ раскрытію злоупотребленій въ подобныхъ случаяхъ какъ ободрять доносы. Но доносы сами по себѣ суть уже великое зло, ибо наибольшая часть оныхъ оказываются обыкно-

*) Учрежд. о губерніяхъ ст. 1.

венно неправильными и затѣянными изъ вражды личной, или другихъ побужденій предосудительныхъ, не менѣе того по симъ ложнымъ доносамъ нерѣдко чиновники и граждане самые отличные невинно подвергаются слѣдствіямъ или нареканіямъ. Посему Правительство мудрое всегда печется объ уменьшеніи доносовъ. Съ сего цѣлю Петръ Великій учредилъ и Прокуроровъ *).

Совокупность такихъ соображеній показываетъ сколь полезно настоящее вліяніе прокурорской власти по части полиціи и хозяйства. Не участвуя самъ ни въ какихъ по симъ частямъ распоряженіяхъ, Прокуроръ съ лучшею удобностію и безпристрастіемъ можетъ надзирать за правильностію такихъ распоряженій, нежели тѣ лица, которыя или сами участвуютъ въ оныхъ, или бывъ начальниками распорядителей, раздѣляютъ съ ними въ нѣкоторой мѣрѣ отвѣтственность за послѣдствія распоряженій неправильныхъ. Чтожъ принадлежитъ до того, что надзоръ Прокурора за дѣйствіями Начальника губерніи есть надзоръ лица низшаго надъ высшимъ, то сіе обстоятельство не имѣетъ никакихъ послѣдствій. Прокуроръ хотя и занимаетъ въ общемъ порядкѣ службы степень низшую предъ Гражданскимъ Губернаторомъ, но онъ ему совершенно неподвѣдомственъ. Губернаторъ не участвуетъ ни въ опредѣленіи его къ сей должности, ни въ увольненіи его отъ оной, ни даже въ свидѣтельствovanіи о службѣ его. Посему, не завися нисколько отъ Губернатора, Прокуроръ не имѣетъ причинъ къ ослабленію надзора своего за его распоряженіями. Опытъ свидѣлствуетъ, что Прокуроры столь же свободно протестуютъ противъ дѣйствій Гражданскихъ Губернаторовъ и Губернскихъ Правленій, какъ и прочихъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ въ губерніи.

Входя за симъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ надзора *второго рода*, вѣреннаго Прокурору, а именно *за движеніемъ дѣлъ*, и сравнивая надзоръ сей съ тѣмъ, который предположенъ въ проектѣ, нельзя не признать, что и въ семъ случаѣ прокурорскій надзоръ имѣетъ ощутительное преимущество.

По Учрежденіи о губерніяхъ **) Прокуроръ входитъ во всякое время въ Губернское Правленіе и Казенную Палату. Посему онъ имѣетъ удобность, безъ всякой переписки, требовать и получать свѣдѣнія: почему не рѣшено какое дѣло, или рѣшенное не исполнено, и потомъ тутъ же напечатать присутствію о беззамедлительномъ

*) Наказъ о сочиненіи новаго Уложенія § 139.

**) Статья 405, пунк. 10.

рѣшенія дѣла или побудить канцелярію присутствія къ скорѣйшему изготовленію исполненія по дѣлу рѣшенному, и токмо въ случаѣ медленія и за его напamатованіемъ онъ обращается съ донесеніемъ о семъ къ тому мѣсту или лицу, отъ власти коего зависятъ учинить взысканіе съ медлителей. Таковой порядокъ, бывъ самъ по себѣ весьма скорый въ дѣйствіи и при томъ избавляя отъ письменныхъ запросовъ и предложеній, отзывовъ и объясненій, не мало содѣйствуетъ въ настоящее время успѣху дѣлопроизводства.

Напротивъ того, на основаніи правилъ, предположенныхъ въ проектѣ, виѣшній надзоръ за движеніемъ дѣлъ въ Губернскомъ Правленіи и Казенной Палатѣ ввѣряется Общему ихъ Присутствію, которому для сего должны быть доставляемы отъ оныхъ мѣстъ ежемѣсячныя и годовыя вѣдомости о движеніи дѣлъ. При разсмотрѣваніи сихъ вѣдомостей естественно представится необходимость въ требованіи по многимъ статьямъ свѣдѣній и объясненій. Потому по объясненіямъ симъ надобно будетъ составлять журналы, сообщать разрѣшенія общаго присутствія, требовать отвѣтныхъ донесеній о исполненіи по симъ разрѣшеніямъ, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, сей порядокъ надзора за движеніемъ дѣлъ произведетъ немалую и непрерывную переписку между начальственными и подчиненными присутственными мѣстами, къ чувствительному тѣхъ и другихъ отягощенію, отвлекая оныя отъ занятій полезнѣйшихъ. Сверхъ того, общее присутствіе состоя изъ членовъ тѣхъ самыхъ мѣстъ, въ конхъ за успѣшнымъ движеніемъ дѣлъ оно должно наблюдать, не можетъ ни въ какомъ случаѣ имѣть надзора столь же безпристрастнаго, какъ Прокуроръ — лице совершенно постороннее въ отношеніи къ тѣмъ дѣйствіямъ, за которыми надзираетъ, и къ тѣмъ упущеніямъ и безпорядкамъ, которые исправлять обязанность имѣетъ.

По всѣмъ таковымъ соображеніямъ я нахожу, что настоящій надзоръ Прокурора и Стряпчихъ по части полиціи и хозяйства, какъ за правильностію рѣшенія дѣлъ, такъ и за неумедительнымъ движеніемъ оныхъ совершенно необходимъ и полезенъ, и что нѣтъ никакихъ уважительныхъ причинъ измѣнять сіе мудрое постановленіе Петра Великаго, усовершенствованное Учрежденіемъ о губерніяхъ.

3) *О пересмотрѣ и утвержденіи приговоровъ по дѣламъ уголовнымъ.*

Во введеніи къ проекту сказано: «Уголовной Палатѣ, часто состоящей не болѣе какъ изъ трехъ или четырехъ членовъ, дано страшное право: съ утвержденіемъ Гражданскаго Губернатора,

опредѣлять окончательно торговую казнь и каторгу, замѣнившую у насъ казнь смертную».

Въ проектѣ предполагено: «Палату Уголовнаго Суда составить изъ семи членовъ, а именно: изъ Предсѣдателя, двухъ Совѣтниковъ, двухъ Засѣдателей отъ дворянства и городовъ, одного Ассессора и Ассессорскаго помощника.

«Учредить по судебной части въ губерніи лицо равное Гражданскому Губернатору подъ именемъ *Главнаго Губернскаго Судьи*.

«Дѣла въ Уголовной Палатѣ рѣшить по большинству голосовъ, но въ случаѣ когда, по раздѣленіи мнѣній на три и болѣе, большинства голосовъ не составитъ, то Губернскій Судья, получивъ о томъ донесеніе, наряжаетъ къ засѣданію по сему дѣлу одного, двухъ, или болѣе членовъ изъ другихъ Губернскихъ Судовъ; дѣло предлагается къ слушанію вновь и присоединеніе продолжается, доколѣ не составитъ большинство голосовъ. Приговоры уголовные о преступленіяхъ, по коимъ обвиняемый осуждается къ торговой казни и каторжной работѣ, или по коимъ болѣе 10 человекъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ осуждаются къ тѣлесному наказанію со ссылкой на поселеніе, вносить на пересмотръ и утвержденіе *общаго судебного мнѣнія присутствія*, которое составлять для сего изъ всѣхъ членовъ губернскихъ мѣстъ подъ предсѣдательствомъ Губернскаго Судьи (§§ 113, 117, 140, 169 и 170)».

Замѣчаніе. Нынѣ Палата Уголовнаго Суда состоитъ изъ Предсѣдателя и Совѣтника, которые опредѣляются отъ Правительства и изъ четырехъ засѣдателей, которые избираются отъ дворянства и купечества. Если къ сему комплекту членовъ прибавить еще одного Совѣтника, такъ какъ оныхъ и по учрежденію о губерніяхъ положено опредѣлять по два, то число членовъ Палаты было бы тоже самое, какое въ проектѣ признается нужнымъ. Впрочемъ какъ и по новому порядку предполагается, чтобы дѣла рѣшаемы были по большинству голосовъ *наличныхъ*, то и при новомъ составѣ Палаты число наличныхъ членовъ, рѣшающихъ дѣло, можетъ нерѣдко состоять, также какъ и нынѣ, *изъ четырехъ*. Слѣдовательно отъ преобразования состава Уголовной Палаты никакой въ отношеніи сего разности не произойдетъ. Между тѣмъ всѣ приговоры ея устраняются отъ пересмотра и утвержденія Гражданскаго Губернатора. Она обязывается токмо приговоры о торговой казни и каторгѣ, или гдѣ болѣе 10 человекъ подвергаются тѣлесному наказанію со ссылкой на поселеніе, вносить на пересмотръ и утвержденіе общаго су-

дебныхъ мѣстъ присутствія, состоящаго изъ 19 членовъ. Перенесеніе съ Гражданскаго Губернатора на собраніе столь многочисленное обязанности пересматривать приговоры Палаты едва ли можетъ произвести что либо лучшее, ибо мѣра справедливости въ рѣшеніи дѣлъ зависитъ не отъ числа лицъ, призываемыхъ къ рѣшенію, но отъ степени ихъ просвѣщенія и безпристрастія. Чтожъ принадлежитъ до учрежденія по судебной части новаго правительственнаго лица, равнаго Гражданскому Губернатору, подъ именемъ Губернскаго Главнаго Судьи, то сіе, по мнѣнію моему, вовсе не нужно, поелику: 1) Ревизія судебныхъ мѣстъ, которая возлагается на сего чиновника, была до сихъ поръ производима Гражданскимъ Губернаторомъ и никогда не возникало отъ того никакихъ неудобствъ; 2) предсѣдательство въ Общемъ Присутствіи судебныхъ мѣстъ для пересмотра уголовныхъ приговоровъ можетъ возложено быть и на Гражданскаго Губернатора, буде дѣйствительно нужно, чтобы пересмотръ сей производимъ былъ не однимъ имъ лично, но коллегіально; 3) высшій надзоръ надъ чиновниками всѣхъ вообще въ губерніи присутственныхъ мѣстъ (кромѣ мѣстъ губернскихъ) съ проистекающею отъ онаго властію налагать на сихъ чиновниковъ пени, удалить ихъ отъ должности и предавать суду, входилъ всегда въ число обязанностей Губернскаго Правленія, какъ принадлежность мѣста правительственнаго, а не судебного. Раздроблять надзоръ сей и относить часть онаго къ вѣдомству Губернскаго Судьи и общаго судебныхъ мѣстъ присутствія не настоятъ и нынѣ никакой особенной надобности; напротивъ того свойство предмета требуетъ, чтобы оный зависѣлъ исключительно отъ власти исполнительной и сосредоточенъ былъ въ одномъ мѣстѣ, или лицѣ, управляющемъ губерніею. Если же необходимо распространить въ нѣкоторой степени сей надзоръ и надъ членами губернскихъ судебныхъ мѣстъ, то кому ближе можетъ оный ввѣренъ быть, какъ не Начальнику губерніи, одному, или совокупно съ Президентами сихъ мѣстъ?

Въ семъ соображеніи, признавая съ одной стороны совершенно ненужнымъ учрежденіе Главнаго Судьи, а съ другой и неудобнымъ вводить въ составъ губернскаго чиновначалія лицо равное Начальнику губерніи, долженствующему быть предпоставленнымъ надъ всѣми чинами ввѣренной ему губерніи, я полагаю: 1) пересмотръ и утвержденіе приговоровъ Уголовной Палаты оставить на обязанности Гражданскаго Губернатора съ тѣмъ однакожъ, чтобы онъ пересмотръ сей производилъ коллегіально съ Предсѣдателями

обѣихъ Судебныхъ Палатъ и Совѣстнымъ Судьею, и исполнялъ по заключенію большинства голосовъ. 2) Ограничить число приговоровъ, вносимыхъ на пересмотръ и утверженіе Гражданскаго Губернатора, только тѣми приговорами, которые въ проектѣ (§ 140) признается необходимымъ подвергать таковому пересмотру. 3) Высшій надзоръ надъ всѣми чиновниками въ губерніи, опредѣленіе и увольненіе коихъ не зависитъ непосредственно отъ Сената, оставить по прежнему на обязанности Губернскаго Правленія, согласно 96 статьи Учрежденія о губерніяхъ. Чтожъ принадлежитъ до распространенія подобнаго надзора и надъ членами губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, то въ случаѣ, буде бы оное признано было необходимымъ, можно дѣла по сему надзору предоставить коллегіальному разрѣшенію Гражданскаго Губернатора съ Президентами губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

4) *О чрезмѣрномъ количествѣ обязанностей, возложенныхъ на Гражданскаго Губернатора.*

Во введеніи къ проекту сказано: «Къ Губернатору стекается количество дѣлъ непожѣрное: жалобы на Земскія и Городскія Полиціи; жалобы на самыя Суды Уѣздныя и Городскія въ медленности рѣшеній; производство разныхъ слѣдствій; пересмотръ всѣхъ безъ изъятія приговоровъ уголовныхъ, а ихъ бываютъ тысячи; участіе во многихъ дѣлахъ хозяйственныхъ; распорядокъ земскихъ повинностей; дѣла Приказа Общественнаго Призрѣнія; сношенія со всѣми Министерствами; кипы ежемѣсячныхъ вѣдомостей, объясненій и донесеній; обозрѣніе губерній, рекрутскіе наборы, и проч. и проч.»

Въ проектѣ предположено: «Губернскому Правленію состоять подъ предсѣдательствомъ не Гражданскаго Губернатора, а особаго чиновника, которому именоваться Вице-Губернаторомъ. Президента Казенной Палаты переименовать въ Предсѣдателя. Дѣла въ Губернскомъ Правленіи рѣшить по большинству голосовъ; но въ случаѣ, когда по раздѣленіи мнѣній на три и болѣе стороны большинство голосовъ не состоится, также когда Вице-Губернаторъ приметъ мнѣніе меньшаго числа, или и одинъ будетъ особеннаго мнѣнія, то дѣла переносить въ Общее Присутствіе Губернскаго Правленія и Казенной Палаты (§§ 8, 9, 69 и 71)».

Замѣчаніе. Со времени изданія Учрежденія о губерніяхъ бремя обязанностей Гражданскаго Губернатора дѣйствительно увеличи-

лось до безмѣрности. Причина сему сколько умноженіе дѣлъ по мѣрѣ умножившагося народонаселенія, столько же и возложеніе на Губернатора множества новыхъ обязанностей. Нынѣ количество дѣлъ, подлежащихъ его разрѣшенію, столь велико, что не предстоитъ возможности отправлять всѣ оныя съ желаемымъ успѣхомъ. Озабочиваясь съ моей стороны изысканіемъ способовъ къ отвращенію таковаго затруднительнаго положенія Начальниковъ губерній, я уже предполагалъ войти съ представленіемъ объ увольненіи ихъ отъ постоянного предсѣдательства въ Губернскомъ Правленіи и объ учрежденіи въ сихъ послѣднихъ особыхъ предсѣдателей подъ именемъ Вице-Губернаторовъ. Мѣру сію я признавалъ и признаю необходимою по двумъ отношеніямъ: *во первыхъ*, чтобы преподать Губернаторамъ возможность съ лучшею удобностію заниматься прочими обязанностями съ званіемъ ихъ сопряженными, не отвлекаясь слушаніемъ въ Губернскихъ Правленіяхъ множества дѣлъ, которыя хотя и не подлежатъ никакому особенному съ ихъ стороны разрѣшенію, но не менѣе того, по настоящему порядку, требуютъ ихъ подписи; и *во вторыхъ*, чтобы положить черту раздѣленія между обязанностями предсѣдательствующаго въ Губернскомъ Правленіи и личными обязанностями Гражданскаго Губернатора, который по наказамъ о должности его *) есть глава и хозяинъ всей врученной въ смотрѣніе его губерніи.

Въ семъ уваженіи я совершенно соглашаюсь съ предположеніемъ проекта, чтобы учредить въ Губернскомъ Правленіи особаго Предсѣдателя съ званіемъ Вице-Губернатора, и чтобы дѣла въ ономъ рѣшались по большинству голосовъ, изъявъ однакоже изъ сего общаго порядка сама важнѣйшія дѣла, которыя предоставитъ Губернскому Правленію разрѣшать обще съ Гражданскимъ Губернаторомъ, на основаніи порядка нынѣ существующаго.

5) О Уѣздномъ Управленіи.

Во введеніи къ проекту сказано: «Между Губернскимъ Правленіемъ и Земскимъ Судомъ разность состоитъ въ томъ, что первое распоряжаетъ и предписываетъ, а послѣдній хотя въ меньшемъ кругѣ, но самъ непосредственно все почти исполняетъ. Если трудно предписать, то труднѣе еще исполнить, когда нѣтъ средствъ къ

*) Учрежд. о губерніяхъ 102 ст.; Наказы о должности Губернатора 1728 г. сентября 12-го и 1764 г. апрѣля 21-го.

исполненію. Отъ слѣдствія о мажоважномъ пожарѣ до исполненія судебного приговора по тяжбному дѣлу, рѣшенному въ Общемъ Сенатѣ Собраніи, составляющаго часто огромную тетрадь разныхъ распоряженій, коей содержаніе и силу и законнику разобрать бываетъ трудно, Земскій Исправникъ, или Засѣдатель все долженъ знать, все обязанъ исполнить. Отъ поимки простаго бродяги до самыхъ важныхъ и многосложныхъ уголовныхъ слѣдствій, все лежитъ на его попеченіи. Отъ полтинной пошлины за гербовую бумагу до сотней тысячъ недоимокъ, во всемъ онъ отвѣтствуетъ, за все его винятъ и съ него взыскиваютъ».

Въ проектѣ предположено: «По примѣру Общаго Присутствія Губернскаго Правленія и Казенной Палаты, учредить высшую уѣздную инстанцію по части полиціи и хозяйства подъ именемъ *Уѣзднаго Правленія*, которому дать степень власти въ уѣздѣ подобную той, какую имѣетъ помянутое Присутствіе въ губерніи. Правленію сему состоять изъ Земскаго Исправника, Городничаго, Уѣзднаго Казначея и Градскаго Главы, подъ предсѣдательствомъ особаго чиновника, которому именоваться *Правителемъ Уѣзда*. Составъ Земскаго Суда преобразовать такимъ образомъ, чтобы Судъ сей состоялъ, подъ предсѣдательствомъ Земскаго Исправника, изъ трехъ Засѣдателей по выбору отъ Дворянства, и сверхъ того изъ двухъ Засѣдателей: одного, опредѣляемаго отъ общаго присутствія правительственныхъ губернскихъ мѣстъ по части хозяйственной; другаго, опредѣляемаго отъ общаго присутствія губернскихъ судебныхъ мѣстъ по части судебной. На перваго изъ сихъ послѣднихъ засѣдателей возложить полицію хозяйственную, а на втораго полицію судебную, не занимая ихъ другими дѣлами. При Земскомъ Судѣ состоять необходимому числу рядовыхъ инвазидной команды».

Замѣчаніе. Уѣздное Правленіе, бывъ основано на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ и Общее Присутствіе Губернскаго Правленія и Казенной Палаты, естественно представляетъ въ составѣ и образѣ дѣйствій своихъ тѣже самыя неудобства, какъ и сіе послѣднее (Общее Присутствіе Губернскаго Правленія и Казенной Палаты). Объяснено уже выше о сихъ неудобствахъ въ замѣчаніи объ упомянутомъ присутствіи, посему было бы излишне повторять ихъ. Остается токмо присовокупить, что предположеніе учредить въ губерніяхъ изъ членовъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, а въ уѣздахъ изъ членовъ уѣздныхъ мѣстъ, особая высшія надъ сими мѣстами инстанція, сосредоточивающія въ себѣ всѣ отрасли управ-

ленія, не есть предположеніе новое. Оно уже было испытываемо на самомъ дѣлѣ бывшимъ Генералъ - Губернаторомъ Балашевымъ. Въ пяти губерніяхъ, конми онъ управлялъ, были учреждены подобныя установленія подъ именемъ Губернскихъ и Уѣздныхъ Совѣтовъ, съ нѣкоторыми токмо отнѣнами противъ настоящаго предположенія. Но опытъ удостовѣрилъ, что установленія сія не могутъ приносить желаемой пользы. Членъ Государственнаго Совѣта князь Долгорукой, обозрѣвавшій на мѣстѣ дѣйствія сихъ Совѣтовъ, нашелъ, что существованіе оныхъ не токмо бесполезно, но по многимъ отношеніямъ даже вредно. Въ слѣдствіе того упомянутые Совѣты по Высочайшему повелѣнію были уничтожены во всѣхъ пяти губерніяхъ, и дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ возстановлено въ прежней своей силѣ.

Обращаясь за симъ къ предположенію, чтобы, ограничивъ число членовъ Земскаго Суда, зависящихъ отъ выбора Дворянства, предоставить Общему судебныхъ мѣстъ и Общему правительственныхъ мѣстъ Присутствіямъ опредѣлять въ оный Судъ двухъ членовъ, которые занимались бы исключительно: одинъ судебною, а другой хозяйственною полиціею, я нахожу, что такое измѣненіе состава Земскаго Суда, не улучшая затруднительнаго состоянія Земской Полиціи, представляетъ разныя неудобства. Зависимость членовъ одного и того же Суда, по ихъ опредѣленію и увольненію, отъ разныхъ вѣдомствъ не произведетъ ничего инаго, кромѣ одного между ними разномыслія, взаимнаго пререканія и медленности въ содѣйствіи другъ другу, отъ чего служба будетъ терпѣть весьма много. Сверхъ того Губернское Начальство будетъ крайне затруднено присканіемъ достойныхъ чиновниковъ къ опредѣленію Земскими Засѣдателями, ибо какой съ достоинствами чиновникъ добровольно приметъ сію должность, съ которою сопряжено токмо 300 рублей жалованья и необъятное множество трудовъ, безпокойствъ и отвѣтственности? Нынѣ Дворянство назначаетъ въ сію должность большею частію поневолѣ. Посему не токмо нынѣ, но и въ то время когда оклады жалованья Земской Полиціи будутъ усилены, надлежитъ оставить единственно выбору Дворянства и утвержденію Гражданскаго Губернатора назначеніе въ Земскіе Суды членовъ, сколько потому, что сіе преимущество*), присвоенное Дворянству, весьма для него лестно, а не менѣе и въ томъ уваженіи, что выборъ чиновниковъ Губернскимъ Начальствомъ былъ бы не-

*) Указъ 1801 г. марта 18 дня.

рѣдко поверхностный, ибо оно не имѣетъ возможности разсматривать столь близко опредѣляемыхъ имъ чиновниковъ какъ Дворянство и должно основываться или на формулярныхъ спискахъ, или на разныхъ засвидѣтельствованияхъ, болѣе или менѣе сомнительныхъ.

Затруднительное до крайности положеніе, въ которомъ находятся Земскіе Суды, происходитъ не отъ несовершенства правилъ, начертанныхъ въ учрежденіи о губерніяхъ для состава и образа дѣйствій оныхъ Судовъ. Правила сіи премудры и не требуютъ никакого измѣненія. Дабы удостовѣриться въ томъ, стоитъ токмо обратить вниманіе на то, что совершили Земскія Полиціи со времени ихъ учрежденія донинѣ: безопасность личная повсюду обезпечена; дневные и ночные разбои прекращены; собственность частная и общественная ограждена отъ насилія; дороги проложены по мѣстамъ непроходимымъ и сообщенія вездѣ устроены; общее спокойствіе упрочено, и даже при смутныхъ обстоятельствахъ 1812 года соблюдено уваженіе и повиновеніе мѣстнымъ властямъ и Правительству. Все сіе Земскія Полиціи не могли бы совершить, если бы онія были учреждены на началахъ не столь мудрыхъ. И такъ затруднительное положеніе Земскихъ Судовъ происходитъ не изъ сего источника. Оно происходитъ отъ того, что Суды сіи лишены всякой возможности быть исправными по своей должности: съ одной стороны при чрезмѣрномъ количествѣ дѣлъ, подлежащихъ неукоснительному исполненію, при кипѣ срочныхъ вѣдомостей, донесеній и объясненій, слѣдующихъ къ отправленію на каждой почтѣ, Суды сіи не имѣютъ вовсе канцеларій, ибо можно ли назвать канцелярією нѣсколько полуграмотныхъ писцовъ, неимущихъ, получающихъ по рублю или по 50 копѣекъ въ мѣсяцъ жалованья; съ другой стороны весьма малое жалованье, опредѣленное самимъ членамъ сихъ Судовъ, нисколько несоразмѣрное съ ихъ многотрудными обязанностями, удаляетъ лучшихъ дворянъ отъ службы въ оныхъ Судахъ, ибо служба сія подвергая ихъ на каждомъ пагу отвѣтственности, заставляя жертвовать ежеминутно своимъ спокойствіемъ и оставить совершенно попеченіе о семействѣ и имѣніи своемъ, не обезпечиваетъ ихъ содержанія и въ продолженіи самаго служенія. Несоразмѣрность жалованья членовъ Земскихъ Судовъ приводитъ ихъ въ глазахъ простаго народа даже въ униженіе. Земскій Исправникъ получаетъ жалованья менѣе волостнаго головы и его писаря. Сіи послѣдніе нерѣдко получаютъ отъ казны въ годъ жалованья по 400 рублей, а Исправникъ токмо 250 рублей. На жалованье канце-

лярія Земскаго Суда и на всѣ письменные матеріалы отпускается въ годъ по 600 рублей, между тѣмъ какъ въ рѣдкомъ Земскомъ Судѣ, бываетъ въ годъ менѣе 12-ти тысячъ исходящихъ номеровъ.

Вотъ настоящія причины того упадающаго состоянія, въ которомъ находятся нынѣ Земскія Полиціи. Съ отстраненіемъ сихъ причинъ, Земскіе Суды безъ всякихъ преобразованій придутъ въ приличное достоинству ихъ положеніе. Способные и благонадежные дворяне займутъ въ нихъ мѣста и ревностнымъ служеніемъ своимъ при настоящихъ благотворныхъ намѣреніяхъ Правительства, легко возвысятъ благосостояніе уѣздовъ.

6) О Волостномъ Управленіи.

Во введеніи къ проекту сказано: «Злоупотребленія власти вообще менѣе дѣйствуютъ на цѣлыя общества и сословія, нежели на частныя лица. Отъ сего первоначально и возникли городскія, а потомъ и сельскія общества. Если бы земскій чиновникъ менѣе имѣлъ дѣла съ лицами, а болѣе съ мірскими обществами, т. е. если бы мірскія сіи общества были лучше образованы и имѣли бы свое собственное твердое управленіе: то нѣтъ сомнѣнія, что симъ однимъ прекъсся бы главный поводъ къ притѣсненіямъ и жалобамъ».

Въ проектѣ предположено: «Въ каждой волости быть Волостному Правленію, а въ каждомъ селеніи, имѣющемъ не менѣе 25 дворовъ, Сельской Управѣ. *Волостному Правленію* состоятъ: изъ волостнаго головы, двухъ волостныхъ старшинъ, шести сельскихъ судей и волостнаго писаря; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ и изъ всего волостнаго міра. *Сельской Управѣ* состоятъ: изъ сельскаго старшины и четырехъ сельскихъ судей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и изъ всего сельскаго міра. При Волостномъ Правленіи и Сельской Управѣ находится опредѣленному числу десятниковъ. Волостному Правленію въ волости, а Сельской Управѣ въ селеніи вѣдать полицію, хозяйство и судъ (§§ 342, 343, 346, 347, 354, 397 и 414)».

Замѣчаніе. Волостныя Правленія, учрежденныя въ 1797 году (хотя и не въ столь обширномъ видѣ, какъ настоящимъ проектомъ предполагаются), не принесли никакой существенной пользы донынѣ. Онѣ не облегчили дѣйствія Земскихъ Полицій и не улучшили состоянія поселянъ, а токмо увеличили тягость повинностей сихъ послѣднихъ. Волостные головы, вмѣсто огражденія выгодъ поселянъ, сами производятъ съ нихъ тайные поборы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ не слѣдуетъ ихъ Земская Полиція, или гдѣ надѣются на потворство оной. Бывъ неграмотными производителями дѣлъ, они рѣдко мо-

гуть быть уличены въ злоупотребленіяхъ, ибо нѣтъ письменныхъ свидѣтельствъ о ихъ дѣйствіяхъ. Обязанности, на Волостныя Правленія возложенныя, или вовсе ими не исполняются, по неудобности оныя исполнить, или исполняются токмо на бумагѣ для вида.

И можно ли ожидать точнаго исполненія постановленій отъ людей, которые не постигаютъ ни цѣли, ни пользы сихъ постановленій; которые нимаго не побуждаются въ дѣяніяхъ своихъ понятіемъ о чести, свойственнымъ людямъ просвѣщеннымъ, и которые во временной власти имъ вручаемой видятъ токмо средство къ частному своему прибутку? Опытъ всѣхъ временъ удостовѣряетъ, что самыя лучшія постановленія по полиціи, хозяйству и суду тогда токмо могутъ быть полезны, когда исполненіе оныхъ ввѣрено людямъ, имѣющимъ хотя нѣкоторую степень просвѣщенія, и что чѣмъ образованнѣе сіи исполнители, тѣмъ болѣе оныя постановленія приносятъ пользы обществу.

Основываясь на сей непреложной истинѣ, Учрежденіемъ о губерніяхъ полиція, хозяйство и судъ поручены исключительно одному просвѣщеннѣйшему классу людей — Дворянству; поселянамъ же предоставлено токмо избирать изъ среды своей въ нѣкоторыя присутственныя мѣста Засѣдателей.

Нынѣ предполагается ввѣрить полицію, хозяйство и судъ между 6 милліонами казенныхъ крестьянъ самимъ крестьянамъ, и для сего выбранными изъ среды ихъ составить правительственныя установленія 1-й и 2-й степени, подъ названіемъ Сельской Управы и Волостнаго Правленія.

Симъ установленіямъ поручается полиція во всемъ ея пространствѣ, исключая токмо слѣдствій по важнымъ уголовнымъ преступленіямъ и приведенія въ исполненіе многосложныхъ судебныхъ приговоровъ, которыя остаются по прежнему на обязанности Земскихъ Судовъ. По всѣмъ прочимъ предметамъ полиціи общей, судебной и хозяйственной Земскіе Суды должны ограничиваться одними предписаніями Волостнымъ Правленіямъ или поверхностнымъ надзоромъ, предѣлы коего впрочемъ вовсе не опредѣлены.

Хозяйство казенное и земское въ нарочито обширномъ кругѣ предоставляется вѣдать тѣмъ же установленіямъ, съ соучастіемъ Сельскаго или Волостнаго схода (міра).

Не входя въ исчисленіе неудобствъ, какія отъ сего преобразованія въ управленіи могли бы произойти, достаточно для сравненія настоящаго порядка съ предполагаемымъ взять одно какое нибудь обстоятельство, на примѣръ: *платежъ податей*.

По существующему порядку денежные суммы, слѣдующія на платежъ податей, вносятся отъ селеній прямо въ Уѣздное Казначейство. Въ приемѣ оныхъ тотчасъ выдается квитанція. Буде Казначей медлитъ приемомъ денегъ или выдачею квитанціи, то Земскій Исправникъ напоминаетъ ему о должности его и представляетъ о поступкѣ его Казенной Палатѣ. Цѣлость суммъ въ Казначействѣ обеспечивается: отъ пожара каменнымъ устройствомъ кладовыхъ, а отъ хищенія воинскимъ карауломъ, и сверхъ того имуществомъ Казначей, которое при опредѣленіи къ должности онъ представляетъ въ обезпеченіе.

По предполагаемому порядку всѣ денежные сборы на платежъ податей и повинностей имѣютъ вноситься отъ селеній въ Волостное Правленіе, которое должно записывать оныя у себя въ книгу и выдавать квитанціи плательщикамъ. Потомъ оно обязано отправлять сія сборы въ Казначейство, не оставляя у себя никогда болѣе 500 рублей и получать отъ Казначейства двѣ квитанціи, изъ коихъ одну представлять въ Уѣздное Правленіе, а другую хранить у себя. Книга, въ которую Волостное Правленіе должно записывать приемъ денежныхъ суммъ, имѣетъ повѣряться Земскимъ Засѣдателемъ чрезъ каждые полгода.

При ближайшемъ разсмотрѣніи того и другаго порядка открывается, что по вновь предполагаемому цѣлость суммъ не обеспечивается ни отъ пожара, ни отъ хищенія; плательщики, въ случаѣ притѣсненія со стороны приемщиковъ, не ограждаются никакою властію постороннею; квитанціи выдаются отъ людей безграмотныхъ; контроль вѣрности приема суммъ опредѣляется самый недостаточный.

Но оставляя всякое сравненіе порядка управленія, предписаннаго въ Учрежденіи о губерніяхъ, съ предполагаемымъ, равно прохода молчаніемъ и то, что, по количеству письменнаго дѣлопроизводства, возлагаемаго на Волостныя Правленія, необходимо будетъ имѣть онымъ не по одному писарю, но цѣлыя канцеляріи, стоитъ токмо обратиться къ составу Волостныхъ Управленій, дабы убѣдиться въ неудобствѣ оныхъ.

На основаніи проекта каждое Волостное Правленіе должно заключать въ себѣ 9-ть должностныхъ лицъ изъ крестьянъ, а каждая Сельская Управа 5-ть таковыхъ. Взявъ для примѣра Пермскую губернію, гдѣ находятся 223 волости и полагая, что каждая волость имѣетъ по 1200 душъ, а каждый дворъ по 4 души ревизскихъ, выйдеть, что число должностныхъ крестьянъ въ оной губерніи бу-

дети простираться до 4900 человекъ, не считая еще десятниковъ, которыхъ полагается имѣть при Волостныхъ Правленіяхъ и Сельскихъ Управахъ. Какое же число оныхъ должно составиться по цѣлому Государству! Всѣ сии люди будутъ выведены изъ класса *производителей*, отдѣлены отъ земледѣльческихъ упражненій, и по непросвѣщенію своему увлекаясь ложными понятіями о предоставленной имъ власти, могутъ терять добрую нравственность, ибо всякой кто живалъ въ провинціяхъ и смотрѣлъ съ примѣчаніемъ на дѣйствіе, какое производитъ въ поселянахъ обладаніе властію, знаетъ, что крестьянинъ лучшаго поведенія и рачительный къ домоводству, пробывъ нѣсколько лѣтъ сряду волостнымъ головою, обыкновенно становится пьяницею, тяготится земледѣльческими работами и наконецъ отъ того разоряется. Но это еще не всё, что столь великое число людей не будетъ *произведениями* работъ своихъ увеличивать народнаго богатства. Они потребуютъ освобожденія ихъ отъ повинностей и жалованья. Нынѣ, когда Волостныя Правленія учреждены въ самомъ маломъ размѣрѣ, содержаніе оныхъ стоитъ Государству значительныхъ суммъ. По одной Персикской губерніи издерживается на сей предметъ 175 тыс. рублей въ годъ.

Изъ всего того слѣдуетъ заключить, что не токмо предполагаемое проектомъ въ обширномъ размѣрѣ Волостное Управление ничего кромѣ вреда не произведетъ, но что и настоящія Волостныя Правленія едва ли не бесполезны; что милліоны рублей на оныя потребныя умножатъ сумму народныхъ тягостей и притомъ безъ всякой существенной пользы, и что вообще доколѣ просвѣщеніе не распространится между поселянами, не надлежитъ, для собственнаго ихъ блага, облекать ихъ властію правительственною.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Къ симъ замѣчаніямъ о главныхъ основаніяхъ проекта новаго учрежденія для управленія губерній неизлишне будетъ присовокупить, что мудрость существующаго нынѣ учрежденія доказывается пятидесятилѣтнимъ благоустройствомъ губерній во всемъ пространствѣ Имперіи; что долговременное и благотворное существованіе онаго усвоило его въ любви народной, и произвело то, что самые поселяне знаютъ всѣ постановленія въ ономъ заключающіяся и

удобно снискивають себѣ правосудіе, и что нѣтъ прямой необходимости отмѣнять сіе учрежденіе и вводить новое, мѣняя такимъ образомъ благо уже испытанное на пользу еще ожидаемую. Я полагаю бы съ моей стороны оставить оное учрежденіе въ его силѣ и предоставить токмо рассмотретьъ всѣ постановленія послѣ изданія онаго послѣдовавшія и до онаго относящіяся, съ тѣмъ, чтобы отмѣнить изъ нихъ тѣ, которыя оному противорѣчатъ, и пополнить учрежденіе тѣми, которыя соотвѣтствуютъ духу онаго; за тѣмъ въ самомъ учрежденіи допустить перемѣны въ тѣхъ единственно статьяхъ, которыя по всѣмъ соображеніямъ опыта и самыхъ точныхъ мѣстныхъ наблюденій признаны будутъ требующими измѣненія; наконецъ исключить изъ учрежденія такія статьи, которыя, бывъ отмѣнены, найдены будутъ и нынѣ не подлежащими возстановленію. Такимъ образомъ сохранится для блага государственнаго въ цѣлости сіе драгоцѣнное законоположеніе, въ незабвенную память Великой Монархини, надъ онымъ трудившейся.

18-го Августа 1831 г.
г. Гельсингфорсъ.
